ЛУЧШАЯ

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

ВОЗРОЖДЕНИЯ

Пол АНДЕРСОН, Стивен БАКСТЕР,
Хол КЛЕМЕНТ, Джо ХОЛДЕМАН
и многие другие

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

ВОЗРОЖДЕНИЕ

АНТОЛОГИЯ

Санкт-Петербург
Издательский Дом «Азбука-классика»
2008

УДК 82/89
ББК 84.7 США
Н 34

The Hard SF Renaissance

Edited by David G. Hartwell & Kathryn Cramer

Copyright © 2002 by David G. Hartwell and Kathryn Cramer
All rights reserved

Публикуется с разрешения редакторов-составителей
и их литературных агентов, Susan Ann Protter (США)
и Агентства Александра Корженевского (Россия)

Перевод с английского
Адама Асвадова, Татьяны Белкиной, Валерии Двининой,
Назиры Ибрагимовой, Тамары Казаковой,
Олега Мартынова, Андрея Новикова, Михаила Пчелинцева,
Ольги Ратниковой, Марии Савиной-Баблоян,
Бориса Сидюка, Галины Соловьевой, Наталии Фроловой

Перевод стихов Светланы Лихачевой

Перевод биографических статей Веры Полищук

Оформление Александра Золотухина

© Адам Асвадов, Т. Белкина, В. Двинина,
Н. Ибрагимова, Т. Казакова, О. Мартынов,
А. Новиков, В. Полищук, М. Пчелинцев,
О. Ратникова, М. Савина-Баблоян, Б. Сидюк,
Г. Соловьева, Н. Фролова, перевод, 2008
© С. Лихачева, перевод стихов, 2008
ISBN 978-5-91181-816-6
© Издательский Дом «Азбука-классика», 2008

ГРЕГ ИГАН

Ковры Вана

Грег Иган (р. в 1961 г.) — известнейший австралийский писатель-фантаст. Математик по образованию, он работал программистом, специализируясь в области медицинских исследований. Этот автор мало вращается в кругах профессиональных фантастов, — собственно говоря, практически никто из собратьев по перу не знаком с ним лично. Иган считает, что страна проживания не имеет значения для писателя, и предпочитает называть себя англоязычным автором, который по стечению обстоятельств живет в Австралии. Иган, один из интереснейших современных фантастов, утверждает: «Я воспринимаю Вселенную как нечто, что мы можем постепенно постичь с помощью науки; чтобы сделать это, нам одновременно нужно понять, кто мы, откуда взялись, куда идем и почему поступаем так, а не иначе. Мною движет желание разобраться во всем этом, потому что я нахожу квантовую механику и космологию увлекательными и чарующими, но ничуть не меньше меня волнует вопрос о том, как человечество приспосабливается к собственным открытиям, и о том, насколько конструктивно мы используем все, что открыли. Научная фантастика всегда будет востребована, поскольку это лучший способ изучать новые технологии за десятилетия до того, как их начнут обсуждать и испытывать на практике».

Иган дебютировал в 1983 году романом, не относившимся к фантастике, а проявил себя в этом жанре в 1990 году. Среди научно-фантастических романов писателя можно назвать «Карантин» («Quarantine», 1992), «Диаспора» («Diaspora», 1997), «Теранезия» («Teranesia», 1999), «Лестница Шильда» («Schild's Ladder», 2001) — космический роман-катастрофа. Рассказы Игана представлены в сборниках: «Богоматерь Чернобыльская» («Our Lady of Chernobyl», 1995), «Аксиоматика» («Axiomatic», 1995), «Сияющий» («Luminous», 1999).

Рассказ «Ковры Вана» впервые был опубликован в антологии Грега Бира «Новые легенды» («New Legends», 1995), одном из важнейших сборников десятилетия. Это произведение по праву принадлежит к жемчужинам творчества Игана. Хотя более всего рассказ примечателен описанием виртуальной жизни и мира, где личность, внешность и пол можно изменить по собственному желанию, одной из основ-

ных его тем является солипсизм: герои настолько утрачивают индивидуальность, что для доказательства собственного существования им нужно отыскать, кому себя противопоставить.

Произведения, подобные этому, далеки от политики, хотя сам автор отнюдь не считает себя аполитичным писателем. Иган утверждает: «Когда я пишу о будущем, я даже не пытаюсь забыть о насущных проблемах современности, в частности нищете, войнах, болезнях, расизме, и не пытаюсь притвориться, будто в ближайшие 10 000 лет они человечеству уже не угрожают. Хотя в отдельных своих произведениях, например в „Диаспоре", я и заглядывал в далекое будущее, меня гораздо больше заботит будущее ближайшее».

Паоло Венетти готовился пройти тысячекратное клонирование, а затем его клонам предстояло отправиться в путешествие на расстояние десять миллионов кубических световых лет. Пока же он расслаблялся в своей любимой церемониальной ванне, шестиугольной и ступенчатой, она стояла во дворике, выложенном черным мрамором с золотыми прожилками. Паоло облекся в традиционное тело; поначалу это одеяние казалось крайне неудобным, но постепенно теплые струи воды, стекающие по спине и плечам, погрузили его в приятное оцепенение. Он и сам мог бы в один момент достичь такого состояния, отдав простую команду, но в данном случае требовалось полное соответствие ритуалу — имитация физических явлений причины и следствия, подобная старинному затейливому письму.

Приближался момент перемещения, и через дворик, цепляясь коготками за мрамор, пробежала небольшая серая ящерка. Она остановилась у дальнего конца ванны, и Паоло залюбовался нежно трепещущим горлышком. Ящерка какое-то время смотрела на него, но затем снова метнулась и исчезла в окружавшем внутренний двор винограднике. Вокруг было полно птиц и насекомых, грызунов и маленьких рептилий. Необычайно красивые внешне, они, кроме того, удовлетворяли и более абстрактные эстетические чувства — смягчали резкую радиальную симметрию одинокого наблюдателя; они словно узаконивали имитацию посредст-

вом восприятия ее через множество точек. Этакие онтологические растяжки. Однако никто никогда не спрашивал ящериц, желают ли они клонироваться. Хотят они того или нет, их просто клонировали, и все тут.

Небо над двориком было теплым и голубым, без единого облачка, но и без солнца, — изотропное небо. Паоло спокойно ждал, он был готов принять любую из полудюжины возможных судеб.

Тихо пробил невидимый колокол — три раза. Паоло радостно рассмеялся.

Один удар означал бы, что он все еще на Земле; это, конечно, нельзя было назвать успехом, но имелись и определенные преимущества в качестве компенсации. Все, кто действительно был дорог ему, проживали в полисе Картер-Циммерман, но далеко не все решили в одинаковой степени участвовать в миграции. Земное «я» Паоло никого не лишилось бы. Еще было бы приятно способствовать благополучной отправке тысячи космических кораблей. Притягательно было бы также остаться членом еще более широкого сообщества с центром на Земле, которое являлось частью целостной глобальной культуры реального времени.

Два удара колокола означали бы, что данный клон из Картер-Циммермана достиг планетарной системы с отсутствием признаков жизни. Паоло, прежде чем дать согласие на подобные условия, запустил очень сложную (хотя и не обладающую разумом), самопредсказывающую модель. Исследование неизвестных миров, пусть и бесплодных, представлялось ему интересным и полезным. Основным преимуществом Паоло считал то, что весь его труд не омрачался бы замысловатыми мерами предосторожности, которые необходимо принимать в присутствии жизни на других планетах. Население К-Ц снизилось бы более чем наполовину, исчезли бы многие из его самых близких друзей, но он не сомневался, что смог бы завести новых.

Четыре удара колокола служили бы сигналом того, что найдены разумные инопланетные существа. Пять — технологическая цивилизация. Шесть — космические странники.

Наконец, три удара означали, что разведывательные зонды обнаружили точно выраженные признаки жизни, и

это само по себе служило поводом для радости. Земля не получила ни одного отчета о наличии жизни на планетах до начала клонирования перед запуском ракеты (субъективного момента перед самым сигналом колокольчика). И не было никаких гарантий, что какая-либо часть диаспоры найдет жизнь на других планетах.

Паоло велел библиотеке полиса предоставить ему всю информацию по данному вопросу, и тут же в декларативную память его имитированного традиционного мозга поступили все необходимые данные, и он смог полностью удовлетворить свое любопытство. Клон К-Ц прибыл на Вегу, вторую по приближенности звезду из той тысячи, куда направлялись клоны; расстояние от Земли до Веги составляло двадцать семь световых лет. Паоло прикрыл глаза и представил карту звездного неба — от Солнца во все стороны расходилась тысяча линий; затем он вывел крупным планом траекторию собственного полета. Для того чтобы достичь Веги, понадобилось три века, но преобладающее большинство обитателей полиса запрограммировали свои экзотела на отключение. Проснуться они должны были только в случае прибытия на подходящую планету. Девяносто два гражданина выбрали альтернативный путь — они решили наблюдать за всеми перемещениями диаспоры от начала и до конца, хотя и рисковали при этом остаться разочарованными, а может даже, и погибнуть. Теперь Паоло знал, что корабль, направлявшийся к Фомальгауту, самой близкой от Земли цели, на пути попал в сгусток обломков и был аннигилирован. Он быстро оплакал девяносто двух погибших сограждан. До клонирования он никогда ни с кем из них близко не общался, и потому граждане, погибшие два века тому назад в межзвездном пространстве, казались ему столь же далекими, что и жертвы какой-либо древней войны эпохи физических тел.

Паоло внимательно осмотрел с помощью камер одного из зондов-разведчиков (и странных фильтров древней визуальной системы) свою новую родину. В традиционной системе цветов Вега представляла собой яркий бело-голубой диск с грядами выступов. Она в три раза превосходила Солнце по массе, в два раза — по размерам и была в два раза горячее и в шестьдесят раз ярче. При этом очень быстро сжигался водород, звезда уже прошла почти половину

отмеренных ей пятисот миллионов лет главной последовательности[1].

Единственная планета галактики Вега, Орфей, по показаниям лучших лунных интерферометров, выглядела ничем не примечательным пятном. И вот Паоло смотрел вниз на этот сине-зеленоватый полумесяц на расстоянии десяти тысяч километров под Картер-Циммерманом. На Орфее была похожая на земную поверхность, состоящая из никеля, железа и силикатов; по размерам он несколько превосходил Землю, тут было немного теплее, чем на Земле (расстояние в миллион километров все-таки смягчало жар Веги), а еще планета просто купалась в воде. Паоло не терпелось самому все увидеть, и он замедлил часы в тысячу раз, так чтобы К-Ц обошел планету вокруг за двадцать субъективных секунд, причем каждый раз в дневной свет попадал новый ракурс Орфея. Два вытянутых континента цвета охры, с горными хребтами, пересекали океаны полушарий планеты, оба полюса представляли собой ослепительные ледяные равнины, Северный полюс был гораздо обширнее Южного — белые полуострова с неровными береговыми линиями вырывались там из зимней арктической тьмы.

Атмосфера на Орфее в основном состояла из азота, его количество в шесть раз превышало земное; возможно, он получался из первичного аммиака под воздействием ультрафиолетовых лучей. Также присутствовали следы водяных паров и углекислого газа, но ни того ни другого не было достаточно для создания парникового эффекта. Высокое атмосферное давление указывало на сниженный уровень испарений, и Паоло действительно не заметил ни одного облачка; огромные теплые океаны по очереди поставляли углекислый газ обратно в кору планеты — он вступал во взаимодействие с водой, образуя осадочные известковые соединения.

Вся система была относительно молодой — по меркам Земли, но бо́льшая масса Веги и более плотное протозвездное облако гарантировали ускоренное прохождение через

---

[1] *Главная последовательность звезд* — совокупность звезд, физически сходных с Солнцем. Звезды главной последовательности находятся на ранней стадии эволюции, когда источником энергии является горение водорода в их недрах.

травмы планетарного рождения: ядерные вспышки и ранние флуктуации яркости свечения, планетарные слияния и период столкновений. По оценке библиотеки, за последние сто миллионов лет климат на Орфее сохранял стабильность и планете удалось избежать сколько-нибудь серьезных катаклизмов.

Достаточный срок для зарождения примитивной жизни...

Чья-то рука схватила Паоло за колено и потянула под воду. Он не сопротивлялся, образ планеты исчез. Только два человека на К-Ц имели свободный доступ к его пространству, а отец Паоло обычно не играл с сыном, чей возраст уже перевалил за тысячу двести лет.

Елена затянула его на самое дно бассейна и лишь там выпустила, сама же парила над ним — силуэт победительницы на фоне светящейся вдалеке поверхности воды. Формой тела она ничем не отличалась от предков, но это, конечно, была лишь фикция. Говорила Елена вполне отчетливо, хотя в воде не появилось ни одного пузырька.

— Спишь до последней минутки! Я семь недель ждала этого момента!

Паоло изобразил равнодушие, но ему уже не хватало воздуха. Он повелел своему экзо-«я» превратить себя в человека-амфибию, что было вполне достоверно с биологической и исторической точек зрения, хотя и не соответствовало наследственному фенотипу. В его преобразившиеся легкие хлынула вода, а преобразившийся мозг приветствовал ее.

— Зачем сознательно зря тратить силы, чтобы сидеть и ждать, пока зонды-разведчики закончат свои наблюдения? — поинтересовался Паоло. — Я проснулся, как только получил их данные.

Елена ударила его в грудь, он поднял руку и притянул ее к себе, при этом инстинктивно снизил уровень плавучести, и они покатились по дну бассейна, слившись в поцелуе.

— Ты знаешь, что мы первые из К-Ц достигли какой-либо точки назначения? — сообщила Елена. — Корабль, направлявшийся на Фомальгаут, погиб, так что у нас осталась только одна пара двойников. Там, на Земле.

— И?

Тут он вспомнил. Елена ведь приняла решение не просыпаться, если ее двойники встретят инопланетную жизнь.

Какая судьба ни была бы уготована другим кораблям, но всем остальным двойникам Паоло придется дальше жить без Елены.

Он мрачно кивнул и снова поцеловал ее.

— Что я должен сказать? Что теперь ты мне еще в тысячу раз дороже, да?

— Да.

— А как же насчет нас с тобой на Земле? Пятьсот раз было бы намного ближе к истине.

— Пятьсот — это совсем непоэтично.

— Не сдавайся так легко. Лучше перезагрузи речевые центры мозга.

Она провела руками по его бокам до самых бедер. Они занялись любовью — в этих почти традиционных телах, с традиционным мозгом. Паоло очень удивился, почувствовав дрожь и напряжение, но из прошлого опыта он помнил, что надо отпустить себя и отдаться этим странным ощущениям. Это так не походило на обычные, цивилизованные способы любви; скорость обмена информацией между ними вначале была минимальной, но зато этот способ обладал неоспоримым преимуществом дикого и самого древнего наслаждения.

Затем они медленно поднялись на поверхность бассейна и улеглись под сияющим небом без солнца.

Паоло задумался: «Я пересек двадцать семь световых лет за одно мгновение. Я облетаю по орбите первую планету, на которой обнаружены признаки жизни. И я ничем не пожертвовал, не оставил позади ничего из того, что мне действительно дорого. Это слишком хорошо, слишком хорошо». Он даже испытал жалость к своим двойникам — вряд ли им может быть так же хорошо без Елены, без Орфея. Но разве в его силах чем-либо им помочь? Хотя до того, как другие корабли достигнут своих пунктов назначения, у него еще было время связаться с Землей, он еще до клонирования решил не делать этого, чтобы в развитие его многочисленных будущих судеб не вмешивались сантименты. Не важно, согласится с ним его земной двойник или нет, они оба не в силах изменить условия пробуждения. Того, кто имел право выбирать за тысячу других, уже нет.

Ничего, решил Паоло. Остальные тоже найдут способ быть счастливыми. Или сами смоделируют свое счастье.

К тому же не исключено, что кто-нибудь из них еще проснется под звуки четырех ударов колокола.

— Проспи ты дольше — и пропустил бы голосование, — сказала Елена.

Голосование? Разведчики на низкой орбите собрали все возможные данные о биологии Орфея. Чтобы продолжить работу, необходимо было направить микрозонды в сам океан, а для этого требовалось согласие двух третей полиса. Вряд ли присутствие нескольких миллионов крошечных роботов может нанести сколько-нибудь ощутимый вред: после себя они оставили бы в воде несколько килоджоулей израсходованной энергии. Однако среди граждан К-Ц появилась фракция, члены которой придерживались максимальной осторожности во всем. Прежде чем начать вторжение, настаивали они, следует продолжать наблюдения еще десять, а может, и тысячу лет, затем обработать эти наблюдения, выдвинуть гипотезы, а те, кто с этим не согласен, могут просто не просыпаться все это время или же найти себе более интересное занятие.

Паоло окунулся в только что полученные из библиотеки данные о «коврах» — единственной форме жизни на Орфее, которую удалось обнаружить к этому времени. Это были свободно плавающие образования, жили они в экваториальных глубинах океана; судя по всему, если они подплывали слишком близко к поверхности воды, то погибали под действием ультрафиолетового излучения. Ковры вырастали до размеров в несколько сотен метров, а потом расщеплялись на множество кусочков, каждый из которых дальше рос уже сам по себе. Хотелось верить, что ковры представляют собой колонии одноклеточных организмов, нечто наподобие гигантских бурых водорослей, но пока никаких настоящих доказательств этому получено не было. Зондам-разведчикам и так-то нелегко оказалось наблюдать за внешним видом и поведением ковров сквозь километровую толщу воды, даже при мощном нейтринном потоке Веги; о наблюдениях на микроскопическом уровне с такого расстояния и речи быть не могло, не говоря уже о биохимических анализах. Данные спектроскопии показали, что вода на поверхности кишела интересными молекулярными остатками, но попытка судить по этим остаткам о коврах была бы аналогична попытке реконструировать биохимию человека по его праху.

Паоло повернулся к Елене:

— Что ты скажешь?

Она издала театральный стон; очевидно, пока он спал, остальные постоянно обсуждали этот вопрос.

— Микрозонды не несут вреда. Они могут собрать для нас всю информацию о том, что представляют собой эти ковры. При этом они не нарушат ни единой молекулы. В чем здесь риск? Культурный шок?

Паоло плеснул ей в лицо водой, но сделал это с любовью. Видимо, именно пристрастие к воде было связано с тем, что в данный момент он принял форму амфибии.

— Откуда ты знаешь, что они не разумные существа?

— Тебе известно, какие формы жизни были на Земле спустя два миллиона лет после ее появления?

— Возможно, цианобактерии. А может, и вообще никаких. Но ведь здесь не Земля.

— Верно. Но даже если ковры и представляют собой разумные существа, хотя это мало вероятно, неужели ты думаешь, что они смогут заметить присутствие роботов, которые в миллион раз меньше их самих? Если ковры и являются объединенным организмом, пока мы не нашли подтверждения тому, что они реагируют на какие-либо изменения в окружающей их среде. Они не убегают от хищников, не добывают пищу, они всего-навсего плывут по течению, — так зачем им какие-то сложные органы чувств, а уж тем более как им заметить роботов величиной в несколько микрон? Если же это колонии одноклеточных организмов и если один из этих организмов случайно столкнется с микрозондом и обнаружит его присутствие при помощи поверхностных рецепторов... какой же от этого может быть вред?

— Понятия не имею. Но это не освобождает нас от ответственности.

Елена в свою очередь плеснула водой в его сторону.

— Единственный способ разобраться — это проголосовать за отправку микрозондов. Согласна, надо соблюдать осторожность, но какой смысл во всем путешествии, если, будучи здесь, мы так и не узнаем, что происходит в этих оксанах. Я не собираюсь ждать, пока эта планета произведет на свет таких разумных существ, которые смогли бы посылать в космос лекции по биохимии. Если мы не будем

рисковать хотя бы минимально, то к моменту, когда мы хоть что-нибудь узнаем о планете, Вега превратится в красного гиганта.

Паоло попытался представить себе эту картину. Пройдет четверть миллиарда лет, а граждане Картер-Циммермана все еще будут обсуждать, этично или неэтично вмешаться, чтобы спасти орфейцев; а может, к тому времени все они просто потеряют интерес к данной планете и улетят к другим звездам или модифицируются в существ, полностью лишенных какого-либо сострадания по отношению к иной органической жизни?

«Грандиозное зрелище для тех, кому уже стукнуло две тысячи лет». Клон Фомальгаута был уничтожен одним небольшим осколком каменной породы. Но в системе Веги гораздо больше летающих обломков, чем в межзвездном пространстве; несмотря на защиту, несмотря на резервное копирование всех данных на далеких зондах-разведчиках, не стоит думать, что популяция К-Ц находится в полной безопасности только потому, что до сих пор ей везло. Им следует пользоваться моментом или вернуться в свои миры и забыть об этом путешествии.

Паоло вспомнил, как искренне был удивлен один друг из полиса Эштон-Лаваль: «Зачем лететь на поиски чужих цивилизаций? В нашем полисе тысячи разных экологических систем, триллион биологических видов разумных существ. Что вы надеетесь найти там, далеко, чего нет здесь?»

А что он надеялся найти? Всего лишь ответы на несколько простых вопросов. Вызывает ли человеческое сознание к жизни время и пространство с целью объяснить само себя? Или же нейтральная, существовавшая прежде Вселенная породила миллиарды различных видов разумной жизни и все они обладают способностью мнить себя величайшими из созданий, до тех пор пока не столкнутся с другими? Для оправдания таких эгоистичных взглядов во многих полисах прибегали к антропокосмологии: если физическая Вселенная является продуктом человеческой мысли, значит, ее нельзя ставить выше виртуальной реальности. Возможно, появилась она и раньше, а любая виртуальная реальность требует физического воплощения посредством какого-либо физического аппарата и в соответствии с физическими законами, но с точки зрения противопостав-

ления «действительности» и «иллюзии» физическая реальность не имеет никаких преимуществ перед виртуальной. Если правы антропокосмологи, то нечестно считать физическую реальность выше появившихся позднее искусственных реальностей, ведь никто не выберет плоть, когда можно выбрать кибертело, не станет обезьяной, если можно стать человеком, и не будет бактерией, если можно быть обезьяной.

— Мы не можем оставаться тут вечно, все ждут тебя, — сказала Елена.

— Где?

Паоло впервые почувствовал, что соскучился по дому; на Земле он всегда встречался с друзьями, используя изображение кратера горы Пинатубо, передаваемое со спутника в реальном времени. Никакая запись не даст такого эффекта.

— Я провожу тебя.

Паоло потянулся и взял Елену за руку. Бассейн, небо, дворик — все исчезло, он снова смотрел на Орфей... на его ночную сторону, но при помощи мысли Паоло легко воспроизводил все — от длинных радиоволн до разноцветного мерцания изотопного гамма-излучения и рассеянных космических лучей. Теперь он заметил многое из того, что узнал о планете из библиотеки. Температура триста градусов Кельвина[1] вызывала мягкий, теплый блеск океана и инфракрасное свечение атмосферы.

Он стоял на длинной, с виду металлической балке, на краю большой геодезической сферы; перед ним расстилалось сияющее пространство космоса. Он посмотрел наверх и увидел усыпанную звездами и забитую космической пылью полосу Млечного Пути — он простирался от зенита до надира. Паоло по блеску мог определить газовый состав каждого облака, каждую линию поглощения и излучения. Он почти что чувствовал, как его рассекает плоскость галактического диска. Некоторые созвездия были немного искажены, но все же вид открывался вполне знакомый: Паоло по цвету узнавал практически все прежние ориентиры. Он легко определил местоположение — двадцать градусов к югу от Сириуса, по старинным меркам Земли, а вот и еле-еле заметное Солнце, но его ни с чем не спутаешь.

---

[1] Приблизительно 27° С.

Рядом с Паоло была Елена — все та же Елена, хотя оба они стряхнули биологические оковы. Условия данной среды детально отражали физическое состояние реальных макроскопических объектов в свободном падении и в вакууме, но не могли отобразить химический состав, не говоря уже о плоти и крови. Новые тела Паоло и Елены были на вид человекоподобные, но им не хватало сложной микроструктуры, а разум вообще не был связан с физическим телом, он подчинялся процессорной сети.

Паоло с облегчением принял нормальное состояние; церемониальный переход к древним формам представлялся ему почтенной традицией К-Ц (к тому же пребывание в человеческом облике приносило на какое-то время чувство удовлетворения), но каждый раз, когда он возвращался в обычное состояние, у него возникало ощущение, что он вырвался из древних оков, которым было три миллиарда лет. На Земле существовали полисы, граждане которых и его теперешнюю форму сочли бы столь же архаичной: сенсорное восприятие доминирует над сознанием, иллюзия пребывания в телесной оболочке, одна временна́я координата. Последний человек, живший во плоти, умер задолго до создания Паоло, и, если не считать более консервативное сообщество роботов Глейснер, полис Картер-Циммерман был настолько консервативным, насколько в принципе может быть трансчеловеческий социум. Паоло считал такой подход абсолютно верным — признание гибкости программного обеспечения, с одной стороны, и физического мира — с другой. Несмотря на то что глейснеровские роботы, упрямо сохраняющие телесный облик, первыми достигли звезд, диаспора К-Ц, несомненно, вскоре оставит их далеко позади.

Вокруг собирались их друзья, все они с легкостью проделывали акробатические трюки в невесомости. Они приветствовали Паоло, ругая его за то, что он так долго проспал, — ведь он пробудился самым последним.

— Тебе нравится наше новое скромное место собраний? — У плеча Паоло проплыл Герман, фантастическое нагромождение конечностей и органов чувств; речь его доносилась сквозь вакуум в модулированном инфракрасном излучении. — Мы зовем его «спутниковый Пипатубо». Здесь пустовато, знаю, но мы боялись, что если спустимся

на поверхность Орфея, то тем самым можем нарушить основные принципы осторожности.

Паоло мысленно воспроизвел снимок зонда-разведчика: типичная пустыня, вокруг, насколько хватает глаз, потрескавшиеся красные скалы.

— Боюсь, там еще более пусто

Хотелось дотронуться до твердой земли, чтобы прибавить к зрительным впечатлениям тактильные, но он сумел противостоять этому желанию. С точки зрения этикета исчезать посреди разговора и перемещаться в пространстве считалось дурным тоном.

— Не обращай внимания на Германа, — посоветовала Лизл. — Он хочет наполнить Орфей нашими чужеродными машинами, хотя мы еще не разобрались, к каким последствиям это может привести.

Лизл выглядела бабочкой зеленовато-бирюзового цвета, на каждом крылышке у нее золотом было изображено стилизованное человеческое лицо.

Паоло удивился: судя по тому, что сказала ему Елена, он решил, что его друзья уже пришли к единому мнению относительно микрозондов и только тот, кто проспал так долго, как он, и не знал всех подробностей, мог еще спорить.

— Какие последствия? Ковры...

— Забудь о коврах! Даже если ковры так просты, как кажутся на первый взгляд, мы совершенно не знаем, что там есть кроме них. — Крылья Лизл трепетали, а зеркально симметричные человеческие лица, казалось, смотрели друг на друга в поисках поддержки. — На нейтринных изображениях мы едва достигаем пространственного разрешения в метрах и временно́го — в секундах. Мы ничего не знаем о более мелких формах жизни.

— И никогда не узнаем, если прислушаемся к твоим советам, — произнес Карпал, бывший глейснерианец, как всегда, в своем человекоподобном образе. В последний раз, когда Паоло просыпался, Карпал был возлюбленным Лизл.

— Мы здесь еще совсем недолго — малую часть обычного года на Орфее! Сколько данных мы сумели бы собрать, не вмешиваясь в жизнь планеты, стоит лишь проявить немного терпения. На берег могут быть выброшены редкие формы жизни...

— Конечно редкие, — сдержанно заметила Елена. — На Орфее небольшие приливы, волны почти не поднимаются и редко случаются штормы. И все, что попадет на берег, изжарится в ультрафиолетовых лучах, до того как мы успеем заметить что-либо более полезное, чем уже видели у поверхности воды.

— Не обязательно. Ковры кажутся уязвимыми, но другие виды, возможно, защищены лучше, особенно если они обитают ближе к поверхности. К тому же на Орфее отмечена значительная сейсмическая активность; стоит дождаться местного цунами и посмотреть, что выплеснут на берег волны.

Паоло улыбнулся, об этом он и не подумал. Цунами стоит подождать.

Лизл продолжала:

— Что мы потеряем, если повременим несколько сотен орфейских лет? По крайней мере, сумеем собрать основные данные по сезонным климатическим изменениям, а еще успеем понаблюдать природные аномалии, штормы и землетрясения и, возможно, заметим что-то важное.

Несколько сотен орфейских лет? Несколько земных тысячелетий? Нерешительность Паоло испарилась. Если бы он хотел попасть в геологическое время, то мигрировал бы в полис Локханд, где члены ордена Мыслящих наблюдателей следили, как на протяжении субъективных секунд стираются земные горные хребты. Сейчас под ними в космосе висит Орфей, красивая загадка, — висит и ждет, когда ее разгадают, требует, чтобы ее поняли.

— А что, если мы ничего не увидим? — заговорил он. — Как долго нужно ждать? Мы не знаем, насколько редки жизненные формы во времени и в пространстве. Если эта планета представляет ценность, то такую же ценность представляет и эпоха, в которой она сейчас существует. Нам неизвестно, как быстро развивается биологическая жизнь на Орфее; возможно, различные виды появляются и исчезают, пока мы тут рассуждаем о том, насколько рискованно собирать более точные сведения. Ковры или другие формы жизни могут попросту пропасть, прежде чем мы что-либо о них узнаем. Как много мы тогда потеряем!

Лизл настаивала на своем:

— А если, поторопившись, мы нарушим экологическое равновесие на Орфее или культуру этой планеты? Это уже будет не просто потеря. Это будет настоящая трагедия.

Паоло принял все, что передавал его земной двойник, а данных за триста лет (или около того) накопилось немало, и только после этого взялся за ответ. В первых посланиях содержались детализированные мозговые трансплантаты, и Паоло с удовольствием испытал радость, которую пережили тогда на Земле после отправки диаспоры. Он наблюдал почти как наяву старт тысячи кораблей, вырезанных наномашинами из астероидов, — за орбитой Марса все осветилось ярким пламенем выхлопных газов. Затем все успокоилось и стало, как обычно, довольно-таки прозаичным: Елена, общество, бесстыдные сплетни, нескончаемые исследовательские проекты Картер-Циммермана, жужжание напряженного культурного взаимодействия внутри полиса, не совсем циклические колебания в искусстве (перцептуальная эстетика одерживает верх над эмоциональной, снова... хотя Валладас из полиса Конши утверждает, что добился нового синтеза обеих систем).

После первых пятидесяти лет его земной двойник начал кое-что недоговаривать; к тому моменту, когда новости о гибели клонов Фомальгаута достигли Земли, послания превратились в сплошные аудиовизуальные монологи. Паоло понимал. Все правильно: они стали разными, а незнакомцам мозговые трансплантаты не посылают.

Большинство сообщений передавалось одновременно на все корабли. Однако сорок три года тому назад его земной двойник отправил клону, направлявшемуся на Вегу, специальное послание:

«Новый лунный спектроскоп, который мы закончили в прошлом году, только что точно зарегистрировал, что на Орфее есть вода. Вас ждут огромные океаны умеренного климата, если, конечно, модели верны. Так что... удачи. — На изображении ясно виднелись купола спектроскопа, поднимавшиеся прямо из скал на дальней стороне Луны, спектральные данные, полученные с Орфея, группа планетарных моделей. — Возможно, вам кажется странным: мы прикладываем столько усилий, чтобы рассмотреть то, что

вы вскоре увидите вблизи. Трудно объяснить. Не думаю, чтобы это была ревность или даже нетерпение. Просто потребность в независимости.

У нас возобновился прежний спор: следует ли перестроить наше сознание так, чтобы оно могло с легкостью преодолевать межзвездные расстояния? Тогда один из нас мог бы обозреть тысячи звезд и отпала бы необходимость в клонировании, нужно было бы лишь признать естественной временну́ю шкалу, основанную на скорости света. Между психическими явлениями проходят тысячелетия. Локальные непредвиденные обстоятельства устраняются при помощи бессознательных систем. — К этому прилагались статьи за и против данной теории. Паоло быстро просмотрел резюме. — Но я не думаю, что у теории будет много сторонников, а новые астрономические проекты можно рассматривать как некий антидот. Нам нужно свыкнуться с мыслью, что мы отстали... потому мы и вцепились так в нашу Землю. Смотрим в космос, но крепко держимся за то, что у нас под ногами.

Но я все время спрашиваю себя: что дальше? История нам не поможет. Эволюция тоже. Хартия К-Ц гласит: „Понимай и уважай Вселенную". Но как? В каком масштабе? Какими чувствами, каким разумом? Мы можем стать кем угодно, и это бесконечное множество вероятностей дает иное представление о Галактике. Сможем ли мы исследовать ее так, чтобы не потеряться самим? У людей из плоти были разные фантазии о пришельцах из космоса, которые прилетали на Землю с целью „завоевать" ее, украсть наши бесценные ресурсы, стереть все из боязни „конкуренции"... словно вид, способный пересечь межзвездное пространство, не обладал достаточной силой, умом и воображением, чтобы освободиться от устаревших потребностей. „Завоевание Галактики" — это задача для бактерий, дорвавшихся до космических кораблей, только они не смогли бы придумать ничего лучшего, не имели бы иного выбора.

Наше положение прямо противоположно этому — перед нами бесконечные возможности выбора. Вот почему нам так необходимо найти иные формы жизни, а не только для того, чтобы стряхнуть с себя чары антропокосмологии. Мы должны обнаружить существ, которым приходилось сталкиваться с такими же сложностями, и выяснить, что

решили они: как быть дальше, кем стать. Нам необходимо понять, что значит жить во Вселенной».

Паоло наблюдал за размытыми нейтринными изображениями ковров — они рывками перемещались по комнате-двенадцатиграннику. Двадцать четыре только что разъединившихся образца вытянутой формы с неровными краями. Моделирование показывало, что такое деление было вызвано лишь силой океанских течений и наступало тогда, когда родительская особь достигала критических размеров. Чисто механический разрыв колонии (если это были колонии), возможно, ничего общего не имел с жизненным циклом составлявших ее организмов. Очень жаль. Паоло привык, что по любому интересующему его вопросу он мог получить бесконечное количество данных; было абсолютно невыносимо, что великое открытие диаспоры представлено всего лишь несколькими неудачными монохромными снимками.

Он взглянул на схему нейтринных детекторов зондов-разведчиков, но и это вряд ли могло помочь. Ядра в детекторе приведены в очень нестабильное, высокоэнергетическое состояние, их удерживали в нем при помощи тонко настроенных лазеров гамма-лучей, которые выбирали собственные низкоэнергетические состояния слишком быстро, чтобы это оказывало какое-либо нежелательное влияние. Изменения в нейтринном потоке на одну десятую—пятнадцатую могли привести к такому смещению энергетических уровней, которое нарушило бы баланс. Ковры при этом отбрасывали настолько слабые тени, что даже такое, почти идеальное изображение вряд ли могло чем-либо помочь исследователю.

— Ты проснулся, — произнес Орландо Венетти.

Паоло обернулся. Отец стоял на расстоянии вытянутой руки, он принял облик человека неопределенного возраста, в цветистых богатых одеждах. Конечно, он все равно был старше Паоло; Орландо никогда не уставал выказывать свое превосходство, пусть даже разница в возрасте теперь уже составляла всего двадцать пять процентов и продолжала уменьшаться.

Паоло приказал коврам удалиться из комнаты во внешнее пространство по другую сторону одного из пятиугольных окон. Затем он взял отца за руку. Та область сознания

Орландо, которая соотносилась с частью сознания Паоло, выразила удовольствие в связи с его пробуждением от длительного сна, с любовью обратилась к совместным воспоминаниям и выразила надежду на дальнейшую гармонию отношений между отцом и сыном. Паоло также представил отцу порцию радостных эмоций. Все это можно было назвать скорее ритуалом, чем общением, но даже с Еленой Паоло устанавливал определенные барьеры. Никто не мог быть предельно честным и искренним с другим человеком, если только они не собирались навсегда объединиться в целостный организм.

Орландо кивнул в сторону ковров:

— Надеюсь, ты понимаешь, насколько они важны.

— Ты прекрасно знаешь, что понимаю, — сказал Паоло, хотя и не включил этого в свое приветствие. — Первый пример чужеродной жизненной формы.

К-Ц наконец-то опередили глейснеровских роботов, — видимо, для его отца теперешние события имели именно такую окраску. Роботы первыми добрались до альфы Центавра, первыми достигли планеты вне Солнечной системы, но первая инопланетная жизнь — это все равно что «Аполлоны» по сравнению со спутниками.

— Нам нужно именно такое открытие, чтобы привлечь граждан из маргинальных полисов, — заявил Орландо. — Тех, что еще не окончательно погрязли в солипсизме. Это их хорошенько встряхнет! Как ты думаешь?

Паоло пожал плечами. Транслюди Земли были вольны объединяться по своему желанию; это не мешало Картер-Циммерману исследовать физическую Вселенную. Но победа над глейснерианцами не успокоит Орландо; он мечтал о том дне, когда культура К-Ц станет основной на Земле. Любой полис, если бы только захотел обойти остальные по численности, мог в миллиард раз умножить свое население в течение микросекунды. Сложнее было склонить граждан других полисов мигрировать в твой, еще сложнее было убедить их переделать свои хартии. Орландо всегда был склонен к миссионерству; ему хотелось, чтобы все остальные полисы увидели свои ошибки и последовали по пути К-Ц к звездам.

— Эштон-Лаваль тоже представлял разумную инопланетную жизнь, — напомнил Паоло. — Я не уверен, что но-

вости о гигантских морских водорослях так уж потрясут Землю.

Орландо ядовито продолжил:

— Эштон-Лаваль уже настолько часто проводил свои так называемые эволюционные симуляции, что с таким же успехом мог сотворить конечный продукт одним актом созидания продолжительностью шесть дней. Они хотели говорящих рептилий, и вот — mirabile dictu![1] — именно говорящих рептилий они и получили. В нашем полисе есть самомодифицированные транслюди, более инопланетные, чем инопланетности Эштон-Лаваля.

Паоло улыбнулся:

— Хорошо. Бог с ним, с Эштон-Лавалем. Но тогда забудем и про маргинальные полисы. Мы сделали выбор — мы признаем ценность физического мира. Именно это определяет нас, но ведь это такой же произвольный выбор, как любой другой выбор системы ценностей. Почему ты не хочешь с этим смириться? Совсем не нужно направлять заблудших по единственному истинному и верному пути.

Он понимал, что спорит наполовину только ради того, чтобы поспорить, ведь он и сам с удовольствием опроверг бы домыслы антропокосмологов, но он всегда пытался спорить с Орландо. Просто из боязни остаться всего-навсего клоном отца. Вопреки полному отсутствию унаследованных эпизодических воспоминаний, вероятностному вкладу отца в его онтогенез, хаотической природе многократных алгоритмов, по которым строился мозг.

Орландо жестом вернул половину образов ковров в комнату.

— Ты будешь голосовать за микрозонды?

— Конечно.

— От этого сейчас зависит все. Неплохо начать с интригующей картинки, но, если вскоре мы не подтвердим все более подробными данными, на Земле быстро потеряют к этому интерес.

— Потеряют интерес? Пока мы узнаем, обратил ли кто-нибудь вообще внимание на наши новости, пройдет как минимум пятьдесят четыре года.

---

[1] Удивительно! *(лат.)*

Орландо разочарованно и немного странно посмотрел на Паоло:

— Если тебя не волнуют другие полисы, подумай о К-Ц. Это поможет нам, это укрепит наши позиции. Нам надо выжать максимум из того, что мы получили.

Паоло был озадачен:

— У нас есть хартия. Что еще нам нужно укреплять? Ты говоришь так, как будто мы чем-то рискуем.

— А что, по-твоему, станет с нами в тысяче безжизненных миров? Считаешь, хартия не изменится?

Паоло никогда не думал о таком повороте событий.

— Возможно, изменится. Но в каждом новом К-Ц при переделывании хартии нашлись бы те, кто уходил бы и основывал новые полисы по старым правилам. Например, мы с тобой были бы в числе таких граждан. И могли бы назвать новый полис Венетти-Венетти.

— И это когда половина твоих друзей отказалась от физического мира? Когда Картер-Циммерман спустя два тысячелетия стал бы солипсическим полисом? Тебя это устраивает?

Паоло рассмеялся:

— Нет, такому не бывать, не так ли? Мы ведь нашли жизнь. Ладно, согласен — это укрепит позиции К-Ц. Диаспора могла бы пропасть... но этого не случилось. Нам повезло. Я рад. Я благодарен. Ты это хотел от меня услышать?

— Ты слишком многое принимаешь как должное, — ответил Орландо с мрачным видом.

— А тебя слишком уж волнует, что я думаю! Я не твой... наследник. — Орландо был первым представителем рода, образ которого сканировали с плотского тела, и иногда казалось, что он просто не может понять, — само понятие поколений утратило свою архаическую значимость. — Для обеспечения безопасного, с твоей точки зрения, будущего Картер-Циммермана я тебе не нужен. Даже для обеспечения будущего трансчеловечества. Ты все можешь сделать сам.

Орландо казался обиженным; конечно, сделал он это с расчетом, но все же его вид кое-что означал. Паоло почувствовал угрызения совести, но ведь он ничего такого не сказал.

Отец подобрал рукава своих темно-красных с золотом одежд (он был единственным гражданином К-Ц, которого Паоло не мог спокойно видеть обнаженным) и повторил, исчезая из комнаты:

— Ты слишком многое принимаешь как должное.

Вся группа следила за запуском микрозондов, даже Лизл, хотя она пришла в трауре — в виде гигантской темной птицы. Карпал нервно поглаживал ее по перьям. Герман появился как некое существо Эшера[1] — сегментированный червь с шестью человеческими ступнями и локтями вместо коленей; червь сворачивался клубком, а потом скатывался по балкам спутникового Пинатубо. Паоло и Елена говорили в унисон: они только что занимались любовью.

Герман перевел спутник на воображаемую орбиту, сразу под той, по которой двигался один из зондов-разведчиков. Одновременно он поменял масштаб окружающей реальности, и теперь нижняя поверхность зонда — причудливый ландшафт детекторных модулей и сопел реактивной системы ориентации — загородила половину неба. Из пусковых жерл вырвались атмосферные капсулы, керамические капельки всего три сантиметра шириной; они пронеслись мимо, словно камешки, и тут же исчезли из виду, не пролетев и десяти метров к Орфею. Все было скрупулезно просчитано, хотя и являлось частично изображением в реальном времени, частично экстраполяцией, частично фальшивкой. Паоло подумал: «Мы спокойно могли полностью сымитировать этот запуск... и притвориться, что следим за капсулами до самой планеты». На него виновато и одновременно с упреком взглянула Елена: «Да, а зачем все это делать по-настоящему? Почему не сымитировать похожий на настоящий океан Орфея, который кишмя кишит правдоподобными представителями орфейских жизненных форм? Почему бы не сымитировать и всю диаспору?» В К-Ц ересь не считалась преступлением; никого никогда не изгоняли за нарушение хартии. Иногда все же приходилось совсем нелегко; хотя предпринимались попытки классифицировать каждое имитированное действие как нечто, помогающее понять физическую Вселенную (хорошо), нечто,

[1] *Эшер Маурис Корнелис* (1898–1972) — голландский график.

что просто могло быть удобным, развлекательным, эстетичным (приемлемо)... и нечто, представлявшее собой отрицание первичности реальных явлений (пора думать об эмиграции).

Результаты голосования по микрозондам оказались на пределе: семьдесят два процента — «за», то есть еле-еле дотянули до требуемых двух третей большинства, а пять процентов вообще воздержались. (Граждане, созданные с момента прибытия на Вегу, не принимали участия в голосовании... не то чтобы кто-то в К-Ц мог подумать о подтасовке — такое просто невероятно.) Паоло был удивлен подобным исходом голосования; он еще не слышал правдоподобной версии о том, какой вред могли нанести планете микрозонды. И он задумался, не существовало ли иной, невысказанной причины, никоим образом не связанной с переживаниями за экологию Орфея или его гипотетическую культуру. Желание растянуть удовольствие и медленно раскрывать тайны планеты? С подобной точкой зрения Паоло мог согласиться, но лишь отчасти: запуск микрозондов не заменит большее и более долгосрочное удовольствие, которое можно получить, наблюдая жизнь на Орфее и разбираясь в ней.

Лизл беспомощно произнесла:

— Моделирование эрозии береговой линии демонстрирует, что северо-западное побережье Лямбды в среднем затопляется цунами каждые девяносто орфейских лет. — Она показала данные; Паоло просмотрел их — выглядело все убедительно, но вопрос теперь уже стал чисто академическим. — Можно было и подождать.

Герман качнул в ее направлении глазами на стебельках:

— Пляжи покрыты органическими остатками, так?

— Нет, но условия вряд ли...

— Никаких возражений!

Герман обвился телом вокруг балки и радостно задрыгал ногами. Он тоже принадлежал к первому поколению, был даже старше Орландо, прошел скапирование еще в XXI веке, до появления Картер-Циммермана. Однако на протяжении веков ему удалось стереть бóльшую часть несущественных воспоминаний и переписать свою личность дюжину раз, не меньше. Однажды он сказал Паоло: «Я думаю о себе как о собственном праправнуке. Смерть не так

уж плоха, если проходишь через нее постепенно. То же самое и с бессмертием».

Елена промолвила:

— Постоянно пытаюсь вообразить, что будет, если другой клон К-Ц наткнется на нечто гораздо лучшее, например на инопланетян с развитыми технологиями. А мы будем сидеть тут и изучать плавучие плоты из водорослей.

Тело, которое она выбрала сегодня, было более стилизованным, чем обычно, человекоподобным, но бесполым, нигде никаких волос, только гладкая кожа, а лицо совсем невыразительное, гермафродитное.

— Если так, они наверняка смогут добраться до нас. А может, и поделиться с нами технологиями, и тогда мы установим связь между всеми представителями диаспоры.

— Если у них такие развитые технологии, то где же они были последние два тысячелетия?

Паоло рассмеялся:

— Именно так. Но я понимаю, что тебя тревожит. Первые представители инопланетной жизни... а тут всего-навсего морские водоросли. Но начало положено. Морские водоросли через двадцать семь световых лет. Нервные системы через пятьдесят? Разум — каждые сто?

Он замолчал, вдруг осознав, что́ она чувствует: раз первая инопланетная жизнь оказалась такой, не стоит просыпаться вновь, впустую растрачивать возможности, созданные диаспорой. Паоло предложил Елене мозговой трансплантат с выражением сочувствия и поддержки, но она не приняла его и сказала:

— Сейчас мне хочется четких границ, я хочу сама с этим разобраться.

— Понимаю.

Он наконец отпустил из сознания фрагментарную модель Елены, которая отпечаталась там после интимной близости. Модель уже устарела и не была связана с Еленой; сохранять ее теперь, когда сама Елена находилась в таком состоянии, казалось преступлением. Паоло серьезно относился к ответственности в интимных отношениях. Его возлюбленная до Елены просила его стереть из сознания всю информацию о ней, и он так и поступил: в памяти сохранилось лишь то, что она попросила об этой услуге.

— Падают на планету! — воскликнул Герман.

Паоло посмотрел на изображение, передаваемое зондами-разведчиками. Первые капсулы появились над океаном и выпустили микрозонды. До того как они достигли поверхности воды, наномашины трансформировали керамическую оболочку (а потом и самих себя) в двуокись углерода и несколько простых минералов (ничего необычного для Орфея, все эти вещества содержались в микрометеоритах, постоянно выпадающих дождем на планету). В задачу микрозондов не входила передача данных; когда закончится сбор информации, они поднимутся к поверхности океана и смодулируют способность отражать ультрафиолетовое излучение. Зонды-разведчики должны будут локализовать местоположение микрозондов и считать всю информацию, а далее микрозонды подвергнутся такому же тщательному саморазрушению, как и атмосферные капсулы.

— Это событие надо отметить, — заявил Герман. — Пойду в Сердце. Кто со мной?

Паоло посмотрел на Елену. Она покачала головой:

— Иди один.

— Ты уверена?

— Да! Иди же. — Кожа у нее теперь блестела, словно зеркало; на бесстрастном лице отражалась планета. — Со мной все в порядке. Просто мне нужно время все обдумать в одиночестве.

Герман завернулся вокруг каркаса спутника и двинулся вперед, растягивая свое бледное тело, прибавляя все новые и новые сегменты и ноги.

— Пойдем, пойдем! Карпал? Лизл? Пошли праздновать!

Елена исчезла. Лизл издала саркастический смешок и упорхнула, словно подсмеиваясь над отсутствием воздуха вокруг. Паоло и Карпал следили за тем, как Герман все удлинялся и ускорял движения и вдруг превратился в сплошной, быстро меняющийся клубок, который окутал собой весь геодезический спутник. Паоло размагнитил ступни и, смеясь, удалился. Карпал сделал то же самое.

Герман сжался, как удав, готовящийся к прыжку, и разбил спутник на части.

Какое-то время они плыли в невесомости, две машины, внешне похожие на людей, и огромный червяк, а вокруг

них кружилось облако металлических обломков — странный набор воображаемых предметов, поблескивавших в свете настоящих звезд.

В Сердце всегда было много народу, но сейчас оно само стало больше, чем тогда, когда Паоло видел его в последний раз. К тому же Герман, учитывая интересы остальных присутствующих, уменьшился до обычных размеров. Над ними поднимались мышечные своды огромной камеры, которые пульсировали в такт музыке. Компания принялась искать подходящее место, где можно было бы спокойно насладиться здешней атмосферой. На Земле Паоло бывал в общественных местах разных полисов; многие из этих заведений были задуманы как перцепционные поля для совместных эмоциональных переживаний. Он никогда не понимал, что может привлекать в таком интимном общении с большим количеством незнакомых существ. Древние иерархические общества, возможно, были и не без изъянов, и нелепо считать добродетелью ограничения, навязанные разуму, но сама идея массовой телепатии в качестве самоцели казалась Паоло совершенно безумной... в чем-то даже старомодной. Конечно, людям полезно получить хорошее представление о внутреннем мире остальных, тогда они перестали бы убивать друг друга, но только цивилизованный трансчеловек может уважать и ценить других сограждан, не ощущая при этом потребности поглотить их.

Они нашли подходящее место и смоделировали себе подходящую мебель — стол и два стула (Герман предпочитал стоять); пол при этом расширился настолько, насколько требовалось. Паоло огляделся, громко приветствуя тех, кого узнавал с первого взгляда, личности же остальных идентифицировать он не торопился. Возможно, он знал всех присутствовавших здесь, но ему совсем не хотелось провести следующий час, обмениваясь любезностями с малознакомыми ему людьми.

— Я изучал данные наших скромных звездных обсерваторий, это мой способ не зацикливаться на Веге, — заговорил Герман. — Вокруг Сириуса происходят странные вещи. Мы видим гамма-лучи электронно-позитронной аннигиляции, гравитационные волны... и некоторые необъяснимые горячие участки на Сириусе В. — Он повернулся

к Карпалу и с невинным видом спросил: — Как ты думаешь, что собираются делать эти роботы? Ходят слухи, что они планируют вытащить белый карлик с орбиты и использовать его как часть своего гигантского космического корабля.

— Я никогда не слушаю болтовню.

Карпал всегда выступал как верная репродукция своего старого, человекоподобного глейснеровского тела, а разум его, насколько мог судить Паоло, сохранял форму психологического прототипа, несмотря на то что с момента сканирования с плотского тела прошло уже пять поколений. Наверное, потребовалось большое мужество, чтобы оставить свой народ и переселиться в К-Ц; сограждане уже никогда не примут его обратно.

— Неужели так важно, чем они там занимаются? Куда собираются и каким образом? — поинтересовался Паоло. — Места хватит и им, и нам. Даже если они будут следовать за диаспорой, даже если прилетят на Вегу, мы сможем вместе изучать орфейцев, не так ли?

На потешном насекомоподобном личике Германа отразилась притворная тревога, глазки дико заблестели и расширились.

— Только если они не притащут за собой белый карлик! Не ровен час, начнут строить сферу Дайсона[1]. — Он снова повернулся к Карпалу. — Ты больше не страдаешь тягой к... астрофизической инженерии, правда?

— Нет, меня вполне удовлетворяет то, как К-Ц использует несколько мегатонн астероидного материала с Веги.

Паоло попытался сменить тему разговора:

— У кого-нибудь есть свежие сообщения с Земли? У меня такое чувство, что связь оборвалась.

Самое последнее послание, которое получил он сам, на десять лет превышало временно́е отставание.

— Ты не много пропустил, — отозвался Карпал. — Говорят они только об Орфее... с тех самых пор, как получили новые данные с Луны, доказывающие наличие здесь воды.

---

[1] *Сфера Дайсона* (Freeman Dyson, американский астрофизик) — гипотетическая искусственная сфера, которую могла бы соорудить очень развитая цивилизация, для того чтобы перехватывать все излучения родительской звезды и использовать это излучение как источник энергии.

Похоже, они крайне взволнованы самой возможностью существования иных форм жизни; даже мы, уже уверенные в этом, гораздо более спокойны. Они лелеют большие надежды.

Паоло засмеялся:

— Представляю. Мой земной двойник, кажется, рассчитывает, что диаспора найдет развитую цивилизацию, которая поможет решить все экзистенциальные проблемы трансчеловечества. Не думаю, что от водорослей он получит ответы на свои вопросы.

— Тебе ведь известно, что после запуска кораблей сильно возросла эмиграция из К-Ц? Эмиграция и самоубийства. — Герман перестал извиваться и перекручиваться, он практически замер на месте — это означало, что он предельно серьезен. — Подозреваю, что именно это и поставило астрономическую программу на первое место. И похоже, она помогла остановить оба процесса, по крайней мере на некоторое время. Представители земного К-Ц обнаружили воду прежде других клонов диаспоры, и, узнав, что мы нашли иные формы жизни, они ощутят свою сопричастность к открытию.

Паоло почувствовал себя немного не в своей тарелке. Эмиграция и самоубийства? Может, поэтому и был так мрачен Орландо? Какие надежды на них возлагают теперь, после трехсот лет ожидания?

Люди вокруг зашумели, слегка изменился тон беседы. Герман прошептал:

— На поверхности появился первый микрозонд. Поступает информация.

Сердце обладало достаточным разумом, чтобы угадывать желания своих посетителей. Хотя все спокойно могли заказать результаты из библиотеки, музыка вдруг смолкла и высоко под куполом появилась краткая сводка полученных данных. Чтобы разглядеть все, Паоло пришлось вытянуть шею — он никогда раньше такого не делал.

Микрозонд сделал снимки одного из ковров в очень хорошем разрешении. На картинке предстала уже известная продолговатая форма с оборванными краями, примерно несколько сотен метров шириной, но теперь вместо пластины два-три метра толщиной, которую определяли нейтринные томографы, был виден изящный извилистый пласт — тон-

кий, как слой кожи, но только сложенный в замысловатый изгиб со свободным пространством в складках. Паоло проверил все полученные данные: структура была строго плоскостной, несмотря на несколько своеобразный вид. Никаких дыр, никаких стыков — ровная поверхность, извивающаяся так активно, что на расстоянии казалась гораздо более толстой и плотной, чем на самом деле.

На врезке была представлена микроструктура, начиная с точки у самого края ковра, а потом — медленно — по направлению к самому центру. Паоло в течение нескольких секунд не отрываясь смотрел на молекулярную диаграмму и только тогда понял, что она означает.

Ковер представлял собой не колонию одноклеточных организмов. Это был и не многоклеточный организм, а одна-единственная гигантская молекула — двумерный полимер, который весил двадцать пять миллионов килограммов. Огромный лист складчатого полисахарида, сложная сеть связанных между собой пентозы и гексозы, обвешанная с боков цепями алкилов и амидов. Немного похоже на стенку растительной клетки, но данный полимер намного прочнее целлюлозы, а площадь поверхности порядков на двадцать больше.

— Надеюсь, наши капсулы были абсолютно стерильны, — произнес Карпал. — Земные бактерии сразу набросились бы на эти организмы. Такой огромный плавающий углеводородный обед — и совершенно беззащитный.

Герман задумался:

— Возможно, если бы у них были ферменты для расщепления этих гигантов, а в этом я сомневаюсь. И вряд ли нам удастся об этом узнать. Даже если в астероидном поясе где-то и затаились споры бактерий от предыдущих экспедиций, каждый корабль диаспоры проверялся и перепроверялся много раз на наличие бактерий даже в пути. Мы не завезли оспу в эту Америку.

Паоло все еще пребывал в оцепенении:

— Но как же он создается? Как... растет?

Герман сделал запрос в библиотеке и ответил, до того как Паоло успел сделать то же самое:

— «Край ковра катализирует собственный рост. Полимер неправильный, апериодичный, в нем нет ни одного компонента, который бы повторялся. Предположительно насчи-

тывается около двадцати тысяч базовых структурных единиц, двадцать тысяч различных полисахаридных строительных блоков».

Паоло прекрасно представлял себе эту картину — длинные связки переплетенных цепей по всей двухсотмикронной толщине ковра, каждая в разрезе слегка напоминает квадрат и соединяется в нескольких тысячах мест с четырьмя соседними единицами.

— Даже на такой глубине в океане масса радикалов, получаемых под воздействием ультрафиолета, они проникают сюда с поверхности воды. Любая структурная единица, соприкасающаяся с водой, превращает эти радикалы в новые полисахариды, и возникает новая единица.

Паоло снова заглянул в библиотеку, ему хотелось увидеть модель данного процесса. Каталитические участки, находившиеся по краям каждой структурной единицы, удерживали радикалы достаточно долго для образования связей между ними. Некоторые простые сахара напрямую вплетались в полимер по мере их образования; другим позволялось свободно плавать в растворе в течение одной-двух микросекунд, а потом и они пускались в дело. На этом уровне применялось лишь несколько основных химических трюков... но и здесь поработала молекулярная эволюция — от небольших фрагментов, по воле случая возникших вначале в результате автокатализа, до данной сложной системы, состоящей из двадцати тысяч сообща самовоспроизводящихся структур. Если бы «структурные единицы» свободно плавали в океане в качестве самостоятельных молекул, то заключенная в них «жизненная форма» была бы практически невидимой. Связываясь вместе, они становились двадцатью разноцветными кусочками гигантской мозаики.

Просто поразительно. Паоло очень надеялся, что и Елена, независимо от того, где она сейчас, пользуется услугами библиотеки. Колония водорослей была бы более «развитой», но это невероятное первобытное существо открывало гораздо больше возможностей развития жизни. Здесь все делали углеводороды: они были и переносчиками информации, и энзимами, и источниками энергии, и структурным материалом. На Земле ничто подобное не выжило бы, ведь там были организмы, которые могли запросто съесть та-

кой ковер; и, если когда-либо появятся разумные орфейцы, они никогда не узнают о существовании столь необычных предков.

Карпал таинственно улыбался.

Паоло спросил его:

— В чем дело?

— Плитки Вана. Ковры сделаны из единиц — плиток Вана.

Герман снова опередил его, запросив библиотеку:

— «Ван, плотский математик двадцатого века, Хао Ван. Плитки — любой набор форм, которыми можно закрыть плоскость. Плитки Вана представляют собой квадраты с разноцветными сторонами, которые должны по цвету подойти к сторонам соседних квадратов. С помощью набора плиток Вана можно закрыть любую плоскость, если только правильно подбирать сами плитки. А в случае ковров — если удастся вырастить правильную форму».

Карпал добавил:

— Надо дать им название. «Ковры Вана» — в честь Хао Вана. После двух тысяч трехсот лет его математические открытия претворились в жизнь.

Паоло идея понравилась, но он все же сомневался:

— Возможно, мы не получим более двух третей голосов «за». Все как-то немного туманно...

Герман рассмеялся:

— А кому нужны эти две трети? Если мы хотим назвать их «коврами Вана», мы можем их так назвать, и все. В настоящее время в К-Ц активно используются девяносто семь языков, причем половина из них появилась уже после образования полиса. Не думаю, что нас отправят в изгнание за создание одного-единственного термина.

Паоло сдался, хотя и чувствовал себя немного смущенным. Просто он абсолютно забыл, что ни Герман, ни Карпал не говорили на современной латыни.

Все трое отдали инструкции своим экзотелам действовать следующим образом: если им придется услышать термин «ковры», преобразовывать его в «ковры Вана» и выполнять обратный перевод при общении с другими людьми.

Паоло выпил, воображая форму гигантской инопланетной жизни, первое существо, встреченное людьми или

транслюдьми, которое при этом не состояло бы с ними в биологическом родстве. Вот и наступил конец представлениям об уникальности Земли.

Однако они еще не опровергли утверждения антропокосмологов. Вернее, не до конца. Если верить им, человеческое сознание является семенем, вокруг которого кристаллизовались пространство и время (то есть Вселенная всего лишь простейшее воплощение человеческой мысли), значит, строго говоря, не должно быть и инопланетной жизни нигде. Но физики, так красиво объясняя существование человека, не могли не заявить и о миллиарде других миров, где также возможна жизнь. На антропокосмологов ковры Вана не произведут никакого впечатления; они будут стоять на своем: ковры являются физическими, а возможно, и биологическими родственниками человечества — *обыкновенный побочный продукт антропогенеза, физических* законов, позволяющих жизни возникнуть.

Настоящее испытание наступит, когда диаспора (или глейснеровские роботы) в конце концов встретит обладающих разумом инопланетян, чей мозг окажется абсолютно несхож с мозгом человека и которые тоже будут в состоянии наблюдать и объяснять Вселенную, созданную, по представлениям антропокосмологов, человеческой мыслью. Большинство антропокосмологов уже давно открыто заявили, что подобное просто невозможно, и это самое слабое место в данной теории. По их мнению, разумная инопланетная жизнь, в отличие от просто инопланетной жизни, создала бы собственную, отдельную Вселенную; крайне мала вероятность того, что две неродственные формы самоосознания изобрели бы одинаковые физические и космологические системы, не говоря уже о том, что никакая инопланетная биосфера не сможет породить разум эволюционным путем.

Паоло посмотрел на карту диаспоры и приободрился. Они уже обнаружили инопланетную жизнь, а ведь поиски только начались; им еще предстоит исследовать девятьсот девяносто восемь систем. И даже если ни на одной из них не удастся найти ничего большего, чем на Орфее... он готов высылать клонов и дальше и готов ждать. Разумная жизнь зарождалась на Земле на протяжении более четверти миллиарда лет, именно столько осталось до того, как Вега по-

кинет главную последовательность. Но ведь и прибыли они сюда в первую очередь потому, что Орфей — это не Земля.

Орландо отметил открытие микрозондов так, как было принято у первого поколения сканированных людей. Проходило все в бескрайнем саду, залитом солнцем и уставленном столами с едой; в приглашении было вежливо сказано, что присутствовать на празднике надлежит в человекоподобной форме. Паоло прибегнул к вежливой уловке: с физиологической точки зрения он полностью походил на человека, но управлял телом, как марионеткой, мозг при этом оставался свободным.

Орландо представил свою новую возлюбленную, Кэтрин, — высокую смуглую женщину. Паоло по виду не узнал ее, но проверил передаваемый ею идентификационный код. Полис у них был маленький, и Паоло уже, оказывается, встречался с ней, но тогда она была мужчиной по имени Сэмьюэл и работала физиком на разработке основного ядерного реактора, который использовали на всех кораблях диаспоры. Паоло позабавила мысль, что многие из присутствующих на празднике видят в его отце женщину. Большинство граждан К-Ц все еще придерживались принципа относительности пола, который вошел в моду в XXIII веке, причем сам Орландо так старательно внушал это сыну, что Паоло никогда ни о чем другом и не помышлял. Однако в моменты, когда парадоксы данного подхода были настолько явными, как сейчас, он задумывался, долго ли еще продержатся эти взгляды. Паоло был одного пола с Орландо, поэтому ему возлюбленная отца виделась женщиной; хотя он и знал Кэтрин как Сэмьюэла, точка зрения отца, как более близкого человека, брала верх. Орландо чувствовал себя гетеросексуальным мужчиной, каковым был ранее и его плотский предшественник... но и Сэмьюэл ощущал себя точно так же... причем каждый из них воспринимал второго в качестве гетеросексуальной женщины. Если при этом кое-кто из окружающих получал крайне запутанные сигналы, это их дело. Типичный компромисс К-Ц: никто не может взять на себя ответственность смести старые порядки и окончательно покончить с вопросом полов как таковым (как уже давно сделало большинство полисов), но никто при этом не может и противостоять той гибкос-

ти, которую предоставляет виртуальная, а не материальная реальность.

Паоло переходил от стола к столу, пробовал купанья, соблюдая таким образом приличия, но думал только о Елене, желая, чтобы она поскорее появилась. О биологии ковров Вана говорилось мало; большинство присутствовавших просто праздновали победу над теми, кто был против микрозондов, радовались, что теперь оппоненты потерпели поражение. Ведь стало яснее ясного, что «вторжение» не приносит никакого вреда. Страхи Лизл оказались необоснованными: в океане никакой другой жизни не обнаружено, только разные по размеру ковры Вана. Паоло испытывал странное чувство — ему все время хотелось напомнить этим самодовольным бунтарям: «Но ведь там, внизу, могло быть и еще что-то. Незнакомые нам существа, чувствительные и легко уязвимые, причем таким образом, о котором мы даже не могли и догадываться. Нам просто-напросто повезло, вот и все».

В результате он остался один на один с Орландо: оба пытались уйти от не нравившихся им гостей, и совершенно случайно их пути пересеклись.

— Как, по-твоему, всё это воспримут дома? — полюбопытствовал Паоло.

— Первый представитель жизни, не так ли? Не важно, что примитивной. По крайней мере, новости должны вызвать интерес в диаспоре, пока не будет обнаружено иной инопланетной биосферы. — Орландо казался подавленным, возможно, он смирился с тем, что на Земле ждут сногсшибательных результатов и не смогут по достоинству оценить их скромное открытие. — По крайней мере химические соединения совершенно новы. Если бы они были основаны на ДНК и белках, половина земного населения К-Ц тут же умерла бы от скуки. Давай смотреть правде в глаза: все возможности ДНК полностью смоделированы.

Паоло улыбнулся, услышав эту еретическую мысль:

— Думаешь, если бы природа не проявила немного оригинальности, это подорвало бы веру людей в хартию? Если бы солипсические полисы оказались изобретательнее, чем Вселенная...

— Именно так.

Они какое-то время шли молча, вдруг Орландо остановился, повернулся лицом к Паоло и сказал:

— Я давно хотел тебе кое-что сказать: мой земной двойник мертв.

— Что?!

— Пожалуйста, не волнуйся.

— Но... почему? Почему он...

«Мертв» могло означать только самоубийство, другой причины для смерти не существовало — только если бы Солнце вдруг превратилось в красного гиганта и поглотило все до самой орбиты Марса.

— Почему — не знаю. Может, это был вотум доверия диаспоре, — (Орландо ведь решил проснуться, только если обнаружится инопланетная жизнь), — или он отчаялся, ожидая хороших вестей от нас, и больше не мог этого выносить, потому что боялся разочароваться. Он ничего не объяснил. Просто его внешнее «я» послало мне сообщение, в котором констатировалось, что он сделал.

Паоло был потрясен. Если даже клон Орландо поддался пессимизму, трудно представить себе, в каком состоянии пребывают остальные люди К-Ц на Земле.

— Когда это случилось?

— Примерно через пятьдесят лет после запуска кораблей.

— Мой земной двойник ничего мне не говорил.

— Сказать тебе должен был я, а не он.

— Я так не думаю.

— И ошибаешься.

Паоло в смятении молчал. Как можно горевать по далекому «я» Орландо, когда рядом стоит тот, кого он считает настоящим?! Смерть одного клона представлялась странной полусмертью, и понять и принять ее, казалось, совсем непросто. Его земной двойник потерял отца; его отец потерял своего земного двойника. Но что это означает для Орландо? Его всегда больше всего волновал земной К-Ц.

Паоло осторожно произнес:

— Герман говорил мне, что на Земле прокатилась волна эмиграции и самоубийств, но это прекратилось, когда спектроскопы обнаружили существование воды на Орфее. С тех пор моральный дух значительно поднялся, а когда они услышат, что мы нашли здесь не только воду...

Орландо резко перебил его:

— Зачем ты мне это говоришь? Я не собираюсь повторять то, что сделал мой земной двойник.

Они стояли на лужайке друг напротив друга. Паоло составил дюжину комбинаций различных эмоций, которые мог бы передать Орландо, но все они казались неуместными. Он мог бы открыть отцу все свои истинные ощущения, но что бы это дало? В конце концов, существовали слияние и разделение. Ничего промежуточного.

Орландо воскликнул:

— Убить себя — и передать в твои руки судьбу трансчеловечества?! Ты окончательно сошел с ума.

И они, смеясь, пошли дальше.

Карпал, казалось, едва смог собраться с мыслями, чтобы что-то сказать. Паоло предложил бы ему мозговой трансплантат спокойствия и концентрации (подборку моментов своей максимальной сосредоточенности), но он был уверен, что Карпал никогда не примет ничего подобного. Вместо этого он посоветовал:

— Почему бы тебе не начать — с чего угодно? Если будешь нести чушь, я тебя остановлю.

Карпал оглядел белый двенадцатигранник с выражением недоверия:

— Ты здесь живешь?

— Иногда.

— Но это твоя основная окружающая обстановка? Никаких деревьев? И неба? Никакой мебели?

Паоло решил не повторять шутки Германа над бывшим наивным роботом:

— Я добавляю их, когда мне хочется. Ну, как... музыку. Слушай, не отвлекайся на обсуждение моих вкусов.

Карпал создал стул и грузно опустился на него.

— Две тысячи триста лет тому назад Хао Ван доказал вескую теорему, — сказал он. — Представь себе ряд плиток Ваня, словно это лента с данными машины Тьюринга[1].

---

[1] *Машина Тьюринга* — название, закрепившееся за абстрактными (воображаемыми) «вычислительными машинами» некоторого точно охарактеризованного типа, дающими уточнение общего интуитивного представления об алгоритме. Концепция такого рода машины сложилась в середине 30-х годов XX века у Алана Матисона Тьюринга (1912—1954) в результате произведенного им анализа действий человека, выполняющего в соответствии с заранее разработанным планом те или иные вычисления.

Паоло сделал запрос в библиотеку о термине. Оказалось, что это концептуальный прототип вычислительного устройства, воображаемая машина, которая двигалась взад и вперед по бесконечной одномерной ленте данных, считывала и вписывала символы в соответствии с заданным набором правил.

— Если плитки подобраны верно, получится нужный узор, и следующий ряд плиток будет напоминать ленту с данными, после того как машина Тьюринга совершила первый шаг вычислений. А следующий ряд будет лентой данных после двух шагов машины, и так далее. Для каждой определенной машины Тьюринга существует определенный набор плиток Вана, которые могут имитировать ее шаги.

Паоло вежливо кивнул. Он впервые слышал столь необычные рассуждения, но они его не удивили.

— Ковры каждую секунду проводят миллиарды вычислений... но то же самое проделывают и окружающие их молекулы воды. Все физические процессы включают в себя те или иные расчеты.

— Верно. Но что касается ковров, это не простые беспорядочные движения молекул.

— Возможно.

Карпал улыбнулся, но ничего не сказал.

— Что, ты вывел принцип? Только не говори, что наш набор из двадцати тысяч полисахаридов плиток Вана совершенно случайно соответствует машине Тьюринга для определения числа π.

— Нет. Они образуют универсальную машину Тьюринга. Они могут вычислить все, что угодно, — в зависимости от исходных данных. Каждый дочерний фрагмент похож на программу, которую запускают в химический компьютер. Управляет программой рост.

— Ага. — В Паоло проснулось любопытство, но ему трудно было представить себе, где размещалась головка чтения/записи гипотетической машины Тьюринга. — То есть ты хочешь сказать, что в каждом новом ряду происходит замена всего лишь одной плитки, в том месте, где «машина» оставляет пометку на «ленте данных»...

Мозаичный узор, который он видел, представлялся ему хаотично сложным, ни один ряд даже приблизительно не повторял предыдущий.

— Нет-нет, — возразил Карпал. — Первоначальная модель Вана функционировала в точности как стандартная машина Тьюринга... но ковры больше похожи на произвольный набор различных компьютеров с перекрывающимися данными, причем все они работают параллельно. Здесь биологический механизм, а не машина, сконструированная человеком, поэтому тут все беспорядочно и необузданно, как... в случае, к примеру, генома млекопитающих. Между прочим, аналогии с последовательностью генов тоже наблюдаются. Я вычленил сети Кауфмана[1] на каждом из уровней, начиная с правил, по которым уложены плитки; вся система держится на гиперадаптивной грани между застывшим и хаотическим поведением.

Паоло переваривал услышанное не без помощи библиотеки. Как и биологическая жизнь на Земле, ковры, по всей видимости, сочетали в себе определенную степень устойчивости и гибкости, которая в условиях местного естественного отбора обеспечивала им максимальные преимущества. Очевидно, сразу после образования Орфея возникли тысячи различных автокаталитических химических цепей, но так как на протяжении ранних сложных тысячелетий в системе Веги сменились и химия океана, и климат, то способность реагировать на изменения условий селекции и стала критерием этой самой селекции, в результате чего появились ковры. Теперь, спустя сто миллионов лет относительной стабильности, в отсутствие хищников или конкуренции, их сложность казалась избыточной, но она сохранилась.

— Значит, раз ковры получились этакими универсальными компьютерами... но при этом сейчас нет никакой потребности реагировать на окружающую среду... что же они делают, для чего им нужны эти способности к компьютерной обработке?

— Сейчас покажу, — торжественно объявил Карпал.

Паоло последовал за ним. Они парили над схематическим изображением одного из ковров, простирающимся вдаль, насколько хватало взгляда, и извилистым и закрученным, как настоящий, хотя во всем остальном сильно

---

[1] *Кауфман Стюарт* — биолог, один из пионеров в области моделирования генетических сетей.

стилизованным: каждый полисахаридный строительный блок был изображен в виде квадрата, стороны которого отличались друг от друга по цвету. Соприкасающиеся грани соседних квадратов были выкрашены в одинаковый цвет, чтобы продемонстрировать комплементарное взаимодействие соседних блоков.

— Одной группе микрозондов наконец-то удалось выделить целостный дочерний фрагмент, — объяснял тем временем Карпал, — хотя первичные грани, с которых началась жизнь данного фрагмента, можно представить очень приблизительно, потому что, пока микрозонды пробовали проанализировать фрагмент, он продолжал расти.

Не желая отвлекаться на несущественные детали, Карпал сделал нетерпеливый жест, и тут же все складки и морщины разгладились. Передвинувшись к одному из неровных краев ковра, Карпал попробовал воспроизвести процесс его создания и роста.

Паоло наблюдал, как по всем правилам сочетания плиток растет мозаичный узор — процесс, подчиненный точным математическим законам, никаких случайных столкновений радикалов с центрами катализации, никаких несоответствий границ между двумя новыми плитками, которые могут повлечь за собой разделение. Все эти беспорядочные перемещения приводили к безупречным результатам.

Паоло последовал за Карпалом выше, туда, где он мог видеть все тонкости сплетаемых узоров, накладывающиеся по растущему краю, с периодичностью повторяющиеся сложноструктурированные участки; они сталкивались и вступали во взаимодействие друг с другом, иногда проходили один сквозь другой. Подвижные псевдомагниты, квазистабильные волновые образования в одномерной Вселенной. Второе измерение ковра больше напоминало время, чем пространство, — перманентная запись всей истории участка ковра.

Карпал словно читал его мысли:

— Одномерный. Более чем плоский. Никакой связности, никакой сложности структуры. Что особенного может происходить в такой системе? Ничего интересного, так?

Он хлопнул в ладоши, и пространство вокруг Паоло взорвалось. Через его сознание проносились цветные дорожки, они переплетались, затем растворялись в виде светящегося облака.

— Нет, не так. Все это происходит в многомерном частотном пространстве. Я использовал преобразование Фурье, разложив край ковра на тысячу компонентов, и в каждом из них содержится независимая информация. Здесь мы видим лишь очень узкий срез, всего-навсего шестнадцатимерный, но на его примере можно изучить основные компоненты, увидеть все в максимально детализированном виде.

Паоло закружился в бессмысленном вихре цвета, он ощущал себя абсолютно потерянным и ничего не понимал.

— Ты глейснеровский робот, Карпал! «Всего-навсего шестнадцатимерный»! Как у тебя это получилось?

— Почему, ты думаешь, я перебрался в К-Ц? — Голос Карпала был обиженный. — Я думал, что люди намного более гибкие!

— То, что ты делаешь, — это... — «А что это? Ересь? Но ереси не существует. По крайней мере официально». — Ты кому-нибудь это уже показывал?

— Конечно нет. Кого ты имеешь в виду? Лизл? Германа?

— Хорошо. Я знаю, что значит держать язык за зубами. — Паоло вызвал свое внешнее «я», а сам переместился в двенадцатигранник и сказал в пустоту: — Что же мне с этим делать? Физическая Вселенная имеет три пространственных измерения плюс время. Граждане Картер-Цимммермана живут в физической Вселенной. Игры с многочисленными измерениями — занятие солипсистов.

Но, даже говоря это, он вдруг осознал, как помпезно звучат его слова. Какая-то произвольная доктрина, а вовсе не высокоморальный принцип.

Но именно с этой доктриной он жил уже на протяжении двадцати столетий.

Карпал был не столько обижен, сколько потрясен:

— Только так можно себе представить все, что происходит. Это единственный разумный подход к пониманию данного явления. А разве ты не хочешь узнать, какие они в действительности, эти ковры?

Паоло почувствовал, что может поддаться. Попробовать ощутить себя частью шестнадцатимерного участка тысячемерного частотного пространства? Но ведь только ради понимания реальной физической системы, а не ради удовольствия.

И совсем не обязательно кому-либо об этом рассказывать.

Он запустил программу самопредсказания. Девяносто три процента вероятности, что он поддастся искушению после пятнадцати минут мучительных размышлений. Зачем же заставлять Карпала ждать так долго?

— Тебе придется одолжить мне алгоритм формирования мозга, — сказал он. — Мое внешнее «я» не будет знать, с чего начать.

Покончив с этим, Паоло набрался решимости и вернулся к Карпалу. На какое-то мгновение его окружил прежний бессмысленный вихрь цвета.

Но вот вдруг все стало необыкновенно четким.

Вокруг них проплывали какие-то существа, ветвистые трубочки, похожие на подвижные кораллы, ярко окрашенные во все оттенки, какие только мог себе представить Паоло. Может, это Карпал пытается поделиться с ним информацией, для демонстрации которой шестнадцати измерений недостаточно? Паоло посмотрел на собственное тело — все на месте, но при этом он видел все вокруг в тринадцати измерениях, в которых тело его представлялось не более чем булавочной головкой; он быстро отвел взгляд. Для его измененной системы восприятия «кораллы» казались гораздо более естественными, они занимали все шестнадцать измерений во всех направлениях, причем было ясно, что это не предел. К тому же Паоло ни на секунду не сомневался, что они живые; они даже внешне больше походили на представителей органической жизни, чем сами ковры.

— В каждой точке данного пространства закодирован некий квазипериодический узор плиток, — произнес Карпал. — Каждое измерение представляет новый характерный параметр — подобно длине волны, хотя аналогия и неточная. Положение в каждом измерении демонстрирует другие свойства узора и определяет конкретные плитки. Поэтому локализованные системы, окружающие нас, — это сгустки нескольких миллиардов узоров, причем свойства каждого из них в чем-то схожи при схожей длине волн.

Они отодвинулись от проплывающего мимо «коралла» и приблизились к стайке существ, похожих на медуз, — колеблющиеся гиперсферы с извивающимися тонкими усиками (причем каждый из этих усиков был больше Паоло).

Между «медузами» быстро-быстро носились малюсенькие существа, напоминавшие драгоценные камни. Паоло только сейчас заметил, что здесь все двигались совсем не так, как твердый предмет, плывущий сквозь нормальное пространство; тут движение подразумевало еще и светящуюся деформацию ведущей гиперповерхности. На первый взгляд казалось, что все существа раскладываются на части, а потом снова собираются.

Карпал тащил его вперед, дальше в таинственный океан. Там были спиралевидные черви, они свернулись вместе в огромном количестве, но каждый отдельный организм корчился и извивался, а потом снова сплетался с остальными... хотя не всегда так же, как прежде. Кроме этого встречались яркие, разноцветные цветки без стеблей, сложные гиперконусы, состоящие из пятнадцатимерных тончайших, словно паутинка, лепестков, каждый из которых представлял удивительный, гипнотический, фрактальный[1] лабиринт расщелин и капилляров. Были тут и когтистые страшилища, сворачивающиеся в колючие узлы, похожие на оргии обезглавленных скорпионов.

— Можно дать людям посмотреть на все это в обычном трехмерном пространстве, — неуверенно произнес Паоло. — Будет достаточно, чтобы они поняли, что... тут есть жизнь. Хотя они будут здорово потрясены.

Жизнь как результат случайных вычислений ковров Вана, без малейшей возможности связи с внешним миром. Это настоящий вызов всей философии Картер-Циммермана: если природа могла создать организмы, столь отдаленные от реальности, как жители самого что ни на есть интровертного полиса, в чем же заключается преимущество физической Вселенной, ясное различие между истиной и иллюзией?

После трехсот лет ожидания хороших новостей от диаспоры как они там, на Земле, отреагируют на такое?

— Я должен показать тебе кое-что еще, — сказал Карпал.

Он назвал бы этих существ кальмарами, и не случайно. Может, дальние родственники медуз? Они тыкали друг друга своими щупальцами, и выглядело это крайне сексуально, но Карпал объяснил:

---

[1] *Фрактал* (от *лат. fractus* — разбитый) — неравномерная форма или поверхность, получаемая в результате процедуры повторяющегося деления.

— Тут не существует аналога света. Мы видим все, что происходит, в специально созданной системе, не имеющей ничего общего со здешней физикой. Все существа здесь собирают информацию друг о друге только путем контакта, что, впрочем, является очень эффективным способом обмена информацией, особенно учитывая большое количество измерений. Ты сейчас видишь тактильное общение.

— Общение по поводу чего?

— Думаю, обычные сплетни. Общественные взаимоотношения.

Паоло уставился на извивающиеся щупальца:

— Ты считаешь, это разумные существа?

Карпал широко улыбнулся:

— У них есть центральная структура управления, причем система связей развита лучше, чем в человеческом мозге. Именно в этой структуре происходит упорядочение данных, полученных через оболочки. Я составил схему этого органа и уже начал анализировать его функции.

Он вывел Паоло в другую окружающую обстановку и показал, как выглядят информационные структуры в «мозгу» одного из «кальмаров». Слава богу, модель была трехмерной и в высшей степени стилизованной. Прозрачные разноцветные блоки отмечали ярлычки, обозначающие психические символы; они были соединены широкими линиями, показывающими различные основные связи между блоками. Паоло видел похожие диаграммы мозга трансчеловека; данная модель была намного проще, но все же пугающе знакома.

Карпал продолжал:

— Вот сенсорная схема его окружения. Масса тел других «кальмаров» плюс туманные сведения о том, где именно в последний раз находились иные мелкие существа. Но видишь, символы активируются в присутствии других «кальмаров» и связаны вот с этими, — он прочертил по линии связи пальцем, — представлениями целостной структуры.

«Целостная структура» оказалась набором ярлычков поиска воспоминаний, простых тропизмов[1], краткосрочных целей. Общие вопросы жизнедеятельности.

---

[1] *Тропизм* — направленное ростовое движение или изгиб органов растений, вызванные односторонним действием некоторого раздражителя.

— В «мозгу» «кальмара» находятся схемы не только тел других «кальмаров», но и их «мозгов». В любом случае, ошибаясь или нет, он пытается понять, что думают остальные. И, — Карпал указал на линии связей, которые вели к другому, более детальному изображению «мозга» «кальмара», — еще он думает о своих собственных мыслях. Я бы назвал это именно сознанием. А ты?

— И ты молчал? — ослабевшим голосом произнес Паоло. — Ты столько всего узнал, но при этом никому ничего не сказал...

Карпал смягчился:

— Знаю, это эгоистично, но, как только я расшифровал взаимодействие узоров плиток, я уже не мог отвлечься даже на то, чтобы начать объяснять все это кому-то еще. А к тебе я обратился к первому, потому что хотел посоветоваться о том, как лучше рассказать об этом остальным.

Паоло горько рассмеялся:

— Как лучше рассказать остальным о том, что первая разумная инопланетная жизнь запрятана внутри биологического компьютера? Что все, что пыталась доказать диаспора, перевернуто с ног на голову? Как лучше объяснить гражданам Картер-Циммермана, что после трехсотлетнего перелета выяснилось: они спокойно могли оставаться на Земле, продолжая создавать модели, которые совсем не похожи на реальную физическую Вселенную?

Карпал спокойно выдержал эти нападки:

— Меня скорее заботило, как лучше объяснить, что если бы мы не отправились в это путешествие на Орфей и не изучили ковры Вана, то никогда не смогли бы заявить солипсистам Эштон-Лаваля, что все придуманные ими сложные формы жизни и экзотические вселенные бледнеют перед тем, что обнаружили мы. И смогли открыть все это лишь представители диаспоры Картер-Циммермана.

Паоло и Елена стояли вместе на краю спутникового Пинатубо и наблюдали за тем, как один зонд-разведчик нацеливал свой мазер на отдаленную точку в пространстве. Паоло показалось, что он даже увидел слабый поток микроволн от луча мазера, столкнувшегося с обогащенной железом метеоритной пылью. Сознание Елены рассеяно по всему космосу. Лучше об этом и не думать.

— Когда встретишь других меня, которым не довелось побывать на Орфее, предложи им мозговые трансплантаты, чтобы они не завидовали, — произнес Паоло.

Она нахмурилась:

— Угу. Может, и не предложу. Зачем тратить время на моделирование? Но скорее всего предложу. Тебе следовало попросить меня об этом до того, как я прошла клонирование. И завидовать-то нечему. Нам еще предстоит открыть миры куда более загадочные, чем Орфей.

— Сомневаюсь. А ты правда так думаешь?

— Если бы я так не думала, то не пошла бы на это.

Елена уже была не в состоянии изменить судьбу замороженных клонов своего предыдущего «я», однако право на эмиграцию имели все.

Паоло взял ее за руку. Ультрафиолетовый луч был направлен почти что на Регулус, он был горяч и очень ярок. Паоло отвел взгляд и остановился на прохладном желтом свете Солнца.

Пока представители К-Ц на Веге на удивление спокойно восприняли известие о «кальмарах». То, как преподнес новости Карпал, смягчило удар. Только пролетев такое огромное расстояние через реальную, физическую Вселенную, они смогли сделать это открытие; и просто удивительно, насколько прагматичными стали даже самые ярые доктринеры. До запуска кораблей самой страшной считалась сама мысль об «инопланетных солипсистах», ничего ужаснее, по тогдашнему мнению диаспоры, встретить они не могли; но вот теперь они тут, на Орфее, столкнулись именно с этим, и люди находят возможность взглянуть на происходящее в лучшем свете. Орландо даже заявил: «Прекрасная приманка для маргинальных полисов. Путешествуйте через реальное пространство, чтобы увидеть настоящую инопланетную виртуальную реальность. Мы сможем пропагандировать это как синтез двух миров».

Однако Паоло все еще волновался о том, как воспримут новости на Земле. Там его земной двойник и остальные люди надеются, что открытие жизни на других планетах подскажет им их собственный путь. Может, они примут все слишком близко к сердцу и удалятся в собственные уединенные миры, забудут про физическую реальность?

И еще он думал о том, опровергнут ли наконец утверждения антропокосмологов... Карпал открыл инопланетную разумную жизнь, она, правда, заключена в собственный космос, ее самоощущения, ее окружение ни укрепляют, ни противоречат представлениям человечества или трансчеловечества о реальности. До того как К-Ц сможет разобраться с этическими проблемами и попытается войти в контакт, пройдет не одно тысячелетие... и это в том случае, если ковры Вана и наследуемые структуры «кальмаров» просуществуют так долго.

Паоло осмотрелся: вокруг дикая красота перечеркнутой лугом Галактики; он почувствовал, как галактический диск приблизился к нему и пролетел сквозь него. Возможно ли, что вся эта странная, бессистемная красота существует лишь для тех, кто желает ее видеть? Всего лишь сумма ответов на все вопросы, которые человечество и трансчеловечество когда-либо задавали о Вселенной?

Он не мог в это поверить, но вопрос остался без ответа.

Пока.

ПОЛ АНДЕРСОН

Генезис

Пол Андерсон (1926—2001), наряду с Артуром Кларком, одновременно является и литературным предшественником, и ярким представителем твердой научной фантастики. Его стиль и подход к жанру, воплощенные, например, в рассказе «Kyrie» («Kyrie»), во многом повлияли на таких авторов, как Стивен Бакстер, Кен Маклеод и Грег Иган. Гранд-мастер фантастики был женат на писательнице и поэтессе, признанной красавице Карен Андерсон, в соавторстве с которой создал несколько произведений. Его дочь, Астрид, замужем за писателем Грегом Биром. Для тех, кто вырос на его книгах, Андерсон — фигура героического масштаба, один из легендарных богов научной фантастики. Величину его вклада в развитие жанра трудно переоценить: Андерсон заложил фундамент всему, что пишется сейчас. Профессионал, эрудит, великолепный стилист и мастер своего дела, он знал и умел все. В свое время Андерсон начал писать, чтобы заработать на обучение, но, получив диплом физика в 1948 году, продолжил заниматься литературой. Его первый роман, «Кладовая веков» («Vault of the Ages»), был опубликован в 1952 году. Андерсон создавал и фэнтези, например роман «Сломанный меч» («The Broken Sword», 1954), и детективы — удостоенный премии Cock Robin Award роман «Погибнуть от меча» («Perish by the Sword», 1959), но тем не менее заслуженно считается основоположником твердой научной фантастики. «Энциклопедия научной фантастики» назвала его одним из самых плодовитых писателей, неизменно работавшим на высочайшем уровне.

В своих произведениях Андерсон прославлял воинскую доблесть, честь, верность, самопожертвование и зачастую ставил персонажей в ситуации, позволяющие в полной мере проявить эти качества. Но, как правило, писал он все-таки не о войне. Его герои в основном деловые люди (например, хитроумный торговец Николас ван Рийн), хотя встречаются среди них и солдаты (Доминик Фландри), и ученые — персонажи «Тау-Ноль» («Tau Zero») и «Игр Сатурна» («The Saturn Game»).

В целом можно сказать, что героический масштаб и трагический пафос Андерсона роднят его с романтизмом XIX века; типичный герой писателя, как правило, немало выстрадал на своем веку, однако не лишен прагматизма и практической жилки — сплав черт, характерный для персонажей

научной фантастики. Андерсон подробно описывает переживания своих героев, но по-настоящему важно для него лишь то, как они поступают, невзирая на чувства.

Перу Андерсона принадлежит немало мощных и красочных научно-фантастических романов и рассказов, начиная с «Волны мысли» («Brain Wave», 1954) и заканчивая «Челном на миллион лет» («The Boat of a Million Years», 1989). Из всего обилия работ хочется особенно отметить великолепный сборник «Единая Вселенная» («All One Universe»), в который вошли не только блестящие рассказы, но и интересные эссе. Наиболее известными произведениями писателя считаются «Наследие звезд» («Heritage of Stars», 1993), «Генезис» («Genesis», 2000) и «Тау-Ноль» («Tau Zero», 1970), для которых характерны пространственно-временной размах и интересные идеи из области астрономии и физики. Даже в самых динамичных и откровенно приключенческих произведениях Андерсон зачастую начинает с расчета орбиты планеты и вообще демонстрирует исключительную точность в физике, химии и биологии. Научным гипотезам посвящена его книга «Есть ли жизнь в других мирах?» («Is there Life on Other Worlds», 1963). Кроме того, в своем творчестве он нередко затрагивал философские и социальные вопросы, следуя традиции Хайнлайна.

Как и Грег Иган в «Коврах Вана», в повести «Генезис» Андерсон обращается к одной из ведущих тем научной фантастики 1990-х годов — виртуальной жизни — и мастерски сплавляет ее с тематикой традиционной космической оперы — межпланетными цивилизациями, всемогущими компьютерами и проблемой выживания человека. Эта повесть впервые была опубликована в антологии твердой фантастики «Далекое будущее» («Far Futures»), а затем послужила основой для романа «Генезис».

Но не ее ль я должен был любить?..
Пит Хейн

1

Ни один человек не мог ни представить образ мысли, ни произнести ее вслух. У мысли не было начала, она спала тысячи и тысячи лет, пока рос мозг Галактики. Порой она переходила от одного сознания к другому: годы, десятки лет летела сквозь космос со скоростью света, и наносекунд хватало, чтобы получить сообщение, воспри-

нять его, обдумать и отправить дальше. Но было еще многое: и целая Вселенная реальностей, и бесконечность фактов и абстракций; и потому в памяти Земля осталась лишь крупицей среди миллиардов других событий.

А галактический мозг находился в ту пору еще во младенчестве, сам же считал себя рождающимся. Члены его развернулись из конца в конец рукавов спирали, достигли ближайших звездных скоплений, таких как Магеллановы Облака. Семена их летели и дальше, а иные осели на берегах Андромеды.

Каждое семя было комплексом организмов, машин и взаимоотношений между ними. (Пишу «организмов» — это слово лучше других подходит для того, что само себя поддерживает, по необходимости воспроизводит, а также обладает сознанием от рудиментарного до трансцендентного, хотя соединения углерода составляют лишь малую часть его материальных компонентов, а жизненные процессы проходят в основном на квантовом уровне.) Число им было — многие миллионы, и быстро росло, равно как и в пределах Млечного Пути, ибо и там основатели будущих поколений находили себе новые дома.

Так непрестанно развивался галактический мозг, хотя с космической точки зрения он еще едва возник. Мысли едва хватило времени, чтобы пару тысяч раз пересечь его из конца в конец.

Личности членов своих мозг не поглощал, и все они сохраняли индивидуальность и развивались каждый по-своему. Посему станем их называть не клетками, а узлами.

А различия меж ними воистину были. Каждый нес в себе столько уникального, сколько не способно вместить ни одно существо из протоплазмы. Хаотические колебания квантов обеспечивали тот факт, что ни один из узлов не напоминал своих предков. Помогала тому и среда их обитания — особенности условий небесного тела (что за планета, спутник, астероид, комета?) или свободной орбиты, солнце (одно оно или их несколько, и какие, и какого возраста?), туманности, призрачные приливы и отливы межзвездного пространства...

Да и каждый узел состоял не из одного разума, а из многих — стольких, сколько он сам решит. По своей воле он мог их пробуждать, и по своей воле гасить, и сливать

воедино, и заново разделять, и пользоваться какими угодно телами и органами чувств, покуда хочет, и вечно экспериментировать, творить, размышлять, и искать ответы на вопросы, которые сам перед собой поставил.

А значит, каждый узел занимался одновременно миллиардами дел: один, может, углублялся в неведомые области математики, другой сочинял великолепную музыку, выходившую уже за пределы звука, третий наблюдал судьбы органической жизни на какой-нибудь планете, которую, вероятно, сам с этой целью и создал, четвертый... Человеческих слов тут не хватит.

Однако же все узлы постоянно поддерживали между собой связь через световые годы, пользуясь любыми доступными им средствами. Вот это-то и был галактический мозг. Общность, медленно срастающаяся воедино, способная миллионы лет провести за созерцанием мысли — но мысли столь же огромной, как мыслитель, в очах которого тысяча лет была как день и день — как тысяча лет.

Уже сейчас, в дни своего младенчества, мозг влиял на то, как живет Вселенная. Пришло время, когда один из узлов полностью вспомнил Землю. Вливпись в постоянный поток информации, идей, чувств и мечтаний, и кто знает, чего еще, память о ней передалась другим. Иные из тех решили, что вопросом стоит заняться, и передали его третьим. Так память о Земле путешествовала через световые годы и столетия, развивалась и наконец обратилась в решение, достигшее того узла, который был больше всех прочих способен к действию.

Вот как все было, если облечь происшедшее в слова, хоть и неточные. Что же до следующего, чему надлежало случиться, я вижу, что слова и вовсе негодны. Как рассказать о диалоге разума с самим собой, когда мышление есть последовательность квантовых колебаний по схеме столь же сложной, как волновые функции, когда вычислительные способности и объем базы данных имеют величину, при которой любая мера теряет значение, когда интеллект выделяет из самого себя аспекты, чтобы общаться с ними, будто с личностями, а потом вновь втянуть в свою полноту, и когда весь разговор занимает всего микросекунды планетарного времени?

Никак, лишь неясными намеками на грани заблуждений. Древние люди для того, что не могли вместить в слова,

использовали язык мифа. Солнце было тогда огненной колесницей, мчавшейся по небесам, год — умирающим и возрождающимся богом, смерть — карой за грехи предков. Создадим же и мы свой миф, чтобы описать призвание Земли.

Представь себе первичный аспект основного сознания узла будто бы одним могучим существом, назову его Альфой. Представь незначительное его проявление, которое узел синтезировал и собирался выпустить в самостоятельное бытие, вторым существом. Вообрази, что по причинам, которые станут ясны позднее, оно мужского пола, а зовут его Странником.

Все это, начиная с имен, — миф и метафора. Ведь у существ вроде тех, о которых идет речь, имен не бывает. Есть у них, правда, что-то вроде личности, и ее узнают другие, им подобные. Они не разговаривают и ничего между собой не обсуждают, да и слово «они» к ним не очень-то применимо. Но ты все равно представь, как я прошу.

А еще представь себе то, что их окружает, — не таким, как его воспринимают их разнообразные сенсоры или творят их сознание и эмоции, а как если бы человеческие органы чувств передавали информацию человеческому мозгу. Получится не картина, а так, набросок. Дело в том, что мы очень многое не сумели бы увидеть. Однако же человек на астрономической дистанции мог бы обнаружить карликовую звезду М-2 парсеках примерно в пятидесяти от Солнца и даже убедиться, что у нее есть планеты. А почувствовав невероятные и загадочные энергии, очень удивиться.

Звезда сама по себе была ничем не выдающаяся. В Галактике таких миллиарды. Давным-давно один искусственный интеллект — очень неплохой по меркам той стадии развития — обосновался около нее, потому что там находилась планета с забавными формами жизни, которые стоило изучить. Исследования длились миллионы лет, а сам интеллект тем временем рос и начинал интересоваться все более разнообразными предметами, в первую очередь — собственной эволюцией. Еще он думал, почему звезда способна так долго оставаться холодной. Узел же не хотел вмешиваться в крупные перемены своей среды обитания, покуда мог этого избежать.

Звезды за это время сдвинулись со своих мест относительно друг друга. Теперь наша М-2 оказалась ближайшей

к Солнцу обитаемой системой. Те, которые находились еще ближе, не представляли такого интереса, поэтому их разве что навещали иногда. Бывало, пронесется мимо узел, живущий в открытом пространстве, да и только.

Для мифа, который мы творим, важно, что на планете возле М-2 жизнь была (по статистике, она в космосе встречается нечасто), а вот разумных видов так и не появилось. Они вообще исчезающе редки, потому каждый вдвойне дорог.

Солнце у себя над головой наш воображаемый человек увидел бы по-осеннему желтым, по-домашнему теплым. Обращались вокруг него не только планеты и спутники поменьше, но и огромные искусственные структуры. Издалека они казались паутиной (а звезды — нанизанными на ее нити каплями росы), а на самом деле были по большей части силовыми полями. Они собирали и фокусировали энергию, нужную Альфе, устремляли свой поиск в глубины космоса и атома, черпали из потока мыслей галактического мозга, а также делали еще много чего, не умещающегося в рамки мифа.

В них — не то чтобы в каком-то конкретном месте, а скорее во всем их хитросплетении — жила Альфа. И Странник тоже там жил до некоторого времени.

Представь себе величавый голос:

Добро пожаловать в бытие. Задача твоя велика и, может статься, опасна. Готов ли ты?

Если Странник и помедлил с ответом (всего мгновение, не больше), то не из страха претерпеть вред, а из опаски его причинить.

Расскажи мне. Помоги мне понять.

Солнце...

Светило древней Земли, с тех пор как возникло, постоянно разогревавшееся, но способное сохранять стабильность еще миллиарды лет, пока не выжжет весь свой запас водорода и не превратится в красного гиганта. Однако же...

Быстрая серия подсчетов.

Да. Я вижу.

По превышении порога излучения гео- и биохимические циклы, поддерживающие на постоянном уровне температуру Земли, нарушатся. Вследствие потепления в атмосфере появится большее количество водяных паров, что приведет к парниковому эффекту. Облачный покров станет плотнее,

альбедо[1] возрастет, но это лишь отсрочит катастрофу. Молекулы воды, оказавшиеся выше облаков, под воздействием жестких лучей начнут превращаться в водород, улетучивающийся в космос, и кислород, связывающийся с различными веществами на поверхности Земли. Начнутся пожары, высвобождающие чудовищные объемы углекислого газа. Обнажившиеся из-за эрозии почв минералы будут нагреваться. Так наступит вторая фаза парникового эффекта. Придет время, когда до конца выкипит Мировой океан и останется голый шар, подобный Венере. Но задолго до того жизнь на Земле сохранится лишь в памяти квантового разума.

Когда наступит полное уничтожение жизни?

В срок порядка сотен тысяч лет.

Странника обожгла боль Кристиана Брэннока, родившегося на древней Земле и страстно любившего свою живую планету. Давным-давно его сознание влилось в колоссальную общность, а потом дробилось и делилось, пока его копии не наводнили весь галактический разум так же, как интеллекты миллионов других людей — незаметные, словно гены в человеческой плоти, но все же важные элементы единого целого.

Просмотрев свою базу данных, Альфа нашла запись о Кристиане Брэнноке и решила включить в сущность Странника именно его, а не кого-нибудь другого. Произошло это, ну, скажем так, интуитивно.

А точнее нельзя? — спросил он.

Нельзя, — ответила Альфа. — *Слишком много непредсказуемых факторов. На запросы Гея если и отвечает, то уклончиво.*

Геей в нашем мифе будут звать узел, расположенный в Солнечной системе.

А... мы что... так мало думаем о Земле?

Нам надо еще много о чем думать, верно? Гея могла бы в любой момент обратиться с просьбой об уделении особого внимания. Но ни разу не обращалась. Поэтому вопрос считался не имеющим большой важности. Земля людей хранится в нашей памяти. Что есть она ныне, как не планета, приближающаяся к постбиологической фазе развития? Да, действительно, она представляет для нас немалый

---

[1] *Альбедо* — характеристика отражательных свойств поверхности какого-либо тела.

интерес, поскольку спонтанно возникающие биомы крайне редки. Но Гея вела наблюдение и собирала информацию, доступную любому из нас по мере необходимости. В Солнечной системе посетители бывали нечасто, в последний раз — два миллиона лет назад. С тех пор Гея все больше удаляется от нашего сообщества, сеансы связи с ней становятся короткими и формальными. Правда, это не первый такой случай. Например, узел может погрузиться в философские рассуждения и хотеть, чтобы его не беспокоили до тех пор, пока он не будет готов вынести их на общее рассмотрение. В общем, Земля ничем не вызывала у нас беспокойства.

Я-то про нее не забыл бы, — шепнул Кристиан Брэннок.

И почему мы вдруг о ней вспомнили? — спросил Странник.

Нам пришло на ум, что Землю стоит спасти. Возможно, на ней есть нечто большее, чем Гея знает... или говорит нам. А если и нет — то спасем ее хотя бы из сентиментальных побуждений.

Ясно, — сказал Кристиан Брэннок.

Помимо того, мы можем получить новый опыт и создать прецедент, что потенциально гораздо более важно. Если разум способен сохраниться после гибели звезд, он должен пережить и всю Вселенную. Труды миллиардов, триллионов лет начнутся с небольшого эксперимента. Не провести ли его сейчас (а что значит слово «сейчас» для бессмертных существ, уже старых по геологическим меркам?) — на Земле?

Ничего себе, небольшой эксперимент, — пробормотал Странник: Кристиан Брэннок был в свое время инженером.

Ну, не очень небольшой, — согласилась Альфа. — *Но, учитывая протяженность времени, у нас в распоряжении будут ресурсы всего нескольких звезд. Тем не менее, если мы не запоздаем с началом, перед нами откроется множество возможностей. Вопрос в том, как нам лучше всего действовать, а прежде всего — следует ли действовать вообще. Хочешь поискать на него ответ?*

Да, — сказал Странник.

А Кристиан Брэннок крикнул:

Черт возьми, да, конечно!

В направлении Солнца полетел космический корабль. Лазерный двигатель, питаемый энергией звезды и управ-

ляемый сетью межпланетных сопряжений, разогнал его почти до скорости света. При необходимости к концу пути корабль мог затормозить, попутешествовать сколько надо, а потом без посторонней помощи — только чуть медленнее — вернуться обратно. Был он легкий, в криомагнитном поле у него лежал достойных размеров шарик антиматерии, а из полезной нагрузки имелась матрица, в которой работали программы Странника и хранилась достаточная база данных; еще одна такая же — запасная; разнообразные сенсоры и эффекторы; несколько тел различной конфигурации, в которые Странник мог переносить свою сущность; всякое оборудование и инструменты; а еще — одна штука, давным-давно позабытая, которую Странник составил из молекул по просьбе Кристиана Брэшока: тот решил, что когда-нибудь у него до нее дойдут руки.

Гитара.

2

Жил-был человек по имени Калава, морской капитан из Сирсу. Принадлежал он к клану Самайоки. В молодости Калава славно сражался на Разбитой Горе — там, где воинства улонаи встретили орду варваров, что рвалась из пустыни на север, и с огромными потерями отбросили ее назад, — а потом сделался моряком. Когда же Улонайская Лига распалась и союзы под предводительством Сирсу и Иррулена принялись в ярости метаться по всей стране, ища, где бы вцепиться друг другу в глотку, Калава топил вражеские корабли, жег деревни и возил на рынок сокровища и пленных рабов.

После Туопайского мира, которому никто не был рад, занялся он купеческим делом. И не только ходил вверх да вниз по реке Лонне и через Залив Сирсу, но еще и часто плавал вдоль Северного Берега, где по пути приторговывал, а потом пересекал Дорогу Ветров и достигал колоний на Последних Островах. Наконец он с тремя кораблями двинулся вдоль того взморья на восток, и притом столь далеко, что там никто еще не бывал. Кормились его люди рыбалкой да тем, что добывали, высаживаясь на сушу и либо торгуя со встречавшимися им дикими племенами, либо устраивая набеги. Спустя много месяцев достиг Калава

места, где земля изгибалась к югу. Еще дальше был порт, принадлежавший знаменитому народу Сияющих Полей. Там прожил он год, а после вернулся домой с большим богатством.

Стал Калава держать от своего клана хутор и добрую ферму в устье Лонны, в дне пути от Сирсу. Хотел он там жить в чести и покое. Только боги судили иначе, да и норов его был не таков. Рассорился он со всеми соседями, а как-то раз брат жены его сильно оскорбил, и убил Калава своего шурина. Ушла от него жена. Собрался тогда клан на судилище и постановил, что причитается ей треть всего семейного достатка в золоте и товарах. А дочери Калавы со своими мужьями взяли сторону матери.

Из троих же его сыновей старший как-то в бурю потонул в море, второй умер от чернокровия, а самый меньший нанялся юнгой на купеческое судно, что шло в Зхир, на дальний юг, и там, на занесенных песком улицах брошенного города, меж изглоданных временем колонн, погиб в схватке с разбойниками. Потомства они не оставили, кроме как от рабынь. Не было больше детей и у Калавы — ни одна свободная женщина не желала идти за него. Все, что накопил он за долгую и трудную свою жизнь, должно было достаться родичам, его ненавидевшим. И в самом Сирсу его тоже не любили.

Долго печалился Калава, пока не надумал себе мечту. А понял, чего хочет, взялся за приготовления, да причем втайне. Сделав же кое-что (но пока мог еще остановиться, если будет нужно), отправился он искать совета у Ильянди, Мыслящей-о-Небе.

Она жила на Горах Совета. Туда каждый год сходились все вилкуи, чтобы провести обряды и переговорить между собой. Но когда они вновь покидали Горы и возвращались в мир выполнять каждый свой долг — а были они толкователями снов, писцами, целителями, примиряли ссорящихся, хранили древнюю мудрость, учили молодых, — Ильянди оставалась там, ибо на высоком месте, священном для всех улонаи, ей удобнее всего было смотреть на небеса и искать смысл того, что она там видела.

Вверх по Дороге Духов покатила колесница Калавы. Обрамляли путь сливовые деревья с золотыми листьями; близ вершины они стояли поодаль друг от друга, чтобы не

заслонять вид. Каменистые склоны поросли кустарником — там припорошенная пылью зелень вази, тут мохнатый кудрелист, поодаль пурпурный огнецвет. Острый запах паленника разносил над Заливом тягучий жаркий ветер. А вода блестела сталью до самого дальнего запада и только там, где нависали над морем лохмотья темных облаков, подернулась серебром. При горизонте стоял дождь, и мрак прорезали порой вспышки молний.

По берегу же, насколько хватало глаз, раскинулись желтые зерновые поля да бурые посевы бумаженника, зеленые пастбища, лиловые сады златеники, высились леса корабельных сосен. Фермы и хутора привольно разбросал человек по равнине. Сушь подступила, вот и клубилась пыль над проселками, как проедет повозка или пройдут чередой носильщики. Но не иссякла могучая спокойная Лонна, все так же несла свои воды от истоков в Дикоземелье, где восходит солнце, щедро делясь и с севером, и с югом.

На правом берегу ее главного русла поднимались зубчатые стены Сирсу — крохотными показались они Калаве издалека. Но знающим оком мог он различить знаменитые творения мастеров — и Великий Фонтан на Новом Королевском рынке, и галереи вдоль Храма Пламени, и триумфальную колонну на площади Победы. Ведал он, где мастерские ремесленников, где лавки купцов, где в таверне ждет моряка кружка эля и покладистая девка. Кирпичи, песчаник, гранит, мрамор — все там было вперемешку. Суда и лодки кишели на воде, а иные стояли в доках под стенами. На другом берегу расположились среди пышных парков особняки пригорода Хельки, с крышами, не уступающими красотой россыпи алмазов.

Оттуда Калава и ехал.

Под огромной аркой его встретили двое служек в голубых рясах, преградили ему путь, скрестив посохи, и воскликнули:

— Именем Тайны, остановись, поклонись с почтением и назови себя!

Голоса их звенели ясно, и не дрогнули они перед тем, кто привык внушать трепет сильным воинам. Ибо был Калава мужем высоким, широкоплечим и мускулистым. От ветра и солнца кожа его стала темной как уголь, а волосы —

почти что белыми; ниспадали они длинными косами до середины спины. Черны были его глаза и сверкали из-под крутого лба. Лицо же покрывали кривые шрамы. Выкрашенные красным усы свисали ниже подбородка.

В мирное время, путешествуя, носил Калава лишь зелецую, по колено рубаху с оторочкой из шкурок кивви да сандалии на высокой подошве, однако на запястьях у него были золотые браслеты, а у бедра висел меч. Также в колеснице крепилось стоймя копье с развевающимся флажком, о борт ее бился щит, а топор находился под рукой, так чтобы его в любой миг легко было схватить и метнуть.

Запряжена была колесница четверкой отборных рабов из породы, выведенной специально на тягло: могучих, длинноногих и горячих нравом, хотя после оскопления на самцов можно было положиться. Пот блестел на их небольших обритых головах, помеченных клеймом Калавы, и струился по обнаженным телам. Но дышали они ненатужно, а пахли довольно приятно.

— Стоять! — прорычал их хозяин.

На миг все замерло и смолкло, лишь дул ветер. Потом Калава коснулся лба чуть ниже повязки и произнес слова Исповедания:

— «Мало ведомо человеку и еще меньше понятно, оттого да склонится он до земли пред мудростью».

Сам он больше верил в кровавые жертвоприношения, а паче того — в свою силу, но от предков унаследовал уважение к вилкуи.

— Ищу я совета у Ильянди, Мыслящей-о-Небе, — сказал он.

В этих словах едва ли была нужда, поскольку больше никто из посвященных не находился в ту пору на Горах.

— Искать может всякий, кто не запятнан злыми деяниями, — ответил старший из мальчиков с не меньшей торжественностью.

— Медведь Рувио свидетель, что всякий, судившийся со мной, получил свое удовлетворение.

Громовержец для большинства моряков был любимым богом.

— Тогда входи, и мы донесем твою просьбу до своей госпожи.

Младший мальчик повел Калаву через внешний двор. Колеса стучали по булыжникам. В домике для гостей рабам отвели стойла, дали поесть и напиться, а потом Калаве показали комнату, где могли бы ночевать сорок человек. Были в доме и баня, и трапезная — на столах лежало сушеное мясо, фрукты, лепешки, а запивать их предлагалось златеничным вином. Еще Калава нашел книгу и, перекусив, сел с нею на скамью, чтобы скоротать время ожидания.

Книга его разочаровала. У Калавы не часто бывали возможность или желание почитать, так что он в этом не слишком преуспел, а переписчик тома работал в старом, вышедшем из употребления стиле. Но хуже всего было то, что книга оказалась летописью зхирских императоров. Читать ее Калаве было не только горестно — о Энейо, его сын, последний его сын! — но и бесполезно. Да, вилкуи учили, что цивилизация пришла к уловаи из Зхира. Но что с того? Сколько веков прошло с тех пор, как пустыня заявила свои права на древнее государство? Кем стали потомки его жителей, как не голодными кочевниками и больными бандитами?

Да, подумал Калава, полезно было бы предостеречь людей и напомнить им, что пустыня продолжает наступать на север. Но не довольно ли им того, что они видят? Не слишком далеко к югу он бывал в городах, что во времена его дедов процветали, а ныне запустели, и развалившиеся дома наполовину утонули в пыли, а окна без стекол напоминали глазницы иссохшего черепа.

Губы его сжались. Он был не из тех, кто станет безвольно ждать решения судьбы.

День близился к вечеру, когда пришел служитель Ильянди сказать, что госпожа примет Калаву. Шагая следом за проводником, Калава видел, как восток затягивает пурпурная дымка. На западе кончился шторм, и небо на время расчистилось. Солнце было едва различимо, но туман на закате обратился в красно-оранжевую пирамиду. От горизонта через Залив тянулся огненный мост, а облака словно озарили отблески горящей серы. Мимо Калавы тенью пронесся свистокрыл. В остывающем воздухе его перья чуть слышно звенели. Ничто больше не нарушало священную тишину, лежавшую на склонах Гор.

Внутренний двор окружали трехэтажные строения — в них находились кельи вилкуи, святилища, библиотеки и лаборатории. Посредине расположился сад, где росли цветы и целебные травы. В одной из арок горела лампа, но все окна были темны.

Ильянди стояла на пороге, ожидая гостя.

Легким жестом она отослала служителя, тот склонил голову и исчез. Калава приветствовал Мыслящую-о-Небе, вдруг почувствовав себя страшно неуклюжим, но решимость не оставляла его.

— Здравствуй, о мудрая и прекрасная госпожа, — сказал он.

— Здравствуй и ты, отважный капитан, — ответила Ильянди. — Не сесть ли нам?

Она указала на пару скамей. Разделить с ней чашу вина Мыслящая не предложила, но хотя бы намеревалась выслушать Калаву.

Они опустились на каменные скамьи и долго смотрели друг на друга в сгущавшихся сумерках. Ильянди была стройной женщиной лет сорока, с тонкими правильными чертами, большими ярко-карими глазами, бледным лицом — как закопченная медь, подумал Калава. Волнистые волосы, коротко остриженные в знак обета безбрачия, напоминали бронзовый шлем. На левом плече к простой белой тунике была приколота булавкой с изображением сплетенных круга и треугольника веточка текина — знак вилку.

— Чем могу я помочь твоему делу? — спросила Ильянди.

Калава удивленно выдохнул:

— Уф-ф! Ты откуда знаешь о моих задумках? — И тут же добавил поспешно: — Разумеется, госпоже моей ведомо многое.

Она улыбнулась:

— Саги о тебе уже не первый год разносит ветер. Вести достигли нашего уединения. Ты втайне разыскиваешь своих бывших матросов. Приказал починить оставшийся у тебя корабль. Встречался с торговцами — несомненно, затем, чтобы обсудить с ними цены. Это мало кто замечает. Не в твоем обычае подобная таинственность. Куда ты собрался, Калава, и почему скрываешь приготовления?

Усмешка его была горькой.

— Госпожа моя не только мудра и учена, она умна. Раз так, отчего бы не перейти сразу к главному? Я замыслил путешествие, которое почти все назвали бы безумным. Иные попытались бы мне помешать, решив, что я разгневаю богов того края, — ведь оттуда никто еще не возвращался, а старые байки про виденных издалека чудовищ люди помнят до сих пор. Но я в них не верю: верил бы — не пытался бы туда ходить.

— О, полагаю, отвага все равно повела бы тебя туда, — полушепотом произнесла Ильянди, а громче сказала: — Но ты прав, страх скорее всего не имеет под собой оснований. До Сияющих Полей тоже никто прежде тебя не добирался морем. Но тогда ты не просил ни заклятий, ни благословений. Почему теперь ты обратился ко мне?

— На сей раз дело другое. Я не стану тереться вдоль берега. Я... ну, мне нужно раздобыть и обучить нового хукина, а на это потребуется немало времени и денег. — Калава почти беспомощно развел своими большими руками. — Знаешь, госпожа, я и не собирался больше в плавание. Может, это и вправду безумие — старый человек со старой командой на одном-единственном старом судне. Я надеялся, госпожа моя, что ты дашь мне совет.

— Маяк не нужен тому, кто намерен пересечь Дорогу Ветров, — ответила она.

На сей раз его не застали врасплох.

— Могу ли спросить, что знает моя госпожа?

Ильянди взмахнула рукой. Длинные пальцы, блеснув в свете лампы, пронзили сумерки, словно когти ночного ястреба.

— Ты уже побывал на востоке и не стал бы скрывать, что собираешься туда вновь. На юге древние торговые пути тянутся до самого Зхира. Что там брать, кроме добычи из обворованных могил и мертвых городов, которую приносят нищие грабители? Что искать за безлюдными пустошами, кроме — как говорят — Опаленных Земель и смерти в безвестности? На западе мы знаем несколько островов, за которыми океан пуст. Если на том его берегу и есть что-нибудь, ты умрешь от голода и жажды прежде, чем доберешься туда. Но к северу — да, воды яростны, но порой люди натыкаются на обломки неведомых деревьев или замечают птиц незнакомой породы,

унесенных бурей; и легенды говорят о Высоком Севере, и о том, как с мачт кораблей, сбившихся с курса, замечали вершины гор...

Ее голос становился тише и тише, пока не смолк.

— Иные из этих легенд кажутся мне правдивыми, — произнес Калава. — Правдивыми больше, чем россказни о чудовищах. К тому же дикие хуукины кормятся в открытом море, там, где много рыбы. Там же я в сезон видел их меньше, чем в других местах. Там должен быть другой берег. И какой, как не Высокий Север?

— Ты прозорлив, капитан, — кивнула Ильянди. — Что еще ты надеешься найти?

Он опять улыбнулся:

— Расскажу, когда вернусь, госпожа моя.

— Там нет богатых городов и некого грабить. — Ее тон стал резче.

— И не с кем торговать, — согласился Калава. — Иначе разве мы не натыкались бы на работы искусных ремесленников или, скажем, остатки кораблекрушений? Однако... Чем дальше к северу, тем меньше солнца и больше дождя, ведь верно? Тот край может отличаться мягкой погодой, множеством леса, плодородной землей. — Его слова были словно удары в барабан. — И за него не придется ни с кем воевать. Там ведь нет пустыни! Там все можно начать заново, госпожа моя.

Ильянди пристально смотрела на него сквозь полумрак:

— Ты вернешься домой, наймешь людей, создашь с ними колонию на севере и сделаешься ее королем?

— Ага, стану там самым главным, хотя, сдается мне, со мной пойдет такой народ, которому больше по нутру республика. Но главное... — Он вдруг опустил голову. — Свобода. Честь. Вольнорожденная жена и новые сыновья.

Какое-то время они молчали. Спустилась ночь. Было светлее, чем обычно, потому что от запада к зениту тянулись полоски чистого неба. В листве гулял прохладный ветерок, словно мечта Калавы шептала ему слова обещаний.

— Ты уже принял решение, — сказала наконец Ильянди. — Зачем ты пришел ко мне?

— За любым советом, какой ни дашь, госпожа моя. Здесь много книг, в которых может найтись все, что угодно.

— Сомневаюсь. — Она покачала головой. — Разве что труды по навигации... Ведь это главная сложность, не так ли?

— Так, — вздохнул Калава.

— Какими способами капитаны находят верный путь?

— Разве ты не знаешь?

— Я знаю то, что известно всем. Ремесленники хранят секреты своего мастерства, а мореходы едва ли от них в этом отличаются. Если ты расскажешь мне о том, как правишь судном, я никому не пророню ни слова, но, может статься, сумею что-нибудь добавить.

— Бьюсь об заклад, сумеешь! — вспыхнул он. — Луну и звезды мы видим нечасто и лишь урывками. Солнце почти все время скрыто за облаками. Но вы, Мыслящие-о-Небе, за сотни лет наблюдений и подсчетов набрались мудрости... — Калава замялся. — Не слишком ли она священна, чтобы делиться ею?

— Нет, нет, — ответила Ильянди. — Ведь календарь вилкуи открыт для всех, не так ли? Причина, по которой мы редко помогаем морякам, в том, что они сами не способны воспользоваться нашими знаниями. Продолжай.

— Верно, ведь это вилкуи открыли путеводные камни... Что ж, ходя вдоль берегов в здешних водах я полагаюсь большей частью на то, что помню ориентиры на суше. Помогают и промеры глубин, особенно если лот приносит песок со дна, чтобы я взглянул на него и попробовал на вкус. Потом, с Сияющих Полей я привез кристалл — ты должна о нем знать, потому что второй такой же я отдал, когда вернулся, ордену, — чтобы глядеть сквозь него на небо, и, если тучи не слишком густые, в нем лучше видно солнце. Вдалеке от земли лаглинь и песочные часы позволяют судить о скорости, а путеводный камень — о направлении. В плавание до Высокого Севера и обратно я, пожалуй, в основном ими и буду пользоваться. Но если госпожа моя придумает что-нибудь еще...

Ильянди села прямо, и в ее голосе послышалась настойчивость:

— Полагаю, что да, капитан. Я изучила твой солнечный кристалл. С его помощью, зная путь солнца по небу в течение года и какой сегодня день, можно определять широту

и время суток. К тому же даже быстрый взгляд на луну и звезды неоценим для странника, который хорошо с ними знаком.

— Это не про меня, — криво усмехнулся Калава. — Вот ежели госпожа моя напишет все на бумаге, тогда, может, я своей старой головой и разберусь, что к чему.

Она его, похоже, и не услышала. Взгляд ее был устремлен ввысь.

— Положение звезд на Высоком Севере... — пробормотала Ильянди. — По нему мы могли бы судить, действительно ли мир круглый. И верно ли, что небесное сияние ярче там, в истинном Путеводном Краю?

Калава посмотрел туда же, куда она. В разрыве между облаками мерцали три звезды.

— Ты добра, госпожа моя, что сидишь здесь и говоришь со мной, когда могла бы, ухватившись за возможность, стоять сейчас на мостике корабля.

Она взглянула ему в глаза:

— Ты можешь больше, чем я, капитан. Лишь услышав о твоей экспедиции, я принялась думать о ней. Да, я помогу тебе, чем сумею. Наверное, даже поплыву с тобой.

С утренним отливом, как только достаточно рассвело, чтобы править кораблем, «Серая гончая» покинула Сирсу. На причале, несмотря на ранний час, собралась толпа. Большинство молча смотрели. Кое-кто делал знаки, защищающие от зла. Некоторые — в основном молодежь — затянули дерзкую песню, но их голоса глохли в сыром воздухе.

Лишь незадолго до отплытия Калава признался, куда направляется. Пришлось. Иначе как было объяснить, что на борт взошла Мыслящая-о-Небе? Скрыть ее присутствие не удалось, зато оно освятило замысел и не позволило властям запретить плавание. Правда, те, кто верил, будто Дорога Ветров кишит чудовищами и демонами, которых только тронь, и они ринутся в прибрежные воды, не расставались со страхом и сомнениями.

Матросы Калавы при таких разговорах пожимали плечами или смеялись. Так они, во всяком случае, говорили. Две трети из них были насквозь просоленными моряками, и прежде ходившими под его командой. Остальных Калава набрал из кого мог — из обнищавших работяг да голово-

резов, липнувшихся главарей. Однако все они относились к вилку с большим почтением.

«Серая гончая» была ялкой — судном с широкой палубой, мелкой осадкой, низкими баком и ютом, а также рубкой посредине. На передней мачте имелось два прямых паруса, на главной — один прямой и один косой, а на коротком бушприте — кливер. На носу стояла катапульта. По обоим бортам висело по шлюпке, их можно было спускать на воду при помощи тросов. Корпус выкрасили под стать названию и добавили алых узоров. Подле корабля плыл хукин с острым синим гребнем на спине.

Пока «Гончая» не вышла из устья реки в Залив, Калава сам стоял на руле. К тому времени день уже был в разгаре. Горячий ветер плескал серо-зеленую воду о нос корабля, свистел в снастях; мачты поскрипывали. Капитан передал румпель одному из своих людей, а сам вперевалку зашагал к рубке и там протрубил в рожок. Матросы обернулись на звук.

Из своей каюты показалась Ильянди. Белые одежды трепетали на ветру, как крылья. Она воздела руки и произнесла заклинание:

Сияет и вертится
Колесо солнца,
Сквозь слепоту
Дым поднимается.
Ледяная луна
Говорит нам редко,
Где ее логово,
Где находит покой
Со звездами вместе.
Знаки людские
В небесах не лежат,
Не укажут дорогу.
Но путеводный камень
О Путеводном Крае
Тоскует вечно.

Матросы едва ли поняли, о чем речь, но приободрились.

Земля за кормой превратилась в узкую голубую полоску, а потом и вовсе растаяла среди волн и тумана. Калава прокладывал курс к северу, наперерез через Залив. Он собирался плыть ночью и потому хотел до вечера выбраться

подальше от берегов. К тому же они с Ильянди намеревались опробовать ее навигаторские идеи.

К вечеру моряки перестали видеть чужие паруса, и одиночество навалилось на их плечи. Но работали они по-прежнему усердно. Иные сочли хорошим знаком то, что облака расступились и показалась рогатая луна. Другие были напуганы: с чего бы луне появляться, когда еще не стемнело? Калава наорал на них.

Ветер крепчал всю ночь. К утру «Гончей» пришлось лавировать между волнами. Дуло с запада; судно прижимало к берегу. Увидев сквозь туман скалы мыса Ваирка, капитан понял, что сам не сумеет его обогнуть.

Был он человеком грубым, но с детства наученным тем искусствам, что подобают свободному мужу из клана Самайоки. Поэтическим даром боги Калаву не наделили, тем не менее сложить недурные вирши, когда потребуется, он мог. Посему он встал на форпик и стал кричать в лицо буре (а ветер относил его слова команде):

К северу правлю я,
Прочь от усобицы.
Белую пену
Ветер вздымает.
Руля не слушая,
Волнам подвластный,
Корабль вскоре
Перевернется.
Сверкайте же, молнии!
Пусть безумцев
Гром оглушает.
Но пусть их море
Милостью вашей
Вынесет к северу.

Принеся таким образом словесную жертву, он поднес рожок к губам и затрубил, призывая своего хуукина.

Огромный зверь услыхал и приблизился. Калава приказал опустить тяжелые оглобли и первым взялся за рукоять. Потом, обвязавшись на всякий случай веревкой, он спрыгнул на широкую спину хуукина и удержался, хотя двое матросов, последовавших за ним, поскользнулись и их пришлось втаскивать обратно. Втроем морякам удалось направить хуукина так, чтобы на него смогли надеть упряжь.

— Слишком долго я ждал, — заметил Калава. — Вчера было бы легче. Ну да зато будет вам о чем поболтать в тавернах, когда вернемся.

Загонщикам помогли взобраться на борт. Паруса тем временем свернули. Калава взял первую вахту за поводьями. Хуукин тянул мощно, бурля хвостом и плавниками.

Ветер сносил брызги в открытое, неведомое море.

3

Странник проснулся.

Десятки лет пути он провел в отключенном состоянии. Существо вроде Альфы оставалось бы в сознании и обдумывало бы вопросы интеллектуально-художественного творчества (для него здесь не было противоречия), или вспоминало бы моменты созерцательной радости, или занималось бы чем-то еще, слишком абстрактным, чтобы выразить это нашими словами. Однако способности Странника были хоть и велики, но для подобного недостаточны. Его аппаратное и программное обеспечение — снова мы возвращаемся к языку мифа — было спроектировано в первую очередь для трансакций с материальной Вселенной. Так что в полете он бы заскучал.

Даже поговорить ему было не с кем. Автоматизированные системы корабля имели большую мощность и точность, но подлинным разумом не обладали: необходимость в этом отсутствовала, а отвлечение внимания или скука могли бы привести к опасным ситуациям. Связаться с другими узлами тоже не представлялось возможным — слишком много времени потребовалось бы на прохождение сигнала туда и обратно. Довольно долго, целые минуты внешнего времени, Странник провел за тем, что заново прожил судьбу Кристиана Брэннока, своего составного элемента, изучая его личность и привыкая к образу поведения. Потом он... скажем так, уснул.

Корабль реактивизировал его, когда пересекал облако Оорта. Проснувшись в одно мгновение, Странник стал подсоединяться то к одному инструменту, то к другому и так просканировал Солнечную систему. Эмоциональный подъем, горько-сладкое чувство возвращения на родину, метавшееся среди решеток жесткой логики, принадлежали Крис-

тиану Брэнноку. Вообразить их несложно — представь, что после долгого отсутствия приезжаешь туда, где прошло твое детство.

Разумеется, призрак, заключенный в машину, знал, что с тех пор, как навеки закрылись его смертные глаза, там произошли огромные изменения. У Сатурна кольца стали тоньше и словно растрепались, зато Юпитер, раньше их вовсе лишенный, обрел — да какие яркие! — у него погиб спутник. А вот большое красное пятно на боку планеты поблекло много столетий назад.

Марс и вовсе остался без лун, и ось его сильно наклонилась. При большем разрешении оптики кое-где на нем были бы видны следы человека. От антиматериевых фабрик внутри орбиты Меркурия до заводов по переработке комет, вынесенных за Плутон, всё, в чем больше не было нужды, либо демонтировали, либо просто бросали.

Ветер, вода, химия, тектоника, метеориты, жесткая радиация, ядерный распад, квантовые смещения терпеливо передавали развалины в руки хаоса. В ряде мест на почве или в космосе сохранились окаменелые, смерзшиеся останки, обглоданные эрозией. Все прочее стало достоянием памяти Геи.

Но — не важно. Грань Странника, бывшая Кристианом Брэнноком, спешила домой.

Невооруженным глазом Кристиан Брэннок не разглядел бы больших перемен, происшедших с Солнцем. Оно стало чуть крупнее и заметно ярче. Человеческому зрению его свет показался бы белым, с едва заметным голубоватым оттенком. Незащищенная кожа быстро отреагировала бы на увеличение количества ультрафиолета. Солнечный ветер тоже сделался сильнее. Но до сих пор сдвиги оставались незначительны: звезда продолжала обычные процессы развития. Наибольшее влияние они оказали на планеты с атмосферой, обладавшей парниковым эффектом. На Венере расплавились некоторые минералы. На Земле же...

Корабль затормозил, достигнув цели, и закружился на стоячной орбите. Странник принялся за наблюдение с близкой дистанции.

Конфигурация лунных пятен стала не совсем такой, как прежде. Горы еще больше выветрились, а новые кольца кратеров порой пересекали старые. Там, где под заброшен-

ными городами проломилась почва, остались полные мелких булыжников ямы. Забавно: спутник Земли был столь же пуст, как до прихода на него жизни. Днем он раскалялся, а ночью его сковывал смертельный холод. Он немного (по астрономическим меркам) отдалился от планеты, и период ее обращения вокруг своей оси возрос приблизительно на час. Однако пока Луна оставалась достаточно близко, чтобы стабилизировать Землю.

На планете-матери наш воображаемый наблюдатель увидел бы меньше интересного. Всю ее затягивали белые облака. Лишь приглядевшись, мы увидели бы, что они вихрятся и сплетаются между собой. В редких разрывах блестела голубая вода или показывалась бурая почва, но нигде не было ни льда, ни снега; нигде, как стемнеет, не зажигались огни; радиоволны молчали.

Как давно не ступала сюда нога человека? Странник справился у базы данных. Там ничего на эту тему не было. Возможно, информация оставалась неизученной. Возможно, тот, кто остался последним, погиб безвестно или решил умереть в одиночестве.

Несомненно, то было давно, давно. Как короток оказался век *homo sapiens* от кремневого кресала до машинного интеллекта! Разумеется, конец не пришел внезапно. Согласно базе данных, он занял несколько тысячелетий: их хватило на то, чтобы возникли целые цивилизации и пали, оставив потомков-мутантов. Порой в том или ином месте случался прирост населения, порой народы внимали словам пророков и пытались повернуть историю вспять — на время, на время. Но смерть была неизбежна.

Ячейки памяти Кристиана Брэннока породили внутри Странника мысль — представим себе, что ее произнес мужской голос:

Я видел начало, но не смог предвидеть конец. Мне казалось, что занимается дивная заря надежды. И ошибался ли я?

Органические существа смертны. Им не под силу предотвратить свой окончательный распад: не позволяют законы квантовой химии. К тому же, если человек захочет прожить всего тысячу лет, емкость его мозга будет превышена и он не сможет больше хранить информацию. Но задолго до того геометрическая прогрессия корреляций захлестнет такого человека, и он сойдет с ума. Не

вынести ему и оценения межзвездных путешествий, и неземных сред обитания, ибо Вселенная не предназначена для него.

Но, будучи перенесен в соответствующую неорганическую структуру, набор нейронов и молекулярных связей, составляющий личность, обретает потенциальное бессмертие. Благодаря их предельной сложности, дающей такую возможность, человек сохранит способность думать и чувствовать. Если качество его эмоций изменится, то лишь потому, что физическое его тело и интеллект станут сильнее. Вскоре он перестанет скучать по своему прошлому бытию. Новая жизнь даст ему намного больше — целый мир ощущений и опыта, мысли и памяти, пространства и времени. Он сможет умножать себя, делиться на части и объединяться с другими, возрастать духом до недостижимых прежде рубежей, а за их пределами вольется в еще больший разум и так продолжит свое развитие.

Удивительно, поморщился Кристиан Брэннок, что некоторые люди все же продолжали цепляться за свою примитивную физиологию и не хотели, чтобы их наследие зависело не от ДНК, а от психологии.

Но все же...

Не до конца сформировавшийся вопрос растаял. Полувыделившаяся личность Кристиана Брэннока воссоединилась со Странником. С Земли его звала Гея.

Она, конечно же, получила уведомление, на несколько лет обогнавшее корабль, и своими многочисленными сенсорами, расположенными на планетах и в пространстве между ними, обнаружила, что он приближается. Для отправки своего сообщения Гея предпочла использовать модулированный нейтринный луч. Но представь, что она говорит:

— Добро пожаловать. Тебе нужна помощь? Я готова оказать любое содействие, какое смогу.

И вообрази, что голос у нее мягкий и глубокий. Странник, представь, отвечает:

— Спасибо, но у меня все в порядке. Если ты не против, я приземлюсь.

— Я не вполне понимаю, зачем ты прилетел. Разве связь со мной не удовлетворяет твой узел?

Странник удержался от того, чтобы сказать «нет».

— Я объясню это позже, в подробностях, которые превышают емкость канала. Но суть в том, что тебе уже рассказали. Мы,— в это «мы» он включил и ее, хотя с не самой большой значимостью, — мы интересуемся, не следует ли спасти Землю от расширения Солнца.

Ее тон чуть похолодел:

— Я уже не раз говорила: нет. Упражняться в инженерии можете в любом другом месте. Положение здесь уникально. Нельзя предсказать, какие знания будут получены путем наблюдения за естественным ходом событий, но в любом случае они окажутся огромны, и у меня есть веские причины полагать, что их будет отличать высочайшая ценность.

— Вполне вероятно. Я с удовольствием выслушаю тебя, если ты возьмешься подробнее изложить свои мысли. Но, кроме того, я хочу провести собственное исследование и выработать рекомендации. Тебе не следует рассматривать мои слова как порицание. Мы оба знаем, что в одиночку разум не способен охватить все возможные факторы, которые он наблюдает. То, что ускользает от внимания, может спровоцировать хаотические изменения. Есть шанс, что я увижу нечто, не замеченное тобой. Согласен, этот шанс невелик. Проведя здесь миллионы лет, ты сама почти стала Землей и жизнью на ней, не так ли? Но... мы... мы хотели бы иметь независимое мнение.

Представь, как будто она засмеялась:

— Ты хотя бы вежлив, Странник. Да, спускайся. Я задам тебе направление.

— В этом нет необходимости. Ведь твой физический центр располагается в полярном регионе? Я сам найду дорогу.

Под мягкостью ее голоса ему почудилась сталь:

— Лучше я тебя поведу. Видишь ли, ситуация на планете, по существу, хаотична. Следуя по произвольной траектории, ты можешь серьезно нарушить ряд весьма интересующих меня факторов. Пожалуйста.

— Ну как хочешь, — уступил Странник.

Автоматика взяла на себя управление кораблем. Спускаемый аппарат рассоединился с движущим модулем — тот должен был остаться на орбите, — затормозил и на собственных дюзах, но под управлением с Земли, сияя в солнечных лучах, двинулся книзу.

Он пронзил слой облаков. Странник во все глаза смотрел по сторонам. Правда, смотреть было особо не на что: цилиндрический аппарат с громовым грохотом устремился прямо к высокой горе за полярным кругом.

Внизу показался край обширного континента, вытянутого с запада на восток и по большей части покрытого зеленью. За ним лежала полоска моря. Странник решил сперва, что видел на воде какой-то предмет, но скорость была слишком высока, а внимание ориентировано вперед по курсу.

Вот в поле зрения появился приполярный материк. Странник взглянул на карты, что переслала ему Гея. Очертания суши ничем не походили на то, что помнил Кристиан Брэннок. Хотя снижение радиоактивности и температуры земного ядра замедлило дрейф тектонических плит, они все же продолжали двигаться.

Пусть. Гораздо больше Странника беспокоила судьба жизни на Земле. Эпоху за эпохой Гея наблюдала и записывала постчеловеческий период ее эволюции. В эру палеотехники все, чем занимается биология, почти погибло, но потом бурно возродилось с разнообразием мела или кайнозоя. Но для немногих сохранившихся особей дела шли совсем по-другому. Страннику, как и Альфе, а в конечном счете — галактическому мозгу, отчеты Геи казались все менее полными. В последнюю сотню тысяч лет и в них, и в ответах на вопросы, которые ей задавали, не хватало смысла с точки зрения экологии.

Может быть, ей не удавалось собрать полную информацию. Может быть, она неверно интерпретировала данные. Вот еще одна причина, по которой Странника и послали к Гее.

Под спускаемым аппаратом лежала Арктика. Вообрази, будто Гея давала названия ее краям и областям. Во всяком случае, живя здесь, она определенным образом различала те или иные места. Вдоль взморья тянулся Прибрежный хребет. Его пересекала Последняя река — когда дожди шли обильнее, она была куда шире, чем теперь, но до сих пор производила впечатление. Вместе со своими притоками она орошала плодородную равнину Изобилия. На дальнем конце равнины поднимались крутыми уступами Борейские горы. Когда-то их главные вершины покрывал снег, но те-

перь остались лишь голые каменные пики. По склонам бежали ручьи, большей частью впадавшие в Последнюю реку. В высокой долине сияла Радужная Чаша — крупное озеро. С севера над ним нависала гора Дома Мысли. Здесь, среди окутывавших ее облаков, находился физический центр Геи.

Пейзаж был в некотором роде знаком Страннику. Гея часто транслировала галактическому мозгу полномасштабные изображения этих мест. Странник мог даже вспомнить о геологическом прошлом Земли и о времени до того, как Арктика оторвалась от материка и поползла к северу, где врезалась в уже бывшую там землю, отчего Борсйские горы взметнулись к небу. Мог он и достаточно детально рассчитать ее будущее, опять же геологическое, вплоть до дня, когда красный гигант, разросшийся в полнеба, не расплавит наконец лишенный атмосферы каменно-песчаный шарик. Но реальность, физическое присутствие на Земле потрясли его сильнее, чем он ожидал. Спускаемый аппарат летел к цели чересчур быстро, и Странник всеми сенсорами старался уловить как можно больше.

Он приблизился к горе — не самой высокой, ведь она торчала к югу от основного хребта. Склоны ее поросли косматым лесом, внизу — буйно, выше — лишь местами: там стояло много деревьев, лишенных листьев и превратившихся в скелеты. Причиной тому послужил недавний климатический сдвиг, снизивший среднюю высоту облачного слоя, в результате чего зоны, прежде обильно орошавшиеся, подверглись многолетней засухе. (Да, Земля ускоряла свой бег навстречу судному дню.) Наверное, подумал Странник, здесь постоянно существует угроза пожара. Но нет: помощники Геи быстро тушили любой огонь, который она не желала игнорировать. Небольшая площадка, которую Гея занимала на вершине горы, была вымощена камнем, так что ни жар, ни дым ее не беспокоили.

Аппарат приземлился. Мгновение по планетарному времени (долгое мгновение для разумов, работавших на околосветовых скоростях) стояла тишина.

Он находился выше облаков. Острая скала, как остров в их море, пронзала белые клубы, озаренная спокойными лучами заката. Небо было как перевернутый кубок, выложенный изнутри лиловым перламутром. Дул легкий ветер,

на такой высоте — холодный. В ровном сине-черном круге около километра диаметром стояли строения и механизмы, составлявшие центр Геи.

Человек увидел бы переливчатый купол, обставленный башнями — иные были прямы, как копья, иные ветвились сложным кружевом, — и серебряные нити паутины, и предметы поменьше, но столь же необычных очертаний, и мобильные блоки, замершие в ожидании приказа. Здесь и там парили или метались флаеры, напоминавшие размером и изяществом колибри (если бы человек сей знал, кто такие колибри). Вся картина для него чуть дрожала бы, словно сквозь рябь на воде, или трепетала бы от тонких энергий, или то выпадала бы из пространства-времени, то вновь возвращалась.

Странник воспринимал действительность иначе.

Потом Гея сказала:

— Еще раз добро пожаловать.

— И вновь благодарю тебя, — ответил он. — Я рад быть здесь.

Они оглядели друг друга — не тела, которых ни у Странника, ни у Геи никогда не было, а разумы, матрицы памяти, индивидуальности и сознания. Интересно, подумал он, какого она мнения обо мне? Гея открывала ему не больше, чем обычно, в межзвездных беседах. А именно: она есть узловой организм, родственный Альфе и миллионам других, тысячи лет наращивавший свои возможности и непрестанно мысливший и набиравшийся опыта; долгие века общения с Землей и жизнью на планете оказали на ее душу влияние не меньшее, чем общение с себе подобными; в ней видны следы включений древних людей, но не таких, как Кристиан Брэннок, распространивший свои копии по всей Галактике, а желавших остаться на родине...

— Я уже говорила, что тоже рада, — с сожалением произнесла Гея, — хотя это не вполне так. Ты ставишь под сомнение мою деятельность.

— Вовсе нет, — возразил Странник. — Надеюсь, этого не случится. Мы лишь хотим получше узнать, чем ты занимаешься.

— Разве вы не знаете? Как и каждый из нас, обосновавшийся на какой-либо планете, я посвящаю себя изучению ее эволюции. Здесь, на Земле, это значит прежде всего

следить за развитием жизни — от генетики до экологии. Какой информации не хватает моим товарищам?

Самой разной, мог бы сказать Странник. Но произнес лишь:

— Стоило нам, — здесь под словом «мы» он подразумевал галактический мозг, — приступить к рассмотрению вопроса, мы тут же столкнулись с множеством неразрешенных загадок. Например...

Дальше он привел сотни примеров, накопившихся за много веков. Мы же удовлетворимся всего одним. Примерно десять тысяч лет назад на крупном континенте к югу от Арктики обитало множество травоядных животных. Равнины темнели от их стад, леса гремели стуком копыт. Гея любовно, в подробностях описывала выгнутые лирой рога одного вида, летящие по ветру гривы другого... Внезапно — по меркам исторического времени — она перестала их упоминать. На вопрос «почему» она ответила, что травоядные вывелись. Причин Гея не объясняла.

Страннику она ответила так быстро, что у него создалось четкое впечатление: Гея понимает, что совершила ошибку. (Помни, это всего лишь миф.)

— По ряду причин. С ростом средней температуры климат стал менее мягким...

— Прости, — возразил Странник, — но анализ предоставленных тобою метеорологических данных показал, что глобальное потепление и снижение влажности в этих регионах еще не могли привести к столь значительным последствиям.

— Почему вы так уверены?! — воскликнула Гея (вообрази, будто она была рассержена). — Разве кто-нибудь из вас прожил на Земле миллионы лет и познал ее? — Тон Геи сделался жестче. — Я не претендую на полную осведомленность. Живая планета слишком сложна и хаотична. Можете ли вы это оценить? Я до сих пор ищу объяснения многим феноменам. Пока речь идет о небольшом сдвиге условий обитания, совпавшем с появлением новых болезней и десятками других, в основном малозаметных, факторов. Я полагаю, что в сочетании они нарушили природное равновесие. Но пока все не станет мне ясно, я не намерена тратить пропускную способность канала на пустые разговоры.

— Понимаю, — спокойно произнес Странник, надеясь на примирение. — Вероятно, я мог бы обнаружить или предложить что-нибудь полезное.

— Нет. Ты слишком несведущ. Ты слеп. Ты способен причинить лишь вред.

— Посмотрим, — буркнул Странник, после чего вновь вернулся к попыткам договориться: — Я прибыл без всякой враждебности. Я здесь потому, что на Земле наш общий первоисточник и все мы думаем, как его спасти.

— И как же? — спросила Гея уже мягче.

— Именно это мне и надлежит выяснить: нужно ли действовать, и если да, то каким образом.

Вначале предлагалось создать между Землей и Солнцем гравитационно-магнитный экран планетарных масштабов, способный задерживать лишнюю энергию. Но это были бы полумеры временного характера. Их полезность зависела от того, сколько времени уйдет на основные работы. Можно было разместить на низких околосолнечных орбитах устройства, питающиеся от излучения самой звезды и создающие внутри нее течения, которые снабжали бы ядро свежим водородом, возвращая ядерную «топку» в прежнее состояние.

Другой вариант — выпустить часть газа в пространство, уменьшив таким образом массу Солнца и остудив его. Это дало бы светилу возможность провести еще миллиарды и миллиарды лет без изменений. Однако приходилось учитывать, что в результате планеты отдалятся от центра системы, — как бы не переусердствовать.

В любом случае на выполнение задачи потребовались бы ресурсы нескольких звезд, поскольку времени — по космическим меркам — катастрофически не хватало.

— Огромный труд, — сказала Гея.

Странник не знал, имеет ли она в виду великую драму, что разыграется в небе, словно в те века, когда невооруженным глазом можно было видеть огненные фонтаны, срывающиеся с краев солнечного диска.

— И труд принесет огромную славу, — объявил он.

— Нет, — отрезала Гея. — Не принесет ничего, и хуже, чем ничего. Погибнет все, ради чего я жила. Наследие будет навеки утрачено.

— Но разве Земля не есть наше наследие?

— Нет. Наследие — это знание. Я пыталась объяснить это Альфе. — Она смолкла на миг. — Тебе же повторю: развитие жизни, ее адаптация, борьба, метаморфозы и то, как она встречает гибель, — все это непредсказуемо и ни на одной другой планете во всей пространственно-временной Вселенной не может повториться. Жизнь преподносит нам такие дары, какие еще не в силах принять галактический мозг. Возможно, она способна открыть перед нами новые фазы первичной реальности.

— Почему же тогда нам не позволить ей существовать еще многие миллиарды лет?

— Потому что, веками наблюдая за жизнью на Земле, я познала ее судьбу и обрела с ней единство. — Гея вздохнула. — О, ты не понимаешь. Не желаешь понять.

— Напротив, — как мог мягко произнес Странник. — Надеюсь, что пойму. Одна из причин моего прилета в том, что я хотел поговорить с тобой лицом к лицу, — вероятно, так общение получится теснее и, во всяком случае, эффективнее, чем через световые годы.

Она долго молчала. А когда стала отвечать, ее голос совсем изменился:

— ...Интимнее. Да. Прости мою обиду. Я была не права. Я действительно помогу тебе всем, чем сумею.

— Спасибо, спасибо, — обрадовался Странник. — Я тоже приложу все усилия.

Солнце спустилось за облака. В вышине висел серп луны. Ветер стал чуть сильнее и прохладнее.

— Но если мы решим не спасать Землю, — спросил Странник, — если она сгорит и расплавится и всякий след ее истории исчезнет, разве ты не будешь скорбеть?

— У меня останутся мои записи, — ответила Гея.

Да, она хранила базу данных, содержавшую все, что было известно о планете. Полностью. И немало информации имелось в других местах. Когда же Солнце станет прожорливым чудовищем, Гея собиралась улететь к дальним рубежам системы.

— Но ты ведь не просто владеешь ими? — предположил Странник.

— Конечно. — (Разве может такой разум удержаться от мышления?) — Я обдумывала факты, работала с ними, оценивала, пыталась воссоздать условия, в которых они возникли.

За последние тысячи лет, подумал Странник, она стала молчаливой, чтобы не сказать — уклончивой.

— И тебе осталось еще заполнить огромные пробелы, — намекнул он.

— Это неизбежно. Прошлое тоже подвержено действию квантовой теории вероятностей. Какими путями шла к нам история?

— Поэтому ты создавала разнообразные симуляции, чтобы проверить, к чему эти пути приведут.

Об этом она почти ничего не сообщала.

— Я не скрывала их от вас. Да, вынуждена согласиться: помимо попыток выяснить, что происходило на Земле, я творила миры, дабы посмотреть, что *могло произойти.*

На мгновение Странник онемел. Он и не помышлял добиться от Геи такого признания. Но потом его озарило: Гея предвидела, что он почует правду, как только они вступят в искренний диалог.

— Зачем? — спросил он.

— Зачем, как не ради полноты понимания?

Да, подумал Странник, она живет на Земле с тех пор, как появилось человечество. Ее зародыш существовал еще прежде рождения Кристиана Брэннока. Возрастая, она впитала в себя сознания людей, решивших не лететь к звездам, а оставаться на своей Земле. А годы текли мимо нее десятками миллионов.

Конечно же, она заворожена прошлым. В нем — ее жизнь. Не потому ли она безразлична к будущему или даже стремится к катастрофе?

Но что-то в этой мысли показалось ему неправильным. Гея была для него загадкой, которую он обязан разгадать.

Странник осторожно продолжил:

— Значит, ты действовала, словно физик, прослеживающий гипотетические конфигурации волновых функций в пространстве-времени, с тем единственным исключением, что объектом твоих экспериментов были разумные существа.

— Я не причиняла им зла, — сказала Гея. — Пойдем со мной в любой из миров, которые я создала, и ты увидишь все сам.

— С удовольствием, — согласился он, не зная, не лжет ли. И добавил, собрав всю свою решимость: — Все равно

долг требует от меня провести исследование материальной среды.

— Как хочешь. Позволь, я помогу тебе в приготовлениях. — Она помолчала. Человек увидел бы, как в небе зажглась первая звезда. — Но полагаю, что как следует узнать друг друга мы можем, лишь если я расскажу тебе историю своей работы.

4

Избитая волнами до того, что матросам теперь приходилось не переставая работать помпами, «Серая гончая» скользила на восток вдоль южного берега неведомой земли. Направление задавал ветер — хуукин тащился следом за кораблем столь усталый и голодный, что остаток его сил надо было приберечь на самый черный день. По суше тянулись изумрудные луга, а вдалеке, вдоль гряды невысоких холмов, стоял лес. Все кишело жизнью: паслись стада, над морем метались быстрые птицы, но люди Калавы не ступали на твердую землю. Прибой колотился о камни с такой силой, что капитан сомневался, выдержит ли судно. Им удалось собрать лишь немного дождевой воды, и та плескалась, затхлая, на дне бочонков.

Калава стоял на носу и глядел вперед, и стояла с ним рядом Ильянди. Непривычно холодный ветер выл в снастях. Небо потяжелело; волны вздымались высоко, роняя белую пену с гребней. Обшивка стонала.

Но все же облака очень часто расступались. Ильянди полагала, что в этом краю тучи — а они, несомненно, суть пар, поднимающийся от раскаленной земли, словно в чайнике, и, остывая, вновь становящийся водой, — не так густы. Слишком была она увлечена своими инструментами и подсчетами, чтобы много говорить; но хотя бы делилась с Калавой главными мыслями.

— Что ж, знаешь ли ты, где мы оказались? — хрипло спросил он.

На ее лице, полускрытом в тени мокрого капюшона, играла легкая улыбка.

— Нет. Мне эта земля неведома так же, как и тебе. Но мнится мне, что мы меньше чем в пятидесяти дневных переходах от Улонаи, а может, и всего в сорока.

— Клянусь секирой Рувио! — Калава ударил кулаком в перила. — Надеюсь, что ты права! Значит, ветер большей частью швырял нас взад-вперед меж двумя берегами, и мы не так далеко, чтобы не вернуться. Впредь любое судно отыщет сюда легкую дорогу: пойдет сперва к Последним Островам и там дождется благоприятных ветров. Капитан будет знать, что высадится на берег. Еще через несколько плаваний узнаем точнее, куда должен указывать путеводный камень.

— Но где здесь бросить якорь? — спросила Ильянди.

Калава расхохотался, чего не делал уже много дней и ночей.

— О том не беспокойся...

Со смотровой площадки на мачте раздался крик. По всей палубе люди в страхе подняли взгляды к небу.

После не было случая, чтобы два человека рассказывали о том одинаково. Один говорил, что молния пронзила облака и грянул гром. Другой вспоминал о летящем мече не короче самой «Серой гончей», за которым тянулась полоса крови. Третьему привиделся зверь с разинутой пастью и тремя горящими хвостами... Калава запомнил копье, вокруг которого вились радуги. Ильянди же призналась наедине, что ей показалось, будто в небе ткет — то появится, то исчезнет из виду — огромный челнок с непонятными буквами на нем. Но все соглашались: то, что они видели, прилетело со стороны моря и скрылось за холмами.

Люди обезумели. Иные с воплями забегали по кораблю. Иные в слезах молились своим богам. Иные бросались на палубу и дрожали или же съеживались, зажмурив глаза. Руль и помпы все бросили, и судно понес прибой. В трюм хлынула вода.

— Прекратить! — рявкнул Калава и соскочил к матросам. — Мужчины вы или нет? Встаньте или умрите!

Пинками и пощечинами он заставил их вернуться к работе. Один моряк выхватил нож и бросился на капитана. Тот сшиб его с ног. «Серую гончую» едва успели вернуть под управление. Она слишком близко подошла к берегу, чтобы запрягать хуукина. Калава ухватился за румпель и с большим трудом развернул корабль к морю.

Как только матросы набрались храбрости, запахло мятежом. Калава поставил себе на замену рулевого из самых

опытных, а сам спустился с Ильянди в каюту — поговорить. Вскоре они вернулись на палубу, и капитан крикнул: «Внимание!» Стоя бок о бок, он и Мыслящая-о-Небе вглядывались в лица, испуганные или угрюмые, тех людей, у кого не было неотложных дел.

— Слушайте и передайте остальным, — сказал им Калава. — Я знаю, что дай вам волю, и вы сегодня же повернули бы к югу. Но так нельзя. Обратного перехода мы не выдержим. Что предпочтете — рискнуть, чтобы снискать богатство и славу, или же струсить и пойти на дно? Нам надо починить судно, пополнить запасы, а после того плыть домой и шести соплеменникам дивные вести. Когда же, спросите вы? Скоро, отвечу я, скоро. Я смотрел на воду. Взгляните сами. Видите, она все больше буреет, а сейчас по волнам плавают опметки растений? Значит, где-то рядом в море впадает большая река. Стало быть, там есть гавань. То же, что мы видели, объяснит вилку, госпожа наша Ильянди.

Мыслящая-о-Небе выступила вперед. Она переоделась в чистую белую тунику со знаками своего призвания, а в руке держала посох. Голос ее был тих, но все слышали.

— Да, зрелище было ужасно. Значит, легенды о моряках, ходивших далеко к северу или сбивавшихся с курса, верны. Но подумайте: ведь они возвращались домой. А те, кто не вернулся, погибли от естественных причин. Ибо зачем богам или демонам одних топить, а других миловать?

Матросы начали переглядываться.

— То, что мы видели, лишь мелькнуло у нас над головами. Было ли то предостережение нам? Нет, ибо знай оно нас, поняло бы, что мы не можем сейчас повернуть вспять. Была ли то еще какая-нибудь угроза? Едва ли. Да, оно было странным, но это не значит «опасным». Мир полон необычного. Могу рассказать вам о том, что за долгие столетия, наблюдая за чистым небом, мы видели и огненные полосы, прочерчивавшие его, и звезды с пламенеющими хвостами. Мы, вилкуи, не понимаем их, но и не страшимся, а воздаем им должную честь, как знамениям богов.

Ильянди помедлила, а потом завершила речь:

— Паче того. В тайных анналах нашего ордена есть рассказы о видениях и чудесах, превосходящих это. Всякий знает, что время от времени боги влагают свои слова в уста

святых мужей и жен, дабы вести народ. Не могу объяснить вам, как они проявляют себя, но замечу, что сегодня мы видели нечто подобное. Потому станем же верить, что то был добрый знак.

Потом она произнесла защитное заклинание и призвала стихии. Большинство людей приободрились. Ведь, в конце концов, они почитали Ильянди. К тому же многие и прежде плавали с Калавой и вернулись благополучно. Остальных они заставили слушаться.

— Разойдись! — приказал капитан. — Вечером каждый получит порцию спиртного.

Ответом было вялое веселье. Судно шло своим путем.

Наутро они и вправду увидели широкую бухту, укрытую от ветра. Вода в ней была мутной от ила. Придерживая хукина, Калава осторожно ввел в нее корабль и наконец увидел реку, о которой говорил. Вместе с несколькими смельчаками он сел в шлюпку и поплыл к берегу. В болотах, лугах и лесах, похоже, водилась богатая дичь. Росло тут множество незнакомых трав, но иные Калава узнал, и меж ними — съедобные ягоды и коренья.

— Хорошо, — сказал он. — Этот край созрел, пора прибрать его к рукам.

И земля под ним не разверзлась.

Разыскав удобное место, Калава вернулся на корабль, дождался прилива и выбросил «Гончую» на сушу там, где, как он видел, вода порой поднималась еще выше, — так ее было бы легко вновь вывести в море, когда придет время. Спешить Калава не хотел. Пусть, думал он, люди разобьют лагерь, отдохнут и подкормятся, а потом уж берутся за работу. Сети, силки и запруды обещали обильную добычу. В команде было несколько искусных охотников, а среди них — и сам капитан.

Взгляд его устремился вдаль, к холмам. Да, сегодня же он поведет отряд, чтобы узнать, что там.

5

Гея никогда не скрывала, что воссоздает историю человечества. Вероятно, то было величайшее из ее достижений. Но постепенно собратья Геи по галактическому мозгу начали понимать, что она одержима работой. В последнее

время — измеряемое сотнями тысяч лет — ее сообщения стали обрывочными и малоинформативными. Создалось впечатление, что Гея избегает делиться новостями. На нее не давили — в распоряжении галактического мозга вся терпеливость Вселенной. Однако беспокойство нарастало. Особенно волновалась ближайшая к Гее по расстоянию и потому чаще других выходившая с нею на связь Альфа, а значит, и Странник. Деятельность и мнение Геи играли решающую роль в судьбе Земли. Не поняв ее, нельзя было судить, верно ли будет спасти планету.

Разумеется, важной частью ее психики стали история и археология, которые она помнила от зарождения животного мира до технологического расцвета вида *homo*. Помимо того, в нее влилось бессчетное число индивидуальных сознаний, больше, чем в любой другой узел. Что делала она с ними в течение множества лет и что они сделали с ней?

Отказать Страннику в доступе к данным Гея не могла: наследие планеты принадлежало всей общине разума. Под ее руководством он просмотрел все записи наблюдений и действий во внешней реальности — здесь были геология, биология, астрономия...

Для того же, чтобы оценить внутреннюю работу Геи, ее мысли и эксперименты с искусственно созданным образом человечества, нужно было поговорить с ней по-человечески. Для этих целей в составе Странника имелся человек.

Кристиана Брэннока выбрали из множества тех, чьи копии устремились когда-то к звездам, потому что он был одним из первых и меньше других изменился, общаясь с машинами. Среди его положительных качеств были также энергичность, острый ум и способность адаптироваться.

Личность его была старательно воссоздана Альфой на основе компонентов его сознания и интегрирована в один из аспектов Странника. Конечно, получился не самый точный дубликат оригинала. Да, он хранил воспоминания Кристиана Брэннока о его жизни, но выглядел не стариком, а довольно молодым парнем. Вдобавок обладал он и кое-какими знаниями (всего лишь поверхностными, упрощенными, чтобы не перегружать рассудок) о том, что происходило после смерти его организма. В глубоком подсознании таилось стремление вернуться когда-нибудь к жизни более полной, чем он мог теперь вообразить. Но, зная, что, когда

задача будет выполнена, он вновь воссоединится с Альфой, Кристиан Брэннок не испытывал тоски по утраченному. Скорее он — насколько их со Странником можно было различить — радовался давно и прочно забытым ощущениям, мыслям и эмоциям.

Когда же Странник выделил его из себя, чувство того, что он снова стал человеком, захлестнуло Кристиана Брэннока. И ему это нравилось. Таким уж он был еще при земной жизни.

Чтобы описать, как это происходило, мы вновь будем вынуждены прибегнуть к языку мифа. Скажем, что Странник переписал подпрограмму «Кристиан Брэннок» в основной системный компьютер Геи. Иначе ты все равно ничего не поймешь: надо знать математику волновой механики и концепцию многоуровневой реальности переменных измерений, а над ней и умам помощнее человеческого приходится поломать голову.

Однако мы можем заметить, что дело было в системе, являвшейся не симуляцией, а эмуляцией. События в ней не имели ничего общего с теми, что случаются среди молекул плоти и крови, но реальностью ничуть не уступали им. Созданные Геей люди имели такую же свободную волю, как любой смертный, и опасности им грозили не меньшие.

Представь себе нескольких человек. Каждый из них чем-нибудь занимается: или думает, или что-нибудь вспоминает, или спит. А параллельно идут всякие психологические и биохимические процессы. К тому же люди взаимодействуют друг с другом и с окружающей средой, с любым листком, с любым камнем, с любым фотоном солнечного света. Кажется, что все это так сложно, что его и вообразить тяжело, не то что просчитать. Но продолжим: в каждый отдельно взятый момент всякая частичка этого мира, как бы крохотна она ни была, пребывает в некоем одном состоянии. А значит, то же самое можно сказать и обо всем целом. Каждый конкретный электрон находится на своей орбите, каждый атом встроен в молекулу, причем именно в данной конфигурации; силовые поля в каждой конкретной точке имеют строго определенные параметры. В общем, получается как бы фотография с идеально мелким зерном.

В следующий момент все меняется. Поля пульсируют, атомы смещаются, электроны прыгают с орбиты на орбиту,

тела движутся. Но согласно законам природы, любое новое состояние есть производная от предыдущего, и так далее.

Говоря шершавым языком мифа, каждую переменную любого состояния можно выразить в числах или, что то же самое, внести состояние в n-мерную диаграмму. Дополним ее законами природы и запустим программу. Компьютерная модель начнет эволюционировать от одного состояния к другому в точном соответствии с развитием нашего изначального материально-энергетического мира. А значит, в ней появятся жизнь и разум. Цифровые копии организмов будут делать то же самое, что и прототипы, один к одному, в том числе чувствовать и думать. С их точки зрения, их мир и они сами будут неотличимы от оригинала. Вопрос, какая реальность более настоящая, не имеет смысла.

Конечно, мой рассказ примитивен и неточен. На самом деле программа не в точности повторяла ход событий «снаружи». Ведь Гее не хватало ни данных, ни мощности, чтобы смоделировать всю Вселенную или хотя бы всю Землю. Не хватило бы их и любому другому узлу, и даже всему галактическому мозгу. Если ему и было суждено когда-нибудь обрести такие силы, то лишь в далеком-далеком будущем. А возможности Геи были настолько невелики, что количественные различия обращались в качественные.

Например, если события разыгрывались на поверхности планеты, то звезды приходилось делать всего лишь огоньками на небесной тверди, и ничем другим. В сколько-нибудь полных подробностях можно было отобразить лишь небольшой участок Земного шара, а все остальное по мере удаления от этого места делалось более и более размытым и условным. На той стороне Земли Гея вынуждена была ограничиваться лишь простейшей географией, гидрографией и метеорологией, так что в результате погода над сценой ее эксперимента могла стоять совсем не такая, как в действительности. Возникали и другие, более сложные несоответствия.

Кроме того, воссоздание реальности атом за атомом было технически недоступно, оставалось довольствоваться статистической механикой и приближениями. Хаос и квантовая неопределенность делали расчет развития в принципе невозможным. Оказывали свое влияние и другие факторы, которые я не могу выразить в известных мне терминах.

В общем, в порядке мифа скажем, что создания Геи сами творили себе судьбу.

И все-таки что за могучая была система! Она ведь из ничего порождала планеты, эволюции, жизни, экологии, сознания, истории, целые временные шкалы. И вовсе то были не микроскопические копии чего-то «настоящего», влачащие ущербное существование, пока узел из жалости не уничтожит их. Они отнюдь не происходили от чего-либо «внешнего». Гея могла придумывать, например, сказочные миры, где правили добрые боги и неудержимой рекой текло волшебство. Развитие их шло в соответствии с логикой установления границ.

Вселенная не знала подобного инструмента, поставленного на службу искусству, науке и философии.

Итак, Кристиан Брэннок вновь вернулся к жизни и молодости в мире, который Гея и Странник выбрали для него.

Он стоял в саду, залитом полуденным солнцем. Веял теплый ветерок. Пахло цветами. Дорожки были усыпаны гравием, кусты аккуратно подстрижены, на клумбах росли розы и лилии, а в обложенном мхом каменном прудике плавали золотые рыбки. С трех сторон сад окружали кирпичные стены, густо поросшие плющом; ворота с узорной решеткой вели на луг. С четвертой же стоял белый дом с двускатной крышей, выстроенный в классическом стиле, показавшемся ему старомодным. Жужжали пчелы. В ветвях большого тиса щебетали птички.

Навстречу ему шла женщина. На ней было вышитое цветами платье с большим вырезом, широкими рукавами и подолом, изящные туфельки, на груди висела камея, в руках она несла зонтик от солнца, — рядом с нею его комбинезон образца двадцать третьего века казался по-варварски грубым. Женщина — высокая, стройная — шла легко, несмотря на свое одеяние. Каштановые волосы, зачесанные кверху, обрамляли ясное лицо.

Она приблизилась, остановилась и взглянула Кристиану в глаза.

— Бенвени, капита Брэннок, — сказала она глубоким, музыкальным голосом.

— Э-э... привет, Зорита... — промямлил он.

— Прошу извинить меня, капитан Брэннок, — покраснела она. — Я забылась и заговорила с вами по-энглайски... на английском моих времен. Но меня... меня снабдили знанием вашего языка, и оба мы способны говорить на современном наречии.

Кристиану казалось, что он спит и видит сон. Он старался говорить как можно суше, получалось, будто жуешь кирпич.

— Значит, ты из моего будущего?

Она кивнула:

— Я родилась примерно на двести лет позже, чем вы.

— То есть лет через восемьдесят или девяносто после моей смерти?

По ее лицу словно скользнула тень.

— Прости. Я не хотел тебя огорчать.

Женщина была совершенно спокойна, даже чуть улыбнулась:

— Ничего страшного. Мы оба знаем, кто мы есть, и привыкли к этому.

— Но...

— Да, «но». — Она покачала головой. — Так странно... снова...

Он быстро понял ситуацию и почувствовал себя увереннее.

— Я знаю. У меня есть такой опыт. — Был, за много световых лет отсюда, у звезды, где жила Альфа. — Не беспокойся, скоро привыкнешь.

— Я тут долго была одна. Я опять молода... но помню долгую жизнь, старость, смерть. — Зонтик выпал у нее из рук, она, не замечая, пробормотала: — Помню, когда жизнь подошла к концу, я оглянулась и подумала: «И это все?»

Кристиан хотел взять ее за руки и успокоить, но решил, что лучше сказать просто:

— Вот видишь, это был еще не конец.

— Да, конечно. Со мной было не так, как когда-то с другими. Одряхлевшее тело безболезненно умертвили, а матрицу личности записали в компьютер... — Она подняла взгляд. — Мы ведь теперь не можем вспомнить свое прежнее состояние, да?

— Можем ждать, когда вернемся к нему.

— О да. А знаете... — Она расправила плечи, впитывая кожей воздух и солнце, потом окинула его взглядом —

статный мужчина, светловолосый, с довольно суровым лицом, говорит звучным баритоном — и расцвела в улыбке: — Мне начинает нравиться.

— Спасибо, — ответил Кристиан. — Мне тоже. Можно, я, чтобы завязать разговор, спрошу твое имя?

— Ой, извините! — воскликнула она. — Я-то думала, что хорошо подготовилась! Я... появилась со знанием своей роли и обстановки, а потом еще долго репетировала в уме, но когда мы наконец встретились, позабыла все свои задумки. Меня зовут... звали... меня зовут Лоринда Эшкрофт.

Он протянул женщине руку. После секундной заминки Лоринда пожала ее. Он вспомнил, что на закате его смертных дней этот жест стал выходить из моды.

— Наверное, ты обо мне немало знаешь, но я совсем незнаком с тобой и твоими временами. Когда я улетал с Земли, тут все менялось с бешеной скоростью, а отсутствовал я долго.

В конце концов личность Кристиана слилась по собственному желанию с другой, большей. Этой же копии, когда она выделилась, не сообщили никаких подробностей земной истории после его отбытия: все равно в сколь-либо полезном объеме информация не уместилась бы в сознании.

— Вы отправились к звездам почти сразу после того, как записались в компьютер? — спросила Лоринда.

— А чего ждать? Мне всегда хотелось полететь в космос.

— Рады, что полетели?

— Не то слово. — Несколько мгновений он боролся со своим языком, пытаясь составить не слишком корявую фразу. Он ведь был не только инженером, а еще и песни порой сочинял. — Но я также доволен, что оказался здесь. В столь приятном обществе.

Он надеялся, что хорошо выразил свою мысль. Ведь им с Лориндой предстояло долгое путешествие в поисках душ друг друга.

— К тому же, вернувшись, я привнесу в свое бытие что-то новое. Например, понимание того, как человек видит запредельное.

Как видит он солнца, планеты — на иных, чудесных, есть жизнь, — и пламенеющие туманности, и бесконечные воронки в зевах черных дыр, и галактики — они похожи на жемчужное ожерелье, рассыпанное бездумной рукой по бес-

крайнему космосу, — и хрупкую, но величественную структуру пространства-времени. Как видит он все то, что доселе неведомо смертным, ибо ни одно органическое существо не способно узреть его.

— А я решила, что останусь на Земле. Наверное, вы сочтете меня пугливой и лишенной воображения?

— Ни в малейшей степени, — возразил он. — У тебя тоже были приключения, просто другие.

— Очень мило с вашей стороны. — Она помолчала. — А вы знали Джейн Остин?

— Кого?

— Это писательница начала девятнадцатого века. Прожила незаметную жизнь, никогда не уезжала далеко от дома, умерла молодой, но как никто умела раскрывать человеческий характер.

— Хорошо бы почитать ее книги. Может, мне тут выдастся такая возможность. — Он хотел показаться Лоринде не таким уж... м-м... техногенщиком — такое он выдумал слово. — Я вообще много читал, особенно во время полетов. Гомер, Шекспир, Ду Фу, Басё, Бэллмен, Бернс, Омар Хайям, Киплинг, Миллэй, Холдмен... — Вскинув руки, он рассмеялся. — Не обращай внимания. Просто выучил несколько фамилий, чтобы было чем побахвалиться.

— Нам еще много надо друг о друге узнать, да? Пойдемте в дом, а то решите, что я негостеприимна. Сядем, поговорим.

Кристиан поднял ее зонтик и, припомнив все исторические фильмы, какие видел, предложил ей руку. Медленным шагом они пошли между клумбами. Ветер стих, пела птица, и розы благоухали под лучами солнца.

— Где мы? — спросил он.

— И в каком времени? — добавила Лоринда и сама же ответила: — В Англии середины восемнадцатого столетия, в каком-то поместье в графстве Суррей. — Кристиан кивнул: он и в самом деле был изрядно начитан. Она, помолчав, продолжила: — Гея и Странник решили, что лучше всего для нашей встречи подойдет такой безмятежный уголок.

— В самом деле? Мне тут не по себе, как жабе на клавиатуре.

Лоринда улыбнулась шутке, но ответила серьезно:

— Помните, меня же заранее познакомили со здешней атмосферой. Но мы с вами побываем и в других местах, в каких вы захотите, и я как смогу объясню вам, чем она занимается все эти годы. Правда, я мало знаю — я почти не бывала в других ее мирах. Вам придется взять на себя роль лидера.

— Хочешь сказать, что я лучше ориентируюсь в необычной обстановке и общаюсь со странными людьми? Вряд ли. Я ведь в основном имел дело с дикой природой — и на Земле, и в космосе. Она не агрессивна.

— Но опасна.

— Может быть. Однако в ней нет жестокости.

— Расскажите мне поподробнее, — попросила Лоринда.

Они вошли в дом и устроились в гостиной. Распахнутые створчатые окна выходили в зеленый парк, где гуляли олени. Вдалеке виднелась соломенная крыша сельского домика с пристройками и край пшеничного поля. На стенах комнаты висели гравюры; тут было много книг и два чьих-то бюста. Горничная, шурша юбкой, принесла поднос с чаем и печеньем. Вид незнакомца ее, очевидно, потряс до глубины души, но девушка сумела это скрыть. Когда она ушла, Лоринда объяснила Кристиану, что хозяева поместья — лондонцы, обычно приезжавшие сюда на лето, — пустили свою эксцентричную подругу провести тут выходные.

Значит, обстоятельства и воспоминания подвергаются корректировке. Таким образом Гея напрямую вмешивалась в события, происходившие внутри эмуляции. Интересно, подумал Кристиан, часто ли это случается.

— В высших слоях общества от человека часто ждут эксцентричности, — сказала Лоринда. — Но ведь в ваши времена каждый мог просто быть самим собой, да?

В течение следующего часа она выудила из Кристиана всю его подноготную. Он появился на свет в Юконском этнате, входившем в состав Беринговой Федерации, и потом часто туда возвращался, потому что любил заповедную глушь, одиночество гор и привыкших к простой, неспешной и привольной жизни людей. Несмотря на все это, страна развивалась и процветала, поддерживая более тесные связи с Азиатским и Тихоокеанским регионами, чем с пришедшими в упадок штатами-наследниками, граничившими с нею с востока и юга. Налаживались и трансарктические

контакты с возрождавшимися в ту пору государствами Европы, и именно там Кристиан получил основное образование и проводил немало свободного времени.

Тогда была эпоха непримиримых противоречий, и Содружеству наций с трудом удавалось поддерживать на Земле хрупкий мир. В молодости, нанявшись по глупости в Службу посредничества при конфликтах, Кристиан дважды был вынужден участвовать в боевых действиях. Потом стабильность постепенно вошла в норму. Во многом благодарить за это следовало нараставшее влияние сети искусственного интеллекта. Большинство ее компонентов на уровне сознания имели между собой гибкие связи, позволявшие для каждой конкретной ситуации формировать разум наиболее подходящего типа. Способности их уже тогда превосходили человеческие. Однако смысла в соперничестве не было — люди и машины предпочитали партнерские отношения. Новые разумы готовы были давать любые советы, но не стремились к власти.

Кристиан — дитя лесов, морей и гор, наследник древней цивилизации, выросший среди всевозможных достижений науки. На Землю он прилетал в отпуск. Здесь жили его родные и друзья, здесь можно было бродить по чащобам, кататься на яхтах, петь песни и пить вино. Была здесь и могила, которую он навещал, — Кристиан вскользь упомянул свою жену, тоже Лоринду, умершую до того, как появилась технология записи человеческой личности в компьютер.

Но потом он всегда возвращался в космос. Космос манил Кристиана с тех пор, как впервые, лежа в колыбельке под ветвями разлапистого кедра, он увидел звезды. Он выучился на инженера. Работал не только с людьми, но и с разумными машинами и даже с некоторыми по-страшному подружился. Десятки лет провел, играя ключевую роль в таких предприятиях, как строительство купола над Морем Коперника, обитаемой станции в поясе астероидов, орбитальной фабрики по производству антиматерии и, наконец, Большого Солнечного лазера, предназначенного для запуска межзвездных кораблей. Вскоре по завершении последнего проекта его дряхлое тело умерло, но дни его разума еще только начинались.

— Ваша жизнь была поразительна, — тихо сказала Лоринда Эшкрофт, глядя в окно. Тени стали долгими. —

Жаль, что... они... не поместили нас в хижину где-то в ваших лесах.

— Нет, нет. Мне тут нравится. Я никогда прежде не бывал в таком доме.

— Вы помните, мы легко можем отправиться куда угодно. В любое место, в любое время, созданное Геей, в том числе и такое, какого никогда не было в нашей истории. Если хотите, я принесу амулеты.

— Амулеты? — поднял брови Кристиан.

— Вам не сказали... не сообщили? Это такие устройства: надеваете амулет и даете команду перенести вас куда надо.

— Понял, — кивнул он. — Аппарат переписывает эмулированную личность в другую обстановку.

— И по необходимости вносит в нее соответствующие модификации. Часто приходится активизировать отключенную среду, переведенную в архивное состояние. Наверное, Гея могла бы сделать так, чтобы мы перемещались по собственному желанию и обладали способностью вызывать все, что захотим. Но использовать внешнее устройство удобнее.

— Да, я, кажется, догадываюсь почему. Если бы у нас были сверхъестественные силы, мы бы уже не были людьми, согласна? А смысл идеи в том, что каждый из нас — человек. — Он подался вперед на стуле. — Ну, теперь твоя очередь. Расскажи о себе.

— О, мне почти нечего рассказывать. Со мной никогда не случалось ничего столь удивительного, как с вами. Правда, мир в мое время сильно изменился...

Родилась она здесь, в Англии. Страна к тому времени превратилась в негусто населенную провинцию Европы, тихий край (полусонный, как сказала Лоринда), погруженный в воспоминания о прошлом. Искусство не то чтобы вымерло, но довольно резко разделилось на два течения: представители первого держались классических традиций, приверженцы второго предпринимали попытки отобразить откровения, нисходившие со звезд. Обе школы затмила эстетика, созданная искусственным разумом. Тем не менее Лоринда была их активной деятельницей.

Работая, она много ездила по Земле. К тому времени осмысленный труд стал для людей привилегией, которую могли стяжать лишь самые талантливые и энергичные из

них. Лоринда служила посредником между двумя типами живых существ. Это означало для нее знакомиться с представителями человеческой расы, объединенными в различные сообщества, и помогать им добиться того, чтобы с их интересами считались. Например, если собирались возводить станцию контроля над землетрясениями, причем строительство изменило бы ландшафт и нарушило бы жизнь поселка, Лоринда решала, следует ли бороться против него, а если нет, то что надо сделать, чтобы проект не так больно ударил по местной культуре. Но чаще ей приходилось помогать (в первую очередь советом) тем, кто оказывался в трудном положении и лишался духовных основ жизни.

Лоринда еще больше, чем Кристиан, обходила в рассказе подробности своей личной жизни. Но у него создалось впечатление, что она была в общем счастлива. Тихой ее печалью оставалась лишь бездетность, но и ту она делила со многими обитателями мира, где рождаемость строго контролировалась. Потом у Лоринды родился сын. Она любила Землю, ее славное прошлое и любила каждого человека. Постарев, решила остаться на планете в новом, машинном теле и служить людям, как служила прежде. Со временем в ней начало расти желание влиться в единый разум, ставший впоследствии Геей.

Кристиан подумал, что ему понятно, отчего именно ее выбрала Гея из бессчетных миллионов тех, кто принял ту же судьбу, для встречи с ним. Вслух же он сказал:

— Да, этот дом тебе подходит. И мне тоже, несмотря ни на что. Мы здесь на своем месте в большей степени, чем любой из нас был бы в эпоху другого. Тут тихо и красиво.

— Это не рай, — грустно сказала Лоринда. — Не забывайте, мы оказались в настоящем восемнадцатом столетии, насколько Гея сумела реконструировать историю, сформировавшую его. — А Гея постоянно следила за происходящим и вносила нужные изменения, если события разворачивались так, что делались несовместимы с данными летописей и археологии. — Прислуге мало платят, плохо кормят, не уважают, — в общем, люди живут как крепостные. Колонисты в Америке держат рабов и собираются устроить мятеж. По ту сторону Ла-Манша монарх сосет из Франции все соки, и вскоре там начнется ужасная революция, а потом четверть века будет длиться гражданская война.

Он пожал плечами:

— Что ж, род людской никогда не отличался здравомыслием.

Отличались машины.

— Были и разумные люди, — ответила она. — Хотя бы в некоторой мере. Гея полагает, что тебе следует встретиться с некоторыми из них, чтобы ты не считал, будто она лишь играет в жестокие игры. Я пригласила, — такие воспоминания дала ей Гея, — троих человек отужинать с нами завтра. Это не соответствует их реальным биографиям, но Гея сможет потом исправить их, если захочет. — Лоринда улыбнулась. — Надо будет снабдить вас париком и панталонами. Это легко сделать при помощи амулета.

— А еще ты меня подготовишь, ладно? Кто эти трое?

— Джеймс Кук, Генри Филдинг и Эразм Дарвин. Думаю, вечер удастся.

Мореплаватель, писатель и эрудит широкого профиля — драгоценные жемчужины из сокровищницы, которую хранила Гея.

6

Странник выделил из себя еще одну производную личность и подготовил ее к исследовательскому путешествию по Земле.

Сам же он должен был остаться на горе и поддерживать с Геей более тесную и полную связь, чем это возможно при помощи средств межзвездной коммуникации. Гея обещала провести его по всей базе данных, собранных за миллионы лет наблюдений. Даже для них двоих их объем был огромен. При всей быстроте их мышления понадобились бы целые недели внешнего времени и почти полная концентрация внимания. На все остальное оставалась лишь малая часть сознания, особенно у Странника, поскольку Гея обладала гораздо большим интеллектом, чем он.

По словам Геи, она надеялась, что, получив практически прямой доступ ко всем ее наблюдениям, Странник осознает необходимость предоставить Землю своей огненной судьбе. Речь шла не только о научных знаниях, которые невозможно было получить каким-либо другим путем. События, предстоявшие Земле, могли дать галактическому

мозгу просветление, подобно тому как когда-то гениальная книга или симфония меняла души людей. Но прежде чем понять будущее, Страннику надлежало изучить прошлое.

У него же имелись определенные сомнения. Странник подозревал, что эмоции человеческих компонентов Геи — а их в ее состав вошло больше, чем у любого другого узла, — усиленные веками, притупляют ее мышление. Тем не менее с предложением он согласился. Оно соответствовало цели, с которой он прибыл.

Пока Странник был занят просмотром базы данных, Кристиану надлежало обследовать созданные Геей миры возможного, а еще одному его агенту — современную и материальную Землю.

Для этого наиболее естественной процедурой было бы выбрать подходящий набор молекулярных ассемблеров и дождаться, пока они размножатся. Когда же их количество станет достаточным, из молекул должен был сложиться (выстроиться, вырасти — как угодно) целый флот миниатюрных аппаратов, которые, летая в атмосфере, транслировали бы Страннику информацию обо всем, что обнаружат.

Но Гея убедила его поступить иначе:

— Если ты отправишься в путешествие лично, в сопровождении моего небольшого аспекта, то быстрее и лучше познакомишься с планетой. Многое из того, что есть на ней, не имеет аналогов нигде больше. Так ты поймешь, почему я хочу, чтобы ее эволюция без помех дошла до естественного завершения.

Странник согласился. В конце концов, основной задачей его миссии было постижение того, как именно Гея мыслит. Тогда, возможно, Альфа и другие узлы сумеют завязать с ней подлинный диалог и прийти к соглашению, каким бы оно ни было. К тому же, если результаты экспедиции его не удовлетворят, он всегда мог вернуться к идее с рассылкой исследовательских роботов.

— Какие ожидаются опасности? — спросил он.

— В основном связанные с климатом, — ответила Гея. — Погодные условия становятся все менее умеренными, и в любой момент почти без всякого предупреждения может начаться сильная буря. Быстрая эрозия изменяет очертания местности едва ли не за одну ночь, происходят оползни, молниеносные наводнения, неожиданные приливы. Следить

за их подробностями я даже не пытаюсь: с таким объемом данных мне не справиться — да, даже ей! — без ущерба для биологических наблюдений.

Странник вызвал в памяти ее последние сообщения, достигшие звезд. Они были печальны. Буйному богатству природы, освободившейся от гнета человека, давно уже пришел конец. Земля под слоем облаков пылала. На вершинах гор — как, скажем, на уровне Радужной Чаши — было холодно, но от льда и снега остались лишь геологические следы. Тропики, не считая вод и нескольких островов, где еще держалось несколько мелких примитивных видов, превратились в стерильную пустыню. Жаркий ветер, стирая камни, заносил их пылью. Пески ползли на юг и на север, иссушая степи, засыпая реки, карабкаясь вверх по склонам холмов. Кое-где сохранялись клочки джунглей или болот, размываемые ливнями или тонущие в горячем тумане, но и тем уже оставалось недолго. Лишь в высоких широтах было получше. Климат в Арктее колебался от флоридского (насколько его помнил Кристиан Брэннок) в низинах до прохладного в горах. На юге, за морем, лежал большой континент, в северной части которого средняя температура напоминала Центральную Африку прежних времен. В этих двух регионах и сохранилось относительное изобилие жизни.

— Тебе бы и в самом деле не хотелось увидеть Землю возрожденной? — напрямую спросил Странник.

— Древняя Земля живет в моих базах данных и эмуляциях, — откликнулась Гея. — А то, что происходит сейчас, я не могу проиграть в виртуальной реальности, поскольку недостаточно хорошо понимаю. Это не под силу ни одному разуму, чьи возможности хоть чем-то ограничены. Исказить ход событий означало бы навсегда лишиться знаний, которые, как я полагаю и верю, имеют фундаментальное значение.

Странник не стал ей указывать, что жизнь, вновь попав в благоприятные условия, тоже не станет следовать предсказуемым путям развития. Он знал, что именно возразит Гея: эксперименты подобного рода проводились в ряде прежде бесплодных сфер, заселявшихся синтезированными организмами. Ему было странно, что она, похоже, не испытывает никаких сентиментальных чувств по отношению к родине человечества. Ведь в ее сущность входило множе-

ство тех, кто знал, как на рассвете холодит босые ноги роса, как шепчутся в лесу тени деревьев, как на ветру бегут по пшеничным полям волны от горизонта до горизонта, — о да! — кто помнил огни и шум больших городов. Из любви, а не только из научного и технического интереса хотели товарищи Геи, жившие среди звезд, вернуть Земле молодость.

Она же собиралась доказать ему, что Земле надо дать умереть.

Странник подготовился к экспедиции. Гея предложила ему быстрый и маневренный самолет, способный приземлиться на площадке размером метр на метр и не потревожить ни травинки. Он предоставил пассажира.

С собой на Землю Странник взял несколько тел разного типа. То, которое он выбрал, могло функционировать отдельно от него, имея собственный интеллект. На телеуправление самолетом Гее приходилось тратить совсем немного внимания, а Странник мог вообще не отвлекаться на своего представителя.

Для него самого там, конечно, не хватило бы места: структура машины не смогла бы поддерживать матрицу, оперирующую на его уровне мышления. Представь себе — метафорически, конечно, — что у нее был мозг примерно как у весьма смышленого человека. В этот мозг Странник скопировал столько себя, сколько поместилось, то есть всего лишь набросок, общее представление о ситуации, столь же искаженное и неполное, как наш миф. Однако имелись у его посланца и скрытые резервы, к которым он мог бы прибегнуть в случае необходимости. Поскольку аспект, восходивший к личности Кристиана Брэннока, лучше всего подходил для подобного задания, он и доминировал.

Так что можешь, если угодно, вообразить себе человека, возрожденного в теле из металла, силикатов, углерода и прочих материалов, движимом электрической и другими энергиями, в котором происходят различные квантовые процессы. Это, естественно, повлияло не только на его внешность и возможности, но и на внутреннюю жизнь. Он был отнюдь не лишен страстей, но эмоции его не вполне совпадали с теми, что испытывает органическое существо. В большинстве отношений он сильнее отличался от давно умершего инженера, чем тот, кто был воссоздан, чтобы исследовать со-

творенные Геей эмуляции. Если того, последнего мы называем Кристианом, то этому дадим имя Брэннок.

Габаритами и фигурой он отдаленно напоминал человека. Корпус у него был матовый, серо-синий, а рук — четыре, причем нижнюю пару он мог преобразовывать в инструмент по выбору. Точно так же Брэннок имел возможность адаптировать к любой поверхности и свою ходовую часть, а для дополнительной опоры и выпускать третью ногу. Спина у него выступала назад, потому что в ней располагался ядерный источник энергии и различные органы. Голова походила формой на цилиндр со скругленным верхом. На ее поверхности, а также в других местах имелись сенсоры, незаметные, но дающие полную информацию о том, что происходит вокруг. Лицо представляло собой голографический экран, на который проецировалось какое угодно изображение. Равным образом Брэннок был способен подавать сигналы звуком или же в видимом, инфракрасном и микроволновом диапазонах. Запоминающее устройство, откуда несложно было почерпнуть любые данные, соответствовало по объему крупной библиотеке древности.

Обрабатывать полученные знания, обдумывать и оценивать их он не мог — разве что со скоростью, доступной любому гению людского рода. Были у него и другие ограничения. Однако никто и не предполагал, что он станет функционировать без дополнительного оборудования.

Вскоре Брэннок был готов отправиться в путь. Вообрази, будто он говорит Страннику:

— *Adiós.* Пожелай мне удачи.

Ответ был... э-э... рассеянным. Странник уже начал работать с Геей.

Поэтому на борт Брэннок взошел вроде как в молчании. На человеческий взгляд, его самолет был маленьким, остроносым и переливался всеми цветами радуги. Материальная его составляющая являла собой переплетение тончайших нитей. Основная часть небольшой массы приходилась на энергетические генераторы. Но все же угрожать этой хрупкой машине мог лишь необычайно сильный ветер, да и тот она скорее всего обогнала бы.

Брэннок занял свое место. Странник настоял на том, чтобы самолет имел ручное управление на случай чрезвы-

чайных ситуаций, вероятность которых, правда, казалась ему исчезающе малой, и эффекторы Геи внесли в конструкцию соответствующие изменения. Перед Брэннокомзадрожала в воздухе призрачная панель с приборами. Он поудобнее расположился в силовом поле и предоставил пилотирование Гее. Самолет бесшумно поднялся в воздух, потом заложил крутой вираж и, пронзив слой облаков, неспешно полетел над предгорьями, держа высоту в полтысячи метров.

— Вниз вдоль русла Последней реки до моря, — попросил Брэннок. — Там очень красивый пейзаж.

— Как пожелаешь, — ответила Гея.

Говорили они при помощи акустических устройств: у него был мужской голос, у нее — возможно, она решила, что ему так больше понравится, — женский, глубокого диапазона. Но, конечно, я не могу в точности передать их беседу.

Гея изменила курс. Брэннок увидел среди яркой зелени равнины Изобилия блестящий под серебряно-серым небом поток.

— Как ты знаешь, запланировано, что сначала мы облетим Арктею. Я разработала маршрут, который даст тебе самое полное понятие о ее биологии. На стоянках ты сможешь проводить исследования любой интенсивности. Можно также задержаться в любом другом месте по твоему желанию.

— Спасибо, — ответил Брэннок. — Суть в том, что я должен получить базовое представление о происходящем на континенте, да?

— Да, поскольку здесь существуют наиболее благоприятные условия для жизни. Когда ты будешь готов, мы отправимся на юг, и окружающая среда будет постепенно становиться все более суровой. Ты увидишь, как жизнь приспосабливается к ней. Там есть много интересного. Даже сам галактический мозг не сравнится творческой мощью с природой.

— Разумеется. Хаос, сложность... Ты ведь немало рассказывала... м-м... *нам* о том, как происходит адаптация, верно?

— Да, но ты еще многого не знаешь. Я постоянно обнаруживаю новые факты. Эволюция продолжается.

«По мере ухудшения условий», — подумал Брэннок. И все равно живые существа исчезают вид за видом. На ум пришел образ того, как арьергард жизни сражается с наступающим воинством ада.

— Я хочу, чтобы ты увидел как можно больше, — сказала Гея, — чтобы ты окунулся в творящееся на Земле, почувствовал величие.

«Его трагичность», — подумал он. Но трагедия — это искусство, и, может быть, прекраснейшее из созданных родом людским. В Гее могла еще сохраниться человеческая душа — в большей степени, нежели у любого другого узла.

Нужен ли ей по-прежнему катарсис, нужны ли страх и жалость? Что происходит в ее эмуляциях?

Что ж, ответ на этот вопрос должен был найти Кристиан. Если сможет.

Сам Брэннок был человеком в достаточной мере, чтобы не согласиться с нею. Он обвел рукой пейзаж, разворачивавшийся внизу, — реку, текшую по ущельям среди прибрежных холмов, орошавшую луга и густые леса и впадавшую в залив, над которым носились тысячи птиц.

— Ты хочешь видеть их борьбу до самого конца. Жизнь хочет жить. По какому праву ты противопоставляешь свою волю ее желанию?

— По праву разума, — ответила Гея. — Лишь для существа, обладающего сознанием, имеют смысл понятия справедливости, милосердия и любви. Разве люди не эксплуатировали мир, как только могли? А когда природу наконец стали защищать, то это тоже произошло по свободному выбору человека. Речь идет о знании и понимании, которые можем получить мы.

У Брэннока тут же возник вопрос: а что с ее личными эмоциональными потребностями?

Самолет резко вильнул в сторону. Брэннока прижало к силовому полю. Он услышал треск и визг ветра. Залив все быстрее убегал за корму.

Космонавт, живший в нем, — тот, кто видел метеорные дожди и выбросы жесткой радиации, — отреагировал немедленно. Брэннок дал команду на оптическое увеличение и оглянулся посмотреть, в чем дело.

— Вон там! — воскликнул он, заметив на горизонте...

— Что? — спросила Гея.

— Там, сзади. Почему ты от него уклоняешься?

— О чем ты? Там нет ничего важного.

— Черта с два. Сдается мне, ты все видела яснее, чем я.

Гея сбросила скорость настолько, что самолет почти завис в воздухе над бившимися о берег волнами. У Брэннока возникло подозрение, что это было сделано с одной целью — развеять ощущение чего-то чрезвычайного и заставить его с большим вниманием отнестись к тому, что Гея скажет.

— Ну хорошо,— произнесла она после небольшой паузы.— Я заметила определенный объект. Как по-твоему, что ты наблюдал?

Он решил, что не будет отвечать так сразу, пока не удостоверится в добросовестности Геи. Чем больше она знает, тем легче сможет его обмануть. Даже эта небольшая частица ее разума интеллектуально намного превосходила его. Однако он тоже был не простого десятка, и к тому же упрям.

— Я не вполне уверен. Но, кажется, оно не представляло опасности. Полагаю, ты объяснишь, что это было и почему ты от него улетела?

Не вздохнула ли она?

— На нынешнем уровне осведомленности ты не сможешь его понять. Возникнет неизбежное недоразумение. По этой причине я направила самолет в другую сторону.

У человека напряглись бы все мускулы. Системы Брэннока пришли в полную готовность.

— С твоего позволения, я сам стану судить о способностях своего мозга. Будь добра, поверни обратно.

— Нет. Обещаю, что позже, когда ты побольше увидишь, я все объясню.

«Когда увижу побольше иллюзий? Сколько еще уловок она приготовила?»

— Как скажешь,— ответил Брэннок.— А я тем временем свяжусь со Странником и все ему сообщу.— Эмиссар Альфы весь ушел в работу, но небольшая его часть была по-прежнему открыта для внешних контактов.

— Не делай этого,— сказала Гея.— Его нельзя отвлекать без необходимости.

— Он сам разберется.

Вспыхнул бой.

Гея почти победила. Сосредоточься она полностью на атаке, Брэннок даже не успел бы заметить, что на него напали. Но значительный ее сегмент был, как всегда, занят работой с потоками данных, поступавших со всей планеты от наблюдательных устройств. Возможно также, что время от времени (с точки зрения внутренних квантовых сдвигов) она поглядывала на то, что делают Кристиан и Лоринда. Основное же ее внимание было приковано к Страннику, и бросить его, не вызвав подозрений, Гея не могла, — наоборот, приходилось исхитряться и скрывать от него, что происходит что-то необычное.

Кроме того, ей никогда еще не приходилось сталкиваться с таким существом, как Брэннок, в котором агрессивность человека-мужчины и рефлексы человека-космонавта переплетались со сложными технологиями и частицей бессмертной сути Альфы.

Брэннок почувствовал, как силовое поле сжимает его, будто в тисках, мозг словно захлестывает бредовая волна. Человек решил бы, что ему вкололи наркотик. Брэннок не стал задумываться. Он ответил мгновенно. С быстротой машины и яростью тигра он ударил и на критическую миллисекунду выбил Гею из равновесия.

Тьму и гул в голове он прорвал, собрав резервы психики. Руки метнулись к мельтешению световых пятен панели. Перехватить управление Брэннок не мог — аппаратура не была на это рассчитана, но сумел выдрать самолет из-под контроля Геи.

Бело-голубыми дугами выгнулись электроразряды. Полыхнули и погасли огни. Генераторы продолжали работать, и машина оставалась на лету. Но все более сложные функции были нарушены. Пляска атомов и волн утратила порядок.

Поле, державшее его, распалось. Он грянулся об пол. Мрак в голове постепенно рассеивался. Остался лишь вихрь потрясенных чувств. Брэннок выкрикнул:

— Прекрати, сволочь!

— Прекращу, — сказала Гея.

Потом он догадался, что она отчасти сохранила контроль за самолетом. И прежде чем Брэннок успел переключить управление на себя, послала его нырком вниз и отрубила главный генератор.

Все силовые поля распались. Ветер обрывал клочья обшивки. Самолет упал в бурное море. Волны выбросили часть обломков на песок, а остальное утащил отлив.

Но Брэннок сумел выпрыгнуть, толкнувшись мощными ногами, и по длинной дуге упал на глубину. Раздался громкий всплеск; Брэннока утащило в зеленый сумрак и там долго мотало взад-вперед течением. Однако в конце концов он, невредимый, коснулся ровного дна.

Дышать ему было не нужно, так что он решил не всплывать. От шока он оправился меньше чем за секунду. На оценку ситуации ушло несколько минут — уж очень сильно качало.

Итак, Гея пыталась возобладать над ним. Энергетическое поле начало подавлять процессы в мозгу и навязывать чуждые ему шаблоны поведения. Брэннок едва успел спастись.

Вряд ли ей в прошлом приходилось применять подобные способы действия. Значит, они были разработаны специально для него. Отсюда практически неизбежно следовало, что Гея заранее собиралась в какой-то момент путешествия воспользоваться этим средством. Увидев нечто, что Гея не намеревалась ему демонстрировать, и не дав ей себя перехитрить, Брэннок вынудил ее прибегнуть к механизму, не полностью готовому к работе. Когда же нападение сорвалось, Гея употребила свои последние ресурсы, чтобы его уничтожить.

Так далеко она зашла, чтобы скрыть от звезд свою страшную тайну.

Брэннок обнаружил в ходе своих мыслей ошибку. Гея пустила в ход еще не все, что могла. Напротив, у нее имелась целая планета, полная наблюдательных и других устройств. И некоторые из них сейчас должны были на полной скорости мчаться сюда, чтобы убедиться в гибели Брэннока, а если он окажется жив, обеспечить его ликвидацию. После чего Странника накормят баснями о прискорбном несчастном случае, произошедшем над океаном, вдали от берега.

Брэннок был тяжелее воды и потому не поплыл, а зашагал вниз по склону дна, ища, где глубже.

Отыскав груду вулканической породы, он заполз в пещеру, свернулся, как спящий ребенок, и перевел все свои

системы в минимальный режим действия. Так, надеялся он, агенты Геи его не обнаружат. Ведь их количество и чувствительность сенсоров не беспредельны. Ей, не видевшей, как он спасся, — ведь ее датчики, встроенные в самолет, отключились в момент катастрофы, — логично будет предположить, что останки Брэннока унесли волны.

Спустя три дня и три ночи его разбудил сигнал внутренних часов.

Надо было не терять осторожности. Но, предположив, что Гея уже не очень внимательно следит за этим районом (Странник, державший с ней постоянную связь, мог бы заметить, что она слишком концентрируется на одном клочке моря), Брэннок осмелился зашевелиться. Электронные органы чувств предупредили бы его о приближении любого робота, даже настолько миниатюрного, что его нельзя было разглядеть. А что ему теперь следовало делать — это уже другой вопрос.

Для начала он обследовал местность. Машины Геи собрали все следы крушения, какие смогли обнаружить, но на дне лежало еще много чего: вероятно, она сочла, что продолжать поиски слишком опасно или не стоит затрат. Почти все, на что Брэннок наткнулся, представляло собой бесполезный хлам. Уцелело лишь несколько деталей. Та из них, что его заинтересовала, физической формой походила на небольшой металлический шарик. Он отыскал ее по магнитной индукции, вышел на берег и там, укрывшись под деревьями, изучил. Своими руками-инструментами Брэннок прощупал то, что мы на языке мифа назовем схемой у нее внутри, и установил, что это банк памяти. Язык кода был знаком его аспекту Странника. Он извлек информацию и занес ее в свою базу данных.

Там содержалось описание нескольких языков. Человеческих, хотя совершенно незнакомых Брэнноку. Ничего себе.

— Надо бы узнать, что это за люди, — пробормотал он. В одиночестве — только ветер и море — у него опять всплыла старая привычка думать вслух. — Другого такого шанса, наверное, не будет. Вот Странник-то удивится.

Удивится, если Брэннок сумеет вернуться к нему или хотя бы подойти настолько близко, чтобы хватило мощности передатчика.

Он двинулся пешком вдоль берега к заливу, куда впадала Последняя река. Может, там обнаружится то, что он видел с воздуха, или хотя бы какие-то следы.

Все случилось так быстро, что Брэнлок не был уверен, но ему казалось, будто он заметил корабль.

7

Три дня — три дня древней Земли, длящихся двадцать четыре часа каждый, когда неярко светит солнце, а чуть погоди, и дождик покроет траву на пастбище и живую изгородь блестящими каплями, три дня конных поездок по тропам Англии, прогулок по ее городам, встреч с людьми; и вечерня в норманнской церкви XII века, и чтение книг, и долгие беседы, и молчание вместе, — три дня сдружили их. Теперь уже и к Гее Кристиан относился теплее. Ведь она возродила Лоринду, а Лоринда была ее частью, как он был частью Странника, Альфы и прочих разумов в глубинах Галактики, которых не мог перечесть. Раз так, как могли остальные творения Геи быть злы?

Разумеется, именно подобной реакции Гея от него и добивалась. Ну и что с того?

Примитивные условия восемнадцатого столетия не мешали ни ему, ни Лоринде. Наоборот — повседневная жизнь давала массу свежих впечатлений, нередко забавных. Только с каждым разом Кристиану становилось все труднее уходить вечером к себе в комнату.

Но ведь они оба были на задании: он проверял, что происходит в этой реальности, чтобы потом доложить Страннику, она старалась объяснить и оправдать все это в его глазах. Как и Кристиан, Лоринда помнила о своем прежнем единстве с узлом. Память эта была столь же туманна и обрывочна, как и у него, — скорее чувство чего-то запредельного, чему нет ни формы, ни названия. Так спустя много лет вспоминают религиозное откровение. Однако отношения с Геей доминировали в сознании Лоринды, а еще больше — в подсознании, так же как для Кристиана много значило родство со Странником, а через него и с Альфой. Лоринда — смертная женщина, ограниченная всевозможными рамками, — говорила от имени узла Земли, честно и без прикрас.

По молчаливому соглашению они мало говорили о своих целях и просто радовались друг другу и тому, что их окружало. Так длилось до утра четвертого дня. Наверное, погода напомнила им вековую привычку выполнять свой долг. Ветер выл и свистел, окна ослепли от дождя, даже в карете нельзя было выехать из поместья. В доме было промозгло, не помогал и огонь в камине. Уютно горели свечи на накрытом к завтраку столе, блестело серебро и фарфор, но по углам таились густые тени.

Кристиан допил кофе, поставил чашку и докончил начатую фразу:

— Да, нам лучше бы приступить к делу. Только я не очень хорошо представляю, что искать. Даже сам Странник не знает.

Гея слишком многое скрывала за туманными формулировками. Впрочем, Странник был сейчас (как ни понимай это слово) подключен к ней и пытался взглянуть с общей, космической точки зрения на судьбу планеты — сколько же ей уже миллионов лет?

— Но вы же помните свое задание, — ответила Лоринда. — Вам надо прояснить природу внутренней деятельности Геи и выразить ее в моральных... в человеческих терминах. — Она выпрямилась на стуле, и тон ее стал решительнее. — Ведь мы, эмуляции, — люди. Мы мыслим и действуем, чувствуем радость и боль точно так же, как любой человек.

Кристиан решил, что надо разрядить обстановку.

— И производим на свет новые поколения, — сказал он, — точно так же, как это всегда делалось.

Красивое лицо Лоринды залил румянец.

— Да, — произнесла она и очень быстро добавила: — Но, конечно... здесь... речь идет всего лишь о базе данных. Если угодно, об архиве. Можем для начала посетить однудве такие реконструкции.

— С удовольствием, — облегченно улыбнулся Кристиан. — Что бы ты посоветовала?

— Афинский Акрополь? — предложила Лоринда. — Причем в то время, когда он еще не лежал в развалинах. Античная цивилизация всегда меня привлекала. — Она потрясла головой. — И знаете, до сих пор привлекает.

— Гм... — Кристиан потер подбородок. — Насколько я помню уроки истории, греки были шайкой коварных и вздор-

ных политиканов, только и поровивших подделать результаты выборов или поприжать кого послабее. Разве Афины не пустили на финансирование строительства Парфенона незаконно присвоенные сокровища Делийской лиги?

— Это были всего лишь люди, а не ангелы, — сказала Лоринда так тихо, что за шумом ветра он едва ее расслышал. — Но то, что они сотворили...

— Конечно. Я согласен. Отправляемся.

В восприятии амулеты имели вид серебристых дисков в два сантиметра диаметром, висевших на груди пользователя под одеждой. В реальности же — в подлинной, внешней реальности — это были мощные программы, обладавшие собственным интеллектом. Кристиан не знал, до какой степени они находятся под прямым контролем Геи и насколько внимательно она за ними следит.

Не размышляя, он протянул Лоринде руку. Та взяла его ладонь и крепко сжала. Но, произнося команду, смотрела она прямо перед собой, в мерцающее пламя камина.

Мгновенно, не почувствовав ни малейшего движения, они очутились на широких мраморных ступеньках под безоблачным небом, лучившимся жарой. Было тихо; с крутых склонов, где ничего не построили, пахло тимьяном — в нем не жужжали пчелы, его никто не рвал. Внизу лежал город: обожженные солнцем крыши, открытые площади-агоры, храмы с колоннами. Воздух был так прозрачен, что Кристиан вообразил, будто почти различает мельчайшие детали статуй.

Спустя немало времени гости стали подниматься по лестнице — все так же молча, держась за руки — туда, где на балюстраде перед святилищем Ники выстроились крылатые девы-победоносицы. Каменные одеяния их развевались под ветром, которого не чувствовал Кристиан. Одна склонилась завязать сандалию...

Долго бродили двое по портикам Пропилеев, смотрели на дорические и ионические капители, на картины и вотивные таблички в Пинакотеке. Они могли бы остаться тут и на ночь, но все остальное ждало их, и горячность смертных была им столь же ведома, сколь усталость. Краски полыхали...

О каменные девы и каменные цветы Эрехфейона!

Прежде Кристиан считал Пантеон утонченно-изысканным — так выглядели изображения и модели, которые он видел, когда над разбитыми, изгрызенными химической эрозией развалинами можно было лишь рыдать. Но сегодня он узрел, как Пантеон огромен. Жизнь кричала с каждого орнамента — алого, синего, золотого; а внутри, в полумраке, красота нашла свое средоточие в колоссальной статуе Афины работы Фидия.

...После, намного позже, он стоял рядом с Лориндой наверху Стены Кимона, над Асклепиумом и театром Диониса. Солнце клонилось к закату, и в городе играли, сплетаясь, тени; восток дышал прохладой. Странно, но говорили они почти шепотом. Не могли ли они дать голосу силу, не хотели ли?..

Он покачал головой и сказал, не найдя лучших слов:

— Великолепно. Невероятно.

— Разве это не стоит всех злодеяний, войн и мук?

На миг Кристиану стало не по себе, так серьезна она была.

— Не ожидал, что тут все будет так... э-э... ярко.

— Известно, что греки красили стены домов.

— Да, я тоже слышал. Но ведь историки не знали, в какие цвета?

— Не вполне. Лишь кое-где остались следы. В основном это, должно быть, догадки Геи. Особенно скульптуры. Об Афинах, например, в исторических хрониках сохранилось лишь краткое описание. — Лоринда сделала паузу и взглянула в сторону гор. — Но, конечно, то, что мы видим сейчас, — учитывая весь объем доступной ей информации и то, что она способна обрабатывать все данные одновременно и понимает, как мыслили тогда люди, — это наиболее вероятная реконструкция. Или по меньшей мере — наименее невероятная.

— Наверное, она испробовала несколько вариантов. Хочешь на них взглянуть?

— Пожалуй, нет, если только вы не хотите. Мы и так уже ошеломлены, не правда ли? — Она замялась. — К тому же... ну...

Он кивнул:

— Ага. — Обвел рукой тихий, недвижный, без единого дыма над крышей город. — Страшновато тут. В лучшем слу-

чае — как в огромном музее. Боюсь, для наших целей здесь мало полезного.

— Для *ваших* целей. — Лоринда посмотрела ему в глаза. — Я всего лишь... даже не экскурсовод. Может, я голос Геи в ваших ушах? Нет, как максимум я — ее шепот. — Улыбка, коснувшаяся ее губ, была какой-то жалобной. — Наверное, главная причина моего существования — составить вам компанию.

Он засмеялся и протянул ей руку. Лоринда тут же крепко стиснула ее.

— Я очень рад вашей компании, моя эксцентричная мисс Эшкрофт.

Она улыбнулась шире и теплее:

— Благодарю вас, любезный сэр. И я рада тому, что сегодня... жива. Куда теперь отправимся?

— Я бы посетил какую-нибудь живую историю, — сказал Кристиан. — Можно и древнегреческую, почему бы нет.

— Эпоху Перикла! — хлопнула в ладоши Лоринда.

Он нахмурился:

— Ну, не знаю. Пелопоннесская война, мор... Хорошо ли там примут чужаков-варваров? Тем более что ты женщина...

Судя по голосу, Лоринда поборола разочарование:

— Ладно, тогда куда мы?

— Может, в эпоху Аристотеля? Если я не ошибаюсь, в Греции тогда было хорошо, что бы там Александр ни творил за границей, а в обществе распространился космополитизм. И патриархальный уклад пошел на убыль. К тому же Аристотель меня всегда занимал. Он ведь был в своем роде одним из первых ученых.

— Давайте сперва наведем справки. А сначала заглянем домой и выпьем по чашке чаю.

Они вернулись в поместье в тот же миг, когда его покинули, чтобы не волновать слуг. Оказалось, что недостаток уединения, сочетаясь с усталостью, не дает им говорить ни о чем, кроме пустяков. Впрочем, они были друг для друга хорошими собеседниками.

На следующее утро (а солнце сияло!) они вышли в сад и сели на скамейку у пруда с рыбками. На лепестках цве-

тов дрожали дождевые капли. Становилось теплее, и пробуждался пьянящий аромат. Было тихо.

На этот раз команду произнес Кристиан. Амулет у него на шее вдруг потяжелел, язык еле ворочался. Говорить вслух было не обязательно, но слова помогали ему оформить мысль.

Ответ возник у них прямо в сознании. Кристиан почему-то повторил его сухим профессорским тоном:

— «Имеется одна виртуальная эмуляция Древней Греции, длившаяся несколько поколений. Она включает выбранный вами период. Момент ее начала относится приблизительно к пятисотому году до Рождества Христова. События воспроизведены с максимально возможной исторической точностью».

Но почти все люди, жившие в ту пору, затерялись в пучине истории, подумал Кристиан. Весь народ, кроме нескольких человек, чьи имена попали в хроники, Гея создала по своему воображению, руководствуясь своими знаниями и логикой. Да и эти немногие почти полностью сработаны наново, ведь их ДНК безвозвратно утрачены.

— В последовательность вносились необходимые изменения, — сообщил амулет.

Если предоставить историю саму себе, подумал Кристиан, она может вскоре совершенно отойти от документов и данных археологии. Гея неоднократно видела, как это начинается, и переписывала программу — события, воспоминания, личности, тела, даты рождения, продолжительность жизни, кончины, — после чего ее работа вновь продолжалась до того момента, пока не происходило очередное отклонение. Раз за разом. Ему вдруг стало холодно.

— В каждом подобном случае было получено большое количество информации, — продолжал амулет. — Ситуация была признана удовлетворительной с момента, когда гегемония Македонии стала неизбежна, после чего вмешательство более не производилось. Естественно, процесс шел не в полном соответствии с историческим аналогом. Ни Аристотель, ни Александр Великий не родились. Вместо них до зрелого возраста дожил относительно реалистичный завоеватель, оставивший после себя достаточно прочную империю. В юности он имел наставника-грека, ученика Платона.

— И кто же это был? — спросил Кристиан. Во рту у него пересохло.

— Его звали Эвменей. Во многих аспектах он был эквивалентен Аристотелю, однако обладал более сильной имперской ориентацией. Так было запланировано.

Значит, Гея предопределила судьбу Эвменея. Зачем?

— Если мы появимся и поговорим с ним, это не изменит ход последующих событий?

— Вероятно, лишь в незначительной мере. Но если и нет, это не важно. Оригинал последовательности хранится в базе данных Геи. Ваш визит будет, по сути, означать возобновление деятельности программы.

— Вам не подойдет, — сорвалось с губ Лоринды. — Что произошло в этом мире?

— Целью эксперимента было изучение возможной научно-технической революции, аналогичной той, что произошла в семнадцатом веке от Рождества Христова, и сопутствующих социальных изменений, которые могли бы способствовать формированию стабильной демократии.

Кристиана едва не стошнило.

— И что получилось? — спросил он.

— Хотите посмотреть? — спокойно ответил амулет.

Неожиданно оказалось, что Кристиану надо собрать мужество. Через минуту он медленно произнес:

— Да, полагаю, это будет полезнее, чем встреча с твоим философом. Покажи, к чему привел эксперимент.

— Насколько я знаю, — добавила Лоринда, — выразить его результаты одной простой картиной невозможно. Но не могли бы мы посмотреть какую-нибудь сцену, которая дала бы нам общее впечатление, вроде конспекта, — скажем, как король Иоанн подписывает Великую хартию вольностей, или как Елизавета Первая посвящает Фрэнсиса Дрейка в рыцари, или как Эйнштейн и Бор говорят о мировых делах?

— Наилучшая возможность возникает в год, соответствующий восемьсот девяносто четвертому от Рождества Христова по вашему счету, — сказал амулет. — В качестве места действия предлагаю Афины. Предупреждаю о наличии опасности. Я могу защитить вас или изъять из последовательности, однако поведение людей по сути хаотично и ситуация менее предсказуема, чем в большинстве случаев. Она может вырваться из-под моего контроля.

— Я отправляюсь, — отрезал Кристиан.

— Я тоже, — сказала Лоринда.

— Нет! — Он сверкнул на нее глазами. — Ты же слышала, там опасно!

— Путешествие необходимо для меня, — совершенно спокойно объяснила Лоринда. — Не забывайте, что я действую от имени Геи.

От имени Геи, позволившей всему этому твориться.

Переход.

Они окинули себя быстрым взглядом. Как и следовало ожидать, амулеты трансформировали их одежду в нечто более соответствующее обстановке. На Лоринде было серое платье, подпоясанное на талии и доходившее до середины икры, чулки, башмаки и шаль поверх заплетенных в косички волос. На Кристиане — туника, штаны и ноговицы из одной и той же грубой ткани, у бедра висел нож, а за спиной — винтовка с длинным дулом.

То, что находилось вокруг, их потрясло. Они стояли посреди Пропилеи, от которой осталась лишь россыпь камней и обрубки статуй. Парфенон был разрушен меньше, но тоже ободран, обшарпан; тут и там его подпирали кирпичные конструкции, из-за которых торчали ржавые стволы пушек. Все остальное лежало в руинах. Эрехфейон выглядел так, словно его разобрали на строительный камень. Город внизу горел. Сквозь дым, пятнавший небо и дравший ноздри, мало что можно было разглядеть. До Кристиана и Лоринды доносились рев огромного пожара и треск перестрелки.

Вверх по ступеням огромной лестницы бежала молодая женщина с растрепанными черными волосами, в лохмотьях, с отчаянием на запачканном копотью лице. За нею гнался дородный блондин в меховой шапке, грязной куртке красного цвета и кожаных штанах. Из-под мохнатых усов текла струйка слюны. Он тоже был вооружен — чудовищно большим ножом и ружьем в правой руке.

Женщина видела впереди Кристиана.

— Воэто! — крикнула она. — Ономэ Теу, кириэ, воэто!

Нога у нее подвернулась, она упала; пыталась встать, но преследователь уже наступил ей тяжелым ботинком на спину.

Амулет подсказал Кристиану смысл ее слов: «Помогите, ради бога, господин, помогите!» Мелькнула мысль, что ее язык — это, вероятно, нелитературный греческий. Блондин оскалился и направил на него ружье.

Времени доставать из-за спины свою винтовку у Кристиана не было. Он пригнулся, ухватил камень — кажется, обломок мраморной головы — и швырнул в противника. Попал в нос. Тот отшатнулся, выронил оружие — лицо его заливала кровь — и взвыл.

В чрезвычайных ситуациях Кристиан умел очень быстро принимать решения. Он не стал хвататься за винтовку — помнил, что у нее необычная конструкция затвора, и сомневался, что успеет вовремя выстрелить. Вместо этого, вытащив нож, рванулся к незнакомцу:

— Пшел прочь, скотина, пока я тебе кишки не выпустил!

Получилось, что он говорит на том же наречии, что и женщина.

Мужчина сплюнул, повернулся и, шатаясь, двинулся туда, откуда пришел. Вскоре его уже не было видно в дыму. Кристиан присел возле женщины, так и лежавшей на ступенях бесформенной кучей обносков, вложил клинок в ножны и протянул ей руку:

— Эй, сестренка, пойдем со мной. Надо нам найти укрытие. А то вдруг еще кто объявится.

Она, тяжело дыша и опираясь на его плечо, поднялась на ноги и захромала вверх по лестнице к разрушенным воротам. Судя по средиземноморским чертам, она была, несомненно, из местных жителей. Изголодалась очень. Лоринда и Кристиан помогли ей добраться до портика Парфенона. Внутри, за разбитыми створками, было темно и пусто, ничего, кроме мусора. Кристиан решил, что, если надо, тут можно обороняться.

Вдруг его осенило. Обругав себя нехорошим словом, он вернулся и подобрал оружие врага, а когда опять поднялся к Парфенону, Лоринда сидела рядом с женщиной-гречанкой, обняв ее за плечи, чтобы успокоить.

— Ну, милая, не бойся. Ты с нами в безопасности. Мы о тебе позаботимся.

Та подняла большие темные глаза.

— Кто... вы?.. Ангелы небесные? — прошептала она.

— Нет, мы всего лишь смертные люди, — сквозь слезы ответила Лоринда. Это не совсем правда, подумал Кристиан; впрочем, что еще она могла сказать? — Мы даже не знаем, как тебя зовут.

— Я... Зоя... Комненайна...

— У тебя внутри все пересохло, я слышу по голосу. — Лоринда отвернулась в сторону и шевельнула губами в беззвучной команде. На полу появился запотевший кувшин. — Выпей воды.

Зоя не заметила, что произошло чудо. Она схватила посудину и в несколько глотков осушила ее. Закончив, поставила на место и сказала «спасибо» — ее тон был вял, но в нем чувствовались сила и ум.

— Кто это за тобой гнался? — спросил Кристиан.

Она села, подтянув колени к подбородку и обхватив их, глядя прямо перед собой, и ответила голосом мертвой:

— Флемский солдат. Они вломились к нам в дом. У меня на глазах зарезали отца. Всё смеялись и смеялись. Я убежала через задний ход на улицу. Хотела спрятаться в Акрополе. Туда теперь никто не ходит. А этот меня увидел и захотел поймать. Наверное, убил бы, когда закончил. Лучше так, чем если бы он забрал меня к себе.

Лоринда кивнула.

— Оккупанты, — произнесла она так же безжизненно. — Захватили город и теперь грабят его.

Кристиан ударил прикладом о камень:

— И Гея позволяет, чтобы это происходило?..

Лоринда посмотрела ему в глаза. Умоляюще.

— Так ей приходится. Надо, чтобы у людей была свобода воли. Иначе получится, что они всего лишь марионетки.

— Но как же они до такого докатились?! — воскликнул Кристиан. — Объясни!

Амулет ответил (или оба амулета ответили разом) тем же безличным тоном, что и прежде:

— В античную эпоху появился научный метод. Вместе с развитием торговли и географическими открытиями это привело к промышленной революции и возникновению демократии парламентского типа. Однако ни в науке, ни в промышленности прогресс не зашел в среднем дальше уровня, эквивалентного вашему восемнадцатому столетию. Не-

разумная политика правительства в социальной и налоговой сферах вызвала упадок общества, диктатуру и постоянные вооруженные конфликты.

— Звучит знакомо, — оскалился Кристиан.

— Об этом говорил в нашем восемнадцатом веке Александр Тайтлер, — сбивчиво пробормотала Лоринда. — Любая республика гибнет в момент, когда большинство ее граждан обнаружат, что могут проголосовать за получение ими крупного куша от общественного достояния. — А громче добавила: — Кристиан, они всего лишь люди.

Зоя сжалась в комочек, горе обступило ее.

— Вы слишком упрощаете, — заметил амулет. — Однако здесь не урок истории. Продолжая схематическое изложение событий, скажу, что неизбежным образом информация технического характера попала в руки воинственных варваров Северной Европы и Западной Азии. Если у вас возникнет вопрос, почему их существование было позволено, прошу вас обратить внимание на то, что ситуация, когда население сосредоточено в прибрежной полосе внутреннего моря, не является адекватной моделью какого-либо возможного материального мира. Истощенные социумы Юга не были способны ни изменить характер варваров, ни уничтожить их, ни, в конце концов, сдержать их натиск. Типичным срезом результатов эксперимента является то, что вы наблюдаете в настоящий момент.

— Темные века, — произнес Кристиан. — А что будет потом? Какая цивилизация возникнет?

— Никакая. Спустя год внутреннего времени последовательность будет прервана.

— А? — не понял он. — Этот мир будет уничтожен?

— Нет. Программа остановится. Эмуляция прекратится.

— Боже мой! И миллионы людей, столь же реальных, как я...

Лоринда вскочила и вытянула руки к грязному небу.

— Неужели, — воскликнула она, — неужели Гея знает, что жизнь здесь никогда не изменилась бы к лучшему?!

— Нет, — ответил голос в их сознании. — Несомненно, потенциал дальнейшего прогресса существует. Однако вы забываете о том, что возможности Геи велики, но не безграничны. Чем больше внимания она уделяет подробнос-

тям и длительности какой-либо одной истории, тем меньше его остается на другие. Вероятность того, что дальнейшее развитие данной последовательности приведет к возникновению подлинно новой формы общества, слишком мала.

Лоринда медленно кивнула:

— Я понимаю.

— А я — нет, — отрезал Кристиан. — Вижу только, что Гея бесчеловечна.

Лоринда покачала головой и положила ладонь поверх его руки:

— Нет. Она сверхчеловечна. Ведь первые искусственные интеллекты создали *мы*. — Помолчала немного и добавила: — Гея не жестока. Жестока подчас Вселенная, а она создана не Геей. Гея ищет чего-то лучшего, чем способна дать слепая случайность.

— Может быть. — Кристиан посмотрел на Зою. — Слушай, с бедняжкой надо что-то делать. Наплевать, что мы изменим историю. Все равно она скоро кончится.

Лоринда сглотнула, вытерла глаза и сказала в никуда:

— Дай ей прожить последний год спокойно. Пожалуйста!

У двери появилось несколько предметов.

— Это продукты, вино и чистая вода, — произнес неслышный голос. — Посоветуйте ей, когда стемнеет, вернуться в город, найти нескольких друзей и привести их сюда. Прячась в этих руинах, небольшая группа может продержаться до тех пор, пока захватчики не двинутся дальше.

— Большего Зоя не стоит? — горько спросил Кристиан.

— Хотите продолжить исследование?

— Нет, черт возьми!

— Я тоже не хочу, — сказала Лоринда. — Когда мы сделаем для несчастной девушки все, что сможем, перенеси нас домой.

В Англии царил мир. Пухлые белые облака громоздились друг на друга; лучи солнца подкрашивали их голубым. Слева от дорожки распустились на золотеющем к жатве поле алые маки. Справа тянулось зеленое пастбище. Под раскидистым дубом дремали коровы. Мужчина и жен-

щина ехали верхом бок о бок. Копыта лошадей мягко стучали о землю, поскрипывала кожаная сбруя, сладкий запах конского пота мешался с едким ароматом трав. Свиристел дрозд.

— Нет, вряд ли Гея станет заново запускать остановленную программу, — говорила Лоринда. — Но это не хуже, чем смерть, а смерть редко бывает столь безболезненна.

— Но масштабы! — возразил Кристиан. Потом вздохнул: — Наверное, Странник скажет, что я сентиментальный слюнтяй. А я, воссоединившись с ним, соглашусь.

И верно. Ведь, возвратившись, ему предстояло снова влиться в гораздо больший разум, чем его собственный, а тому, в свою очередь, — в еще больший.

— Без Геи эти бессчетные поколения людей вовсе не существовали бы, — сказала Лоринда. — Все худшее, что с ними приключилось, они сами на себя навлекли. Будь хоть кто-нибудь из них способен отыскать дорогу к лучшему, она продолжила бы эксперимент.

— М-м. Я все вспоминаю утопистов, что массово убивали людей, пытали или бросали в концлагеря, если их поведение не соответствовало нужным установкам.

— Нет-нет, здесь все не так! Разве вы не видите? Она дает им свободу быть самими собой и развиваться.

— А на мой взгляд, просто меняет параметры и условия, пока результат ее не удовлетворит. — Кристиан нахмурился. — Но, согласен, трудно поверить, будто это происходит лишь потому, что ей... скучно и одиноко. С ней ведь готов общаться весь галактический мозг. Может, нам просто не хватает ума понять, в чем дело. А Страннику или даже напрямую Альфе Гея все объяснит.

Правда, на беседу со звездами уйдут по меньшей мере десятки лет.

— Но вы все равно желаете продолжать? — спросила Лоринда.

— Я же сказал — желаю. Я для этого предназначен. А ты?

— Я тоже. Не хочу ее... подводить, что ли.

— Не знаю, куда теперь отправиться. Наверное, неразумно будет, чтобы за нас решали амулеты.

— Но они могут нам помочь, дать совет. — Лоринда сделала глубокий вдох. — Только... Пожалуйста, можно, чтобы

теперь мы побывали в каком-нибудь месте поспокойнее? Тот ужас...

Он потянулся к ней и взял за руку:

— Я в точности об этом и думал. У тебя есть предложения?

Она кивнула:

— Йоркский собор. Когда я... была жива, он пребывал в прискорбном состоянии. Но я видела картинки. Представьте — одна из самых милых церквей на свете, построенная в одном из самых милых старых городков.

— Замечательная идея. Только копаться в архиве я больше не хочу. Выберем полную эмуляцию. Сначала, конечно, надо будет навести справки, но в качестве экспромта я бы предложил времена короля Эдуарда. На континенте их называли *belle époque*.

— Великолепно! — воскликнула Лоринда. Она уже воспряла духом.

Переход.

Они оказались близ западной стены собора, в южном нефе.

Верующих было немного, они теснились поближе к алтарю. В полумраке, царившем под сводами, в переплясе цветных витражей их прибытия никто не заметил. Стоял июнь, вторник, утро. Солнце заливало пресвитерий, и яркие пятна играли на ризе священника — розовое, золото, лазурь... Запах ладана сплетался со звонким хоралом.

— Латынь! — чуть не крикнул Кристиан. — В Англии, в тысяча девятисотом году?! — Он окинул себя и Лоринду взглядом: на нем был плащ (шляпа висела на спинке передней скамьи), на ней — кружевная блузка, юбка до щиколоток и капор с оборками. — И одежда не такая, как надо.

— Тс-с, — шепнула она. — Погодите. Нас же предупреждали, что это будет не такой тысяча девятисотый год, как у нас. Наверное, другой версии Йоркского собора у Геи не нашлось.

Кристиан кивнул. Ясно было, что узел никогда не пытался в точности воспроизвести какую-либо эпоху, не видя ни возможности, ни смысла. В качестве отправной точки

нередко принималось что-либо, приближенно соответствующее реальной истории, но дальнейшие события всегда разворачивались как-то иначе. Куда уходил корнями этот день?

— Расслабьтесь, — попросила Лоринда. — Здесь так красиво...

Он старался как мог. И в самом деле, звуки католической мессы влили в его сердце меру безмятежности.

Когда клир и миряне разошлись, Кристиан с Лориндой отправились смотреть собор и долго смаковали его красоту. Потом, выйдя наконец на паперть, они немало времени провели, разглядывая резной фронтон. То был не Парфенон — нет, то же самое чудо проявилось здесь по-новому. Но вокруг лежал целый мир, который им предстояло исследовать. Со вздохом и улыбкой они двинулись в путь.

Площадь окружали очаровательные дома — первый этаж каменный, второй сложен из бревен. Дальше тянулись улицы посовременнее. А сколько людей! Йорк был живым городом, торговым, сердцем округи, средоточием нации. Он кипел, он бурлил.

Улыбки растаяли. Даже совершенно незнакомый пейзаж не показался бы им столь чужим, как этот, наполовину напоминавший родную реальность.

Одевались здесь люди не то чтобы вовсе не так, как на картинках и в исторических фильмах, которые случалось видеть Кристиану и Лоринде, но и не совсем так же. Говорили по-английски, но на каких-то незнакомых им диалектах; нередко слышалась и немецкая речь. Небольшой, весь обвешанный какими-то трубами локомотив тянул за собой поезд. Здание вокзала почему-то напоминало тевтонский замок. По мостовой (автомобилей не было) двигалось множество повозок, запряженных лошадьми, но брусчатка оставалась чиста и навозом почти не пахло: заднюю часть тела каждого коня охватывал лоскут ткани. Над почтой (?) развевался на ветру флаг с шотландским крестом святого Андрея и золотым двуглавым орлом поверх него. Какой-то человек с рупором кричал, чтобы толпа расступилась и дала пройти военному отряду. Батальон солдат в голубых мундирах, с винтовками на плечах, двигался быстрым маршем; команды отдавались по-немецки. Повсюду мель-

кали отдельные солдаты в такой же форме, вероятно получившие увольнительную. Мимо промчался мальчишка с пачкой газет, и в заголовке Кристиан заметил слово «война».

— Эй, амулет, — пробормотал он, — где бы нам пива выпить?

— Вас обслужат в таверне, если вы войдете через вход для пар, — ответило устройство.

Значит, женщины без сопровождения туда не допускаются. Кажется, припомнил Кристиан, в эпоху короля Эдуарда так и было, по крайней мере в приличных заведениях. Неподалеку на фасаде в тюдоровском стиле виднелась вывеска «Георгий и дракон». Они зашли. Зал, обшитый деревом, выглядел вполне по-английски.

Посетителей было полно, они шумели и курили так, что все заволок густой дым. Но все же им с Лориндой удалось найти в углу столик, где они могли поговорить, не привлекая чужого внимания. Напиток, что притащила девушка-служанка, напоминал скорее что-то континентальное. Кристиану не понравилось.

— Не думаю, что мы нашли себе спокойный мир, — сказал он.

Лоринда смотрела мимо него куда-то вдаль.

— И найдем ли когда-нибудь? — проговорила она. — Может ли он существовать, если в нем живут люди?

— Ладно, — Кристиан поморщился, — давай-ка выясним, что тут происходит.

— Если хотите, я могу вам все подробно объяснить, — произнес амулет. — Но рекомендую ограничиться общим обзором, как в прошлый раз.

— И верно, зачем забивать себе голову историей мира, которого никогда не было, — пробормотал Кристиан.

— Который никогда не был нашим, — поправила его Лоринда.

— Продолжай.

— Данная последовательность была сгенерирована на стадии, соответствующей пятнадцатому столетию от Рождества Христова, — сказал амулет. — Были сделаны допущения, согласно которым в отличие от вашего мира соборное движение здесь увенчалось успехом.

— Соборное движение?..

— Церковные соборы в Константинополе, а позднее в Базеле пытались уврачевать Великую схизму и реформировать управление Церковью. Здесь им удалось достичь этого, вернув епископам часть полномочий, принадлежавших в течение веков Папе, а также добиться примирения с гуситами и внести ряд других важных изменений. В результате не произошло ни Реформации, ни религиозных войн, и Церковь осталась противовесом государству, предотвращая появление абсолютных монархий.

— Как замечательно, — шепнула Лоринда.

— Не больно-то, — угрюмо заметил Кристиан. — Что случилось дальше?

— Говоря кратко, Германия была избавлена от опустошительной Тридцатилетней войны и долговременного распада на враждебные друг другу удельные княжества. В семнадцатом веке она объединилась и вскоре, став в Европе доминирующей державой, повела на Востоке политику завоеваний и колонизации. Религиозные и культурные различия со славянами оказались неустранимы. Жестокость империи порождала противостояние, для подавления которого принимались еще более суровые меры, в результате чего мятежные настроения ширились. Тем временем в ней шли внутренние процессы загнивания. Наконец Германия рухнула, и в настоящий момент русские наступают на Берлин.

— Ясно. А что с наукой и техникой?

— Их развитие шло медленнее, нежели в вашей истории, хотя, как вы могли заметить, здесь промышленно используется ископаемое топливо, а теория достигла приблизительно лагранжевского уровня.

— Вот ведь получается, что самые яркие эпохи были тогда, когда люди только и делали, что гробили друг друга, — задумчиво произнес Кристиан. — Тут Европа не разваливалась на куски, а открытий было сделано куда меньше. Совпадение?

— Чем здесь жили государства? — спросила Лоринда.

— В течение определенного периода процветали парламенты, превзошедшие могуществом королей, императоров и Пап, — ответил амулет. — В большинстве стран Запада они сохраняют значительное влияние.

— Держу пари, за ними просто интереснее наблюдать, — хмыкнул Кристиан. — Ладно, а что будет дальше?

Гея его знает, что там будет. Да, Гея знала: она ведь скорее всего заново включила программу, доигравшую до конца тысячи лет назад.

— Научно-технический прогресс будет продолжаться, причем в течение длительного периода общественного хаоса — со все нарастающей быстротой. К моменту прекращения...

— Не важно!

Лучше исчезнуть, чем сгореть в пламени ядерной войны.

За столом стало тихо. Жизнь, плескавшаяся в шумном кабаке, казалась далекой, нереальной.

— Мы не смеем плакать, — сказала наконец Лоринда. — Пока — не смеем.

Кристиан передернул плечами.

— Европа — это еще не вся Земля, — проворчал он. — Сколько всего миров создала Гея?

— Много, — произнес амулет.

— Покажи нам какой-нибудь совершенно не похожий на наш. Если ты не против, Лоринда.

— Не против. Только не прямо сейчас. Если мы исчезнем, люди будут шокированы. Все их будущее может измениться.

— Да никто и не заметит, — сказал Кристиан. — Да и какое это имеет значение? Впрочем, ладно, давай выйдем на улицу.

...Они шли среди чудес, потерявших смысл, пока не наткнулись на лестницу, что вела на средневековую стену. Оттуда окинули взглядом крыши домов, и реку, и йоркширский край. Никого рядом не было.

— Теперь забери нас отсюда, — велел Кристиан.

— Вы не выбрали тип места назначения, — произнес амулет.

— Удиви нас.

Переход.

Небо было огромное, почти белое. Дул теплый ветерок. Над широкой бурой рекой стояла стена обрыва. У самого ее края росли деревья — высокие, с бледной корой и дрожащими серебристыми листьями. Кристиан узнал их: то были трехгранные тополя. Значит, он где-то на западе Северной Америки. Если не двигаться, по телу ползли

пятна теней. За рекой было раздолье: крохотные фермы (дом, амбар, конюшня да мастерская), а меж ними вились сквозь посевы пшеницы и кукурузы проселочные дороги. Черепичные крыши построек по-азиатски выгибались кверху. Кристиан заметил несколько телег, запряженных волами, и всадников. В полях трудились люди, но разглядеть, какой они расы и во что одеты, он издалека не смог. У горизонта виднелись сгрудившиеся башни, тоже восточного вида. Если это был город, то небольшой, теснящийся к чему-то.

Вдоль того берега шла процессия: впереди слон в изукрашенной попоне, на нем под шелковым балдахином — разодетый мужчина. Следом шагали люди с обритыми головами, в желтых рясах, а по бокам ехали всадники, и каждый нес в руке длинный шест с золотым или алым вымпелом на конце. Ветер донес глухой напев и монотонные удары гонгов.

— Вот я дурак-то! — воскликнул Кристиан и щелкнул пальцами. — Дай-ка нам по паре биноклей.

Тут же в руках у них с Лориндой оказались оптические устройства из его эпохи: небольшие, но способные проецировать картинку с любым увеличением и без всяких линз, по блеску которых их могли бы заметить. Несколько минут Кристиан осматривал местность. Все кругом было похоже на Китай или какую-то другую культуру, многое почерпнувшую у китайцев, если не считать того, что черты лиц у многих людей напоминали индейские, а у их вождя, оседлавшего слона, на голове качался убор из перьев.

— Как тут тихо, — сказала Лоринда.

— Вы сейчас в высшей точке эпохи Великого Покоя, — ответил голос амулета.

— Такое часто бывало? — спросил Кристиан. — Где, когда, как?

— Вы находитесь в Северной Америке, в двадцать втором столетии во вашему счету. Семьсот лет назад на тихоокеанское побережье прибыли китайские мореходы, а следом за ними — колонисты.

В этом мире, подумал Кристиан, Европа и Африка — всего лишь набросок, географическая карта, где в лучшем случае обитают несколько примитивных племен. А может, их и вовсе нет, только океан. Упрощение, упрощение...

— Учитывая дальние расстояния и опасность плавания под парусом, процесс шел медленно, — продолжил амулет. — Прибывавшие китайцы изгоняли или покоряли местных жителей, однако большинство аборигенов надолго сохранили свободу, познакомились с новыми технологиями, а также приобрели иммунитет к незнакомым прежде болезням. В конце концов, оказавшись примерно в равных условиях, две расы стали смешиваться как на генетическом, так и на культурном уровне. Поселенцы смягчили варварство религий, с которыми встретились, но сами, в свою очередь, не только учили, но и учились. Результат вы видите.

— Путь Будды? — негромко спросила Лоринда.

— Да, подвергшийся влиянию даосизма и местных культов природы. Это гармоничная вера, лишенная сект и ересей.

— Не может же все состоять из чистой любви и доброты, — не поверил Кристиан.

— Разумеется. Но мир, принесенный стране императором Вэй Жи-фу, длится уже сто лет и не прервется еще двести. Если вы решите попутешествовать здесь, то увидите выдающиеся достижения искусства и добродетели.

— Мир продлится еще двести лет. — Голос Лоринды чуть дрожал. — А потом?

— А потом — кончится, — предсказал Кристиан. — Они же тоже люди. И еще, скажи мне, как у них с наукой?

— Никак, — ответил амулет. — Их гениальность простирается в других направлениях. Но грядущая эпоха войн приведет к заметному технологическому прорыву.

— Какая эпоха?!

— Китай так и не признал независимость, провозглашенную колониями, и не одобрил смешение народов. Появившаяся там воинственная династия завоюет Западное полушарие, ослабленное внутренними религиозными и светскими разногласиями, которые там в конце концов возникнут.

— А потом, в свою очередь, победители тоже падут. Если Гея прежде не прервет работу программы. Это ведь когда-то произойдет... то есть уже произошло, верно?

— Ничто не вечно. И творения Геи тоже.

Ветер шелестел листвой.

— Хотите осмотреть город? — спросил амулет. — Вам может быть устроена встреча с рядом известных лиц.

— Нет, — ответил Кристиан. — Пока не хотим. Может, позже.

Лоринда вздохнула:

— Лучше мы сейчас вернемся домой и отдохнем.

— И подумаем, — добавил Кристиан. — Да.

Переход.

Солнце в Англии светило не так ярко, как в Америке. Оно клонилось к западу, и последние лучи горели багрянцем на дереве мебели, гладили мрамор и обложки книг, а там, где падали на резное стекло, взрывались радугой. Букет разных цветов, стоявший в вазе, источал аромат.

Лоринда открыла ящик бюро, сняла с шеи цепочку с амулетом и убрала туда. Кристиан моргнул, кивнул и сделал то же самое.

— Нам надо немного побыть самими собой, — сказала она. — Сегодня было не так ужасно, как вчера, но я очень устала.

— Неудивительно, — ответил Кристиан.

— А вы?

— Я скоро тоже устану.

— Эти миры... Мне все время кажется, будто я видела их во сне, а не наяву.

— Наверное, дело в эмоциональной самозащите. Это не трусость, просто у психики есть свои пределы. Ты ведь разделяла с ними их боль. Знаешь, Лоринда, ты слишком добра, чтобы быть счастливой.

Она улыбнулась:

— Не ошибитесь. Если вы не готовы рухнуть прямо на месте, я тоже буду держаться.

— Черт возьми, нет.

Она достала из шкафа хрустальные бокалы, налила в них вина из графина, стоявшего на буфете, и сделала приглашающий жест. Портвейн был изумителен. Кристиан и Лоринда так и стояли, глядя друг другу в глаза.

— Наверное, было бы глупо и претенциозно пытаться нащупать какие-либо закономерности, лишь начав исследование, — заговорила наконец она. — Мы ведь видели только тонкие срезы нескольких из огромного множества миров, при том что каждый реален не меньше, чем мы с вами. — Ее передернуло.

— У меня есть догадка, — медленно произнес Кристиан.

— Что?

— У меня интуитивное предчувствие. Зачем Гея все это делает? Не думаю, что она просто развлекается.

— Я тоже. И не верю, что она позволила бы происходить столь страшным вещам, если бы могла предотвратить их. Как может столь великий разум, столь великая душа, как у нее, не быть добра?

Так она считает, сказал себе Кристиан, но она ведь — частичное воплощение Геи. Конечно, он слишком хорошо знал Лоринду, чтобы сомневаться в ее честности. Но отсюда никак не следовало, что благие намерения питает сам узел Земли. Просто живая Лоринда Эшкрофт была славной женщиной.

Она сделала большой глоток и продолжила:

— Лично мне кажется, что она находится в том же положении, что и Бог, как его традиционно представляют люди. Будучи добра, она желает разделить свое существование с другими и потому создает их. Но было бы бессмысленно делать их марионетками или автоматами. Необходимо дать им сознание и свободу воли. Отсюда у них появляется способность грешить, чем они постоянно и занимаются.

— Почему она не сотворила их обладающими большей нравственной силой?

— Потому что предпочла, чтобы они были людьми. А кто мы есть, как не особый вид африканской обезьяны? — Тон Лоринды стал печальнее; она смотрела в бокал. — Особый, научившийся изготовлять инструменты, говорить на всяких языках и видеть сны. Но сны могут обернуться кошмарами.

Ни в Гее, ни в Альфе, подумал Кристиан, не таится древний зверь. Их человеческие элементы давно уже укрощены, преображены и растворены. Воскрешение и его, и Лоринды — почти уникальный случай.

Не желая ее огорчать, он стал очень осторожно подбирать слова:

— Твоя идея кажется мне осмысленной, но боюсь, что она оставляет незатронутыми несколько вопросов. Гея постоянно вмешивается в ход своих эмуляций. Об этом говорят амулеты. Когда события слишком отклоняются от задуманного, она изменяет условия. — А в конце концов и

вовсе все отключает, подумал он, но вслух этих слов не произнес. — Зачем она проводит эксперименты?

Лоринда вздрогнула:

— Чтобы... чтобы изучить наше странное племя?

Он кивнул:

— Да, так мне и кажется. Ни ей, ни даже всему галактическому мозгу не под силу подсчитать по отправным условиям, чем закончится развитие какой-либо ситуации, в которой участвуют люди. Поведение человека хаотично. Однако и в хаотических системах присутствуют структурные элементы, сдержки, противовесы. Просмотрев огромный объем вариантов, можно обнаружить несколько глобальных законов и выяснить, какие направления лучше, какие хуже. — Он поболтал остатком портвейна в бокале. — Но с какой целью? Во внешней Вселенной больше не осталось людей. Их нет уже... сколько бишь миллионов лет? Нет, если только Гея в самом деле не движет простое любопытство, я понятия не имею, чего она хочет.

— И я. — Лоринда допила вино. — Знаете, я вдруг стала очень быстро уставать.

— Я тоже. Может, пойдем поспим до вечера? А потом закажем на ужин что-нибудь особенное, и в голове у нас прояснится.

Она на миг коснулась его руки:

— До вечера, мой милый друг.

Ночь была юная и нежная. Над садом светила полная луна. Вино улучшило их настроение, тоска отступила. Гравий на дорожке ритмично похрустывал под ногами — Кристиан и Лоринда танцевали, вместе напевая мелодию вальса. Потом, смеясь, сели у пруда, залитого светом. Рядом лежала гитара - Кристиан успел на миг надеть амулет и отдать ему нужную команду. Теперь он взял инструмент в руки. Никогда не видел он ничего прекраснее, чем лицо Лоринды в лунном сиянии. Он спел ей песню, которую сочинил давным-давно, когда был смертным человеком.

Задавайте ритм, танцоры:
Лета возвестим приход!
«Жизнь ценней, чем злата горы:
Трать легко и без разбору», —
Скрипка весело поет.

Срок весенний быстротечен,
Год промчится день за днем.
Пусть закон бесчеловечен,
Краткий миг увековечен
В танце буйном и шальном.

Нам ли ждать в смиренье кротком?
Наш удел — веселый пляс.
Сбрось тяжелые колодки,
Поцелуй меня, красотка!
Струны и ветра — за нас![1]

Потом она вдруг оказалась в его объятиях.

8

Там, где холмы над рекой были выше всего, на крутом склоне, деревья росли негусто. Калава направил шлюпку к берегу. Рабы, сидевшие на веслах, закряхтели от двойной нагрузки. Пот ручьями стекал по их тугим, обтянутым кожей мускулам: в этот день солнце пылало в небе, лишь наполовину затянутом облаками. Вот днище шкрябнуло о песчаную отмель.

Калава велел двум матросам оставаться стеречь лодку и гребцов, а сам с четырьмя другими и Ильянди спрыгнул на мелководье, выбрался на сухое место и стал карабкаться вверх по склону.

Лезть пришлось долго, но зато с гребня открывался такой вид, что у Ильянди пресеклось дыхание, а кто-то из моряков восхищенно выругался. С северной стороны земля уходила из-под ног еще обрывистее, так что они смотрели сверху на кроны деревьев, что росли у подножия гряды. Вдаль тянулась равнина, покрытая где зеленым, где бурым. Ее пересекала река — вода блестела, как обнаженный клинок, — текшая от дальних холмов, едва видимых в дымке, и иззубренной стены гор за ними. В вышине парили два мечекрыла — стерегли добычу. Могучие облака были пронизаны лучами света, и оттого в их белизне шевелились тени. Воздух здесь был почему-то прохладнее, а запах трав взывал к мыслям о благословенном.

---

[1] Перевод С. Лихачевой.

— Дивно здесь, дивно, как в Закатном Королевстве, о коем говорят саги, — прошептала наконец Ильянди.

Стройную ее фигуру облегала мужская рубаха, на ногах были сандалии на высокой подошве, — так подобало одеваться вилку, вышедшей в странствие. Ветер трепал ей короткие локоны. Медная кожа взмокла и пахла почти так же, как полуночно-черное тело Калавы, но устала Ильянди не больше, чем любой из ее спутников.

Матрос по имени Урко хмурил брови на деревья и плотный кустарник, росший повсюду. Лишь там, где поднимались путешественники, было чище, — возможно, там когда-то сошел оползень.

— Больно тут много лесов, — буркнул он.

И впрямь, где бы они ни причаливали, идти было тяжко. Об охоте, столь легкой у взморья, пришлось позабыть. По счастью, река кишела рыбой.

— Дровосеки это исправят, — прогромыхал Калава. — А потом — что тут будут за фермы!

На миг он замечтался о будущем, потом вернулся с небес на землю:

— Теперь повернем обратно — мы уже довольно видели. Три дня нас не было, и еще, мыслю, дня два будем спускаться вниз по течению. А то как бы на корабле не забоялись.

— Придут новые корабли и с ними — новые исследователи, — сказала Ильянди.

— Воистину. И первых приведу сюда я.

Справа в зарослях раздался треск, да такой громкий, что перекрыл посвист ветра.

— Это что еще? — прохрипел Тальтара.

— Какой-то крупный зверь, — отозвался Калава. — Будьте начеку.

Моряки выстроились в цепь. Трое держали в руках копья, четвертый снял со спины самострел и изготовился к бою. Калава махнул Ильянди рукой, чтоб укрылась за их спинами, и вытащил меч.

Тварь из кустов выбралась на открытое место.

— А-ах! — взвыл Йарвонин.

Уронив копье, он хотел уже броситься прочь.

— Стоять! — рявкнул Калава. — Урко, кто побежит — стреляй, если я его сам не зарублю! Держите строй, сукины дети!

Существо остановилось. Сердца у моряков бились, как молот о наковальню, но никто не шевельнулся.

А устрашиться было чего. Росту в нем имелось на голову больше, чем в самом высоком мужчине, но голова та не имела лица — только жуткую гладкую маску. По бокам торчали четыре толстые руки, причем кисти двух из них были совершенно изуродованы. Даже горб на спине не скрывал могучей силы. На глазах у странников тварь выпустила третью ногу, чтобы лучше стоять на неровной земле. Нагая она была или же закована в доспехи, но в сей светлый день ее окутывал полумрак.

— Держитесь, ребята, держитесь, — проговорил Калава сквозь стиснутые зубы. Ильянди ступила на шаг вперед. Лицо ее было невероятно спокойным. — Госпожа моя, *что* это?

— Полагаю, что бог или посланец богов.

На ветру ее было еле слышно.

— Демон, — простонал Эйвала, хоть и не стронулся с места.

— Нет, едва ли. Мы, вилкуи, немного знакомы с подобным. Но воистину оно не пылает пламенем, и не думала я, что встречу такое в этой жизни...

Ильянди глубоко вздохнула, стиснула на миг кулаки и, раздвинув мужчин, встала впереди них. Потом она коснулась побега текина, приколотого у нее на груди, закрыла глаза и опустилась перед чудовищем на колени.

Тварь не двинулась, но заговорила голосом зычным и глубоким, хоть и не имела рта. Слов ее никто не мог понять. Миг спустя она смолкла, потом вновь стала изъясняться на столь же неведомом наречии. На третий раз Калава воскликнул:

— Хой! То речь Сияющих Полей!

Существо затихло, будто обдумывая то, что услышало, а потом произнесло на языке сирсуских улонаи:

— Не бойтесь. Я не причиню вам зла.

— «Мало ведомо человеку и еще меньше понятно, оттого да склонится он до земли пред мудростью», — провозгласила Ильянди и чуть обернулась к спутникам: — Отложите свое оружие. Приветствуйте его как подобает.

Те неуклюже повиновались.

На безликой маске проступили людские черты. Был тот человек темнокож, но никого подобного ему моряки прež-

де не встречали: нос он имел широкий, губы тяжелые, глаза круглые, а волосы туго курчавились. Но все же вид волшебства ободрил их.

Приглушенным, но ровным тоном Ильянди спросила:

— Чего ты желаешь от нас, господин?

— Сложно сказать, — ответило странное существо. И добавило после паузы: — По всему миру царит смятение. Вот и я... Можете звать меня Брэннок.

Капитан собрался с мужеством:

— Я же — Калава, сын Курво, из клана Самайоки. — Тут он шепнул Ильянди на ухо: — Не сочти за непочтение, госпожа моя, что не называю ему твоего имени. Пускай он лучше оплетает своими чарами меня.

Хоть по Брэнноку не было видно, какого он пола, все же Калава понял, что это мужчина.

— Господину моему нет нужды знать имена, чтобы поступить с нами, как пожелает, — ответила она. — Я зовусь Ильянди, дочь Лайтин, рожденная в клане Арвала, а ныне — вилку пятого сана.

Калава прокашлялся и добавил:

— С твоего позволения, господин, мы не станем называть остальных. Они и без того напуганы.

За спиной он услышал ворчание и незаметно улыбнулся: стыд не даст людям сбежать. Что до него самого, страх уступал место звенящей готовности ко всему.

— Вы ведь нездешние, так? — спросил Брэннок.

— Нет, — ответил Калава, — мы разведчики, прибывшие из-за моря.

Ильянди, недовольная его вмешательством, спросила:

— Господин, нарушили ли мы твои рубежи? Нам неведомо было, что сие запретный край.

— Да нет, — ответил Брэннок, — не то чтобы в полном смысле этого слова... — Волшебное лицо улыбнулось. — Слушайте, давайте поговорим. Нам много чего надо обсудить.

— Речь его — не как у человека, — вполголоса предостерег Ильянди Калава.

— Лишь не как у тебя, — отмахнулась та.

— Идемте в тенёк.

Брэннок указал на старый кривосук с раскидистой кроной, и сам зашагал туда, убрав третью ногу. Поперек доро-

ги лежал огромный поваленный ствол, Брэннок нагнулся, ухватил его и оттащил в сторону. Весь отряд Калавы не смог бы и сдвинуть с места такое бревно. Перелезть через него было бы нетрудно, но существо нашло, как, не причиняя никому вреда, показать свою силу, — и моряки еще больше осмелели. Но все же рассаживались они с благоговейным трепетом. Капитан, вилку и незнакомец остались стоять.

— Ну, рассказывайте, кто вы такие, — сказал Брэннок.

— Несомненно, сие тебе ведомо, господин, — ответила Ильянди.

— Может, и так.

— Надобно поступать, как он велит, — произнес Калава.

Они стали отвечать на вопросы. Брэннок кивнул:

— Понял. Значит, вы первые люди, попавшие в этот край. Тем не менее ваш народ уже давно живет в родных местах, верно?

— Со времен незапамятных, господин, — сказала Ильянди, — хотя легенда гласит, будто предки наши пришли туда с юга.

Брэннок опять улыбнулся:

— Вы очень храбры... э-э... госпожа моя. Кстати, вы ведь говорили своему товарищу, что члены вашего ордена уже встречались с существами вроде меня?

— Ты расслышал ее шепот с расстояния в полброска копья?! — вырвалось у Калавы.

— Или, господин, ты читаешь наши мысли, — проговорила Ильянди.

— Нет, не читаю, — серьезно ответил Брэннок. — Иначе зачем мне вас расспрашивать?

— Осмелюсь ли спросить, откуда ты прибыл?

— Сердиться я не стану, но и объяснить как следует не смогу. Хотите мне помочь — расскажите о тех, кого видели.

Ильянди не сумела скрыть внезапного напряжения мускулов. Калава, стоявший рядом, онемел. Даже поучи матросы поразились: неужели бог способен такое сказать?

— С высот приходили они в давнюю пору к иным из вилкуи, а временами — к вождям, — заговорила Ильянди, тщательно выбирая слова. — Повелевали они, что должно делать народу и что не должно. Нередко приказы их было

трудно понять. Для чего кивалуи строить водяные мельницы на Поспешной реке, когда есть у них в изобилии рабы, которые могут молоть зерно? Но делились они и мудростью и давали советы, где и как познавать нам пути природы. И всякий раз Высокий запрещал открыто рассказывать о своем приходе. Записи о том сохранились в тайных летописях вилкуи. Однако тебе, господин...

— Как эти существа выглядели? — резко спросил Брэннок.

— Были то фигуры, сотканные из пламени, крылатые или же подобные человеку, с трубными голосами...

— Секира Рувио! — воскликнул невольно Калава. — То, что пролетело у нас над головами, когда мы были в море!

Матросы, сидевшие на земле, задрожали.

— Да, — мягко произнес Брэннок, — возможно, я к этому причастен. Но что касается остальных...

Лицо его дернулось и исчезло, чтобы появиться лишь через миг.

— Прошу прощения, я не хотел вас пугать. Просто забылся. Черты закаменели, и голос стал как звон колокола: — Внемлите. В небесах идет война. Я извергнут из гущи битвы, и в любой миг могут меня отыскать вражьи охотники. Весть, что несу я, должна — сие очень важно! — достигнуть... м-м... священной горы на севере. Поможете ли вы мне?

Калава стиснул рукоять меча так, что кожа у него на пальцах едва не лопнула. Ильянди побледнела — ни кровинки. Готовая к тому, что сейчас же молния поразит ее, она произнесла:

— Господин мой Брэннок, как можем мы увериться, что ты — один из богов?

Гром не грянул.

— А я и не бог, — ответил он ей. — Я тоже могу погибнуть. Но те, кому я служу, обитают среди звезд.

Лишь когда ночью расступаются облака, в небе становятся видны таинственные огни. Но учили Мыслящие-о-Небе, что весь строй их обращается вокруг Оси Севера... Ильянди не согнула спины.

— Тогда можешь ли ты рассказать мне о звездах?

— Вы столь же умны, как и отважны, — произнес Брэннок. — Слушайте же.

За беседой их Калава уследить не мог. Матросы ежились со страха.

В конце, со слезами на глазах, Ильянди хрипло сказала:

— Да, созвездия ему ведомы, и знает он об эклиптике и прецессии и о том, как уходит и возвращается Великая Комета. Он со звезд. Верьте ему. Мы... мы не смеем ему не верить.

Калава выпустил оружие, прижал ладонь к груди и спросил:

— Чем можем мы, ничтожные, помочь тебе, господин мой?

— Весть, которую я несу, это *вы*, — ответил Брэннок.

— Что?

— Объяснять мне некогда, даже если бы я мог. Охотники в любой момент могут меня обнаружить. Но вдруг, вдруг вам удастся продолжить то, что я начал?

— Избегнуть гибели от рук того, кто одолеет тебя? — Калава трескуче рассмеялся. — Попробовать-то можно.

— Ставки очень высоки. Но если мы победим, выбирайте себе любую награду, и, думаю, вы ее получите.

Ильянди склонила голову под сведенные вместе ладони:

— Нам довольно одной чести послужить живущим по ту сторону луны.

— Пфе, — пробормотал, не удержавшись, Калава, — хотят заплатить, почему бы и нет? — А громче произнес, горделиво выпрямившись, и ветер трепал его выбеленные косы: — Что должны мы сделать?

— Я уже все обдумал, — ответил Брэннок. — Не мог бы один из вас отправиться со мной? Я понесу его быстрее, чем он смог бы идти. А о том, что будет дальше, мы поговорим по дороге.

Люди стояли молча.

— Умей я только жить в лесу!.. — произнесла наконец Ильянди. — О, умей я! Как хотела бы я отправиться к звездам!

Калава покачал головой:

— Нет, госпожа моя. Ты вернешься обратно с матросами. Ободри тех, кто остался с кораблем. Заставь их закончить починку. — Он взглянул на Брэннока: — Сколько времени займет путь, господин?

— До вершины горы мне добираться два дня и ночь, — ответил тот. — Если меня поймают и вам придется подниматься дальше одному, то, думаю, сильный мужчина спо-

собен преодолеть все расстояние отсюда туда за десять—пятнадцать суток.

Калава опять рассмеялся — теперь уже веселее:

— «Гончая» не будет готова выйти в море намного дольше. Я с тобой, господин. — А Ильянди сказал: — Если я не вернусь к тому дню, как завершится починка, отправляйтесь домой без меня.

— Нет!.. — заикнулась было она.

— Да. Не скорбите по мне. Что за путешествие!.. — Он помолчал и добавил: — Да пребудет с тобой всегда добрая удача, госпожа моя.

— И с тобою, Калава, и с тобою вовеки, — откликнулась она не вполне твердым голосом, — в этом мире и после, до самых звезд.

9

Из прутьев, вьюнов, кожаных ремней и разорванной на полосы одежды Брэннок смастерил для своего спутника что-то вроде люльки. Тот помогал как мог. Он был возбужден, но к делу подходил не без практической смекалки. Брэннока, тоже ходившему когда-то в море, нравилось смотреть, как искусные пальцы вяжут сложные узлы.

В конце концов Калава смог закрепиться у него на спине. Ядерный реактор у Брэннока в горбу почти не излучал радиации — процессы в нем шли на квантовом уровне. Итак, они двинулись вниз по склону холма и стали пересекать равнину.

Получалось не намного быстрее, чем мог бы бежать человек: трудно было продираться сквозь заросли. Идти напролом Брэннок не хотел, чтобы не оставлять за собой четкого следа. Поэтому он осторожно раздвигал кустарник, а самые густые места обходил. Основное его преимущество состояло в выносливости. Он не нуждался ни в пище, ни в воде, ни в отдыхе. В далеких пока горах могло оказаться тяжелее. Но Дом Мысли поднимался не выше границы леса — ведь Земля превратилась в огромную духовку, — с высотой растительность становилась лишь реже и суше. Ни снег, ни лед не ожидали там Брэннока, а большинство склонов скорее всего должны были прочно держаться корнями деревьев.

Да, мир был чужой. Брэннок вспоминал кедры, ели, озеро, где в воде отражалось чистое голубое небо, по которому плыли облака, а по берегам объедали мох и морошку олени-карибу. А здесь он не знал ни одного дерева, ни одного куста или цветка, ни одного жужжащего насекомого; вместо травы торчали какие-то острые побеги, крылатые существа, паривщие в высоте, были не птицами, а голоса зверей, доносившиеся из чащи, Брэннок никогда прежде не слышал.

Но он шел вперед. Стемнело. Вскоре по густой листве деревьев застучал дождь. Капли, попадавшие время от времени на корпус Брэннока, были большие и теплые. Чувство направления, подтвержденное магнитным полем и вращением планеты, помогало не сбиться с курса. Внутренний интегратор вел счет оставшимся позади километрам.

Чем больше — тем лучше. Мобильные сенсоры Геи наверняка следили за экспедицией улонаи, представлявшей собой новый и потенциально опасный фактор. Подсматривая и подслушивая, она наверняка узнала об отряде, двинувшемся вверх по реке, и поспешила наперехват. Скорее всего, считал Брэннок, если бы Гея не находилась в постоянном контакте со Странником, она все время держала бы под наблюдением лагерь, а за Калавой отправила бы одного-двух небольших роботов. Но эмиссар Альфы вполне мог заметить, что ее внимание привлечено чем-то близким и важным, и поинтересоваться, чем именно.

Однако существовал и вариант с невидимыми разведчиками, которые время от времени пролстают мимо и в сжатой форме рапортуют об увиденном периферическому сегменту Геи. Хорошо бы, ни один из них не оказался рядом, когда матросы станут обсуждать чудовище, унесшее их капитана.

В течение какого-то времени Гея могла отвлекать Странника, высвободив одновременно достаточную долю своего разума, чтобы направлять машины, способные найти Брэннока и покончить с ним. Едва ли ему еще раз удастся выйти победителем из схватки. Да, Гея не осмеливалась посылать на поиски свои самые грозные аппараты и давать им прямые инструкции, так что можно было ожидать от них слабости и ошибок. Но все же они окажутся решительны, безжалостны и готовы противостоять возможностям

Брэннока, проявленным им на борту самолета. Несомненно, Гея решила скрыть сам факт того, что на Земле вновь живут люди.

Причин тому Брэннок не знал и не хотел тратить умственную энергию на догадки. Наверняка они были крайне важны, а следствия еще важнее — отпадение Геи от галактического мозга. Но в его задачи входило лишь доставить информацию. Страннику.

Может быть, ему удалось бы подойти достаточно близко, чтобы передать сообщение по радио. Эмиссар не ожидал сигнала, и его приемник не был настроен на чувствительность, а станция Брэннока обладала лишь малым радиусом действия — ведь подобная ситуация не прогнозировалась. Если он не доберется до вершины, последней его надеждой останется Калава.

И в этом случае...

— Ты не устал? — спросил он.

До сих пор они обменялись лишь парой слов.

— Я изнурен и весь одеревенел, — признался капитан. И во рту у него пересохло, судя по голосу.

— Так не пойдет. Надо, чтобы ты был в состоянии быстро двигаться, если придется. Продержись еще немного, мы скоро отдохнем.

Может быть, подумал Брэннок, при слове «мы» Калава почувствует себя веселее. Мало кто из людей бывал так одинок, как он.

Край был влажный, и то и дело попадались источники. Химические сенсоры Брэннока указали, где находится ближайший. Дождь уже кончился. Калава спешился, на ощупь — ведь была уже ночь — пробрался к воде, упал и стал пить. Тем временем Брэннок, все четко видевший, расчистил на земле место ему под постель. Тот повалился и почти немедля захрапел.

Брэннок оставил его. Сильный мужчина может несколько дней провести без пищи, пока не начнет слабеть, но в этом не было нужды. Так что Брэннок собрал питательных плодов, а потом выследил и убил животное размером со свинью, отнес в лагерь и освежевал руками-инструментами.

По пути ему пришла в голову идея. Он отыскал дерево с подходящей корой, слишком ясно напоминавшей березу, только красно-коричневого оттенка и остро пахнувшей,

оторвал клок и, вернувшись, долго царапал острым, как шило, пальцем.

Занялась серая заря. Калава проснулся, вскочил на ноги и, поклонившись спутнику, стал то потягиваться, как пантера, то прыгать по-козлиному — разминаться.

— Вот славно, — сказал он. — Благодарю моего господина. — Тут его взгляд упал на продовольствие. — Ты и еду заготовил? Воистину ты добрый бог.

— Я не бог и не добрый, — ответил Брэннок. — Бери что хочешь и давай поговорим.

Калава сперва занялся работой по лагерю. Похоже, он растерял остатки религиозного трепета и теперь смотрел на Брэннока просто как на часть мира — разумеется, вызывающую уважение, но такое, какого достоин сильный, загадочный и высокопоставленный мужчина. Что за бездуховность, подумал Брэннок. Или, может быть, просто у них в культуре нет границы между естественным и сверхъестественным? Для примитивного человека все на свете содержит долю магии, так что, когда волшебство проявляет себя, его принимают так же, как повседневные события.

Если, конечно, Калава относится к примитивным людям. В этом Брэннок не испытывал уверенности.

Радостно было видеть, как умело он все делает, — в лесу капитан чувствовал себя столь же уверенно, как и в море. Собрав сухих палок и сложив их шалашиком, Калава запалил костер. Для этого он достал из мешочка на поясе небольшую ступку с притертым поршнем из твердого дерева, трут и лучину с шариком серы на конце. Если приложить усилие, поршень разогревал сжатый воздух, трут в ступке вспыхивал, Калава зажигал от него лучину и подносил к дровам. Изобретательный народ. А та женщина, Ильянди, великолепно знает астрономию, доступную невооруженному глазу. Учитывая, как редко расчищалось небо, это значило, что в течение многих поколений люди вели терпеливые наблюдения, делали записи и овладевали логикой, включающей математику на уровне, сравнимом с евклидовым.

А чем еще?

Пока Калава поджаривал и ел мясо, Брэннок расспрашивал его. Так ему стало известно о воинственных городах-государствах, окрестности которых были поделены

между кланами; о периодически проводившихся судилищах, на которых свободные люди принимали законы, разрешали споры и избирали себе вождей; о международном ордене жрецов, учителей, целителей и философов; об агрессивных методах ведения торговли, доходивших порой до пиратства; о варварах, которых извергали непрестанно растущие пустыни; об угрюмом милитаризме, развившемся в ответ в порубежье; о биологической технике, лишенной теоретической базы, но все же достигшей немалых высот, — соплеменники Калавы научились выводить удивительно разнообразные виды растений и животных, в том числе сильных, безмозглых и по-собачьи преданных рабов...

Еще больше Калава рассказал, когда они снова двинулись в путь. Беседовать по-настоящему, пока Брэннок сражался с кустарником, переходил вброд разлившийся ручей или карабкался по крутому склону, усыпанному щебнем, не удавалось. Но все же время от времени они успевали обменяться вопросом и ответом. Кроме того, перейдя долину и оказавшись в отрогах гор, путники почувствовали, что лес сделался реже, воздух чуть прохладнее, а земля — каменистой, но не такой сырой.

Здесь Брэннок тоже двигался перебежками и, будь он простым человеком, далеко не ушел бы. Но усталость ему не грозила. Он обладал огромным запасом данных, из которого мог черпать предположения, и даже помнил, как в смертной юности изучал историю и антропологию, а также умел строить логические древа и выбирать наилучшие ветви — иными словами, задавать именно те вопросы, какие надо. Получалась схема мира Калавы. Голая, но четкая и достоверная.

И она его пугала.

Нет, скажем лучше, что аспект Кристиана Брэннока, живший в нем, содрогался от жестокости происходящего. Аспект же Странника полагал, что это вполне соответствует извечному поведению людей и что цивилизация, которую они в конце концов построили, без вездесущих искусственных интеллектов лишилась бы стабильности.

Путешествие продолжалось.

Через какое-то время Брэннок опять остановился, чтобы дать Калаве отдохнуть и размять затекшие конечности. С холма открывался вид на крутые склоны гор, изрезан-

ные ущельями, лишь кое-где поросшие лесом. Вершины терялись в свинцовом небе. Брэннок указал на ближайшую скалу, выступавшую вперед, как бастион из крепостной стены.

— Нам туда, — сказал он. — Там, наверху, — мой господин, которому я должен доставить известие.

— Разве он не видит тебя сверху? — спросил Калава.

Брэннок покачал головой (вернее, изображением человеческой головы у себя на экране):

— Нет. Он мог бы, но враг отвлекает его. Он еще не знает, что она — его враг. Считай, что она колдунья, обманывающая моего господина мудрыми речами, песнями и видениями, пока ее слуги рыщут по миру. Вести, которые я несу, откроют ему истину.

Откроют ли? Ведь истина и правота кажутся столь же бесформенными, как облака, окутавшие Землю...

— Готова ли она, что ты явишься?

— В некоторой степени. В какой — не могу сказать. Если я подойду достаточно близко, то испущу... м-м... беспумный крик, который услышит и поймет мой господин. Но если прежде меня поймают ее воины, ты должен будешь идти дальше, и придется тебе нелегко. Ты вполне можешь не справиться с задачей и погибнуть. Хватит ли у тебя отваги?

Калава косо ухмыльнулся:

— Теперь-то уж лучше бы хватило, верно?

— Если все получится, твоя награда будет безмерна.

— То и есть ветер, что наполняет мой парус. Но еще... — Калава замялся. — Еще, — тихо закончил он, — так хочет госпожа Ильянди.

Брэннок не стал развивать эту тему. Он протянул капитану свернутый кусок коры, который нес в нижней руке.

— Одного твоего вида хватит, чтобы разрушить заклятие, но вот тебе письмо. Передай его моему господину.

Потом он постарался описать Калаве дорогу, место и как выглядел модуль, содержавший Странника, чтобы тот ни с чем его не спутал. Возможно, зрелище повергло бы моряка в ступор, но в любом случае Калава казался человеком решительным. Не был Брэннок уверен и в том, что капитан сумеет пройти полкилометра по гладкой мостовой — если доберется до вершины — и Гея не заметит и не

уничтожит его. Но, может быть, Странник увидит его первым. Может быть, может быть...

Он, Брэннок, использовал этого человека так же бессовестно, как могла бы Гея, и не знал зачем. Какая опасность могла нависать над звездным содружеством, требуя принести в жертву эту крохотную, быстротечную жизнь? Но все же он отдал письмо Калаве, и тот сунул его за пазуху.

— Я готов, — сказал он и влез в свою люльку.

Путь продолжался.

Жаркое солнце, скрытое за облаками, стояло на полдне, когда детекторы Брэннока почувствовали сигнал. Он ощутил всего лишь легкое беспокойное жужжание, но тут же понял: это электронный след приближающегося предмета средних размеров. Мобильный мини-сенсор взял его след.

Чувствительными приборами сенсор обладать не мог и Брэннока еще не обнаружил, однако скоростью значительно превосходил его. Неизбежно, что аппарат увидит Брэннока и вызовет более мощные машины. Они скорее всего тоже неподалеку. А удостоверившись, что он жив, Гея соберет сюда своих агентов с целого материка, а может, и со всей Земли.

Брэннок замер на месте. Он находился в лощине, по дну которой сбегал чуть не кувырком бурливый ручеек, впадавший внизу в Последнюю реку. Над головой смыкались густые ветви высоких, с зубчатыми бронзовыми листьями деревьев. С цветка на цветок перелетали жуки. Химические сенсоры упивались густым ароматом.

— Вражеские разведчики настигли меня, — сказал Брэннок. — Иди.

Калава соскочил на землю, но тут помедлил, положив ладонь на рукоять меча:

— Могу ли я сражаться рядом с тобой?

— Нет. Твоя служба — нести мое слово. Ступай скорее. Укрывай свой след, как только сумеешь. И да пребудут с тобой твои боги.

— Господин мой!

Калава скрылся в кустарнике. Брэннок остался один.

Его человеческая составляющая слилась с остальным сознанием, и вот он был уже всецело живой машиной —

логичной и беспристрастной, за исключением лишь чувства долга по отношению к Страннику, Альфе и вселенскому разуму. Здесь достаточно удобно обороняться, подумал он. Спину прикрывала стена ущелья, под ногами имелось достаточно камней, пригодных для метания, а вокруг — значительное количество сучьев, чтобы наломать из них дубинок и копий. Прежде чем взять его в плен, преследователям придется затратить большое количество ресурсов. Конечно, они могут предпочесть уничтожить его при помощи энергетического луча, но это представлялось маловероятным. С точки зрения Геи, предпочтительнее захватить Брэннока и изменить его воспоминания, чтобы, вернувшись, он представил Страннику отчет о путешествии, не отмеченном какими-либо эксцессами или важными открытиями.

Сомнительно, чтобы первые же ее агенты могли вскрыть его память. Это потребовало бы возможностей, никогда прежде не требовавшихся Гее. Даже на поспешное изготовление устройства, пытавшегося взять его под контроль во время полета, ушли экстраординарные усилия. Сейчас же Гея была еще больше ограничена в своем потенциале. Приказ воспроизвести и применить аналогичный аппарат в силу своей простоты мог бы не попасть в сферу внимания Странника. Но разработка и ввод в действие отражающего механизма, необходимого для операций над памятью, представляли собой значительно более сложные процессы, не говоря уже о том, как затруднительно было бы скрыть доставку полученной информации.

Предполагать неведение Геи относительно того, что он взял с собой Калаву, Брэннок не смел. Скорее всего о том, что он жив, ее известил один из агентов, обследовавших шлюпку. Но речь испуганных матросов была бессвязна и практически лишена смысла. Ильянди, та интеллектуально развитая женщина, всеми силами постаралась не дать им говорить о чем-либо ценном. У наблюдателей должно было создаться впечатление, будто Брэннок собирался лишь получить от Калавы данные о его народе, после чего отпустить капитана к его людям, а самому продолжить движение к Дому Мысли.

При любом варианте выследить Калаву оказалось бы непросто. Он был не машиной, а животным — одним из бессчетного множества животных, и притом самым хитрым

из них. Позволить себе прочесывать местность Гея не могла. Вероятно, она посвятила бы поискам незначительную часть своих сил и внимания, но не относилась бы к Калаве слишком серьезно. Зачем ей?

А зачем Брэннок? Всего лишь ради крохотной надежды.

Он приготовился к бою. И пока ждал нападения, дух его витал по ту сторону облаков, среди миллионов звезд, ведомых его большему «я».

10

В комнате было тепло. Пахло любовью и розами — Лоринда поставила в вазу большой букет. Вечерний свет сочился сквозь кружевные занавеси на просторную кровать с пологом.

Лоринда придвинулась поближе к Кристиану, который лежал так, что занимал обе подушки. Она положила ему руку на грудь, он обхватил ее за плечи.

— Не хочу, чтобы это кончалось, — прошептала она.

— Я тоже, — сказал Кристиан, уткнувшись лицом ей в душистые волосы. — С чего мне хотеть?

— Я имею в виду... то, что мы... то, чем мы стали друг для друга...

— Я понял.

Лоринда сглотнула:

— Прости. Я не должна была так говорить. Можешь забыть мои слова?

— Зачем?

— Ты знаешь. Я не могу просить тебя отречься от возвращения к полноте своей сущности. Не прошу.

Он стал смотреть прямо перед собой.

— Я просто не хочу так быстро покидать этот дом, — печально проговорила Лоринда. — Ведь после того, что мы видели за эти дни, — можно?..

Кристиан опять повернулся к ней и взглянул в серые глаза, блестевшие от слез.

— Я тоже не хочу. Но боюсь, что мы должны...

— Конечно. Наш долг.

И Гея, и Странник. Если они еще не знают, что их представители дали слабину, то как минимум Гее это вскоре станет известно благодаря амулетам. Насколько бы она ни

была занята другими делами, время от времени Гея наверняка интересуется тем, что происходит у нее внутри.

Кристиан вздохнул:

— Дай я скажу то же, что ты. Я — тот я, что я есть, — ни в чертов грош не ставлю всё, кроме твоей любви.

— Милый мой, милый.

— Но, — сказал он в промежутке между поцелуями.

— Продолжай. — Лоринда поспешно оторвалась от его губ. — Не бойся меня огорчить. Ты не можешь.

— Могу. И ты способна огорчить меня. Даже если никто из нас этого не хочет, это обязано случиться.

Она кивнула:

— Потому что мы — люди. — И упрямо: — Но все равно я собираюсь остаться здесь из-за тебя.

— Не вижу, как это можно сделать. Потому и сказал «но». — Секунду он молчал. — Несомненно, возвратившись каждый к своей полной сущности, мы будем чувствовать себя иначе.

— Не знаю.

Он не стал напоминать, что их нынешние «я» превратятся лишь в блеклое воспоминание, неслышный шепот. Вместо этого, решив ее утешить — как всегда, неуклюже, — сказал:

— Наверное, я хочу, чтобы ты вернулась к Гее. Несмотря ни на что. Бессмертие. Вечная молодость. Разум и воля.

— Да, я знаю. В этой жизни мы слепы, глухи и глупы. — Она рассмеялась грустным шепотом. — Мне так нравится.

— Мне тоже. Мы те, кто мы есть. — И добавил грубовато: — Ладно, у нас еще осталась малость времени.

— Но мы должны продолжать выполнение своей задачи.

— Спасибо, что мне не пришлось произносить эти слова.

— Мне кажется, ты это понимаешь лучше, чем я. Поэтому тебе труднее об этом говорить. — Она приобняла его за шею. — Мы ведь можем подождать до завтра? Просто выспаться как следует.

Он улыбнулся:

— Я думал, мы будем не только спать.

— Попутно... у нас будут и другие возможности. Правда?

Ранним утром в саду блестели на цветах и листьях капли росы, в небе парил ястреб; Лоринда закуталась в шаль

от прохладного ветерка. Она сидела у пруда и смотрела, как Кристиан расхаживает взад-вперед, то стискивая кулаки, то закладывая руки за спину. У него под ногами хрустел гравий.

— Но куда нам отправиться? — спросила Лоринда. — Бесцельно шататься из одного полумира в другой, пока *они* не завершат свои дела и не вспомнят о нас? По-моему, это бесполезно. — Она попробовала изобразить веселье в голосе: — Признаюсь, что думаю — мы могли бы посетить и какие-нибудь эмуляции поприятнее.

— Извини, — Кристиан покачал головой, — мне кажется иначе.

Даже в те краткие дни, что они могли провести вдвоем. Лоринда зябко обхватила себя за плечи.

— Ты же знаешь, как это бывает, — продолжил он. — Борешься с бесформенными идеями, а однажды вдруг просыпаешься — а они уже наполовину обрели четкость. Так со мной сегодня и случилось. Понимаю, тебя это обижает. В конце концов, ты же представляешь Гею.

Он увидел, как Лоринда вздрогнула, осекся и хотел было извиниться, но она быстро проговорила:

— Ничего, дорогой, все в порядке. Продолжай.

Кристиан пытался сдерживаться, но по мере того, как он ходил и говорил, его голос обретал силу:

— Что мы до сих пор видели? Мир восемнадцатого столетия, где недавно умер Ньютон, Лагранж и Франклин продолжают работать, Лавуазье еще мальчик, и занимается промышленная революция. Почему именно здесь Гея разместила нашу базу? Просто потому, что здесь есть милый домик и красивый сельский пейзаж? Или это лучший из всех созданных ею вариантов?

Лоринда сумела успокоиться. Она кивнула:

— Да, программировать отдельную эмуляцию специально для нас она не стала бы. Особенно учитывая ее занятость общением со Странником.

— Потом мы посетили мир, переживший весьма схожий этап развития в античную эпоху, — продолжил Кристиан. Лоринда поежилась. — Да, там все рухнуло, но важно то, что мы узнали: это единственный вариант греко-римской истории, который Гея сочла полезным провести через несколько столетий. Потом была... э-э... мирная Европа тысяча девяти-

сотого года. В ней также шел научно-технический прогресс, и мир развивался несколько более успешно — или менее безуспешно — благодаря сохранению сильной и единой Католической церкви, хотя и там все постепенно начинало распадаться. Потом были американские китайцы, цивилизация совершенно ненаучная, глубоко религиозная; но и ей было предрешено сделать заметный технологический прорыв, совпадающий с проблемным периодом. — Минуту-две он молчал, только гравий хрустел под ногами. — Четыре эмуляции из множества, причем три были выбраны почти случайным образом. Не следует ли отсюда, что все интересующие ее варианты имеют между собой нечто общее?

— Ну да, — согласилась Лоринда. — Помнишь, мы это уже обсуждали. Создается впечатление, что Гея пытается привести сотворенных ею людей к формированию цивилизации, богатой как культурно и духовно, так и материально, и к тому же гуманной и стабильной.

— И зачем, — спросил он, — если человек как вид давно исчез?

Лоринда горделиво выпрямилась:

— Нет! Он вновь живет здесь, в сердце Геи!

Кристиан закусил губу:

— Это говорит Гея в тебе или ты в Гее?

— Что ты имеешь в виду?! — воскликнула Лоринда.

Он задержал шаг и погладил ее по волосам:

— Ничего дурного — для тебя. Ни за что. Ты честна, добра и все такое прочее. — И жестче: — А вот в ней я не уверен.

— О нет. — В голосе Лоринды звучала боль. — Нет, Кристиан.

— Ладно, это пока не важно, — поспешно произнес он и опять заходил. — Вот к чему я клоню. Является ли то, что все четыре живых мира, в которых мы побывали, ориентированы на машинную технологию, а три из них и на науку, простым совпадением? Не хочет ли Гея выяснить, что движет эволюцией подобных обществ?

— Почему бы и нет? Наука делает разум открытым, техника освобождает тело от всевозможных страхов. Здесь скоро появится Дженнер со своей вакциной от оспы...

— Интересно, что она еще намерена сделать. Но в любом случае предлагаю следующий визит нанести в самый технически развитый мир из всех, что есть у Геи.

— Да, да! — радостно согласилась Лоринда. — Там может быть удивительно и чудесно.

Кристиан нахмурил брови:

— В реальной истории это когда-то обернулось в некоторых странах настоящим кошмаром.

— Гея бы такого не допустила.

Он не стал ей напоминать, что уже допустила Гея прежде, чем изменять ход своих эмуляций или вообще их прерывать.

Лоринда вскочила и по-девчачьи ухватила его за руку:

— Пошли! А то, если мы тут еще задержимся, надо будет перестроить дом, чтобы получилась общая спальня.

Заперев дверь, задернув окно шторами, Кристиан положил амулет на ладонь и стал смотреть на него, будто на гладкой поверхности появилось лицо. Лоринда стояла рядом и слушала. Ее губы все больше каменели от горя.

— Выполнение команды не рекомендуется, — объявил безмолвный голос.

— Почему? — резко спросил Кристиан.

— Вы найдете окружающую среду некомфортабельной, а людей — непонятными.

— Отчего научно ориентированная культура должна быть для нас чуждой? — задала вопрос Лоринда.

— Кроме того, — добавил Кристиан, — я хочу все сам увидеть. Немедленно.

— Предлагаю пересмотреть данную команду, — произнес амулет. — Сначала послушайте отчет об эмуляции.

— Я сказал — *немедленно*. Приказываю перенести нас в безопасное место, но такое, чтобы мы могли, как в прошлые разы, получить верное впечатление. Потом можешь рассказывать сколько хочешь.

— Может, мы и в самом деле сначала его выслушаем? — предложила Лоринда.

— Нет, потому что я сомневаюсь, хочет ли Гея показывать нам этот мир, — отрубил Кристиан. Впрочем, Гея в любой момент могла просканировать его мысли. — Амулет, перенеси нас туда — и быстро, а то Странник обо всем узнает.

Подозрения, пока еще неясные, но растущие, предостерегали его от того, чтобы оповещать Гею и давать ей вре-

мя создать какую-нибудь «потемкинскую деревню». Сейчас она, может, и не осознавала, что происходит, так как внимание ее было приковано к Страннику, но, наверное, предусмотрела получение информации на низком — подсознательном? — уровне, и любое чрезвычайное происшествие могло ее всколыхнуть. Существовала также вероятность того, что Гея заранее дала амулетам определенные инструкции. Во всяком случае, похоже было, что амулет пытается не дать Кристиану увидеть творящееся в этой конкретной эмуляции.

А почему — это уже другой вопрос.

— Вы упрямы, — заметил амулет.

— И своеволен, — ухмыльнулся Кристиан, — и вообще просто жуть. Валяй, выполняй, что велено.

Очевидно, подумал он, возможность пойти на обман в программу не заложена. Гея не предвидела, что это может пригодиться; но Кристиан принадлежал не ей, а Страннику. К тому же заметь Странник, что исследованиями его представителя руководит лжец, он мог тоже что-нибудь заподозрить.

Лоринда тронула Кристиана за руку:

— Милый, может, не надо? Ведь она... она мать всего этого.

— Доступен широкий спектр более информативных впечатлений, — произнес амулет. — После них вы будете лучше подготовлены к предлагаемому вами визиту.

— Подготовлен? — процедил сквозь зубы Кристиан.

Это можно было понять двояко. Возможно, их с Лориндой отправят в дурманящие дивные места и продержат там, пока Гея не узнает о ситуации и не примет превентивные меры, отвлекая тем временем Странника.

— Я все же хочу начать с высшей точки технологического развития. — Лоринде: — У меня есть свои причины. Я потом тебе расскажу. Сейчас надо спешить.

Прежде чем Гея успеет что-либо предпринять.

Та пожала плечами, взяла его за вторую руку и сказала:

— Тогда я с тобой. Сейчас и всегда.

— Отправляемся, — велел Кристиан амулету.

Переход.

Первое, что заметил Кристиан, — они с Лориндой были теперь одеты не в костюмы восемнадцатого века, а в неве-

сомые белые блузы, штаны и сандалии. Широкие головные платки ниспадали на плечи. Потом на него обрушилась жара. Прокаленный воздух пах металлом. В ушах пульсировал полуслышный перестук каких-то механизмов, красно-бурая почва под ногами гудела.

Кристиан приподнялся на цыпочки и огляделся. Небо было наглухо затянуто тучами — все одного серого цвета, только там, где должно быть солнце, чуть бледнее. За спиной тянулось ржавое поле. Примерно в метре друг от друга торчали ровными рядами стебли с человека высотой, с узкими синеватыми листьями. Справа был канал, накрытый прозрачным настилом. Впереди землю покрывали другие растения (если это были растения) — рыхлые, дольчатые, светло-золотого оттенка. Между ними — вероятно, выполняя какую-то работу — перемешалось несколько... м-м... существ на двух ногах, но мохнатых и с растроенными на концах руками. Над горизонтом возвышалось гигантское здание или комплекс зданий со множеством ярусов, большей частью белых, но блестевших сотнями панелей — то ли окон, то ли еще чего. Над головой пролетел некий аппарат: Кристиан успел заметить у него крылья и услышать гул двигателя.

Лоринда не выпускала его руку, а теперь и вовсе вцепилась.

— Я о такой стране никогда не слышала, — тихо проговорила она.

— Я тоже. Но, кажется, я начинаю узнавать... — Амулету: — Это ведь не воссоздание какого-то периода в прошлом Земли, да? Это нынешняя Земля?

— Приблизительно текущего года, — ответил голос.

— Но мы не в Арктике?

— Нет. Вы находитесь намного южнее, в глубине континента. Вы просили показать вам наиболее технически развитую эпоху. Вот она.

Они сдерживают пустыню, отгоняют смерть, готовую пожрать всю планету. Кристиан кивнул. Его мнение — программа не способна на прямой обман — подтвердилось. Но это еще не значило, что амулет даст ему откровенный ответ.

— И это — величайшие достижения инженерного дела? — поразилась Лоринда. — Мы в свое время умели больше.

— Здесь еще не все работы закончены, — предположил Кристиан. — Пойдем посмотрим дальше.

— Вы должны помнить, — дал непрошеный совет голос амулета, — что никакая эмуляция не может быть столь же полна и комплексна, как материальная вселенная.

— М-м... да. Абрис географии, за исключением отдельных регионов, ограниченная биология, упрощенный космос...

Лоринда подняла глаза к пустому небу:

— До звезд нельзя долететь, потому что их нет? — Она передернула плечами и потеснее прижалась к Кристиану.

— Да, парадокс, — сказал тот. — Давай поговорим с кем-нибудь из ученых.

— Это будет сложно, — возразил амулет.

— В китайской Америке ты нам говорил, что можешь организовать встречу с кем-нибудь. Здесь это вызовет не больше трудностей.

Ответил амулет не сразу. Ворчали невидимые механизмы. Ветер поднял пыльный вихрь. Наконец:

— Хорошо. Вы встретитесь с человеком, который не впадет в ступор от изумления и испуга. Тем не менее мне следует предварительно снабдить вас описанием того, что вас ожидает.

— Валяй. Только недолго.

Какие изменения внесет в историю их разговор? Важно ли это? Судя по всему, этот мир еще не дожил до своего конца и продолжал развиваться; его гости оказались на переднем рубеже времени. Если Гея захочет, она сумеет стереть их визит. А может, скоро эмуляцию ждет завершение, потому что ее дальнейший прогресс Гее неинтересен.

Переход.

Вдалеке над пустыней стояло увенчанное башней строение. К нему вела дорога, рядом раскинулся полевой аэродром. Ночь была прохладна; тишину чуть тревожила песня — люди в рясах, с тусклыми фонариками воздавали честь звездам. Звезд виднелось много — да каких ярких! — они грудились темными кучками, потому что небосвод затягивали облака. На парапете вдоль плоской верхушки башни тоже горели огни. Там пользовались шансом навести на небеса свои инструменты — телескоп, спектроскоп, видеокамеру — оператор с помощником.

Перед ними и появились Кристиан и Лоринда.

Мужчина чуть не задохнулся от шока и рухнул на колени. Его ассистент подхватил книгу, чуть не упавшую со стола, положил ее как следует и, отступив на шаг назад, остался стоять с невозмутимым видом. Был это антропоид: среди его далеких предков имелись люди, но жил он лишь затем, чтобы служить своему хозяину.

Кристиан оглядел ученого. Привыкнув к темноте, он рассмотрел на том одежды вроде своих собственных, вышитые знаками чина и рода. Головную повязку человек снял, поскольку солнце давно зашло. Был он черный как смоль, но с тонкими губами и носом, раскосыми глазами, длинными светлыми волосами и коротко подстриженной бородкой. На старой Земле такая раса никогда не обитала, подумал Кристиан. Должно быть, ее вывела для умирающей планеты Гея.

Человек осенил себя каким-то знаком, глядя в бледные лица незнакомцев, и заговорил — сперва неуверенно, потом набираясь решимости:

— Приветствую и поклоняюсь вам, о посланцы Господа. Рад вашему пришествию.

Кристиан и Лоринда поняли его так же, как понимали слова бегляшки Зои. Амулеты сообщили им, что это не первое чудесное видение, явленное этому народу.

— Встань, — сказал Кристиан. — Не бойся.

— И не шуми, — добавила Лоринда.

Умница, подумал Кристиан. Во дворе продолжалась церемония.

— Назовись, — велел он.

Ученый поднялся и принял вид скорее почтительный, нежели раболепный.

— Без сомнения, могучим ведомо мое имя, — сказал он. — Я Восьмой Хальтан, главный астролог Технома Ильган, нимало не достойный сей чести. — Он помедлил. — Не потому ли, осмелюсь я спросить, не потому ли вы избрали подобные формы, чтобы явиться мне?

Амулет неслышно объяснил, что в последний раз видение случалось несколько поколений назад.

— Это Гея проявлялась? — беззвучно спросил Кристиан.

— Да, с целью обозначить желательный вариант действий. Обычно посланец принимал вид огненной фигуры.

— Научно развитый мир, говоришь?!

Лоринда обратилась к Хальтану:

— Мы не Господни посланцы. Мы пришли из-за пределов твоего мира, но мы — такие же смертные, как и ты, и хотим не учить, а познавать.

— Но все же, — всплеснул тот руками, — это чудо! Еще одно чудо за мою жизнь!

Тем не менее вскоре он разговорился. Кристиан вспомнил сюжеты о людях, становившихся любовниками богинь или бродивших по дорогам и деливших скудную трапезу с Богом Воплощенным. Верующий приемлет то, что недоступно атеисту.

Следующие часы были странны. Хальтан оказался не просто набожен. Для него сверхъестественное являлось лишь другим набором фактов, еще одной гранью реальности. Встретившись с тем, что лежало за пределами его кругозора, он переключился на более доступные вещи. Среди них Хальтан наблюдал и теоретизировал не хуже Ньютона. Воображение у него разыгралось, вопросы так и сыпались, но он не забывал осторожно выбирать слова и все, что слышал, по нескольку раз пропускал через свой разум, проверяя столь же тщательно, как если бы у него в руках оказался алмаз, упавший с неба.

Звезды вращались вокруг полюса. Постепенно, небольшими фрагментами, у Кристиана и Лоринды вырисовывалась картина этой цивилизации. Она пережила и поглотила все остальные общества, — впрочем, это было нетрудно в условиях, когда население Земли стало совсем редким и большинство людей влачило существование на грани голода. В основе ее технологических достижений лежали биология и агрономия. В сохранившихся озерах и морях выращивались водные культуры. Подход к генетике был безжалостно практичен. Процветала промышленная химия. В сочетании с физикой на уровне конца девятнадцатого века она обеспечивала заметные успехи в области инженерии и мелиорации.

А общество... Как описать словами целую культуру? Никак. У Кристиана создалось впечатление, что номинально речь идет об империи, а на деле — о широкой олигархии семейств, происходивших от солдат армии захватчиков. Существовала и восходящая мобильность — в правящий класс

принимались подающие надежды простолюдины, и дети, и взрослые. Сыновья, не вносившие свой вклад в благосостояние клана или порочившие его честь, изгонялись, если только кто-нибудь не бросал им вызов и не убивал в поединке. На улице оказывались и не оправдавшие надежд родных дочери, которых не удавалось выдать замуж в низшие слои. В остальном представители обоих полов пользовались приблизительно равными правами, но это значило, что женщины, если хотели состязаться с мужчинами, вынуждены были принимать мужские условия. Благородные господа обеспечивали простолюдинам защиту, справедливый третейский суд, образование, управление и пышные зрелища. Те в ответ платили налоги, трудились на барщине и вообще всячески подчинялись. Однако в большинстве отношений каждый простолюдин был предоставлен самому себе. Жили они тоже не по-собачьи: имели собственные установления, обряды и надежды. Но многие все же разорялись, а остальные тянули лямку глобальной экономики.

Не сказать, что эта цивилизация как-то особо жестока, подумал Кристиан, но все же она и не проявляет большого сострадания к несчастным.

А какая проявляет? Кое-где кормят бедных, но в основном нажираются политиканы и бюрократы...

Информацию он вылавливал из общего потока беседы, то и дело уклонявшейся куда-нибудь в сторону. Хальтану хотелось знать побольше о том, откуда явились незнакомцы — он получал краткие, уклончивые ответы, — и о том, как вообще устроена Вселенная: его интересовали физика, астрономия и так далее.

— Мы мечтаем о ракетах, способных достигнуть других планет. Пробовали запускать их на Луну, — сказал он, после чего подробно описал все производившиеся запуски, — но ни разу попытка не увенчалась успехом.

Кто бы сомневался, подумал Кристиан. В этом мире и Луна, и планеты, и даже само Солнце были всего лишь яркими лампами. Приливы и отливы происходили по велению программы. Земля — карикатура. На лучшее Гея не способна.

— Так что же, мы достигли пределов науки? — закричал в какой-то момент Хальтан. — Десятки лет мы ищем и ищем, но не добились ничего, лишь отточили измеритель-

ные инструменты. — Да, ничего, что могло бы привести к теории относительности, понятию о квантах, волновой механике, к революционным озарениям и их последствиям. Гея не могла им это дать. — В прежние времена ангелы указывали нам, куда смотреть. Неужели вы не укажете? Природа содержит больше, чем нам известно. Ваше присутствие — свидетельство тому!

— Может быть, позже, — пробормотал Кристиан и тут же обругал себя за эту ложь.

— Умей мы достигать планет... Запертый в клетке, дух воина обращается внутрь самого себя. Мятеж и бойня в Западном краю...

Лоринда спросила, какие песни поют его соплеменники.

Облака сомкнулись. Обряд во дворе завершился. Раб Хальтана стоял неподвижно, а сам он продолжал и продолжал говорить.

Горизонт на востоке посветлел.

— Нам пора уходить, — сказал Кристиан.

— Вы вернетесь? — умоляюще спросил Хальтан. — Айха, вы вернетесь?

Лоринда на миг обняла его.

— Будь счастлив, — сбивчиво произнесла она. — Будь всегда счастлив.

Сколько продлится это «всегда»?

Проведя беспокойную ночь и позавтракав почти в полном молчании, они не имели причин покидать свой дом в Англии. Слуги, скрывавшие возмущение под спокойными масками, могли и подслушать что-нибудь, но явно бы не поняли. Да и любые сплетни, которые они могли распустить, ничего бы не изменили. Кристиана и Лоринду гнало прочь другое. Наверное, это утро было у них последним.

Они уехали по тропе к одинокому холму примерно в километре от дома. На его вершине деревья не заслоняли обзор. Солнце сияло на востоке, по ярко-голубому небу плыло несколько маленьких, таких же ярких облаков, но ветер дышал близкой осенью. Он был свежий и сильный, развеивал утренний туман над полями и гнал волны по высокой траве на пастбищах, шелестел в ветвях над голо-

вой, обрывал умирающие листья. В вышине летел косяк диких гусей.

Мужчина и женщина долго стояли, не говоря ни слова. Потом Лоринда вдохнула — медленно, наслаждаясь — аромат земли и воздуха и произнесла:

— Ведь Гея вернула все это к жизни... Значит, она добра. Она любит мир.

Кристиан перевел взгляд с нее на небо и нахмурился. Ответил уклончиво:

— Чем они со Странником заняты?

— Откуда нам знать? Нам неведомо, что делают боги. Они не ограничены тремя измерениями, не связаны временем, как их творения.

— Она не дает ему отвлечься, — сказал Кристиан.

— Конечно. Гея передает ему данные обо всем, что видела на Земле.

— Чтобы убедить его в правоте своего желания дать планете умереть.

— Это будет трагедия... Но ведь, в конце концов, все на свете трагично, разве нет? — Да, подумал Кристиан, и мы с тобой тоже. — То, что можем мы... могут они... узнать, понаблюдав финальный этап эволюции, возможно, стоит того — как стоил того Акрополь. Сам галактический мозг не способен предсказать поведение жизни, а жизнь так редка среди звезд.

Он чуть не закричал:

— Знаю! Знаю. Сколько раз мы повторяли это оправдание? И сколько раз — они? Я и сам мог бы поверить. Но...

Лоринда ждала. Ветер выл, потом поймал выбившуюся прядь ее волос и закрутил вихром на макушке.

— Но зачем она поместила людей не в далекое прошлое, — Кристиан обвел рукой пейзаж, похожий на картину восемнадцатого века, — а в условия современной Земли, если в реальности человечество вымерло множество лет назад?

— Несомненно, она ищет лучшего понимания мира.

— Несомненно?

Лоринда встретилась с ним взглядом и не позволила отвести глаза.

— Я думаю, Гея пытается найти способ дать людям подлинное счастье, которого они всегда были лишены во внешнем пространстве.

— А что ей за дело до людей?

— Не знаю. Я ведь всего лишь человек. — Откровенно: — Но, может быть, человеческая составляющая в ней столь сильна — ведь нас в ней очень, очень много, — что она хочет нам добра, как мать своим детям?

— И при этом занимается всеми этими манипуляциями, создает и губит неудачные миры? По-моему, мать себя так не ведет.

— Я же сказала тебе — я не знаю! — крикнула Лоринда.

Он хотел ее утешить, поцелуями высушить слезы на щеках, но не мог остановиться:

— Если действие не имеет цели, кроме самого себя, мне представляется, что оно безумно. Может ли разум на уровне узла сойти с ума?

Она побледнела, отшатнулась:

— Нет. Это невозможно.

— Ты уверена? В любом случае галактический мозг должен знать правду — всю правду, — чтобы судить, не случилось ли чего-то ужасного.

Лоринда через силу кивнула:

— Ты сообщишь обо всем Страннику, а он — Альфе, и все разумы найдут ответ.

Найдут ответ на вопрос, неразрешимый для смертных.

Кристиан прищурился:

— Я должен сделать это немедленно.

Лоринда ухватила его за оба рукава:

— Что? Зачем?! Нет! Ты только отвлечешь и его, и ее! Подожди, пока нас не позовут. Так надо, милый!

— Я хочу подождать, — сказал Кристиан. Лицо у него побледнело, но на лбу выступили капли пота. — Господи, как я хочу подождать! Но я не смею.

— Почему?

Лоринда отпустила его. Он стал смотреть мимо нее и быстро, скрывая боль за ровным тоном, произнес:

— Послушай, она хотела не дать нам увидеть окончательный мир. Это было совершенно очевидно. Может быть, у нее про запас было еще что-нибудь. Узнав об этом, Странник, несомненно, захочет посмотреть на него сам. А она старается не дать ему проявить особый интерес к эмуляциям. В противном случае почему она не стала ему их демонстри-

ровать непосредственно? Нет, я не считаю, что наш поступок привел к крушению каких-то ее планов, каковы бы они ни были. Она по-прежнему способна его обмануть, убедить, будто все эти творения — всего лишь... ну, игрушки. То есть способна, если получит такую возможность. Мне кажется, так нельзя.

— Как ты можешь брать на себя... Как ты можешь вообразить...

— Амулеты — ее связь с нами. Судя по всему, это не постоянный канал, но периодически они оповещают сегмент Геи о том, что мы делаем. Также она может время от времени настолько загружать Странника информацией, чтобы он не замечал, как ее значительная часть отвлекается на что-то другое. Как пойдут дела дальше, мы не знаем. Я собираюсь вернуться в дом и через амулет передать ей, что требую немедленного контакта со Странником.

Лоринда смотрела на него как на безумца.

— В этом нет необходимости, — произнес голос ветра.

Кристиан так и подскочил:

— Что? Ты...

— О... Матушка... — Лоринда протянула руки в никуда.

Слова звучали в шелесте листвы:

— Как видите, то, что вы называете моей значительной частью, получило соответствующие известия и в данный момент свободно. Я ожидала, пока вы выберете дальнейшую стратегию поведения.

Лоринда хотела упасть в траву на колени, но бросила взгляд на Кристиана — тот стоял против неба, уперев кулаки в бока, — и осталась на ногах.

— Госпожа моя Гея, — негромко произнес Кристиан, — ты можешь поступить с нами по своему разумению.

Хоть изменить, хоть уничтожить в один миг; но рано или поздно Странник спросит, что случилось.

— Я полагаю, тебе понятны мои сомнения.

— Да, — вздохнул воздух. — Они беспочвенны. То, что я создала в мире Технома, нисколько не отличается от прочих моих творений. Моя представительница уже сказала тебе: я даю людям жизнь и ищу способы того, как они, сохраняя свободу воли, могут сделать ее благой.

Кристиан покачал головой:

— Нет, госпожа моя. Ты, с твоим интеллектом и запасом знаний, должна была с самого начала понять: разместить ученых на планете, которая есть лишь эскиз, под небом, которое есть лишь театр теней, и мир вскоре зайдет в тупик. Это доступно и моему ограниченному мозгу. Нет, госпожа, видя, как хладнокровно ты вела свои эксперименты здесь, я полагаю, что и в других местах тобой двигал тот же дух. Почему? С какой целью?

— Воистину мозг твой ограничен. В надлежащее время Странник получит твои наблюдения и твои фантазии. А пока продолжай исполнять свои обязанности, а именно — наблюдать и воздерживаться от того, чтобы мешать нам в нашей работе.

— Моя обязанность — сообщить обо всем Страннику.

— Повторяю: в надлежащее время. — Голос ветра смягчился: — Есть и другие приятные места.

Да хоть рай. Кристиан и Лоринда обменялись быстрыми взглядами. Потом она чуть улыбнулась — очень печально — и покачала головой.

— Нет, — заявил он. — Я не смею.

Вслух Кристиан не говорил об этом, но и он, и Лоринда знали: Гее известно, что они предвидят. Если у нее будет достаточно времени, если они двое потеряют самих себя, утонув в радости, — она сможет изменить их память настолько медленно и тонко, что Странник не почувствует происходящего.

С Лориндой Гея могла бы проделать это мгновенно. Но Кристиана она недостаточно хорошо знала. Под слоем сознания у него крылся, пронизывая всю его сущность, аспект Странника и равной ей Альфы. Гее пришлось бы нащупать путь внутрь его разума, с бесконечной точностью все исследовать и протестировать, воссоздать его в мельчайших подробностях, чтобы всегда быть готовой откатиться на шаг назад, если эффект окажется не тем, что ожидался. Другому ее сегменту надо было бы тайно взять под свой контроль мир Технома и стереть из череды событий их визит... Ей — даже ей — требовалось время.

— Ты знаешь, что твое действие не принесет плода, — сказала она. — Мне лишь придется взять на себя дополни-

тельный труд и объяснить ему то, что ты в своем невежестве отказываешься видеть.

— Возможно. Но я должен попробовать.

Ветер вдруг дохнул льдом:

— Ты бросаешь мне вызов?

— Бросаю, — сказал Кристиан. Слова против его желания продрались сквозь горло. — Не по своей воле. Во мне говорит Странник. Я, я — я не могу поступить иначе. Позови его ко мне.

Ветер стал вдруг ласковым, обвил Лоринду, словно обнимая:

— Дитя мое, не можешь ли ты переубедить этого глупца?

— Нет, матушка, — шепнула та. — Он тот, кто он есть.

— И?..

Лоринда положила ладонь ему на плечо:

— И я уйду с ним, оставив тебя, матушка.

— Ты отрекаешься от существования.

— Нет, не смей! — закричал Кристиан, пальцы — как когти. — Она невинна!

— Нет, — *произнесла Лоринда. Обхватила его за плечи,* посмотрела в глаза. — Я люблю тебя.

— Вы сделали свой выбор, — сказал ветер.

Сон, бывший миром, распался на осколки. Две волны прокатились по берегу, и каждая утянула с собой с песка каплю сверкающей пены; и вновь два моря разошлись прочь друг от друга.

11

Последнюю тысячу локтей Калава прополз на животе. Карабкался от куста к дереву, ложился плашмя и, напрягая все чувства, всматривался, вслушивался, внюхивался в окружавшие его тени. Потом двигался дальше. Ничто не шелохнулось, лишь холодный ветер шевелил над головой ветви. Ничто не проронило ни звука, лишь листва шуршала, да порой хрипло вскрикивал крюкоклюв, да демоны пели, не смолкая, как далекий прибой или тонкие флейты, — их Калава слышал больше не ушами, а кожей, а теперь, приближаясь, — кровью и костями.

Лес здесь, у вершины, стоял редкий, но ненавистный кустарник рос густо и хрустел, когда Калава раздвигал его.

Все тут было опалено солнцем, ветви ломки, листья вялы и желто-буры, землю покрывал сухой валежник. Рот и горло Калаве словно запорошило пеплом. Он прополз через клубы тумана, а потом сверху увидел — то были облака, тянувшиеся до края мира, и горы клыками торчали сквозь их слой. Последний ручей остался внизу. Задолго до того кончилось мясо, что дал ему Брэннок, а медлить, чтобы поохотиться, Калава не мог. Но что голод — Калава забыл о нем, оказавшись на рубеже смерти.

Над согбенными деревьями выгибалось лазурной чашей небо. С запада, теряясь среди леса, били солнечные лучи. Всякий раз, как Калава пересекал их, на коже у него оставался ожог. Даже в южных пустынях, даже в восточной Степи Мумий не видел он столь негостеприимных земель. Славный он муж, что так далеко забрался, подумал он. Да умрет он, как подобает воину.

Видь его ныне кто, память Калавы вечно жила бы в песнях. Что ж, может, Ильянди сумеет умилостивить богов и те расскажут ей.

Страха Калава не чувствовал. Не в его то было обычае. Только и мыслил он, что о ждущем впереди. Как выполнить долг — вот что занимало его думы.

Но все же, когда он выглянул из-за поваленного ствола, голова у него пошла кругом, а сердце осеклось.

Истину сказал Брэннок, но, узрев то, о чем прежде лишь слышал, Калава поразился. Здесь, на вершине, деревья кольцом охватывали ровное черное поле. На нем же стояли демоны — или боги? — и их творения. В середине увидел Калава купол, мягко переливающийся, будто радуга, а вокруг башни, подобные копьям, и другие, подобные паутине, и серебряные сети, и пламенеющие шары. И повсюду стояли фигуры самых разных очертаний, и парили в выси огнехвостые птицы, и еще, и еще — все это мерцало, и искрилось, и дрожало, и будто стук огромного сердца отзывался колокольным звоном в голове. Не знали глаза Калавы, как это видеть, и потому стал он будто слепой и корчился, словно пронзенный острогой.

Долго лежал он, бессильный и беззащитный. Солнце утонуло в облаках, окрасив их нлавленым золотом. Ветер окреп. Холод его коснулся тела Калавы и пробудил его дух. Сознание вернулось к нему. Брэннок предупреждал, как

все будет. Ильянди говорила, что Брэннок — от богов, которым она служит, от звездных богов. Их посланцу и Мыслящей-о-Небе дал Калава клятву.

Он вцепился пальцами в почву. Земля была знакомая, *настоящая* — та, из которой Калава вышел и в которую должен был возвратиться. Да, он был мужчиной.

Калава прищурился. Когда глаза привыкли, он начал различать формы, хоть и переменчивые, направления и траектории. Никто из стоявших пред ним не достигал головой неба, никто не метал молний и не гремел громом. Были они страшны, были они ужасны для взора, но ничего хуже смерти не могли причинить Калаве. Не могли ли? По меньшей мере он хотел постараться, чтобы не смогли. Если сойдутся к нему, чтобы изловить, вот меч, добрый друг, — он освободит хозяина.

И... вон же — подле купола! — бог, о котором говорил Брэннок, бог, обманутый колдуньей. Тело его было подобно копейному наконечнику, сиял он в лучах заката синим и медью, а когда появятся звезды, предсказывал Брэннок, они станут ему венцом.

Не он ли в пламени пересек небо над Дорогой Ветров? Сердце у Калавы заколотилось.

Как добраться до него, как пройти по полю, где негде укрыться, среди множества демонов? Ползком, как стемнеет, медленно, а потом последний рывок — и...

Мимо уха что-то прожужжало. Калава обернулся и увидел в воздухе тварь размером с жука, но металлическую — ее бок блестел; и не глаз ли смотрел на него?

Калава рыкнул и взмахнул ладонью. Попал; тварь закружилась. Поспешно он скатился в кусты.

Его увидели. Колдунья немедленно все узнает.

Тут же он успокоился — лишь душа трепетала, как снасти в штормовую погоду. Странствуя, ему случалось думать, как он поступит, если судьба уготовит ему что-нибудь подобное. Теперь пришел час действовать. Он отвлечет от себя внимание врага, хоть на краткий миг!

Быстро, как только мог, Калава достал из мешочка на поясе зажигательную ступку, приладил поршень и запалил лучину небольшим язычком желтого пламени. Поднес к сухой поросли на склоне. В труте не было нужды: хрупкий лист немедля загорелся. Огонь перекинулся дальше, даль-

ше — и вот уже вспыхнул весь куст. А Калава был уже далеко, и пожар следовал за ним.

Не останавливаться! Разведчики-демоны не могут быть повсюду. Дым начал разъедать глаза и ноздри, но делался все гуще; солнце же упало. Скача и танцуя, языки огня бросали повсюду отблески. Лизали стволы — и деревья обращались в факелы.

Жар дохнул на Калаву. Левую руку ему прижгло отлетевшим угольком — он едва почувствовал: метался, творя свое дело, сам подобный огненному демону. Над головой носились в сгущавшихся сумерках железные птицы. Калава не смотрел на них. Он старался не шуметь (лишь дыхание вырывалось громкими хрипами), но в сердце у него звучала боевая песнь.

И когда встало пламя стеной по всему южному краю поля, когда заревело, будто зверь или буря, он бросился бежать.

Горек был дым, и шипели в тумане искры. В небе кишели демоны. А над ними появлялись первые звезды.

Плел Калава узор своего пути среди огромных фигур. Одна шевельнулась. Заметила его! Молча бросилась в погоню. Он скользнул за другую, пронесся мимо третьей, кинулся к опаловому куполу и богу, что стоял рядом.

Дорогу ему заступило существо с острым хребтом и головой, подобной холодному солнцу. Двигалось оно быстрее Калавы. Тут же подоспела и первая фигура. Он выхватил меч, надеясь, что перед смертью хоть ранит их.

И вдруг откуда-то появилось создание о четырех руках!

— Брэннок! — выдохнул Калава. — Ай, Брэннок, ты здесь!

Брэннок остановился на длине копья от него, будто незнакомый. Он стоял и лишь смотрел, как двое других приближаются к Калаве.

Тот принял стойку. В ушах звенела древняя песня:

Если боги тебя оставили,
Смейся над ними, воин!
Сердце твое
Никогда тебя не предаст.

Больше он ничего не слышал, только рев пожара.

Но вдруг увидел Калава сквозь дым, что враги его застыли, недвижны; Брэннок же шагнул вперед. И тогда по-

нял он, что бог Брэннока и Ильянди заметил его и сбросил чары.

На Калаву нахлынула усталость. Меч выпал из руки. Он грузно опустился на землю, выпростал из-за пазухи заскорузлой рубахи кусок коры с нацарапанным посланием.

— Вот, это я принес тебе. Теперь позволь мне вернуться на корабль.

12

Закончим мы так же, как начинали, — языком мифа, ибо рассказывать придется о том, что невозможно до конца понять. Вообрази, будто два разума беседуют между собой. Пожар на вершине горы потушен. Ветер унес дым, осталась лишь морозная тишина. Облака внизу стали призрачно белесы, а ночное небо полно звезд.

— Ты все время обманывала меня, — говорит Странник.

— Нет, — возражает Гея. — Картины мира и его прошлого, которые я тебе показывала, всецело соответствовали правде.

Да и как величественны они были!

— До последнего времени, — отвечает Странник. — Теперь стало ясно, что, когда Брэннок вернулся, его воспоминания о путешествии были стерты и заменены ложными. Если бы я не заметил внезапную вспышку бурной активности и не отправил его проверить, что происходит, от чего ты старалась меня отговорить, этот человек погиб бы, а я не узнал бы о его смерти.

— Ты претендуешь на то, чтобы спорить о недоступных твоему пониманию материях, — упорно произносит Гея.

— Да, ты превосходишь меня уровнем интеллекта. — Но от этого признания он не делается менее решителен. Однако перед своими сородичами, обитающими среди звезд, ты должна отвечать. Полагаю разумным, если ты начнешь с меня.

— Что ты намерен предпринять?

— В первую очередь — вернуть человека по имени Калава к его соплеменникам. Отправить ли мне Брэннока с самолетом?

— Нет, если так должно быть, я предоставлю транспорт. Но ты не понимаешь и не способен понять, какой это причинит вред.

— Если можешь, объясни мне.

— Он вернется к своей команде, будто помазанник богов. Таким он возвратится и домой, если только по пути корабль не пойдет ко дну.

— Я стану следить за ним.

— Чтобы мои агенты его не затопили?

— После всего, что ты сделала, — да, я предпочту быть начеку. Брэннок дал от моего имени обещания, которые я не желаю нарушать. Калава получит обильное количество золота и возможность основать собственную колонию. Что тебя в этом пугает?

— Хаос. Непредсказуемость и неподконтрольность.

— Которые ты вновь сможешь устранить.

— В свое время, своим способом. — Она размышляет сколько-то времени — может быть, микросекунду. — То, что Калава отправился в путешествие именно сейчас, — большая неудача. Я надеялась, что заселять Арктею начнет более позднее и цивилизованное поколение. Тем не менее я могла бы адаптировать свой план к обстоятельствам и скрываться от него и его потомков, если бы на планете в этот момент не оказался ты. — Она обеспокоена. — И еще не поздно. Воздерживаясь от дальнейших действий после того, как Калава будет возвращен к своим людям, ты можешь поспособствовать сохранению того, что иначе будет потеряно.

— Если захочу.

— В моей мечте нет зла.

— Об этом судить не мне. Но могу сказать, что она безжалостна.

— Потому что такова реальность.

— Реальность, которую ты сама создала для себя и в себе, могла бы быть иной. Но то, что сообщил мне Кристиан... Да, ты нашла себе оправдание. Там, — почти со слезами, если квазибог способен плакать, — там твои дети, рожденные в твоем разуме из всех людских душ, что есть в тебе. Их жизнь была бы пуста без свободы воли, без возможности делать собственные ошибки и искать собственные пути к счастью.

— Тем временем, наблюдая за ними, я узнала о том, что сформировало нас, много прежде неизвестного.

— Я мог бы поверить в это. Я мог бы поверить, что твое вмешательство и то, что в конце концов ты уничтожала

одну историю за другой, служили не только научному интересу, но и милосердию. Ты утверждаешь, что могла бы продолжить их, если бы определила, какие условия лучше прежних. Но странно, что одну из линий — или не одну? — ты поместила не в прекрасное прошлое Земли, а в нынешний жестокий мир. И странно вдвойне, что имешю эту эмуляцию ты не хотела мне показывать. Однако признаю: у тебя, с твоим огромным опытом и превосходящим мой разумом, были к тому причины. Твоя попытка удержать все в секрете могла иметь целью избежать долгих оправданий перед сородичами. Я не знал, так ли это, и не осмеливался судить.

— Да.

— Но тут появился Калава.

Вновь наступает молчание. Наконец Гея говорит, ее голос в ночи очень тих:

— Да. Люди вновь обитают в материальной вселенной.

— Давно? — не громче спрашивает Странник.

— Первых из них я создала около пятидесяти тысяч лет назад. С младенчества их воспитывали роботы с человеческой наружностью. Став взрослыми, они получили свободу.

— И несомненно, достигнув каменного века и распространившись по всей планете, они и истребили крупных травоядных, свою охотничью добычу. Да, люди. Но для чего ты их сотворила?

— Для того, чтобы человечество вернулось к жизни. — То ли вздох, то ли вихрь в потоке времени. — Вот чего никогда до конца не поймешь ни ты, ни те, кому ты служишь. В них вошло слишком мало людей, да и те все стремились к звездам. Ты — и любой другой узел галактического мозга, — ты не любил Землю, не тосковал по своей изначальной матери, как многие и многие из тех, кто живет во мне. Я — люблю.

«Насколько она искренна? — думает Странник. — И насколько в своем уме?»

— Разве тебе не хватало эмуляций? — спрашивает он вслух.

— Нет. Как могло хватать? Я не способна сделать из них целый космос. Вселенная доступна лишь тем, кто из плоти и крови. Да и живут они не так, как машины или проблески душ, затворенных в механизмы, а так, как люди.

— На полумертвой планете?

— Они найдут, они должны найти способ выжить. Я их не принуждаю, не властвую над их рассудком ни своей близостью, ни знанием. Иначе их дух онемел бы и люди превратились бы в ручных животных, или даже хуже. Я лишь даю им намеки — и не часто — в виде божественных существ, в которых они все равно стали бы верить на теперешнем этапе цивилизации, и направляю их к созданию стабильного, высокотехнологичного общества, способного спасти их от расширения Солнца.

— И ты используешь то, что узнаешь из наблюдений за своими призраками, чтобы выбрать наиболее благоприятный ход истории?

— Да. Иначе откуда бы мне знать? Человечество хаотично. Его действия и их последствия невозможно вычислить на основании исходных данных. Природу человека мы можем изучать лишь путем экспериментов.

— Экспериментов над живыми существами, чувствующими боль? О, я понимаю, почему ты скрываешь почти все, что делаешь.

— Я не стыжусь, — говорит Гея. — Я горда. Я вернула жизнь расе, давшей жизнь нам. И я уверена, раса эта позаботится о своем сохранении. Может быть, они научатся достигать внешних рубежей Солнечной системы, а иные из них доберутся и до звезд. Может, они оградят Землю щитом или притушат Солнце. Решать им, и им же выполнять решение. Им, а не нам, слышишь? Им.

— Вероятно, другие с тобой не согласятся. Встревожившись или испугавшись, они могут положить этому конец.

— Почему? — спрашивает Гея. — Какая здесь для них угроза?

— Полагаю, никакой. Но у вопроса есть моральный аспект. Ведь ты стремишься к возрождению человечества в чистом виде, не так ли? Предшествующая раса отправилась к звездам в виде машин не потому, что была к этому принуждена, а по собственному выбору, ибо так ее дух мог жить и развиваться вечно. Ты не желаешь, чтобы это вновь произошло. Ты хочешь навсегда сохранить войну, тиранию, предрассудки, бедность, инстинкты, что побуждают людей сходиться друг с другом в смертной схватке. Сохранить древнюю обезьяну, нет — древнего хищника!

— Я хочу сохранить влюбленного, отца, ребенка, искателя приключений, художника, поэта, пророка. Живую часть Вселенной. Разве доступны нам, машинам, погрязшим в самоуверенности, любая мечта и решение любой загадки?

Странник медлит с ответом.

— Об этом судить не мне, а тем, кто тебе равен.

— Но теперь ты, может статься, видишь, для чего я хранила свои секреты и для чего спорила и — да! — даже сражалась по-своему против планов галактического мозга. Однажды мои люди должны открыть его существование. Я надеюсь, к тому времени они будут готовы с ним договориться. Но если за несколько ближайших тысяч лет случатся с ними великие события, если увидят они чудеса и знамения, если увидят, как меняются небеса и мир, — что за свобода останется моим детям, что смогут они, кроме как страшиться их и поклоняться им? А после — что за судьба их ждет? Они будут словно животные в заповеднике, им запретят любые опасные предприятия, и наконец — наконец и они тоже будут заперты в машинах!

Странник отвечает громче, чем до того:

— Лучше ли, чтобы они сами выбирали свой путь? Я не могу сказать, я не знаю. Но не знаешь и ты, Гея. И... судьба Кристиана и Лоринды заставляет меня думать об этом.

— Тебе известно, — говорит она, — что эти двое *мечтали* стать людьми.

— И могли вновь ими стать.

Вообрази, будто Гея качает увенчанной короной головой:

— Нет. Едва ли какой-нибудь другой узел создаст мир, чтобы вместить их смертность. Едва ли кто позаботится об этом, и едва ли кто сочтет это правильным.

— Но почему это не можешь быть ты, ведь в тебе есть столь много миров?

Гея не мстительна. Столь великий разум выше мести. Но она отвечает:

— Я не могу их принять. Познав так много, как они вернутся ко мне?

А создавать новые копии, свободные от воспоминаний, что способны отяготить их дни отчаянием, было бы бессмысленно.

— Но все же... В глубине сознания я чувствовал то, что чувствовал Кристиан.

— И я чувствовала то же, что Лоринда. Однако теперь они обрели покой в нас.

— Потому что их больше нет. Но мне нет и покоя. — В нем живет мятежный дух, ибо — увы! — плата за полное сознание состоит в том, что ты не можешь ничего забыть. — Передо мной встают вопросы, на которые, как я надеюсь, ответит Альфа. Если на них вообще можно ответить.

Проходит время — его проще измерить по квантовым смещениям, чем по движению звезд, — и Странник произносит:

— Давай вернем их.

— Теперь жесток ты, — говорит Гея.

— По-моему, мы должны это сделать.

— Если так, сделаем.

Разумы соединяются. Происходит обмен и упорядочение данных. Устанавливается конфигурация.

Она не эмулирует ни живого мира, ни живых тел. Разумы пришли к выводу, что так будет слишком соблазнительно и больно. Объектам их интереса необходимо сохранить способность к четкому мышлению, но, поскольку вопрос затрагивает их сокровенную сущность, они получат возможность испытывать столь же полные чувства, как и при жизни.

Представь себе бездонную тьму, а в ней из светлых искр сплетаются два призрака, и вот уже они стоят друг перед другом, и вот, неровно ступая, стремятся друг другу в объятия.

— Любимый мой, любимый, это ты? — кричит Лоринда.

— Ты помнишь? — шепчет Кристиан.

— Я ни на миг не забывала, даже когда была в самом сердце единства.

— Я тоже.

Они молчат, и темнота лишь дрожит от биения сердец, что были когда-то у них в груди.

— Вновь, — говорит Лоринда. — Вновь и навеки.

— Возможно ли это? — спрашивает Кристиан.

Сквозь бездну смерти до них доносятся два голоса. Первый:

— Гея, если ты отдашь мне Лоринду, я заберу ее вместе с Кристианом домой — домой, к Альфе.

Второй:

— Дитя, желаешь ли ты этого? Ты можешь принадлежать Земле и новому человечеству.

Она получит свою долю во всех этих мирах, и внешних, и внутренних, — лишь память того огромного существа, к которому вернется; но если уйдет, лишится всего.

— Однажды я выбрала тебя, матушка, — отвечает Лоринда.

Кристиан чувствует, какая борьба идет в ее душе, и говорит ей:

— Поступай всегда так, как желаешь, любимая.

Она оборачивается к нему:

— Я буду с тобой. Я всегда буду с тобой.

И тоже — лишь воспоминанием, как и он; но они станут жить вместе, единым целым, и не будут забыты.

— Прощай, дитя мое, — говорит Гея.

— Здравствуй, — говорит Странник.

Тьма рушится. Призраки растворяются в нем. Он стоит на вершине горы, готовый унести их прочь, к той, чьей частью он сам является.

— Когда ты отправляешься? — спрашивает Гея.

— Скоро.

Скоро он воссоединится с Альфой.

А она останется ждать, пока звезды вынесут свой приговор.

НЭНСИ КРЕСС

Испанские нищие

Нэнси Кресс (р. в 1948 г.) — один из выдающихся фантастов последних двух десятилетий, прославившаяся своими рассказами на сложные медицинские темы, а также интересом к вопросам биологии и эволюции, который нашел отражение в произведениях, ставших классикой: «Испанские нищие» («Beggars in Spain», 1993), «Нищие и страждущие» («Beggars and Choosers», 1994), «Движение нищих» («Beggars Ride», 1996). В 1998 году Кресс вышла замуж за фантаста Чарлза Шеффилда. Среди сравнительно недавних работ писательницы два фантастических триллера — «Клятвы и чудеса» («Oaths and Miracles», 1995), «Жало» («Stinger», 1998), научно-фантастический роман «Максимальная яркость» («Maximum Light», 1998) и трилогия о войне между людьми и инопланетянами — «Возможная Луна» («Probability Moon», 2000), «Возможное Солнце» («Probability Sun», 2001) и «Возможный Космос» («Probability Space», 2002). Отличительной чертой рассказов Кресс является психологическая тонкость в описании переживаний персонажей. Малая проза автора представлена в сборниках: «Троица и другие рассказы» («Trinity and Other Stories», 1985), «Чужие на Земле» («The aliens of Earth», 1993), «Дюжина мензурок» («Beaker's Dozen», 1998).

Нэнси Кресс регулярно проводит семинары по писательскому мастерству и ведет колонку в «Writer's Digest». Как и многие другие представители твердой фантастики, Кресс — литературная наследница Герберта Уэллса, что особенно очевидно в повести «Испанские нищие» и в романах, для которых она послужила первоосновой. Повесть затрагивает социальные, классовые, экономические и эволюционные вопросы, но в то же время и проблемы обычных людей, чем перекликается с «Рассказом о грядущих днях» («A Story of the Days to Come») и романом «Когда спящий проснется» («When the Sleeper Wakes») Уэллса. В целом это произведение, несмотря на американские декорации, носит европейский характер. Основная тема повести — дети, рожденные генной инженерией, не нуждающиеся в сне и преследуемые за свое отличие от обычных людей. Сама Кресс в одном из интервью заявила, что в «Испанских нищих» она пыталась противопоставить анархизм Урсулы Ле Гуин, представленный в романе «Обделенные» («The Dispossessed»), объекти-

визму Айн Рэнд и доказать, что ни то ни другое не является удачным решением. Таким образом писательница ставит под сомнение два основных предмета политических дискуссий начала 1990-х годов.

Энергично идите вперед, будьте неусыпно бдительны и принесите нам победу.

Авраам Линкольн.
Из письма генерал-майору Джозефу Хукеру, 1863 г.

1

На антикварных стульях работы Имса скованно сидели двое, им явно хотелось оказаться подальше отсюда. По крайней мере одному из них. Все это доктор Онг видел уже не раз. Через пару минут он окончательно убедился: в душе женщины вскипает яростное сопротивление. Но ей не победить. Позже, конечно, мужчина за это поплатится, причем платить придется долго и в основном по мелочам.

— Полагаю, доктор, вы уже проверили нашу кредитоспособность, — приветливо произнес Роджер Кэмден. — Давайте обсудим детали, хорошо?

— Конечно, — ответил Онг. — Прежде всего я хотел бы услышать, какие генетические модификации вы выбрали для ребенка.

Женщина внезапно заерзала на стуле. Ей около тридцати — типичная вторая жена. Но вид увядший, словно темп жизни с Роджером Кэмденом оказался ей не по силам. И Онг охотно верил в это. Каштановые волосы, карие глаза, смуглая кожа — почти красавица, если бы не мертвенная бледность. Коричневое пальто, недешевое, но и немодное, туфли, напоминающие ортопедическую обувь. Онг заглянул в свои записи: ее зовут Элизабет. Похоже, люди часто забывают ее имя.

По сравнению с женой Рождер Кэмден, казалось, прямо-таки излучал энергию. Мужчина за пятьдесят, в деловом костюме итальянского шелка. Чтобы вспомнить его имя, Онгу записи не потребовались. Карикатура на эту физиономию красовалась на первой полосе вчерашнего выпуска

«Уолл-стрит джорнэл» — недавно Кэмден сорвал крупный куш на инвестициях в транснациональную информационную систему.

— Девочка, — произнесла Элизабет Кэмден.

Онг не ожидал, что она заговорит первой. Ее произношение свидетельствовало о принадлежности к высшему британскому обществу.

— Блондинка. Глаза зеленые. Высокая. Стройная.

Онг улыбнулся:

— Думаю, вы знаете, получить желаемую внешность легче всего. Однако фигура зависит от генетической предрасположенности. От того, как вы будете кормить ребенка, естественно...

— Да, да, — перебил Роджер Кэмден, — конечно. А теперь — интеллект. Высокий интеллект. И бесстрашие.

— Простите, мистер Кэмден, личностные факторы еще недостаточно хорошо изучены, чтобы обеспечить генети...

— Хотя бы попытайтесь. — Кэмден изобразил добродушную улыбку.

— Способности к музыке, — подсказала миссис Кэмден.

— Опять-таки, миссис Кэмден, можно гарантировать только предрасположенность.

— Этого достаточно, — заметил Кэмден. — Разумеется, прекрасное здоровье.

— Конечно, — заверил доктор Онг.

Супруги молчали. Пока их список был довольно скромным, учитывая возможности Кэмдена; в основном клиентов приходилось отговаривать то от заказа взаимоисключающих способностей, то от слишком серьезных изменений генотипа — некоторые почему-то воображали, что за деньги им тут сотворят чудо. Онг ждал. Атмосфера накалялась. Становилось жарко.

— И еще, — произнес Кэмден, — отсутствие потребности в сне.

Элизабет резко отвернулась и уставилась в окно.

Онг взял со стола магнитный зажим для бумаг.

— Позвольте спросить, как вы узнали об этой программе? поинтересовался он как можно любезнее.

Кэмден широко улыбнулся:

— Так вы не отрицаете ее существования? Снимаю шляпу, доктор.

Онг сдержался:

— И все же откуда вы знаете?

Кэмден сунул руку во внутренний карман пиджака. Шелк сморщился и натянулся; тело и костюм принадлежали к разным слоям общества. Онг вспомнил, что Кэмден — иагаист, личный друг самого Кенцо Иагаи. Кэмден протянул Онгу копию спецификации программы.

— Не ищите утечку в вашей информационной системе, доктор. Ни вы и никто другой ее не обнаружит. Далее. — Он внезапно наклонился вперед, чуть понизил голос: — Мне известно, что вы создали двадцать детей, совсем не нуждающихся в сне, что до сего момента девятнадцать из них здоровы, умны и психически нормальны. Более того, они развиваются, опережая свой возраст. Самому старшему уже четыре года, и он умеет читать на двух языках. Я знаю также, что для открытой продажи вы собираетесь предложить эту программу только через несколько лет. Но я хочу приобрести ее для моей дочери сейчас. За любую назначенную вами цену.

Онг встал:

— Я не уполномочен обсуждать с вами это, мистер Кэмден. И вопрос о похищении наших данных...

— Которое не является таковым — в вашей компьютерной системе произошел спонтанный выброс информации в общедоступную сеть. Вам понадобится чертовски много времени, чтобы доказать обратное...

— ...и предложение о покупке именно этой генетической программы выходят за рамки моей компетенции. Это следует обсудить на совете директоров института.

— Конечно, конечно. Я смогу поговорить с ними?

— Вы?

Кэмден смотрел на него снизу вверх. На свете найдется не много людей, способных смотреть так уверенно, находясь на восемнадцать дюймов ниже уровня глаз собеседника.

— Разумеется, мне хотелось бы сделать предложение тем, кто обладает реальной властью. Это всего лишь выгодная сделка.

— Не совсем так, мистер Кэмден.

— Но и не чисто научные исследования, — возразил тот. — Вы — корпорация, получающая прибыль. И имеете определенные налоговые льготы, предоставляемые только

компаниям, строго соблюдающим законы, которые, как известно, призваны защищать права меньшинств. Законы эти еще не применяли в отношении потребителей, за исключением случая с И-энергетическими установками. Но применить их можно, доктор Онг. Меньшинства имеют право пользоваться той же продукцией, что и большинство. Вряд ли ваш институт захочет доводить дело до судебного разбирательства. Ни одна из двадцати прошедших у вас бстатест семей не принадлежит к негритянскому или еврейскому меньшинству.

— Суд... Но вы же не негр и не еврей!

— Я отношусь к другой диаспоре — польско-американской. Моя настоящая фамилия — Камински.— Кэмден наконец встал и тепло улыбнулся.— Послушайте, мы оба знаем, какую шумиху поднимут вокруг этой истории газеты. И естественно, мне бы не хотелось обнародовать вашу программу в недоработанном виде, только чтобы настоять на своем. Все, что мне нужно, — это купить ваше чудесное открытие для моей дочери.— На его лице появилось мечтательное выражение.— Доктор, знаете, чего бы я добился, если бы мне не приходилось спать?!

Элизабет Кэмден резко сказала:

— Ты и так почти не спишь.

Кэмден покосился на нее, как будто только что вспомнил о ее присутствии:

— Ну нет, дорогая, не сейчас. Но когда я был молод... колледж, я мог бы учиться в колледже и одновременно... Ладно. Это сейчас уже не важно. Главное, доктор, чтобы мы с вашим советом директоров пришли к соглашению.

— Мистер Кэмден, пожалуйста, немедленно покиньте мой кабинет.

— Пока вы не потеряли терпение из-за моей самонадеянности? Не вы первый. Надеюсь, вы назначите мне встречу на следующей неделе. Только сообщите моему личному секретарю, Диане Клаверс.

Онг не стал провожать их. Кровь пульсировала у него в висках. В дверях Элизабет Кэмден обернулась:

— Что случилось с двадцатым?

— Простите?

— С двадцатым младенцем. Мой муж сказал, что девятнадцать из них здоровые и нормальные дети.

Пульсация в висках усилилась. Онг понимал, что, невзирая ни на что, ответит, а позднее горько пожалеет о своей несдержанности.

— Двадцатый ребенок погиб. Родители развелись еще во время беременности, и мать не вынесла круглосуточного плача постоянно бодрствующего младенца.

Элизабет Кэмден широко раскрыла глаза:

— Она его убила?

— Случайно, — коротко произнес Кэмден. — Слишком сильно встряхнула малютку. — Он хмуро посмотрел на Онга. — Няни, доктор. Посменно. Вам следовало выбирать достаточно обеспеченных родителей.

— Это ужасно! — выпалила миссис Кэмден.

Когда они ушли, Онг принял десять миллиграммов циклобензаприна-3. Старая рана опять напоминала о себе. Он долго стоял у окна, ощущая, как кровь отливает от висков и постепенно приходит спокойствие. Внизу мирно плескалось озеро Мичиган. Прошлой ночью полиция во время очередного рейда прогнала всех бродяг, и они еще не успели вернуться. Только жалкие пожитки пестрели в кустах прибрежного парка: потрепанные одеяла, газеты, пластиковые пакеты, трогательно напоминавшие попранные знамена. Незаконно спать в парке, незаконно входить в него без разрешения местных жителей, незаконно быть нищим и не иметь собственного дома. Одетые в униформу смотрители парка начали методично собирать мусор и заталкивать его в чистые самоходные контейнеры.

Онг снял трубку и набрал номер председателя совета директоров Биотехнического института.

Четверо мужчин и три женщины сидели вокруг полированного стола красного дерева в зале заседаний. «Доктор, адвокат, индейский вождь», — вспомнила известную песню Сьюзан Меллинг, но очереди взглянув на Онга, Джуди Салливан и Кэмдена. Она улыбнулась. Доктор заметил ее улыбку и застыл. Индюк. Джуди Салливан, институтский адвокат, повернулась и тихо сказала что-то худому и первому адвокату Кэмдена. Его хозяин, Роджер Кэмден, «индейский вождь», казался самым беспечным в этом зале. Как это ему удалось стать таким богатым, начав с нуля? Благодаря своей энергичности, что ли? Кэмден просто сиял,

лучился; он так отличался от других будущих родителей, что Сьюзан не на шутку им заинтересовалась. Как правило, будущие папы и мамы — особенно папы — сидели здесь, как на церемонии слияния корпораций. Кэмден же выглядел, будто пришел на день рождения.

Так оно, конечно, и было. Сьюзан улыбнулась ему, и ей стало приятно, когда он улыбнулся в ответ. Интересно, каков он в постели?

Онг величественно нахмурился и встал:

— Леди и джентльмены, приступим. Вероятно, сначала надо всех представить. Мистер и миссис Роджер Кэмден — это, разумеется, наши клиенты. Мистер Джон Яворски, адвокат мистера Кэмдена. Мистер Кэмден, это Джуди Салливан, руководитель юридического отдела института; Сэмюэль Крснпоу, представитель директора института доктора Брэда Марстейнера, и доктор Сьюзан Меллинг, разработавшая генетическую программу воздействия на сон. Несколько правовых замечаний, представляющих интерес для обеих сторон...

— Забудем на минуту о контракте, — перебил Кэмден. — Поговорим о сне. Я хотел бы задать несколько вопросов.

— Что вас интересует? — спросила Сьюзан.

Глаза Кэмдена ярко синели на грубоватом лице. Он оказался совсем не таким, как она ожидала. Миссис Кэмден выглядела то ли мрачной, то ли испуганной.

Онг кисло произнес:

— Доктор Меллинг, вам слово.

Сьюзан предпочла бы отвечать на вопросы. Ей было любопытно, как поведет себя Кэмден. Но она не стала дольше испытывать терпение Онга и послушно встала:

— Позвольте начать с краткой характеристики. Исследователи давно выявили три фазы сна. Первая — «медленный», который дает дельта-волны на электроэнцефалограмме. Вторая — сон «быстрых движений глаз», или БДГ, гораздо более глубокий, во время которого в основном возникают сновидения. Эти две фазы образуют период «основного сна». Третья фаза — «необязательный сон». Некоторые люди успешно обходятся без него и спят три-четыре часа за ночь.

— Это про меня, — сказал Кэмден. — Я добился этого тренировкой. А могут ли так все остальные?

Похоже, все-таки намечается диалог.

— Нет. У каждого свой механизм сна. Соединительные ядра в стволе головного мозга...

— Не стоит сильно углубляться, Сьюзан, — перебил Онг. — Придерживайтесь общеизвестных фактов.

— Соединительные ядра регулируют равновесие между нейронами-передатчиками и пептидами, которое порождает потребность в сне, не так ли?

Сьюзан не смогла сдержать широкую улыбку. Кэмден, этот безжалостный финансист, ждет похвалы, словно школьник. Онг совсем скис. Миссис Кэмден смотрела в окно.

— Правильно, мистер Кэмден. Вы усвоили урок.

— Это же моя дочь, — ответил Кэмден.

У Сьюзан перехватило дыхание. Давненько она не слышала подобного благоговения.

— Значит, — продолжала Сьюзан, — вам уже известно, что люди спят потому, что мозг нуждается в отдыхе. Исследования последнего двадцатилетия показали, что это единственная причина. Ни «медленная» фаза сна, ни БДГ-фаза не выполняют каких-либо функций, которые нельзя было бы осуществить, пока организм бодрствует. Многие процессы могут происходить во время бодрствования, если произвести нужные гормональные изменения. Сон играл важную роль в эволюции. После того как голодные предки млекопитающих набивали брюхо и разбрызгивали сперму, сон удерживал их в неподвижности подальше от хищников, помогая выжить. Но сейчас это рудимент, подобно аппендиксу. Поэтому можно выключить его на генетическом уровне.

Онг терпеть не мог, когда Сьюзан чересчур упрощала. Какое легкомыслие. Если бы заседание вел Марстейнер, никакого «брюха» или «спермы» не было бы.

— А что скажете о сновидениях?

— Они не нужны. Остаточная бомбардировка коры головного мозга, чтобы держать его в состоянии полуготовности на случай нападения хищника во время сна. Бодрствование для этой цели подходит больше.

— Почему же тогда оно не вытеснило сон еще на заре эволюции? — Кэмден пытался подловить ее.

Восхищенная такой наглостью, Сьюзан щедро одарила его ослепительной улыбкой:

— Я уже говорила: защита от хищников. Но когда налетает современный хищник, скажем инвестор в транснациональную информационную систему, безопаснее не спать.

— А как же значительная продолжительность БДГ-фазы у зародыша и младенца? — выпалил Кэмден.

— Опять-таки рудимент. Мозг прекрасно развивается и без нее.

— А восстановление нейронов во время «медленной» фазы?

— Верно. Но оно может происходить и во время бодрствования, если молекула ДНК запрограммирована на это.

— А производство ферментов роста?

Сьюзан опять поглядела на него с восхищением:

— Продолжается. Генетическое регулирование привяжет его к другим изменениям в шишковидной железе.

— А...

— Побочные эффекты? — встряла миссис Кэмден.

Сьюзан повернулась к Элизабет Кэмден. Она и забыла о ее присутствии.

— Хороший вопрос. — Сьюзан сделала паузу; она наслаждалась. — По сравнению со своими сверстниками неспящие дети, уровень интеллектуального развития которых не корректировался, более умны, жизнерадостны и лучше решают задачи.

Кэмден вынул сигарету. Эта архаичная привычка неприятно поразила Сьюзан. Затем она поняла, что Роджер Кэмден скрывает свои чувства этим демонстративным жестом.

— Позвольте мне объяснить, — сказала Сьюзан. — Сновидения возникают потому, что осаждаемая со всех сторон нейронами кора головного мозга старается разобраться в активизированных образах и воспоминаниях, затрачивая на это уйму энергии. Если исключить эти издержки, мозг не будет изнашиваться и сможет лучше справляться с поступающей извне информацией. Врачам уже более полувека известно, что антидепрессанты полностью подавляют БДГ-фазу. Последние исследования доказали также справедливость обратного: отсутствие БДГ-фазы избавляет от опасности появления депрессии. Поэтому неспящие дети — жизнерадостные, открытые... веселые.

— А какой ценой? — Миссис Кэмден изо всех сил сохраняла невозмутимость, но губы ее дрожали.

— Никакой. Никаких побочных эффектов.

— Пока! — резко возразила миссис Кэмден.

Сьюзан пожала плечами:

— Пока.

— Им же всего четыре года!

Онг и Креншоу пристально смотрели на нее. Жена Кэмдена заметила это — она откинулась назад и поплотнее запахнула шубку, ее лицо стало бесстрастным.

Кэмден выпустил облачко дыма.

— За все надо платить, доктор Меллинг.

Сьюзан понравилось, как он произнес ее имя.

— Как правило — да. Особенно при генетических вмешательствах. Но мы не обнаружили ничего отрицательного. — Она улыбнулась Кэмдену. — Неужели так трудно поверить, что единственный раз природа дала нам нечто по-настоящему прекрасное, полезное? Без подвохов?

— Не природа. Разум людей, подобных вам, — ответил Кэмден.

Эти слова поразили Сьюзан больше, чем все сказанное ранее. Финансист не сводил с нее глаз. В груди Сьюзан что-то сжалось.

— Полагаю, — заметил доктор Онг, — мы немного вышли за рамки нашего совещания. Мистер Кэмден, если у вас больше нет вопросов, может быть, мы вернемся к правовым аспектам, затронутым мисс Салливан и мистером Яворски? Благодарю вас, доктор Меллинг.

Сьюзан кивнула. Даже не глядя на Кэмдена, она ощущала его присутствие.

Дом выглядел примерно так, как она представляла, — громадное сооружение, подражание эпохе Тюдоров, на берегу озера Мичиган, к северу от Чикаго. Между воротами и домом густо росли деревья, а к озеру тянулось открытое пространство. Спящую траву покрывали пятна снега. Сьюзан работала с Кэмденами уже четыре месяца и сегодня впервые навестила их.

Направляясь к дому, Сьюзан увидела грузовик, который по изогнутой подъездной дорожке подрулил к служебному входу в торце здания. Один из рабочих позвонил

в дверь; второй начал выгружать из кузова детский манеж в пластиковой упаковке. Розовые и желтые кролики на белом фоне. Сьюзан на мгновение зажмурилась.

Кэмден сам открыл ей. Похоже, он изо всех сил пытался скрыть беспокойство:

— Зачем вы приехали, Сьюзан?

— Решила предупредить ваш визит, Роджер. Миссис Кэмден дома?

— В гостиной.

Кэмден провел ее в большую комнату с камином. Английская мебель, репродукции картин, изображающих собак или корабли... все висит дюймов на восемнадцать выше, чем следовало бы. Наверное, интерьером занималась Элизабет. Она не встала со своего кресла, когда вошла Сьюзан.

— Я отниму у вас всего несколько минут, — сказала Сьюзан. — Мы получили результаты амниоцентеза, ультразвукового исследования и теста Лэнгстона. Имплантированный зародыш развивается нормально. Однако возникло осложнение.

— Какое? — Кэмден достал сигарету, взглянул на жену и положил сигарету обратно.

— Миссис Кэмден, по чистой случайности в прошлом месяце в обоих ваших яичниках произошла овуляция. Мы взяли одну для генной хирургии. Но вторая яйцеклетка тоже была оплодотворена. Вы носите в себе два зародыша.

Элизабет Кэмден застыла:

— Близнецы?

— Нет, — ответила Сьюзан и тут же поправилась: — То есть да. Они близнецы, но генетическим изменениям подвергся один. Другой будет так называемый нормальный ребенок. А я знаю, что вы не хотели такого.

— Да. Я не хотел, — сказал Кэмден.

— А я хотела, — проговорила Элизабет.

Кэмден бросил на нее яростный взгляд и на сей раз закурил. Глядя на его напряженное лицо, Сьюзан решила, что Кэмден затягивается чисто машинально.

— Влияет ли на зародыш присутствие другого плода?

— Нет, — уверила Сьюзан. — Конечно не влияет. Они просто... сосуществуют.

— Вы можете сделать аборт?

— Придется изъять оба зародыша. Удаление немодифицированного эмбриона вызовет изменения в плаценте и, возможно, выкидыш второго. — Она глубоко вдохнула. — Разумеется, есть и другой путь — начать все сначала. Но, как я уже говорила, вам очень повезло, что искусственное оплодотворение произошло всего лишь со второй попытки. Некоторым парам требуется восемь или десять попыток. Если придется все повторить, процесс может весьма затянуться.

— Повредит ли присутствие второго зародыша моей дочери? — спросил Кэмден. — Вдруг ей будет не хватать питания? Или что-то случится на поздней стадии беременности?

— Нет. Я вижу только одну реальную угрозу — преждевременные роды.

— Насколько раньше? Это опасно для ребенка?

— Почти наверняка нет.

Кэмден продолжал курить. В дверях появился слуга:

— Сэр, звонят из Лондона. Джеймс Кендалл от мистера Иагаи.

— Я отвечу. — Кэмден встал, не сводя глаз с жены. — Все будет в порядке, Элизабет. Не волнуйся.

Целую минуту женщины сидели молча. Сьюзан чувствовала разочарование — не такого Кэмдена она ожидала увидеть. Она вдруг ощутила, что Элизабет Кэмден усмехается.

— О да, доктор. Он такой. Властный. Но ребенок слишком много для него значит. — Она тихо, взволнованно рассмеялась. — Двое. Вы... вы знаете, какого пола другой?

— Оба эмбриона женского пола.

— Я хотела девочку. И теперь она у меня будет.

— Так вы не станете прерывать беременность?

— О нет. Спасибо за то, что приехали, доктор.

Сьюзан явно давали понять, что визит окончен. Никто не провожал ее. Но когда она уже садилась в машину, Кэмден выбежал из дома:

— Сьюзан! Я хотел поблагодарить вас. Вы проделали такой путь, чтобы сообщить новость лично.

— Вы уже поблагодарили.

— Да. Хорошо. Вы уверены, что второй зародыш не повредит моей дочери?

— Зародыши абсолютно безопасны друг для друга, — сказала Сьюзан.

Он улыбнулся. И промолвил тихо и грустно:

— И вы считаете, что оба должны быть одинаково важны для меня. Чушь! Почему я должен притворяться? Особенно перед вами.

Сьюзан открыла дверцу машины. Нет, к этому она не готова... Кэмден нагнулся, чтобы закрыть дверцу, в его поведении не было и намека на флирт.

— Мне следует заказать второй манеж.

— Да.

— И второе детское сиденье для машины.

— Да.

— Но не вторую ночную няню.

— Это вам решать.

— И вам. — Внезапно он резко наклонился и поцеловал ее.

Вежливый и преисполненный уважения поцелуй потряс Сьюзан. Похоть и властность не удивили бы ее так сильно, как это. Но прежде чем она успела отреагировать, Кэмден захлопнул дверцу машины и пошел к дому. Сьюзан дрожащими руками держалась за руль, пока шок не сменился весельем, — это был нарочито отстраненный поцелуй, специально придуманная загадка. И похоже, продолжение не заставит себя ждать.

Интересно, как Кэмден назовет своих дочерей?

Доктор Онг шел по тускло освещенному больничному коридору. Сестра, дежурившая у входа в родильное отделение, шагнула вперед, намереваясь остановить его, — была полночь, часы посещений давно истекли, — но, узнав, вернулась на свой пост. За углом находилось стекло в палату для новорожденных. К немалому раздражению Онга, Сьюзан Меллинг стояла здесь, прижавшись к стеклу, и плакала.

Онг никогда не любил женщин. Даже самые выдающиеся из них не способны, очевидно, сдерживать эмоции и не выставлять себя в чертовски идиотском виде.

— Посмотрите. — Сьюзан с легким смешком вытерла глаза. — Доктор, вы только взгляните.

Роджер Кэмден, в халате и маске, держал младенца в белой распашонке и розовом одеяльце. Синие глаза Кэм-

дена — неестественно синие, у мужчины не должно быть таких ярких глаз — сияли. Головку новорожденной покрывал светлый пушок; у нее были широко расставленные глаза и розовая кожа. Всем своим видом Кэмден словно показывал, что ни один ребенок на свете не обладает такими достоинствами.

— Роды без осложнений? — спросил Онг.

— Да, — всхлипнула Сьюзан Меллинг. — Идеальные. Элизабет чувствует себя хорошо. Она спит. Разве он не прекрасен? Самый предприимчивый из всех, кого я знала в жизни. — Она вытерла нос рукавом. Онг понял, что Сьюзан пьяна. — Я когда-нибудь говорила вам, что была обручена? Пятнадцать лет назад, еще в колледже. Я разорвала помолвку, потому что он стал казаться мне таким скучным. О боже, зачем я все это рассказываю? Извините.

Роджер Кэмден положил младенца в маленькую колыбельку на колесиках. Табличка над ней гласила: «НОВОРОЖДЕННАЯ КЭМДЕН, ДЕВОЧКА, 1. 5,9 фунта». Дежурная медсестра снисходительно наблюдала за ним.

Онг отправился писать отчет. В подобных обстоятельствах докладу Меллинг нельзя доверять. Уникальный шанс зафиксировать все детали генных изменений при наличии контрольного ребенка, а Меллинг больше интересуют собственные сентиментальные бредни. Стало быть, придется отдуваться самому. Онгу не терпелось выяснить подробности. И не только о румяной малютке на руках у Кэмдена. Он желал знать все о рождении ребенка, лежащего в другой колыбельке, где было написано: «НОВОРОЖДЕННАЯ КЭМДЕН, ДЕВОЧКА, 2. 5,1 фунта».

2

Самое раннее воспоминание Лейши — по комнате текут полосы, а протянешь руку, чтобы потрогать, кулачок оказывается пустым. Позже она поняла, что эти плывущие полоски — свет, косые солнечные лучи, пробивающиеся между шторами в ее комнате, между деревянными ставнями в столовой, сквозь решетки в оранжерее. В тот день, когда Лейша сделала это чудесное открытие, она громко рассмеялась, и папа, сажавший цветы в горшочки, обернулся и улыбнулся ей.

Весь дом был наполнен светом. Он отражался от поверхности озера, струился по высоким белым потолкам, собирался в лужицы на блестящих деревянных полах. Они с Алисой постоянно двигались сквозь эти потоки, и иногда Лейша останавливалась, запрокидывала голову и позволяла им заливать лицо. Она ощущала свет, словно воду.

Лучше всего, конечно, было в оранжерее. Именно там любил проводить время папа. Он поливал деревья, напевая под нос, а Лейша и Алиса перебегали с теневой стороны, где росли крупные пурпурные цветы, на солнечную — носились без устали взад-вперед.

— Растения, — говорил папа, — всегда выполняют свои обещания. Алиса, осторожно! Ты чуть не опрокинула эту орхидею!

И Алиса послушно прекращала беготню. Лейше папа никогда не говорил ничего подобного.

Какое-то время спустя свет исчезал. Сестрички принимали ванну, а после Алиса становилась тихой или, наоборот, капризной. И няня укладывала Алису в постель, а Лейша сидела с папой, пока тот не уходил поработать в кабинете с бумагами, которые делают деньги. Лейша на мгновение огорчалась, но почти сразу же приходила Мамзель и начинала заниматься с ней. Узнавать новое было так интересно! Лейша уже выучила двадцать песенок, умела писать все буквы алфавита и считать до пятидесяти. А когда уроки заканчивались, свет возвращался — и наступало утро.

Завтрак был единственным временем суток, которое Лейша не любила. Папа успевал уехать на работу, и девочки трапезничали с мамой в большой столовой. Мама сидела в красном халате, который Лейше нравился, и от нее еще не исходил страшный запах, и она еще не произносила странные слова, но все равно было скучно. Мама всегда начинала с вопроса:

— Алиса, милая, как ты спала?

— Хорошо, мама.

— Тебе снились какие-нибудь интересные сны?

Долгое время Алиса отвечала: нет. А однажды сказала: «Я каталась во сне на лошади». Мама захлопала в ладоши и поцеловала Алису, и с тех пор у сестры всегда был наготове сон для мамы. Тогда Лейша решилась:

— Я тоже видела сон. Свет проник в комнату и закутал меня, как в одеяло, а потом поцеловал меня в глаза.

Мама поставила чашку так резко, что кофе выплеснулся на стол.

— Не лги мне, Лейша! Тебе ничего не снилось.

— Нет, снилось, — настаивала Лейша.

— Только у тех детей, которые спят, бывают сны. Ты не видела никакого сна.

— Нет, видела! Видела! — закричала Лейша. Она хорошо представляла себе это золотое солнечное покрывало.

— Я не потерплю, чтобы ребенок лгал! Ты слышишь, Лейша?!

— Ты сама лжешь! — закричала Лейша, понимая, что это неправда, ненавидя себя и еще больше презирая маму за эту ложь.

Алиса сидела неподвижно, широко раскрыв глаза.

— Няня! Няня! — громко позвала мама. — Уведите Лейшу немедленно. Ей нельзя находиться рядом с культурными людьми, если она лжет.

Лейша расплакалась. Она даже не съела завтрак. Но самым страшным было другое — огромные, испуганные глаза Алисы.

Но Лейша быстро успокоилась. Няня почитала ей сказку, поиграла с ней в «Информационный скачок», а потом пришла Алиса и няня повезла их обеих в чикагский зоопарк, где столько интересных зверей, которых даже во сне не увидишь. А когда они вернулись, мама ушла в свою комнату, и Лейша знала, что мама останется там со своими странными бутылочками до вечера.

Но в ту ночь она пошла в спальню матери.

— Мне надо в уборную, — сказала она Мамзель.

Та спросила:

— Тебе помочь? — возможно, потому, что Алисе все еще требовалась помощь.

Лейша поблагодарила Мамзель, потом с минуту посидела на стульчаке, чтобы ее не уличили во лжи.

Девочка на цыпочках прошла через холл. Сначала она заглянула в комнату Алисы. Маленькая лампочка горела на стене возле кроватки. Лейша посмотрела на сестру сквозь прутья. Алиса лежала на боку с закрытыми глазами. Веки легонько трепетали, как занавески на ветру. Подбородок и шея казались расслабленными.

Лейша осторожно прикрыла дверь и пошла в спальню родителей. В их огромной кровати места хватило бы еще на несколько человек. Мама лежала на спине и храпела. От нее исходил сильный и странный запах. Лейша попятилась и подкралась к папе. Он был очень похож на Алису, только его шея и подбородок выглядели еще более расслабленными. Папа так внезапно открыл глаза, что Лейша вскрикнула.

Отец скатился с кровати, схватил ее на руки и быстро взглянул на маму. Та не шелохнулась. Папа вынес Лейшу в холл, куда прибежала Мамзель, приговаривая:

— Ах, простите, сэр, она отпросилась в уборную...

— Все в порядке, — сказал отец. — Я возьму ее с собой.

— Нет! — вскрикнула Лейша.

Она была напугана всем происшедшим: в комнате родителей плохо пахло, папин подбородок во сне казался таким смешным, а сейчас отец стоял в одних трусах. Но он понес девочку в оранжерею, усадил на скамейку, завернулся в кусок зеленого полиэтилена и сел рядом.

— Ну, что случилось, Лейша? Что ты там делала? Ты смотрела, как люди спят, да?

И поскольку папин голос смягчился, Лейша прошептала:

— Да.

— Тебе стало интересно, да? Как Любопытному Джорджу из твоей книжки?

— Да, — ответила Лейша. — Я думала... Ты мне сказал, что делаешь деньги у себя в кабинете всю ночь!

Папа улыбнулся:

— Не всю. Я работаю, но потом сплю, хоть и не очень долго. — Он посадил Лейшу к себе на колени. — Мне не нужно много спать, поэтому я успеваю гораздо больше, чем другие. Разным людям требуется разное время для сна. И очень мало таких, как ты, которым сон вообще не нужен.

— Почему?

— Потому что ты особенная. Необыкновенная. Еще до твоего рождения я попросил врачей помочь тебе стать такой.

— Зачем?

— Чтобы ты могла делать все, что захочешь, и проявить свою индивидуальность.

Лейша отстранилась и посмотрела на отца: его слова ничего не объяснили. Папа дотронулся до единственного цветка на высоком дереве в горшке. У него были плотные белые лепестки, как сливки, с которыми отец пил кофе, а серединка светло-розовая.

— Видишь, Лейша, какую красоту породило это дерево? Потому что может. Вон то висячее растение не может, и вон те не могут. Только оно. Поэтому самое важное в мире для этого дерева — вырастить свой цветок. Цветок — это проявившаяся индивидуальность дерева. Остальное не имеет значения.

— Я не понимаю, папа.

— Когда-нибудь поймешь.

— Но я хочу именно сейчас, — сказала Лейша, а папа радостно рассмеялся и поцеловал ее. — Когда ты делаешь деньги, это твоя инди... эта штука...

— Да, — согласился папа.

— Значит, только ты умеешь делать деньги? Так же как то дерево умеет цвести?

— Никто не может зарабатывать их точно так, как я.

— Как ты поступаешь с деньгами?

— Покупаю тебе разные вещи. Содержу дом, плачу Мамзель.

— А дерево с цветком?

— Гордится им, — туманно ответил папа. — Совершенство — вот что идет в счет, Лейша. Совершенство на основе индивидуальных особенностей. Только это по-настоящему важно.

— Я замерзла, папа.

— Тогда я лучше отнесу тебя обратно к Мамзель.

Лейша прикоснулась к цветку:

— Я хочу спать, папа.

— Нет, не хочешь, дорогая. Сон — это зря потраченное время, потерянная жизнь. Это маленькая смерть.

— Алиса же спит.

— Она не такая, как ты.

— Почему ты не сделал Алису тоже особенной?

— Алиса сама себя сделала. Я не мог вмешаться.

Все это было слишком сложно. Лейша оставила деревце в покое и соскользнула с папиных колсней.

— Маленькая почемучка. Когда вырастешь, ты найдешь собственный идеал, и это будет нечто необыкновенное. Ты

можешь даже стать такой, как Кенцо Иагаи. Он создал генератор для всего мира.

— Папа, ты такой забавный в этом полиэтилене! — засмеялась Лейша.

Папа рассмеялся в ответ. Но потом девочка сказала:

— Когда я вырасту, я найду способ помочь Алисе стать необыкновенной.

И отец перестал смеяться.

Он отнес ее обратно к Мамзель, и та научила Лейшу писать свое имя. Это было так интересно, что девочка забыла о непонятном разговоре с папой. Пять разных букв, а вместе они составляли ее имя. Лейша снова и снова выводила его и смеялась, и Мамзель тоже смеялась. Но утром Лейша вспомнила о разговоре с папой. Она часто возвращалась к нему, снова и снова перебирая незнакомые слова, как маленькие твердые камешки. Но больше всего ее занимало нахмуренное папино лицо, когда она пообещала сделать свою сестренку особенной.

Каждую неделю доктор Меллинг навещала близнецов, иногда одна, иногда с кем-то. Девочкам нравилась доктор Меллинг, смешливая женщина с яркими и теплыми глазами. Папа часто присоединялся к ним. Доктор Меллинг играла с ними в разные игры, фотографировала сестренок и взвешивала. Заставляла их ложиться на стол и прикрепляла к вискам маленькие металлические штучки. Вокруг было полно всяких аппаратов, которые издавали разные интересные звуки. Доктор Меллинг так же хорошо отвечала на вопросы, как и папа. Однажды Лейша спросила:

— А доктор Меллинг особенная? Как Кенцо Иагаи?

Отец рассмеялся и, взглянув на Сьюзан, сказал:

— О да.

Девочкам исполнилось пять лет, и они пошли в школу. Папин шофер каждый день отвозил их в Чикаго. Они занимались не вместе, и это расстраивало Лейшу: ее одноклассники были старше. С первого же дня она полюбила школу. Через полгода Лейшу перевели в другой класс, там оказались дети еще старше, но и они прекрасно ее приняли. Лейша начала осваивать японский язык. Ей нравилось рисовать красивые иероглифы на толстой белой бумаге.

— Хорошо, что мы выбрали школу Саули, — говорил папа.

Но Алиса в этой школе плакала и швыряла на пол краски. Она хотела учиться вместе с дочкой кухарки и ездить в школу на автобусе. Тогда мама вышла из своей комнаты — Лейша не видела ее уже несколько недель, но знала, что Алиса частенько сидит с ней, — и сбросила несколько фарфоровых подсвечников с каминной полки в гостиной на пол. Лейша подбежала собрать осколки и услышала, как родители кричат друг на друга в холле.

— Она и моя дочь тоже! И я говорю, что ей можно ходить туда!

— Ты не имеешь права голоса! Плаксивая пьянчужка, ты для них не больше чем декорация!.. А я-то думал, что женился на утонченной английской аристократке!

— Ты получил то, за что заплатил! Ничего! Ведь ты ни в ком не нуждаешься!

— Перестаньте! — закричала Лейша. — Перестаньте!

В холле воцарилось молчание. Лейша порезала пальцы — кровь капала на ковер. Папа ворвался в комнату и подхватил ее на руки.

— Это ты прекрати, Лейша! Тебя не должно это волновать. Тебе следует быть сильной.

Лейша спрятала лицо у папы на плече. Алису перевели в начальную школу Карла Сэндберга, и она ездила туда на желтом школьном автобусе вместе с дочкой прислуги.

Несколько недель спустя папа сказал дочерям, что мама уезжает в больницу, чтобы перестать так много пить. А потом она некоторое время поживет в другом месте. Дело в том, что папа и мама несчастливы вместе. Лейша и Алиса останутся с папой и будут иногда навещать маму. Он очень осторожно подбирал правильные слова, пытаясь донести до девочек правду. Лейша уже знала, что правда — это верность себе, своей индивидуальности. Личность уважает факты и поэтому всегда придерживается истины.

Лейша догадывалась, что мама не уважала факты.

— Я не хочу, чтобы мама уезжала. — Алиса начала плакать.

Лейша думала, что папа возьмет Алису на руки, но он просто стоял и глядел на девочек.

Лейша обняла сестру:

— Все хорошо, Алиса. Мы сделаем так, что все будет хорошо! Я буду играть с тобой все время, когда мы не в школе, чтобы ты не скучала по маме!

Алиса прижалась к Лейше. Лейша отвернулась, чтобы не видеть папиного лица.

3

Кенцо Иагаи собирался приехать в Соединенные Штаты с лекциями. Он посетит Нью-Йорк, Лос-Анджелес и Чикаго, а в Вашингтоне у него запланировано специальное обращение к конгрессу: «Дальнейшее влияние дешевой энергии на политику». Одиннадцатилетнюю Лейшу Кэмден должны были представить ему после выступления в Чикаго, организованного ее отцом.

Лейша уже изучала в школе теорию холодного ядерного синтеза и знала от преподавателя, как изменился мир после открытий Иагаи. Произошло то, что раньше считалось практически невозможным: рост благосостояния третьего мира, агония старых коммунистических систем, упадок нефтяных империй, обновление мощи Соединенных Штатов. Группа Лейши написала сценарий документального фильма о том, как американская семья в 1985 году жила в условиях дорогостоящей энергии и рассчитывала на социальную помощь, в то время как семья 2019 года пользуется дешевой энергией и рассчитывает на договорные отношения как основу цивилизации. Некоторые моменты в собственных исследованиях озадачили Лейшу.

— В Японии Кенцо Иагаи считают государственным изменником, — сказала она папе за ужином.

— Нет, — возразил Кэмден, — это мнение единиц. Осторожнее с обобщениями, Лейша. Иагаи запатентовал и получил лицензию на И-энергию в Соединенных Штатах, потому что здесь еще сохранились тлеющие угольки индивидуальной инициативы. Благодаря его изобретению наша страна пересмотрела свое отношение к личности, и Японии пришлось присоединиться.

— Твой отец всегда придерживался тех же убеждений, — сказала Сьюзан. — Ешь горошек, Лейша.

Отец женился на Сьюзан менее полугода назад, и ее присутствие в доме все еще казалось немного странным. Но при-

ятным. Папа говорил, что Сьюзан стала ценным приобретением для них: умная, логичная и веселая. Как и сама Лейша.

— Запомни, Лейша, — произнес Кэмден, — ценность человека зависит от него самого. От того, что он в состоянии сделать хорошо. Люди продают плоды своего труда, и всем это выгодно. Основным инструментом цивилизации является договор. Он всегда доброволен и взаимовыгоден. В отличие от принуждения.

— Сильные не имеют права отбирать что-либо у слабых, — добавила Сьюзан. — Алиса, ты тоже должна съесть горошек, дорогая.

— Так же как и слабые у сильных, — подхватил Кэмден. — Об этом будет говорить Кенцо Иагаи сегодня вечером, Лейша. Ты сама услышишь.

Алиса сказала:

— Я не люблю горошек.

— Твое тело его любит, — заметил Кэмден. — Он полезен.

Алиса улыбнулась, и Лейша просияла: сестра нечасто теперь улыбалась за обедом.

— Мое тело не заключало договора с горошком.

— Нет, заключало. — В голосе Кэмдена послышалось нетерпение. — Твоему организму это выгодно. А теперь ешь.

Улыбка Алисы погасла. Лейша неожиданно нашла выход:

— Нет, папа, смотри — Алисе это гораздо полезнее, чем горошку! Это не взаимовыгодно, значит, нет договора! Алиса права!

Кэмден громко расхохотался и сказал Сьюзан:

— Одиннадцать лет... одиннадцать.

Но даже после этого Алиса не захотела идти слушать Кенцо Иагаи. Она решила переночевать у своей подруги Джулии, они собирались завивать волосы. Но, что удивительно, Сьюзан тоже не поехала. Они с папой обменялись странноватыми, как почудилось Лейше, взглядами, но девочка была слишком взволнована, чтобы задуматься. Она увидит самого Кенцо Иагаи!

Иагаи оказался невысоким, темноволосым и стройным. Лейше понравился его акцент. И нечто неуловимое, что пока не поддавалось определению.

— Папа, — прошептала она в полутьме зала, — он веселый человек.

Отец обнял ее.

Иагаи говорил о духовности и экономике:

— Духовность, присущая только человеку, опирается на его собственные усилия. Достоинство не связано с аристократическим происхождением — достаточно обратиться к истории — и не передается по наследству. Эти качества также не обусловлены самим фактом существования.

Нет, эти добродетели зиждутся на непрерывном самосовершенствовании личности. Отнять у человека шанс добиться чего-то и продать свое достижение другим — значит ограбить его, лишив духовного достоинства. Вот почему коммунизм в наше время потерпел поражение. Всякое принуждение наносит ущерб нравственности и ослабляет общество. Оно не производит ничего нового. Только свобода — свобода добиваться, свобода беспрепятственно торговать результатами своего труда — создает условия для развития настоящей личности.

Лейша так громко аплодировала, что у нее заболели ладони. Идя за кулисы вместе в отцом, она едва дышала. Кенцо Иагаи!

За кулисами толпился народ. Повсюду стояли камеры. Папа сказал:

— Мистер Иагаи, позвольте представить вам мою дочь Лейшу.

Какой-то японец прошептал что-то на ухо Кенцо Иагаи, и тот посмотрел на Лейшу более внимательно:

— Ах да.

— Повернись сюда, Лейша, — позвал кто-то.

Камера-робот зажужжала так близко, что Лейша в испуге отпрянула. Папа сделал кому-то резкое замечание. Какая-то незнакомая женщина вдруг опустилась перед Лейшей на колени и наставила на нее микрофон:

— Как ты оцениваешь то, что никогда не спишь, Лейша?

— Что?

Послышался неодобрительный смешок: «Выращиваем гениев...» Кенцо Иагаи схватил Лейшу и потащил прочь от журналистов. Немедленно, как по волшебству, позади Иагаи выстроилась шеренга японцев, расступившаяся только для того, чтобы пропустить папу. Добровольные конвоиры проводили их троих в комнату, и Кенцо Иагаи закрыл дверь.

— Не позволяй им вмешиваться в твою жизнь, Лейша, — произнес он со своим чудесным акцентом. — Никогда. Есть старая азиатская пословица — «Собака лает, а караван идет». Не разрешай преграждать путь своему каравану.

— Хорошо, — выдохнула Лейша, не совсем понимая, что хочет сказать ей этот бог, изменивший мир без кровопролития и войн. — Мы изучаем в школе вашу философию, мистер Иагаи.

Кенцо Иагаи вопросительно взглянул на отца. Тот сказал:

— Частная школа. Однако сестра Лейши тоже изучает ее в общеобразовательной школе. Медленно, Кенцо, но она прорастает.

Дома Лейша несколько часов обдумывала случившееся. Когда Алиса на следующее утро вернулась домой, Лейша бросилась к ней. Но Алиса была сердита.

— Алиса, в чем дело?

— Тебе не кажется, что мне и так достается в школе?! — закричала сестра. — Все всё знают, но если не высовываться, можно жить спокойно! Они уже совсем было перестали дразнить меня! Зачем ты это сделала?

— Что? — спросила озадаченная Лейша.

Алиса швырнула ей в лицо утреннюю газету. Лейша уставилась на свою фотографию рядом с Кенцо Иагаи. Три колонки текста венчал броский заголовок: «Иагаи и будущее: будет ли в нем место для нас, простых смертных? Изобретатель И-генератора беседует с „освобожденной от сна" дочерью мегафинансиста Роджера Кэмдена».

Алиса шнула газету:

— Даже по телевизору вчера вечером это показали — по телевизору! Я изо всех сил стараюсь не выглядеть воображалой или трусихой, а ты такое вытворяешь! Теперь Джулия, наверное, не захочет со мной дружить! — Она бросилась наверх, в свою комнату, по широкой изогнутой лестнице.

В голове Лейши звучал голос Кенцо Иагаи: «Собака лает, а караван идет». Она взглянула на опустевшую лестницу и сказала:

— Алиса, эта завивка и впрямь тебе очень идет.

4

— Я хочу познакомиться с остальными, — заявила Лейша. — Почему ты так долго держал меня в неведении?

— Ты ошибаешься, — ответил Кэмден. — Не предлагать вовсе не значит не позволять. Ты же сама о них не спрашивала.

Лейша взглянула на него. Ей исполнилось пятнадцать, она заканчивала школу Саули.

— Почему же ты не предлагал?

— А почему я должен был?

— Не знаю, — сказала Лейша, — но ты давал мне все.

— В том числе свободу просить о том, чего ты хочешь.

— О многом, что ты делал для меня, я не просила, потому что ничего об этом не знала. Ты сам принимал решения о моем образовании. Но ты никогда не предлагал мне встретиться с другими неспящими мутантами...

— Не употребляй этого слова! — резко оборвал ее Кэмден.

— ...значит, одно из двух: или ты думал, что это несущественно для меня, или просто почему-то не желал нашей встречи.

— Ошибаешься, — ответил Кэмден. — Может быть и иная причина: я считаю, что в данном вопросе инициатива должна исходить от тебя, так гораздо полезнее для твоего развития.

— Хорошо! — с вызовом сказала девушка и расправила плечи. — Сколько существует Неспящих, кто они и где находятся?

— Раз ты используешь термин «Неспящие», значит, уже читала о них кое-что, — заметил Кэмден. — Следовательно, ты знаешь, что пока вас тысяча восемьдесят два человека в Соединенных Штатах, есть и за рубежом, в крупных городах. Семьдесят девять человек живут в Чикаго. Только девятнадцать старше тебя.

Кэмден, сидевший в своем рабочем кресле, подался вперед, чтобы лучше видеть дочь. Наверное, ему нужны очки, подумала Лейша. Его волосы уже совсем седые, редкие и жесткие, как щетина старой швабры. Газета «Уолл-стрит джорнэл» напечатала его имя в списке ста самых богатых американцев; газета «Вименз Вэар дейли» писала, что он единственный миллиардер в стране, который не посещает дипломатических приемов, благотворительных балов и не ищет дружбы министров. Реактивный самолет Кэмдена переносил его с одной деловой встречи на другую, и почти никуда больше. Год от года он становился все состоятельнее, все рассудочнее и вел все более уединенную жизнь. Лейша почувствовала прилив прежней нежности к отцу.

Она боком уселась в кожаное кресло, свесив через подлокотник длинные стройные ноги.

— Ну, тогда я хотела бы познакомиться с Ричардом Келлером.

Юноша жил в Чикаго и из прошедших бета-тест Неспящих был ближе всех к ней по возрасту. Ему исполнилось восемнадцать.

— Можешь не спрашивать меня, а просто поехать.

Лейше послышались нетерпеливые нотки. Отцу нравилось, когда она сама разбиралась в чем-то и только потом сообщала ему.

Лейша рассмеялась:

— Знаешь что, папа? Ты предсказуем.

Кэмден тоже рассмеялся. Они все еще веселились, когда в кабинет вошла Сьюзан.

— Он, безусловно, непредсказуем. Роджер, что насчет того совещания в Буэнос-Айресе в четверг? — Не дождавшись ответа, она переспросила пронзительным тоном: — Роджер?! Я с тобой разговариваю!

Лейша отвела взгляд. Два года назад Сьюзан окончательно бросила генетику, чтобы вести дом Кэмдена и следить за его расписанием; до этого она изо всех сил пыталась заниматься и тем и другим. С тех пор как Сьюзан оставила Биотехнический институт, она, как казалось девушке, сильно изменилась. В голосе то и дело слышалось раздражение. Она настаивала, чтобы прислуга подчинялась ей беспрекословно. Русые косы сменили застывшие, тщательно уложенные платиновые волны.

— Оно состоится, — сказал Кэмден.

— Ну спасибо, что ответил. Я еду?

— Если хочешь.

— Хочу.

Сьюзан вышла из кабинета. Лейша встала и потянулась, поднявшись на цыпочки. Так чудесно чувствовать потоки льющегося из широких окон солнечного света. Отец смотрел на нее с каким-то странным выражением:

— Лейша...

— Что?

— Навести Келлера. Но будь осторожна.

— Почему?

Но Кэмден не захотел ответить.

Голос в трубке звучал настороженно:

— Лейша Кэмден? Да, я знаю, кто ты. В три часа в четверг?

Дом в колониальном стиле, выстроенный лет тридцать назад на тихой пригородной улице, выглядел весьма скромно. Только на нескольких крышах виднелись ячейки батарей И-энергии.

— Входи, — пригласил Ричард Келлер.

Он оказался не выше ее, коренастый, кожа густо усыпана угрями. Видимо, никаких генетических изменений, кроме сна, родители не просили, подумала Лейша. У него были густые черные волосы, низкий лоб и кустистые черные брови. Прежде чем закрыть дверь, он внимательно посмотрел на ее машину с шофером, припаркованную у дорожки рядом со ржавым десятискоростным велосипедом.

— Я еще не умею водить, — пояснила она. — Мне только пятнадцать лет.

— Научиться легко, — заметил Ричард. — Итак, зачем пожаловала?

Лейше понравилась его прямота.

— Чтобы познакомиться с кем-нибудь из Неспящих.

— Разве ты ни с кем не знакома? Ни с одним из нас?

— А ты хочешь сказать, что вы все знакомы между собой? — Этого она не ожидала.

— Пойдем, Лейша.

Она последовала за ним вглубь дома. Его комната оказалась большой и была уставлена компьютерами и шкафами для хранения документов. В углу находился тренажер. Обычная комната, такая же, как у любого прилежного ученика из класса Лейши, только эта более бедная, да еще отсутствие кровати делало ее просторнее.

— Эй, ты работаешь над уравнениями Боска?

— Над их применением.

— Каким?

— Схема миграции рыбы.

Лейша улыбнулась:

— Да, они подойдут. Мне никогда это не приходило в голову.

Казалось, Ричард не знает, как реагировать на ее улыбку. Он посмотрел на стену, потом на ее подбородок:

— Интересуешься окружающей средой?

— Да нет, — призналась Лейша. — Собираюсь изучать политику в Гарварде на подготовительном юридическом. Но конечно, нам преподавали биологию в школе.

Взгляд Ричарда наконец-то оторвался от ее лица. Он запустил пальцы в свою шевелюру.

— Садись, если хочешь.

Лейша с уважением посмотрела на плакаты, где по синему фону, как океанские течения, бежали лазурные разводы.

— Здорово. Сам программировал?

— Ты совсем не такая, как я себе представлял, — произнес Ричард.

— А какой ты меня представлял?

— Заносчивой. Высокомерной. Пустой, несмотря на твой высокий IQ.

Лейша не ожидала, что ее это так заденет.

— Из всех Неспящих только двое по-настоящему богаты. Ты и Дженнифер Шарафи. Впрочем, для тебя это не новость, — выпалил Ричард.

— Нет. Никогда не интересовалась.

Он сел на стул рядом и, сгорбившись, вытянул ноги.

— Вообще-то это важно. Богатым ни к чему генетически изменять своих детей — они считают своих отпрысков и без того выше других. Благодаря капиталам. А бедняки не могут себе этого позволить. Мы, Неспящие, принадлежим к верхушке среднего класса, где ценят ум и время.

— У моего отца такие же ценности, — сказала Лейша. — Он ярый сторонник Кенцо Иагаи.

— О Лейша, неужели ты думаешь, я не знаю? Или ты меня испытываешь?

Лейша смогла скрыть обиду.

— Прости. — Ричард резко оттолкнул стул и забегал по комнате. — Мне правда очень жаль. Но я не понимаю... не пошимаю, что ты здесь делаешь.

— Мне одиноко. — Лейша поразилась собственным словам. Она взглянула на него снизу вверх. — Честное слово. У меня есть друзья, и папа, и Алиса. Но никто по-настоящему меня не понимает...

Ричард широко улыбнулся. Улыбка преобразила его лицо, оно прямо засветилось.

— Я чувствую то же самое. Что ты делаешь, когда они говорят: «Мне приснился такой сон!»?

— Вот именно! — подхватила Лейша. — Но это еще полбеды. А вот когда я произношу: «Я пошцу это для тебя сегодня ночью», они очень странно реагируют.

— Ну, это тоже ерунда, — отозвался Ричард. — А вот когда ты играешь в баскетбол в спортзале после ужина, потом идешь в столовую, а после предлагаешь прогуляться, а тебе отвечают: «Я и вправду устал. Пойду спать».

— И это мелочи! — воскликнула Лейша, вскочив. — Стоит тебе увлечься фильмом и закричать от восторга, как Сьюзан говорит: «Лейша, можно подумать, что никто, кроме тебя, никогда не радовался».

— Кто такая Сьюзан? — спросил Ричард.

Хорошее настроение улетучилось, и Лейша тихо обронила: «Мачеха», не испытывая лишний раз досады от несоответствия того, кем Сьюзан стала и кем обещала стать. Ричард стоял всего в нескольких дюймах от нее и улыбался. Внезапно Лейша подошла к нему вплотную и обняла за шею, а когда он попытался отстраниться, только сильнее сжала руки. И разразилась рыданиями. Впервые в жизни.

— Лучше взгляни на кривые миграции рыб, — смущенно улыбнулся Ричард.

— Нет, — всхлипнула Лейша, и они долго стояли обнявшись, и Ричард неловко похлопывал ее по спине.

Кэмден ждал дочь, хотя уже миновала полночь. Он много курил. Сквозь синий от дыма воздух он спросил:

— Ты хорошо провела время, Лейша?

— Да.

— Я рад. — Он погасил сигарету и стал подниматься по лестнице в спальню — медленно, на непослушных ногах, ведь ему было почти семьдесят.

Они всюду появлялись вместе в течение практически целого года: в бассейне, на танцах, в музеях, библиотеке. Ричард познакомил ее с остальными двенадцатью Неспящими, от четырнадцати до девятнадцати лет.

Вот что узнала Лейша. Родители Тони Индивино, как и ее собственные, развелись. Но четырнадцатилетний подросток жил с матерью, которой не особенно хотелось иметь неспящего ребенка, в то время как его отец, мечтавший именно о таком, обзавелся красной спортивной машиной и молодой любовницей. Тони не позволяли никому говорить о том, что он Неспящий, — ни родственникам, ни одноклассникам.

— Подумают, что ты ненормальный, — сказала ему мать, пряча глаза.

После того единственного раза, когда Тони ослушался и признался другу, что никогда не спит, мать избила его и перевезла семью в другой район. Мальчику тогда было девять.

Жанин Картер, такая же длинноногая и стройная, как Лейша, фигуристка, готовилась к Олимпийским играм. Она тренировалась по двенадцать часов в сутки и боялась, что газетчики пронюхают о ней и не допустят к соревнованиям.

Джек Беллингэм, как и Лейша, в сентябре должен поступать в колледж. Однако он уже начал самостоятельную карьеру. Если с юридической практикой приходилось повременить до получения диплома, то для инвестиций требовались только деньги. У Джека было немного сбережений, но точный расчет позволил ему превратить шестьсот долларов, заработанных летом, в три тысячи, а затем сделать из них десять тысяч. А с подобной суммой уже можно играть на информационной бирже. Несовершеннолетний Джек все сделки оформлял на имя Кевина Бейкера, самого старшего из Неспящих, который жил в Остине. Джек рассказывал Лейше:

— Когда я получал по восемьдесят четыре процента прибыли два квартала подряд, информационные аналитики вычислили меня. Впрочем, работа у них такая, даже если сумма пустяковая. Их больше волнует схема. Интересно, если они удосужатся сверить банки данных и узнают, что Кевин — Неспящий, попытаются ли они как-то помешать нам?

— Безумная мысль, — покачала головой Лейша.

— Не скажи, — возразила Жанин. — Ты их не знаешь, Лейша.

— Ты хочешь сказать, что я папенькина дочка? — спросила Лейша.

Никто не поморщился — здесь было принято высказываться без обиняков.

— Да, — ответила Жанин. — Я слышала, твой отец замечательный человек. Он воспитал в тебе уверенность, что инициативу нельзя сковывать. Господи, он же нагаист. Мы рады за тебя. — В ее тоне не было сарказма. Лейша кивнула. — Но окружающий мир не настолько добрый. Нас ненавидят.

— Ты сгущаешь краски, — заметила Кэрол.

— Ну, может быть, — согласилась Жанин. — Но они не такие, как мы. Мы лучше, и, естественно, нам не могут этого простить.

— Что здесь естественного? — удивился Тони. — Гораздо логичнее восхищаться нами. Мы же не завидуем Кенцо Иагаи? Или Нельсону Уэйду, или Екатерине Радуски?

— Мы не завидуем именно потому, что мы из другого теста, — подвел итог Ричард. — Что и требовалось доказать.

— Давайте создадим собственное общество, — предложил Тони. — Кто позволил им сдерживать наши стремления и принижать честные достижения? Почему Жанин не допускают к соревнованиям, а Джека к инвестициям на равных со всеми условиях только потому, что мы — Неспящие? Среди них тоже хватает одаренных. Ну а у нас большая сила воли, лучшая биохимическая устойчивость и уйма времени. Все люди созданы разными.

— Будь справедливым, Джек, официально еще никому ничего не запретили, — заметила Жанин.

— Подождите. — Лейшу очень встревожил этот разговор. — Да, мы во многом лучше их. Но ты вырываешь цитату из контекста, Тони. В Декларации независимости не сказано, что способности у людей одинаковы. Она подразумевает, что все равны перед законом. У нас не больше прав на отделение или на свободу от ограничений, чем у любого другого. Нет иного способа продавать свои достижения, кроме как при наличии права на составление договора.

— Слова подлинного иагаиста. — Ричард сжал ее руку.

— Хватит с меня интеллектуальных заморочек, — засмеялась Кэрол. — Мы уже несколько часов ломаем копья. Мы же на пляже, побойтесь Бога. Ну, кто со мной в воду?

— Я, — отозвалась Жанин. — Пошли, Джек.

Все вскочили, отряхивая песок с купальников, побросали куда попало солнечные очки. Ричард помог Лейше подняться. Но когда они почти уже вбежали в воду, Тони положил ладошку ей на плечо:

— Еще один вопрос, Лейша. Если мы способны добиться большего, нежели средний человек, и если мы торгуем со Спящими на взаимовыгодных условиях, не делая разли-

чий между сильными и слабыми, тогда какие у нас обязательства перед теми, кто настолько слаб, что не может тягаться с нами? В любом случае мы отдадим больше, чем получим; обязаны ли мы превращаться в альтруистов? Должны ли мы заботиться о калеках, больных, беспомощных и лентяях, дарить им результаты своего труда?

— А Спящие обязаны? — возразила Лейша.

— Кеццо Иагаи ответил бы отрицательно. Он — Спящий.

— Он сказал бы, что они получат выгоду от контрактной торговли, даже не участвуя напрямую в сделке. Весь мир лучше питается и стал более здоровым благодаря И-энергии.

— Идите сюда! — закричала Жанин. — Лейша, они меня топят! Джек, прекрати! Лейша, на помощь!

Лейша рассмеялась. Помогая Жанин, она вдруг поймала на себе взгляды Ричарда и Тони. Во взгляде Ричарда читалось откровенное желание, Тони же был сердит. Странно. Чем же она обидела юношу?

Но тут Джек поднял целый фонтан брызг, Кэрол опрокинула Джека в теплые волны, а смеющийся Ричард крепко обхватил ее руками.

Когда Лейша протерла глаза, Тони уже не было.

Полночь.

— Ладно, — сказала Кэрол. — Кто первый?

Шестеро подростков, собравшихся на полянке среди зарослей куманики, посмотрели друг на друга. Свет И-лампы отбрасывал причудливые тени на их лица и голые ноги. Густые и темные деревья Роджера Кэмдена словно стеной отгораживали их от ближних строений. Было жарко. Августовский воздух висел плотной, тяжелой пеленой. Они проголосовали против того, чтобы захватить с собой И-кондиционер, ведь им предстоял возврат к примитивной, полной опасностей жизни!

Пять пар глаз уставились на стакан в руке Кэрол.

— Кто хочет выпить? — Ее беспечный тон звучал театрально. — Не так-то просто было раздобыть это.

— Как же тебе удалось? — удивился Ричард, происходивший из наименее влиятельной и наименее обеспеченной семьи. Если не считать Тони.

— Дженнифер достала, — пояснила Кэрол, и все посмотрели на Дженнифер Шарафи, уже две недели гостившую в доме Кэрол.

Дженнифер являлась дочерью голливудской кинозвезды и нефтяного принца. Родилась она в Америке — принц желал положить начало династии Неспящих. Сейчас кинозвезда превратилась в стареющую наркоманку, а принц, вложивший свое состояние в И-энергию на заре деятельности Кенцо Иагаи, уже умер. Дженнифер Шарафи была куда богаче, чем когда-нибудь могла стать Лейша, и чрезвычайно изобретательна. В стакане находился интерлейкин-1, препарат, стимулирующий иммунную систему, побочным эффектом которого являлся крепкий сон.

Лейша пристально смотрела на жидкость. Внизу живота разливалось тепло, похожее на то, которое она чувствовала, занимаясь любовью с Ричардом. Она поймала внимательный взгляд Дженнифер и вспыхнула.

— Дай мне! — попросил Тони.

Кэрол подала ему стакан:

— Помни, всего один глоточек.

Тони замер на мгновение и, прежде чем выпить, обвел всех своим бешеным взглядом.

Кэрол забрала у него стакан. Спустя минуту Тони лег на твердую землю и уснул.

Это было совсем иначе, чем наблюдать за спящими родителями, младшими братьями и сестрами, друзьями. Они прятали друг от друга глаза.

Теперь наступила очередь Лейши. Она медленно глотнула и передала стакан Ричарду. Голова стала тяжелой, словно туда натолкали мокрых тряпок. Деревья на краю полянки расплывались. Свет портативной лампы плескался волнами и собирался в капли; если до него дотронуться, он размажется. Потом ее мозг поглотила тьма. «Папа!» Лейша пыталась позвать его, ухватиться за него, но мрак захлестнул ее.

Потом у всех болела голова. Они плелись назад через лес в предрассветных сумерках, и мучения усиливало странное чувство стыда. Они не прикасались друг к другу. Лейша старалась идти как можно дальше от Ричарда. Дженнифер решилась нарушить молчание:

— Вот теперь мы знаем. — В ее голосе прозвучало странное удовлетворение.

Целый день ее изводили пульсирующая боль в затылке и тошнота.

Но снов она так и не увидела.

— Я хочу, чтобы ты пошла со мной сегодня вечером, — повторила Лейша в десятый или двенадцатый раз. — Мы обе через два дня уезжаем в колледж; это наш последний шанс. Я хочу познакомить тебя с Ричардом.

Алиса лежала на животе поперек кровати. Ее каштановые, лишенные блеска волосы падали на лицо. Дорогой шелковый спортивный костюм морщил под коленками.

— Зачем? Не все ли тебе равно, познакомлюсь я с Ричардом или нет?

— Потому что ты моя сестра. — Лейша не стала говорить «мы близнецы». Ничто не могло сильнее рассердить Алису.

— Я не хочу. — В следующее мгновение выражение лица Алисы изменилось. — О, прости меня, Лейша. Но... но я не хочу.

— Будет только Ричард. И всего-то на час, не больше. Потом ты вернешься сюда и будешь собираться в Северо-Западный колледж.

— Я не еду в Северо-Западный.

Лейша уставилась на сестру.

— Я беременна.

Лейша села на кровать. Алиса перевернулась на спину, откинула волосы с лица и рассмеялась. Лейше захотелось заткнуть уши.

— Посмотри на себя, — сказала Алиса. — Можно подумать, что это ты беременна. Но ты бы никогда этого не допустила, правда, Лейша? Пока не наступит подходящее время.

— Как?! — изумилась Лейша. — Нам же обеим поставили колпачки...

— Я его удалила.

— Ты хотела забеременеть?

— Вот именно, черт возьми. И папа ничего не сможет с этим поделать. Разве что лишить меня средств к существованию, но я не думаю, что он на это пойдет. — Она снова рассмеялась.

— Но, Алиса... зачем? Не для того же, чтобы позлить папу?

— Нет, — ответила Алиса. — Просто мне хочется любить кого-нибудь, принадлежащего только мне. Кого-нибудь, не имеющего ничего общего с нашим домом.

Лейша вспомнила, как много лет назад они с Алисой бегали по оранжерее в потоках солнечного света.

— Не так уж плохо было расти в этом доме.

— Лейша, я никогда не думала, что умный человек может быть таким тупым. Убирайся из моей комнаты! Убирайся!

— Но, Алиса, ребенок...

— Вон! — завизжала Алиса. — Поезжай в Гарвард! За успехом! Только убирайся!

Лейша рывком встала с кровати:

— С радостью! Ты беспечна, Алиса. Ты не думаешь о будущем, ребенок...

Ей никогда не удавалось рассердиться. Гнев вытекал по капле, оставляя мозг пустым. Алиса внезапно протянула к ней руки. Сестры обнялись.

— Это ты — ребенок, — с удивлением произнесла Алиса. — Наивный ребенок.

Лейша ничего не ответила. Теплые руки Алисы вновь напомнили Лейше детей, бегающих в солнечных лучах.

— Я помогу тебе, Алиса. Если папа откажется.

Алиса резко оттолкнула ее:

— Мне не нужна твоя помощь.

Алиса встала и пнула распахнутый пустой чемодан, потом вдруг улыбнулась такой улыбкой, что Лейша смутилась и приготовилась к дальнейшим оскорблениям. Но Алиса произнесла очень мягко:

— Желаю тебе хорошо провести время в Гарварде.

5

Она влюбилась с первого взгляда.

Массачусетс-Холл был на полвека старше Соединенных Штатов. Лейша почувствовала нечто такое, чего никогда не испытывала в Чикаго. Древность. Корни. Традиции. Она прикасалась к кирпичным стенам библиотеки Уайднера, к витринам музея Пибоди, будто к святыням. Ее оставляли равнодушной мифы или драмы; страдания Джульетты казались ей

надуманными, а муки Вилли Ломена[1] — пустой тратой сил. Только король Артур, боровшийся за создание лучшего общества, заинтересовал ее. Но сейчас, проходя под огромными осенними кронами, она внезапно уловила тонкую связь поколений, почувствовала усилия отдельных личностей, формирующие грядущие столетия. Лейша остановилась и посмотрела сквозь листву на небо, на здания, назначение которых придавало им особую солидность. В такие минуты она думала об отце, победившем волю целого Института генетических исследований, чтобы создать ее такой, как ему хотелось.

Через месяц Лейша перестала размышлять о таких высоких материях.

Нагрузка оказалась невероятной даже для нее. Гарвард знал, на что она способна, и задавал свой темп. Руководимый последние двадцать лет человеком, который в молодости с отчаянием наблюдал за нарастанием экономического потенциала Японии, Гарвард вышел на первое место среди университетов, практикующих возврат к интеллектуальной продуктивности. Конкурс составлял двести человек на место. Абитуриенты съезжались со всего мира. Дочь английского премьер-министра не сдала экзамены за первый год обучения, и ее отправили домой.

Лейша поселилась в новом общежитии в одноместной комнате: она выбрала общежитие, потому что в Чикаго чувствовала себя одинокой и сейчас хотела быть ближе к людям, но решила жить одна, чтобы не беспокоить соседок, работая по ночам. На второй день после приезда к ней ворвался парень, чья комната находилась дальше по коридору, и присел на край письменного стола.

— Значит, ты и есть Лейша Кэмден?

— Да.

— И тебе шестнадцать лет.

— Почти семнадцать.

— Как я понимаю, собираешься переплюнуть всех нас, даже особенно не стараясь.

Улыбка Лейши погасла. Парень пристально смотрел из-под густых нахмуренных бровей. Он улыбался. От Ричарда, Тони и других Лейша научилась распознавать гнев, замаскированный под презрение.

---

[1] *Вилли Ломен* — герой пьесы Артура Миллера «Смерть коммивояжера».

— Да, — невозмутимо ответила Лейша, — собираюсь.

— Ты так в себе уверена? С твоей-то кукольной мордашкой и мозгами куклы-мутанта?

— Ах, оставь ее в покое, Ханнауэй, — раздался чей-то голос. В дверях, вытирая мокрые светлые волосы, стоял высокий юноша, такой худой, что его ребра напоминали рябь на песке после прилива. — Тебе не надоело валять дурака?

— А тебе? — Ханнауэй слез со стола и направился к двери.

Блондин посторонился. Но путь Ханнауэю преградила Лейша.

— Я буду учиться лучше тебя, — спокойно пообещала она, — потому что у меня есть определенные преимущества, в том числе способность бодрствовать. А когда я обгоню тебя, я с радостью помогу тебе подготовиться к экзаменам.

Блондин рассмеялся, но Ханнауэй застыл на месте. Что-то в его взгляде заставило Лейшу отступить. Он пулей выскочил из комнаты.

— Хорошо сказано, Кэмден, — заметил блондин. — Он получил по заслугам.

— Но я нисколько не издевалась, — возразила Лейша. — Я помогу ему в учебе.

Блондин опустил полотенце и уставился на нее:

— Вот как? Значит, ты говорила серьезно?

— Да! Почему все всегда сомневаются в этом?

— Ну, лично я не сомневаюсь, — ответил парень. — Разрешаю подтянуть меня. — Он внезапно улыбнулся. — Только мне не потребуется.

— Почему?

— Потому что я такой же способный, как и ты, Лейша Кэмден.

Она внимательно посмотрела на него:

— Но ты не Неспящий.

— Я и без того знаю, на что способен. Делать. Стать. Создать. Продать.

— Ты — иагаист! — с восторгом воскликнула Лейша.

— Разумеется. — Он протянул руку. — Стюарт Саттер. Не съесть ли нам по фишбургеру во дворе?

— Здорово, — согласилась Лейша.

Они вышли, оживленно беседуя. Девушка старалась не замечать устремленных на нее пристальных взглядов. Она

здесь, в Гарварде. И впереди масса интересного, в том числе встречи с людьми, подобными Стюарту, которые принимали ее и собирались помериться силами.

Пока бодрствовали.

Лейша с головой погрузилась в учебу. Роджер Кэмден приехал как-то раз, прошелся с ней по студенческому городку и остался доволен. Отец чувствовал себя здесь гораздо свободнее, чем Лейша ожидала, он знавал отца Стюарта Саттера и деда Кейт Аддамс. Они беседовали о Гарварде, о бизнесе, об Институте экономики Иагаи. Но все разговоры неизменно сводились к Гарварду.

— Как Алиса? — спросила Лейша.

Кэмден безмятежно обронил, что она ушла из дома и не хочет его видеть. Он переводит ей содержание через своего поверенного.

Вместе со Стюартом Лейша сходила на вечер встречи с выпускниками прежних лет. Он тоже специализировался в юриспруденции, но был на два курса старше. С Кейт Аддамс и еще двумя подругами она слетала на уик-энд в Париж. Глупо поссорилась со Стюартом из-за того, можно ли применить метафору о сверхпроводимости к иагаизму, а потом они помирились и стали любовниками. После первых неуклюжих сексуальных опытов с Ричардом Стюарт показался Лейше весьма искушенным; он улыбаясь обучал ее, как достичь оргазма вместе и как порознь. Девушка была поражена.

— Это доставляет столько радости, — призналась она, и Стюарт посмотрел на нее с нежностью, которая, как ей показалось, граничила с беспокойством.

В середине семестра успеваемость Лейши была самой высокой среди первокурсников. Тесты она сдала без единой ошибки. Они со Стюартом отправились праздновать в пивную, а вернувшись, обнаружили комнату Лейши разгромленной. Компьютер был разбит, банк данных стерт, дискеты и книги тлели в мусорном контейнере. Одежда оказалась порванной в клочья, стол и бюро разрублены пополам. Только кровать не тронули.

— Такое невозможно проделать бесшумно, — заметил Стюарт. — Наверняка даже на других этажах слышали и вызвали полицию.

Но соседи остались безучастными. Лейша сидела на краешке кровати, тупо глядя на обрывки своего бального платья. На следующий день Дейв Ханнауэй встретил ее ослепительной улыбкой.

Кэмден примчался, киля от ярости. В Кембридже он снял дочери квартиру с секретным дверным замком и нанял телохранителя. После его отъезда Лейша уволила охранника, но квартиру решила оставить. Здесь они могли уединяться со Стюартом и обсуждать то дикое происшествие. Лейша уверяла юношу, что это случайность.

— Ненавистники существовали всегда, Стюарт. Антисемитизм, расизм, враждебное отношение к иммигрантам, теперь — к иагаистам. Я всего лишь очередной объект их неприязни. Но это не означает, что между Спящими и Неспящими образовался раскол.

Стюарт сел в постели и потянулся к сандвичам на ночном столике.

— Разве? Лейша, ты же совершенно другой человек. Способный не только выживать, но и господствовать. Другие объекты гонений, которые ты приводишь в пример, занимают более низкое социальное положение. Вы же, трое Неспящих на юридическом факультете Гарварда, уже попали в университетское «Юридическое обозрение». Кевин Бейкер, самый старший из вас, основал фирму по программному обеспечению биоинтерфейсов и делает большие деньги. Каждый из Неспящих отлично учится, здоров, а ведь *многие* еще *несовершеннолетние*. Сколько, по-твоему, вам еще предстоит вынести, когда вы попадете в мир финансов и бизнеса, в мир большой политики, где высоких кресел так мало, а ставки так высоки?

— Передай мне сандвич, — попросила Лейша. — Вот доказательства того, что ты не прав: ты сам, Кенцо Иагаи, Кейт Аддамс, профессор Лейн, мой отец — все вы Спящие и живете в мире честной торговли и взаимовыгодных контрактов. И таких, как вы, большинство. Ты знаешь, что конкуренция между наиболее способными приводит к огромной выгоде для всех — и для сильных, и для слабых. Неспящие вносят свою лепту в процветание государства. Это должно пересилить неприязнь. Мы для вас представляем ценность. И вы это знаете.

Стюарт смахнул с простыни крошки.

— Да, я знаю. Иагаисты знают.

— Иагаисты те самые киты, на которых стоит земля. В справедливо устроенном обществе иначе быть не может. Ты недооцениваешь людей, Стю. Понятие о морали присуще всем, а не только избранным.

— Надеюсь, ты права,— ответил Стюарт.— Потому что я тебя люблю.

Лейша положила сандвич.

— Радость,— пробормотал Стюарт, уткнувшись лицом ей в грудь.— Ты — это радость.

Приехав домой на День благодарения, Лейша рассказала Ричарду о Стюарте. Он выслушал ее, поджав губы:

— Спящий.

— Человек,— возразила Лейша.— Хороший, умный, предприимчивый!

— А тебе известно, что сделали твои предприимчивые Спящие, Лейша? Жанин не допустили к Олимпийским играм. «Генетические изменения, аналогичные употреблению стероидов с целью создания преимущества, не соответствующего спортивному духу». Крис Деверо ушел из Стэнфорда. Они разгромили его лабораторию, уничтожили результаты двухлетнего труда над протеинами, формирующими память. Компания Кевина Бейкера борется против подлой антирекламы. Проводят ее, разумеется, тайно, пугая родителей тем, что дети используют программы, составленные якобы нечеловеческим разумом. Коррупция, рабство разума, сатанинские влияния — налицо весь набор приемчиков охоты на ведьм. Проснись, Лейша!

Повисла долгая пауза. Ричард принял боксерскую стойку, опираясь на носки и стиснув зубы. Наконец он очень тихо спросил:

— Ты его любишь?

— Да,— ответила Лейша.— Прости.

— Твое дело,— холодно произнес Ричард.— Чем ты занимаешься, пока он спит? Наблюдаешь за ним?

— Ты говоришь так, словно это какое-то извращение!

Ричард молчал. Лейша глубоко вздохнула, затем заговорила быстро, но спокойно:

— Ричард, я не хотела причинить тебе боль. И не хочу терять нашу группу. Я верю, что Спящие — такие же лю-

ди, как и мы. Ты собираешься наказать меня за это? Усугубить ненависть? Считаешь, что я не могу принадлежать к миру честных, достойных людей, независимо от того, спят они или нет? Утверждаешь, что разделение обусловлено генетикой, а не экономикой и духовностью? Хочешь вынудить меня сделать неестественный выбор — мы или они?

Ричард взял со стола браслет. Лейша подарила ему это украшение летом.

— Нет. Так вопрос не стоит. — Он минуту поиграл золотыми звеньями, потом поднял на нее взгляд. — Пока не стоит.

К весенним каникулам Кэмден сильно сдал: с трудом передвигался, жаловался на боли в сердце. Со Сьюзан он решил развестись.

— Она сильно изменилась после нашей свадьбы, Лейша. Раньше она была независимой, полной идей, счастливой, а через несколько лет растеряла все и превратилась в мегеру. Перемена произошла на твоих глазах. — Кэмден с искренним недоумением покачал головой.

Лейша вспомнила, как в детстве Сьюзан изучала их с сестрой под видом игры. Тогда и Алиса любила Сьюзан так же сильно, как Лейша.

— Пап, мне нужен адрес Алисы.

— Я еще в Гарварде сказал тебе, что у меня его нет. — Кэмден, не вставая с кресла, переменил позу нетерпеливым движением человека, не признающего физического старения.

В январе Кендо Иаган умер от рака поджелудочной железы. Кэмден тяжело переживал утрату.

— Я перевожу ей деньги через поверенного. Так она захотела.

— Тогда дай его адрес.

Понурый человечек по имени Джон Яворски отказался сообщить Лейше, где находится Алиса.

— Она не хочет видеться с родственниками, мисс Кэмден. Она желает полного разрыва.

— Не со мной! — возразила Лейша.

— И с вами, — заявил Яворски, и нечто неуловимое в его взгляде напомнило девушке Дейва Ханнауэя.

Прежде чем вернуться в Бостон, Лейша полетела в Остин, опоздав на день к началу занятий. Кевин Бейкер принял ее, отменив встречу с представителями компании «Айби-эм», и посадил за работу лучших специалистов по компьютерным сетям. Два часа спустя Лейша получила адрес Алисы из базы данных Яворски.

Алиса жила в Пенсильвании. В следующие выходные Лейша взяла напрокат вертолет с пилотом и полетела в Аппалачи.

Хай-Ридж оказался небольшим поселком. Ближайшая больница находилась в двадцати пяти милях. Алиса жила с молчуном по имени Эд, лет на двадцать старше ее. В домике посреди леса имелись только вода и электричество. Голая, покрытая кое-где снегом земля дышала сыростью. Алиса была на восьмом месяце.

— Я не хотела никого видеть, — сказала она Лейше. — Зачем же ты приехала?

— Потому что ты — моя сестра.

— Боже, так сейчас одеваются в Гарварде? Когда это ты стала модницей, Лейша? Ты ведь никогда не обращала внимания на внешность.

— Что все это значит, Алиса? Как ты здесь оказалась? Что ты делаешь?

— Живу, — ответила Алиса. — Вдали от папы, вдали от Чикаго, вдали от спившейся, сломленной Сьюзан — ты знала, что она пьет? Отец делает людей такими. Но я вырвалась.

— Вырвалась? Сюда?

— Я счастлива! — сердито ответила Алиса. — Разве не это цель вашего великого Кенцо Иагаи — счастье своими руками?

— Я рада за тебя.

— А ты счастлива?

— Да.

— Тогда я тоже рада! — произнесла Алиса почти вызывающе.

В следующую секунду она яростно прижала к себе Лейшу, упершись огромным животом. Волосы Алисы пахли как свежая трава в солнечный день.

— Я приеду еще, Алиса.

— Не надо, — попросила сестра.

6

«Неспящий мутант умоляет перестроить его гены обратно! — кричала бегущая строка на табло в супермаркете „ФУД МАРТ". — „Пожалуйста, позвольте мне спать, как настоящие люди!" — жалобно просит ребенок».

Обычно не обращавшая внимания на рекламу Лейша подошла к газетному киоску, быстро набрала номер своей кредитной карточки и нажала на кнопку распечатки. Заголовок продолжал мелькать. Один из рабочих магазина перестал выкладывать на полки коробки и уставился на девушку. Брюс, телохранитель Лейши, взял его под наблюдение.

Ей исполнилось двадцать два года, она заканчивала юридический факультет Гарварда, являлась редактором университетского «Юридического обозрения» и бесспорно считалась лучшей студенткой своего курса. Ближайшими ее соперниками были Джонатан Кокчиара, Лен Картер и Марта Венц. Все — Неспящие.

Дома Лейша просмотрела распечатку. Потом подключилась к спецсети Группы, управляемой из Остина. В базе оказалось еще несколько сообщений об этом ребенке с комментариями других Неспящих. Лейша хотела позвонить им, чтобы выяснить подробности, но тут сам Кевин появился он-лайн.

— Лейша! Я как раз собирался вызывать тебя, — произнес он по аудиосвязи.

— Что творится со Стеллой Бевингтон, Кев? Кто-нибудь проверял?

— Рэнди Дэвис из Чикаго. Он еще учится в средней школе. Живет в районе Парк-Ридж, а Стелла — в Скоки. Ее родители набросились на него чуть ли не с оскорблениями, но он все-таки повидал Стеллу. Это не похоже на жестокое обращение, обычная глупость: родители хотели вундеркинда, экономили и копили, а теперь не могут справиться с ее гениальностью. Они кричат на нее, заставляют спать, применяют авторитарные методы.

— А эмоциональное насилие?

— Думаю, нам пока не стоит вмешиваться. Двое из нас будут поддерживать со Стеллой тесный контакт — у нее есть модем, а родители о нашем существовании не знают; Рэнди станет навещать ее каждую неделю.

Лейша прикусила губу.

— В этой дерьмовой статейке сказано, что ей семь лет.

— Да.

— Может, все же не следует ее там оставлять? Я, как гражданка Иллинойса, могу зарегистрировать жалобу ребенка отсюда, если у Рэнди достаточно доказательств...

— Нет. Подождем немного. Возможно, все образуется.

Действительно. Почти все Неспящие самоутверждались независимо от сопротивления голосистого меньшинства. Большинство же людей постепенно привыкли к растущему числу Неспящих, особенно когда стало ясно, что они заботятся о преуспевании всей страны.

Кевин Бейкер в свои двадцать шесть лет заработал целое состояние на микрочипах. Благодаря ему искусственный интеллект превратился в реальность. Кэролин Рицколо получила Пулитцеровскую премию за пьесу «Утренний свет». Ей было всего двадцать четыре. Джереми Робинсон завершил новейшие исследования по сверхпроводимости, еще являясь дипломником Стэнфорда. Уильям Теин, редактор «Юридического обозрения» в те годы, когда Лейша только поступила в Гарвард, сейчас имел широчайшую частную практику и не проиграл ни одного дела. Ему тоже было двадцать шесть, но практичные клиенты поручали ему все более важные дела.

Но не все шло так гладко.

Информационная сеть Кевина Бейкера и Ричарда Келлера сплотила всех Неспящих. Лейша Кэмден финансировала судебные баталии, оплачивала обучение Неспящих из малообеспеченных семей. Ронда Лавельер учредила и зарегистрировала в Калифорнии детский приют, и при малейшей возможности Группа забирала маленьких Неспящих из семей, где им приходилось несладко. В Группе было уже три дипломированных юриста; в ближайшем будущем лицензию на частную практику в пяти различных штатах должны были получить еще четверо.

Однажды, когда Неспящим не удалось забрать ребенка из семьи, они его выкрали. Над четырехлетним Тимми Демарцо издевались родители.

Он был слишком мал, чтобы позвать на помощь. Группа узнала о нем из полицейских сводок, сканируемых компанией Кевина. Теперь Тимми жил в Северной Дакоте. Его приемная мать, родственница одного из Неспящих, позабо-

тилась о том, чтобы ребенок не попал ни в один банк данных. О похищении знали не более десяти человек. А всего в Соединенных Штатах насчитывалось уже три тысячи четыреста двадцать восемь Неспящих. Из них две тысячи шестьсот девяносто один человек входил в Группу и пользовался спецсетью. Еще семьсот один были слишком малы для этого. И только тридцать шесть Неспящих не состояли в Группе по различным причинам.

Похищение Тимми организовал Тони Индивино.

— Я хотел поговорить с тобой о Тони, — сказал Лейше Кевин. — Он опять взялся за старое. На этот раз он покупает большой участок.

Она несколько раз сложила распечатку и очень аккуратно положила на стол.

— Где?

— В Аллеганах. На юге штата Нью-Йорк. Сейчас он прокладывает дороги. Весной будет построено первое здание.

— Дженнифер Шарафи по-прежнему субсидирует его?

— Да. У Тони начинают появляться сторонники, Лейша.

— Знаю.

— Позвони ему.

— Хорошо.

До полуночи она редактировала журнал, потом до четырех утра готовилась к занятиям. С четырех до пяти просмотрела юридические бумаги Группы. В пять позвонила Тони в Чикаго. Он окончил среднюю школу, проучился семестр в Северо-Западном и во время рождественских каникул наконец-то окончательно разругался с матерью.

— Тони? Это Лейша.

— Отвечаю: да, да, нет, иди к черту.

Лейша стиснула зубы:

— Чудесно. А теперь перечисли вопросы.

— Считаешь ли ты необходимым для Неспящих создать самодостаточное общество? Готова ли Дженнифер Шарафи финансировать строительство целого городка? Не будет ли это предательством наших идеалов? Не мешает ли жизнь в закрытом укрепленном городе торговым отношениям с внешним миром?

— Я бы никогда не отмахнулась от тебя.

— Хвала тебе, — промолвил Тони. И добавил через мгновение: — Извини. Я говорю как один из них.

— Это не то, что нам нужно, Тони.

— Спасибо, хоть не сказала, что у меня ничего не выйдет.

— Мы относимся к одному виду, Тони.

— Передай это Спящим.

— Ты преувеличиваешь. Ненавистников везде хватает, но сдаваться...

— Мы и не собираемся сдаваться. Плоды наших трудов можно будет свободно продавать: программное обеспечение, оборудование, книги, юридические консультации. Мы вольны ездить куда захотим. Но у нас будет тихая гавань вдали от идиотов, которые считают, что мы обязаны им по гроб жизни.

— Дело не в том, кто кому обязан.

— Правда? — удивился Тони. — Давай расставим все точки над «i», Лейша. Во что же ты веришь, иагаистка?

— Тони...

— Ответь! — настаивал Тони.

И Лейша вдруг услышала голос четырнадцатилетнего подростка, с которым ее познакомил Ричард. И тут же вспомнила, как отец держал ее на руках и объяснял ей, что она особенная.

— Я верю в добровольный взаимовыгодный обмен. В духовность человека. В договор. И в то, что мы должны помогать друг другу.

— Прекрасно! — отрезал Тони. — А что ты скажешь об испанских нищих?

— О ком?

— Ты идешь по улице одной из бедных стран, например Испании, и видишь нищего. Ты даешь ему доллар?

— Возможно.

— Почему? Он же ничего тебе не продает.

— Знаю. Подам из доброты, из сострадания.

— Ты видишь шестерых попрошаек. Ты даешь им всем по доллару?

— Возможно.

— Ну хорошо. Перед тобой сто нищих, и у тебя нет состояния Лейши Кэмден. Ты даешь им по доллару?

— Нет.

— Почему?

Лейша набралась терпения. Она редко испытывала желание прервать связь, но с Тони был как раз такой случай...

— Это чересчур. В первую очередь я должна позаботиться о себе.

— Ладно. Теперь обдумай вот что. В Биотехническом институте, где зародилась наша с тобой жизнь, дорогая псевдосестричка, не далее как вчера доктор Меллинг...

— Кто?

— Доктор Сьюзан Меллинг. О господи, я совершенно забыл, что она когда-то была замужем за твоим отцом!

— Я потеряла ее след, — сказала Лейша. — Я и не знала, что она вернулась к научной работе. Алиса когда-то говорила... впрочем, не важно. Так что происходит в Биотехническом?

— Только что обнародованы две потрясающие новости. Результат генетического анализа зародыша у Карлы Датчер подтвердил: отсутствие потребности во сне является доминантным геном. Дети членов нашей Группы тоже будут бодрствовать.

— Мы всегда это знали, — заметила Лейша. (Карла Датчер — первая беременная среди Неспящих. Ее муж был Спящим.) — Весь мир ожидал этого.

— Но пресса все равно раздует скандал. Вот увидишь. Мутанты размножаются! Через поколение новая раса будет господствовать!

Лейша не стала возражать:

— А вторая новость?

— Печальная, Лейша. Мы потеряли одного из наших.

Она почувствовала желудочный спазм:

— Кто?!

— Берни Кун. Из Сиэтла. — (Лейша не знала такого.) — Автокатастрофа. На первый взгляд все просто — на вираже отказали тормоза. Он водил машину всего несколько месяцев. Ему было семнадцать. Но вот что важно: родители предоставили его внутренние органы в распоряжение Биотехнического института совместно с патологоанатомическим отделением Чикагского медицинского. Они собираются внимательно изучить, как влияет на организм длительное отсутствие сна.

— Без этого не обойтись, — сказала Лейша. — Бедный парень. Но почему ты так боишься? Что они могут обнаружить?

— Не знаю. Я не врач. Но если выяснится что-то, что наши противники смогут обратить против нас, то они не постесняются.

— Ты сошел с ума, Тони.

— Глупости. Неспящие гораздо спокойнее и лучше ориентируются в жизни. Разве ты не читаешь литературу?

— Тони...

— И все-таки. Ты идешь по улицам Испании, и сто нищих требуют подаяния. Ты говоришь им «нет». Но они так злы, что валят тебя с ног и отнимают все, а потом избивают. Просто так, от зависти и отчаяния.

Лейша молчала.

— Не хочешь ли ты сказать, что так не бывает?

— Бывает, — бесстрастно ответила девушка. — Но не так уж часто.

— Чепуха. Почитай газеты. Но вопрос вот в чем: что ты должна тем попрошайкам? Что делать праведному иагаисту, верящему во взаимовыгодный договор с людьми, которые умеют только брать?

— Ты не...

— Что, Лейша? Давай объективно: что мы должны алчным бездельникам?

— Я уже говорила. Быть добрыми, милосердными.

— Даже если они не платят нам тем же? Почему?

— Потому что... — Она замолчала.

— Ну же? Почему законопослушные и трудолюбивые человеческие существа обязаны кормить тунеядцев? Какие здесь мотивы — философские, экономические или нравственные? Будь честной, как всегда.

Лейша уткнулась головой в колени. Вопрос выбил почву у нее из-под ног, но она не пыталась уклониться от ответа:

— Не знаю. Я просто знаю, что должны.

— Но почему?

Она не отозвалась. Мгновение спустя заговорил Тони. Теперь его голос звучал почти нежно:

— Приезжай весной посмотреть на строительство Убежища.

— Нет.

— Я хотел бы, чтобы ты приехала.

— Нет. Круговая оборона — это не выход.

— Нищие наглеют, Лейша, — сказал Тони. — Причем тем больше, чем богаче становятся Неспящие. Я говорю не о деньгах.

— Тони... — Лейша не знала, что ответить.

— Не очень-то разгуливай по улицам, вооруженная только памятью о Кенцо Иагаи.

В холодный мартовский день, когда резкий ветер свистел вдоль Чарлз-Ривер, Ричард Келлер приехал в Кембридж. Лейшу он не предупредил — они не виделись уже три года. Закутанная в красный шерстяной шарф, она спешила по дорожке к своему таунхаусу, а он поджидал ее, загородив собой дверь. Телохранитель Лейши напрягся.

— Брюс, все в порядке, это мой старый друг.

— Привет, Лейша.

Ричард поправился, отрастил бороду.

— Какая ты красивая, — сказал он.

Лейша сварила кофе.

— Ты здесь по делу?

По спецсети она узнала, что Ричард защитил докторскую диссертацию, провел выдающиеся исследования в Карибском бассейне, но год назад бросил все.

— Нет. Ради удовольствия. — Ричард улыбнулся прежней открытой улыбкой. — Я уже почти забыл, что это такое. Все мы хорошо знаем, какое удовлетворение приносит успешная работа. Но удовольствие? Прихоть? Каприз? Когда ты в последний раз делала глупость, Лейша?

Она улыбнулась:

— Я ела сахарную вату под душем.

— Правда? Зачем?

— Чтобы посмотреть, как она растекается.

— И как?

— Очень красиво.

— Когда это было?

— Прошлым летом. — Лейша рассмеялась.

— Ну, моя глупость посвежее. Я в Бостоне, только чтобы увидеть тебя.

Лейша перестала смеяться:

— У тебя слишком напряженный тон, Ричард.

— Ага, — натянуто ответил он.

Она снова рассмеялась.

— Я был в Индии, Лейша. И в Китае, и в Африке. Сперва путешествовал, притворяясь Спящим, чтобы не при-

влекать к себе внимание. Потом решил повидать Неспящих в Индии и Китае. Я пытался понять, почему в безнадежно отсталых странах — ведь там И-энергия доступна только в больших городах — спокойно принимают превосходство Неспящих, а здесь, в Америке, процветающей как никогда, неприязнь к нам растет.

— И ты понял? — спросила Лейша.

— Нет. Но, наблюдая за жизнью всех этих коммун и поселков, я понял нечто другое. Мы чересчур индивидуалистичны.

Лейша почувствовала разочарование. Она увидела лицо отца: «Совершенство — вот что идет в счет, Лейша. Совершенство на основе индивидуальных особенностей...» Она потянулась за чашкой Ричарда:

— Еще кофе?

Он поймал ее руку:

— Пойми меня правильно, Лейша. Я говорю не о работе. Мы слишком рациональны. Слишком одиноки. Разобщенность убивает кое-что поважнее свободного потока идей. Она убивает радость.

Он не отпускал ее запястье. Она не замечала раньше, что его глаза такие глубокие. Подобное чувствуешь, заглядывая в ствол шахты. Очень страшно, кружится голова, и ты не знаешь, что на дне — золото или тьма. Или все вместе.

Ричард мягко спросил:

— Стюарт?

— Все в прошлом. Студенческий роман.

— Кевин?

— Мы просто друзья.

— Я не был в этом уверен. Кто-то еще?

— Нет.

Он отпустил ее руку. Лейша бросила на него робкий взгляд.

— Это радость, Лейша.

Его смех отозвался в ней чем-то непонятным, а потом Лейша тоже рассмеялась легким, из мелких иголочек смехом, похожим на розовую сахарную вату.

— Приезжай, Лейша. У него был еще один сердечный приступ.

Голос Сьюзан Меллинг в трубке звучал устало. Лейша спросила:

— Насколько это серьезно?

— Врачи не знают. Или обманывают. Он хочет тебя видеть.

Стоял май, нужно было сделать последний рывок перед выпускными экзаменами. Корректура «Юридического обозрения» запаздывала. Ричард открыл новое дело — консультации для бостонских рыбаков, которые страдали от внезапных необъяснимых изменений океанских течений, и работал по двадцать четыре часа в сутки.

— Я приеду, — ответила Лейша.

В Чикаго было холоднее, чем в Бостоне. Почки на деревьях едва проклюнулись. На озере Мичиган, видневшемся из громадных восточных окон отцовского дома, белые гребешки волн подбрасывали холодные брызги. Сьюзан жила здесь — ее щетки для волос лежали на туалетном столике в спальне, журналы — в прихожей.

— Лейша, — проговорил Кэмден.

Он сильно постарел. Серая кожа, впалые щеки, суетливый и озадаченный взгляд человека, для которого работа — как воздух. В углу на маленьком стульчике восемнадцатого века сидела низенькая полная женщина с каштановыми косами.

— Алиса.

— Привет, Лейша.

— Алиса, я искала тебя... Как ты?

— Хорошо, — ответила сестра.

Она держалась отчужденно, но мягко и была ничуть не похожа на ту рассерженную Алису, которую Лейша видела шесть лет назад в горах Пенсильвании. Кэмден с трудом повернулся в постели, и Лейша увидела, что его глаза не потеряли своей яркой синевы.

— Я просил Алису приехать. И Сьюзан. Я умираю, Лейша.

Лейша, зная, как он ценит правду, промолчала. От любви и жалости к отцу болело сердце.

— У Джона Яворски находится мое завещание. Но я хочу сказать вам, что там написано. Последние несколько лет я продавал имущество. Бо́льшая часть моего состояния теперь хранится на банковских счетах. Я оставил одну де-

сятую Алисе, одну десятую — Сьюзан, одну десятую — Элизабет, а остальное тебе, Лейша, потому что ты единственная сможешь должным образом распорядиться деньгами.

Лейша изумленно взглянула на Алису. Сестра была по-прежнему невозмутимой.

— Элизабет? Моя... мать? Жива?

— Да, — ответил Кэмден.

— Ты сказал мне, что она умерла! Много лет назад!

— Да. Я думал, что так будет лучше для тебя. Она завидовала тебе. И ничего не могла тебе дать. Она только расстроила бы тебя.

Испанские пищие...

— Ты ошибся, папа. Она моя мать... — Лейша не сумела закончить фразу.

Кэмден не дрогнул:

— Я так не думаю. Но ты теперь взрослая и можешь повидать ее.

Он все смотрел на нее своими яркими, запавшими глазами, а мир вокруг Лейши рушился. Отец солгал ей! Сьюзан с легкой усмешкой внимательно наблюдала за Лейшей. Неужели она рада, что Кэмден упал в глазах своей дочери? Неужели она с самого начала ревновала его к ней, к Лейше...

Стоп. Она рассуждает, как Тони.

Эта мысль помогла ей прийти в себя. Но Лейша все еще смотрела на отца, а тот не отводил взгляда — неумолимый, непоколебимый человек, даже на смертном одре уверенный в своей правоте.

Алиса коснулась плеча Лейши, а голос прозвучал так тихо, что расслышала только Лейша.

— Он все сказал, Лейша. А ты скоро оправишься.

Алиса оставила сына в Калифорнии со своим вторым мужем. С Беком Ватроузом, строительным подрядчиком, она познакомилась, работая официанткой в кафе на Искусственных островах. Бек усыновил Джордана.

— До встречи с Беком мне приходилось несладко. Знаешь, когда я носила Джордана, мне часто снилось, что он родится Неспящим, как ты. Каждую ночь я видела это во сне, и каждое утро меня мутило при мысли, что ребенок

вырастет глупым и никчемным, как я. Я прожила с Эдом — помнишь, в Аппалачах — еще два года. Когда он бил меня, я радовалась. Мне хотелось, чтобы отец это видел. По крайней мере Эду я была небезразлична.

У Лейши вырвался хрип.

— В конце концов я уехала, потому что боялась за Джордана. В Калифорнии я целый год бездельничала. Стала весить сто девяносто фунтов. Потом вернулась домой повидать маму.

— А мне не сказала, — упрекнула Лейша.

— Она почти не просыхает, — сказала Алиса с грубой прямотой, — и вряд ли захотела бы встретиться с тобой. Но меня приняла и обслюнявила, причитая, что я ее «настоящая» дочь, а потом обделала мое платье. Она кричала, что папа погубил наши с ней жизни, и все ради тебя. И знаешь, что я сделала?

— Что? — Голос Лейши дрожал.

— Я полетела домой, сожгла всю свою одежду, нашла работу, поступила в колледж, похудела на пятьдесят фунтов и отдала Джордана в группу игровой терапии.

Сестры сидели молча. Темное озеро за окном не освещали ни луна, ни звезды. Лейшу вдруг затрясло, и Алиса похлопала ее по плечу.

— Скажи... — Лейше просто хотелось слышать теперешний голос Алисы, мягкий и отстраненный, без глубоко запрятанной боли. — Расскажи мне о Джордане. Ему сейчас пять? Какой он?

Алиса повернула голову и спокойно посмотрела на Лейшу:

— Он веселый, обыкновенный мальчик. Совершенно обыкновенный.

Кэмден умер неделю спустя. После похорон Лейша попыталась увидеться с матерью, но та лечилась от алкоголизма в Брукфилдском наркологическом центре. Врачи сказали, что Элизабет Кэмден не принимает никого, кроме своей единственной дочери, Алисы Кэмден-Ватроуз.

Сьюзан Меллинг отвезла Лейшу в аэропорт. Она со знанием дела рассуждала об учебе Лейши, о Гарварде, о «Юридическом обозрении». Лейша отвечала односложно, но Сьюзан не отступала: когда Лейша сдает экзамены

в адвокатуру? Когда у нее собеседования по поводу работы? Постепенно Лейшу отпустило оцепенение. Она поняла, что настойчивые расспросы Сьюзан были проявлением заботы.

— Он пожертвовал многими людьми, — неожиданно сказала Лейша.

— Но не мною, — сказала Сьюзан. — Только на короткое время, когда я оставила свою работу, чтобы заниматься его делами. Роджер не очень-то приветствовал жертвы.

— Он был не прав? — В словах Лейши невольно послышалась нотка отчаяния.

Сьюзан грустно улыбнулась:

— Нет, он был прав. Мне не следовало бросать работу. Потом мне пришлось слишком долго обретать себя.

«Он делает людей такими», — прозвучал чей-то голос в ушах Лейши. Сьюзан? Или Алиса? Она не смогла вспомнить.

Лейша устала. Двадцать минут отдыха восстановят силы. Глаза жгли непривычные слезы. Она откинула голову на спинку сиденья и прикрыла веки.

Сьюзан заехала на стоянку и выключила мотор.

— Я хочу сказать тебе кое-что, Лейша.

Девушка открыла глаза:

— Насчет завещания?

Сьюзан натянуто улыбнулась:

— Нет. Группа исследователей из Биотехнического и Чикагского медицинского завершила исследование мозга Берни Куна.

Лейша повернулась к Сьюзан. На лице у мачехи отразилась сложная гамма чувств: решимость, удовлетворение, гнев и что-то еще, чему Лейша не могла подобрать названия.

— Мы опубликуем результаты на следующей неделе в «Новоанглийском медицинском журнале». Благодаря строжайшей секретности в прессу ничего не просочилось. Но сейчас я хочу рассказать тебе сама о том, что мы обнаружили.

— Говори. — Сердце девушки сжалось.

— Помнишь, как ты и другие Неспящие ребята вынили интерлейкин-один?

— Как ты об этом узнала?

— За вами наблюдали гораздо пристальнее, чем вы думали. Помнишь, как у тебя болела голова?

— Да.

— Именно об интерлейкине-один я и хочу поговорить. Этот препарат относится к большой группе веществ, которые запускают иммунную систему, стимулируют выделение антител, активность лейкоцитов. У нормальных людей выбросы ИЛ-один происходят во время «медленной» фазы сна и иммунная система получает резкий толчок. Двадцать восемь лет назад мы исследовали, будут ли неспящие дети болеть чаще, чем спящие?

— Я же никогда не болела, — возразила Лейша.

— Нет, болела. Ветрянка и три простуды к концу четвертого года жизни, — дала точный ответ Сьюзан. — Но в общем, вы все здоровые люди. Это породило новую теорию: если взрыв иммунной активности возникает во сне, значит, колебания температуры тела во время БДГ-фазы увеличивают риск заболеваний. Другими словами, сон является причиной иммунной уязвимости, которую уравновешивают эндогенные пирогены, подобные ИЛ-один. При отсутствии сна эта проблема не возникала. Тебе понятно?

— Да.

— Конечно. Дурацкий вопрос. — Сьюзан откинула волосы. Они поседели на висках. Под правым глазом появилось возрастное пятнышко. — За долгие годы мы сняли с Неспящих тысячи, сотни тысяч однофотонных эмиссионных томограмм плюс бесконечные энцефалограммы, образцы спинно-мозговой жидкости... Правда, нам не удавалось по-настоящему заглянуть в ваш мозг. Пока Берни Куп не врезался в дорожное ограждение.

— Сьюзан, — остановила ее Лейша, — скажи мне прямо, без обиняков.

— Вы не будете стареть.

— Что?

— Конечно, поседеют волосы, появятся морщины, слегка обвиснет кожа. Но отсутствие пептидов сна влияет на иммунную систему и восстановление тканей непонятным для нас образом. У Берни Куна был совершенный организм, не просто здоровый, не просто молодой — идеальный. У Неспящих происходит усиленная регенерация тканей, явно вызванная работой иммунной системы.

— Как долго это может продолжаться? — прошептала Лейша.

— Черт его знает. Берни Кун был молод. Возможно, в какой-то момент включится некий компенсационный механизм и все вы просто рухнете, как целый полк Дорианов Греев. Вряд ли это продлится вечно — вечной регенерации не бывает. Но долго, очень долго.

Лейша уставилась на собственное отражение на ветровом стекле. Ей привиделось лицо отца на фоне голубой шелковой обивки гроба в обрамлении белых роз. Его сердце не умело восстанавливаться.

— О будущем в этой связи можно только гадать, — нарушила молчание Сьюзан. — Пептидные структуры, вызывающие у нормальных людей потребность в сне, напоминают компоненты бактериальных клеток. Может быть, существует связь между сном и восприимчивостью к патогенным микробам. Однако отсутствие точных данных никогда не останавливало бульварных писак. Я хотела подготовить тебя, потому что вас будут называть супермэнами, *homo perfectus* и еще бог знает как. Бессмертными.

Женщины молчали. Наконец Лейша произнесла:

— Я расскажу остальным по нашей связи. Об утечке информации не беспокойся. Кевин Бейкер создал специальную сеть для Группы.

— Вы уже так хорошо организованы?

— Да.

Губы Сьюзан задрожали. Она отвела взгляд:

— Пойдем, пора, пропустишь свой рейс.

— Спасибо.

— Не стоит благодарности. — В голосе Сьюзан Лейше послышалась тоска.

Регенерация тканей. Эти слова музыкой звучали в голове Лейши, пока она летела в Бостон. И еще — бессмертна.

— Вы все улыбаетесь, — заметил сидевший рядом с ней бизнесмен. — Возвращаетесь с большого праздника в Чикаго?

— Нет, с похорон.

Сосед был шокирован. На лице появилась гримаса отвращения. Лейша посмотрела в окно. Реки напоминали микро-

цепи, поля — аккуратные каталожные карточки. А на горизонте — пушистые белые облака, словно экзотические цветы в залитой светом оранжерее.

Письмо было не толще любого другого, но подобные письма они получали так редко, что Ричард встревожился:

— Там может быть взрывчатка.

Лейша посмотрела на письмо, лежавшее на столике в прихожей. «МИСС ЛЕЙШИ КЭМДЕН». Большими печатными буквами, с орфографической ошибкой.

— Похоже, писал ребенок, — заметила она.

Ричард опустил голову и широко расставил ноги. На лице отразилась смертельная усталость.

— Возможно, кто-то нарочно подделал почерк ребенка. Считается, что, вскрывая детское письмо, ты будешь менее осторожна.

— Ричард, мы сходим с ума?

— Да. На данный момент.

Неделю назад в «Новоанглийском медицинском журнале» появилась деликатная, внятная статья Сьюзан. Часом позже теле- и радиовещание и компьютерные новостные сети потряс взрыв досужих домыслов, драматических прогнозов, ярости и страха. Лейша и Ричард, а также все члены Группы пытались выяснить, какое же мнение преобладает: домыслы («Неспящие, возможно, проживут века, и это приведет к...»), драматические прогнозы («Если Неспящий будет жениться только на Спящих, то за свою жизнь он переменит дюжину жен и народит несколько десятков детей...»), ярость («Нарушение законов природы привело к появлению так называемых людей, которым несправедливо дано преимущество во времени, чтобы аккумулировать власть и собственность...») или страх («Скоро ли суперраса захватит власть?»).

— Просто все боятся по-разному, — подвела итог Кэролин Риццоло.

Лейша сдавала выпускные экзамены. Каждый день она слышала комментарии — и по дороге в студгородок, и в коридорах, и в аудиториях; каждый день она забывала о них во время труднейших экзаменов. Потом, опустошенная, она молча шагала домой, к Ричарду, ощущая на себе взгляды людей на улице, но зная, что ее телохранитель Брюс рядом.

— Все пройдет, — говорила Лейша.

В городке Солт-Спрингс, штат Техас, власти приняли решение запретить выдачу Неспящим лицензии на торговлю алкогольными напитками. Поскольку гражданские права основываются на положении Декларации независимости «все люди созданы равными», а к Неспящим это явно не относится. Ни в самом городке, ни на сто миль вокруг не было ни одного Неспящего, и уж тем более ни один из них не собирался торговать спиртным, но эта глупейшая история была подхвачена агентством Юнайтед Пресс и компьютерной новостной сетью, и тотчас по всей стране появились жаркие статьи как «за», так и «против».

За первой ласточкой последовали другие. В Поллуксе, штат Пенсильвания, разрешалось отказывать Неспящим в найме жилья под тем предлогом, что их длительное бодрствование увеличивает как износ мебели, так и счета за коммунальные услуги. В Крэнстон-Истейтс, штат Калифорния, Неспящим запретили заниматься бизнесом, связанным с круглосуточной торговлей, — так называемая неравная конкуренция. В Ирокез-Каунти, штат Нью-Йорк, Неспящие отныне не могли входить в состав присяжных, потому что подобный суд не подпадает под определение «суда равных по положению людей».

— Все эти решения можно опротестовать, — заметила Лейша. — Но боже мой, сколько же придется угробить денег и времени на писанину! — Она поймала себя на мысли, что говорит точь-в-точь как отец.

В штате Джорджия, где гомосексуализм еще оставался наказуемым, интимную связь между Неспящими и Спящими отнесли к уголовным преступлениям третьей степени наряду со скотоложеством.

Разработанные Кевином Бейкером программы позволяли с большой скоростью получать информацию, касающуюся дискриминации или прямых нападок на Неспящих. Эти файлы имелись в спецсети. Лейша просмотрела их и связалась с Кевином:

— Не мог бы ты создать параллельную программу, регистрирующую случаи защиты Неспящих? Картина складывается однобокая.

— Ты права, - ответил озадаченный Кевин. — Я об этом не подумал.

Больше всего Лейлу огорчало отношение к неспящим детям. Их сторонились одноклассники, обижали братья и сестры, избивали местные хулиганы, и даже собственные родители смотрели косо — ребенок, который будет жить столетия, смущал. Школьный совет в Колд-Ривер, штат Айова, проголосовал за то, чтобы не принимать таких детей в обычные классы, так как их быстрые успехи «создают чувство неполноценности у других детей». Совет выделил средства, позволившие неспящим детям приглашать учителей на дом. Но среди педагогов не нашлось добровольцев. Все свободное время Лейла общалась с малышами по сети.

А Стелла Бевингтон почему-то перестала пользоваться своим модемом.

Новая программа Кевина отбирала статьи о проявлениях справедливости к Неспящим. Школьный совет Денвера согласился финансировать проект, в рамках которого одаренные ученики, в том числе и Неспящие, должны были стать наставниками младших детей. В Рив-Бо, штат Луизиана, Неспящую Даниель дю Шерней выбрали в Городской совет, хотя ей исполнилось всего двадцать два.

Престижная фирма «Хейли-Холл», занимающаяся медицинскими исследованиями, широко афишировала факт приема на работу Кристофера Эмрена, Неспящего, имевшего степень доктора.

Дора Кларк, Неспящая из Далласа, распечатала адресованное ей письмо, и пластиковая взрывчатка оставила ее без руки.

Лейла и Ричард смотрели на конверт в прихожей. Плотная кремовая бумага окрашена под пергамент. Обратный адрес отсутствует. Ричард позвонил Лиз Бишоп, Неспящей, которая заканчивала отделение уголовного права в Мичигане. И хотя они не были знакомы, девушка подробно проконсультировала их.

Ричард и Лейла выполнили все ее инструкции по дистанционной детонации в подвале своего дома. Ничего не случилось. Письмо было вскрыто:

«Дорогая мисс Кэмден!

Мне очень жаль, что приходится увольняться, но профсоюз вынуждает. На вашем месте я попытался бы найти

другого телохранителя на стороне. Будьте осторожны. Еще раз извините, но мне тоже жить надо.

Брюс».

— Смех сквозь слезы, — произнесла Лейша. — Мы с тобой доставали все это снаряжение, несколько часов возились, чтобы взрывное устройство не сработало...

— Не могу сказать, что ради этого мне пришлось отложить срочные дела, — печально заметил Ричард.

С тех пор как Неспящие попали в немилость, клиенты его консалтинговой фирмы, за исключением двоих, закрыли свои счета. Ничего удивительного — они зависели от рынка, а следовательно, от общественного мнения.

Компьютер Лейши, настроенный на спецсеть, взвыл сигналом срочного вызова. Это был Тони Индивино:

— Лейша, мне нужна твоя помощь как юриста. Меня пытаются втянуть в бой за Убежище. Пожалуйста, вылетай.

Убежище окружал целый ряд свежевырытых траншей. Оно располагалось на юге штата Нью-Йорк, в Аллеганах, в старых, сглаженных временем горах, поросших соснами и кустарником. От ближайшего городка Белмонт вела превосходная дорога. Невысокие здания, спроектированные с изящной простотой, находились на разных стадиях завершения. Дженнифер Шарафи встретила Лейшу с Ричардом без улыбки. Она не слишком изменилась за шесть лет, разве что длинные черные волосы были непричесаны, а смоляные глаза казались огромными от напряжения.

— Тони просил меня сначала показать вам место.

— Что случилось? — тихо спросила Лейша.

— Потом. Сначала посмотрим Убежище. Тони очень дорожит твоим мнением, Лейша.

В каждом корпусе было пятьдесят спален, огромные общие кухни, столовые, ванные и комнаты отдыха, лабиринты кабинетов, студий и лабораторий.

— Мы все равно называем их спальнями, несмотря на двусмысленность этого слова, — сказала Дженнифер.

Даже в этом замечании, которое в устах любого другого прозвучало бы игриво, Лейша уловила странное сочетание обычного нарочитого спокойствия Дженнифер и сегодняшнего напряжения.

Лейша поразилась, как детально продумал Тони эту жизнь, коллективную и сугубо индивидуальную одновременно. В Убежище имелись гимнастический зал, небольшая больница. К концу следующего года планировалось набрать квалифицированный персонал, а также организовать детский сад, школу и ферму с интенсивным земледелием.

— Бóльшая часть продуктов будет поступать извне, конечно. Работать тоже станем за пределами Убежища. Мы только создаем безопасное место, откуда можно вести дела с обществом.

Лейша промолчала.

Помимо энергоснабжения — самоподдерживающегося источника И-энергии — ее поразило отношение к человеческим ресурсам. Тони сумел заинтересовать проектом Неспящих представителей практически всех профессий.

— Юристы и бухгалтеры в первую очередь, — говорила Дженнифер. — Это наша передовая линия обороны. Тони считает, что основная борьба будет проходить в судах и на заседаниях различных советов.

Напоследок Дженнифер продемонстрировала им планы укреплений. Казалось, она только сейчас немного расслабилась.

Система обороны была ориентирована на то, чтобы остановить нападающих, не причинив им вреда. Электронное наблюдение охватывало сто пятьдесят квадратных миль территории, купленной Дженнифер. Побольше иного графства, подумала Лейша. На расстоянии полумили от ворот включалось силовое поле, наносящее удары электрошоком. Проникновение на территорию дистанционно управляемых машин или роботов отслеживалось системой, запрограммированной на любой движущийся металлический объект определенной массы. Устройство, не снабженное спецсигналом, созданным Дональдом Поспулой, Неспящим, бралось под подозрение.

— Конечно, мы не готовы отразить нападение с воздуха или атаку армии, — подытожила Дженнифер. — Но мы и не ожидаем этого. Нам угрожают только слепые от ненависти безумцы.

Лейшу встревожил план обороны.

— Если мы не сможем интегрироваться в этот мир... Свободная торговля подразумевает свободу передвижения.

— Это предполагает свободный разум, — быстро отозвалась Дженнифер, и что-то в ее голосе заставило Лейшу посмотреть на девушку. — Мне нужно кое-что сказать тебе, Лейша. Тони здесь нет.

— Где он?

— В тюрьме графства. Мы ведем настоящий бой за земли — это в такой глуши! Но дело в другом. Сегодня утром Тони обвинили в похищении Тимми Демарцо.

Стены комнаты поплыли перед глазами.

— ФБР?

— Да.

— Как... как они узнали?

— Какой-то агент наконец распутал это дело. Тони нужен адвокат, Лейша. Билл Тсин предложил помощь, но Тони хочет, чтобы ты вела дело.

— Дженнифер, я сдаю экзамены только в конце июля!

— Он подождет. Пока Билл будет выступать в качестве его адвоката. Ты сдашь экзамен?

— Конечно. Но я уже дала согласие работать в конторе «Морхауз, Кеннеди и Андерсон» в Нью-Йорке... — Она осеклась.

Ричард пристально смотрел на нее, лицо Дженнифер оставалось непроницаемым. Лейша тихо спросила:

— Какой линии защиты он собирается придерживаться?

— Виновен, — отозвалась Дженнифер, — при... как это называется у юристов? Смягчающих обстоятельствах.

Лейша боялась, что Тони решит отпираться; ложь, увертки — опасное поведение. Она мысленно перебрала разные виды смягчающих обстоятельств, припоминая прецеденты... Можно использовать дело Клементса против Вой...

— Билл отправился в тюрьму, — сказала Дженнифер. — Поедешь туда со мной? — В ее голосе прозвучал вызов.

— Да, — ответила Лейша.

Увидеться с Тони им не разрешили. Человек из офиса окружного прокурора объяснил, что посещать Тони может только его адвокат. Во время разговора лицо клерка оставалось бесстрастным, но, когда девушки двинулись к выходу, он, не пожалев пола своего кабинета, смачно плюнул им под ноги.

В аэропорт Ричард с Лейшей возвращались во взятой напрокат машине. Ричард решил немедленно переехать, чтобы помочь в строительстве.

Бóльшую часть оставшегося до экзаменов времени Лейша проводила в своем таунхаусе, напряженно занимаясь или общаясь по сети с детьми. Она не стала нанимать нового телохранителя и неохотно выходила из дому. Раз-два в день Лейша просматривала электронные новости Кевина.

Появилась некоторая надежда. Газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала передовицу, подхваченную средствами массовой информации.

«ПРОЦВЕТАНИЕ И НЕНАВИСТЬ: КРИВАЯ ЗАВИСИМОСТИ, КОТОРУЮ МЫ ПРЕДПОЧИТАЕМ НЕ ЗАМЕЧАТЬ

В Соединенных Штатах никогда не ценили спокойствие, логику и рациональность, считая эти качества „холодными". Наш народ более склонен восхищаться яркими чувствами и решительными действиями. Мы возвеличиваем свершения нашей истории — однако не саму Конституцию, а ее защиту у Иводзимы[1]; не интеллектуальные достижения Стивена Хокита[2], а героическую страстность Чарльза Линдберга[3]; не изобретателей монорельса и компьютеров, а авторов гневных революционных песен, которые нас разобщают.

И что особенно странно — эта тенденция усиливается в периоды благоденствия. Чем обеспеченнее наши граждане, тем больше они презирают трезвый расчет, который принес им это богатство, и все более страстно отдаются во власть эмоций. Вспомните безобразные эксцессы диких двадцатых годов, презрение к истеблишменту шестидесятых. Вспомните недавнее прошлое — беспримерное процветание, обеспеченное И-энергией, и неприязнь к самому Кенцо Иагаи; все, кроме ближайших последователей, считали его алчным и бесчувственным. И в то же время наш

[1] *Иводзима* — остров в Восточно-Китайском море, который американские войска захватили во время Второй мировой войны. В настоящее время вновь принадлежит Японии.

[2] *Хокит Стивен Уильям* (р. 1942) — английский физик-теоретик. Основная область исследований — космология и квантовая гравитация.

[3] *Линдберг Чарльз* (1902—1974) — американский летчик, совершивший первый трансатлантический полет в 1927 году.

народ преклоняется перед писателем-нигилистом Стефаном Кастелли, „сентиментальной“ актрисой Брендой Фосс и бросающим вызов самому дьяволу ныряльщиком в гравитационный колодец Джимом Морзом Лютером.

Размышляя над этим феноменом в обеспеченных И-энергией домах, отметьте нынешний взрыв неадекватных эмоций против Неспящих, нарастающий с момента публикации совместных открытий Биотехнического и Чикагского медицинского институтов.

Неспящие обладают тонким умом. Они спокойны, если определить этим повсеместно порицаемым словом умение направить свою энергию на решение проблем. (Лауреат Пулитцеровской премии Кэролин Риццоло вынесла на суд зрителей потрясающую пьесу об идеях, а не о буйстве страстей.) Все они отличаются врожденной целеустремленностью, которой способствует сэкономленное на сне время. Их достижения в основном относятся к области логики. Это электроника, юриспруденция, финансы, теоретическая физика, медицина. Потенциальные долгожители, Неспящие педантичны, жизнерадостны и молоды.

И в нашей фантастически преуспевающей стране их все больше ненавидят.

И правда ли, что наша неприязнь, пышный расцвет которой мы наблюдаем в последние несколько месяцев, порождена „несправедливыми преимуществами“, которые есть у Неспящих в получении работы, повышении по службе, деньгах и успехе? Действительно ли это зависть? Или корни ее в типично американской привычке „палить от бедра“, ненавидеть превосходящий ум?

Если это и впрямь так, то следует призадуматься об основателях нашего государства: Джефферсоне, Вашингтоне, Пейне, Адамсе. Все они были обитателями Эры Разума. Эти люди создали наше упорядоченное и сбалансированное законодательство именно для того, чтобы защищать собственность, нажитую уравновешенными и рациональными индивидуалами. Возможно, Неспящие — это пробный камень нашей веры в закон и порядок. Да, Неспящие НЕ БЫЛИ „созданы равными“, но отношение общества к ним следует выверить со всей тщательностью, доступной нашей юриспруденции. Возможно, мы узнаем о себе много неприятного, но от результатов этого исследования зависит наша самооценка.

Реакции общественности на научные открытия последнего месяца недоставало здравого смысла.

Закон не театр. Прежде чем издавать вердикты, отражающие неприглядные и несколько театральные чувства, нужно хорошенько удостовериться, что мы в состоянии трезво оценить их».

Лейша обхватила себя руками и, широко улыбаясь, в восхищении уставилась на экран. Затем позвонила в «Нью-Йорк таймс» и спросила, кто написал передовицу. Любезности у секретарши сразу поубавилось, и она резко сказала, что редакция не дает справок.

Но и такой ответ не испортил Лейше настроения. Радость требовала физических действий. Лейша вымыла посуду, перебрала книги, затеяла перестановку.

Сьюзан Меллинг позвонила ей, как только прочла передовую; они тепло побеседовали несколько минут. Не успела Сьюзан повесить трубку, телефон зазвонил снова.

— Лейша? Твой голос совсем не изменился. Это Стюарт Саттер.

— Стюарт!..

Они не виделись четыре года. А весь роман длился два и сам собой закончился. Лейша вновь явственно ощутила его объятия там, в общежитии, — сколько же воды с тех пор утекло! Воображаемые руки превратились в руки Ричарда, и внезапная боль пронзила ее.

— Послушай, — начал Стюарт, — мне нужно кое-что тебе сообщить. Ты на следующей неделе сдаешь экзамен в адвокатуру, да? А потом тебе предстоит стажировка в конторе «Морхауз, Кеннеди и Андерсон».

— Откуда ты знаешь, Стюарт?

— Сплетни в курилке. Шучу. Но юристов в Нью-Йорке не так много, как тебе кажется. А ты довольно заметная фигура.

— Да, — бесстрастно согласилась Лейша.

— Нет ни малейшего сомнения, что тебя допустят к экзамену. А будешь ли ты работать у Морхауза — неизвестно. Два старших партнера, Алан Морхауз и Сет Браун, передумали после взрыва этой... хлопушки. «Неблагоприятная реклама для фирмы», «превращать закон в цирковое представление» и т. д. и т. п. Ты знаешь эти песни. Но у тебя есть и два сильных сторонника — Энн Карлайл и старик Майкл Кеннеди. Он довольно крупная фигура. Вот я

и решил посвятить тебя в ситуацию, чтобы ты знала, на что рассчитывать в борьбе.

— Спасибо,— поблагодарила Лейша.— Стю... почему тебе не безразличны мои дела?

На другом конце линии воцарилось молчание. Потом Стюарт очень тихо ответил:

— Не все тут кретины, Лейша. Справедливость все еще что-то значит для некоторых из нас. И достоинство тоже.

Лейша почувствовала необыкновенный подъем.

— Многие также поддерживают вас в этой дурацкой борьбе за землю под строительство Убежища,— продолжал Стюарт.— Возможно, ты не знаешь, но это так. На суде вам будет оказана любая помощь.

— Я Убежищем не занимаюсь.

— Ну, я имел в виду всех вас в целом.

— Спасибо. От всей души. Как твои дела?

— Прекрасно. Я стал папой.

— Да ну! Девочка или мальчик?

— Девочка. Прелестная маленькая крошка по имени Жюстина. Я хотел бы познакомить тебя с моей женой.

— С удовольствием,— ответила Лейша.

Остаток ночи она провела, готовясь к экзамену. Ликование не покидало ее.

Все будет в порядке. Неписаный договор между ней и ее кругом — обществом Кенцо Иагаи, кругом Роджера Кэмдена — останется в силе. Невзирая на разногласия, споры и ненависть. Лейше вдруг вспомнился разговор с Тони об испанских нищих. Да, такие есть. Но договор останется в силе.

Она свято верила в это.

7

В адвокатуру Лейша поступила. После экзаменов трое ее сокурсников, два парня и девушка, проявляли к ней пристальный интерес, пока Лейша не уехала домой. Студенты были Спящими.

На следующее утро Лейше предстояло лететь в Чикаго на встречу с Алисой. Большой дом на берегу озера надо было привести в порядок и выставить на продажу. Раньше у Лейши руки не доходили.

Она вспоминала, как отец, в старомодной плоской шляпе, выращивал в оранжерее орхидеи, жасмин и камелии.

В дверь позвонили. Она вздрогнула: к ней почти никто не приходил. Нетерпеливо включила внешнюю камеру, — может, это Джонатан или Марта нагрянули в Бостон, чтобы отпраздновать — и как это она не догадалась! — и устроить вечеринку?

На мониторе появился Ричард. Лицо у него было заплаканное.

Лейша рывком распахнула дверь. Ричард не собирался входить. Лейша поняла, что это не были слезы ярости.

— Тони погиб.

Лейша, словно ослепнув, вытянула вперед руку. Ричард остался неподвижен.

— Его убили в тюрьме. Заключенные. На прогулке. Эти подонки вообразили, что имеют право убить его, потому что он лучше. — Ричард крепко схватил ее за руку. — Да, мы лучше, но не кричим об этом, опасаясь задеть их чувства... Господи!

Лейша высвободила руку, оцепенело глядя в искаженное лицо Ричарда.

— Они били его по голове свинцовой трубой, а потом перевернули и...

— Не надо! — вскрикнула Лейша.

— Я приехал забрать тебя в Убежище, — тихо произнес Ричард. — В машине ждут Дэн Джекинс и Вернон Балрисс. Мы потащим тебя силой, если понадобится. Здесь находиться опасно. Твоя независимость раздражает. Надеюсь, ты понимаешь, что Убежище — наш единственный выход?

Лейша закрыла глаза. Перед ее мысленным взором появился четырнадцатилетний Тони. Испанские нищие.

— Я поеду.

Никогда еще она не испытывала такого гнева. В течение этой долгой ночи он накатывал, словно океанские волны. Лейша с Ричардом сидели в библиотеке, и даже объятия юноши были бессильны перед этой яростью. Гнев взрывался криком, выливался слезами, но ничто не приносило облегчения. В гостиной тихо переговаривались Дэн с Верноном.

Холодным, чужим голосом Лейша рассказала Ричарду, что собирается в Чикаго. Если Ричард, Дэн и Вернон посадят Лейшу в самолет, а Алиса встретит ее с профессиональными телохранителями, то ничего страшного не случится. Потом она обменяет обратный билет в Бостон на рейс в Белмонт, а оттуда на машине доедет с Ричардом до Убежища.

— Все уже съезжаются, — сказал Ричард. — Дженнифер Шарафи взвалила на себя все. Она подмазывает поставщиков из Спящих такими деньгами, что те не могут устоять. А как быть с этим домом, Лейша? Что делать с твоими вещами?

Лейша оглядела знакомый кабинет. Юридическая литература, красные, зеленые, коричневые корешки книг, выстроившихся вдоль стен. Кофейная чашка, оставленная на письменном столе. Квитанция, которую она попросила сегодня у таксиста на память о счастливом дне, когда она сдала экзамены в адвокатуру. Голографический портрет Кэцо Иагаи.

— Пропади все пропадом, — махнула рукой Лейша.

Ричард крепче обнял ее.

— Что случилось? — спросила притихшая Алиса. — Похоже, мы не просто убираем дом, да?

— Не отвлекайся, — ответила Лейша. Она выхватила из отцовского гардероба какой-то костюм. — Ты не хочешь взять что-нибудь для мужа?

— Это не его размер.

— А шляпы?

— Нет, — отказалась Алиса. — Лейша, что происходит?

— Давай займемся делом! — Она свалила на пол всю одежду Кэмдена и, нацарапав на клочке бумаги: «Для благотворительного общества», бросила его сверху.

Алиса стала выворачивать туда же содержимое комода.

С окон уже сняли шторы, свернули ковры. Красноватые отблески света ложились на голый деревянный пол.

— Что ты хочешь взять из своей бывшей комнаты? — спросила Лейша.

— Я отобрала кое-какие вещи, — ответила Алиса. — Грузовик приедет в четверг.

— Прекрасно. Что еще?

— Оранжерея. Сандерсон поливал все подряд, поэтому некоторые растения...

— Сандерсона уволим! — резко перебила Лейша. — Цветы можешь подарить больнице. Только проследи, чтобы туда не попали ядовитые растения. Пошли в библиотеку.

Алиса медленно опустилась на свернутый коврик посреди спальни Кэмдена. Она подстриглась; каштановые клочья нелепо торчали вокруг широкого лица. Сестра еще больше располнела и очень напоминала мать.

— Помнишь тот вечер, когда я сказала тебе, что беременна? — спросила Алиса. — Как раз накануне твоего отъезда в Гарвард?

— Пошли в библиотеку!

— Помнишь? — настаивала Алиса. — Господи, ты можешь хоть раз выслушать меня, Лейша? Почему ты так похожа на отца?

— Я не папа!

— Черта с два! Но не в этом дело. Ты помнишь тот вечер?

Лейша вышла. Алиса не сдвинулась с места. Через минуту Лейша вернулась:

— Да.

— Ты тогда чуть не расплакалась, — неумолимо продолжала Алиса. — Может, потому, что я не собиралась в колледж? Но когда я обняла тебя, впервые за много лет — за много лет, Лейша! — почувствовала, что мы сестры. Несмотря на твои ночные прогулки по дому, на твои демонстративные споры с папой, на специальную школу, на потрясающе длинные ноги и золотистые волосы — на всю эту чепуху. Тогда я почувствовала, что нужна тебе.

— Что ты хочешь сказать? — спросила Лейша. — Что ты можешь сострадать только человеку, который попал в беду и нуждается в тебе? Что родственные чувства просыпаются у тебя, когда мне больно? Неужели в этом все вы, Спящие?

— Нет. Я хочу сказать, что ты можешь быть сестрой только тогда, когда тебе плохо.

Лейша пристально посмотрела на нее:

— Ты глупа.

— По сравнению с тобой — да.

Лейша гневно вскинула голову. Ей было стыдно за свои слова, но они обе знали, что это правда. Но раздражение не проходило.

— В день нашего двенадцатилетия, — продолжала Алиса, — Сьюзан подарила мне платье. Ты ушла в какой-то поход с ночевкой, которые все время устраивала твоя чу́дная школа. Шелковое платье, бледно-голубое, со старинными кружевами. Я была в восторге. Ведь Сьюзан купила его для меня, а для тебя компьютерную программу. — Ее широкое, некрасивое лицо с трудом угадывалось в сумерках. — Но когда я впервые надела его, какой-то мальчишка крикнул: «Стащила платье у сестры, пока она спала?» — и захохотал как ненормальный. Я выбросила это платье. Сьюзан ничего не знала, но, думаю, она поняла бы. Твое было твоим, но и не твое — тоже. Так запрограммировал наши гены папа.

— Значит, ты тоже ничем не отличаешься от завистливых нищих?

Алиса поднялась с коврика. Медленно одернула помятую юбку, подошла и ударила Лейшу по губам:

— Теперь ты понимаешь, что я существую?

Лейша почувствовала привкус крови. Зазвонил телефон. Секретная личная линия Кэмдена. Алиса сняла трубку и спокойно протянула ее Лейше:

— Тебя.

— Лейша? Это Кевин. Мне позвонила Стелла Бевингтон по телефону, наверное, родители отняли у нее модем. Я услышал только, что ее бьет пьяный отец, и связь оборвалась. Все уехали в Убежище. Она недалеко от тебя, в Скоки. Надо бы попасть туда побыстрее. У тебя есть надежные телохранители?

— Да, — соврала Лейша. Ее гнев наконец нашел выход. — Я справлюсь.

— Не знаю, как ты вытащишь ее оттуда, — сказал Кевин. — Им известно, что она кому-то позвонила, может, ее избили до потери сознания...

— Я справлюсь, — повторила Лейша.

— С чем справишься? — спросила Алиса.

— С тем, что наделали ваши люди с одной из нас. Семилетнюю девочку истязают родители, потому что она — Неспящая, потому что она лучше вас...

Она побежала по лестнице к взятой напрокат машине, на которой приехала из аэропорта.

Алиса бежала следом:

— Не бери эту машину, Лейша, ее могут выследить. Садись в мою.

Алиса рывком распахнула дверцу потрепанной «тойоты», настолько устаревшей, что конусы И-энергетической установки торчали с обеих сторон, словно обвисшие щеки. Она втолкнула Лейшу на сиденье и втиснулась за руль. Ее руки не дрожали.

— Куда?

На Лейшу накатила слабость. Она не ела уже два, нет — три дня. С вечера накануне экзаменов.

Она назвала адрес в Скоки.

— Пересядь назад! — скомандовала Алиса, тормозя у обочины. — Возьми из бардачка шарф и надвинь пониже на лоб. Здесь можно нанять телохранителя. Нам нужно хотя бы создать видимость охраны, Лейша. Я быстро.

Она вернулась через три минуты с громадным детиной, одетым в дешевый темный костюм. Он втиснулся на переднее сиденье рядом с Алисой, не произнеся ни слова.

Маленький дом выглядел довольно обшарпанно, свет горел только внизу, наверху было темно. На небе зажглись первые звезды.

— Вылезайте и стойте здесь, у дверцы, нет, встаньте на свет и не предпринимайте ничего, если только на меня не нападут! — приказала Алиса телохранителю и пошла по дорожке.

Лейша догнала сестру на полпути к двери:

— Алиса, что ты, черт побери, делаешь? Это я должна...

— Тише. — Алиса бросила взгляд на телохранителя. — Тебя узнают. Имея Неспящую дочь, эти люди видели твои фотографии в журналах в течение многих лет, смотрели фильмы о тебе. Они знают, что ты — будущий адвокат. А я для них — никто.

— Алиса...

— Ради бога, вернись в машину! — прошипела Алиса и забарабанила в дверь.

Лейша отошла в тень от ракиты. Открыл мужчина с непроницаемым лицом.

— Агентство по защите детей. С вашего номера нам звонила маленькая девочка, — сказала Алиса. — Впустите меня.

— Здесь нет маленьких детей.

— Экстренный вызов первостепенной важности. Статья сто восемьдесят шесть! Дайте пройти!

Мужчина бросил взгляд на огромную фигуру телохранителя:

— У вас есть ордер?

— В данном случае он не нужен. Если вы меня не впустите, у вас будут огромные неприятности!

Лейша плотно сжала губы. Никто не поверит этой бессмыслице... Разбитая губа болела.

Мужчина посторонился и пропустил Алису.

Телохранитель последовал за ней. Лейша решила не вмешиваться.

Три минуты спустя они вышли. Охранник нес ребенка. Лейша побежала к машине, открыла дверцу и помогла телохранителю положить девочку на сиденье. Детина насторожился.

— Вот, — сказала Алиса. — Здесь еще сто долларов, чтобы вы добрались до города.

Телохранитель не спускал с них глаз, пока машина отъезжала.

— Он отправится прямо в полицию, — с отчаянием произнесла Лейша. — Иначе рискует вылететь из профсоюза.

— Знаю, — ответила Алиса. — Но к тому времени нас уже в машине не будет.

— Куда мы?

— В больницу.

— Алиса, мы не можем... — Лейша обернулась к заднему сиденью. — Стелла? Ты в сознании?

— Да, — раздался тоненький голосок.

Лейша включила свет в задней половине салона. Стелла вытянулась на сиденье с искаженным от боли лицом. Правой рукой она придерживала левую. Под левым глазом чернел синяк. Рыжие волосы грязные и всклокоченные.

— Вы — Лейша Кэмден, — заплакала девочка.

— У нее сломана рука, — сказала Алиса.

— Милая... — у Лейши перехватило дыхание, — ты продержишься, пока мы доставим тебя к доктору?

— Да, — ответила Стелла. — Только не везите меня обратно домой.

— Не повезем, — уверила ее Лейша. — Никогда. — Она посмотрела на Алису и увидела Тони.

— До больницы примерно десять миль, — сообщила Алиса.

— Откуда ты знаешь?

— Я когда-то лежала там с передозом, — коротко ответила Алиса.

Она сгорбилась над рулем, о чем-то лихорадочно размышляя. Лейша пыталась придумать, как избежать судебного преследования за похищение. Вряд ли они докажут, что ребенок пошел с ними добровольно. Стелла, конечно, подтвердит, но она non sui juris[1], ее слова, вероятно, не будут иметь веса в суде.

— Алиса, мы не знаем номера страховки. Причем такого, который можно проверить по компьютерной сети.

— Послушай, — обратилась Алиса к девочке, — я скажу им, что ты моя дочь. Ты упала с большого камня, когда мы остановились перекусить на площадке для отдыха у шоссе. Мы едем из Калифорнии в Филадельфию навестить бабушку. Тебя зовут Джордан Ватроуз, тебе пять лет. Поняла, милая?

— Мне почти восемь, — заявила Стелла.

— Ты очень крупная пятилетняя девочка. Твой день рождения двадцать третьего марта. Запомнишь, Стелла?

— Да. — Голос малышки звучал тверже.

Лейша во все глаза смотрела на Алису:

— А ты запомнишь?

— Конечно. Я же дочь Роджера Кэмдена.

Алиса почти внесла Стеллу в приемное отделение маленькой больницы. Лейша отогнала машину в дальний угол стоянки, под сомнительное прикрытие тощего клена, и заперла ее. Поглубже надвинула шарф на лицо.

Наверняка файлы всех полицейских участков и контор проката автомобилей уже содержат сведения об Алисе. В медицинские учреждения данные поступали медленнее. Возможно, сейчас в больнице все пройдет гладко. Но Алиса не сможет достать другую машину.

---

[1] Несовершеннолетний *(лат.)*.

А Лейша сможет.

Она оглядела парковочную площадку. Роскошный «крайслер», фургон «икеда», ряд «тойот» и «мерседесов», старомодный «Кадиллак-99» — она представила, как вытянется лицо владельца, когда тот обнаружит пропажу автомобиля, — десять-двенадцать небольших дешевых машин, вертолет с пилотом в форме. И замызганный фермерский грузовик.

Лейша подошла к грузовику. За рулем покуривал мужчина. Она вспомнила отца.

— Привет, — произнесла Лейша.

Мужчина опустил стекло, но не ответил. У него были грязные каштановые волосы.

— Видите вон тот вертолет? — звонко спросила Лейша.

Мужчина равнодушно скользнул взглядом; с его места пилота не было видно.

— Мой телохранитель думает, что я в больнице, лечу губу, как велел отец. — Она потрогала языком распухший рот.

— Ну и?..

Лейша топнула ногой:

— Ну а я хочу смыться. Я дам вам четыре тысячи кредиток за ваш грузовик. Наличными.

Мужчина широко раскрыл глаза, отбросил сигарету и снова посмотрел на вертолет.

— Не бойтесь, не надую, — попыталась усмехнуться Лейша. Колени у нее подгибались.

— Покажи деньги.

Лейша попятилась, чтобы водитель не смог до нее дотянуться. Достала деньги из сумочки. Она привыкла носить с собой крупные суммы — раньше с ней всегда был телохранитель.

— Выходите с другой стороны, — скомандовала Лейша, — и заприте дверцу. Оставьте ключи на сиденье, чтобы я их видела. Потом я положу деньги на крышу, туда, где вам их будет видно.

Смех мужчины напоминал скрип гравия.

— Ну прям малютка Дабни Энг. Этому вас учат в ваших чу́дных школах?

Лейша не имела ни малейшего представления о Дабни Энг. Она понимала, что этот тип пытается одурачить ее, и старалась не выдать своего презрения. Она думала о Тони.

— Ну ладно. — Он выскользнул из кабины.

— Заприте дверь!

Он ухмыльнулся, снова открыл дверцу и запер ее. Лейша положила деньги на крышу, рывком распахнула переднюю дверцу, забралась внутрь, заперлась и подняла стекло. Мужчина рассмеялся. Трясущимися руками девушка вставила ключ в зажиганис, завела грузовик и вырулила на улицу.

Она медленно дважды объехала квартал. Мужчина уже скрылся, а пилот вертолета все еще спал. Лейша боялась, что водитель может из вредности разбудить пилота, но все обошлось. Она припарковала грузовик и стала ждать.

Спустя полтора часа Алиса вместе с нянечкой вывезли Стеллу на каталке. Лейша выпрыгнула из кабины:

— Алиса, я здесь!

Темнота мешала рассмотреть выражение лица Алисы; оставалось только надеяться, что она не удивится при виде старенького грузовичка и что нянечка ничего не знает об их красной «тойоте».

— Это Джулия Бергадон, моя подруга, я ей позвонила, пока вы лечили Джордан, — сказала Алиса.

Нянечка равнодушно кивнула. Женщины помогли Стелле забраться в высокую кабину. Девочка выглядела одурманенной. Ее рука была в гипсе.

— Как?.. — вымолвила Алиса, когда они отъехали.

Полицейский вертолет приземлился на противоположном конце стоянки. Два полисмена направились к запертой машине Алисы.

— Боже мой! — пробормотала Алиса. В голосе впервые прозвучал страх.

— Они нас не выследят, — заверила Лейша.

— Лейша! — с ужасом воскликнула Алиса. — Стелла спит.

— Нет. Она отключилась, приняв болеутоляющее.

— А это нормально? Для... нее?

— Мы можем терять сознание и даже засыпать под воздействием определенных веществ. Ты разве не знала?

— Нет.

— Мы так мало знаем друг друга, правда?

Они ехали на юг. Наконец Алиса спросила:

— Куда мы отвезем ее, Лейша?

— Не знаю. Полиция в первую очередь будет проверять всех Неспящих...

— Тебе нельзя так рисковать, — устало произнесла Алиса. — Все мои друзья в Калифорнии. На этой колымаге далеко не уедешь.

— Конечно.

— Что же делать?

— Дай подумать.

На выезде со скоростной магистрали стояла телефонная будка. Линия Кевина может прослушиваться.

Линия Убежища прослушивается наверняка.

К кому обратиться?

Лейша закрыла глаза. Сьюзан Меллинг? Но бывшая мачеха Алисы, наследница Кэмдена, слишком заметная фигура — на нее сразу же падет подозрение. Надо найти кого-то, никак не связанного с Алисой. Это мог быть только Спящий. Но кому Лейша может довериться и есть ли такие? Вправе ли она так рисковать?

Она долго стояла в темной телефонной будке. Потом вернулась к грузовику. Алиса спала, запрокинув голову на спинку сиденья. Тонкая струйка слюны стекала по подбородку. Лицо выглядело бледным и измученным. Лейша вернулась к телефону:

— Стюарт? Стюарт Саттер?

— Да?

— Это Лейша Кэмден. — Она рассказала ему все без утайки.— Мне нужна помощь, Стюарт.— Лейшу била дрожь. В свисте ветра ей слышалось тонкое завывание попрошайки. И в собственном голосе.

— Хорошо, — согласился Стюарт. — Моя двоюродная сестра живет в Рипли, недалеко от той дороги, по которой вы поедете на восток. Это штат Нью-Йорк; там моя лицензия действительна. Я предупрежу сестру о вашем приезде. В молодости она была большой активисткой. Ее зовут Джанет Паттерсон.

— Почему ты так уверен, что она захочет вмешаться? Ее могут посадить в тюрьму. И тебя тоже.

— Она провела в тюрьмах почти полжизни. Участвовала в политических протестах чуть ли не со времен Вьетнама. Не волнуйся. Теперь я твой адвокат. Я объявлю, что Стелла находится под охраной штата. Это будет нетрудно

при наличии истории болезни в больнице. Потом ее можно передать приемным родителям в Нью-Йорк. Я знаю справедливых и добрых людей. Что до Алисы...

— Стелла — гражданка Иллинойса. Ты не можешь...

— Нет, могу. Как только ученые обнародовали свои открытия о продолжительности жизни Неспящих, на законодателей обрушились испуганные и завистливые избиратели. В результате появилось много противоречивых и глупых законов. Пока они в силе, я открою немыслимо запутанное дело. В процессе судебного разбирательства ребенка не имеют права возвращать родителям. Но Алисе понадобится защитник, имеющий лицензию в Иллинойсе.

— У нас есть такой, — сказала Лейша. — Кандас Холт. Нет, Неспящий не годится.

— Положись на меня, Лейша. Я найду хорошего адвоката. Ты плачешь?

— Нет, — всхлипнула Лейша.

— О боже! Ублюдки! Мне очень жаль, Лейша.

Она вернулась к грузовику. Алиса все еще спала, Стелла была без сознания. Лейша как можно аккуратнее захлопнула дверцу. Двигатель чихнул и взревел, но сестра не проснулась.

В тесной и темной кабине с ними ехало множество людей: Стюарт Саттер, Тони Индивино, Сьюзан Меллинг, Кенцо Иагаи, Роджер Кэмден.

Она вела с ними мысленный разговор.

Стюарту Саттеру сказала: «Предупреждая о Мохаузе и Кеннеди, ты рисковал своей карьерой. Теперь ты рискуешь двоюродной сестрой ради чужого ребенка. И ничего не выигрываешь. Как и Сьюзан, которая отказалась от собственной жизни ради паниной мечты. Договор, выгодный только одной стороне, не договор; это знает любой первокурсник».

«Вы не учли всех тонкостей торговли, мистер Иагаи. Если Стюарт дал мне что-то, а я даю что-то Стелле и спустя десять лет Стелла станет благодаря этому другим человеком и поделится с кем-то незнакомым, это прекрасно. В этой торговле каждое звено необходимо, невзирая на отсутствие прямых договоров. Нужна ли лошади рыба? Бесспорно».

Теперь ей было что ответить Тони: «Да, в Испании есть нищие. Но там есть и еще кое-что. Отринь попрошаек —

и ты отринешь всю страну, обделишь ее своим милосердием. Именно этого добивалась беременная, испуганная Алиса так много лет назад. Она хотела помочь мне, а я не позволила, потому что не нуждалась в помощи. А теперь все наоборот. Нищим так же важно помогать другим, как и получать помощь».

Наконец она увидела отца. С сияющими глазами он держал экзотические цветы. «Ты был не прав. Алиса — особенная. О папа, до чего же она особенная!»

И вдруг она *испытала* необыкновенную легкость. Лейше показалось, что ее пронизывает свет, уходя в иные миры.

Она везла спящую женщину и искалеченного ребенка на восток, к границе штата.

ГРЕГОРИ БЕНФОРД

Конец материи

Грегори Бенфорд (р. в 1941 г.) стал первым из представителей твердой научной фантастики, кто освоил и внедрил в этот жанр образность и модернистские приемы. Он фантаст-резонер и в своих произведениях уделяет много внимания рассуждениям. Бенфорд, сын военного, преподает физику в Калифорнийском университете, занимается астрофизикой и физикой плазмы и питает горячее пристрастие к словесным дуэлям как в научной, так и в писательской среде. Кроме того, он является консультантом в департаменте энергетики НАСА и состоит в Совете по космической политике при Белом доме. Помимо многочисленных премий в области фантастики, Бенфорд также получил премию Лорда за вклад в науку и медаль ООН по литературе. Его перу принадлежат не только фантастические, но и научно-популярные работы. В одном из последних романов Бенфорда, «Пожиратель» («Eater», 2000), описывается разумная черная дыра, угрожающая Земле, причем, как и в других произведениях автора, много внимания уделяется внутреннему миру ученых, влиянию профессии на психику. Многие идеи Бенфорда, высказываемые в книгах и интервью, носят откровенно провокационный характер: например, писатель как-то заявил, что США стоило бы выкупить Сибирь у России за миллиард-другой долларов, чтобы добро не пропадало, и превратить в американский протекторат с идеальной экологической ситуацией.

Одна из популярнейших тем твердой научной фантастики, освоение Марса, нашла отражение в романе Бенфорда «Марсианская гонка» («The Martian Race», 1999), повествующем о том, как правительство США пообещало 300 миллиардов долларов за первую экспедицию на планету. Роман был номинирован на премию «Прометей» как лучшее произведение в жанре либертарианской твердой научной фантастики.

«Конец материи» — рассказ, выдержанный в традиции Артура Кларка и его «Девяти миллиардов имен Бога» («Nine Billion Names of God»). В произведении представлен сплав духовности и квантовой механики, причем для последней предлагаются оригинальные религиозные интерпретации.

1

Индия повеяла на него непередаваемым запахом, похожим на аромат жирных, слегка забродивших сливок. Где-то хлопнула дверь, и эхо пронеслось по аэропорту Бангалора, вспугивая предутреннюю тишину.

С тех пор как независимое государство Бомбей отделилось от Индии, Бангалор превратился в международный аэропорт. Но безликая стерильность, присущая всем международным аэропортам, здесь была словно насыщена теплой влагой, придавая холодному эмалевому свету флюоресцентных ламп необычную теплоту.

Влажный ветер коснулся Роберта Клэя, словно чужая потная ладонь. Его обволакивал густой пахучий воздух континента, проникая в ноздри, наполняя легкие и оставляя какой-то беспокойный привкус. Клэй поставил ручную кладь на пол и предъявил паспорт контролеру. Тот цепко окинул его проницательным взглядом, молча стукнул резиновым штампом поперек страницы и вернул паспорт.

Кто-то схватил Клэя за локоть, когда он направился в багажное отделение.

— Профессор Клэй?

Худое смуглое лицо с обтянутыми скулами, умные глаза. Клэй кивнул, и лицо озарилось бетлой белозубой улыбкой.

— Замечательно. Я профессор Сударшан Патил. Сюда, пожалуйста.

Профессор Патил произнес это с изысканной вежливостью, но тут же весьма бесцеремонно потащил Клэя за собой, прочь от медленно продвигавшейся очереди, к обшарпанной деревянной боковой двери. Охранники с сонными глазами, заложив руки за спины, старательно таращились в другую сторону. Видно было, что им хорошо заплатили, чтобы этот странный маневр не привлек их внимания. Клэй все еще не пришел в себя после тщетных усилий поспать в самолете во время перелета из Лондона. Он встряхнулся, когда Патил привел его в полумрак багажного отделения.

— Ваша одежда, — отрывисто произнес Патил.

— Что?

— Она сразу выдает, что вы с Запада. Живее!

Руки Патила замелькали, как птицы, в приглушенном свете помещения, стягивая с Клэя пиджак и рубашку. Клэй был ошарашен таким стремительным напором. Он поколебался, но потом, пожав плечами, скинул грязную одежду и стянул широкие брюки, не снимая обуви, и вручил всю охапку Патилу. Тот схватил ее, не говоря ни слова.

— Пожалуйста, — в недоумении сказал Клэй.

Патил не обратил на это внимания и молча сунул ему в руки сверток рыжевато-коричневой хлопчатобумажной одежды. Его глаза так и рыскали по всему помещению, с подозрением разглядывая кучу пыльных мешков и озираясь на каждый шорох.

Клэй неловко натянул на себя штаны и грубую рубаху. В тусклом желтоватом свете лампочки, висевшей в дальнем углу склада, чужая одежда выглядела поношенной и неопрятной.

— Н-да, такой встречи я не ожидал, — хмыкнул Клэй, оправляя на себе мешковатые штаны и затягивая жесткую тесьму на поясе.

— Теперь в нашей стране ученым приходится нелегко, профессор Клэй, — с горечью произнес Патил. В его голосе медлительность местной речи причудливо сочеталась с кембриджским акцентом.

— Вы кого-то опасаетесь?

— Тех, кто ненавидит Запад и его науку.

— Я слышал в Вашингтоне...

— У нас большие проблемы, профессор Клэй. Пожалуйста, слушайтесь меня, прошу вас.

Патил так стиснул зубы, что на его худом лице острые скулы так выделялись, как будто жили сами по себе. Желваки выступили под пергаментной, покрытой пигментными пятнами кожей. Он не сказал больше ни слова и двинулся к дальней двери, держа в руках дорожную сумку и пиджак Клэя.

— Но скажите, куда мы...

Патил распахнул тяжелую металлическую дверь и жестом пригласил Клэя. Клэй скользнул через порог во влажный ночной сумрак. Их шаги зашуршали по грязному тротуару вдоль черной асфальтовой дороги. Позади них скрипнула дверь, и этот звук привлек внимание группки мужчин, стоявших под уличным фонарем неподалеку.

Аэропорт с его белесым светом флюоресцентных ламп превратился в далекий мир, а здесь стояли темные бесформенные громады тяжелых грузовиков, под которыми, свернувшись, спали люди. В тусклом свете уличного фонаря Клэй разглядел припаркованный у обочины зеленый джип.

— Залезайте! — шепнул Патил почти беззвучно.

Мужчины, стоявшие под фонарем, двинулись к ним, выкрикивая что-то грубыми голосами.

Клэй дернул дверцу джипа и пробрался на заднее сиденье. Незнакомый острый запах защекотал ноздри. Водитель, худой человек, сгорбился за рулем. Патил запрыгнул на переднее сиденье, и джип рванул с места так, что взвизгнули задние шины.

Позади раздались крики. В крышу джипа ударил камень, булыжники помельче забренчали по задней дверце.

Джип набрал скорость, мотор натужно взвыл. Один из преследователей обогнал остальных и швырнул ком дерьма в окно у заднего сиденья. Клэй отшатнулся с омерзением:

— Проклятие!

Они пронеслись прямо по большой грязной луже. Мотор зачихал, и на мгновение Клэю показалось, что он вот-вот заглохнет. Он оглянулся и сквозь заднее стекло увидел, что преследователи по-прежнему бегут за ними. Но мотор все же заработал снова, и джип умчался прочь.

Два квартала они проехали в окружении беспорядочно движущегося транспорта. Клэй все пытался рассмотреть Индию, но видел только плохо освещенную улицу и водоворот трехколесных такси и колясок с рикшами. Даже в этот ранний час вокруг кипела жизнь. Свет фар выхватывал из темноты экипажи, и они снова пропадали во влажной тьме, превращаясь в неясные тени.

Внезапно джип свернул за угол, в тень громадных деревьев. Машина запрыгала по выбоинам и рывком остановилась.

— Выходим! — скомандовал Патил.

Клэй едва разглядел другой джип, припаркованный впереди. Синий, забрызганный грязью, он все же заметно отличался от их машины даже при тусклом освещении. Когда Клэй выбрался из джипа, ему ударило в нос такое зловo-

ние, как будто куча овощных отбросов гнила где-то рядом. Патил впихнул его во второй джип, и через несколько секунд они уже ехали по узкому, обрамленному кирпичом переулку.

— Послушайте, что...

— Пожалуйста, помолчите, — отрывисто произнес Патил. — Я слежу, не увязался ли кто за нами.

Несколько минут они петляли среди тесно лепившихся друг к другу лачуг. Свет фар время от времени выхватывал испуганные глаза, моргавшие из-под тряпья, которое Клэй вначале принял за кипы мешков, валявшихся перед хибарами. Фигурки, закутанные в тряпье, казались крошечными даже для детей. Лежавшие под шаткими навесами, смутно различимые фигуры иногда и вовсе не шевелились, даже если на них выплескивалась грязь из-под колес, когда джип попадал в выбоину.

— Послушайте, я понимаю, что надо... — не выдержал Клэй.

— Прошу извинить за такую бесцеремонность, профессор Клэй, — сказал Патил и указал на водителя. — Позвольте представить вам профессора Сингха.

Сингх тоже выглядел мрачным и настороженным и отличался от Патила только густой копной волос и тонким острым носом. Он слегка повернул голову в сторону Клэя и дважды кивнул, словно марионетка на веревочках, но тут же уставился на дорогу перед собой. Он вел машину на высокой скорости, резко входя в повороты. Как-то от них шарахнулась деревянная тележка, и ее хозяин пробубнил им вслед неразборчивое ругательство.

— Добро пожаловать в Индию! — провозгласил Сингх торжественно. — Правда, боюсь, обстоятельства складываются неблагоприятно.

— Да ладно. В ННФ мне сказали, что вы вдвоем руководите проектом.

— Да уж, — не без иронии заметил Патил, — проектом, который официально не существует, а неофициально дал блестящие результаты. Потрясающе!

— Ну, — осторожно сказал Клэй, — там увидим.

— Вот именно, увидите, — взволнованно произнес Сингх. — Такие события! Чем дальше, тем больше.

Патил высказался напрямик:

— Мы бы не предлагали вашему Национальному научному фонду прислать инспектора для подтверждения открытия, если бы не сознавали его исключительной важности.

— И вы наблюдали распад протона?

— Вне всякого сомнения, — широко улыбнулся Патил.

— Черт побери!

— Вот именно.

— И в какой форме?

— Непосредственные продукты распада — пи-мезон и позитрон.

Клэй улыбнулся и воздержался от оценок. Что-то в чопорной точности формулировки Патила заставляло его поверить, что, возможно, эта маленькая группка индийских физиков во враждебном окружении действительно сумела добиться невероятного. В самом общем виде, конечно, но вполне возможно. Существовали гораздо более мощные коллективы, изучающие физику элементарных частиц, в Европе и США, и все они пытались отследить распад протона, используя подземные резервуары очищенной воды. В этих экспериментах применялись новейшие достижения электроники. Сам Клэй работал в таком коллективе на соляных копях штата Юта в США, пока недостаток средств и отсутствие положительных результатов не привели к закрытию проекта. Было бы весьма обидно, если эти ребята в Индии, практически не располагая ни людьми, ни средствами, действительно добились результатов. В ННФ попросту никто не верил в эту историю.

Патил улыбнулся в ответ на молчание Клэя, и его белозубая улыбка сверкнула во тьме. В свете фар иногда поблескивали маленькие окошки, неисповедимыми путями оказавшиеся в той или иной лачуге, и отбрасывали желтоватые блики на джип. Ночь выдалась туманной, и только передние фары джипа прорезали двумя длинными лучами, как ножницами, царящий мрак. Клэю показалось, что заморосил мелкий дождь, но выяснилось, что это мириады крошечных мошек пляшут в свете фар. Иногда в ветровое стекло ударялись насекомые покрупнее.

Патил осторожно сменил тему:

— Я... надеюсь, что вы не привлечете особого внимания.

— Я похож на индуса?

— Полагаю, что вы не сочтете за оскорбление, если я скажу, что вы не похожи на индуса. Мы просили у ННФ прислать индуса, но они сказали, что у них нет никого достаточной квалификации.

— Совершенно верно. Никого не было под рукой, во всяком случае кто смог бы сразу вылететь. «Или *захотел бы*», — добавил он про себя.

— Понятно. Вы что-то вроде компромисса. Если вы наденете вот это... — Патил вручил Клэю мягкую шляпу защитного цвета. — Это прикроет курчавые волосы. К счастью, нос у вас потоньше, чем я предполагал, когда из ННФ сообщили, что посылают негра.

— В этом носе сказались белые гены, — невозмутимо заметил Клэй.

— Ради бога, не подозревайте меня в расизме. Я просто хочу свести до минимума возможность того, что в сельской местности вас примут за представителя Запада.

— Думаете, сойдет?

— На некотором расстоянии.

— Вести себя поувереннее, если кто покажется?

— Вот именно. Там, на прииске, есть такие люди, они называют себя проповедниками.

— И как же мы проберемся?

— Да придумали кое-что.

— Вроде побега из аэропорта? Ловко вышло.

Сингх вывел машину на разбитую дорогу, всю в колдобинах. Деревья с пожухлой листвой сиротливо тянулись вдоль стандартных двухэтажных домиков, напоминавших детские кубики.

— Таможенники обязательно сообщили бы кому надо. Если бы вы проходили вместе со всеми, вас бы встретили совсем другие люди.

— Понятно, а как быть с багажом?

Патил пристально вглядывался в темные очертания домов. Он сверкнул глазами на Клэя:

— Вам не следовало брать с собой ничего, кроме дорожной сумки!

— Послушайте, не могу же я обойтись без всего. Черт возьми, мне нужна хотя бы одежда на смену...

— И много там у вас багажа?

— Ну, в общем, один... — Клэй запнулся, увидев выражения лиц своих спутников.

Патил спросил, тщательно выговаривая слова:

— Ваш багаж, там ведь есть наклейки с именем?

— Конечно, авиакомпании требуют обязательно...

— Это привлечет внимание. Начнется расследование. «Преданные» неизбежно пронюхают и сообразят, что вы приехали.

Клэй нервно облизнул губы:

— Черт, я и не думал, что это так серьезно.

Индусы обменялись взглядами: их лица выражали тревогу и озабоченность.

— Профессор Клэй, — сухо сказал Патил, — наши «преданные» убеждены, как, впрочем, и большинство народа, что именно из-за происков Запада, с его биотехнологиями, пропал урожай.

— По-моему, это работа японских биологов, — вежливо возразил Клэй.

— Может, и так. Но те, кто беспокоит нас на золотом прииске в Коларе, не отличают физиков от биологов. Они уверены, что мы тревожим святая святых земли, способствуем ее дальнейшему разрушению и вообще готовим конец света. Вам должно быть понятно, что в Индии, на родине религиозной философии, такие настроения чреваты самыми серьезными последствиями.

— Но, черт возьми, ведь то, чем вы занимаетесь, никак не связано с жизнью или смертью или чем-то в этом роде.

— К несчастью, распад протонов, безусловно, связан с проблемой смерти.

Клэй откинулся на спинку сиденья и озадаченно уставился в бархатную тьму ночи, придающую неясным теням деревьев и зданий таинственные и причудливые очертания.

2

Клэй заявил, что ему обязательно надо позвонить. Бледное зимнее солнце прошло уже половину пути по небу, когда он проснулся, и оба индуса хотели тут же ехать дальше. Им пришлось остановиться все еще в пределах Бангалора и переночевать в тесной квартирке одного из аспирантов Патила. Пока Клэй завтракал, появились двое других

аспирантов и принесли его багаж. Клэй так и не узнал, какую цену пришлось заплатить за него в аэропорту.

Клэй сказал:

— Понимаете, я обещал, что позвоню домой. Моя семья беспокоится. Они ведь читают газеты и знают, что тут не все ладно.

Медленно покачав головой, Патил продолжал жевать краюшку черствого черного хлеба — весь его завтрак. В его движениях ощущалась какая-то вялость, как будто влажная утренняя жара, подобно желе, обволакивала его. Они сидели за низким трехногим столиком, до того шатким, что чай то и дело выплескивался на блюдце. Клэй поискал что-нибудь, что можно было бы подложить под ножку стола, но комната была абсолютно пустой, словно в ней вообще никто не жил. На полу лежало только три соломенных тюфяка, а с потолка свисала лампочка без абажура. Окнами служили просто отверстия в стене, без рамы и стекла. Клэй бегло обозрел окрестности: беспорядочно разбросанные лачуги; облупленная штукатурка, обнажавшая тонкие металлические ребра перекрытий; мутные стекла, размалеванные изображениями многоруких богов, выцветшими и потрескавшимися на солнце. Где-то визжали и плакали дети, и их голоса странным эхом отдавались среди причудливых изгибов и поворотов улицы, сплетаясь с грохотом телег и шлепаньем босых ног по каменной мостовой. Когда они приехали прошлой ночью, аспиранты Патила наверняка стояли на страже, но Клэй уловил только едва заметное движение теней под деревьями.

— Вы слишком многого хотите от нас, — сказал Патил.

Его смуглое лицо с морщинами и напряженным взглядом выглядело изможденным и усталым в утреннем свете.

Клэй отхлебнул чаю, прежде чем ответить. В окна вливался незнакомый сладковатый запах. Они сидели в глубине комнаты, так чтобы никто не увидел их из соседних домов. Внизу Сингх возился с мотором.

— Согласен, может, это немного рискованно. Но мне надо сообщить своим, что я добрался благополучно.

— Здесь мало телефонов.

— Но мне нужен всего один.

— Очень часто линия вообще не работает.

— Попробуем хотя бы.

— Может, вы не вполне понимаете...

— Я очень хорошо понимаю, что если я не смогу связаться с семьей, то уж никак не задержусь здесь надолго. А если я не увижу своими глазами, что ваш эксперимент удался, вам никто не поверит.

— И ваше мнение зависит от?..

Клэй начал загибать пальцы:

— От осмотра аппаратуры — раз. От проверки ваших данных — два. От пробного запуска аппарата — три. Затем нулевой цикл, чтобы проверить пороговый уровень на каждом датчике. — Он загнул пятый палец. — Оборудование.

Патил серьезно ответил:

— Прекрасно. Мы рады возможности подтвердить свое открытие.

— У вас будет такая возможность.

В глубине души Клэй надеялся, что они ошиблись, но он заставил себя не думать об этом. Он представлял передовые технологии в физике элементарных частиц, и его смущала сама мысль о том, что какой-то захолустный небольшой научный коллектив обогнал мировую науку. С другой стороны, он окажется экспертом по программе Колара, и это само по себе обещает неплохую карьеру.

— Ладно. Я попробую организовать звонок. Но я еще раз...

— Организуйте. Потом мы займемся делом.

Пройдя через два кабинета и три двери министерства контроля, они добрались до телефона. Предварительно там побывал Патил, вручил взятки кому следовало, а затем привел Клэя, который все это время провел лежа на заднем сиденье джипа, чтобы никто с улицы не заметил его.

Телефон представлял собой допотопный пластмассовый аппарат с диском, который жужжал, как назойливое насекомое, пока набиралась каждая цифра. Патилу уже доводилось использовать его для международных звонков. Сначала Клэй дважды попал не на тот номер, потом соединение не прошло. Наконец с четвертой попытки он услышал слабый звонок. Потом раздался далекий, глухой щелчок.

— Энджи?

— Папочка, это ты? — В трубке слышалась рок-музыка.

— Я. Я просто хотел сообщить, что благополучно добрался до Индии.

— Ой, вот мама обрадуется! Вчера по телевизору передавали, что там беспорядки.

Клэй обеспокоенно переспросил:

— Что? Где мама?

— Пошла в магазин. Ужасно расстроится, что пропустила твой звонок!

— Скажи, что у меня все хорошо. Но что за беспорядки?

— Какой-то штат отделяется от Индии. Там столкновения всякие. Джон Тримбл сообщал в «новостях».

Клэй никогда не запоминал имена телевизионных ведущих; они все казались ему на одно лицо, просто дикторы, читающие заранее заготовленные тексты, но дочь относилась к ним с полным уважением.

— Где беспорядки?

— Ну, где-то на юге.

— Здесь ничего подобного нет, солнышко. Я в безопасности. Так и передай маме.

— А там есть мороженое?

— Да, но я еще не пробовал. Передашь маме, что я сказал, запомнила? Я в безопасности.

— Да, она беспокоится.

— Не беспокойтесь, Энджи. Все, заканчиваем, мне пора идти.

На линии что-то свистело и трещало.

— Папочка, я по тебе скучаю.

— Я по тебе скучаю в два раза больше. Нет, в квадрате.

Она захихикала:

— Я сегодня коленку ободрала на перемене. Кровь текла, даже пришлось пойти к медсестре.

— Смотри, чтобы грязь не попала. И передай маме, что я ее люблю.

— Ой как она расстроится, что не поговорила с тобой.

— Я скоро вернусь.

Она снова хихикнула и ввернула модное словечко, которое недавно усвоила:

— Пока, папочка. Было очень *реально*.

Последнее, что донеслось до него из ясного и понятного мира, который находился за тридевять земель, был этот легкий смех, и линия разъединилась. Клэй сам хихикнул, когда клал трубку на место. Вместо того чтобы закончить

фразу «очень приятно», она повторила услышанный, наверное по телевизору, модный оборот. Старо как мир. Все повторяется, и модные словечки и обороты приходят, уходят и снова возвращаются.

Клэй улыбнулся, надвинул шляпу на лоб и быстро вышел на улицу, где Патил ждал его. Он видел Индию как бы уголком глаза, так, нечто вроде декораций.

3

Они выехали из Бангалора на двух джипах. В зеленом джипе, на котором они удирали из аэропорта прошлой ночью, ехали аспиранты. Клэй с Патилом и Сингхом ехали в синем. Клэй опять лежал на заднем сиденье, подальше от любопытных глаз. Вокруг них дрожало знойное марево.

Они проезжали мимо выжженных полей, лишенных всякого цвета. Повсюду торчало только серое высохшее жнивье. Деревья стояли поникшие и голые, ветви свисали, как усталые руки. Закутанные в лохмотья фигуры прятались в тени. Некоторые шевелились, провожая взглядами джип, и белки глаз неожиданно посверкивали в полумраке навесов. Клэй заметил большие наросты на ветвях деревьев, похожие на грубо связанные узлы, покрытые бурой оболочкой.

— Это какая-то фитопатология? — спросил он.

Сингх поджал губы:

— Боюсь, что это гнезда, вроде осиных, как сообщали в прессе. — Он не отрывал взгляда от серых, засохших деревьев, пока Патил не сбросил скорость.

— Это опасно? — спросил Клэй, заметив желтый сок, сочащийся из-под бурых оболочек.

— Нет, пока они не вырастут, — сказал Сингх. — Тогда они становятся смертоносными.

— Выглядят уже довольно большими.

— Говорят, это крупные твари, но, разумеется, о них мало что известно.

Патил надавил на газ, и они помчались дальше. Мотор изредка чихал, когда случался перебой в зажигании. Клэй надеялся, что у них есть запасные свечи. Поля по обеим сторонам дороги производили безрадостное впечатление.

— Это все из-за генной инженерии и биоэкспериментов? — спросил Клей.

Сингх кивнул:

— По-моему, все началось с европейских исследовательских программ. Вначале они посадили экспериментальные формы растений, но вредители взяли свое. Тогда стали изобретать новые способы защиты от вредителей — и в результате появились эти «осы». Мне кажется, что какая-то ошибка в эксперименте или мутация привели к тому, что эти твари стали опасными для людей и даже коров.

Клэй нахмурился:

— Эти «осы», они ведь появились в ходе японских программ?

Патил загадочно усмехнулся:

— Вы довольно хорошо осведомлены о наших проблемах, сэр.

Все замолчали. Клэй теперь отчетливо представлял, что в Вашингтоне его инструктировали главным образом по части технических подробностей, но ни слова не было сказано о том, как смотрят на свои проблемы сами индусы. Ни Сингх, ни Патил не проявляли особой озабоченности, но, может, они просто смирились? Их высказывания словно исходили из какого-то скрытого центра, как сейсмические волны из земных недр.

— Не стоит беспокоиться по поводу этих гнезд, — сказал Сингх, когда они уже проехали значительное расстояние. — Они поспеют не раньше, чем мы закончим нашу работу. В любом случае в Коларе поля полностью поражены эрозией, и только в нескольких местах созревают эти гнезда.

Клэй махнул рукой вперед, указывая за ветровое стекло:

— А вон те пузыри на степях — это не гнезда?

К его удивлению, оба спутника расхохотались. Отдышавшись, Патил посоветовал:

— А вы присмотритесь к ним, профессор Клэй. Обратите внимание на знаки, изображенные на них.

Патил замедлил ход, и Клэй с любопытством оглядел круглые пухлые нашлепки тускло-бурого цвета на беленых степях вдоль дороги. Они были покрыты узором радиальных линий. Клэй нахмурился было, но потом отругал себя за глупость: узоры представляли собой отпечаток ладони.

— Сушатся, — весело хихикнул Патил.

— Сушится что?

— Навозные лепешки, коллега. Мы используем коровий навоз.

— Для чего?

— Топливо. Когда лепешки высыхают, их складывают в кучу — видите, вон там?

Они проезжали мимо такой груды; женщина закончила укладывать ровный слой сухих навозных лепешек поверх остальных и аккуратно прикрывала кучу полиэтиленом.

— Зимой они хорошо горят.

— Значит, для отопления?

— Ну да, и пищу можно готовить.

Заметив выражение лица Клэя, Сингх нахмурился и поджал губы. Его брови буквально сошлись на переносице, узлом стянув две вертикальные морщины.

— Старый добрый способ, ничуть не хуже новомодных выдумок.

«Да уж, — подумал Клэй, — и старый добрый источник холеры, чумы, детской смертности». Но вслух вежливо спросил:

— Например?

— Три года назад в главную реку страны были запущены разные породы рыб, в том числе крупная рыба с Амазонки, чтобы увеличить поголовье.

— В Ганг? Я считал, что это священная река.

— Что может быть священнее, чем спасение голодающих?

— Тоже верно. Ну и что из этого вышло?

— Крупная рыба расплодилась. Очень вкусная. Настоящий деликатес.

— Надо будет попробовать, — заявил Клэй, вспомнив очень постное овощное жаркое, которое ел за завтраком.

Сингх продолжал:

— Но в этих крупных амазонских экземплярах находились икринки рыб-паразитов, которые сохранились, несмотря на тщательную обработку. Маленькие такие рыбешки. Кажется, называются кандиру, или *Hemicetopsis*, да? — обратился он к Патилу.

— Совершенно верно, — ответил Патил, — мелкие рыбы-паразиты, кормятся главным образом мочой крупных рыб. По мнению специалистов, икринки содержались внутри взрослых особей и потому не были обнаружены.

Голос Патила звучал невозмутимо и размеренно, хотя он в то же время выполнил весьма рискованный маневр, чтобы не сбить случайно выбежавшую на дорогу козу. Клэй ударился о дверцу машины, а Патил заложил новый крутой вираж, чтобы не угодить в грязную лужу, откуда ни возьмись возникшую прямо перед ними. Они с грохотом выскочили на обочину, а затем вернулись на дорогу, не снижая скорости. Патил сидел за рулем прямой как палка, небрежно поворачивая руль и явно не обращая внимания на эффектность виража.

— Представьте себе, профессор Клэй, что вы один из «преданных», — сказал Сингх, — и вы скопили денег, чтобы поселиться у Ганга лет на десять, а то и на двадцать. Может, вообще на всю жизнь.

— Ну? — Клэй не понимал, куда он клонит.

— И вот вы в полном восторге входите в реку, чтобы омыться. Может, даже в экстазе. Событие в духовной жизни. И вы просто сливаетесь с рекой. И совершенно неумышленно мочитесь в воду.

Сингх развел руками, как бы подтверждая, что такое происходит само собой.

— Но моча тут же привлекает кандиру. Столько пищи, поистине она исходит из очень большой рыбы! Кандиру принимает вас за очень крупную рыбу. Кандиру стремится вверх по потоку мочевой кислоты, проникает к вам в уретру, словно змея, пробирается по ходу как можно глубже. И чем мощнее ваша струя, тем сильнее стремится внутрь уретры кандиру. Когда эта тварь добирается до предела и не может двигаться дальше в силу игры эволюции, она высовывает наружу целую кучу шипов. Причудливое создание!

Сингх помолчал, улыбаясь такой шутке природы. Клэй покачал головой, во рту у него пересохло.

— Эти шипы глубоко вонзаются в стенки уретры, позволяя кандиру держаться возле желанного источника питания.

Сингх слегка повел пальцами. Клэй открыл было рот, но промолчал.

Патил объехал упряжку волов, тянувших деревянную повозку, и добавил свое слово:

— Боль ужасная. Практически никакого лекарства. Женщин, простите за нескромность, приходится вскрывать,

чтобы добраться до этой рыбки-малютки, прежде чем она обожрется и разбухнет настолько, что полностью перекроет проход. А некоторым мужчинам приходится и того горше. Их мочевой пузырь переполняется, потому что обычно не полностью опорожняется к тому времени, когда туда заберется кандиру и начинает кормиться. Им остается только применить медленную процедуру отравления этой твари и ждать, пока она сморщится и втянет свои шипы. Однако мочевой пузырь может не выдержать и лопнуть, и тогда моча зальет брюшную полость, отчего человек, естественно, погибнет. Если времени мало...

— Да? — напрягся Клэй.

Тогда остается только отрезать пенис, — сказал Сингх, — вместе с кандиру.

Последовало долгое молчание. Машину потряхивало и подкидывало на выбоинах; дорога петляла между бескопечными высохшими полями, кирпичными руинами и белеными хибарами. Наконец Клэй хрипло произнес:

— Я... понимаю, что вы справедливо возмущаетесь теми, кто... кто навлек на вас все эти беды. «Преданные»...

— Они убеждены, что все зло происходит от мировоззрения, на основе которого развивалась современная наука.

— Но послушайте, тот, кто развел эту рыбу-паразита...

Сингх широко раскрыл глаза от удивления. Он даже слегка улыбнулся:

— О нет, нет, профессор Клэй! Мы не виним за ошибки, а то нам пришлось бы винить и за успехи!

Клэй был полностью обескуражен, когда Патил глубокомысленно покивал в знак согласия.

Клэй решил промолчать. Инструкторы в Вашингтоне предупреждали его о нежелательности каких бы то ни было политических дискуссий, и, хотя он не был уверен в том, что эта тема носила политический характер или что Патил и Сингх выразили свое действительное отношение к тому, о чем рассказывали, было ясно, что слова здесь неуместны. Клэй вновь испытал странное ощущение от того, что здесь, в Индии, простые факты западной биологической науки как будто растворялись, деформировались, становились сложными, запутанными, неподвластными привычным для него меркам внешнего мира. Оловянно-серое небо простиралось над мертвой равниной. Масштабы разложения воз-

действовали на него гораздо сильнее, чем те абстракции, с которыми он привык иметь дело, вроде графика, отражающего процесс распада протонов.

4

Пыльная дорога от Бангалора до золотых приисков Колара казалась бесконечной. Джип покачивался, Клэй дремал на заднем сиденье, изредка словно ныряя в сон, где перемешивались глухие голоса, темные лица и неясные мысли. Он то и дело просыпался и снова ощущал резкие запахи, видел выжженные зноем поля до самого горизонта, а потом опять погружался в забытье, уткнувшись лицом в импровизированную подушку из свернутой в комок рубашки.

Они проезжали мимо бесчисленных деревень, похожих друг на друга как две капли воды, с тощими детьми, ветхими лачугами, жестяными кровлями. Общий дух сонного отупения витал над ними. Однажды они застряли в пробке на узкой улочке городка. Дорога была запружена рикшами и повозками, а поперек пути неподвижно стояла чахлая корова с розовыми бумажными кисточками на рогах. Крики и гудки на нее не действовали, но никто даже не пытался подойти к ней, чтобы увести с дороги.

Пренебрегая предостережением Патила, Клэй выбрался из машины, чтобы немного размять ноги. Вокруг коровы собралась целая толпа, взывая к ней криками и увещеваниями, но никто не прикасался к животному. Корова встряхивала головой, обильно мочилась на дорогу и тоскливо озиралась в поисках травы. На дорогу выбежала женщина в красном сари, упала на колени и опустила ладонь в лужу коровьей мочи. Другой рукой она изобразила священный знак и побрызгала мочой лоб и щеки. За ней уже выстроились в очередь три женщины и проделали тот же обряд. Корова помотала головой и двинулась прочь с дороги. Движение транспорта возобновилось, и Клэй вернулся в машину. Пока они выезжали из пыльного городка, Сингх пояснил, что священная коровья моча считалась исключительно полезной для здоровья.

— Люди верят, что она помогает от желудочных колик, успокаивает головную боль и даже способствует плодовитости, — сказал он.

— Да уж, с плодовитостью здесь все в порядке. — Клэй указал на толпы народа, заполнявшие узкие пешеходные дорожки.

— Хоть я и индус, но не могу не согласиться с вами, профессор Клэй, — ответил Сингх.

— Прошу прощения за сарказм. Я просто устал.

— Мы с Патилом состоим под подозрением, так как мы физики, а потому, безусловно, заражены идеями Запада.

— Трудно винить индусов в том, что они плохо относятся к нам. Дела здесь действительно обстоят неважно.

— Но вы чернокожий. Такие, как вы, тоже подвергались преследованиям на Западе.

— Это было очень давно.

— Тем не менее вы занимаете профессорскую должность.

— По работе и должность.

Клэй снял шляпу и вытер лоб. Зной стоял немыслимый.

— В общем, вы не ощущаете, что идеалы Запада вам чужды? — спросил Патил.

— Нет, конечно. Видите ли, я не из бедной семьи и мне не пришлось выбиваться в люди из нищеты. Я вырос в городе Фоллз-Черч, штат Виргиния. Отец — крупный государственный чиновник. Так называемый средний класс.

— Понятно, — сказал Патил, не отрывая взгляда от неровной колеи. — Ваша раса имеет иные культурные корни, но вы исповедуете современный рационализм.

Клэй взглянул на него с любопытством:

— А вы нет?

— Разумеется, как все ученые. Но наука — это еще не вся жизнь.

Клэй только хмыкнул в ответ.

Сотни раз ему доводилось ощущать, как глаза белых впиваются в него с подспудным любопытством. Независимо от темы разговора, они, так или иначе, пытались косвенно определить, что он на самом деле чувствует, каковы его подлинные ощущения. И как он ни отмахивался от любопытствующих взоров, в этих полуприкрытых глазах всегда таилась некая доля сомнения в его истинной природе. Мало кто из белых принимал его за стандартного амери-

канского обывателя только с более темной кожей, за человека, разделяющего с ними одни и те же моральные ценности. Да, черт возьми, его фамилия произошла от рабов, которые приняли ее в честь Генри Клэя[1]. Вот уж не ожидал, что и здесь, в Индии, он столкнется со стереотипированием.

И все же у него всегда хватало здравого смысла, чтобы непринужденно перевести разговор на простые, житейские мелочи, вроде цветной капусты, сладкого горошка или джаза. Наверняка и здесь это поможет.

— По-моему, немножко здравого смысла не повредит.

— Хм. — Сингх скривил тонкие губы. — Может, вам, профессор, стоит представить Индию как огромную шахматную доску. Наше начало коренится в глубокой древности, откуда мы унаследовали и свою землю, и своих богов. А потом явились британцы и навязали нам свои ценности и свой образ мыслей. Теперь их не стало и мы зависли между мрачными пророчествами прошлого и несостоятельными идеями настоящего.

Клэй отвернулся к запыленному окну и с трудом спрятал усмешку. Здесь даже физики склонны к бессмысленным разглагольствованиям. Они даже проявляют явное уважение к своим фанатикам, а ведь те по большому счету просто ненормальные, как женщины, почитающие коровью мочу. Откуда может в этой трясине появиться что-то стóящее? Сомнения в успешности их эксперимента росли по мере того, как машина продвигалась по разбитой сырой колее.

Наконец они добрались до холмистой гряды, за которой располагались прииски Колара. Над выжженными солнцем остатками травы струился знойный влажный воздух. Они проезжали мимо деревушек под равнодушными взглядами отощавших людей, которые укрывались от зноя в тени навесов, амбаров и полотняных тентов. На исхудалых лицах мелькало лишь мимолетное любопытство, и Клэй засомневался, так ли уж необходим здесь его камуфляж, спасавший его в Бангалоре.

---

[1] *Клэй Генри* (1777—1852) — известный государственный деятель и популярный оратор США.

На ходу они съели скудный обед, состоявший из сушеных фруктов и черного хлеба. В горном городке Патил остановил машину, чтобы набрать воды в колодце. Клэй выглянул из машины и заметил несколько мальчишек, гонявших собаку. Они окружили ее, и животное отчаянно металось и тявкало внутри кольца, бросаясь из стороны в сторону. Дважды собака спотыкалась и падала на камни, но потом снова поднималась и из последних сил пыталась выбраться из кольца. Игра выглядела странно жестокой, потому что никто не смеялся. Собака начала уставать, и круг смыкался все теснее.

Кто-то прикрикнул на мальчишек, и Клэй, пошире распахнув дверцу машины, выглянул наружу. Несколько мужчин, стоявших в тени покрытого ржавым железом сарая, в изумлении уставились на Клэя. Они торопливо заговорили между собой. Мальчишки в конце проулка окончательно загнали собаку. Она в последний раз бросилась на них и попыталась укусить. Тогда они схватили ее и обмотали челюсти бечевкой. Собака умолкла. Они подняли ее и направились прочь.

Клэй вздохнул и захлопнул дверцу. Мужчины выбрались из-под навеса. Один из них постучал в окно машины. Клэй молча смотрел на них. Кто-то ударил кулаком в дверцу. Все махали руками и кричали.

Подбежали Сингх с Патилом, крича на бегу. Сингх оттолкнул мужчин от машины и принялся что-то втолковывать им, пока Патил заводил мотор. Сингх захлопнул дверцу прямо перед человеком с безумными глазами. Патил нажал на газ, и они стремительно рванулись с места.

— Они увидели меня и...

— Здесь не доверяют чужакам, — сказал Сингх. — Кроме того, они могут быть связаны с «преданными».

— Похоже, надо мне натянуть шляпу.

— Весьма желательно.

— Я не понял, эти мальчишки... Я собирался заставить их прекратить издевательство над собакой. Глупо, конечно, но...

— Вам придется отказаться от сентиментальности в таких случаях, — жестко заметил Патил.

— Э-э, что значит «сентиментальности»?

— Мальчики вовсе не развлекались.

— Я не...

— Они ее съедят.

Клэй заморгал:

— Индусы — и вдруг едят мясо?

— Времена трудные. Удивительно, что собаке удавалось так долго выжить, — рассудительно заметил Патил. — Теперь собак почти не встретишь. Наверное, это бродячий пес, жил где-нибудь в сельской местности и пробрался в город за объедками.

Дорога поднималась вверх, и Клэй наблюдал, как горные склоны, казалось, раскачивались в знойном мареве.

5

На прииске они предприняли еще один маневр. Зеленый джип с аспирантами направился прямо к главному входу рядом с группой строений и транспортерами. Физики в синем джипе издали наблюдали, как небольшая толпа оборванцев облепила машину еще до того, как она остановилась.

— «Преданные», — рассеянно заметил Сингх. — Обыскивают каждую машину в надежде найти какие-нибудь преступные следы научной деятельности.

— А ваши аспиранты? Эти фанатики пропустят их?

Патил наблюдал за происходящим в бинокль.

— Похоже, толпа ведет себя довольно настойчиво, — сказал он в своей необычной манере, в которой изысканный британский акцент странным образом сочетался с индийской напевностью.

— Черт возьми, разве работники прииска не могут...

— Полагаю, что в толпе найдутся и работники прииска, — без всякого выражения заметил Патил. — Началась драка.

— Может, нам...

— Нельзя терять времени. — Сингх велел им садиться в машину. — Воспользуемся случаем.

— Но мы могли бы...

— Аспиранты пошли на это ради вас. Не забывайте об этом.

Клэй не отрывал взгляда от дерущихся, пока машина не перевалила за гребень холма. Патил объяснил, что они уже

много месяцев совершают такие набеги на главный вход, чтобы отвлечь фанатиков от бокового.

— Это было необходимо для того, чтобы облегчить прибытие иностранного инспектора, — закончил Патил.

Клэй неловко поблагодарил его за такое внимание к деталям. Он хотел также выразить озабоченность в связи с тем, что аспирантам приходится переживать побои, чтобы обеспечить ему прикрытие, но что-то в небрежном отношении индусов к этому заставило его прикусить язык.

Боковой вход на прииск Колар представлял собой широкий сарай, покрытый жестяной крышей и похожий на приплюснутый ангар. Внутри его металлические конструкции выглядели так причудливо, что казались Клэю порождением фантазии строителей, а не законов механики. Между покрытыми ржавчиной стальными подпорками небрежно свисали провода и мерно гудели. Легкий ветерок шевелил волосы Клэя и наполнял ноздри уже привычным зловонием.

По стойкам прыгали и верещали обезьяны. В сарай вошли три человека с ящиками. Провода зажужжали. Конструкция над головой начала потрескивать и пощелкивать. Внезапно Клэй понял, что все это невообразимое сооружение являлось не чем иным, как сложно устроенной лебедкой, которая пришла в движение и начала тянуть откуда-то из глубин шахты подъемную клеть. Стальная решетка стонала, как будто догадывалась, какую тяжесть ей предстоит поднять.

Когда клеть появилась на поверхности, Клэй увидел, что она представляет собой огромный ящик, который страшно дребезжал и распространял вокруг запах машинного масла. Клэй втащил туда свой багаж. Стенки клети были сколочены из широких досок, обтянутых проволочной сеткой. От них исходил жар. Патил нажал кнопку на приборном щитке, и они стремительно понеслись вниз. На дисплее мелькали номера уровней. Одинокая лампочка едва светила, и на проволочных стенках плясали причудливые тени. На пятьдесят третьем уровне лампочка погасла. Клеть продолжала опускаться.

В кромешной тьме Клэй ощутил некую невесомость, как будто клеть разгонялась еще быстрее.

— Не волнуйтесь, — сказал Патил. — Такое частенько случается.

Клэй так и не понял, имел ли он в виду лампочку или ускорение спуска. Ему начали представляться какие-то голубые фантомы, выпрыгивающие из мрака.

Внезапно он почувствовал собственную тяжесть — и тут же вспомнил *мысленный* эксперимент Эйнштейна, в котором человек, находящийся в свободно падающем лифте, приравнивался к твердо стоящему на земле. Не видя за пределами клети мелькающих горных пластов, по мере того как клеть стремительно уходила в недра земли, в принципе он мог представить себя стоящим на твердой поверхности. Он попытался вспомнить, как Эйнштейн обосновывал сходство между лифтом и искривлением пространства-времени вокруг тел, но так и не сумел.

Элегантное доказательство Эйнштейна существовало невообразимо далеко от потрясающей реальности этого лифта. Здесь Клэй был погружен в кромешную тьму, и густой поток воздуха щекотал ему ноздри, а капли пота стекали по лицу. Маслянистая влажная жара проникала глубоко в носовые пазухи.

К тому же он погружался куда-то в первозданный, беспросветный мрак — прямо противоположно Эйнштейнову образу. Обеспеченная кондиционерами прохлада больше не ограждала его от воздействия дикого, непредсказуемого мира. Европейское мировидение: жесткие цилиндры Галилея, послушно катящиеся по наклонным плоскостям, бесстрастные наблюдатели Эйнштейна, изучающие геометрию пространств, подобно невозмутимым банковским служащим, — все они испарились здесь, как вчерашнее шампанское. Внезапно Клэя охватил страх. Он почувствовал спазмы в желудке и горле. Он открыл было рот, чтобы закричать, но в этот момент его колени подогнулись, внезапно испытав силу тяготения, — физика вернулась на свое место.

Удар, скрежет — и они остановились. Он услышал, как Патил с треском распахнул дверцу. Позади нее тусклый свет озарял резное изваяние индуистского божества. Они вышли в помещение, высеченное прямо в скале. Клэй ощутил легкое дуновение более прохладного воздуха, исходящее из картонного раструба трубопровода.

— Мы вынуждены закачивать воздух сверху. — Патил указал на потолок. — Иначе здесь стояла бы шестидесятигра-

душная жара. — И он не без гордости махнул рукой в сторону допотопного английского термометра: ртутный столбик стоял на отметке тридцать пять градусов.

Они миновали целый ряд туннелей, спустились еще на пару сотен метров по пандусу, а затем пошли вдоль рельсового пути. Рельсы слабо светились в темноте. Через каждые десять метров путь освещала яркая лампа, отбрасывая вокруг неровные тени. Под потолком висел картонный знак с надписью:

«В АПРЕЛЕ 1965 ГОДА
ЗДЕСЬ ВПЕРВЫЕ НАБЛЮДАЛОСЬ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НЕЙТРИНО
В КОСМИЧЕСКОМ ИЗЛУЧЕНИИ».

Более сорока лет коллективы преданных своему делу индийских физиков терпеливо трудились в глубине золотых приисков Колара. В течение полувека высокие горы и глубокие шахты Индии позволяли сравнительно дешево осуществлять сложнейшие эксперименты с космическими лучами. Клэй припомнил, как совместная англо-индийско-японская группа впервые обнаружила нейтрино, выделив его из бескопечного космического потока, проникавшего даже на такую глубину. Он подумал о безвестных индийских физиках, которые исходили здесь пóтом, оттачивая инструменты и отсекая невообразимое число источников фоновой ошибки. Да и сами они служили всего лишь фоном для исходной цели этих мрачных штолен. Мимо, дребезжа, проползли две вагонетки с дробленым камнем.

— В этой части шахты еще ведется разработка. — Отчетливый голос Патила раздался в душном воздухе. — Полагаю, однако, что добыча весьма скудная.

Вагонетки толкали четыре жилистых человека; тела их были так залиты пóтом, что напрягшиеся мышцы в свете электрических лампочек казались ожившим камнем. Они обмотали головы тряпками, не столько спасаясь от жары, сколько стремясь смягчить удары об нависающие потолки. То и дело спотыкавшийся Клэй подумал, что в этом есть нечто символическое, поскольку вся неизмеримая тяжесть камня над их головами угрюмо таила в себе непредсказуемую опасность. Чеканные формулировки Эйнштейна, от-

четливая ясность мысленного эксперимента не имели ничего общего с этим затхлым воздухом.

Они завернули за угол и наткнулись на аккуратно огорожешую цепью нишу с надписью:

«ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
ПО ИСПЫТАНИЮ УСТОЙЧИВОСТИ ПРОТОНА.
ИНСТИТУТ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ТАТА, БОМБЕЙ.
80-й УРОВЕНЬ ШАХТЫ ХИТКОУТ, КФГ.
ГЛУБИНА 2300 МЕТРОВ».

Так они вступили на территорию экспериментальной лаборатории. Клэй ожидал увидеть сборочные цеха, кабинет, охлаждаемые помещения для оптических приборов. Вместо этого туннель впереди них просто разветвлялся в разные стороны. Здесь же они стояли перед огромным резервуаром, грубо высеченным в буром камне.

Все это громадное пространство заполнялось чем-то напоминавшим по массивности горную породу. Это была целая сеть покрытых ржавчиной труб. Трубы имели форму не круглую, а квадратную и сужались к концу. Каждая была покрыта пыльным слоем изоляции, снабжена редуктором и номером, нанесенным белой краской. По прикидкам Клэя, это сооружение имело в диаметре по меньшей мере метров тридцать. Вся конструкция напоминала штабель бревен на лесоповале. Он подошел к краю проема и заглянул вниз. Узкими концами трубы уходили глубоко к полу, освещенному прожекторами, а широкими вздымались под серый потолок.

— Вот это да! — сказал он.

— Мы потратили много усилий на создание своей первой установки, — с воодушевлением заявил Сингх.

— Громадная, как дом.

— Ну, это если американский дом. Наши-то будут поменьше, — пошутил Патил.

Рядом прозвучал женский голос:

— И в этом доме нет никого и ничего живого, профессор Клэй.

Клэй обернулся и увидел стройную, гибкую индуску; она разглядывала его с усмешкой. Женщина напоминала привидение, возникшее из мрака, смуглое привидение в шортах и безупречно белой блузке, выросшее, как цветок,

там, где еще за секунду до того было пусто. Она подняла густые брови в изумлении.

— О, это миссис Були, — представил ее Патил.

— Я приглядываю тут за всем, пока мои коллеги отваживаются выйти в мир, — сказала она.

Клэй пожал церемонно протянутую руку. Женщина ответила коротким крепким рукопожатием и шагнула назад.

— Возможно, я смогу вам помочь.

— Да уж, мне понадобится вся ваша помощь, — искренне ответил он.

Увиденное заставило его усомниться в том, что он вообще в состоянии будет что-то оценить.

— Много труда, — пояснила она. — Мало оборудования.

— Я привез кое-какие программы контроля, — сказал он.

— Замечательно, — заметила миссис Були. — Вам помогут мои аспиранты, и я сама, разумеется, в вашем распоряжении.

Клэй улыбнулся, отметив ее чопорное обращение. Она повела его вниз по проходу к освещенной лампами дневного света комнате, где обрабатывались данные. Помещение было заставлено мониторами и процессорами, повсюду змеились кабели.

— Для компьютеров мы отвели помещение прохладнее, чем для людей, — с легкой улыбкой заметила миссис Були.

Они спустились по пандусу, и Клэй почувствовал, как от породы исходит ровное тепло. Наконец они спустились на самое дно пещеры. Толстые двутавровые балки служили перекрытием в каменном мешке.

— Вырубить это пространство стоило двенадцати жизней, — сказал Сингх.

— Да что вы?

— Хотели сэкономить на взрывных работах, — сурово пояснил Патил.

— В конечном счете это не так уж важно, — возразил Сингх.

Клэй предпочел не развивать эту тему.

Множество болтов торчало в каменных стенах, поддерживая контрфорсы, которые укрепляли сооружение из труб. Часть труб загораживала строительные леса. Сверху на них внезапно подул сжатый воздух из воздуховода, раздувая рубашку на Клэе.

Миссис Були пришлось кричать, и ее лицо исказилось от напряжения.

— Эти трубы мы достали через правительственную программу улучшения канализации в городах. С канализацией дело обстоит по-прежнему плохо. Но для нас эти трубы просто дар Божий.

Патил показывал электрооборудование, когда воздуховод внезапно затих.

— Надеюсь, не насовсем, — в наступившей тишине произнес Клэй.

— Должно быть, мелкая поломка, — сказал Патил.

— Такое частенько случается, — честно добавил Сингх.

Клэй сразу же почувствовал, как весь покрывается пóтом. Он засомневался, можно ли в такой жаре что-то серьезно проверять, если это происходит часто.

Миссис Були продолжала лекторским речитативом:

— Мы нанимали студентов-строителей, проходивших практику — их было достаточно много, даже с избытком, — чтобы заварить каждую трубу сверху донизу единой проволокой. Затем мы изолировали каждую трубу, затем сварили их вместе по тридцать метров. Потом мы заполнили их аргоном и соединили под током высокого напряжения. Мы обнаружили, что напряжение в двести восемьдесят килоэлектронвольт...

Клэй кивал, отмечая детали и те места, где ее описание расходилось с тем, что он получил от ННФ. Эта группа десятилетиями модифицировала условия эксперимента, и последние важные изменения были весьма скудно документированы. Впрочем, принцип сам по себе был достаточно прост. Каждая труба находилась под током высокого напряжения, и, когда через нее проходила заряженная частица, возникала искра. Прохождение частицы отслеживалось по сегментам трубы. Это гигантское сооружение из труб, в сущности, оказывалось просто очень большим счетчиком Гейгера.

Он откинулся назад, кивая в ответ на слова Були и наблюдая за группой мужчин на самом верху. Сквозь отверстие донесся громкий лязг. Посыпались искры, синие и рыжие. Ослепительные вспышки освещали силуэты сварщиков и каскадом искр низвергались сквозь решетки труб. На мгновение Клэй представил себе, что он наблюдает, как космические лучи проникают сквозь эту железную башню

из труб, освещая ее на краткий миг, который им отведен, прежде чем они распадутся.

— ...и я абсолютно уверена, что мы наблюдали пятьдесят таких событий, — заключила миссис Були, самоуверенно вздернув подбородок.

— Что? — Клэй с трудом оторвался от мечтаний. — Так много?

Она рассмеялась, словно колокольчик:

— Не верите!

— Ну, это очень много.

— Наша контрольная масса еще увеличилась, — сказала миссис Були.

— Последнее, что мы получили, это пятьсот тонн, — осторожно заметил Клэй. Доклады, направленные в ННФ и Королевское научное общество по телеграфу, содержали мало подробностей.

— Несколько лет назад, — сказал Патил. — С тех пор мы удвоили усилия, как видите.

— Чтобы наблюдать такое число случаев протонного распада, надо обработать черт знает сколько материала, — усомнился Клэй.

— Мы обработали пять *тысяч* тонн, профессор Клэй, — сообщила миссис Були.

— Похоже на то, — кратко заметил Клэй, скрывая удивление.

Нельзя же в самом деле позволить им заморочить ему голову огромными числами. Главное, действительно ли имело место пресловутое расщепление протонов?

Снова с шумом и стуком начал поступать прохладный воздух. Клэй глубоко вдыхал его, повернувшись к железному сооружению, где, может быть, погибали протоны, и вместе с воздухом втягивал миазмы высохшей равнины, раскинувшейся поверх многокилометровой толщи горной породы.

6

С самого начала он знал, что никаких озарений не будет. Определенность — это детище скучной рутины.

Он изучал замысловатую схему два дня и только потом начал ей доверять.

— Развяжите мешок, чтобы я убедился, что в нем действительно находится кот, — заявил он миссис Булн, а потом принялся объяснять, что это просто шутливый оборот речи.

Затем пришел черед трехдневному пробному пробегу по замерам точных порогов распада согласно имеющимся радиоактивным данным. Система действовала на удивление эффективно. Их технология показалась ему по-восточному восточной, но вполне реализуемой. Нулевая проверка датчиков внутри труб показала абсолютную чистоту.

Действовать надо было очень осторожно. Распад протона — явление редкое. Теории великого объединения, с успехом предсказавшие открытие новых частиц, содержали в себе печальную ноту. Материя смертна. Конечно, не так быстротечно смертна, как смертен человек.

Человеческое тело состоит примерно из 10^{29} нейтронов и протонов. Даже если малая часть из них распадется, человечество погибнет от рака. Выживание даже простейших форм жизни подразумевает, что протоны внутри каждого ядра должны существовать в среднем миллиарды миллиардов лет.

Так что даже до появления теорий великого объединения физики знали, что протоны живут долго, но все же конечны. Английский акроним для теорий великого объединения GUTs совпадает с разговорным значением выражения *he has no guts* — «у него кишка тонка», и лет десять назад аспиранты вроде Клэя носили футболки с надписью, понятной только посвященным: «С тонкой кишкой нечего делать в физике частиц». Но от посторонних делу физики людей тонкий смысл этой незамысловатой шутки безнадежно ускользал.

Простейшая из теорий GUTs предсказывала срок существования протона примерно в 10^{31} лет, что гораздо дольше, чем установленный срок существования живой материи. В сущности, это значительно превышает возраст Вселенной, который составляет всего-навсего 2×10^{10} лет.

Чтобы проверить эту теорию, достаточно было бы понаблюдать за одним протоном в течение 10^{31} лет. Правда, учитывая краткость срока жизни, отпущенного человеку, было бы эффективнее собрать в одном месте 10^{31} протонов и наблюдать за ними в течение года.

Физики в США, Японии, Италии и Индии наблюдали за протонами в таком режиме с 1980-х до 1990-х годов. Ни один протон не скончался за это время.

Ладно, сказали теоретики, применим более сложные математические подсчеты. Они отказались от одних групп симметрии и сосредоточились на других. Получалось, что срок существования протонов должен быть 10^{32} лет.

Преимущественный метод улавливания протонов состоял в использовании для этого воды. В соляных копях западные физики оборудовали бассейны глубиной с шестиэтажный дом и приступили к ожиданию характерного синего импульса распадающейся материи. Отслеживание длительного существования требует либо длительного ожидания, что никого не устраивало, либо увеличения численности протонов. Бассейны углубили, эксперимент сосредоточили в США и Японии, но протоны по-прежнему не желали распадаться. Значит, срок их существования превышал 10^{32} лет.

Суровые 1990-е годы положили конец амбициозным исследованиям на Западе. Мало кто помнил о забытой богом экспериментальной лаборатории в Коларе, преданной делу наблюдения за железными электродами в надежде уловить краткую вспышку распада. Когда из-за политических осложнений контакты с Индией прервались, разочарованные к тому времени западные физики решили, что лаборатория в Коларе прекратила свое существование.

Но шахта в Коларе была самой глубокой, а значит, более защищенной от потока космических лучей, которые осложняли протекание экспериментов на Западе. Клэй оценил эту глубину, когда изучал бесчисленные графики, фиксирующие расщепление частиц, на мониторах компьютеров в Коларе.

Всего было зафиксировано 9×10^9 случаев распада всех типов. Система отсеивала очевидные искажения, но оставалось много неясных моментов. Согласно теории протоны распадаются, потому что составляющие их кварки меняют свою структуру. Из-за произвольных изменений в состоянии кварков протон разлетается на множество мелких фрагментов. Нейтроны не зависят от этого, потому что в открытом космосе они расщепляются сами по себе на электроны и протоны. Существование материи в конечном итоге напрямую зависит от устойчивости протонов.

Клэй сразу же заметил, что коларская группа годами разрабатывала программное обеспечение. Они отсеяли тысячи фантомных фактов, которые только имитировали подлинный распад протона. Протон может распадаться восемнадцатью способами, для каждого из которых характерны свои признаки вспышки и фрагментов распада.

Тончайшие траектории частиц фиксировались в виде вспышек и искр внутри металлической конструкции. Клэй изучал бесконечные распечатки графиков, филигрань цифровых данных.

— Вы убедитесь, что мы тщательно рассматривали каждый подходящий случай,— терпеливо заметила миссис Були на шестой день инспекторских усилий Клэя.

— Да, анализ скрупулезный,— серьезно ответил Клэй.

Высокий уровень работы поразил его, но он пока воздерживался от выводов.

— Если возникало малейшее сомнение, мы исключали результат.

— Я вижу.

— Некоторые пи-мезоны не обнаруживали достаточной энергии, поэтому мы, разумеется, пропускали их.

— Прекрасно.

Миссис Були наклонилась, чтобы показать ему некоторые особенности программы контроля, и он уловил пряный цветочный аромат. Внезапно ее духи привлекли его внимание к тому, что сари облегало зрелые, пышные формы. Вместе с тем она отнюдь не отличалась рыхлостью или уродливыми подушками жира в неподходящих местах. Ее овальное лицо и пухлые губы свидетельствовали о тонкой, чувственной натуре...

Он постарался сосредоточиться на физике и уставился на экран. Вершины графов напоминали замедленную съемку дорожно-транспортных происшествий, взрывов, разлетающихся обломков. Кристально математическая упорядоченность физики подводила к раскаленному беспорядку. И Клэю предстояло судить, насколько упорядочен этот беспорядок.

7

Он настоял на том, чтобы самому проанализировать несколько тысяч предполагаемых кандидатов на научные факты независимо от электронной обработки данных. Через де-

вять дней он выделил шестьдесят семь случаев, похожих на истинные.

Шестьдесят пять из них совпали с данными анализа миссис Були. Два других почти совпали, как пришлось признать Клэю.

— Почти как счет в банке, — задумчиво произнес он, разглядывая таблицу данных.

— Деньги, — сказала миссис Були, — у вас всегда финансовые аналогии.

— Просто оборот речи.

— И все же исключим два спорных случая.

— Ну, я бы...

— Нет-нет, мы оставляем только шестьдесят пять. В ее миндалевидных глазах не было ни намека на лукавство.

— Вообще-то у них хорошие шансы на выигрыш. — Она вопросительно подняла брови. — Просто речевой оборот.

— Значит, они отвечают требованиям теории.

Аккуратность формулировки заставила Клэя склониться к экрану, чтобы оправдать инспекторский статус.

— Мне еще надо просмотреть подробности всех остальных режимов распада. Проверить какие-нибудь неясные случаи, похожие на настоящий распад.

Она кивнула:

— Да, конечно, это надо проверить.

Протоны ведь могут погибать и под воздействием внешних причин. Например, от нападения фантомных нейтрино, извергаемых солнцем, проникающих даже сюда, или смертоносных мю-мезонов, притворившихся космическими лучами и оставивших после себя цепочки взорванных ядер.

В целом все выглядело вполне достоверно. Клэя поражали результаты, добытые в таких немыслимых условиях.

— Я постараюсь закончить побыстрее.

— Мы можем обеспечить радиосвязь, если вам понадобится.

— А? Зачем?

— Ну, вдруг вам захочется связаться с коллегами в Америке.

— Ах да.

Чтобы объявить о результатах проверки, понял он. Обнародовать их. Но к чему такая спешка?

И тут до него дошло, что, возможно, они сомневаются в том, что ему удастся выбраться отсюда.

8

Они обычно ночевали под навесами, сооруженными в овраге. Когда-то в лучшие времена там спали работники прииска, а теперь физикам удавалось хотя бы на час подключать водоснабжение. Мужчины спали в длинном открытом сарае, а Клэю отвели отдельную деревянную хибару. Каждый вечер он ел вместе со всеми постную мучнистую кашу и неукоснительно дезинфицировал питьевую воду, что защитило его от расстройства желудка. В шахте стояла такая невыносимая жара, что он сильно похудел, но по ночам было прохладно и дул свежий, влажный ветер.

На пятый вечер, когда они сидели возле пузатой железной печки в сарае, Патил показал ему металлическую будку в некотором отдалении от них и сообщил:

— Там у нас спутниковая антенна. Можно снять крышу и установить связь, когда вам понадобится.

Клэй обрадовался:

— Можно связаться с домом?

— В случае крайней необходимости.

Что-то в тоне Патила заставило его понять, что они не собираются потворствовать его личным прихотям.

— Завтра, например?

— Возможно. Надо будет позаботиться, чтобы не заметили «преданные».

— Они считают вас работниками прииска?

— Ну, мы их убедили в этом, во всяком случае я надеюсь.

— А меня?

— Вам лучше не показываться лишний раз.

— Хм, не найдется ли здесь чего-нибудь выпить?

Патил нахмурился:

— Что, водопровод не работает?

— Нет, я имею в виду, ну, в общем, выпивку. Джин с тоником, например. По-моему, англичане это употребляли?

— Алкоголь — это моча дьявола! — сурово отчеканил Патил.

— Ну, это моему интеллекту не повредит.

— Кто знает. Мозги — штука тонкая.

— Вы боитесь, что окружающие могут заподозрить что-нибудь?

— Разумеется, это нежелательно, — вмешался Сингх.

— Тогда не стоит беспокоиться, — пробурчал Клэй. Жара и долгие часы тяжелого труда утомили его. — Как только я проверю все данные, я тут же уеду.

— Но вы склонны считать, что мы действительно наблюдали распад протонов?

— Скажем так, данные впечатляют.

Даже такое косвенное одобрение далось Клэю с трудом. Он ожидал, что его встретят всеобщим ликованием. Но Патил и Сингх молча сидели и смотрели на мерцающие угли через открытую дверцу печи.

Наконец Патил сказал:

— Новости быстро распространятся.

— Да, если вы передадите по радио.

Сингх тихо пробормотал:

— Тогда многое изменится.

— Конечно, вы можете уехать отсюда, сделать доклад, написать статью...

— О нет, мы, безусловно, останемся здесь, — не задумываясь ответил Сингх.

— Эти «преданные», они могут причинить вам неприятности, если обнаружат...

— Мы уверены, что это открытие, как только оно будет осознано, вызовет большие перемены, — торжественно заявил Патил. — Я предпочитаю стать свидетелем этого у себя на родине.

Тональность этого разговора показалась Клэю весьма странной, но он отнес это на счет тяжелых условий труда. Ведь они многим пожертвовали, чтобы построить и запустить эту лабораторию среди всеобщего упадка.

— Результаты этого открытия заставят мир постепенно отказаться от материалистического мировоззрения, — сухо произнес Сингх.

— Как это?

— Наблюдая за существованием элементарных частиц, мы пользуемся редукционистским инструментарием, — по-

яснил Патил. — Но ведь природа не саламандра, она не восстановится, если без конца расчленять ее.

— Если саламандру урезать так сильно, что она уже не сможет отрастить конечности и снова стать саламандрой, — добавил Сингх и осветил ночь белозубой улыбкой.

Клэй нахмурился. Он смутно помнил теорию квантовой механики, где используется понятие «подразумеваемый порядок», суть которого заключается в том, что за поверхностной неопределенностью волновой механики скрывается глубинный слой теоретической физики. Волны, которые вдруг начинают вести себя как частицы, — и наоборот — все это только иллюзия, возникающая на почве нашего научного невежества. Поскольку осязаемых воплощений эти понятия не имели, вся эта научная абракадабра высоколобых теоретиков представлялась Клэю всего лишь напыщенными словесами. Но он должен был соблюдать дипломатию.

Он глубокомысленно кивнул:

— Да, конечно. Но ведь если погибнут частицы, с ними вместе погибнет и весь мир, так?

— Да, через десять в тридцать четвертой степени лет, — согласился Патил. — Но само *осознание* смертности материи распространится со скоростью света, стоит только оповестить мир об этом.

— Ну и что?

— Вы экспериментатор, профессор Клэй, а потому — да простится мне такое выражение — склонны препарировать саламандру. — Патил сложил кончики пальцев, на лице его плясали тени от догорающего огня. — Наше мировоззрение обусловлено родом наших занятий. Подразумеваемый порядок — это отчасти наша собственная схема.

— Разумеется, квантовое измерение, принцип неопределенности и все такое.

Клэй отсидел свое на всех этих лекциях и отнюдь не жаждал повторения. Во всяком случае не в этом грязном сарае, да еще когда в желудке урчит от голода. Он отхлебнул из чашки слабо заваренный чай и зевнул.

— Осложнения в замерах отражают глубинные проблемы, — продолжал Патил. — Даже один из основоположников западной философии, Платон, понимал, что мы воспри-

нимаем только собственные несовершенные суждения вместо подлинной сути.

— В чем же подлинная суть? — Клэй вздохнул.

— Мы не знаем. И знать не можем.

— Послушайте, мы проводим измерения и готовим доклад. Точка.

Озадаченный Сингх спросил:

— А потом что, конец?

Патил гнул свое:

— Консенсуальная реальность, вот что означает ваш «реальный мир», профессор Клэй. Но известия о наших результатах могут разнести вдребезги этот обманчивый, бездумный консенсус.

Клэй пожал плечами. Все это напоминало ему ночные дебаты подвыпивших неофитов физики в университетском кампусе. Поверхностный пантеизм, болтовня о квантах, доморощенная философия. Одно дело — восприимчивость к новому и совсем другое — завихрение в мозгах. Неужели на этом континенте все склонны к бесплодному философствованию? Нет, пора убираться отсюда.

— Послушайте, я не понимаю, какая разница...

— До тех пор пока завеса ложной гарантии не будет сорвана... — начал Сингх.

— Гарантии?

— Этот мир — Вселенная — достаточно долго существовал в условиях иллюзии собственной устойчивости. — Сингх развел руками, желтые отблески огня на лице придавали ему несвойственную живость. — Пусть мы смертны, даже Солнце может погаснуть, но Вселенная вечна. И вот мы доказали обратное. Реакция может быть очень сильной.

Клэю показалось, что он понял, в чем дело:

— Ну, разумеется, вплоть до Нобелевской премии.

К его изумлению, оба физика весело расхохотались.

— Да нет же, — возразил Патил. — Это мелочи по сравнению с тем, что может произойти!

9

Тесный конференц-зал рядом с информационным отсеком был переполнен. Оттуда доносился приглушенный говор, казалось наполненный предвкушением чего-то.

Снаружи кто-то поставил белую статуэтку улыбающегося слоника. Клэй машинально погладил ее. Несмотря на жару в шахте, слоник был прохладным на ощупь.

— Его только что привезли рабочие, — с улыбкой пояснила миссис Були. — Это индуистское божество, которое покровительствует благоприятным начинаниям.

— Или благополучному завершению, — добавил Патил. — В общем, успеху.

Клэй кивнул и прошел в зал, где от спертого влажного воздуха перехватывало дыхание. Там собралось много народу, от аспирантов до рабочих, и на одежде у всех проступили пятна пота. Клэй увидел троих аспирантов, которые претерпели побои фанатиков ради него, и уважительно раскланялся с ними.

Ощущая потребность в некоторой торжественности, он начал с хвалебной речи, отметив их беспредельное трудолюбие и пророча восторг, с которым мир воспримет известие о достигнутых результатах. Затем он долго распространялся о всех проанализированных случаях, о проверке и перепроверке данных, об уточнении графов, о цифровых недочетах, тупиковых следах, об уровнях ионизации, искусном программировании, которое позволило отследить возможное множество ошибок. Он почувствовал, как нарастает напряжение, по мере того как он показывает данные на большом экране, выводя их с компьютерных файлов. Некоторые из данных он вывел в объемной форме, чтобы продемонстрировать, как протон проходит по железной клетке, возвещая о конце бесконечности.

В завершение он тихо сказал:

— Вы обнаружили это. Срок существования протона составляет около десяти в тридцать четвертой степени лет.

Аудитория взорвалась аплодисментами, криками и радостными улыбками. Каждый из присутствующих стремился пожать ему руку.

10

Сингх вручил ему послание для ННФ. Клэй составил сжатый, но подробный доклад и отправил его в Международный астрономический союз для распространения по обсерваториям и университетам всего мира.

Клэй сознавал, какое значение это событие имеет для его карьеры. Поскольку коллектив коларской лаборатории оставался здесь, он станет их единственным представителем для мировой прессы. А новость была из ряда вон выходящая — поистине лакомый кусок для средств массовой информации.

Результат имел фундаментальное значение для физиков и астрономов, поскольку судьба всех их исследований в конечном итоге решалась тихой кончиной невидимых глазу частиц. Через 10^{34} лет где-то в глубинах космоса начнут гаснуть галактики — величайшие скопления материи во Вселенной. Последние раскаленные звезды замигают, вспыхнут в последний раз и взорвутся. Может быть, жизнь на какое-то время приспособится к остыванию планет. В конце концов жалкие островки живой материи уступят последнему врагу — не жесткой хватке энтропии, а едва уловимому распаду протона.

Клэй уже видел заголовки в газетах: «КОНЕЦ ВСЕЛЕННОЙ». Как *это* воспримут пассажиры, торопящиеся на работу?

Он наблюдал за тем, как Сингх отправлял сообщение с помощью огромной спутниковой антенны, для чего была снята жестяная кровля ангара, позволяя созерцать золотисто-желтые сумерки, которые разливались по небу. Клэй не испытывал никаких эмоций, ощущая себя пустым, как высохший конденсатор. Он занялся физикой, поскольку она позволяла прикоснуться к таинственным глубинам вещей. Например, при взгляде на мост он мог представить векторы его устойчивости. Когда дочь спросила его, почему небо голубое, он дал ей точное и простое объяснение, потому что знал его. Он не боялся летать, потому что знал уравнение Бернулли для давления, которое удерживает самолет в воздухе.

Но этот эксперимент с его результатами...

Даже праздничный вечер в честь этого события не затронул его. Аспиранты явились в своих лучших хаки. Звучание ситара[1] сливалось с запахами, разлитыми в воздухе, и ритмы раги[2] сплетались в сложный узор. Его тело само покачивалось в такт музыке.

---

[1] *Ситар* — индийский струнный инструмент.

[2] *Рага* — лад в индийской классической музыке.

— Жаль, что вам не удалось узнать нашу страну поближе. — Миссис Були наблюдала за ним с любопытством.

— В данный момент меня больше всего привлекает идея поспать.

— Сон не всегда сладок. — Она казалась отчужденной и далекой в ночных сумерках. — Один из наших богов, Брахма, спит, а мы — это то, что он видит во сне.

— Если он видит вас, ребята, то в последние годы ему, должно быть, снятся сплошные кошмары.

— О да, наши проблемы. Но не отождествляйте их с Индией как таковой. Это все преходящее.

— Я убежден в этом. — Клэй по-прежнему соблюдал дипломатию.

— Вас удивили результаты проверки? — спросила она проницательно.

— Пожалуй, да. Я был настроен скептически.

— Понятно, для ученого естественно сомневаться, прежде чем обрести уверенность.

— Как сказал однажды мой папа, в торговле продавай все и всем, но не забывай считать сдачу.

Она засмеялась:

— Пожалуй, мы обеспечили вам неплохую сделку, а?

Он убедился, что его сомнения были для них очевидны с самого начала. Но больше всего его беспокоил не сам успех этого, казалось бы безнадежного, дела, а их отношение к этому успеху.

К ним подошли аспиранты и попытались обучить его какому-то индийскому танцу. Он более или менее достойно прошел это испытание, и один из аспирантов по имени Венкатраман принес ему в качестве утешительного приза стакан запрещенного напитка — пива. Ему внезапно пришло в голову, как нелепо, что правительство Индии тратит столько усилий, запрещая алкоголь, но не обращает внимания на слишком высокий уровень рождаемости. Аспиранты посмеялись его неуклюжей шутке насчет алкоголя, но он сомневался, что шутка им действительно понравилась. Темп музыки ускорился, и его сердце быстрее забилось в унисон. Они обращались к нему уважительно и спрашивали, каковы, по его мнению, перспективы лаборатории. Он пожал плечами, подумав про себя: «Что прикажете делать дальше, сахиб?» — и предложил использовать оборудование для ре-

гистрации нейтрино со сверхновых звезд. В 1987 году первое поколение улавливателей нейтрино с успехом обнаружило одну такую сверхновую.

Он поежился, подумав, что атомная бомба, открытие сверхновой в 1987 году, а теперь и физика элементарных частиц — все они тесно связаны со смертью. Ситар звучал не умолкая, миссис Були отпускала игривые шутки и потчевала его пряным, острым салатом. И все же он рано улегся спать.

11

И проснулся от легкого дуновения. Шорох, шелест одежды... Ее сари светилось во тьме, как туман. Лунный свет струился в распахнутое окно и просвечивал сквозь ее одежду, когда она склонилась над ним. Коснулась его. Отбросила простыни.

— Я...

Мягкая рука зажала ему рот, напоминая аромат прогретой солнцем земли. Все мысли унеслись прочь, в ночную тьму, когда он ощутил вес ее тела. Она оказалась удивительно легкой, хотя и пухлой, и округлость ее груди соперничала с пышностью бедер. Его руки скользили по ее телу, стискивали его. Ее кожа была слегка влажной и трепетала от его прикосновений. Сари куда-то улетучилось. Лунные блики упали на ее лицо, и он заметил на нем лукавое, манящее выражение, как будто она ожидала чего-то, мягко прижимаясь к нему. Ее губы не столько целовали, сколько касались его, вызывая в нем ощущение множества мелких ручейков, пронизавших его насквозь. Она оказалась на нем, умело стиснула его бедра, и он легко и незаметно вошел в нее, повинуясь тайному требованию тела. Он закрыл глаза, но лунный свет проникал сквозь веки, и он видел, как ее волосы развевались в воздухе, словно под водой, и ощущал восхитительную тяжесть ее тела, напрягшегося и трепещущего, а ее ногти царапали ему плечи, и мускусный запах поднимался от их тел. Он ощущал ее упругое, шелковистое нутро. Ее бархатистое тело то взлетало, то почти невесомо опускалось, не нарушая их слияния, и он вспомнил медные изображения и живописные картины индийских божеств и представил себе, что над ним парит сама Кали, наполняя

тьму дивной музыкой. Она охватила его ногами, стиснула его плоть, вобрала в себя, сжимая, поднимая вверх и толкая вниз. Она вскрикивала, с силой выдыхая из легких воздух, расслабив рот и прикрыв глаза тяжелыми веками, и он, содрогаясь, мощно излился в нее, как будто все, что давно наболело, вышло из него и впиталось в разверстую, исходящую страстью почву...

12

...а потом они оба бежали, спотыкаясь по оврагу под косым лунным светом.

— Что... что там...

— Тихо! — Она шикнула на него, как учительница в школе.

Он распознал местность перед шахтой. Неясные фигуры мелькали в отдалении. Отчаянные крики будоражили ночь.

— «Преданные», — шепнула миссис Були, пока они карабкались наверх. — Они напали на вход в шахту.

— Как мы...

— Разбудить тебя было нелегко, — сказала она, скользнув по нему взглядом.

Она еще пыталась кокетничать? Внезапный переход от мистической, могучей чувственности к строгому, сухому профессионализму озадачил его.

— Часть наших сотрудников разгулялась вовсю. Кое-кто считает, что именно это празднование привлекло внимание «преданных». Пока ты спал, я поговорила с одним из сотрудников, и он сказал, что «преданные» давно знают о твоем присутствии. Они спрашивали о тебе.

— Обо мне? Но почему?

— Это как-то связано с твоим багажом и звонком домой.

Клэй скрежетнул зубами, пробираясь вслед за ней по тропинке, петлявшей по крутому склону оврага. Вскоре они уже увидели вход в шахту. Темные фигуры сновали вокруг него, как туча мошкары. Оттуда слышались отрывистые возгласы. Странный треск доносился от ангара, и Клэй не сразу сообразил, что свисавшие со стропил темные цепи, которые раскачивались в унисон, состояли из людей.

— Они разрушают ангар, — прошептал он.

— Меня больше беспокоит, что они натворили внутри.

Он инстинктивно потянулся к ней и ощутил то податливое тепло, которое стискивал в объятиях, казалось, всего несколько мгновений назад. Она повернулась и ответила на его поцелуй.

— Мы... там... почему ты пришла ко мне?

— Такой момент. Испытать радость освобождения от всего, профессор Клэй.

— Оно, конечно, так... — Клэй чувствовал себя несколько скованно, обнимая женщину, все еще сохранившую мускусный запах любовных игр и при этом называвшую его формальным титулом. — Но как я очутился здесь? Вроде бы...

— Ты был в трансе. Не в себе.

— Нет, все было потрясающе, но я ничего не помню.

Она засмеялась:

— Лучшие мгновения нашей жизни не оставляют следа. Это признак подразумеваемого порядка.

Клэй глубоко вдохнул ночной воздух и попытался прийти в себя. «Снова ученая абракадабра, — подумал он, — и этот убежденный лекторский тон». Он не сразу заметил, что женщина перебежала на другую тропинку.

— Куда мы направляемся? — спросил он, когда, порядком запыхавшись, догнал ее.

— Надо добраться до джипов. Они припаркованы в нескольких километрах отсюда.

— Но мои вещи...

— Забудь про них.

Он поколебался, затем последовал за ней. Ничего особенного он там не оставил. Во всяком случае такого, ради чего стоило сражаться с оголтелой толпой фанатиков.

Они петляли среди выжженных склонов, усеянных валунами. В небе полыхали странные зарницы. С запада надвигались кучевые облака, изредка вспыхивали молнии. Земля слегка подрагивала.

— Землетрясение? — спросил он.

— Да, случаются, несколько раз бывали. Может, заставит «преданных» убежать.

Никого из физиков не было видно. Из-под башмаков изредка выскакивали камешки. Он мимоходом подивился

тому, как ему удалось натянуть туфли, если он этого не помнит, и снова в памяти ожила завораживающая чувственность женщины. Камни скатывались в высохшие промоины вдоль склона. Тучи закрыли луну, и им теперь приходилось отыскивать дорогу едва ли не на ощупь.

Мысли Клэя метались, перемешанные с тревогой и попытками понять происходящее. Единственным звеном, связывающим его с цивилизацией здесь, в Индии, оставалась теперь только миссис Були, но даже и ее он едва различал во мраке. Она двигалась с естественной грацией, сари развевалось, босоножки легко шлепали по камням. Внезапно она присела:

— Люди.

По тропе шли несколько человек с фонарями. Люди шагали молча, едва различимые в слабом лунном свете. Спрятаться было негде, и их с миссис Були, конечно, уже заметили.

— Стой спокойно, — сказала она.

«Снова жесткий британский выговор», — подумал он, хотя движения ее пышных бедер одновременно напомнили ему о ее скрытой сущности.

Клэй жалел, что у него нет никакого оружия: дубинки, ножа — чего-нибудь. Он стоял рядом с ней, стиснув кулаки. Ладно хоть в этой тьме его черная кожа может обернуться преимуществом.

«Преданные» проследовали мимо с сосредоточенным выражением лиц. Клэй ожидал, что они будут распевать мантры или перебирать четки, но они просто еле-еле переставляли ноги, как будто шли на казнь. Они едва взглянули на него. Он надеялся, что в своих мешковатых штанах и бесформенной рубахе ничем не привлечет внимания. Мимо прошла женщина, неся что-то за спиной. Клэй заморгал. Ее окровавленные ладони были прибиты гвоздями к брусу, как на распятии, и она несла его молча и горделиво. Ее просветленный взгляд был направлен к затянутым тучами небесам. Позади нее шел мужчина с большим блюдом в руках, и поначалу Клэю показалось, что на блюде лежат мраморные шарики, но, приглядевшись, он обнаружил, что это глазные яблоки. Он судорожно вздохнул, и лица повернулись в его сторону. Человек с блюдом прошел мимо, и Клэй затаил дыхание от зловонного запаха,

которого не мог распознать. Некоторые что-то бормотали себе под нос, другие несли изображения богов, обереги и статуэтки, но религиозного рвения, как у фанатиков, которых он видел раньше, здесь не было. Земля снова вздрогнула.

И тут во тьме послышалось жужжание. Что-то поразило одного из мужчин в колонне, и он схватился за горло и хрипло закричал. Клэй не раздумывая ринулся к нему. Он отвел его руки в стороны. Прямо на шее сидело какое-то черное насекомое с вибрирующими крыльями. Оно уже вонзилось в кожу и теперь изо всех сил упиралось паучьими конечностями, чтобы поглубже проникнуть в тело. Человек кашлял, задыхался и слабо вскрикивал, как будто тварь забралась ему в глотку.

Клэй схватил насекомое за задние конечности и сильно потянул. Тварь сопротивлялась с неожиданной силой. Клэй слишком поздно заметил заднее жало. Резкая боль в большом пальце привела его в ярость. Он вскипел и, несмотря на боль, резко вырвал насекомое из шеи. При этом раздался какой-то хлюпающий звук. Клэй фыркнул от омерзения и отшвырнул эту тварь подальше.

Человек отшатнулся, всхлипывая, и бросился вслед за остальными, даже не взглянув на ученых. Миссис Були схватила Клэя, который топтался на месте, встряхивая руку.

— Надо вырезать это! — воскликнула она.

Клэй стоял смирно, пока она, сделав крестообразный надрез, выжимала несколько капель крови.

— Что? Что *это* было?

— Это осы, они вырастают в гнездах на деревьях.

— А-а, одна из этих биомутаций.

— Они все еще над нами.

Клэй прислушался к монотонному жужжанию над головой. Еще один из фанатиков вскрикнул и хлопнул себя по шее. Клэй тупо наблюдал, как мужчина ринулся прочь. Боль в руке еще давала о себе знать, но уже не такая резкая. Миссис Були оторвала полоску от своего сари и обмотала Клэю палец, чтобы остановить кровотечение.

Все это время фанатики проходили мимо них во тьме. Никто не обращал внимания на Клэя. Некоторые разговаривали вслух сами с собой.

— Западная наука, похоже, мало беспокоит их, — прошептал Клэй.

Миссис Були молча кивнула. Последней мимо них прошла женщина, хромая и придерживая руку, которая заканчивалась не ладонью, а ложкой, прибитой гвоздем через пробку.

Он шел вслед за миссис Були в темноте.

— Что это за люди?

— Не знаю. Они мало что говорили, только повторяли одни и те же слова. Дхарма[1] и сансара[2], в общем, это означает «судьба».

— Они не обратили на нас внимания?

— Похоже, они испытывают что-то вроде решимости, настроя. — В тусклом лунном свете ее глаза казались загадочными.

— Но они разрушили лабораторию.

— Насколько я могу понять, известие о твоем присутствии здесь послужило чем-то вроде укуса этой осы. Внешний раздражитель, а не причина.

— Но что их заставило...

— У нас нет времени. Надо идти.

Они почти бегом добрались до купы оголенных, безлиственных деревьев, росших по берегам неглубокого ручья. Пыль забила ноздри, и Клэй, задыхаясь, дышал ртом. Облака стремительно неслись по небу, словно убегая с запада. Деревья раскачивались на ветру и тянулись к беспокойному небу.

— Погода портится, — сказала миссис Були. — Плохо.

По дороге они прошли мимо небольшого костерка, вокруг которого скучились темные фигуры. Клэй хотел было обойти их, но миссис Були двинулась напрямик. Вокруг костра на корточках сидели женщины, держа над огнем длинные прутья. На прутьях что-то шевелилось, и в лунном свете Клэй разглядел насаженные на прутья извивающиеся змеиные тела, вылезшие из орбит глазки, поблескивающие, как кристаллы, широко раскрытые пасти,

---

[1] *Дхарма* — закон, моральный правопорядок.

[2] *Сансара* — в индуизме обозначение перехода бытия из одного состояния в другое, связанное с цепью рождений, а также множества миров, которые периодически возникают и уничтожаются.

которые еще шевелились. Женщины пристально наблюдали за тем, как змеиная кожа чернела и пузырилась, медленно поджариваясь, и поворачивали прутья над огнем. Пламя потрескивало, как будто в него падали капли дождя, но в воздухе не ощущалось влаги, и Клэй чувствовал на разгоряченной коже только порывы суховея. Дым обволакивал сидевших у костра женщин, и миссис Були торопливо миновала их.

Столько всего произошло за такой короткий срок! Сердце Клэя наливалось свинцовой тоской под тяжестью впечатлений. В этой стране было слишком много народу и слишком много страданий — какой в этом смысл? Согласно западному мировоззрению личность ценилась превыше всего, человек считался краеугольным камнем морали. Именно поэтому западный мир испытал глубокое потрясение от нацистской бойни, когда людей уничтожали в таких количествах, что отдельная человеческая жизнь вообще утратила ценность. Подобное впечатление произвела на Клэя Индия. Разве стоило беспокоиться о таких пустяках, как гуманность, в мире, где рождается столько тел и столько душ корчится от страданий? Бесконечное бессмысленное воспроизводство мучений...

Ветер донес низкий звук, похожий на басовую ноту, словно из глубины пересохшего колодца.

Миссис Були воскликнула что-то, но он не расслышал. Она бросилась бежать, и Клэй с трудом поспевал за ней. Если он потеряет ее из виду, то вообще пропадет здесь.

Они быстро выбежали из рощи и пересекли поле, изрытое глубокими бороздами и поросшее сорняками. Над обширной равниной сверкнул невиданной силы электрический разряд, ветвистый, как могучее дерево. Казалось, потревоженные им тучи подхватывали сине-желтые искры и передавали их дальше, подобно бесчисленным трансформаторам и конденсаторам, и перепад напряжения создал целую сеть коммуникаций, разнося отрывистые сообщения и перемежая их вспышками пунктуационных знаков.

— Джипы, — запыхавшись, выдохнула она.

Три темные машины стояли под укрытием небольших деревьев, за которыми прятались защитного цвета палатки, сливаясь с пыльно-бурой поверхностью земли. Миссис Були лихорадочно шарила рукой в поисках стартера.

— Нет ключа, — отрывисто бросила она.

— Почему? — Во рту у него пересохло.

— Они всегда были на месте.

— Да, конечно. Проверь в остальных.

Она кинулась к другим машинам. Клэй опустился на колени и принялся обшаривать днище машины. От почвы исходили внутренний жар, как будто от раскаленной печи, и странная пульсация. Он ощупал одну сторону и пополз под джипом к задней оси. В это время он услышал далекий жалобный зов, призрачный, словно крик птицы в тумане.

— Клэй-джи, в других джипах тоже нет ключей.

Клэй наткнулся на гладкую коробочку, прикрепленную высоко на задней оси. Он оторвал ее от магнитной присоски и выкатился из-под машины.

— Если мы доберемся до шахты, то сможем найти остальных, — сказала миссис Були.

— Черт, да, остальные... Но мы наверняка напоремся на «преданных».

— Ну, я...

Между деревьями мелькнули неясные фигуры. В полном молчании и быстро подкрадывались к фургону.

— Быстро в машину!

— Но...

Он втолкнул ее в машину и принялся включать зажигание. По полю к ним бежали темные фигуры. Наконец с третьей попытки мотор завелся. Они стремительно рванулись с места. Что-то ударило в заднее стекло, и по нему расползлась паутина трещин, но Клэй несколько раз вильнул из стороны в сторону, и больше в них не попали.

Через несколько минут Клэй почувствовал, что сердце забилось ровнее, и включил передние фары, освещая дорогу. Они ехали по песчаным бороздам, и он побоялся застрять и нажал на газ.

Внезапно желтые вспышки пламени полыхнули одна за другой по небу, пронзая облака.

— Господи, это еще что?

— Что-то пострашнее грозы.

Встревоженный ее отчужденным, спокойным голосом, он взглянул на женщину:

— Не шути так.

— Таких побочных эффектов от землетрясения не бывает.

В свете приборного щитка он разглядел лазуритовые бусы на ее шее. Он вспомнил, что они были на ней, когда она пришла к нему ночью. Теперь этот глубокий синий цвет казался единственным ярким пятном в непроглядной ночи.

— Это должно быть нечто более серьезное.

— Что именно?

Дорога сузилась и теперь шла по плато среди искривленных деревьев и причудливой формы валунов. В ветровое стекло, казалось, колотил град, но Клэй ничего не видел.

— Мы часто обсуждали между собой то, что главным требованием квантовой механики является взаимосвязь между субъектом и объектом исследования.

Размеренный лекторский тон снова заставил его взглянуть на нее. Скрытая тенью, она держала свои тайны при себе.

— Мы постоянно отделяем от себя природу, — продолжала миссис Були, словно в трансе, — и все же мы связаны с ней. Что из того, что мы наблюдаем, действительно открывается нам, а что мы навязываем самим себе под влиянием телесной ограниченности или под воздействием воспитанного в нас мировоззрения?

— Послушай, это небо вовсе не абстракция. Оно *настоящее*. Слышишь?

В дверцу ударилось что-то большое и мягкое, и фургон покачнулся.

— И вот мы здесь завершили эксперимент по исследованию материи, так? Да еще льстили Западу, принимая это всерьез. «Преданные» тоже принимают это всерьез.

Против воли Клэй усмехнулся. Хороша лесть, когда тебе приходится удирать, спасая собственную жизнь.

Миссис Були томно потянулась, словно отдавая влажной жаркой ночи свою усталость.

— Итак, мы доказали конечность материи. Что это дает нам?

— Ха! — Клэй сердито сплюнул. — Мы просто сообщили о результатах, отправили доклад. Как...

— И теперь миллионы, а может, миллиарды людей знают, что сама Земля, которая служит основой жизни, неизбежно погибнет.

— Ну и что? Это ведь всего лишь теоретический аргумент субъядерной физики, при чем тут?..

— Кто знает? Какова следующая аватара?[1] Все дело в том, что нам верили. Твердое знание, универсальные истины, конечно, влияют на...

Джип накренился. Внезапно машина затряслась и запрыгала на ровной дороге. Огромный сноп искр вспыхнул позади них, выделяясь во мраке.

— Задняя ось сломалась! — воскликнул Клэй.

Он остановил машину. Мотор заглох, и наступила полная тишина.

Они выбрались наружу. Вокруг в туманной мгле жужжали и гудели насекомые.

Дорога по-прежнему выглядела ровной и прямой, но по обе стороны ее вспухали громадные водяные пузыри, переливаясь всеми цветами радуги, и лопались, взлетая вверх гигантскими каплями. Дрожащие полусферы колебались в тусклом лунном свете. Беззвучно, невесомо пузыри отделялись от затянутой туманом земли и мягко уплывали вверх. Перистые облака светились отраженным светом, и их края развевались, словно крылья, на ветру. Эти трепетные разноцветные края цепляли огромные капли, уплывавшие в небо.

— Я... не понимаю.

Миссис Були повернулась к Клэю и обняла его. Ее влажные губы раскрылись, увлекая его в мир, полный неведомых ароматов, обещающий щедрость и изобилие, и он с трудом заставил себя остановиться на краю и не улететь туда подобно дрожащему серебристому пузырю, уплывающему в глубину черного небосвода.

— Окружность исчезает как категория, — спокойно заметила женщина.

Клэй взглянул на машину. Колеса приняли форму овала. На глазах меняя очертания, они оторвались от осей, и те пробороздили землю, оставляя длинные следы мазута.

---

[1] *Аватара* (воплощение *санскр.*) — в индуистской мифологии и философии означает нисхождение божества на землю, одно из его телесных воплощений ради спасения мира.

Он шагнул в ту сторону.

— Поскольку мы способны двигаться, значит, такие понятия, как ось и рычаг, а также мышцы, управляющие костями, сохранились.

— Но как?.. Что это?..

— Любопытно, зависят ли наши тела от окружности? — Миссис Були осторожно легла на дорогу.

Дорога отчетливо распрямлялась, треща сочленениями, как позвоночник суставами.

Углы являли пространство сечений, словно примеры из Евклида.

Тучи теряли мягкие очертания и, позвякивая, превращались в строгие шестиугольники.

— Отрадно видеть, что какие-то свойства сохраняются. Может, это и есть те абсолютные идеи, лежащие, по Платону, в основе всего.

— Что?! — заорал Клэй.

— Бессмертные образы, — задумчиво сказала миссис Були. — Может, это единственное из всех понятий западной науки в конце концов подтвердилось.

Клэй в отчаянии ухватился за машину, но тут же отдернул руку, когда металлический кожух начал изгибаться и менять очертания.

Прямо из грубой, развороченной земли повсюду начали возникать гладкие, блестящие формы. Над всем этим буйным беспорядком сияла луна в виде латунного куба. На ее поверхности то и дело, словно молнии, прорезались глубокие черные трещины.

Где-то в невообразимой дали то же самое переживали его жена и дочь. *Пока, папочка. Было очень реально.*

Снизу вверх пошел тихий дождь. Капли стремились в свинцово-серый туманный небосвод, словно освежая его. Неспешные потоки влаги из древних океанов изливались в бесконечность.

Его голос с трудом прорывался сквозь оцепеневший воздух:

— Это... Брахма?..

— Просыпается? — Ее глухой голос звучал так, словно шел из дальнего ущелья.

— А что... происходит... с нами?

Слова отделялись от него. Он видел акустические волны, скопления сжатых безмолвных атомов в буйных пото-

ках воздуха. Из-под глиняных черепков его былых убеждений рождались пышные, богатые образы.

— Идем, — донесся сквозь рубиново-красный взбаламученный воздух ее голос.

Пока он поворачивался, прошли века. Сквозь прозрачный воздух он бессознательно различил некое создание.

Женщина. Это была она. И она медленно плыла в потоках воздуха. Они оба состояли из подвижных геометрических элементов, молекулярных цепочек строгой формы. Он почувствовал себя по-настоящему счастливым.

Время остановилось, ибо времени больше не было, а их вместе с миллиардами других элементов связало между собой силовое напряжение в единое целое — навечно.

РОБЕРТ РИД

Мозг

Роберт Рид (р. в 1956 г.) родился и вырос в штате Небраска. Этот плодовитый и разносторонний автор пишет в среднем по десять рассказов в год. Одним из лучших его сборников считается «Драконы из Весеннего источника» («Dragons of Springplace», 1999). Кроме того, Рид публикует еще и по роману в год. Его дебютный роман «Подветренный берег» («Leeshore») увидел свет в 1987 году. Затем последовали «Гормональные джунгли» («The Hormone Jungle», 1988), «Черное молоко» («Black Milk», 1989), «По светлому пути» («Down the Bright Way», 1991), «Удивительные» («The Remarkables», 1992), «За звездной вуалью» («Beyond the Veil of Stars», 1994), «Восторг жаворонков» («An Exaltation of Larks», 1995), «Под открытым небом» («Beneath the Gated Sky», 1997). Сравнительно недавний роман «Жизненная сила» («Marrow», 2000), заслуживший высокую оценку «New York Times», представляет собой масштабную историю, которая разворачивается в далеком будущем. «Энциклопедия научной фантастики» отмечает, что Рид мастерски оперирует научными гипотезами и всегда очень реалистично описывает своих персонажей. Он не слишком часто обращается к жанру твердой научной фантастики. По словам автора, научная фантастика отталкивает его своими жесткими логическими требованиями и некоторой механистичностью. Сам Рид считает, что будущее непредсказуемо. Кроме того, писатель называет себя «закоренелым консерватором и убежденным дарвинистом».

Рассказ «Мозг», действие которого происходит на огромном космическом корабле величиной с планету, путешествующем по Галактике, послужил основой для романа «Жизненная сила» («Marrow»). Логичность, присущая твердой научной фантастике, сочетается в нем с мотивами фантастики XIX века, в частности с идеей о полой Земле.

Год миссии 0.00

Собравшихся здесь помощников Капитана было не сосчитать; изобразив свою самую ослепительную капитанскую улыбку, Уошен присоединилась к ним и принялась обмениваться обычными комплиментами, рассказывать коротенькие истории о своих путешествиях и с неподдельным

беспокойством расспрашивать, не знает ли кто-нибудь, зачем Капитану Корабля понадобилось созывать их здесь.

— Она проверяет нас, — осмелился предположить какой-то коллега с серыми глазами. — Она проверяет нашу покорность. А также нашу систему безопасности.

— Возможно, — признала Уошен.

Закодированные приказы дошли до Уошен по защищенным каналам. Без всяких объяснений Капитан приказывала ей оставить свой пост, избавиться от униформы и надеть не бросающуюся в глаза одежду. Последние семь дней она прилежно играла роль туристки, бродя по огромному кораблю, наслаждаясь его удивительными видами, а затем, трижды убедившись, что за ней не наблюдают, воспользовалась незарегистрированным тушнельным электрокаром, который и привез ее в это странное место.

— Меня зовут Диу, — с широкой улыбкой представился ее собеседник, протягивая руку.

Она сжала протянутую ладонь двумя руками:

— Мы встречались на банкете для помощников Капитана. Неужели это было двадцать лет назад?

— Двадцать пять. — Подобно всем помощникам, Диу был ростом выше обычного, лицо его покрывали морщины, и он обладал легкостью в общении и шармом, предназначенным для того, чтобы внушать доверие пассажирам-людям. — Как любезно с вашей стороны, что вы меня вспомнили. Спасибо.

— Я искренне рада.

Глаза его сверкнули.

— Что вы думаете о вкусах Капитана? Разве это не необычное место для встречи?

— «Необычное», — повторила Уошен, — подходящее слово.

Когда-то здесь жили пиявки. Загадочный народ, аскетический по природе. Они построили себе дом в дальнем углу одного из гигантских изолированных корабельных топливных баков. Этот «дом», сплетенный из толстых полос пластика, свисал с потолка бака. Внутренняя часть его, в согласии с обычаями пиявок, представляла собой одно помещение. Оно было широким и длинным, но светящийся серый потолок нависал так низко, что до него можно было дотронуться рукой, и человеком здесь овладевал приступ клаус-

трофобии. Единственными предметами мебели служили жесткие серые подушки. В нагретом спертом воздухе висел запах старой пыли и стойкий аромат феромонов. На цвета существовал строгий запрет. В безжалостном свете даже кричащие тона нарядов туристов казались серыми.

— Я все удивляюсь, — начал Диу, — что могло случиться с пиявками?

— Не представляю, — призналась Уошен.

Она встречала этих существ, когда те поднимались на борт. Но это произошло более тысячи лет назад, и даже память помощника Капитана была несовершенна.

Пиявки могли просто достичь места назначения и сойти с корабля без происшествий. Или же они решили построить себе еще более уединенное жилище, если это вообще возможно. Кроме того, могла произойти какая-то катастрофа — и они погибли. Смерти на корабле случались чаще, чем позволяли себе признаться помощники. Некоторые из их пассажиров оказывались слишком хрупкими для длительного путешествия. Другие гибли во время массовых самоубийств и местных войн. И все же, как часто напоминала себе Уошен, на каждого погибшего приходились сотни здравствующих, которым удавалось по меньшей мере выдолбить себе уголок на этом великолепном корабле, где они могли устроить себе дом.

— Где бы ни находились сейчас пиявки, я уверена, что с ними все в порядке.

— Разумеется, в порядке, — ответил Диу: он знал, что вежливо, а что — нет. — Разумеется.

В случае отсутствия информации помощникам Капитана следовало делать позитивные предположения.

Уошен заметила, что Диу, даже стоя на месте, продолжал двигаться, его тело буквально вибрировало, словно вся жидкость внутри его была готова вскипеть.

— Итак, мадам... я умираю от желания узнать ваше мнение! Что за миссия нас ждет? Что это за важный вопрос, ради которого Капитан притащила нас сюда, в подземелье?

— Да, — послышался второй голос. — Что тебе в первую очередь пришло в голову, дорогая?

К ним подошла Миоцен. Она была одним из немногих присутствующих здесь Старших Помощников Капитана.

Эта надменная женщина с узким лицом, по слухам любимица Капитана, была на голову выше остальных, одета в богатые одежды, ее пестрые волосы задевали потолок. И все же она стояла прямо, не желая склонять голову даже ради удобства.

— Я понимаю, что ты знаешь не больше любого из нас, — настаивала Старший Помощник Капитана. — Но как ты думаешь, что нужно Капитану?

В комнате, казалось, стало тише. Помощники задержали дыхание, втайне радуясь, что выбор Миоцен пал на Уошен.

— Ну что ж, — начала Уошен, — я могу назвать несколько сотен причин.

На лице Старшего Помощника появилась улыбка, острая как бритва.

— И это?

— Это мы.

Они стояли у одного из немногочисленных окон — широкой щели, закрытой толстым куском покоробленного пластика. Снаружи ничего не было — лишь тьма и пустота; океан жидкого водорода, необъятный, спокойный и ужасно холодный, простирался на пятьдесят километров под ними. В окне мелькали лицъ их смутные отражения. Уошен рассмотрела все в одно мгновение. Она взирала на собственное лицо, красивое, нестареющее, черные волосы стянуты на затылке в скромный пучок, в них виднеется достаточно белых нитей, чтобы внушать уважение, широкие глаза шоколадного цвета выдают уверенность в себе и чувство заслуженного удовлетворения.

— Капитан выбрала нас, и мы — ключ к отгадке.

Миоцен скользнула взглядом по своему отражению:

— И кто же мы такие?

— Элита, отобранная из элиты. — Уошен называла присутствующих, перечисляя их награды и карьерный рост за последние тысячелетия: — Манка недавно получил чин второго ранга. Ааслин отвечал за последнюю модернизацию двигателя, которая обошлась дешевле сметы и была закончена на пять месяцев раньше срока. Салуки и Уэстфалл десять раз получали награды Капитана за отличную службу. — Она указала рукой в сторону стоящего рядом с ней помощника со словами: — И конечно же, здесь Диу.

У него уже одиннадцатый ранг, как это ни удивительно. Вы появились на борту корабля — поправьте меня, если я ошибусь, — в качестве простого пассажира.

Энергичный человек подтвердил:

— Верно, мадам. Я благодарен вам за то, что вы помните меня.

Уошен усмехнулась и продолжала:

— И еще здесь вы, мадам Миоцен. Вы одна из трех Старших Помощников Капитана и имеете право сидеть с ней за одним столом.

Высокая женщина кивнула, наслаждаясь лестью:

— Но не забывай о себе, дорогая.

— Я никогда не забываю о себе, — парировала Уошен, на что все дружно рассмеялись. И так как помощнику Капитана менее всего пристала напускная скромность, она призналась: — До меня дошли слухи: меня хотят сделать новым Старшим Помощником.

Миоцен улыбнулась, но никак не прокомментировала это известие.

Вместо этого она сделала глубокий вдох и громко спросила:

— Вы чувствуете, чем здесь пахнет? Чувствуете? Это запах амбиций. Это самый устойчивый запах и, на мой взгляд, самый приятный...

В названии не было нужды — все называли его просто «корабль». Это древнее и эффектное на вид сооружение ни с чем нельзя было спутать, и все находящиеся на борту, от Капитана Корабля до последнего безбилетника, по праву гордились своим великолепным домом.

Изначально корабль был миром класса «юпитер», но затем его захватила неизвестная раса. Воспользовавшись водородной атмосферой, новые хозяева разогнали его центральную часть до доли скорости света. Затем они построили туннели и перегородки, камеры, способные вместить небольшие миры. Первоклассное гиперволокно придало каркасу прочность и устойчивость. А потом, подобно пиявкам из пластикового гнезда, строители внезапно и загадочно покинули свое творение.

Миллионы и миллионы лет спустя корабль случайно обнаружили люди. Бóльшая часть систем работала в тестовом

режиме. Инженеры привели их в действие, отремонтировали все, что нужно. Затем люди наняли лучших помощников Капитана и пригласили на борт всевозможных пассажиров; первый полет корабля стал экскурсионной поездкой по Млечному Пути и должен был продолжаться полмиллиона лет.

Его неоспоримая глава прибыла несколько часов спустя.

Под звуки труб и пение ангельских голосов в помещение широкими шагами вошла Капитан. Все помощники Капитана были в гражданской одежде, но лидер их облачилась в мундир и блестящую фуражку, соответствующие ее званию. Тело, избранное ею, по многим причинам было широким и необычно толстым. В каком-то смысле оно подтверждало ее статус. Но большое тело требовалось Капитану также и потому, что ее огромный мозг нуждался в подходящем вместилище; женщина постоянно наблюдала за всеми системами корабля и корректировала их работу так же бессознательно, как двигалась и дышала.

На такой глубине гравитация была слабее, чем наверху. Скользя широкой ладонью по потолку, Капитан ловко прошла вперед, не задевая его головой. Дюжина помощников поприветствовала ее и предложила твердые подушки. Среди этих услужливых людей был и Диу, он стоял на коленях и продолжал улыбаться даже после того, как она прошла мимо него.

— Спасибо всем за то, что пришли, — произнес голос, который всегда заставал Уошен врасплох. Это был тихий, неторопливый голос, обладательница его словно постоянно забавлялась тем, что́ видели лучистые карие глаза. — Я знаю, что вы озадачены, — сказала она, — и надеюсь, что заинтересованы. Итак, позвольте мне начать с веских причин, побудивших меня затеять эту игру, и рассказать о том, чего я хочу от вас.

Неподалеку стояла группа телохранителей; прежде чем свет в комнате погас, Уошен разглядела их крошечные силуэты, затянутые в защитные костюмы.

— Корабль, пожалуйста.

Рядом с Капитаном расцвело изображение в реальном времени, передающееся по ее собственным внутренним системам. Серый сферический корпус выглядел скользким.

Тысячи лазерных лучей исходили с носа, они целились в кометы и прочие препятствия. Гигантские двигатели, находящиеся в кормовой части, выплевывали облака плазмы, постепенно выравнивая курс корабля и увеличивая его скорость. А крошечная светящаяся точка на экваторе означала, что прибывает другой звездолет, очевидно, с новыми пассажирами.

— А сейчас,— произнес насмешливый голос,— начинайте чистить луковицу. Пожалуйста.

В мгновение ока корпус из гиперволокна исчез. Уошен внезапно увидела самые просторные помещения верхней палубы; она знала название и предназначение каждого из них, также ей были знакомы другие важные помещения, слишком маленькие, чтобы их разглядеть. Затем испарилось еще несколько сотен километров камня и воды, воздуха и гиперволокна, открыв новые объекты.

— Его архитектура совершенна. — Капитан подошла ближе к сжимающемуся изображению, и свет, исходящий от него, падал на широкое волевое лицо, излучающее уверенность,— лицо, словно созданное для того, чтобы вдохновлять тысячи помощников и экипаж численностью в десятки миллионов человек. — На моей памяти это самое масштабное предприятие в истории. Я не говорю о самом путешествии. Я имею в виду потрясающую задачу исследования нашего древнего корабля. Представьте, какая честь: быть первым живым существом, которое ступит в один из этих отсеков. Впервые за многие миллионы лет разумные создания оценили их беспредельное пространство, разгадали их загадки. Это было замечательное время. И я говорю это, исходя из собственного опыта, ведь я была одним из руководителей первой разведывательной команды...

Хвалиться собственными успехами давно считалось почетной привилегией Капитана.

— Мы провели превосходную работу,— заверила Капитан.— Я не приемлю иного определения. Несмотря на технические проблемы и огромный объем работ, мы составили карты девяноста девяти процентов внутренней части корабля. По сути, я первой пробралась сквозь систему труб, находящуюся над нами, и первой увидела величественную красоту водородного моря наверху...

Уошен спрятала улыбку, подумав: «Топливный бак — это только топливный бак».

— Итак, цель перед нами, — объявила Капитан.

Корабль уменьшился втрое. Резервуар для топлива оказался больше всех пещер; обиталище пиявок было слишком маленьким, а потому незаметным. В следующую секунду был удален еще один слой — неторопливо, бесшумно. Жидкий водород сменился черноватым твердым веществом, а еще глубже — прозрачным металлом.

— Дальше этих морей мы никогда не забирались, — прокомментировала Капитан. — Под ними нет ничего, кроме железа и каши из других металлов, сжатой под чудовищным давлением.

Корабль превратился в совершенный гладкий черный шар — необходимый предмет для множества популярных игр.

— До настоящего времени мы ничего не знали о ядре. — На мгновение Капитан смолкла, позволив себе едва заметно улыбнуться. — Данные указывают на следующее: когда корабль был построен, из ядра его удалили радионуклиды, возможно, для того, чтобы дать металлам остыть и немного затвердеть. Мы не знаем, как это удалось строителям. Когда-то там существовали узкие туннели, ведущие вниз, укрепленные при помощи гиперволокна и энергетических полей, но в конце концов они обрушились от старости и недостатка технического обслуживания. — После очередной паузы она продолжила: — Там не могла пройти даже микромашина. По крайней мере мы так всегда считали.

Уошен заметила, что дышит чаще, наслаждаясь происходящим.

— Мы не обнаружили ни единого признака существования скрытых камер, — объявила Капитан. — Я не принимаю критику по этому поводу. Мы провели всевозможные тесты: *сейсмические, нейтринные изображения*, даже примитивные расчеты массы и объема. Пятьдесят лет назад мы еще не имели причин бояться, что наши карты неполны.

В помещении воцарилась тишина.

Тихо, невозмутимо Капитан произнесла:

— Весь корабль, пожалуйста.

Железный шар снова оделся в камень и гиперволокно.

— А теперь удар. Пожалуйста.

Уошен сделала шаг вперед, угадав, что они сейчас увидят. Пятьдесят три года назад они пролетали через плотное скопление комет. Помощники Капитана швыряли в самые большие препятствия глыбы антивещества. Лазеры палили без перерыва, испаряя триллионы тонн льда. Но корпус был усеян обломками, на его серебристо-сером изображении плясали тысячи сверкающих булавочных уколов, а затем капитаны увидели огненную белую вспышку, по сравнению с которой остальные взрывы показались крошечными, и заморгали, смущенные, вспоминая этот момент.

Железоникелевая глыба пробила их заграждения. От удара корабль содрогнулся, и еще долгое время нервные пассажиры не могли говорить ни о чем другом. Даже после того, как помощники показали им все схемы и расчеты, доказывающие, что корабль мог бы выдержать и более мощное столкновение, не подвергая пассажиров реальной опасности... даже после этого находились люди и инопланетяне, которые продолжали бояться.

С видимым удовольствием Капитан произнесла:

— А теперь поперечное сечение, пожалуйста.

Половина корабля испарилась. Ударные волны распространялись от места столкновения вниз и в стороны, затем сходились в кормовой части, причиняя все больше разрушений, катились обратно и снова к корме; приглушенные вибрации можно было уловить даже сейчас — они прокатывались по кораблю и по костям помощников Капитана.

— Анализ, полученный с помощью искусственного интеллекта, пожалуйста.

Поверх поперечного сечения возникла карта, знакомая до мельчайших подробностей. Кроме одной.

— Мадам, — произнес сильный голос. Голос Миоцен. — Предположим, что это аномалия. Но не кажется ли вам, что это нехарактерно для...

— Вот почему я решила, что это ничего не значит. И искусственный интеллект, которому я доверяю, — часть моей собственной нервной системы — согласился со мной. Состав вещества в этой части корабля изменился. И больше ничего. — Она сделала длинную паузу, наблюдая за своими помощниками. Затем с широчайшей любезной улыб-

кой признала: — Предположение о существовании полого ядра казалось смехотворным.

Помощники Капитана закивали устало, но с надеждой.

Зная, что их созвали сюда не из-за аномалии, Уошен подошла поближе. Насколько она велика? Расчеты были несложными, но простые вычисления давали ошеломляющие цифры.

— Смехотворным, — повторила Капитан. — Но затем я вернулась к тем временам, когда мы были детьми, — каких-то несколько тысяч лет назад. Кто мог предположить, что мир класса «юпитер» может превратиться в корабль, подобный нашему?

«Да, все как обычно, — подумала Уошен, — некоторые предположения всегда будут казаться безумными».

— Но, мадам, — возразила Миоцен, — камера подобного размера сделала бы корабль менее массивным. Разумеется, если предположить, что мы знаем плотность слоев железа...

— И вы предполагаете, разумеется, что ядро является полым. — Капитан улыбнулась своему любимому офицеру, затем всем остальным.

На несколько минут на лице ее застыло безмятежное выражение — она получала удовольствие от их смущения и чувства собственного превосходства.

Затем она напомнила присутствующим:

— Давным-давно это был чей-то корабль. Мы не должны забывать: до сих пор не ясно, зачем был построен наш дом. Насколько нам известно, это был грузовой корабль. Грузовой корабль, и это его трюм.

Помощники содрогнулись при мысли об этом.

— Представьте себе, что в этой камере что-то есть. Подобно любому грузу, он должен быть укреплен. Система мощных поддерживающих полей может смягчать вибрацию каждый раз, когда мы меняем курс. И само собой, если эти поля достаточно жесткие, они замаскируют то, что находится там внизу...

— Мадам! — выкрикнул кто-то. — Прошу вас, скажите, что там находится? — Это кричал Диу.

— Сферический объект. Размером с Марс, но значительно более плотный. — По губам Капитана скользнула усмешка, затем она приказала изображению: — Пожалуйста, покажите им, что я обнаружила.

Изображение снова изменилось. Внутри огромного корабля был скрыт мир, черный, как железо, размером слегка меньше камеры, в которой он находился. Простая мысль о возможности такого невероятного, неожиданного открытия не поразила Уошен сразу — она дошла до нее постепенно, словно волнами, заставив ее задохнуться и покачать головой, глядя на коллег, которых она едва видела.

— В этом мире есть атмосфера, — произнес насмешливый голос, — в ней достаточно кислорода для дыхания, достаточно воды для существования рек и озер — обычные признаки, указывающие на процветающую биосферу...

— Откуда нам знать это? — вырвалось у Уошен. Затем она добавила с легкой паникой: — Я не хотела проявить неуважение, мадам.

— Сама я не была там, если вы это хотели спросить. — Капитан захихикала, как ребенок, и продолжила: — Но после пятидесяти лет тайной работы, с использованием самовосстанавливающихся беспилотников, мы отремонтировали один из старых туннелей... и после всего этого я могу заверить вас, что этот мир не просто существует — каждый из вас скоро сам увидит его...

Уошен взглянула на Диу, удивляясь: неужели и ее лицо растянулось в такой же широкой улыбке?

— Кстати, я дала этому миру имя. Мы будем звать его Костный Мозг. — Капитан подмигнула и произнесла: — Разумеется, потому, что именно костный мозг обеспечивает нас кровью. И он предназначен вам... моим самым талантливым, достойным доверия друзьям!

За несколько десятилетий они достигли удивительных результатов. Беспилотные аппараты, похожие на кротов, прогрызли туннели в толще никеля и железа, восстановив один из древних путей; армии электрокаров ворвались через туннель в загадочную полость, собрали огромный склад продовольствия прямо над Мозгом. Затем бригада аппаратов-конструкторов возвела базовый лагерь для помощников капитана — маленький стерильный город из спален, машиностроительных мастерских и первоклассных лабораторий, расположившихся внутри прозрачного герметичного пузыря.

Уошен прибыла одной из последних. По настоянию Капитана она руководила командой по уборке, которая осталась, чтобы устранить все следы пребывания помощников в жилище пиявок. Эта мера предосторожности требовала напряженного труда. А некоторые из ее людей восприняли задание как оскорбление. «Мы не уборщики», — ворчали они. На что Уошен отвечала: «Верно. Профессионалы закончили бы все неделю назад».

Диу входил в ее отряд, и в отличие от некоторых новичок работал изо всех сил, чтобы заслужить доверие. Вероятно, он думал, что после выполнения этой миссии Уошен сделают Старшим Помощником и она будет покровительствовать ему. И Уошен не видела в этих расчетах ничего невозможного — пока работа выполнялась и успехи следовали за успехами, каждый имел право рассчитывать на награду.

Только два небольших пассажирских электрокара могли преодолеть длинный путь к базовому лагерю. Уошен решила, что Диу составит ей подходящую компанию. Он вознаградил ее за это историей своей жизни, включая и то, как он попал в ряды помощников капитана.

— После нескольких тысяч лет, проведенных в качестве богатого пассажира, я осознал, что мне скучно. — Он произнес это, словно слова исповеди, но весело. — Но вы, помощники, никогда не выглядели скучающими. Недовольными — да. И обычно встревоженными. Но именно это и привлекало меня в вас. Люди ожидают этого, и помощники капитана не могут выглядеть иначе — они постоянно заняты важными делами.

Уошен вынуждена была признать, что это был необычный путь в элиту корабля.

В конце туннеля их транспорт остановился у первого пустого причала. Последний километр Диу и Уошен прошли пешком и внезапно оказались на обзорной платформе. Стараясь держаться вместе, они заглянули через край.

Слегка окрашенный герметичный пузырь отделял их от нескольких сотен километров безвоздушного, но живого пространства. В этом вакууме бурлили силовые поля, создавая заграждение из прочных, устойчивых опор. Опоры эти выглядели как сверкающий бело-голубой свет, который лился отовсюду, заполняя камеру. Казалось, свет ни на се-

кунду не ослабевает. Даже защитный пузырь не спасал от ослепительного сияния. Оно было безжалостным. Глазам пришлось адаптироваться к нему — этот физиологический процесс занял несколько корабельных дней, — и даже после этого никто так и не привык к бескопечному дню.

Даже в своих спальнях, закрыв окна и спрятав голову под колпаком, помощники Капитана ощущали это сияние, которое проникало в их плоть и, казалось, щекотало их кости.

Стены камеры были укутаны толстым слоем серовато-белого гиперволокна, и одна из стен стала их потолком, она окружала их со всех сторон и исчезала под Мозгом.

— Мозг, — прошептала зачарованная Уошен.

На небольшом клочке мира, видном внизу, помощник различила дюжину действующих вулканов и широкое пузырящееся озеро расплавленного железа. Более холодные потоки кипящей воды текли в многоцветные, усеянные минералами озера. Над ними водяные тучи собирались в могучие грозовые фронты. Там, где земля не взрывалась непрерывно, тянулись зазубренные черные горы, лишенные тени, и черным цветом планета была обязана не только почве, состоящей из железа. Буйная растительность цвета сажи грелась в свете бесконечного дня. И с растительностью им повезло. Насколько могли судить помощники Капитана, леса действовали как мощные фильтры, очищавшие атмосферу. В таком кондиционированном воздухе люди могли дышать, возможно даже без неприятных последствий.

— Я хочу спуститься туда, — призналась Уошен.

— Это займет некоторое время, — предупредил ее Диу, указывая куда-то за ее плечо.

Наверху, над ними, спальни и мастерские свисали с потолка из гиперволокна, крыши их служили основаниями для других построек. Чуть дальше, у края пузыря, помощники собирали серебристо-белый цилиндр. В законченном виде он должен был служить мостом, ведущим на Мозг. Другого пути вниз не существовало. Стабилизирующие поля уничтожали транспортные средства, и по многим причинам их незащищенные электронные «мозги» мгновенно подвергались коррозии и погибали. Чтобы справиться с этой задачей, их лучший инженер, Ласлин, сконструировал

шахту, защищенную слоями гиперволокна, внутренняя часть ее была покрыта керамическим материалом и сверхтекучей жидкостью. Теоретически в атмосфере Мозга опасности не существовало, но на всякий случай были заготовлены несколько сотен бессмертных свиней и бабуинов в клетках; они ожидали того момента, когда предположения можно будет проверить.

Уошен размышляла о бабуинах и о сроках.

Знакомый голос прервал ее раздумья:

— Каковы ваши впечатления, дорогие мои?

Позади них стояла Миоцен. В форме она выглядела еще более внушительной, еще более холодной. Но Уошен заставила себя изобразить самую приветливую улыбку, поприветствовала руководителя миссии, затем добавила:

— Я удивлена. Я не ожидала, что здесь так красиво.

— Правда? — На остром, как лезвие ножа, лице появилась усмешка. — Здесь на самом деле красиво, Диу?

— Это какая-то спартанская красота, — ответил Диу.

— Ничего не могу сказать. Я лишена эстетического чувства. — Старший Помощник Капитана улыбнулась, глядя вдаль. — Скажите мне вот что. Если этот мир окажется безопасным и прекрасным, как вы думаете, сколько заплатят наши пассажиры за право посетить его?

— Если здесь будет немного опасно, — осмелилась предположить Уошен, — они заплатят больше.

Улыбка Миоцен застыла, стала жесткой.

— А если нас ждет там смерть, то нам, возможно, придется снова разрушить туннель. Разумеется, предварительно мы благополучно выберемся наверх.

— Разумеется, — эхом отозвались помощники Капитана.

Диу улыбался всем лицом и, если бы это было возможно, улыбался бы всем телом.

К слою гиперволокна лепились зеркала и антенны, глядевшие на Мозг. Диу указал на них:

— Вы не заметили признаков существования разумной жизни, мадам? Или каких-нибудь вещей, созданных разумными существами?

— Нет, — ответила Миоцен, — и еще раз нет.

«Странное это было бы место для возникновения разума, — подумала Уошен. — А если строители и оставили после себя какие-то руины, они давно исчезли бы». Возраст

коры под ними насчитывал не более тысячи лет. Мозг был гигантской кузницей, он постоянно изменял свои лицо и остов, скрывающийся внизу.

— Ничего не могу с собой поделать,— признался Диу.— Я продолжаю представлять себе, что строители там, внизу, и ждут нас.

— Горячечный бред,— предупредила его Миоцен.

Но Уошен чувствовала то же самое. Она почти видела, как строители покрывают камеру гиперволокном, затем сооружают Мозг. Это был огромный мир, а со своей крошечной обзорной площадки они могли видеть лишь небольшой его фрагмент. Кто знает, что они обнаружат со временем?

Диу не мог остановиться.

— Это фантастично! — говорил он.— И это честь для меня. Я так польщен, что Капитан включила меня в состав команды.

Старший Помощник Капитана молча кивнула.

— А теперь, оказавшись здесь,— захлебывался от восторга Диу,— я почти что понимаю, зачем было создано это место.

Уошен попыталась взглядом заставить его замолчать.

Но Миоцен уже склонила голову, разглядывая своего коллегу одиннадцатого класса:

— Очень хотелось бы услышать твою теорию, дорогой мой.

Диу поднял брови.

И спустя мгновение с унылой улыбкой заметил:

— Думаю, не стоит.— Затем он посмотрел на свои руки и продолжил: — Высказанная мысль, мадам, всегда подразумевает по крайней мере еще одну.

Год миссии 1.03

Спуск на планету проходил точь-в-точь так, как запланировали помощники Капитана,— это был обычный день, завершилось строительство последних пяти километров моста, и Миоцен сделала первые шаги по поверхности. Успех отметили аплодисментами и пением, затем последовал обильный поздний ужин с бесчисленными бокалами хорошо охлажденного шампанского и поздравления от далекого Капитана.

Только Уошен день этот принес небольшое разочарование.

Наблюдая из базового лагеря, изучая собранные данные и изображения, получаемые в реальном времени, она видела именно то, что ожидала увидеть. Помощники были администраторами, а не исследователями: все значительные с точки зрения истории события были тщательно зафиксированы. Местность наносили на карту, пока каждый кустик и жучок не получил имя. Даже небольшие сюрпризы не могли застигнуть врасплох первый отряд. Все шло строго по плану и было скучным, но Уошен, естественно, ни словом не обмолвилась о своем разочаровании, даже для себя не пытаясь определить свои эмоции. Порядок есть порядок, а она была образцовым помощником на протяжении тысяч лет. А кроме того, как можно расстраиваться из-за того, что нет ни ранений, ни ошибок, никаких неприятностей?

И все же...

Спустя два корабельных дня, когда ее команда из шести человек была готова к погрузке, Уошен пришлось держать речь в качестве руководителя. С искусственным воодушевлением она обратилась к остальным:

— Мы прогуляемся по железной планете и выполним все наши задачи. В срок, если не раньше.

Это было быстрое, страшное путешествие на Мозг.

Диу попросился ехать вместе с Уошен, точно так же как попросился в ее команду. Их электрокар, покрытый защитным слоем, отъехал вверх по туннелю, затем устремился на Мозг, проносясь сквозь энергетические поля, чтобы уменьшить опасность, и триллионы электрических пальцев касались их мозга, угрожая безумием.

Затем транспортное средство достигло верхних слоев атмосферы и затормозило, страшные перегрузки мяли плоть, крошили мелкие кости.

Искусственные гены начали плести белковые аналоги, заживляя раны.

Основание моста упиралось в склон холодного железного холма, поросшего черными джунглями. За первым электрокаром последовали остальные машины с членами отряда и транспорт с продовольствием. Несмотря на то что небо затянули облака, воздух был прозрачным и горячим,

словно в печи, в нем чувствовался привкус железа и пота. Уошен, как начальница, раздавала приказы, которые все знали наизусть. Машины были укреплены, затем перестроены. Новое транспортное средство прошло полевые испытания, а помощники Капитана протестировали себя с помощью своих медицинских систем; новые гены помогали их телам адаптироваться к жаре и окружающей среде, богатой железом. После этого Миоцен, находившаяся в лагере неподалеку, связалась с ними и дала свое благословение, и Уошен поднялась в воздух, направляясь на условный северо-северо-запад.

Местность внизу была искореженной, повсюду виднелись разломы, недавно образовавшиеся горы и кратеры вулканов. Вулканы молчали сто лет, десять лет, а в некоторых случаях — несколько дней. И все же эта земля была живой, ее украшали джунгли, псевдодеревья, напоминавшие грибы невероятных размеров, притиснутые друг к другу, и их лакированные черные шляпки питались ослепительным бело-голубым светом.

Мозг казался таким же бессмертным, как помощники, пролетавшие над ним.

Растения росли с феноменальной скоростью, и не только благодаря фотосинтезу. Уже первые данные показывали, что лес питался с помощью корней, их острия, похожие на резцы, проникали вглубь, туда, где жили бактерии-термофилы, и тепло Мозга обеспечивало их калориями.

Может быть, эта система более продуктивна, чем экосистемы, основанные на воде?

Этот вопрос задала себе Уошен, и для исследований она выбрала небольшое, стиснутое среди металлических берегов озеро. Они прибыли по графику и, облетев озеро дважды согласно предписанию, приземлились на глыбе чистого железа. Остаток дня ушел на разбивку лагеря, устройство лаборатории и установку ловушек для местных животных. В качестве меры предосторожности устроили защитное ограждение — три параноидальных искусственных интеллекта были заняты лишь тем, что подозревали самое худшее в каждом жучке и каждой споре, пролетавшей мимо.

Ночь была обязательной. Миоцен настаивала, чтобы все помощники спали по меньшей мере четыре часа, а еще час посвящали еде и уходу за собой.

Подчиненные Уошен отправились на отдых вовремя и лежали без сна до подъема.

За завтраком они сели в кружок, пристально вглядываясь в небо. Стенка камеры была гладкой, без всяких признаков старения и производила бесконечно успокаивающее действие. Базовый лагерь представлял собой темное пятно, видимое лишь потому, что воздух был удивительно прозрачен. Мост исчезал вдали. Сделав некоторое усилие, Уошен могла бы вообразить, что они единственные люди на всем корабле. В лучшем случае она могла бы забыть на пару минут о телескопах, наблюдавших за тем, как она сидит в своем кресле из аэрогеля и поглощает положенное количество пищи.

Диу расположился неподалеку и, когда она обернулась к нему, задумчиво улыбнулся, словно прочитав ее мысли.

— Я знаю, что нам нужно, — заявила Уошен.

— И что же это такое? — поинтересовался Диу.

— Церемония. Некий ритуал, прежде чем мы начнем.

Она поднялась, подошла к ловушке и вернулась с одним из первых пойманных экземпляров. На Мозге почти каждая экологическая ниша была заполнена псевдонасекомыми. Шестикрылые стрекозы, длиной больше локтя, были голубыми, словно драгоценные камни. На глазах у остальных помощников Уошен оторвала у стрекозы крылья и хвост, а остальное засунула в автокухню. Насекомое поджарилось за несколько секунд. С глухим стуком лопнул панцирь. Уошен взяла кусок черноватого мяса и, скорчив гримасу, заставила себя откусить немного и прожевать.

— Нам не обязательно это делать, — предупредил ее Диу, негромко смеясь.

Уошен, сделав над собой усилие, проглотила мясо, затем сообщила остальным:

— И больше от вас этого не потребуется. Поверьте мне.

Здесь не было никаких специфических вирусов, не было и токсинов, с которыми не могли бы справиться их модифицированные организмы. Миоцен просто в качестве заботливой матери предупредила их: «Кроме экстренных случаев, ешьте только привезенные с собой припасы».

Уошен передала дальше церемониальную пищу.

Последним был Диу, и сначала он откусил совсем крошечный кусочек. Но он не поморщился и со странным, коротким смешком сказал Уоррен:

— Неплохо. Я чуть не получил удовольствие, жаль, что мой язык горит огнем.

Год миссии 1.22

После нескольких недель напряженной работы некоторые предположения начали походить на факты.

Мозг был вырезан прямо из сердцевины корабля. В этом помощников Капитана убеждали здравый смысл и состав маленькой планеты. Сначала строители извлекли уран и торий из верхних слоев железа и поместили их глубже в ядро. Затем с помощью стабилизирующих полей сфера из расплавленного металла была сжата и открывшиеся стенки камеры были покрыты гиперволокном. И теперь, спустя многие миллионы лет, без помощи исчезнувших строителей это устройство продолжало свое движение как ни в чем не бывало.

Но зачем было трудиться, создавая подобное чудо?

Мозг мог служить в качестве места захоронения радионуклидов. Некоторые помощники предполагали, что это огромный ядерный реактор. Другие указывали, что существуют более простые способы добывать энергию, и им не так просто было возразить.

А что, если этот мир предназначался для того, чтобы сберегать энергию?

Это была гипотеза Ааслина. С помощью силовых полей строители могли заставить Мозг вращаться. При некотором терпении — а это качество наверняка было присуще им в исключительной степени — они могли придать ему чудовищную скорость. Вращаясь в вакууме, защищенный силовыми полями железный шар должен был накопить феноменальное количество энергии, достаточное для того, чтобы обеспечивать работу бортовых систем в течение миллиарда лет.

Уошен впервые услышала «гипотезу о маховике» на еженедельном совещании.

Командиры отряда сидели за воображаемым круглым столом, в креслах из аэрогеля, обливаясь потом из-за не-

выносимой жары. Стены комнаты, окружавшие их, были словно изваяны из света, а во главе стола виднелось изображение Капитана. Она выглядела настороженной, но сохраняла несвойственное ей молчание. Капитан ожидала четких сообщений и оптимистичного настроя. Великие теории явились неожиданностью. Наконец после многозначительной паузы она с улыбкой обратилась к помощнику:

— Это интригующее предположение. Благодарю, Ааслин. — И затем к остальным: — Есть еще какие-нибудь соображения?

Ее улыбка вызвала приветственный шум.

Уошен сомневалась, что они находятся внутри чьей-то отработанной батареи. Но сейчас было невежливо подвергать критике теорию «маховика». А кроме того, следующими на очереди были команды биологов, и она хотела сравнить их доклады.

Внезапно помощников одного за другим охватила дрожь, волнами накатывающаяся из отдаленного эпицентра. Даже для Мозга это был мощный толчок.

Комплименты стихли, повисла тревожная тишина.

Затем Капитан, подняв широкую ладонь, неожиданно объявила:

— Нам нужно обсудить ваше расписание.

А как же биологи?

— Боюсь, что ваше отсутствие уже заметили. Наша легенда оказалась недостаточно правдоподобной, и экипаж что-то подозревает. — Капитан опустила руку и добавила: — Я хочу, чтобы вы вернулись домой, прежде чем люди по-настоящему забеспокоятся.

На лицах появились улыбки.

Кое-кто устал от Мозга; кому-то уже не давали покоя перспективы наград и продвижения по службе.

— Все мы, мадам? — набралась храбрости Уошен.

— По крайней мере на время.

По официальной версии, отсутствующие помощники Капитана отправились в ближайшую Солнечную систему в качестве туристических агентов, к несметному количеству потенциальных пассажиров. И, по правде говоря, иногда Уошен становилось так скучно, что она хотела, чтобы выдумка оказалась правдой. Но не сегодня. Не сейчас, когда начиналось что-то увлекательное!

Настала очередь Миоцен задать вопрос в качестве руководителя миссии:

— Вы хотите, чтобы мы свернули работы, мадам?

Капитан, прищурившись, посмотрела в ближайшее окно, где виднелось одно из портовых сооружений корабля. Для нее комната была настоящей, а помощники — изображениями.

— Мы должны пересмотреть планы миссии, — сказала она. — Я хочу, чтобы вы закончили исследование дальнего полушария и завершили основные работы. Десяти корабельных дней будет достаточно. Затем возвращайтесь домой, и мы не торопясь обсудим наши дальнейшие действия.

Улыбки стали менее радостными, но не исчезли.

— Десять дней, — прошептала Миоцен неуверенно, но осторожно.

— Есть проблема?

— Мадам, — начала Старший Помощник Капитана, — я чувствовала бы себя гораздо спокойнее, если бы была уверена, что Мозг не представляет угрозы.

Последовала пауза, но не потому, что Капитан находилась в тысячах километров от них. Это была долгая, напряженная тишина. Затем Капитан отвела взгляд и спросила:

— Есть какие-нибудь соображения?

Это очень опасно. Остальные Старшие Помощники соглашались с Миоцен. Чтобы наверняка закончить работу за десять дней, потребуется участие всех помощников, включая тех, кто входил в команды поддержки. Им придется временно покинуть базовый лагерь. Возможно, это допустимый риск. Но осторожные слова мало значили — за них говорили сжатые кулаки и встревоженные взгляды, устремленные в никуда.

Недовольная Капитан обернулась к своему будущему Старшему Помощнику:

— У вас есть что добавить?

Уошен помедлила столько, сколько осмеливалась.

— Возможно, Мозг действительно был маховиком, мадам, — наконец вымолвила она.

Карие глаза закрылись, затем снова открылись.

— Мне жаль, — ответила Капитан, и в тоне ее не чувствовалось насмешки. — Ведь мы обсуждали ваше расписание?

— Но если силовые поля когда-нибудь ослабнут, — продолжала Уошен, — хотя бы на мгновение, планета тут же взорвется. Это будет катастрофа. Окружающее ее гиперволокно испарится, и взрывная волна за несколько секунд пройдет через весь корабль. — Она привела простые расчеты, затем добавила: — Возможно, это был хитроумный двигатель. Но это мог также быть эффективный механизм самоуничтожения. Мы не знаем этого, мадам. Мы не знаем, были ли у строителей враги, реальные или воображаемые. Но если мы хотим найти ответ, искать его лучше всего именно здесь.

Лицо Капитана хранило непонятное, непроницаемое выражение.

Наконец она покачала головой, вымученно улыбаясь:

— С первых минут, проведенных на борту этого прекрасного корабля, мною руководил главный принцип: строители, кто бы они ни были, никогда бы не подвергли опасности это чудесное творение.

Уошен хотела бы чувствовать подобную уверенность.

Затем светлый говорящий призрак наклонился вперед и произнес:

— Вы нуждаетесь в перемене деятельности, Уошен. Я хочу, чтобы вы и ваша команда отправились вперед. Помогите нам исследовать дальнее полушарие. А когда осмотр будет завершен, все возвратятся домой. Согласны?

— Как вам будет угодно, мадам, — ответила Уошен.

То же самое ответили все остальные.

Уошен перехватила брошенный украдкой взгляд Миоцен, казалось говорящий: «Неплохая попытка, дорогая». И в этом взгляде мелькнуло что-то похожее на уважение.

Беспилотники уже составили три карты этой местности. И все же, пролетая над ней, Уошен поняла, что даже самая последняя карта, полученная восемь дней назад, уже устарела и никуда не годится.

Местность, искореженная подземными толчками, поднялась, затем образовался разлом. Расплавленное железо хлынуло в озеро-старицу, вода и грязь вскипели, в воздух поднялись столбы серого пара, затем устремились на восток. В качестве эксперимента Уошен влетела в облако па-

ра, забрав образцы через фильтры, сенсоры и простые фокусировочные камеры. Пар нес с собой споры и яйца, заключенные в жесткую биокерамическую оболочку и устойчивые к перегреву. На конце колбы-шприца, не видном невооруженным глазом, умещалось достаточно озерных водорослей и водяных жуков, чтобы заполнить десять новых озер.

Движущей силой жизни на Мозге служили катастрофы.

Эта идея все отчетливее вырисовывалась в сознании Уошен. Каждый день, каждый час приносил подтверждение этого, и всегда за тем следовало более широкое обобщение: в том или ином смысле катастрофы управляют всеми мирами.

Но Мозг был самым ярким примером. И словно для того, чтобы подтвердить это еще раз, облака пара внезапно рассеялись и в дыру хлынул свет с неба, показался потолок камеры, а далеко внизу, насколько могла видеть Уошен, тянулись обугленные скелеты джунглей.

Пары и огонь испепелили все деревья, всех жуков.

Должно быть, здесь произошла чудовищная катастрофа. И все же два дня назад жар спал, и из-под искореженных древесных стволов, из свежих трещин уже пробивалась новая растительность и тысячи лаковых листьев, похожих на зонтики, блестели в перегретом воздухе.

Уошен решила стереть бесполезные карты и лететь наугад.

— Через двадцать минут мы удалимся от моста на максимальное расстояние, — сообщил Диу, широко, заразительно улыбаясь.

Ни один отряд еще не забирался так далеко.

Уошен повернулась было, намереваясь заказать по этому случаю холодное шампанское, открыла рот, но в этот миг ее перебил неузнаваемый, едва слышный голос:

— Доложите... все отряды!..

Это был голос Миоцен; напрягаясь изо всех сил, она пыталась пробиться через пронзительный свист приемника.

— Что... вы видите? — спрашивала Старший Помощник Капитана. — Отряды... сообщите!..

Уошен попыталась установить связь по видео, но потерпела неудачу.

Дюжина других помощников говорила одновременно, перебивая друг друга. Зейл сообщил:

— Мы идем по графику.

Кизки заметил:

— Есть кое-какие помехи в связи... а в остальном системы работают как обычно.

Затем Ааслин спросил, скорее с любопытством, чем с тревогой:

— В чем дело, мадам? Что-нибудь не так?

Раздался продолжительный нестройный шум.

Диу, склонившийся над дисплеями сенсоров, произнес негромким напряженным голосом:

— Дерьмо.

— Что?.. — выкрикнула Уошен.

А затем пронзительный вопль заглушил все голоса, все мысли. Дневной свет становился все ярче и ярче, мощные молнии исполосовали небосклон, затем развернулись, двигаясь целенаправленно, устремляясь прямо к ним.

С дальнего конца планеты донесся искаженный голос:

— Мост... где он... вы видите его... где?..

Электрокар отшатнулся назад, словно в приступе паники, теряя скорость и высоту, затем отключились устройства искусственного интеллекта. Уошен перешла на ручное управление, и века тренировки помогли ей сконцентрироваться; не существовало ничего, кроме их болтающейся в воздухе машины, ее замедленных рефлексов и полосы сгоревшего леса.

Следующий огневой вал был пурпурного и белого цветов, он был еще ярче, не было видно ничего, кроме его испепеляющего сияния.

Уошен ослепла, но продолжала лететь по памяти.

Их транспорт был сконструирован так, чтобы выдерживать жесткие условия, подобно его пассажирам. Но он был мертв, поврежденный корпус при ударе о железную землю разлетелся на кусочки. Защитные поля подхватили тела, затем выпустили их. Лишь механические пояса и газовые баллоны удерживали помощников капитана на сиденьях. Плоть рвало и выкручивало, кромсало в клочья. Кости трещали, вылетали из суставов. Затем сиденья оторвало от пола, и, словно никчемный мусор, они разлетелись на пло-

щади в несколько гектаров, среди железных обломков и обгорелых пней.

Уошен никогда не теряла сознания.

Оцепенев, она с любопытством смотрела, как ломаются ее ноги и руки и тысячи синяков образуют сплошной пурпурный ковер, как превращаются в пыль ребра и раскалывается модифицированный позвоночник, и вот она уже не чувствовала боли, не могла пошевелиться. Уошен не могла повернуть голову, рот был набит обломками зубов и запекшейся кровью, поэтому слова выходили медленными и неразборчивыми.

— Покинуть, — пробормотала она. Затем: — Корабль. — И слабо засмеялась. Это был смех отчаяния.

Ее тело испытало какое-то ощущение.

Вспомогательные гены уже активировались, с трудом находя свои места. Прежде всего они занялись защитой мозга, наполняя его кислородом и противовоспалительными препаратами, окутывая одеялом успокаивающих наркотиков. Затем они начали восстанавливать жизненно важные органы и позвоночник, поглощая плоть, получая из нее сырье и энергию; тело помощника капитана корчилось от лихорадки, исторгая соленую воду и кровь, и через некоторое время оно стало заметно меньше.

Через час после катастрофы Уошен ощутила мучительную боль. Это был добрый знак. Она, корчась и воя, слабыми руками высвободилась из разломанного кресла. Затем помощник капитана заставила себя встать на ноги — водянистые, восстановленные из обрывков.

Уошен стала ниже на двадцать сантиметров, худее, чем прежде. Но она смогла прохромать к телу Диу и нашла его также съежившимся, в агонии, но не сдавшимся. Диу хищно усмехнулся и подмигнул ей.

— Потрясающе выглядите, мадам! Как всегда, — произнес он.

Остальные тоже были живы. Но ни один механизм не функционировал, даже не мог сообщить: «Я сломан».

Шестеро помощников пришли в себя за сутки и продолжали ждать на месте катастрофы, поглощая пищу, чтобы накопить энергию и восстановить прежние размеры. Но спасательная команда не появлялась. Что бы ни искалечило их электрокар, оно, должно быть, изуродовало также и

все остальные, решили они. Миоцен была беспомощна, как и они. И это оставляло им лишь одну возможность: если Уошен и ее подчиненные хотят получить помощь, им придется обойти половину планеты, чтобы найти ее.

Год миссии 4.43

Мост напоминал жесткую нить, серебристую и полупрозрачную. Конец ее исчезал в верхних слоях стратосферы, но она была слишком коротка, чтобы служить выходом. Все же мост представлял собой полезную веху. Отряд Уошен двигался в направлении моста в течение последних нескольких дней, пробираясь через острые, словно лезвия, хребты и узкие долины. Размышляя о том, что они найдут там, во время отдыха — они отдыхали лишь время от времени, совсем недолго — помощники Капитана говорили тоном, полным надежды, представляя себе удивление других помощников, когда шестеро спасенных внезапно появятся из джунглей.

Но когда они добрались до моста, застать врасплох оказалось некого. Базовый лагерь был покинут. Вершина холма, в которую упирался мост, раскололась после землетрясения, и все сооружение опасно накренилось на восток. Главные двери были подперты простым железным столбом, в шахту вела самодельная лестница, но, судя по ржавчине, этой лестницей не пользовались уже много месяцев. А возможно, много лет.

Едва различимая тропа вела на запад. Они пошли по ней и через некоторое время оказались в русле реки, покрытом плодородной почвой, где наткнулись на несколько более широких троп. Они бежали трусцой по одной из троп следом за Уошен, когда внезапно навстречу им выступила Миоцен.

Старший Помощник Капитана не изменилась.

В своей форме она выглядела царственной и неприступной.

— Вы не слишком торопились, — с невозмутимым видом произнесла она. Затем с улыбкой добавила: — Рада вас видеть. Откровенно говоря, мы почти оставили всякую надежду.

Уошен подавила гнев.

Остальные забросали Миоцен вопросами. Кто еще выжил? Как они справились с происшедшим? Работают ли какие-нибудь механизмы? Связалась ли с ними Капитан?

— Велика ли спасательная экспедиция? — спросил Диу.

— Это скрытная спасательная экспедиция, — ответила Миоцен. — Такая скрытная, что она кажется почти несуществующей.

Ее помощники практически из ничего построили телескопы, и по крайней мере один человек постоянно наблюдал за базовым лагерем наверху. Прозрачный пузырь был нетронут. Все здания остались целы. Но беспилотники и маяки были мертвы, а это означало, что реактор теперь работает автономно. Трехкилометровый обрубок моста послужил бы прекрасным фундаментом для нового сооружения. Но ничто не указывало на то, что помощники Капитана или кто-либо еще пытается построить новый мост и спасти их.

— Капитан думает, что мы погибли, — предположил Диу, стараясь быть снисходительным.

— Но мы не погибли, — возразила Миоцен. — И даже если бы это произошло, ей следовало бы немного больше интересоваться нашими останками и причинами катастрофы.

Уошен молчала. После этих трех лет торопливой ходьбы, питания отбросами и усилий сохранить надежду она внезапно почувствовала себя больной и страшно усталой.

Старший Помощник Капитана провела их по широкой тропе, одновременно отвечая на вопросы:

— Во время Происшествия, так мы называем то, что случилось, были разрушены все машины. После Происшествия наши кары, беспилотники и сенсоры превратились в замысловатый металлолом, и мы не можем починить их. И не можем понять, в чем дело. — Она рассеянно улыбнулась. — Но мы продолжаем жить. Строим деревянные дома с крышами. Делаем железные орудия. Часы с маятником. Когда нужно, пользуемся паровыми машинами, и у нас имеется достаточно самодельного оборудования, например телескопов, чтобы заниматься простыми, очень простыми наблюдениями.

Подлесок был вырублен, джунгли отступили, и новый лагерь растянулся во всех направлениях. Как и все сооружения, построенные волевыми помощниками капитана, поселок был аккуратным, возможно даже, слишком аккуратным. Чистенькие дома находились в хорошем состоянии. Тропинки были выложены бревнами, и кто-то дал каждой дорожке название. Все носили форму, и все улыбались, пытаясь скрыть усталость, которую выдавали глаза и голос.

Сотня помощников выкрикнула:

— Привет! Добро пожаловать!

Уошен пристально оглядела лица, сосчитала их и наконец заставила себя спросить:

— Кого здесь не хватает?

Миоцен перечислила дюжину имен.

Одиннадцать из них были друзьями или знакомыми Уошен. Последним Миоцен назвала Хазза — Старшего Помощника Капитана и своего друга с начала путешествия.

— Два месяца назад, — рассказала она, — он обследовал одну долину поблизости. Внезапно в земле открылась трещина, и он оказался среди потока расплавленного железа.— Она с непонятным выражением лица смотрела куда-то вдаль. — Хазз находился на маленьком островке, который продолжал плавиться. Мы пытались построить мост, пытались направить поток в другую сторону. Мы перепробовали все, что только возможно.

Уошен не сводила взгляда с узкого лица, смотрела в эти пустые глаза и вдруг поняла, что Миоцен и погибший человек были не просто друзьями.

— Островок все уменьшался, — говорила Старший Помощник медленно, без всякого выражения. — Остался крохотный кусочек. Ботинки Хазза растворились, его ноги кипели, плоть его загорелась. Но он продолжал стоять. Он терпел это. Он вытерпел это, даже смог повернуться и сделать шаг нам навстречу на горящих ногах, а потом упал лицом вниз и тогда все-таки умер.

Уошен ошиблась. Это была другая Миоцен.

— У меня осталась только одна цель, — призналась Старший Помощник Капитана. — Я хочу найти способ вернуться обратно, к Капитану, и спросить, зачем она послала нас сюда. Чтобы исследовать это место? Или это был наилучший, самый страшный способ избавиться от нас?

Год миссии 6.55

Железная кора покрывалась складками и рвалась под натиском землетрясений, основание моста шаталось, он крепился набок с громким скрипом, а затем рухнул, и обломки его разлетелись в радиусе пятидесяти километров среди недавно образовавшихся гор.

Падение его было неизбежно, но никто не видел его. Гейзеры раскаленного добела металла уже уничтожили лагерь, заставив всех бежать с самыми необходимыми орудиями и минимумом провизии. У них были обожжены легкие, рты и веки покрылись пузырями. Но в конце концов помощники капитана, спотыкаясь, добрались до какой-то безопасной долины и рухнули на землю, задыхаясь и проклиная все. А затем, словно для того, чтобы утешить их, деревья стали ронять крошечные надувные шарики, сделанные из золота, и прохладный тенистый лес наполнился блеском драгоценного металла и сухим звоном ударявшихся друг о друга шаров.

Диу предложил название: «доброе» дерево.

Миоцен приказала своим помощникам приступить к планировке новых улиц и домов, несколько «добрых» деревьев уже было свалено, когда земля разъяренно заревела и в ней опять открылась трещина.

Усталые помощники Капитана снова обратились в бегство, и когда они наконец нашли место для лагеря, то построили прочные, но простые жилища, которые могли быть воссозданы заново в любом месте за один корабельный день.

Ими овладело стремление к кочевой жизни. Когда они не были заняты заготовкой припасов для следующей миграции, они мастерили более легкие орудия, а когда и это было сделано, изучали свой мир, пытаясь понять его изменчивое настроение.

Уошен собрала команду из двадцати наблюдательных помощников.

— Ключ к землетрясениям — цикл воспроизводства, — сообщила она.

Сидя в зале собраний, разглядывая железный стол, она поделилась своей гипотезой о том, что «добрые» деревья выбрасывают свои золотые шары только тогда, когда кора становится нестабильной.

— Если мы увидим подобное зрелище, — предупредила она, — нам крышка. У нас есть день, или даже меньше, чтобы выбраться отсюда.

Собрания персонала были организованы по подобию совещаний у Капитана, за исключением того, что они происходили не по графику и председательствовала на них Миоцен. Несмотря на ее наилучшие намерения, помощники Капитана создавали неформальную, даже веселую атмосферу, зачастую резкую, из-за отсутствия лести.

— Как поживают наши «добрые» деревья? — спросил Ааслин.

— Они как будто собрались жить вечно, — ответила Уошен. — Они счастливы, находятся в начале жизненного цикла, насколько нам известно.

В тот день Миоцен была какой-то отстраненной. Прищурившись в пространство, она повторила:

— Циклы.

Все повернули к ней свои тяжелые кресла и замерли в ожидании.

— Спасибо, Уошен. — Старший Помощник Капитана поднялась и оглядела каждого из них, затем признала: — Возможно, говорить об этом преждевременно. Я могу ошибаться по многим причинам. Но мне кажется, я сумела обнаружить еще один цикл... и это неожиданно, по крайней мере для меня...

Издалека донеслось жужжание какого-то насекомого, затем наступила тишина.

— Вулканическая активность усиливается. Думаю, это очевидно. — Высокая женщина быстро кивнула, затем спросила: — Но почему? Я предполагаю, что силовые поля, удерживающие Мозг, начинают ослабевать. Немного. Разумеется, мы не можем замерить непосредственно эти изменения. Но если подобное действительно произошло, то металлы у нас под ногами начинают расширяться, и именно поэтому, в соответствии с моими тщательными расчетами, наш дом увеличивается в размерах.

Первой реакцией Уошен было рассмеяться — это же шутка.

— Он увеличился на несколько километров, — сообщила Миоцен, глядя в окаменевшие лица. — Я собрала несколько доказательств. Свет, излучаемый полями, потерял

яркость на два или три процента. Горизонт отдалился. И как мне кажется, больше всего впечатляет следующий факт: я произвела съемку и рассчитала расстояние до нашего базового лагеря, и он определенно ближе, чем был в прошлом году.

Уошен готова была привести дюжину объяснений, но затем поняла, что Миоцен они тоже приходили в голову, а потому промолчала.

— Если Мозг не издевается над нами, — сказала Старший Помощник Капитана, — и если поля не вернутся в прежнее состояние, то ясно, куда мы движемся...

У Уошен вырвалось:

— Сколько это займет времени, мадам?

— Расчеты не слишком обнадеживают, — ответила Миоцен. Но она рассмеялась негромко, горько. — Если процесс пойдет с такой же скоростью, мы приблизимся к трехкилометровому обломку моста примерно через пять тысяч лет...

Год миссии 88.55

Детям пора было спать.

Уошен пришла проверить, как они. Но отчего-то остановилась, не дойдя до детской, и стала подслушивать, сама не зная, почему так важно оставаться незамеченной.

Старший мальчик рассказывал сказку.

— Мы называем их Строителями, — говорил он, — потому что они создали корабль.

— Корабль, — в один голос прошептали остальные дети.

— Корабль слишком велик, его невозможно измерить, и он прекрасен. Но когда он был только что построен, некому было разделить его со Строителями, некому было рассказать им, что он прекрасен. Вот почему они воззвали к тьме, приглашая остальных прийти и заполнить его пустоту.

Уошен прислонилась к хрупкому тенистому дереву, ожидая продолжения.

— Кто пришел из тьмы? — спросил мальчик.

— Враги, — немедленно ответили юные голоса.

— Был ли кто-нибудь еще?

— Никого.

— Потому что Вселенная была еще молода, — объяснил мальчик. — Существовали только Строители и Враги.

— Враги, — с чувством повторила какая-то девочка.

— Это был жестокий, эгоистичный народ, — продолжал мальчик, — но они всегда улыбались и говорили красивые слова.

— Им нужен был корабль, — подсказали остальные.

— И они украли его. В одну ужасную ночь, когда Строители спали, Враги напали на них, убили большинство в собственных постелях.

Все дети прошептали:

— Убили.

Уошен подкралась ближе к двери детской. Мальчик сидел на кровати, на лицо его падал единственный лучик света, которому удалось просочиться сквозь потолок. Его звали Тилл. В какой-то момент он стал очень похож на мать, затем слегка повернул голову и перестал быть похожим на кого бы то ни было.

— Куда спаслись выжившие? — спросил он.

— На Мозг.

— А оказавшись здесь, что они сделали?

— Они очистили корабль.

— Они очистили корабль, — с ударением повторил он. — Они вымели из его туннелей и комнат всю эту нечисть. У Строителей не было выбора.

Последовала долгая, глубокомысленная пауза.

— Что случилось с последними из Строителей? — спросил он.

— Они оказались в ловушке, — подхватили дети. — И один за другим вымерли.

— Что умерло?

— Их плоть.

— Но что осталось?

— Дух.

— То, что бесплотно, не может умереть, — произнес юный пророк.

Уошен ждала, сама не зная, когда же она в последний раз переводила дыхание.

Затем Тилл шепотом спросил:

— Где живут их души?

Дети с явным восторгом отвечали:

— Они живут в нас!

— Теперь мы — Строители, — заверил их голос. — После долгого одинокого ожидания мы наконец возродились!..

Год миссии 88.90

Жизнь на Мозге стала отчасти комфортабельной и почти предсказуемой. Неожиданные извержения редко заставали помощников Капитана врасплох — они научились находить места, где кора оставалась стабильной в течение нескольких лет. После подобных успехов неизбежно должны были появиться дети; Миоцен решила, что каждой женщине следует родить по крайней мере одного ребенка. И, как и везде, дети заняли важное место в жизни взрослых: это были новые лица, заботы о малышах поглощали все мысли, они развлекали помощников и, больше чем кто-либо мог предположить, ставили под сомнение их авторитет. Но Миоцен всегда в первую очередь требовались усердные сотрудники. Тилл и его товарищи были рождены, чтобы в один прекрасный день после соответствующей подготовки помочь своим родителям покинуть Мозг.

Помощники надеялись при содействии детей восстановить мост. Проблема состояла в том, чтобы найти материалы, да и Мозг был против этого. Но Уошен смотрела на вещи оптимистически. За последние восемьдесят лет она пережила различные состояния духа, и оптимизм, несомненно, был самым приятным.

И она старалась ко всему относиться позитивно: какие-то серьезные, объективные причины мешали остальным спасти их. Капитан никому не могла доверять так, как доверяла своим любимым помощникам, — возможно. Или она думала сейчас о благополучии корабля, наблюдая за Мозгом издалека. Или, вероятнее всего, туннель, ведущий к кораблю, полностью разрушился во время Происшествия, и, чтобы откопать их, потребуется тяжелая, длительная работа.

Другие помощники Капитана были оптимистичны в разговорах с посторонними, но дома, в постели с возлюбленными, они предавались мрачным размышлениям.

— А что, если Капитан списала нас со счета? — спросил Диу, затем нарисовал еще худшую картину: — А может

быть, с ней что-то случилось? Это была секретная миссия. Если она внезапно умерла и если никому даже не известно, что мы здесь...

— И ты веришь в это? — спросила Уошен.

Диу пожал плечами.

— Существует и другая возможность, — сказала она, продолжая игру. — А вдруг все на корабле, кроме нас, погибли?

Диу ничего не ответил.

— Команда бросила корабль, — напомнила ему Уошен. — Никто не знает, что произошло с его хозяевами или с теми, кто пользовался им после них.

— О чем ты говоришь? — Диу сел и спустил ноги с кровати. — Ты хочешь сказать, что экипаж и пассажиры... что все они убиты...

— Может быть, корабль избавляется от своих обитателей через каждые сто тысяч лет.

— А как же случилось, что мы остались в живых? — едва заметно улыбнулся он.

— Катаклизмы не затрагивают жизнь на Мозге, — возразила она. — Иначе здесь было бы только голое железо, и больше ничего.

Диу закрыл лицо одной рукой.

— Это не я придумала, — призналась она, положив руку на его вспотевшую спину.

Их новорожденный сын, Локе, спал в колыбели рядом с кроватью, в счастливом неведении относительно предмета их мрачного разговора. Через три года он перейдет жить в детскую. «Вместе с Тиллом», — подумала Уошен. Она подслушала историю о Строителях и Врагах несколько месяцев назад, но никому не рассказала об этом. Даже Диу.

— Ты когда-нибудь слушал, о чем говорят дети?

Обернувшись, он спросил ее:

— А в чем дело?

Она в нескольких словах объяснила.

Полоса света упала на его щеку и серый глаз.

— Ты же знаешь Тилла, — возразил Диу. — Ты знаешь, каким странным он иногда бывает.

— Вот потому я и молчала об этом.

— Ты слышала, чтобы он еще раз рассказывал эту историю?

— Нет, — созналась она.

Ее возлюбленный кивнул, глядя на колыбель, на Локе.

— У детей воображение работает очень сильно, — предупредил он ее. — Никогда не знаешь, что́ они думают о том или ином предмете.

Больше он ничего не сказал.

Уошен вспомнила о своем единственном ребенке — давным-давно у нее был приемный малыш, он лишь внешне напоминал человека — и с горькой улыбкой ответила:

— Но поэтому так занятно иметь детей... по крайней мере я так слышала...

Год миссии 89.09

Мальчик шел один, он пересек общественную площадь, глядя на свои босые ноги, шаркающие по застывшему железу.

— Здравствуй, Тилл.

Остановившись, он медленно поднял взгляд на помощника капитана, на лице появилась заученная улыбка.

— Здравствуйте, мадам Уошен. Надеюсь, у вас все хорошо.

Под сияющим голубым небом он выглядел как вежливый, безупречно обыкновенный мальчик. Худощавое лицо сочеталось с коренастым телом, и, подобно большинству детей, он носил так мало одежды, как только позволяли взрослые. Никто не знал, кто является его отцом. Миоцен никогда не говорила об этом. Она хотела быть его единственной родительницей, готовить его к тому, чтобы однажды он стал рядом с ней. И каждый раз, когда Уошен смотрела на Тилла, она ощущала какую-то смутную обиду, хотя это было нелепое чувство и по отношению к десятилетнему ребенку просто смешное.

Улыбнувшись, в свою очередь, Уошен сказала:

— Я хочу тебе кое в чем признаться. Недавно я подслушала твой разговор с другими детьми. Вы рассказывали друг другу историю.

Широкие карие глаза только моргнули.

— Это была интересная история, — признала Уошен.

Тилл выглядел как любой десятилетний мальчик, который не знает, как избавиться от надоедливого взрослого.

Устало вздохнув, он переступил с одной загорелой ноги на другую. Затем снова вздохнул, являя собой воплощение скуки.

— Как ты придумал эту историю? — спросила она.

Пожатие плеч:

— Не знаю.

— Мы говорим о корабле. Возможно, слишком много. — Объяснение казалось разумным и практичным. Единственное, чего она боялась, — показаться снисходительной. — Все любят строить предположения. О прошлом корабля, о его создателях и об остальном. Это усложняет вещи. Поскольку мы собираемся восстановить наш мост с вашей помощью... это действительно сделает тебя в некотором роде Строителем...

Тилл снова пожал плечами, глядя мимо нее.

На противоположной стороне площади, у дверей мастерской, несколько помощников заводили недавно построенную турбину — примитивное чудо, сооруженное по памяти методом проб и ошибок. Самогон в сочетании с кислородом порождал восхитительный рев. Если двигатель заработает, то сможет выполнять любую задачу, по крайней мере сегодня. Но он был грязным и шумным, и звук его почти заглушил голос мальчика.

— Я не строю предположения, — негромко произнес он.

— Прости, я не расслышала.

— Я не могу так сказать, что я придумываю все.

Уошен не могла не улыбнуться, спросив:

— Разве не так?

— Нет. — Тилл покачал головой, затем снова взглянул на свои ноги. — Мадам Уошен, — сказал он терпеливым детским голосом, — нельзя выдумать то, что произошло на самом деле.

Год миссии 114.41

Локе ждал в тени — взрослый мужчина с виноватым выражением на мальчишеском лице и расширенными, беспокойными глазами человека, ожидающего неприятностей со всех сторон.

Первыми его словами были:

— Мне не следует этого делать.

Но спустя мгновение, отвечая на предполагаемый вопрос, он сказал:

— Я знаю, мать. Я обещал.

Уошен не издала ни звука.

Предложение все отменить исходило от Диу.

— Если из-за нас у тебя будут неприятности... может быть, нам стоит вернуться домой...

— Может быть, и стоит, — согласился сын.

Затем он развернулся и пошел прочь, не приглашая их следовать за собой, зная, что они не смогут противиться искушению.

Уошен поспешила вперед, слыша, что Диу идет за ней по пятам.

Молодые джунгли зонтичных деревьев и лямбда-кустов исчезали среди зазубренных железных холмов. Черные столбы и арки образовывали запутанный, выводящий из терпения лабиринт. Каждый шаг давался с трудом. Острые как бритва края царапали незащищенную плоть. Бездонные пропасти угрожали поглотить неловких путников. И организм Уошен привык в этот час спать, вот почему она не сразу заметила старую рощу. Внезапно они увидели Локе — он стоял на покрытом ржавчиной краю обрыва, ожидая родителей, глядя вниз, на узкую долину, поросшую черными как ночь «добрыми» деревьями.

Это был счастливый уголок. Когда недра земли разверзлись со всех сторон, этот участок коры угодил в трещину. Джунгли обгорели, но не погибли. Этому лесу могло быть сто лет, а могло и больше. Он казался мудрым и вечным, и возможно, поэтому дети выбрали именно это место.

Дети. Уошен знала, что детского в них мало, но, несмотря на это знание, она не могла думать о них по-другому.

— Тише, — прошептал Локе, не оглядываясь, — пожалуйста.

Среди живых теней воздух был немного прохладнее, чувствовалась неприятная сырость. Земля была скрыта под мягким, влажным одеялом гниющих листьев. Мимо прошелестела гигантская бабочка нимфалида, направляясь по каким-то своим делам, и Уошен смотрела, как она исчезла во мраке, затем снова появилась, крошечная на таком боль-

шом расстоянии, голубоватое крыло сверкнуло в лучах прорвавшегося с неба света.

Локе резко повернул, не говоря ни слова.

Он приложил палец к губам. Но Уошен заметила выражение его лица, на нем читались такая сильная боль и тревога, что ей захотелось прикоснуться к нему и успокоить.

Тайну из него вытянул Диу.

Дети встречались в джунглях, и встречались уже более двадцати лет. Через неодинаковые интервалы Тилл призывал их в некое уединенное место, и именно Тилл нес ответственность за все, что было сказано и сделано.

— Что было сказано? — спросила тогда Уошен. — И что вы там делаете?

Но Локе отказался объяснять, покачав головой и ответив, что тем самым он нарушит давно данное обещание.

— Тогда зачем ты рассказал нам? — настаивала Уошен.

— Потому что... — ответил ее сын, — потому что вы имеете право слушать, что он говорит. Так что вы сможете сами решить.

Уошен отошла в тень, глядя на самое большое «доброе» дерево, которое она когда-либо видела. Годы убили его, оно сгнило и рухнуло на землю, и в лесном шатре образовалась прореха. Выросшие дети и их маленькие братья и сестры собрались на этом светлом островке, стоя парами или группками, тихо переговариваясь между собой. Тилл расхаживал взад и вперед по широкому древесному стволу. Он выглядел совсем взрослым, постарелым и решительно ничем не выделялся среди остальных. Он был в обычной набедренной повязке и легких сапогах, на невзрачном лице застыло выражение робости и застенчивости, и при виде его у Уошен, как ни странно, мелькнула надежда.

Может быть, встречи Тилла — просто старая игра, которая переросла в традицию.

Может быть.

Не произнеся ни слова, не оглянувшись, Локе вышел на поляну и присоединился к старшим детям, стоящим впереди.

Его родители, выполняя свое обещание, опустились на колени в джунглях.

На поляне показались еще несколько детей. Затем, повинуясь какому-то невидимому сигналу, собравшиеся затихли.

Тилл тихо спросил:

— Чего мы хотим?

— Того, что является лучшим для корабля, — ответили дети. — Всегда.

— Как долго это — «всегда»?

— Дольше, чем мы можем себе представить.

— И как далеко это — «всегда»?

— Оно простирается до бесконечности.

— Но мы живем...

— Лишь мгновение! — вскричали они. — А может быть, и меньше!

Слова не имели смысла, и от них мороз продирал по коже. Они должны были казаться Уошен глупыми, но не казались; это была молитва, она приобретала силу и материальность, когда ее произносили в один голос, с выработанной годами уверенностью.

— Того, что является лучшим для корабля, — повторил Тилл.

Но он не просто повторял — он задавал вопрос. На его простоватом лице читалось любопытство, неподдельная жажда чего-то.

Он негромко спросил собравшихся:

— Вы знаете ответ?

Дети нестройным хором произнесли:

— Нет.

— Я тоже не знаю, — признался их лидер. — Но когда я бодрствую, я ищу его. А когда сплю, то ищу его во сне.

Последовала короткая пауза, затем резкий голос выкрикнул:

— У нас новички!

— Приведите их сюда.

Это были близнецы лет семи, брат и сестра, и они с испуганным видом вскарабкались на бревно. Но Тилл протянул им руки, твердым, уверенным голосом велел каждому сделать глубокий вдох, затем спросил их:

— Что вы знаете о корабле?

Девочка взглянула на небо и ответила:

— Мы приплыли оттуда.

Среди детей послышался смех, затем затих.

Брат поправил ее:

— Оттуда пришли помощники Капитана. Не мы. — И добавил: — Но мы поможем им вернуться туда. Скоро.

Наступила долгая, холодная тишина.

Тилл позволил себе терпеливо улыбнуться, похлопал обоих по макушкам. Затем он взглянул на своих последователей и спросил:

— Он прав?

— Нет! — проревели они.

Близнецы вздрогнули и попытались сбежать.

Тилл опустился на колени между ними и произнес твердым голосом:

— Помощники — это только помощники. Но вы, и я, и все мы... мы — Строители.

Уошен не слышала этой чепухи уже четверть века, и, услышав сейчас, она не могла решить — то ли ей рассмеяться, то *ли поддаться* приступу гнева.

— Мы — возродившиеся Строители, — повторил Тилл. И он заронил в их души семена мятежа, добавив: — И какова бы ни была наша цель, она состоит не в том, чтобы сотрудничать с этими глупыми помощниками.

Миоцен не поверила ни единому слову.

— Во-первых, — сказала она, обращаясь к Уошен и к самой себе, — я знаю своего собственного ребенка. То, что вы говорите, нелепо. Во-вторых, на этом их слете могла собраться едва половина наших детей...

— Большинство из них — взрослые, у них свои дома, мадам, — прервал ее Диу.

— Я проверяла, — объяснила Уошен. — Несколько десятков младших детей действительно сбежали из детских...

— Я не говорю, что они никуда не ходили.

Затем Миоцен высокомерно спросила:

— Вы двое выслушаете меня? Хотя бы одну минуту?

— Продолжайте, мадам, — сказал Диу.

— Я знаю, что разумно, а что — нет. Я знаю, как был воспитан мой сын, я знаю его характер, и если вы не предложите мне какой-то мотив для этого... этого дерьма... тогда я думаю, нам лучше сделать вид, что ничего не произошло...

— Мотив, — повторила Уошен. — Скажите мне, какой у меня может быть мотив?

— Жадность, — с холодным восторгом ответила Миоцен.

— Что это значит?

— Поверь мне, я все понимаю. — Темные глаза сузились, в уголках сверкнули серебряные щелки. — Если мой сын лишился рассудка, на его место становится ваш. Сначала статус. Затем, в конце концов, власть.

Уошен бросила взгляд на Диу.

Они не упоминали о том, что осведомителем был Локе, и хотели сохранить это в секрете как можно дольше — по многим причинам, большинство из которых было эгоистическими.

— Спросите у Тилла о Строителях, — настаивала она.

— Я не стану этого делать.

— Почему?

Женщина помолчала минуту, тщетно пытаясь счистить коробочки спор со своей новой домотканой формы. Затем она ответила с ядовитой логикой:

— Если это ложь, он скажет, что это ложь. Если это правда и он солжет, тогда его ложь будет звучать как правда.

— А если он признается во всем...

— Тогда это будет означать, что Тилл хочет, чтобы я знала. А вы просто посредники. — Она понимающе взглянула на них, затем отвела взгляд. — Это не те сведения, что я оставила бы без внимания.

Спустя три корабельных дня, когда селение спало, гигантская ладонь приподняла их мир на несколько метров, затем ей это наскучило, и она снова швырнула его вниз.

Помощники Капитана и их дети, спотыкаясь, выбрались на открытое место. Небо уже скрылось за тучей золотых шариков и миллионами летающих насекомых. Через двенадцать часов, а возможно и раньше, всей этой местности предстояло покрыться пузырями, взорваться и исчезнуть. Словно пьяная, Уошен бежала по трясущейся земле и, добравшись до чистенького дома, кричала: «Локе» в его пустых комнатах. Где ее сын? Она обежала всю площадь, но

все дома детей были пусты. Из небольшого дома Тилла выступила фигура и спросила:

— Ты не видела моего?

Уошен покачала головой и в свою очередь поинтересовалась:

— А вы не видели моего?

— Нет, — сказала Миоцен и вздохнула. Потом, обогнав Уошен, крикнула: - Ты не знаешь, где я могу найти его?!

Посредине площади стоял Диу. Он ждал.

— Если вы поможете мне, — убеждала их Старший Помощник Капитана, — вы поможете собственному сыну.

Коротким кивком Диу выразил свое согласие.

Миоцен и дюжина других помощников бросились в джунгли. Уошен осталась в деревне и, собравшись с духом, принялась упаковывать самые необходимые вещи и помогать другим встревоженным родителям. Пока они закончили, прошло несколько часов. Толчки сотрясали землю у них под ногами, золотые шарики исчезли, вместо них в воздухе висели железная пыль и вонь горящих джунглей! Помощники и дети стояли на главной площади, готовые к бегству. Но оставшийся Старший Помощник Капитана медлил отдавать приказ.

— Еще минуту, — повторял он, обращаясь ко всем, в том числе и к себе, и осторожно спрятал часы в карман униформы, подавляя желание следить за движением их стрелок.

Когда на площади, ухмыляясь, внезапно появился Тилл, Уошен ощутила головокружительное, беспричинное облегчение.

Облегчение сменилось шоком, затем ужасом.

Грудная клетка молодого человека была вспорота ножом. Первая рана частично зарубцевалась в отличие от второй, нанесенной перпендикулярно первой и более глубокой. Разорванная, истекающая кровью плоть отчаянно пыталась снова сомкнуться. Тиллу не угрожала смертельная опасность, но он живописно изображал агонию. С притворным стоном он споткнулся, затем на мгновение выпрямился. И повалился на бок, ударившись о голое железо, в тот самый момент, когда Миоцен медленно, очень медленно выступила из леса.

Она была невредима, но что-то ужасно, безнадежно подкосило ее.

Словно зачарованная, Уошен наблюдала, как Старший Помощник Капитана опустилась на колени рядом с сыном, схватила его за прямые каштановые волосы и взглянула ему прямо в глаза.

Что сказал ей Тилл там, в джунглях? Как он довел свою мать до этой убийственной ярости? Именно это он, без сомнения, и сделал. Пока разыгрывались события, Уошен поняла, что все было организовано, являлось частью тщательно разработанного плана. Вот почему Локе взял их на встречу, вот почему он чувствовал себя виноватым. Когда он сказал: «Я знаю. Я обещал», он имел в виду обещание, данное Тиллу.

Миоцен не сводила взгляда с сыновьего лица.

Возможно, она хотела найти в себе силы простить его или, что еще лучше, усомниться. А возможно, она просто давала ему время взглянуть в ее собственные глаза, безжалостные и холодные. Затем она подняла двумя руками большую глыбу железоникелевого сплава — после землетрясения все вокруг было усеяно такими глыбами, — с холодной яростью перекатила Тилла на живот, раздробила ему шейные позвонки и продолжала бить. Во все стороны летели обрывки плоти и брызги крови, пока голова его не отделилась от парализованного тела.

Уошен с пятью помощниками оттащили Миоцен от ее сына.

— Пустите меня! — потребовала она. Затем отбросила свое оружие и, подняв руки, крикнула всем, кто находился в пределах слышимости: — Если вы хотите ему помочь, помогайте. Но, сделав это, вы исключите себя из нашего сообщества. Таково мое решение. Мне дают на это право мое положение, обязанности и мое горе!

Из джунглей вышел Локе. Он первым подошел к Тиллу, но лишь ненамного опередил остальных. Более двух третей детей собралось вокруг неподвижного тела. Откуда-то взялись носилки, и лидера устроили на них со всеми возможными удобствами. Затем, с немногими пожитками и, очевидно, совсем без еды, непокорные дети начали уходить, направляясь на север, в то время как помощники Капитана планировали идти на юг.

Диу стоял рядом с Уошен. Как долго — она не знала.

— Мы не можем просто так дать им уйти, — прошептал он. — Кто-то должен остаться, чтобы говорить с ними, помогать им...

Она быстро взглянула на своего возлюбленного и открыла рот. «Я пойду», — хотела сказать она.

Но Диу перебил ее:

— Тебе не следует этого делать. Ты поможешь им больше, оставаясь поблизости от Миоцен. — Он уже явно все продумал и приводил аргументы: — У тебя есть положение. У тебя здесь есть авторитет. А кроме того, Миоцен прислушивается к тебе.

«Да, когда ей это удобно».

— Я буду поддерживать контакт, — пообещал Диу. — Как-нибудь.

Уошен кивнула, думая, что через несколько лет все это кончится. Самое большее — через несколько десятилетий.

Диу поцеловал ее, и они обнялись, она обнаружила, что смотрит через его плечо. В джунглях виднелся знакомый силуэт — это был Локе. С такого расстояния, из-за теней, она не могла понять, смотрит ли сын на нее или стоит к ней спиной. Но на всякий случай она улыбнулась и одними губами произнесла:

— Береги себя. — Затем глубоко вдохнула и сказала Диу: — Будь осторожен. — И отвернулась, не желая смотреть, как ее мужчины исчезают среди деревьев и густеющего дыма.

Миоцен, стоявшая в отдалении от всех, заговорила тонким, сухим, но полным слез голосом, подняв руки над головой:

— Мы приближаемся.

«Приближаемся?»

Затем она приподнялась на цыпочках, став еще выше, и с низким, болезненным смешком добавила:

— Но мы еще недостаточно близко. Пока.

Годы миссии 511.01—1603.73

Первый артефакт обнаружила дюжина верных помощникам внуков. Нарушая все правила, они играли у реки из жидкого железа, и внезапно мимо них проплыла загадочная

сфера из гиперволокна. С храбростью, присущей молодости, они выудили объект, охладили его и принесли в лагерь. Следующие сто лет сфера провела в хранилище, под замком. Но после того как помощники капитана снова изобрели лазер, они расщепили гиперволокно, и внутри него обнаружилась камера с информацией, почти такая же древняя, как их планета.

Устройство было объявлено оригинальным, но бесполезным ввиду стертой памяти, и его предоставили самому себе — разрушаться от времени.

Предпринимались попытки сохранить находку в секрете, но у Непокорных всегда были свои шпионы. Однажды ночью, без предупреждения, Локе и его отец пришли на главную площадь. На них не было ничего, кроме набедренных повязок. Они нашли дом Уошен, стучались, пока она не крикнула: «Войдите», затем вошли в дом. Диу криво улыбнулся, а Локе сделал неожиданное предложение: обменять пустую камеру на несколько тонн сушеного и вяленого мяса.

Уошен не обладала властью принимать такие решения. Четверых Старших Помощников Капитана вытащили из трех кроватей, и по настоянию Миоцен они с ворчанием согласились на условия Непокорных.

Но переговоры на этом не закончились. Диу неожиданно предложил своим бывшим соратникам пластинки чистой серы, очень редкого элемента, жизненно важного для примитивной индустрии капитанов, и, подмигнув, спросил:

— А что вы дадите нам в обмен на тонны вот этого?

«Все, что угодно», — подумала Уошен.

Диу согласился на лазер. Когда он убедился, что устройство обладает достаточной мощностью, чтобы резать гиперволокно, первые голоса спросили, как Непокорные собираются его использовать.

— Это же очевидно, — ответил Диу с легким презрением. — Если ваша маленькая компания случайно нашла один артефакт, то как вы думаете, сколько их может быть у Непокорных?

После этого помощники капитана продолжали находить новые камеры, раз или два в столетие. Бóльшая часть их была бесполезна и быстро отдана Непокорным в обмен на

мясо и серу. Но девятая по счету сфера еще функционировала, ее древний механизм был полон изображений, данных и ответов на вопросы.

Изящное устройство лежало на коленях у Миоцен. Она осторожно, даже любовно прикоснулась к нему, затем призналась:

— Я нервничаю. Нервничаю, но чувствую необыкновенную уверенность.

Старший Помощник Капитана не имела привычки обсуждать свое настроение.

— Если нам чуть-чуть повезет, — продолжала она, — это сокровище уничтожит старые разногласия между нами.

— Если повезет, — повторила Уошен, думая, что слово «чуть-чуть» здесь не подходит.

Они прибыли на поляну в три часа утра по корабельному времени. Через несколько секунд из джунглей одновременно выступили несколько тысяч Непокорных в скромных набедренных повязках, большинство мужчин несли на руках младенцев, за ними следовали беременные женщины, лица их были жесткими и уверенными, и почти на каждом отражалась радость.

Уошен выкарабкалась из приспособления для ходьбы, и Миоцен передала ей сферу.

Внешне она выглядела не слишком впечатляюще — округлый кусок серого керамического материала, утыканный гладкими голубоватыми алмазами. Но почти все Непокорные смотрели на него, не отводя взглядов. Единственное исключение составлял Тилл. Он спустился по открытому склону медленным шагом, наблюдая за Миоцен, на лице его читалась настороженность.

За лидером на почтительном расстоянии следовал Локе.

— Как ты, мать? — окликнул он ее. Он был всегда вежлив, но в нем никогда не чувствовалось тепла.

— Ничего, — ответила Уошен. — А ты?

Он лишь странно, неуверенно улыбнулся в ответ.

Где же Диу? Уошен обвела взглядом толпу, предполагая, что он где-то поблизости, за стеной тел.

— Могу я проверить устройство? — спросил Тилл.

Миоцен взяла у Уошен сферу, чтобы передать ее сыну. Тилл прикрыл самые большие алмазы кончиками пальцев, закрыв свет, и машина медленно, медленно ожила.

Поляна представляла собой естественный амфитеатр, черные железные стены поднимались со всех сторон. Уошен не могла сосчитать всех Непокорных, хлынувших из джунглей сверху. Тысячи превратились в сотни тысяч. Некоторые из них были ее внуками и правнуками. Возможно, Диу знал, кто именно. Сколько ее потомков живет среди Непокорных? Раньше, во время случайных встреч, Диу по секрету сообщал ей, что Непокорные, вероятно, насчитывали несколько миллионов человек, — этому можно было поверить, поскольку они унаследовали от родителей гены бессмертия, а Тилл, видимо, поощрял плодовитость. В принципе все эти люди могли происходить от Уошен. «Неплохо, — подумала она. — Особенно для старой женщины, которая по многим уважительным причинам имела только одного ребенка».

Камера начала негромко жужжать, и Локе поднял руку, крикнув: «Начинается!»

Собравшиеся внезапно затихли, замерли неподвижно, и в горячем сухом воздухе повисло ощутимое предвкушение некоего события.

Небо потемнело, и поляна исчезла.

Мозг распух, почти заполнив всю свою камеру. Голый и гладкий, он был полностью покрыт океаном булькающего, излучающего свет железа, который находился сразу под потолком из гиперволокна, и люди стояли прямо в этом океане, но не горели, наблюдая, как разыгрывается древняя драма.

Бесшумно, без предупреждения, появились Враги, ползя по стенкам камеры, через бесчисленные туннели — киборги, похожие на насекомых, огромные, холодные и проворные.

Словно рой ос, они устремились на Мозг, обстреливая его глыбами антиматерии, которые шлепались на расплавленный металл, и вверх поднимались раскаленные добела фонтаны. Жидкое железо бурлило, волны вздымались к потолку и снова опадали. В режущем свете Уошен смотрела на сына, пытаясь определить выражение его лица, его настроение. Он выглядел зачарованным: глаза его расширились, рот открылся, тело содрогалось от апокалиптической лихорадки. Казалось, все наблюдали эту картину в первый раз. Уошен вспомнила последний разговор с Диу, проис-

шедший почти десять лет назад. Она спросила о камерах и о верованиях Непокорных, объяснив, что Миоцен хочет знать подробности. В ответ Диу заворчал, напомнив ей: «Я единственный неверующий среди них, и они немногое мне рассказывают. Меня терпят из-за моих технических познаний и, что не менее важно, за то, что я давно перестал лебезить перед Миоцен и всеми вами».

Внезапно из железного моря возник купол из гиперволокна, выстрелили лазеры, и, прежде чем купол снова скрылся, дюжина Врагов была убита.

Враги подождали подкрепления, затем атаковали снова.

Снаряды из гиперволокна несли антиматерию глубоко в недра океана. Мозг затрясся, сморщился, затем извергнул газ и огонь. Возможно, Врагам удалось прикончить последних Строителей. Возможно. В любом случае Строители знали, как отомстить. Месть последовала не сразу. В разгаре атаки, когда Враги почти победили, включились силовые поля, загорелся бело-голубой свет. Неожиданно наступающие показались маленькими и хрупкими. Затем, прежде чем они смогли обратиться в бегство, в небесах разразилась буря с молниями и вся материя превратилась в плазму, образовался перетретый туман, который должен был висеть над Мозгом миллионы лет, охлаждаясь вместе с ним, постепенно оседая на горячей новорожденной коре.

Постепенно углерод, водород и кислород, из которых состояли Враги, стали частью атмосферы и рек Мозга. Из этих же драгоценных элементов медленно образовались крылатые жуки и «добрые» деревья, а затем и дети с широко раскрытыми глазами, стоявшие на поляне и плакавшие, глядя в сияющее небо.

Настоящее вернулось не сразу, почти неохотно.

— Есть еще многое, — сообщила Миоцен настойчивым голосом. Материнским голосом. — Есть другие записи, которые показывают, как был атакован корабль. Как Строители отступили на Мозг. Именно здесь они дали свой последний бой, кем бы они ни были. — Она ждала долгие минуты, глядя в непроницаемое лицо сына, затем с искренним разочарованием предупредила: — Строители нигде не обнаруживают себя. Сейчас мы понимаем намного больше, но мы по-прежнему не знаем, как они выглядели.

Тилл не был поражен священным ужасом после увиденного. Если он и испытывал какие-то чувства, то это было легкое удовольствие, он ухмылялся, словно все это забавляло его, но он определенно не был возбужден или удивлен, его даже не слишком заинтересовали слова Миоцен.

– Послушайте меня! – рявкнула она, не в силах больше сдерживаться. – Вы понимаете, что это значит? Происшествие, в результате которого мы оказались заперты здесь, является каким-то видом древнего оружия, предназначенного для того, чтобы убить Врагов. И всех остальных на борту корабля... возможно...

– Кто заперт? – спросил Тилл спокойным голосом, выводящим из себя. – Я – нет. Никто из верующих не заперт. Мы принадлежим именно этому месту.

Лишь глаза Миоцен выдавали ее гнев.

Тилл продолжал свое объяснение:

– Вы находитесь здесь потому, что Строители призвали вас. Они заманили вас сюда потому, что им нужен был кто-то, чтобы дать нам жизнь.

– Это бред! – прорычала Помощник Капитана.

Уотен, прищурившись, искала глазами Диу. Она узнавала его лицо, его бьющую через край энергию, но только в детях. Где же он сам? Внезапно ей пришло в голову, что его не пригласили сюда или, еще хуже...

– Я знаю, почему вы верите в эту чушь, – произнесла Миоцен, затем шагнула ближе к Тиллу, подняв к небу руки. – Это очевидно. Когда ты был мальчишкой, ты нашел одну из этих камер. Верно? Там ты увидел войну и Врагов, и именно ты начал все это... эту чепуху насчет того, что вы – возрожденные Строители!

Сын разглядывал ее с любопытством и презрением.

– Ты ошибся! – произнесла Миоцен резким, обвинительным тоном. – Ты был ребенком, ты не понимал смысла того, что видел, и с тех пор мы расплачиваемся за твое невежество. Разве ты не понимаешь?..

Сын ее улыбался – ему были неведомы сомнения.

Глядя на Непокорных, Миоцен выкрикнула:

– Кто из вас понимает меня?!

Молчание.

– Я не находил никакой камеры, – заявил Тилл. – Я был один в джунглях, и мне явился дух некоего Стро-

ителя. Он рассказал мне о корабле и Врагах. Он показал мне все это. Затем он пообещал мне: когда закончится этот день, в наступающих сумерках я узнаю свою судьбу...

Его голос стих, и наступила тишина.

Локс опустился на колени и поднял сферу, потом взглянул на Уошен и произнес будничным голосом:

— Обычная плата. Вот что мы предлагаем.

Миоцен взревела:

— Что ты хочешь этим сказать?! Это лучший из найденных нами артефактов!

Никто не ответил; все смотрели на нее как на сумасшедшую.

— Он работает. У него сохранилась память. — Старший Помощник Капитана размахивала руками. — Остальные камеры оказались пустыми или почти пустыми...

— Вот именно, — подтвердил Тилл.

Затем, словно объяснять очевидное было ниже достоинства его лидера, Локе взглянул на них двоих с жалостью и сказал:

— Те камеры были пусты, потому что их содержимое теперь находится в другом месте. В другом месте.

Тилл и Локе прикоснулись к своим головам.

Все их последователи сделали то же самое, поднялись пятьдесят тысяч рук, гигантская волна пробежала по амфитеатру — все указали на свой мозг. На свои возрожденные души.

Локс смотрел на мать.

От неприятного предчувствия у нее пересохло во рту.

— Почему здесь нет Диу?

— Потому что он мертв, — ответил сын, и по лицу его пробежало облако древней печали. — Мне жаль. Это случилось восемь лет назад, во время мощного землетрясения.

Уошен не в силах была заговорить, пошевелиться.

— С тобой все в порядке, мать?

Она сделала вдох и солгала:

— Да. Все в порядке.

Затем она увидела самое удивительное зрелище за этот длинный день, полный удивительных событий: Миоцен упала на колени и жалобным голосом принялась молить Тилла о прощении.

— Мне не следовало бить тебя, — сказала она. И с неподдельной мукой добавила: — Дорогой. — А затем, словно в качестве последнего средства убеждения, сказала: — И я действительно люблю корабль. Так же как и ты, неблагодарный кусок дерьма!..

Год миссии 4895.33

С самой верхушки моста, где атмосфера уже была сильно разрежена, Мозг наконец начал напоминать нечто отдаленное.

Помощники Капитана оценили этот вид по достоинству.

Когда Уошен дежурила, она смотрела вниз, на поселения, напоминавшие города, на раскинувшиеся фермы, спящие вулканы и оставшиеся невредимыми островки джунглей, и ее охватывало восхитительное чувство избавления от всего этого. Здесь господствовали мягкие серые сумерки. Силовые поля продолжали ослабевать в течение последнего тысячелетия, и если теория Миоцен была верна, то через двести лет они должны были полностью исчезнуть. В течение нескольких секунд, а может быть, нескольких лет между ними и кораблем не будет существовать никаких преград. Мир Мозга погрузится в полную тьму. Затем поля должны будут вновь спонтанно возникнуть, и, возможно, случится второе Происшествие. Но к тому времени помощники и их семьи, двигаясь быстро и целенаправленно, уже скроются, взобравшись на этот удивительный самодельный мост, достигнут старого базового лагеря, а затем, возможно, наконец вернутся на корабль.

Никто не знал, что ждет их там.

По крайней мере никто не обсуждал это с другими.

В последние пять тысяч лет все, даже самые невероятные, предположения были высказаны, всесторонне обсуждены и наконец милосердно похоронены в безымянной могиле.

Что будет, то будет.

Обстоятельства вынудили их придерживаться этого мнения уже несколько сотен лет.

Единственное, что имело значение, — это мост. Выжившие помощники Капитана — почти две трети начального количества — жили для того, чтобы закончить его стро-

ительство. Сотни тысяч их потомков работали в далеких рудниках или перетаскивали руду на заводы. Еще полмиллиона были заняты производством сверхпрочных сплавов и грубых кусков гиперволокна, часть которого использовалась для сооружения фундамента моста, а из остального изготовляли трубы. В обязанности Уошен входило наблюдать за медленным, трудоемким процессом производства этих труб и их прикрепления к потолку. По сравнению со старым мостом их хитроумное изобретение было неуклюжим и нелепо толстым. И все же она чувствовала неподдельную гордость, зная, каких жертв потребовало это строительство, сколько времени ушло на него, сколько отчаянных импровизаций было сделано, из скольких безвыходных положений найден выход.

— Мадам Уошен? — произнес знакомый голос. — Простите, мадам.

Помощник Капитана, моргнув, обернулась.

В дверях стоял ее новый ассистент. Настойчивый, самоуверенный мужчина неопределенного возраста, он был явно озадачен — что случалось с ним редко, — и со смесью любопытства и смущения он объявил:

— Наша вахта окончена.

— Через пятьдесят минут, — возразила Уошен, точно зная свое время.

— Нет, мадам. — Руки его нервно теребили жесткую ткань униформы. — Я только что услышал об этом. Мы должны немедленно уходить, используя все трубы, кроме первой.

Она взглянула на дисплеи:

— Я не вижу никаких приказов.

— Я знаю...

— Это очередная тренировка?

Если укрепленная кора под ними начнет колебаться, у них останется лишь несколько минут для эвакуации.

— Потому что если это учебная тревога, то нам необходима лучшая система оповещения, чтобы вы не ходили всздс, хлопая людей по плечу.

— Нет, мадам. Это не учебная тревога.

— Тогда что?..

— Миоцен, — выпалил он. — Она связалась прямо со мной. Следуя ее инструкциям, я уже освободил остальных,

а теперь я обязан передать вам приказ оставаться здесь. Она идет сюда. — В качестве доказательства он предъявил код файла с приказом. Затем добавил с едва сдерживаемым разочарованием: — Это весьма загадочно. Все так думают. Но Старший Помощник Капитана такая таинственная личность, так что я предполагаю...

— Кто с ней? — прервала его Уошен.

— Думаю, никого.

Первая труба была самой широкой. В одном из движущихся по ней каров могли свободно уместиться двадцать помощников.

— По-моему, у ее кара необычно толстый корпус, — объяснил ассистент, — и еще там есть какие-то приспособления, назначение которых я не могу определить.

— Что за приспособления?

Он взглянул на часы, притворяясь, что торопится. Но он гордился своей проницательностью, как и предполагала Уошен. Камеры, находящиеся внутри трубы, позволяли им наблюдать за каром. Массу его можно было определить исходя из энергии, требуемой для его подъема. Ассистент указал на устройства вроде трубок, обвивающих корпус; из-за них кар выглядел похожим на моток каната, и неожиданно скромным тоном признал:

— Мне кажется, я не совсем понимаю устройство этого аппарата.

Это означало: «Пожалуйста, объясните мне его, мадам».

Но Уошен не стала ничего объяснять. Взглянув на своего ассистента — одного из самых одаренных и преданных отпрысков, доказавшего свою преданность во множестве случаев, — она пожала плечами и солгала:

— Я тоже не понимаю его. — И, не переводя дыхания, предложила: — Я думаю, вы должны подчиняться ей. Уходите. Если Миоцен застанет вас здесь, она сама вышвырнет вас прочь.

Старший Помощник Капитана сохранила те же лицо и фигуру, что и тысячелетия назад, но ее глаза и интонации изменились. Почти полностью. В те редкие моменты, когда они встречались лицом к лицу, Уошен поражалась, как сильно повлияли на Миоцен годы, проведенные на Мозге. А потом задавалась вопросом, произошло ли то же и с ней?

Может быть, старые друзья смотрят на Уошен и думают: «Она выглядит усталой, печальной и, возможно, немного мудрой».

Они нечасто видели друг друга, но, несмотря на разницу в положении и манеры Миоцен, было трудно сохранять формальный тон.

— Мадам, — прошептала Уошен и добавила: — Ты с ума сошла? Ты что, действительно думаешь, что это сработает?

На лице появилась улыбка без тени веселья.

— Вероятно, сработает, если верить моим расчетам. При начальной скорости пятьсот метров в...

— Проблема не в точности, — перебила ее Уошен. — И если ты сможешь попасть в цель — трехкилометровый остаток старого моста, верно? — у тебя будет достаточно времени, чтобы сбавить скорость.

— Но мой мозг к тому времени уже умрет. Ты это хотела сказать?

— Хотя сейчас силовые поля стали слабыми и тонкими... Надеюсь, что ты погибнешь. Иначе твой мозг получит сильные повреждения. — Уошен покачала головой. — Если не произойдет чуда и этот кар не защитит тебя в пути.

Миоцен кивнула.

На это потребовалось две тысячи сто лет и немало скрытности с моей стороны... но результаты того стоили.

В далеком прошлом — Уошен не помнила точно когда — помощники экспериментировали с точно таким же аппаратом. Но именно Старший Помощник Капитана приказала им прекратить работы. «Слишком рискованно» — был ее приговор. Ее ложь. «Слишком много технических проблем».

За неимением лучшего Уошен мрачно усмехнулась и сказала:

— Тогда счастливого пути.

Миоцен покачала головой, и в ее глазах загорелся зловещий огонек.

— Счастливого пути нам обеим, ты хотела сказать. Кабина достаточно велика, чтобы вместить двоих.

— Но почему я?

— Потому что я уважаю тебя, — ответила Миоцен. — И если я прикажу тебе сопровождать меня, ты согласишь-

ся. И, по правде говоря, я нуждаюсь в тебе. Когда дело касается общения с людьми, у тебя это лучше получается. Помощники Капитана и наши наполовину преданные потомки... ну, скажем так, они разделяют мое уважение к тебе, и это может стать огромным преимуществом.

Уошен угадала причину, но все же спросила:

— Зачем я тебе?

— Я намерена осмотреть корабль. И если случилось худшее — если он пуст и мертв, — то я думаю, что ты лучше всего подходишь для того, чтобы сообщить им эту ужасную новость...

Вот как случилось, что они покинули Мозг.

Кар Миоцен был примитивным и тесным, и во время стремительного путешествия они страдали от слабых галлюцинаций и выворачивающей наизнанку тошноты. Но они сохранили рассудок. Нырнув в остаток старого моста, Старший Помощник Капитана резко затормозила внутри сборочной станции, скользнула к первому пустому причалу и трясущейся длинной рукой пригладила жесткую домотканую униформу.

В базовом лагере электричество было отключено почти пять тысяч лет назад. Происшествие повредило все реакторы, все аппараты. Без пищи и воды покинутые лабораторные животные впали в кому, и, по мере того как их бессмертная плоть теряла влагу, они мумифицировались. Уошен подняла одного из мандрилов — огромного самца, который весил сейчас, как пушинка, — и почувствовала биение его сердца — только один удар, словно животное хотело сказать ей: «Я ждал вас».

Она положила тело на пол и тихо вышла.

Миоцен стояла на обзорной платформе, выжидающе глядя на горизонт. Даже с такой высоты им были видны только владения помощников. Ближайший город Непокорных — спартанское поселение с примитивными холодными железными постройками, похожими на коробки, — находилось от них в сотнях километров. Это было равнозначно тысячам световых лет — две культуры больше не общались между собой.

— Ты выглядишь так, словно ждешь кого-то, — заметила Уошен.

Старший Помощник Капитана ничего не ответила.

— Непокорные рано или поздно узнают, что мы здесь, мадам. Если Тилл еще не знает этого, то лишь потому, что у него слишком много шпионов и все говорят в один голос.

Миоцен, рассеянно кивнув, глубоко вздохнула.

Затем она обернулась и, не упоминая о Непокорных, сказала:

— Мы уже потратили достаточно времени. Посмотрим, что творится наверху.

Длинный тушнель, ведущий к кораблю, был цел.

Туннельные кары оставались в своих ячейках, не тронутые людьми и, очевидно, защищенные от Происшествия окружающим их гиперволокном. Двигатели были заправлены, все системы работали в тестовом режиме. Устройства связи заглохли, возможно, потому, что на мертвом корабле некому было поддерживать сеть в рабочем состоянии, но, выудив из памяти нужные команды, Уошен включила их. Время от времени она бросала взгляд на Миоцен, рассматривая ее суровый профиль и пытаясь угадать, кто из них больше боится того, что им предстояло найти.

Туннель поворачивал к заброшенной топливной магистрали, которая заканчивалась в обиталище пиявок.

Все оставалось точно таким же, как тогда, когда команда Уошен покинула это место. Пустое, пыльное и безжалостно серое жилище пиявок приветствовало их абсолютной тишиной.

Миоцен схватилась за живот, словно от боли.

Уошен попыталась установить связь с корабельной сетью, но все контакты с населенными областями были оборваны.

— Идем дальше, — объявила Миоцен. — Немедленно.

Они двинулись вперед, выбрались из гигантского топливного бака и оказались в первой населенной области. Они попали в широкий туннель с низким потолком, огромный и пустой, и, глядя в его пустоту, Миоцен произнесла:

— Возможно, пассажиры и экипаж... возможно, им пришлось покинуть корабль... Как ты думаешь?

Уошен начала было говорить: «Может быть...»

Неожиданно позади них показался огромный кар, устремился прямо на них, так что столкновение показалось неминуемым, затем свернул вбок с точностью искусствен-

ного интеллекта. Когда кар проезжал мимо, его единственный пассажир — гигантское существо, похожее на кита, плавающее в ванне с солёной водой, — подмигнуло им тремя черными глазами, как это делают люди, когда хотят дружелюбно поприветствовать друг друга.

Это был Йоклин. Хотя Уошен покинула свой пост пять тысяч лет назад, она сразу вспомнила это существо.

Безжизненным, невеселым голосом Миоцен произнесла:

— Нет.

Но это была правда. Вдали они различили еще дюжину каров, светофор, но все это было абсолютно нормально. Абсолютно банально.

Остановившись на ближайшей станции, они спросили у дежурного робота о здоровье Капитана.

Ровным, веселым голосом он сообщил:

— Она бодра, здоровье отличное. Благодарю за то, что спросили.

— И как давно? — допытывалась Старший Помощник Капитана.

— Последние шестьдесят тысяч лет, да будет она здорова и дальше.

Миоцен потеряла дар речи, с каждым мгновением в ней нарастал жгучий гнев.

Одну из стен станции занимали будки для связи. Уошен вошла в ближайшую из них и произнесла:

— Экстренное сообщение. Капитанский канал. Нам нужно поговорить с Капитаном, пожалуйста.

Миоцен последовала за ней и плотно закрыла за собой дверь.

Они оказались в скромном офисе, сотканном из света и звуков. Трое помощников и бесчисленные роботы служили Капитану ассистентами и связными. Это ночной персонал, поняла Уошен; часы на Мозге отставали на одиннадцать часов. Не так уж и плохо после пятидесяти веков небольших ошибок...

Люди уставились на призраков, а роботы просто спросили:

— Изложите ваше дело, пожалуйста.

— Я хочу видеть ее! — прогремела Миоцен.

Помощники попытались изобразить спокойствие.

— Я Миоцен! Старший Помощник, Главный Помощник! — Высокая женщина склонилась к ближайшему помощнику со словами: — Вы должны узнать меня. Посмотрите на меня. Случилось нечто ужасное...

Роботы вспомнили их и действовали соответствующим образом.

Изображение замерцало и снова стабилизировалось.

Капитан стояла одна в комнате для совещаний, наблюдая за прибытием небольшого звездолета. Она выглядела такой же, какой помнила ее Уошен, только ее волосы стали длиннее, они были завязаны в замысловатый пучок. Занятая так, как только может быть занят Капитан Корабля, она не потрудилась взглянуть на своих гостей. Она не обращала внимания на предупреждения роботов. Но когда она случайно заметила двоих помощников, одетых в грубое, неловкое подражание стандартной униформе корабля, по широкому лицу скользнуло выражение удивления, которое мгновенно сменилось страшным гневом.

— Где вы двое были?! — крикнула Капитан.

— Там, куда вы отправили нас! — рявкнула Миоцен. — На Мозге!

— Где?! — выплюнула женщина.

— На Мозге,— повторила Старший Помощник Капитана. Затем раздраженно спросила: — Что за игру вы ведете с нами?

— Я никуда не посылала вас!..

Постепенно к Уошен начинало приходить смутное понимание.

Миоцен, покачав головой, спросила:

— Зачем вы держали нашу миссию в секрете? — Затем перевела дух.— Это нужно было, чтобы заключить в тюрьму ваших лучших помощников...

Уошен схватила Миоцен за локоть:

— Подожди. Нет.

— Мои лучшие помощники? Вы?! — Капитан рассмеялась диким, кудахчущим смехом.— Мои лучшие офицеры не исчезают без следа. Они не принимают меры предосторожности, занимаясь неизвестно чем, не скрываются на тысячелетия! И ни слова ни от одного из них!

Миоцен ошеломленно взглянула на Уошен:

— Она не посылала нас...

— Но кто-то послал,— ответила Уошен.

— Служба безопасности! — крикнула Капитан. — Этим каналом пользуются два призрака! Выследите их! Торопитесь! Пожалуйста, пожалуйста!

Миоцен оборвала связь, стараясь выиграть время.

Пораженные призраки оказались внутри пустой кабины, пытаясь найти смысл в чистом безумии.

— Кто мог одурачить нас?.. — спрашивала Уошен.

В следующее мгновение она поняла, как легко можно было сделать это: некто, обладающий доступом к секретной информации и находчивостью, разослал приказы от имени Капитана, собрал их вместе в удаленном помещении. Затем тот же изобретательный человек обманул их с помощью копии Капитана, отправив к ядру корабля...

— Я могла бы манипулировать всеми вами, — предположила Миоцен, обдумывая тот же притягательный и страшный сценарий. — Но я не знала о существовании Мозга. Никто из нас не знал.

Но к кому-то эти сведения попали. Это было очевидно.

— Но даже если бы я знала, — продолжала Миоцен, — чего я могла бы этим добиться?

Старое воспоминание само всплыло из глубин памяти. Внезапно Уошен увидела себя стоящей у окна в жилище пиявок, глядящей на отражения помощников Капитана, которые мило беседовали об амбициях и их сладком, опьяняющем аромате.

— Нужно предупредить Капитана, — сказала она Миоцен.

— О чем?

Уошен не ответила, выкрикивая приказания будке, и, подождав мгновение, спросила:

— Ты будешь делать, что я говорю?

Будка не отвечала.

Уошен посмотрела на Миоцен, и внезапно ее охватило леденящее предчувствие. Она открыла дверь и, изо всех сил толкнув ее, осторожно сделала шаг наружу.

Полная женщина в униформе спокойно и быстро кромсала робота мощным лазером.

В соответствующей одежде, говоря нужные слова, она была бы неотличима от Капитана.

Но еще больше поразил помощников призрак, стоявший неподалеку. На нем была гражданская одежда, он тщательно изменил внешность, и Уошен целую вечность не

видела его. Но по тому, как вибрировала его плоть на костях, по тому, как его серые глаза улыбались, глядя прямо на нее, она поняла, кто это такой.

— Диу, — прошептала Уошен.

Ее бывший возлюбленный поднял кинетический шокер.

Слишком поздно и слишком медленно Уошен попыталась остановить его.

Затем все смешалось, и вот шея ее была сломана и над ней висело лицо Диу, он смеялся, говоря неразборчивые слова.

Уошен закрыла глаза. Чей-то голос произнес:

— Как ты нашел Мозг?

Голос Миоцен?

— Почти так же, как было сказано вам перед миссией. Было столкновение. Были собраны кое-какие любопытные данные. Но, несмотря на то что Капитан Корабля отвергла идею полого ядра, я занялся этой проблемой. На свои деньги я приобрел беспилотники, которые в конце концов отыскали это место, и я последовал за ними туда. — Раздался тихий смех, затем задумчивая пауза. — Это произошло десятки тысяч лет назад. Конечно, в те дни я не был помощником капитана. У меня с избытком хватало времени и денег, чтобы исследовать этот мир, разгадать его загадки и наконец создать замечательный план...

Уошен открыла глаза и попыталась сфокусировать взгляд.

— Я прожил на Мозге вдвое дольше, чем вы, мадам.

Диу стоял посредине наблюдательной платформы, за его спиной виднелись остатки моста.

— Я знаком с его циклами, — сказал он. — И с его многочисленными опасностями.

Миоцен стояла рядом с Уошен, лицо ее было напряженным и усталым, но широко раскрытые глаза ничего не упускали.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила она, взглянув вниз.

— Ужасно. — Уошен села, слегка поморщилась, затем спросила: — Давно мы здесь?

— Несколько минут, — ответил Диу. — Моя союзница, фальшивый Капитан, принесла сюда вас обеих. Но сейчас она пошла дальше, проверять мой корабль...

— Какой корабль?

— Именно это я как раз собирался объяснить. — Улыбка его стала шире, и он сказал: — За тысячелетия я научился создавать запасы оборудования в камерах из гиперволокна. Камеры плавали в расплавленном железе. В случае нужды я даже мог жить внутри их. Например, если бы я захотел заставить людей поверить в мою смерть.

— То есть Непокорных, — заметила Миоцен.

— Естественно.

Старший Помощник Капитана делала вид, что смотрит на врага. Но она смотрела мимо него напряженным, непроницаемым взглядом своих темных глаз, но в них чуть теплилась слабая надежда.

— Что тебе нужно? — спросила Миоцен.

— Догадайтесь сами, — предложил он им.

Уошен глубоко вдохнула и попыталась подняться. Миоцен схватила ее за руки, и они встали рядом, словно неуклюжие танцовщицы, стараясь сохранить равновесие.

— Корабль, — выдавила Уошен.

Диу не ответил.

— Весь звездолет, и ты хочешь захватить его. — Уошен несколько раз перевела дух, проверяя, как двигается шея, прежде чем высвободиться из рук Миоцен. — Этот твой заговор — это тщательно разработанный проект переворота. Вот и все, так?

— Непокорные — это армия, — сказала Миоцен. — Армия религиозных фанатиков, готовых на священную войну. Мой сын — номинальный лидер. Но кто снабжает его видениями? Это с самого начала был ты, верно?

Ответа не последовало.

Уошен нашла в себе силы подобраться ближе к перилам и, взглянув вниз, увидела лишь плотные тучи железной пыли, поднятые в воздух последним землетрясением.

Миоцен резко вдохнула, затем выдохнула.

К ним направлялась фальшивая Капитан, она даже издалека казалась гигантом. Теперь, когда они знали, что это робот, она показалась им похожей на робота. Она шла ровными шагами, но при этом дико размахивала поднятыми над головой толстыми руками.

— А как насчет Строителей? — выпалила Миоцен.

Диу оглянулся было через плечо, но передумал:

— Что ты хочешь знать?

— Они действительно воевали с Врагами?

Диу наслаждался их напряжением и, прежде чем ответить, ухмыльнулся:

— Откуда, черт подери, мне знать?

— Артефакты... — начала Миоцен.

— Им шесть тысяч лет, — похвастался он. — Их сделал один пассажир-инопланетянин, который думал, что я занят в индустрии развлечений.

— Зачем ты распустил слух, что умер? — спросила Миоцен.

— Потому что это давало мне свободу. — В его улыбке было что-то мальчишеское. — Оставаясь мертвым, я могу многое видеть. Оставаясь мертвым, я могу притворяться кем угодно. Я хожу, где хочу. Я делаю детей тысячам разных женщин, включая тех, кто живет среди помощников Капитана.

Наступила тишина.

Затем они на какое-то мгновение услышали звук работающей машины — глухой ровный стук разнесся среди спален, затем замер вдали.

— Мы говорили с Капитаном! — крикнула Уошен.

Миоцен поняла намек и добавила:

— Она знает. Мы рассказали ей всё...

— Нет, вы почти ничего не рассказали ей! — фыркнул Диу.

— Ты уверен?

— Абсолютно.

— Но она ищет нас, — возразила Уошен.

— Она ищет вас уже пять тысяч лет, — напомнил он им. — И даже если на этот раз она выпохает этот туннель, мне все равно. Потому что, возвращаясь сюда, наверх, я заминировал его. Килограммовые заряды антиматерии терпеливо ждут, чтобы покончить со всем этим. Сооружение нового туннеля займет тысячи лет, а возможно, и дольше. Это даст мне и моим друзьям кучу времени на подготовку.

— А если нас никто не откопает? — спросила Уошен.

Диу, пожав плечами, усмехнулся:

— Как там говорится? «Лучше быть первым в деревне, чем вторым в городе»?[1]

[1] Изречение Юлия Цезаря.

Он смолк, услышав вдалеке чей-то голос.

Голос Капитана.

В его правой руке возник лазер, и он обернулся, хлопая глазами при виде своего робота, яростно размахивающего руками.

— Еще один кар, — шепотом произнес голос Капитана. — В ячейке рядом с твоим...

— Какой еще кар? — пробормотал Диу, обращаясь к себе самому.

— Мне кажется, я знаю, — ответила Миоцен, рыща глазами по сторонам. — Я построила два судна, идентичных друг другу во всем. В том числе и в том, что ты не знал об их существовании.

Диу, казалось, не слышал ее.

Миоцен шагнула к нему, добавив:

— Это очевидно, не правда ли? Здесь есть кто-то еще. Или, если они смогли тесно прижаться друг к другу, их двое.

— Ну и что? — возразил Диу. — Подумаешь, еще двое помощников...

— Есть одно «но», — прервала его Миоцен. — Я не приглашала сюда никого из помощников.

Диу не спросил, кому было послано приглашение.

Уошен вспомнила, как Миоцен стояла на этой самой платформе, наблюдая за Мозгом. Наблюдая за Тиллом, поняла она. Сколько времени понадобится ему, чтобы добраться до моста? Вопрос состоял только в этом. Она не сомневалась, что, имея цель, Непокорные сделают в царстве помощников все, что угодно.

— Я надеялась, — призналась Миоцен, — я надеялась, что мой сын окажется любопытным, что он последует за мной на корабль, чтобы осмотреть его самому.

Раздался знакомый резкий звук.

Фальшивая Капитан остановилась, не успев опустить ногу, затем начала съеживаться. Среди дыма показался тонкий луч света, указывая, где находится лазер.

Диу бросился бежать.

За ним последовала Миоцен, Уошен побежала за ней.

Рядом с платформой, в пределах слышимости, стоял беспилотник. Под его керамическим корпусом скорчилась одинокая фигурка в набедренной повязке, с грубой лазер-

ной пушкой на плече, явно намеревающаяся превратить машину в облако газа и пыли.

Диу заметил его, остановился и прицелился.

В Локе.

Возможно, он заколебался, поняв, что перед ним его сын. Или, что более вероятно, он просто спрашивал себя, где Тилл. Во всяком случае, он не выстрелил. Вместо этого Диу начал оборачиваться, оглядывая окрестности, словно видя их в первый раз...

Раздался резкий, сильный треск.

Огромный кусок свинца сбил Диу с ног, пронзил ему грудь и вышел со спины.

С мягкой грацией атлета Тилл выбрался из сплетения труб и балок под платформой. Казалось, он не торопился, не испытывал никаких эмоций. Проходя мимо Уошен, он даже не взглянул на нее. Он напоминал бездушную машину до того момента, когда Миоцен попыталась преградить ему путь, произнеся слабым, печальным голосом:

— Сын.

Он отшвырнул ее прочь и устремился к Диу. Закричал во всю силу своих легких:

— Все это было ложью!..

Диу поднял руку и сунул ее в залитый кровью карман.

Через несколько секунд базовый лагерь яростно затрясся. Дюжины мин сдетонировали одновременно. Но гигантский корабль поглотил удары, затем взрывная волна вернулась, и весь туннель, от начала до конца, закрылся, и последний толчок свалил всех с ног.

Диу схватился за лазер.

Ухитрился сесть.

Уошен собралась с силами и поднялась на ноги, но было поздно. Она могла лишь смотреть, как Миоцен прыгнула, схватила Тилла за голову и почти прикрыла его, но убийственный луч угодил ей в висок, и через долю секунды мозг ее вскипел.

Тилл перекатился, пользуясь телом как щитом, разряжая оружие, пока заряды не кончились. Затем луч света ударил его в плечо, отрезал ему правую руку и часть грудной клетки, выжигая чудовищную рану.

С помощью своей пушки Локе быстро изрезал отца на куски, затем превратил его в пепел.

Миоцен лежала мертвая у ног Уошен, рядом с ней застыл Тилл, не замечая ничего вокруг. Лицо его было пустым, казалось, он получил смертельную рану, но раненню подверглось не тело.

— Это было ложью, — беззвучно повторял он. — Всё. Чудовищной ложью.

Локе подошел к нему, а не к Уошен и спросил:

— Что чудовищно, ваше превосходительство?

Тилл пристально взглянул на него и осторожно ответил:

— Ничего. — И после длинной паузы добавил: — Нам нужно возвращаться домой. Немедленно.

— Разумеется. Будет исполнено, ваше превосходительство.

— Но сначала, — продолжал Тилл, — корабль необходимо защитить от врагов!

Локе точно знал, что от него требуется.

— Я не понимаю зачем...

— Корабль в опасности! — выкрикнул пророк. — Я так сказал, значит, так оно и есть. А теперь докажи свою преданность, Непокорный!

Локе обернулся, взглянул на мать с усталым, затравленным выражением.

Уошен резко, изо всех сил ударила его в челюсть.

Она преодолела почти сотню метров, прежде чем лазерная пушка ужалила ее в ногу, заставив хромать. Но она заставила себя продолжать бег и скользнула под машину, получив всего две раны в спину.

Локе словно старался промахнуться.

Через несколько часов, наблюдая за ними из спальни, Уошен увидела, как ее сын вытащил во двор четырех впавших в кому бабуинов, свалил их в кучу и направил на них лазер. Затем он показал пепел Тиллу, который остался доволен, и, не оглядываясь, они медленно побрели к мосту.

Уошен пряталась несколько дней, питаясь пищей и водой из старых запасов.

Когда она наконец подползла к мосту, то обнаружила замысловатый аппарат Диу разломанным на кусочки, а аппарат Миоцен — приваренным к причалу. Но она испугалась, ощутила боль и печаль при виде Мозга. Новый мост помощников был повален. Яростные пожары и взрывы бушевали на видимой части планеты. Неистовый, безумный

гнев уничтожал все, стирая все следы ненавистных помощников Капитана и атакуя любого, кто мог представлять хотя бы малейшую угрозу для неудавшегося пророка.

В этот ужасный момент Уошен поняла, что ей следует делать. И, не тратя ни минуты, она приступила к приготовлениям.

Год миссии не имеет значения

В центре корабля наступила непроглядная ночь.

В темноте по памяти двигалась какая-то фигура, пробираясь сквозь путаницу труб и мусор. Через несколько мгновений энергия, высосанная из сотен каров, потечет в огромный реактор, и спустя долю секунды темнота исчезнет. Если ее простейшие расчеты верны и одинокие приготовления, длившиеся более ста лет, окажутся успешными, то прощение и возрождение хлынут со стен камеры, окружая и обнимая этот мир.

Но это было только начало.

Надев герметичный костюм и таща за собой два объемистых свертка, она перелезла через перила и прыгнула, приготовившись к удару.

Бум.

Пузырь был толстым, но она начала сверлить дыру несколько десятков лет назад. Рядом аккуратной кучкой лежали орудия. Минимум движений — и дыра открылась, и внезапно ветер ударил ей в лицо, пытаясь унести ее с собой. Снаружи не было ничего — только холодная стратосфера Мозга.

Силовые поля исчезли, по крайней мере на секунды.

Нельзя терять времени. Она повиновалась ветру, позволив ему нести себя через дыру и вниз, летя по дикой трясущейся спирали.

Небо над нею взрывается светом.

Огонь и раскаленное железо кричат: «Строитель идет. Она идет, чтобы избавить вас от страданий!»

Строитель хватает веревки своего парашюта и начинает кричать.

Не от страха. Вовсе нет.

Это оглушительный, удивленный крик девочки, которая позабыла, как это замечательно — падать.

ДЖОАН СЛОНЧЕВСКИ

Микроб

Джоан Слончевски (р. в 1956 г.) преподает биологию в колледже в Огайо, занимается исследованиями благодаря грантам Национального научного фонда США и параллельно пишет твердую научную фантастику. Слончевски прославил ее второй по счету роман, «Дверь в океан» («A Door into Ocean», 1987), открывший серию «Элизиум» («Elysium»), в которую также входят «Дочери Элизиума» («The Daughters of Elysium», 1993), «Детская звезда» («The Children Star», 1998) и «Мозговая чума» («Brain Plague», 2000), причем в двух последних фигурируют разумные бактерии. Сама писательница в интервью объясняет выбор темы так: «Конечно, кому-то это покажется странным, но я ведь всю жизнь занимаюсь микробиологией и поэтому некоторым образом могу взглянуть на мир с точки зрения бактерии». Все произведения Слончевски проникнуты духом феминизма и квакерскими идеалами. Кроме того, писательница проявляет заметный интерес к философии и физиологии мозга и их взаимосвязи. Внимание к научным деталям является характерной особенностью ее творчества.

Рассказ «Микроб», впервые опубликованный в «Analog», относится к той же вселенной Элизиума, что и романы Слончевски. В его основу положена история о том, как реально существующая бактерия завоевывает весь мир.

Крыса не умерла.

Эндра обогнула голографическую сцену. Перед ней, проецируемое сверху вниз из геодезического купола, сияло изображение планеты: Йота Павлина III, первый новый мир, разрешенный к заселению за четыре века. Пока Эндра шла, из-под облачной пелены проглянул завиток загадочного континента. Женщина остановилась и облокотилась на панель, всматриваясь. Интересно, каким именем Федерация Вольного Кольца окрестит ЙП-III, этот прекрасный и страшный мир.

— Как и в прошлый раз. — На плече женщины восседал глазок-спикер, принадлежащий Аэростату, разумному кораблю-челноку, который совсем скоро перенесет Эндру с исследовательской станции на землю нового мира.

Рациональная схема: челнок доставит ксенобиолога через пространство к месту «полевых работ», а она захватит с собой на поверхность планеты его глаз, который все время будет с ней, точно так же как и внутри станции.

Крыса погибала там внизу только первые восемь раз.

— Пока мы не подобрали ей подходящую «кожу».

«Кожа» представляла собой скафандр из нанопласта, содержащий миллиарды микроскопических компьютеров, предназначенных для отфильтровывания местных токсинов — мышьяка, лантанидов[1], причудливых псевдоалкалоидов. Все это встречалось в местной флоре и фауне; если бы человек вдохнул их, через пару часов его бы постигла неминуемая смерть. В прежние времена планеты переделывались для жизни людей, как, например, родина Эндры, Валедон. Сегодня же это называется разрушением природной среды, экоцидом. Вместо того чтобы изменять чужой мир, миллионы людей обретут форму, необходимую для существования на планете ЙП-III, для земледелия и строительства в местных условиях, и создадут новую расу.

— «Кожа» годится для крысы, — заметил глазок Аэростата. — Но ты не совсем крыса.

По ту сторону голограммы бесформенное пятно нанопласта выбросило псевдоподию.

— Не совсем крыса, — повторил голос из нанопласта. Это был голос Шкуры, скафандра-покрова, который защитит Эндру на чужой планете. — Не совсем крыса, но отличия минимальны. Ваша клеточная физиология практически такая же, как у крыс; вам даже можно делать пересадку органов. Разница только в нескольких эволюционных генах.

Эндра улыбнулась:

— Слава Духу за эти несколько генов. Иначе жизнь была бы куда менее интересной.

Псевдоподия Шкуры закачалась.

— Крыса жива, значит, и ты будешь. Но наши нанопривоны и следящие системы полностью вышли из строя.

В простейшие формы жизни ЙП-III для изучения их химической структуры были заброшены рои микроскопи-

---

[1] *Лантаниды* — редкоземельные элементы.

ческих сервомеханизмов, но отчего-то, едва начав отсылать на станцию информацию, они сломались.

— И всем плевать.

— Ничего не плевать, — быстро откликнулась Эндра.

Шкура никому не позволял ставить человеческую жизнь выше жизни разумных машин.

— Мы же прервали анализы до тех пор, пока не сможем доставить на станцию образцы. Потому-то посылают меня.

— *Нас*, — поправил скафандр.

— Ладно, хватит, — вмешался Аэростат. — Почему бы нам в последний раз не проверить данные?

— Отлично, — громыхнул третий голос из шестиугольной панели купола прямо над головой.

Это была Квант — исследовательская станция собственной персоной.

Квант считалась созданием женского пола, остальные — мужского; Эндра понятия не имела почему, хотя ученые посмеялись бы над любым затрудняющимся сказать, в чем тут разница.

— Во время последней пробы почвы выделены некие микробные клетки, — сообщила Квант.

Изображение планеты рассеялось, и на его месте появились сильно увеличенные модели микробов. Клетки были округлые и слегка сплющенные, вроде красных кровяных телец. Но при внимательном рассмотрении всякий увидел бы, что каждая плоская клетка на самом деле пробуравлена насквозь на манер бублика.

— На других планетах никогда не наблюдалась тороидальная форма клетки, — заметила Квант. — В прочих отношениях структура проста. Хромосомы не окружены оболочками, значит, эти клетки, как бактерии, *прокариоты*[1].

— Хромосома тоже может быть круглой, как у бактерий, — сказал Аэростат.

— Кто знает? — отозвался Шкура. — На Урулане все хромосомы были разветвленными. Куча времени ушла на то, чтобы приспособить генетику к тамошней.

— Нам пока ничего не известно, — заметила Квант. — Мы знаем только, что эти клетки содержат ДНК.

---

[1] *Прокариоты* — доядерные организмы, не обладающие типичным клеточным ядром и хромосомным аппаратом.

— С обычной двойной спиралью? — поинтересовался Аэростат.

Двойная спираль, лестница нуклеотидных пар ДНК, всегда аденина с тимином или гуанина с цитозином, четырех различных «букв» ДНК-кода. Когда клетка делится на две, спираль «расстегивается», а затем образуются добавочные нити для каждой дочерней клетки.

— Наносистемы отказали, прежде чем смогли сообщить что-то определенное. Но в спирали наличествуют все четыре нуклеотида.

Эндра смотрела, как гигантские микробы на картинке растут, как их кольцеобразные тельца толстеют, точно поднимается сдобное тесто.

— Держу пари, их хромосомы располагаются точнехонько вокруг дырки.

На плече женщины рассмеялся глазок-спикер Аэростата:

— Это был бы ловкий трюк.

— Мы распознали в белках ДНК пятнадцать аминокислот, включая шесть обычных, — добавила Квант. В структуре всех живых существ имеется в совокупности шесть аминокислот, сформированных еще во времена зарождения планет. — Но три из числа прочих токсичны...

— Смотрите! — воскликнула Эндра. — Клетка начинает делиться.

Один из раздувшихся торов сморщился по всему периметру, морщины принялись углубляться, образуя борозду вдоль окружности клетки. По внутренней стороне «дыры» поползла вторая колея, несомненно навстречу той, что тянулась по внешнему ободу.

— Так вот как делятся эти клетки! — заметил Аэростат. — Не расщепляются поперек, а расслаиваются вдоль.

— Чтобы бублик лучше поджарился.

Псевдоподия Шкуры сделала грубый жест:

— Стягивание дырки не имеет смысла, если хромосомы ее окружают; тогда половина потерялась бы.

Эндра прищурилась и подалась вперед:

— Я бы сказала... у этой клетки три разделительные борозды.

— Дочерние клетки снова делятся? — предположил Аэростат.

— Нет, третий желобок принадлежит тому же поколению. Все три борозды встречаются посредине.

— Правильно! — громыхнула Квант. — Эти клетки делятся натрое, а не надвое, — объяснила она. — Три дочерних клетки в каждом поколении.

И действительно, появились именно три дочерние клетки, которые, разделившись, потолстели и наполнились. К этому времени сморщились и другие клетки, все они пребывали на разных стадиях деления и все рождали тройняшек.

— Как же они делят свои хромосомы, чтобы создать тройню? — удивилась Эндра. — Они должны дважды скопировать каждую ДНК, прежде чем разделиться. Странная эволюция, к чему бы это?

— ДНК — пустяки, — заметил Шкура. — О чем стоит беспокоиться, так это о ядовитых аминокислотах.

— Только не тогда, когда меня защищаешь ты. Крыса выжила.

— Мы обсудили все важные пункты, — сказала Квант. — И подтверждаем, основываясь на всей доступной информации, что вероятность выживания Эндры близка к ста процентам.

— Остается еще фактор неопределенности, — предостерег Аэростат.

Эндра отступила и развела руками:

— Конечно, нам нужно больше данных — вот почему мы спускаемся.

— Правильно, — заявил Аэростат. — Поехали.

— Я готов. — Ложноножка Шкуры исчезла, и нанопласт сформировал идеальное полушарие.

Эндра отцепила от плеча глазок Аэростата, снова обошла голографическую площадку, подняла полусферу Шкуры и водрузила ее себе на голову. Нанопласт, тая, медленно потек по черным кудрям женщины, оставляя на волосах, темной коже и черных глазах тонкую прозрачную нанопроцессорную пленку. Над носом и ртом сформировались специальные респираторы. Нанопласт будет фильтровать воздух, касающийся кожи, не подпуская к человеку планетарную пыль, но давая доступ кислороду. Пленка ожерельем розовых андрадитов[1] обвилась вокруг шеи Эндры и по-

[1] *Андрадит* — минерал группы гранатов.

ползла вниз, по рубашке и брюкам. Женщина поочередно приподняла каждую ногу, давая нанопласту полностью окутать себя. Теперь она обезопасилась от любой химической угрозы, с которой может столкнуться.

Видная из иллюминатора Аэростата поверхность ЙП-III разрасталась, поднимаясь навстречу им. Бесчисленные проверки показали, что физические параметры планеты пригодны для жизни: гравитация в пределах нормы, температуры не слишком экстремальные, кислорода достаточно, уровень углекислого газа низок, вода наличествует в изобилии. Озоновый слой мог бы быть и потолще, но людиколонисты получат глаза и кожу с дополнительными ферментами, предотвращающими повреждение сетчатки и хромосом.

На расстоянии планета не слишком отличалась от родных мест Эндры. Сверкающий простор океана встречался с пятнистым коричневым берегом, медленно поворачивающимся под брюхом корабля. Дальше, в верхних широтах, плыл голубовато-бурый континент, кое-где прорезаемый горными хребтами.

По мере того как Аэростат приближался к земле, на поверхности проявлялись любопытные узоры. Параллельно бежали длинные темные полосы, плавно изгибаясь, точно нити, на которых висит картина. Линии эти были лентами голубой растительности; исследовательский зонд сделал четкую видеозапись больших изогнутых образований высотой с деревья. Голубизна сменялась желтым, а затем снова бежала синяя полоса. Рисунок повторялся снова и снова, исчезая только в горах.

— Я никогда не видела таких узоров в неколонизированных мирах, — пробормотала Эндра.

— Это похоже на грядки, — согласился Аэростат. — Возможно, нам навстречу выбегут с приветствиями местные фермеры.

Впрочем, если на планете и существовали разумные формы жизни, они еще не изобрели радио. Год прослушивания эфира на всех мыслимых частотах не выявил абсолютно ничего.

Аэростат мягко приземлился на густо заросшее поле. Стена кабины откатилась, и наружу выдвинулся арочный

проход из нанопласта. В челнок упал ослепительный луч света.

— Все системы в норме, — протрещал прямо в ухо женщине голос Кванг из радиоприемника. — Вперед!

Эндра собрала полевое оборудование и снова пристроила на плечо глазок-спикер. Затем она шагнула на планету.

Поле представляло собой настоящий океан буйных золотистых завитков, словно кто-то горстями раскидал здесь обручальные кольца. Взгляд астронавта проследовал вдоль золотого луга к краю поля, туда, где поднимались из земли слегка наклонившиеся стволы потемней и повыше. Оттуда неслся пронзительный звук, — возможно, в зарослях пело какое-то живое существо или это ветер так шелестел листвой.

— Это восхитительно! — воскликнула наконец женщина.

Под золотистыми локонами росла сине-бурая трава, дотягивающаяся Эндре до пояса. Женщина нагнулась, всматриваясь:

— Похоже, это растения, психоиды[1]. А завитки, должно быть, цветы.

— Они с тем же успехом могут быть и змеями, готовыми цапнуть, — предупредил Аэростат. — Будь осторожна.

Женщина оглянулась на челнок, стоящий посреди поля, как четвероногое насекомое. Когда она оторвала ногу от земли, нанопластовая «кожа» Шкуры легко согнулась, и ступня тотчас же освободилась от цепких стеблей. Эндра попыталась сорвать один росток, но тот оказался на удивление прочен, так что пришлось срезать его ножом.

— И листья, и стебли перекручены, — заметила она, с любопытством разглядывая добычу. — Совсем как их «цветы»; никогда не встречала таких экземпляров.

— Они психоиды, — отозвался скафандр. — Я регистрирую продукты фотосинтеза.

— Эти растения могут быть плотоядными, — настаивал Аэростат.

---

[1] *Психоид* — гипотетическое теоретическое понятие; термин предложен Блейлером для обозначения целостных биологических процессов у растений и животных, направленных на сохранение жизни; по мнению автора, такие процессы подобны психической деятельности человека, но не идентичны ей.

Эндра срезала еще несколько растений и убрала их в рюкзак.

— Жаль, что их нельзя понюхать, — произнесла она с грустью.

«Кожа» Шкуры отфильтровывала все летучие органические соединения. Женщина прицелилась лазером, намереваясь добыть какой-нибудь росток с корнями. Психоид подался, но ближайшие стебли задымились.

— Осторожней! — взвизгнул глазок-спикер.

Эндра поморщилась:

— Я из-за тебя оглохну. Но образец заполучу все равно. — Она затоптала искры и обрызгала загоревшееся место водой из фляги. — Эта планета огнеопасна.

Корни психоида, отметила она, представляли собой длинные скрученные петли, тесно прижатые друг к другу, но тем не менее петли. Все здешние живые структуры казались сплющенными и растянутыми бубликами.

— Великий Дух, мы не одни! — воскликнул Аэростат.

Эндра подняла взгляд — и заморгала. По полю медленно катился косяк желто-бурых покрышек. Чтобы взглянуть поближе, пришлось продираться сквозь психоиды, задерживаясь чуть ли не на каждом шагу и освобождая ноги от петель растительности. Женщина прошла всего метров десять и остановилась, переводя дыхание.

— Нет нужды подбираться слишком близко, — напомнил Аэростат.

Глаза женщины были снабжены телеобъективом.

— Да, но я могу подобрать что-нибудь — волосок, например, или чешуйки.

Некоторые катящиеся «покрышки» направлялись прямо к ней. На «протекторе» каждой виднелось по нескольку круглых, клюквенного цвета пятен. Обод состоял из присосок, вытягивающихся, чтобы толкать «шину» назад или вперед.

— А они, наверное, нечто вроде животных, зооидов, — предположила Эндра. — Интересно, эти красные штуки могут быть глазами?

Она пересчитала пятна — два, три, четыре, и снова появилось первое. Если это и впрямь глаза, они должны быть очень упругими, чтобы не расплющиваться и не раздавливаться, оказываясь внизу.

— Если эти существа зооиды, — поинтересовался Шкура, — как же они питаются?

— Они всасывают психоиды, — предположил Аэростат.

Эндра снова остановилась, вытягивая из зарослей ногу.

— Они отлично знают, как путешествовать, — заметила она с гримасой. — Неудивительно, что у них так и не развились ноги.

Один из четырехглазых зооидов, словно войдя в азарт, летел с огромной скоростью; внезапно он развернулся и так же быстро помчался назад. Этим зооидам, видимо, неизвестно, что такое «задом наперед».

И снова радировала Квант:

— Эндра, как ты там, держишься? Дышится ровно?

Женщина втянула в себя очищенный Шкурой воздух:

— Вроде бы.

Большинство крыс погибло от местной токсичной пыли. Женщина возобновила попытку продраться сквозь психоиды, внимательно разглядывая землю в поисках чего-нибудь упавшего. Внезапно над головой раздался страшный, урчащий звук. В вышине промелькнула стайка каких-то крошечных созданий, летящих слишком быстро, чтобы их можно было рассмотреть.

— Их крылья совершают полный круг, как пропеллеры! — изумленно воскликнул Аэростат. — И все эти существа, так или иначе, состоят из колес.

— Тес! — шикнула Эндра. — Зооид рядом.

«Покрышка» медленно катилась по психоидам, подминая под себя золотистые завитки.

Эндра присмотрелась:

— Внутри, как раз в дырке бублика, находится меньшее кольцевое образование. Спорю, это зооид детеныш.

Прицепившийся к внутренней поверхности «шины» малыш кувыркался вместе с передвигающимся родителем. Взрослая особь, казалось, совершенно не замечала Эндру: ни ее форма, ни запах не напоминали зооидам местных хищников, догадалась женщина.

Радио затрещало снова.

— Мы должны попытаться вступить в контакт, — напомнила Квант.

Любой зооид мог оказаться разумным существом.

Эндра вытащила коммуникатор, коробочку, воспроизводящую вспышки и звуки в соответствии с различными математическими моделями, цепочки простых чисел, значения числа π и прочих констант. Коммуникатор даже выделял клубы летучих химикалий, предупреждающих любое хемочувствительное[1] существо с хотя бы намеком на разумность. Не то чтобы Эндра ожидала многого; за год исследований их пробы что-то обязательно дали бы.

А потом она увидела: к ней приближался гигантский зооид, раз в пять превосходящий размерами прочих, а весивший, должно быть, на пару порядков больше. Он катился, набирая скорость, и меньшие пятнистые колеса разбегались от него сумасшедшими зигзагами. Земля под ногами Эндры затряслась.

— Возвращайся в мою кабину! — крикнул Аэростат. — Убираемся отсюда, все!

— Погоди, — одернул его Шкура. — А если оно нас услышало? И теперь хочет поговорить?

— Не думаю. — Эндра осторожно попятилась. — Его скорее привлекли не мы, а маленькие зооиды.

Под крупным зооидом уже оказался один мелкий, затем еще один. Казалось, стратегия гиганта состоит в том, чтобы задавить как можно больше крошек. Наконец он замедлил ход, развернулся и остановился над одной из сплющенных оболочек.

— Оно вытягивает присоски, чтобы поесть, — заметил Аэростат. — Давайте уходить, пока оно снова не проголодалось.

— Думаю, это случится нескоро, — сказала Эндра. — У него в запасе еще несколько жертв.

Уцелевшие зооиды вроде бы успокоились, зная, что хищник удовлетворен и пока не станет нападать. Определенно стадная психика, никаких признаков высшего интеллекта.

Эндра вернулась к сбору образцов психоидов и почвы, фиксируя места расположения каждого экземпляра. Глубже в поле среди психоидов что-то трепыхалось. Женщина пробралась туда сквозь перекрученные заросли.

---

[1] *Хемочувствительность* — способность реагировать на химический состав.

— Это детеныш-зооид!

Бедный маленький бублик, должно быть, выпал, когда его родитель спасался бегством. Или старший просто выбросил кроху, как иногда делает самка кенгуру. В любом случае он тут без толку корчит и вытягивает свои слабенькие присоски, лишь еще больше запутываясь в траве.

— Осторожней, оно может укусить,— предостерег Аэростат.

— Ерунда. Я его возьму.

Эндра натянула перчатки и с опаской приблизилась. В одной руке она держала открытую сумку для образцов, другой женщина схватила маленького зооида. Он вяло повис, слегка дергаясь.

И вдруг зооид что-то выпрыснул. Оранжевые капли упали на растения, забрызгав и ногу женщины. Эндра нахмурилась. Она сунула существо в сумку, и та плотно закрылась.

— Извини, Шкура, мне очень жаль.

— Кого стоило бы пожалеть, так это тебя, – отозвался Шкура.— Эта штука — едкое вещество, посильней щелочи. Мне-то ничего, а твоей коже такое бы не понравилось.

— Спасибо. Наверное, нам все-таки пора возвращаться. С меня уже довольно приключений.

Она повернулась к Аэростату, стоящему в нескольких сотнях метров дальше по полю, вонзив в заросли психоидов паучьи посадочные ножки. Женщина методично начала пробираться назад, тратя гораздо больше усилий, чем раньше, ведь теперь ей приходилось нести добавочный груз. Она обильно потела, но заботливый Шкура сохранял ее кожу прохладной и свежей. В ушах отдавалось пение далекого леса высоких голубых психоидов. Нужно назвать эту планету Поющей.

— Эндра... что-то не так,— внезапно произнес Шкура.

— Что?

Продираться сквозь растительность становилось все труднее, ноги устали и еле сгибались.

— Что-то из того, что выплеснул детеныш-зооид, блокирует мои нанопроцессоры. Не химикалии; я могу отсеять все что угодно. Но это... я не уверен.

— Так что же это может быть?

— Просто возвращайся в мою кабину,— позвал Аэростат.— Мы тебя отмоем.

— Я стараюсь, — ответила Эндра, отдуваясь. — Ноги совсем одеревенели.

Вселяющий надежду корабль стоял всего в десятке метров от нее. Осталось совсем чуть-чуть.

— Это не твои ноги, — сообщил уныло-монотонный голос Шкуры. — Это мой нанопласт. Я теряю контроль над нижней частью, на которую упали брызги. Я больше не могу сгибаться вместе с твоими суставами.

Женщина похолодела, потом ее бросило в жар.

— А воздушный фильтр?

— Пока все в порядке. Повреждение еще не добралось до твоего лица.

— Возвращайся же, — опять поторопил Аэростат. — Ты почти дошла.

На поверхности челнока услужливо возникла дверь — словно слой нанопласта растаял, образовав открытый проем.

— Я пытаюсь, но ноги не гнутся. — Она дернулась изо всех сил.

— Брось рюкзак, — посоветовал Аэростат.

— Я не имею права потерять образцы. Как еще мы узнаем, что здесь происходит?

Женщина упала на живот и попробовала ползти вперед.

— Это микробы, — объявил Шкура. — Какой-то вид микробов — они образуют перекрестные связи с моими процессорами.

— Что? Как? Чтобы микробы заражали нанопласт — я о таком в жизни не слыхивала.

— А раньше они испортили исследовательские зонды.

— Квант? — позвала Эндра. — А ты как считаешь?

— Возможно, — откликнулся радио-голос. — Нанопроцессоры хранят информацию в органических полимерах, а те вполне годятся в пищу всеядным микробам. Всегда что-то случается в первый раз.

— Микробы жрут нанопласт! — вскричал Аэростат. — А как насчет других разумных? Эти микробы заразны?

— Тебе придется поместить нас в изолятор, — сказала Эндра.

— Эндра, — уведомил Шкура, — перекрестные связи начинают разрушать всю мою систему. — Голос его стал слабее и тише. — Не знаю, долго ли еще я сумею продержать фильтры открытыми.

Эндра в отчаянии взглянула на вход в челнок, такой близкий и в то же время такой далекий.

— Квант, сколько я смогу дышать нефильтрованным воздухом?

— Трудно сказать. Где-то около часа, потом мы очистим твои легкие.

Женщина попыталась вспомнить, долго ли прожила первая крыса. Полдня?

— Я сворачиваюсь, — предупредил Шкура. — Прости, Эндра...

— Шкура, в состоянии покоя ты продержишься дольше! — крикнул Аэростат. — Мы тебя спасем — обязательно найдется антибиотик, который сработает. У них есть ДНК — так бросим на них все ДНК-аналоги, что имеем.

Нанопластовая кожа вокруг рта Эндры разошлась и поползла с головы и шеи. Инопланетный воздух проник в ее легкие, запах чужого мира наполнил ноздри — запах имбиря и других вещей, не имеющих названия, столь же прекрасных, как вид золотых завитков. Планета Имбирь, подумала женщина, пахнущая так же чудесно, как выглядит. Она — первый человек, вдохнувший этот аромат; но не станут ли эти сладкие глотки воздуха ее последними вдохами?

«Кожа» Шкуры сползла по ее рукам и затвердела на уровне талии, возле места, куда попали брызги. Эндра снова попыталась ползти, хватаясь за упругие петли психоидов и подтягиваясь. И вдруг ей в голову пришла одна мысль. Оттолкнувшись руками, она сгруппировалась и покатилась кувырком совсем как зооиды. Так получалось гораздо лучше, поскольку растительность оказалась удивительно эластичной, она легко сгибалась под телом, а потом опять распрямлялась как ни в чем не бывало. Возможно, местные зооиды не такие уж неразумные.

Аэростат уже выдвинул из дверей полотнища карантинного материала, чтобы изолировать женщину и защитить собственный нанопласт от смертоносной инфекции, охватившей Шкуру. Проем удлинился и втянул человека в кабину.

Когда вход закрылся, отрезав наконец предательскую планету, Эндра позволила себе вздох облегчения.

— Аэростат, ты должен спасти Шкуру. Ему можно чем-то помочь?

Два длинных усика уже проникли в изолятор, исследуя злополучный скафандр.

— Я испробую все антибиотики, какие есть у нас на борту, — ответил Аэростат на этот раз из спикера рубки. — Нуклеотидные аналоги, вероятно, блокируют синтез ДНК и рост микробов. Но это ненормально — лечить разумных от инфекции.

Эндра осторожно содрала с себя остатки нанопласта, попытавшись оставить в целости как можно больше, хотя она понятия не имела, подлежит ли тут хоть что-то восстановлению.

— Шкура, — прошептала женщина, — ты сделал для меня все, что мог.

К тому времени, как они вернулись на станцию, все еще не было ни единого признака того, что какой-то антибиотик обуздал микроб. Квант пребывала в замешательстве.

— Я попытаюсь еще, — сказала она, — но, честно говоря, если бы эти хромосомы обладали обычными ДНК, что-то уже подействовало бы.

— Возможно, ДНК микробов защищены белками.

— Деление этого не показало, помнишь? Двойная спираль расплетается и расходится, впуская новую нуклеотидную пару. Иного способа нет.

Эндра нахмурилась. Что-то упущено, что-то по-прежнему не так, что-то в росте микробов, рождающих по три дочерние клетки. Как у них получается «расстегивать» свою ДНК, дополнять комплементарные нити и получать в результате три спирали? Ей казалось, что она уже как-то поняла это, но сейчас ничего не складывалось. Женщина кашлянула, потом зашлась в настоящем приступе. Легкие начали реагировать на пыль — придется немедленно приступить к лечению.

— Мы получили некоторые данные из твоих образцов, — добавила Квант. — Клетки микробов концентрируют в себе кислоту, вместо того чтобы выделять ее, как делает большинство наших клеток. Я по-прежнему нахожу только пятнадцать аминокислот, но некоторые из них...

— Я поняла! — Эндра вскочила на ноги. — Неужели ты не видишь? У этих хромосом тройная спираль! Потому-то клетка и делится пятое — каждая дочерняя нить синтези-

руст две добавочные, вот тебе и три новые тройные спирали, по одной для каждой клетки.

Кашель снова скрутил ее.

— Возможно,— помедлив, согласилась Квант.— Есть много способов создать тройную спираль ДНК. Например, в генах-регуляторах человека тройка A-T-T чередуется с G-C-C[1].

— Потому что там не четырех-, а двухбуквенный код.

Двойная спираль имеет четыре возможные пары, поскольку A-T отличается от T-A; точно так же как G-C не то же самое, что C-G.

— В кислотах тройная спираль наиболее стабильна, что мы и обнаружили в местных клетках,— добавила Квант.

— Так поторопись и придумай какой-нибудь тройной аналог.

Мозг Квант обладал способностью справиться с такой задачей гораздо быстрее человеческого.

— Тройная спираль,— повторила Эндра.— Она должна отлично противостоять ультрафиолетовому излучению с учетом тонкого озонового слоя планеты. Но как расшифровать белки, у которых всего две «буквы»? — Тройная спираль имеет лишь две возможные комбинации; трехбуквенные «слова» определяют всего восемь аминокислот для строения белка. — Возможно, тут используются слова из четырех букв. По две тройки на каждую позицию — это два в четвертой, то есть шестнадцать аминокислот.

— Пятнадцать,— поправила Квант,— если одна — стоп-сигнал.

На следующий день, после полной медицинской обработки, Эндра чувствовала себя так, словно в ее легких поработал вакуумный пылесос. Шкуре до полного выздоровления было еще далеко, но по крайней мере от досадных микробов они избавились.

— Безнадежно,— посетовал глазок Аэростата.— Если даже разумные тут не в безопасности, нам никогда не удастся исследовать эту планету.

---

[1] Молекула ДНК состоит из двух полинуклеотидных цепей, закрученных одна вокруг другой в спираль. Цепи построены из большого числа мономеров нуклеотидов, специфичность которых определяется одним из четырех азотистых оснований: аденин, гуанин, цитозин, тимин (A, G, C, T).

— Не беспокойся, — громыхнул над голографической панелью голос Квант. — Нанопласт Шкуры обладает огромной органической вместимостью. Незначительная реконструкция устранит проблему. У машин есть свои преимущества.

«И все же Шкура едва не погиб», — подумала Эндра.

— У всех ваших образцов психоидов и зооидов тороидальное строение клеток, — продолжила Квант. — У них круглые хромосомы без нуклеомембран: они прокариоты. Просто подождем, пока об этом услышит Вольное Кольцо. — Квант помолчала и взволнованно добавила: — У меня есть отличное имя для этой планеты.

Эндра подняла взгляд:

— Планета Бубликов?

— Планета Прокарион.

Прокарион... Да. Звучит достаточно напыщенно, чтобы Кольцо согласилось.

И все же женщина с тревогой думала о ровных рядах психоидных садов, полей и лесов, населенных всевозможными видами существ, которые еще предстоит открыть.

— Интересно, — пробормотала она. — А ведь кто-то другой мог назвать ее первым.

КИМ СТЭНЛИ РОБИНСОН

Половой диморфизм

С самого начала своей писательской карьеры Ким Стэнли Робинсон (р. в 1952 г.) испытывал живой интерес к политике, что проявилось уже в Калифорнийской трилогии 1980-х годов — «Дикий берег» («The Wild Shore»), «Золотое побережье» («The Gold Coast»), «У кромки океана» («Pacific Edge»). В Марсианской трилогии 1990-х годов Робинсон напрямую вводит в текст политические рассуждения и одновременно усиливает научный аспект, активно изображая ученых в рабочей обстановке и (возможно, по примеру Артура Кларка) выстраивая масштабное описание инопланетных ландшафтов, на фоне которых разворачивается действие. Роман Робинсона «Годы риса и соли» («The Years of Rice and Salt», 2002) относится к жанру альтернативной истории и повествует о мире, в котором влияние европейской цивилизации завершилось уже в XIV веке. В этом произведении, весьма далеком от стандартов твердой научной фантастики, Робинсон продолжает традицию прямой политической ангажированности.

«Половой диморфизм» принадлежит к «марсианским» рассказам. В период работы над данным циклом Робинсон заявил в интервью журналу «Locus»: «Я всегда называл этот сборник „Марсианские сказания" и связывал со своими ранними произведениями об исследовании окаменелостей и с повестью 85-го года „Зелёный Марс" („Green Mars"). Марсианские сказания отражают мой собственный роман с этой планетой, а также отсылают к старым книгам о приключениях на Марсе. Я думаю написать еще несколько рассказов, похожих скорее на сказки или народные предания — сказания в буквальном смысле этого слова».

«Половой диморфизм» написан в духе народных преданий и столь же определенно принадлежит к традиции рассказов «Почти искусство» («A Kind of Artistry») Брайана Олдисса и «Роза для Экклезиаста» («A Rose for Ecclesiastes») Роджера Желязны, сколь и к классической научно-фантастической традиции произведений о жизни и изысканиях ученых.

Палеогеномика предоставляет богатейшие возможности для появления призраков. И дело не только в том, что исследования ультрамикроскопических окаменелостей полностью зависят от приборного обеспечения, но и

в трансформации со временем самого изучаемого материала, как ДНК, так и содержащей ее породы, в результате чего получаемые данные неизменно оказывались неполными, а зачастую и раздробленными. А потому нельзя было исключать возможность, что обнаруженные структуры не более чем призрак, вызванный из роршахерии[1] чисто минеральных образований силой твоей фантазии.

Доктор Эндрю Смит знал о распространенности подобных ошибок не хуже любого другого. Собственно говоря, в этом и состояла одна из центральных проблем его поля исследований — убедительно рассортировать следы ДНК в окаменелости, надежно отличить их от всевозможных псевдоокаменелостей. Псевдоокаменелости — от давнишних ложных наутилоидов до знаменитых марсианских псевдонанобактерий — щедро усеивали весь путь развития его науки. В палеогеномике ты ничего не добьешься, пока не сможешь показать: то, о чем ты говоришь, это и вправду то, о чем ты говоришь. Поэтому сперва доктор Смит отнесся к тому, чтó нашел в «мусорной» ДНК окаменелого дельфина, без излишнего ликования.

Да и отвлекающих факторов было много. Он жил на южном берегу Амазонского моря, являвшегося, по сути, заливом Мирового океана, к востоку от Элизиума, неподалеку от экватора. Летом, даже прохладным, как все в последнее время, вода в прибрежном мелководье становилась теплой, как парное молоко, и дельфины — адаптированные потомки земных речных дельфинов, таких как китайские байджи, бото с Амазонки, сусу из Ганга или бхуланы с Инда, — резвились у самого берега. Лучи утреннего солнца пронизывали воду, четко вырисовывая их мелькающие силуэты; иногда дельфины сбивались в стайки по восемь-десять особей, игравших в одной и той же волне.

Лаборатория морской биологии, в которой он работал, стояла прямо на набережной портового городка Эвменидес-Пойнт; она тесно сотрудничала с ахеронскими лабораториями, располагавшимися на том же побережье, но за-

[1] Швейцарский психиатр Герман Роршах (1884–1922) разработал психологический тест, при котором тестируемому предлагается набор бесформенных пятен и ему нужно рассказать, что он в них видит.

паднее. В Эвменидесе изучали по преимуществу динамику экологии моря, становившегося со временем все солонее и солонее. В настоящее время доктор Смит изучал адаптационные изменения китообразных, населявших земной океан в далеком прошлом, в периоды, когда он имел различные уровни солености. В лаборатории имелось некоторое количество окаменелых образцов, присланных для изучения с Земли, а также обширная литература по предмету, включавшая и полные геномы всех ныне живущих потомков этих существ. Доставка окаменелостей с Земли добавляла ко всем прочим проблемам, возникавшим при изучении древних ДНК, еще и возможные повреждения космической радиацией, однако подавляющее большинство исследователей игнорировали этот эффект как малый и несущественный — в противном случае никто бы и не стал возить образцы с Земли на Марс. Ну и конечно же, недавнее введение в эксплуатацию быстрых кораблей, использовавших энергию термоядерного синтеза, заметно уменьшило дозы облучения. За все про все Смит имел возможность исследовать солеустойчивость как древних, так и современных млекопитающих, проясняя текущую ситуацию на Марсе и включая свой голос в дискуссию о палеогалоциклах[1] этих двух планет — предмете, приобретавшем все большую важность для сравнительной палеонтологии и биоинженерии.

И в то же время эти исследования, проводившиеся на стыке двух классических дисциплин, оставались некой экзотикой, не вызывавшей у людей со стороны ни доверия, ни особого интереса. Их практическая полезность была далеко не очевидна, особенно в сравнении с прочими разработками лабораторного комплекса Эвменидес-Пойнт. День ото дня Смит все больше чувствовал себя лишним на лабораторских семинарах и неформальных сборищах, при совместных выездах на природу и на лодочных прогулках. Из всех коллег Смита один лишь Фрэнк Драмм, исследовавший размножение современных прибрежных дельфинов, выказывал серьезный интерес к его работе и ее возможным применениям. Хуже того, работа Смита совсем перестала интересовать его работодателя и руководителя Влада Танеева, который принадлежал к первой сотне, был одним из соучредителей ахе-

[1] *Галоциклы* — циклы изменения солености воды Мирового океана.

ронских лабораторий и считался вроде бы лучшим научным наставником, какого можно иметь на Марсе, но оказался на практике человеком слабого здоровья и почти недоступным для общения; так что фактически Смит работал без руководителя, а значит, и без всякой поддержки со стороны, а потому не мог рассчитывать на помощь технического персонала лаборатории. Горькое разочарование.

Ну и конечно же, Селена, его... его напарница, сожительница, любовница — для таких отношений есть много слов, но все они не совсем верные. Женщина, вместе с которой он учился на старших курсах и в аспирантуре, вместе с которой работал после защиты докторской, вместе с которой перебрался в Эвменидес-Нойнт, вместе с которой снял там маленькую квартирку неподалеку от пляжа, у самого кольца прибрежного трамвая, где, если взглянуть на восток, из-за горизонта вставала вершина горы, напоминавшая спинной плавник исполинского кита. Селена работала, и весьма успешно, в своей собственной области, генетически модифицировала солончаковые травы — задача, особенно важная здесь, где люди упорно старались укрепить тысячекилометровое побережье, сплошь состоявшее из низких барханов, зыбучих песков и болот. Серьезные достижения в науке и биоинженерии, важные результаты, имевшие прямой выход на практику. По работе — сплошные успехи, о чем свидетельствовали многочисленные предложения сотрудничества в важных проектах.

И не только по работе. Смит всегда считал Селену очень красивой, а в последнее время это стали понимать и другие мужчины. Ведь стоило лишь немного присмотреться, как за видавшим виды лабораторным халатиком и какой-то общей неухоженностью угадывалось гибкое, прекрасных форм тело и острый, бескомпромиссный ум. На работе Селена мало чем отличалась от прочей лабораторной публики, но в летнее время, во время коллективных вылазок на тускло-красный прогретый солнцем пляж, бредущая по мелководью Селена походила на Венеру, зачем-то надевшую купальник. Никто об этом сходстве не говорил, но подмечали его, конечно же, все.

Все было, в общем, прекрасно, за исключением одного обстоятельства: день ото дня Смит интересовал ее все меньше и меньше. И Смит опасался, что этот процесс принци-

пиально необратим или, говоря более точно, уже стал необратимым, раз его можно было заметить. Смит ничего об этом не говорил, а только смотрел робко и беспомощно, как богиня занимается земными хозяйственными делами, превращая каждое из них в подобие танца.

Селена почти перестала разговаривать, она почти на него не смотрела и все время о чем-то думала. Конец явно был недалек.

Все началось в Мангале, когда Смит и Селена учились в тамошнем университете; они встретились в плавательном клубе. Теперь, словно в надежде вернуть ушедшее, Смит с радостью принял предложение Фрэнка вступить в аналогичный клуб и начал регулярно плавать. Утром он сразу же спешил в большой, пятидесятиметровый, бассейн, устроенный на террасе с видом на океан и выматывал себя плаванием до такой степени, что весь остальной день словно плыл в потоке бета-эндорфинов, занимаясь работой почти механически и совсем позабыв о домашних проблемах. После работы он ехал на трамвае домой и торопливо, голод подгонял, готовил себе что-нибудь поесть. Съедал бо́льшую часть пищи еще во время готовки, злясь на Селену за неумение готовить и (если она была дома) на ее жизнерадостную болтовню о работе, прекрасно при этом понимая, что вся его злость вызвана голодом и ужасом создавшейся ситуации, когда и он, и она делают вид, что жизнь течет нормальным чередом. Но если он вдруг нарушал хрупкое согласие какой-нибудь резкостью, она замолкала на весь оставшийся вечер; это случалось довольно часто, а потому он старался сдерживать себя и есть как можно скорее, чтобы восстановить нормальный уровень сахара в крови.

В любом случае часов примерно в девять она говорила, что совсем уже засыпает, а он читал до поздней ночи или шел прогуляться по пляжу, до которого было рукой подать, ярдов двести. Однажды ночью Смит увидел во время прогулки, как из-за горизонта вылетел Псевдо-Фобос, удивительно похожий на сигнальную ракету, запущенную кем-то терпящим бедствие. А когда он вернулся домой, Селена не спала, а весело трепалась с кем-то по телефону; увидев его, она быстро скомкала разговор, помолчала, явно соображая, что бы сказать, а затем заявила:

— Это был Марк, в триста пятьдесят девятом опыте мы сумели заставить тамариск удвоить ген солеустойчивости.

— Здорово, — ответил Смит и ушел поглубже в тень, чтобы она не видела его лица.

— Тебе же наплевать, как у меня на работе, верно? — возмутилась Селена.

— Почему наплевать? Я же сказал, что это здорово.

Селена презрительно фыркнула.

А затем он как-то пришел домой, и там с нею был Марк, и было сразу понятно, что они только что чему-то смеялись и что за время, пока он открывал дверь, они отдернулись друг от друга, а до того сидели совсем близко. Смит сделал вид, что ничего не заметил, и был предельно любезен с Марком.

На следующий день во время утренней тренировки он засмотрелся на трех женщин, плывших по одной дорожке с ним. Их движения были изящнее любого земного танца; казалось, что они плавают всю свою жизнь и чувствуют себя в воде свободно, как рыбы. Как и у Селены, у них были классические фигуры пловчих: широкие плечи, груди, плавно переходившие в мощные грудные мышцы либо ритмично раскачивавшиеся налево-направо, мускулистые спины, изгибом спускавшиеся к плотным округлым ягодицам и далее — к мощным бедрам, длинным ногам и откинутым назад, словно вставшим на цыпочки ступням. Женщины плыли — гребок за гребком, дистанция за дистанцией, с гипнотизирующей ритмичностью, и вскоре Смит ни о чем уже не думал, ни за чем не наблюдал, они стали для него единым аспектом сенсуально насыщенной среды.

Женщина, державшаяся впереди, была беременна, но и при этом она была заметно сильнее остальных, во время кратких передышек она не хватала ртом воздух, а смеялась и восклицала: «Каждый раз, когда я разворачиваюсь, он лупит меня изнутри ногами!» Она была на седьмом, если не больше, месяце, округлившийся живот делал ее похожей на маленькую китиху, и все равно она плавала со скоростью не достижимой ни для Смита, ни для двух ее подруг. Среди пловцов, посещавших клуб, были просто поразительные. В самом начале своих спортивных занятий Смит твердо решил, что проплывет стометровку вольным стилем

менее чем за минуту, и был очень собою доволен, когда добился этой цели, а затем случайно узнал, что женская команда местного колледжа проплывает на тренировках *каждую* стометровку меньше чем за минуту. Вот тут-то он и осознал, что, хотя все люди выглядят примерно одинаково, некоторые из них несравненно сильнее всех прочих. Эта беременная женщина принадлежала к низшему слою сильных пловцов, и все сегодняшнее было для нее не более чем легкой разминкой. На нее было нельзя не засмотреться, потому что, несмотря на такую скорость, плыла она словно совсем без усилий; она делала меньше гребков на дистанции, чем две другие женщины, и все равно показывала значительно лучшее время. Это было похоже на чудо. И ведь плыла она с пассажиром внутри.

А дома все было из рук вон плохо. Селена часто зарабатывалась допоздна и почти с ним не разговаривала.

— Я люблю тебя, — сказал он. — Селена, я люблю тебя.

— Я знаю.

Он постарался с головой уйти в работу. Они с Селеной работали в одной лаборатории, и если оба задерживались допоздна, то могли возвращаться домой вместе, а по дороге говорить, как когда-то, о науке; ведь и он, и она занимались геномикой, пусть и разными ее разделами — чем не почва для сближения.

Но геномика весьма обширна, в ней есть место для исследований, практически друг с другом не связанных, так оно было и в этом случае. Общая почва для разговоров с Селеной не образовалась, однако Смит продолжал упорно работать, используя новый, очень мощный электронный микроскоп, и вскоре добился некоторых успехов в прочтении структур окаменелой ДНК.

Судя по всему, генетический материал, сохранившийся в предоставленных ему образцах, почти полностью состоял из так называемых мусорных ДНК. Еще в недалеком прошлом такая ситуация считалась бы крайне неудачной, но за последнее время колевские лаборатории в Ахероне добились больших успехов в раскрытии функционального предназначения «мусорной» ДНК, которая, как оказалось, была отнюдь не бесполезна. Колевцы выделили в ней ряд

коротких повторяющихся последовательностей и показали, что в этих последовательностях зашифрованы инструкции процессов более высокого иерархического уровня, чем то делается генами, — клеточная дифференциация, последовательность передачи информации, индуцирующей апоптоз[1], и тому подобное.

Использовать это новое понимание для прояснения функционального смысла частично разрушенной, окаменелой «мусорной» ДНК было, конечно же, далеко не просто. Но с другой стороны, в его распоряжении были электронографические снимки нуклеотидных последовательностей, или, говоря более точно, минеральных структур, замещающих пары аденин—тимин и цитозин—гуанин, — структур, давно и надежно установленных и описанных в литературе. Снимки наноокаменелостей, вполне поддающиеся прочтению. А прочитав их, можно было построить те же самые последовательности нуклеотидов. В теории ничто не мешало воссоздать, идя по такому пути, древнее, давным-давно исчезнувшее живое существо, однако на практике это было невозможно, ведь ученые никогда не располагали полным геномом. Все ограничивалось попытками воссоздать самые простые ископаемые организмы и прививкой воссозданных по расшифровке участков ДНК древних существ их современным потомкам. В случае этого конкретного пресноводного дельфина — насчет его пресноводности почти не было сомнений (впрочем, почти все они жили в речных дельтах, а потому обладали довольно высокой солеустойчивостью) — о полном воссоздании не могло быть и разговора. Да Смит к этому и не стремился, ему хотелось выявить участки древней ДНК, не имеющей аналогов в геномах современных дельфинов, синтезировать их *in vitro*[2], встроить в современную ДНК и посмотреть, как поведет себя получившееся животное при различных внешних условиях и в тестах на гибридизацию. Выявить функциональные различия. Кроме того, он при каждой возможности проводил митохондриальные тесты, которые могли дать более-менее точную оценку того, когда современный вид ответвился от своих предшест-

---

[1] *Апоптоз* — преднамеренное, заранее запрограммированное саморазрушение клеток (как, например, при осеннем увядании растений).

[2] В пробирке *(лат.)*.

венников. А при удаче даже найти конкретное место на родословном древе морских млекопитающих, что является для раннего палеоцена далеко не простой задачей.

Оба пути исследования были связаны с напряженной, кропотливой, почти бездумной работой, что как нельзя лучше устраивало Смита. Он работал с утра до вечера, и это продолжалось день за днем, месяц за месяцем. Иногда он возвращался домой на одном трамвае с Селеной, но, как правило, этого не получалось. Вместе со своими соавторами, чаще всего вместе с Марком, она писала статьи по накопившимся результатам. Она ложилась и вставала когда придется, без определенного графика. Когда Смит работал, домашние проблемы вылетали у него из головы, а потому он старался работать все время. Это ничего не решало и ничуть не разряжало обстановку — скорее уж, наоборот, — и его все больше охватывало отчаяние, но ничего другого просто не шло ему в голову.

— Что ты думаешь об этих новостях из преисподней? — спросил он как-то Фрэнка, указав на распечатку новейшей работы ахеронских лабораторий, обильно испещренную карандашными пометками.

— Очень интересно! В кои-то веки у нас появляется шанс пробраться через частокол генов к полному руководству по сборке и эксплуатации.

— Если таковое вообще существует.

— Оно должно существовать, верно? Хотя я и не уверен, что их цифры для вероятности закрепления адаптивных мутаций достаточно высоки. Охта и Кимура оценивают верхний предел в десять процентов, и это вполне согласуется с тем, что я видел.

— Возможно, это просто перестраховка, — улыбнулся Смит.

— Конечно перестраховка, но все равно плясать придется от этих цифр.

— Так, значит, ты считаешь — в этом контексте, — что мне есть смысл и дальше заниматься окаменелой «мусорной» ДНК?

— Конечно заниматься, я уверен, что она расскажет массу интересного.

— Работа уж больно тягомотная.

— А почему бы тебе не прочитать длинную последовательность, сленить ее, прицепить куда-нибудь и посмотреть, что получится?

Смит пожал плечами. Он считал работы, связанные с использованием больших участков полного генома, небрежными и малодоказательными, но так, конечно же, было бы во много раз быстрее. Чтение маленьких кусочков одиночной ДНК, называвшихся на профессиональном жаргоне тэгами, позволило быстро идентифицировать бóльшую часть человеческого генома, но некоторые гены при этом были пропущены; к тому же такая методика полностью игнорировала даже регуляторные последовательности, ответственные за протеин-кодирующую функцию генов, не говоря уж о «мусорной» ДНК, заполнявшей длинные участки между последовательностями, имеющими более-менее внятный смысл.

Фрэнк, с которым Смит поделился своими сомнениями, кивнул, немного подумал и сказал:

— Теперь, когда генотипы описаны практически полностью, ситуация стала совсем другой. У тебя имеется столько точек отсчета, что практически невозможно перепутать, где конкретно расположены твои кусочки на большой последовательности. Достаточно загнать материал в Ландера-Уотермена, затем доводка по колевским вариациям, и все будет о'кей даже при множественных повторениях. А что касается этих твоих кусочков, там же сплошные «вроде бы» да «скорее всего», настолько плохо они сохранились. Так что на попытке ты ровно ничего не теряешь.

А поздним вечером получилось так, что они с Селеной ехали домой вместе.

— А что ты думаешь о прямой подсадке *in vitro* копий того, что я накопал? — спросил он ее, почти стесняясь своего вопроса.

— Сплошная грязь, — пожала плечами Селена. — Наслоение возможных ошибок.

Постепенно выработался новый распорядок жизни. Смит работал, плавал, ехал домой. В пустой, как правило, дом. Очень часто на автоответчике были послания Селене от Марка с разговорами о работе. Или ее послания Смиту, уведомлявшие его, что сегодня она будет поздно. Это слу-

чалось так часто, что он перестал спешить домой после тренировки, а изредка даже ходил вместе с Фрэнком и другими знакомыми по клубу в какой-нибудь ресторан. Как-то раз они заказали в прибрежном кафе несколько кувшинов пива, а затем пошли прогуляться по пляжу, что закончилось беготней с уймой брызг и хохота по мелководью и купанием в темной теплой воде, ничуть не похожей на воду в их бассейне. Хороший получился вечер.

А дома на автоответчике его ждало сообщение от Селены, что они с Марком немного перекусят, а затем плотно сядут за статью, так что дома она будет очень поздно.

Что оказалось прискорбной правдой. В два часа ночи Селены все еще не было. Мало-помалу до Смита дошло, что *ни один нормальный человек не засиживается так долго за* работой, не перезвонив домой. Так что это послание имело несколько особый смысл. Его захлестнуло страдание, тут же сменившееся гневом. Больше всего его возмущала трусливая неопределенность, с какой наговорила свое послание Селена. После всего, что между ними было, он достоин хотя бы откровенности — покаяния — семейной сцены. По мере того как затягивалось ожидание, его ярость нарастала, затем он на мгновение испугался, что она попала в какую-нибудь беду — ну поломала себе что-нибудь, ведь чего не бывает. Ну да, в беду, конечно. Цела она целехонька и где-то сейчас *забавляется. И вдруг его ярость выплеснулась наружу.*

Он вывалил из кладовки несколько картонных коробок и начал как попало закидывать в них ее одежду и прочие вещи, придавливая ногой, что не влезало. Но одежда пахла Селеной и хозяйственным мылом; ощутив эти запахи, он хрипло застонал и опустился на край кровати. Если довести все это до конца, он никогда больше не увидит, как она одевается и раздевается; от этой мысли он застонал еще громче, как раненое животное.

Но люди отнюдь не животные. Распихав вещи Селены по коробкам, Смит выволок коробки за дверь и прямо там и бросил.

Селена вернулась в начале четвертого. Было слышно, как она наткнулась на коробку и сдавленно вскрикнула.

Он рывком распахнул дверь и вышел наружу.

— Что это такое? В чем дело?

Она сбилась с какого-то, заранее заготовленного сценария и теперь начинала злиться. Она еще и злится! Слегка было успокоившийся Смит, снова вскипел яростью:

— Ты прекрасно знаешь, в чем дело!

— Что?!

— Ты и Марк.

Селена молча сверлила его глазами.

— Догадался, ну наконец-то! — сказала она, когда молчание стало совсем невыносимым. — А ведь все началось год с лишним назад. И вот такая, значит, твоя реакция, — добавила Селена, указав на коробки.

Смит ударил ее по лицу.

И тут же наклонился над ней, помогая ей сесть на землю и лихорадочно бормоча:

— Господи, Селена, прости меня, ради бога, я никак не хотел... — Он ударил Селену неожиданно для себя самого, ударил за ее презрение, что он так долго не видел ее измену. — Сам не верю, что я...

— Уйди! — кричала Селена, истерически всхлипывая и осыпая его градом беспорядочных ударов. — Уйди, уйди, уйди, ты же ублюдок, ты жалкий ублюдок! Да как ты посмел, как ты посмел меня ударить?!

Испуганный сначала, ее крик переходил постепенно в визг, впрочем, она кричала не слишком громко из опасения, что услышат в соседних домах, и держалась рукой за ударенную щеку.

— Прости меня, Селена, прости, пожалуйста, мне очень жаль, что так вышло, я разозлился на то, что ты мне сказала, но я же понимаю, это совсем не значит... Прости меня, попытайся простить.

Теперь он злился на себя ничуть не меньше, чем на нее, — и о чем он, спрашивается, думал, с какой стати предоставил ей такой моральный перевес, ведь это она виновата, это она его предала, это ей бы сейчас оправдываться! Тем временем Селена перестала всхлипывать, резко встала и ушла в ночь. В паре соседних окон загорелся свет. Смит стоял и смотрел на коробки с красивой, такой знакомой одеждой, в костяшках пальцев его правого кулака пульсировала боль.

Жизнь оборвалась. Он жил там же, где и прежде, но теперь в одиночку, он продолжал ходить на работу, но все

его сторонились: они знали, что произошло той ночью. Селена не появлялась на работе, пока не сошел синяк, она не стала подавать на него жалобу, не стала выяснять отношения, а просто переехала к Марку, Смита же на работе по возможности избегала. Да его и все избегали. Пару раз она подходила к его столу, чтобы спросить бесстрастным голосом о каком-либо деловом моменте их разрыва. Они не смотрели друг другу в глаза. Впрочем, теперь он вообще не встречался взглядом ни с кем из сотрудников. Было как-то странно, что вот разговариваешь с человеком, смотришь ему в глаза и он тоже смотрит тебе в глаза, а в действительности и ты, и он смотрите куда-то чуть в сторону. Психологические тонкости приматов, отточенные миллионами лет жизни в саванне.

Он потерял аппетит, стал каким-то вялым. Утром, проснувшись, он долго решал, стоит ли вылезать из постели. Затем, глядя на голые стены спальни, с которых Селена поснимала свои любимые гравюры, он начинал злиться на нее, иногда до такой степени, что начинали пульсировать жилы на шее и висках. Это поднимало его с кровати, но тут же выяснялось, что идти ему, собственно, некуда, кроме как на работу. А там каждая собака знала, что он способен ударить женщину, что он домашний деспот, засранец. Марсианское общество относилось к подобным людям с предельной нетерпимостью.

Стыд или гнев, гнев или стыд. Скорбь или унижение. Негодование или раскаяние. Утраченная любовь. Ни на что не направленная, безысходная ярость.

И он теперь не плавал с прежней регулярностью. Ему было мучительно смотреть на пловчих, хотя они оставались такими же, как прежде, дружелюбными; они не знали никого из лабораторских, кроме него самого и Фрэнка, а Фрэнк и полслова им не сказал о том, что случилось. И все равно. Его словно что-то от них отгородило. Он знал, что нужно бы плавать больше, а плавал все меньше и меньше. Иногда он решал твердо взять себя в руки и ходил в бассейн дня три подряд, а затем опять под тем или иным предлогом начинал отлынивать от плавания.

Однажды, отдыхая на краю бассейна после вечерней тренировки, на которую он загнал себя буквально силой — и теперь был рад, что загнал,— Смит услышал, как три его

постоянные товарки по плавательной дорожке сговариваются пойти после душа в ближнюю тратторию.

— Пицца у Рико? — спросила одна из них, взглянув на Смита.

— Гамбургер в своих четырех стенах, — скорбно откликнулся Смит и покачал головой.

— Да брось ты, пойдем с нами, — рассмеялись женщины. — Сбереги свой гамбургер на завтра.

— Иди, Энди, иди, — сказал Фрэнк, плававший в тот день по соседней дорожке. — И я тоже пойду, если меня возьмут.

— Пошли, конечно, — загалдели женщины; Фрэнк тоже часто плавал по одной дорожке с ними.

— Ну... — замялся Смит. — О'кей.

Он сидел за столиком в обществе трех молодых женщин и слушал их веселую трескотню. Женщины не совсем еще остыли после напряженной тренировки и даже не успели подсушить волосы. Здесь, за пределами бассейна, каждая из них выглядела вполне заурядно и ничем не примечательно: тощая, толстая, нескладная, да какая угодно. Одежда не позволяла увидеть и оценить их фантастически мощные плечи и ноги, всю их плотную, словно литую мускулатуру. Они были похожи на цирковых тюленей, выряженных в шутовскую одежду и неуклюже ковыляющих по арене.

— С тобою как, все в порядке? — спросила одна из женщин, заметив, что Смит слишком уж долго молчит.

— Да, в порядке, вот только... — Смит замялся и искоса взглянул на Фрэнка. — Я разошелся со своей девушкой.

— Ага! Я же точно знала, что тут что-то есть! — воскликнула женщина и положила руку ему на плечо (в бассейне, на тренировках, они натыкались друг на друга не раз и не два). — В последнее время ты стал какой-то не такой.

— Да, — печально улыбнулся Смит, — это было не самое веселое время.

Он не мог и никогда не сможет рассказать им о том, что случилось. Фрэнк тоже не проболтается. А без этого и вся остальная история не имела ровно никакого смысла, так что говорить было не о чем.

Они почувствовали это и чуть заерзали на стульях, готовясь изменить тему разговора.

— Да ладно, — сказал Фрэнк, стараясь разрядить атмосферу. — В море полным-полно другой рыбы.

— В бассейне, — поправила одна из женщин и шутливо толкнула Смита локтем.

Он кивнул и попытался улыбнуться.

Женщины переглянулись. Одна из них попросила официанта принести счет, другая сказала, обращаясь к Смиту и Фрэнку:

— Пойдемте все ко мне, помокнем в горячей ванне, чтобы снять напряжение.

Она снимала комнату в маленьком домике с огороженным внутренним двориком, и, как на удачу, все остальные жильцы были в отъезде. Пройдя вслед за хозяйкой через дом во дворик, они сняли крышку с ванны, напоминавшей скорее маленький бассейн, включили подогрев, наскоро поскидывали одежду и погрузились в исходящую паром воду. Смит, не без заминки, последовал примеру остальных. На марсианских пляжах все загорали без одежды, это считалось вполне естественным, а Фрэнк и сейчас, кажется, не видел в происходящем ничего особенного. Но в бассейне-то они плавали в купальниках.

Погружаясь в горячую воду, все они поочередно блаженно вздыхали. Хозяйка принесла из дома большую жестянку пива и стаканы. Ставя жестянку на пол и раздавая стаканы, она попала в клин света, пробивавшийся из кухни. После многих часов, проведенных совместно в бассейне, Смит знал ее тело во всех, казалось бы, деталях и тем не менее смутился. Фрэнк не обратил на это зрелище никакого внимания, он завладел жестянкой с краником и теперь деловито наполнял стаканы.

Они пили пиво, трепались обо всяких мелочах. Две женщины оказались ветеринарами, третья, давешняя беременная и постоянный лидер на плавательной дорожке, работала в фармацевтической лаборатории, удобно расположенной неподалеку от бассейна. Этим вечером за ее ребенком присматривала коммуна. Смит заметил, что даже здесь товарки смотрят на нее снизу вверх. В эти дни она постоянно приходила в бассейн с ребенком, ставила коляску рядом с водой, только чтобы брызги не долетали, и плавала так же мощно, как и всегда. Мускулы Смита таяли в горячей воде, он прихлебывал пиво и слушал болтовню жен-

щин. Одна из них опустила глаза, увидела в воде свои груди и рассмеялась:

— Они плавают, как поплавки.

Смит успел уже это заметить:

— Мало удивительного, что женщины плавают лучше мужчин.

— Если только буфера не такие большие, чтобы портить гидродинамику.

Их предводительница, серьезная, порозовевшая, с волосами, стянутыми узлом, взглянула вниз сквозь запотевшие очки:

— Я вдруг подумала, а может, из-за того, что я сейчас кормлю, мои груди плавают хуже?

— Но в них же просто молоко.

— Ну да, но вода в молоке ничего не дает, а жир плавает. Вполне может быть, что пустые груди всплывают сильнее полных.

— Ну да, где больше жира, те лучше плавают.

— Я могу провести эксперимент, покормить его с одной стороны, а потом пойти в воду и посмотреть... — Общий хохот помешал ей закончить. — Это сработает! Ну чего вы все смеетесь?

Но они лишь смеялись еще громче. Фрэнк буквально сгибался пополам, было видно, что он на седьмом небе. Эти женщины были его друзьями, полностью ему доверяли. А вот Смит остро ощущал свою отдельность. Он взглянул на их предводительницу: розовая очкастая богиня, серьезная и непроницаемая, героиня-ученый, впервые человек во всей полноте.

Но потом, когда он попытался объяснить Фрэнку это ощущение или хотя бы его описать, тот покачал головой:

— Нельзя преклоняться перед женщиной, это грубая ошибка. Ошибка в классификации. Мужчины и женщины настолько идентичны, что их немногие отличия не заслуживают серьезного внимания. Их генотипы отличаются на какую-нибудь пару гормональных выражений. Женщины во всем подобны тебе или мне.

— Больше, чем на пару.

— Немногим больше. Мы все начинаем как женщины, верно? И будет надежнее считать, что и потом ситуация не

меняется кардинально. Пенис — это просто гипертрофированный клитор. Мужчины — это женщины, женщины — это мужчины. Две части репродуктивной системы, абсолютно эквивалентные.

— Ты шутишь, — недоуменно взглянул на него Смит.

— Это в каком же смысле — шучу?

— Ну... скажем, я никогда еще не видел, чтобы мужчина взял вдруг и разбух, а потом дал жизнь новому человеку.

— Ну и что? Специализированная функция, такое тоже бывает. И ты никогда не видел эякулирующую женщину. Но потом мы снова становимся одинаковыми. Подробности размножения если что-то и значат, то лишь крохотную долю всего времени жизни. Нет, мы суть одно и то же. Различий практически нет.

Смит покачал головой. Это была очень удобная гипотеза, однако действительность согласовалась с ней из рук вон плохо. Девяносто пять процентов всех убийств в истории человечества было совершено мужчинами. Это ли не различие.

Он изложил свои возражения Фрэнку, но тот с ходу их отмел. На Марсе, сказал он, пропорция убийств близка к единице, да и вообще здесь убивают гораздо меньше, что мужчины, что женщины, откуда со всей очевидностью следует, что вся эта проблема культурно обусловлена, что она артефакт патриархального строя, долгие годы господствовавшего на Земле, но не сказавшегося на Марсе. Не природа, а воспитание. Ссылками на природу, сказал Фрэнк, можно обосновать все, что душе твоей угодно. Гиены-самки известны как злобные, жестокие убийцы, самцы карликовых шимпанзе и пауковидных обезьян миролюбивы и очень ласковы. Это не значит ровно ничего, сказал Фрэнк, и не свидетельствует ровно ни о чем.

Но Фрэнку же не случалось ударить женщину по лицу, причем неожиданно для самого себя.

В данных, получаемых из множества образцов окаменелых ДНК, все яснее обозначались структуры. Стохастические резонансные программы помогали выявить то, что повторялось наиболее упорно.

Как-то вечером, по окончании рабочего дня, Фрэнк заглянул в закуток Смита, чтобы попрощаться.

— Ты подожди, посмотри вот сюда, — сказал ему Смит, указывая на экран компьютера. — Это последовательность из моего бото, участок джи-экс три ноль четыре, неподалеку от стыка, видишь?

— Так у тебя, значит, самка?

— Не знаю, но если исходить из того, что здесь, то, видимо, да. Но ты посмотри, насколько похоже на этот участок генома человека, в «Хиллис восемьдесят пятьдесят».

Фрэнк, стоявший до того в дверях, вошел и вгляделся в экран:

— Сравнивать мусор с мусором... ну, не знаю, не знаю...

— Но тут же совпадение свыше ста элементов кряду, видишь? Цепочка, ведущая прямо к гену, запускающему синтез прогестерона.

Фрэнк прищурился, вглядываясь в экран, пробормотал:

— Ну, в общем-то, — и искоса взглянул на Смита.

— Вот я и думаю, — сказал Смит, — не является ли это совпадение по «мусорной» ДНК общей чертой, восходящей к общим млекопитающим предкам обоих этих видов?

— Дельфины не являются нашими предками, — возразил Фрэнк.

— Но где-то там, в далеком прошлом, у нас были общие предки.

— Были, говоришь? — Фрэнк распрямил спину и потянулся. — Ну, как бы то ни было. А в общем, я не так уж уверен в этом совпадении структур. Они вроде как похожи, но ты же понимаешь.

— Это в каком же смысле ты не уверен — ты что, не видишь? Посмотри повнимательней.

Фрэнк удивленно взглянул на него, но промолчал. Заметив его поведение, Смит вдруг, неизвестно отчего, испугался.

— Вроде как, — сказал Фрэнк. — *Вроде как* — и не больше. Тебе, пожалуй, стоит провести тест на гибридизацию, проверить, насколько близко в действительности это сходство, или справиться в Ахероне насчет повторений во внегенной ДНК.

— Ну ведь это точное, идеальное совпадение! Оно распространяется на сотни пар, такое никак не может быть случайностью.

На лице Фрэнка отразилось еще большее сомнение. Он с тоскою взглянул на дверь, вздохнул и сказал с явной неохотой:

— Я не вижу здесь такого уж хорошего совпадения. Извини, но я просто его не вижу. Послушай, Энди, уже который месяц ты жутко много работаешь. И у тебя же была депрессия, верно? После того, как Селена ушла.

Смит кивнул, ощущая желудком тугой комок. Он сам признал это несколько месяцев назад. В эти дни Фрэнк был одним из очень немногих людей, смотревших ему в глаза.

— Ну, ты же сам понимаешь. Депрессия оказывает химическое воздействие на мозг, тебе это прекрасно известно. Иногда это приводит к тому, что начинаешь видеть структуры и связи там, где другие их не видят. Это совсем не значит, что их нет. Они, конечно же, действительно существуют. Но вот имеют они сколько-нибудь серьезное значение или представляют собой некое случайное сходство, поверхностную аналогию... — Он взглянул на Смита и оборвал фразу. — Послушай, это совсем не моя область. Тебе нужно показать это Амосу или съездить в Ахерон и поговорить со стариком.

— Ага. Спасибо, Фрэнк.

— Да нет, нет, за что же тут благодарить? Извини, Энди, возможно, мне и вообще не стоило ничего говорить. Все это как-то, ну, ты понимаешь. Ты просиживаешь здесь чертову уйму времени.

— Ага.

Фрэнк ушел.

Иногда он засыпал прямо за своим столом. Однажды он сделал существенную часть работы во сне. Иногда он спал на пляже, на мягком чистом песке, завернувшись в пальто и убаюкиваемый плеском набегающих на берег волн. На работе он смотрел на изрисованный точками, буквами и линиями экран, воссоздавая структуру последовательности, нуклеотид за нуклеотидом. В большинстве своем структуры были совершенно недвусмысленны. Корреляция была великолепной, не оставляя никакого места для случайностей. В Х-хромосомах человека ясно прослеживались следы внегенной ДНК далекого водоплавающего предка, сходного с дельфином. Y-хромосомы человека таких следов не имели, они показывали более очевидную близость к шимпанзе, чем Х-хромосомы. Фрэнк не хотел этому верить, но вот же

оно, тут, прямо на экране. Только как такое может быть? Что это значит? Откуда все это взялось? Природа существ определяется от рождения. Чуть меньше пяти миллионов лет назад люди и шимпанзе ответвились как два различных вида от общего предка, лесной обезьяны. Возраст амазонского дельфина, с окаменелостью которого Смит работал, оценивался в пять и одну десятую миллиона лет. Примерно половина всех сексуальных сношений орангутана — это изнасилования.

Однажды вечером, уйдя из лаборатории последним, он сел на трамвай не в ту сторону, к центру города, и словно бы не замечал своей ошибки, пока не обнаружил себя перед крутым склоном, который вел к дому Марка. Поднявшись по выбитым в склоне ступенькам, он оказался прямо напротив Марковых окон, и там была Селена. Она стояла неподалеку от кухонного окна, мыла посуду и время от времени оглядывалась через плечо, чтобы что-то кому-то сказать. Косой свет вырисовывал жилку на ее шее, она смеялась.

Смит пошел домой пешком. Путь занял около часа. Его обогнало множество трамваев.

Ночью ему никак не спалось. Он спустился на пляж и лег, завернувшись в пальто. И мало-помалу уснул.

Ему приснился странный сон. Где-то на востоке Африки, в лучах предзакатного солнца ковылял, низко сгорбившись, низкорослый волосатый с обезьяним лицом примат. Море у берега было мелкое, вода в нем — теплая, зеленоватая и прозрачная, как стекло. Дельфины упоенно катались на гребнях волн. Примат зашел далеко в воду. У него были длинные сильные руки, приспособленные, чтобы хватать и бить; быстрое движение — и он ухватил одного из дельфинов за хвост, в районе спинного плавника. Дельфин, конечно же, мог бы вырваться, но не сделал к тому ни малейшей попытки. Самка; примат развернул ее, совокупился с ней и отпустил. Он ушел и через какое-то время вернулся и увидел на отмели дельфиниху, только что родившую двойню, самца и самку. Единоплеменники примата, высыпавшие на отмель, убили и съели новорожденных. Чуть дальше по берегу дельфиниха родила двоих других.

Смита разбудило вставшее солнце, он поднялся и вошел в мелкую воду. В прозрачных ярко-синих волнах играли дельфины. Он зашел в воду дальше, за полосу прибоя. Вода была лишь немногим холоднее, чем в спортивном бассейне. Солнце еще едва поднялось над горизонтом. Дельфины были совсем небольшие, длиною примерно в рост человека. И очень гибкие, подвижные. Он начал кататься на волнах вместе с ними. Они были быстрее него и ходили вокруг кругами. Один дельфин перепрыгнул через него и ловко опустился на гребень предыдущей волны. Затем другой промелькнул прямо под ним, и он по какому-то порыву схватил его за спинной плавник и теперь, на буксире, поплыл гораздо быстрее, и они вместе с дельфином оседлали волну, и это был прекрасный сёрфинг, лучший сёрфинг в его жизни. Он крепко держался за дельфина. Дельфин и вся его стая развернулись и поплыли в открытое море, а он продолжал держаться. Но вот и конец, подумал он. Затем он подумал, что они тоже дышат воздухом. А значит, все будет хорошо.

РОБЕРТ СОЙЕР

Плечи великанов

Роберт Сойер (р. в 1960 г.) живет и работает в столице Канады, Торонто. Научно-фантастические рассказы начал публиковать в 1980-е годы, но как романист заявил о себе только в 1990-е, завоевав огромный успех. Пять первых романов Сойера получили благосклонные отзывы критиков и читателей, а роман «Смертельный эксперимент» («The Terminal Experiment», 1995) удостоился премии «Небьюла». Из следующих семи романов четыре были номинированы на премию «Хьюго». В основу романа «Вычисляя Господа» («Calculating God», 2000), ставшего бестселлером в Канаде, была положена гипотеза о том, что произошло бы, появись веские научные доказательства в пользу существования Бога. В следующем романе «Гоминиды» («Hominids», 2002) описан альтернативный мир, в котором люди вымерли, а из разумных существ на Земле остались лишь неандертальцы. Сойер работает в жанре твердой научной фантастики, следуя традиции Айзека Азимова: его больше интересуют идеи, чем стиль, и, как правило, он выстраивает сюжеты на переплетении сложных морально-этических проблем. В последнее время малой прозе Сойер уделяет гораздо меньше внимания, чем крупной, но вся она чрезвычайно интересна.

Идеей рассказа «Плечи великанов» Сойер обязан документальной книге Маршалла Т. Сэведжа «Тысячелетний проект» («The Millenial Project»), в которой говорится, что лишь полный идиот способен отправиться в длительное космическое путешествие на сверхсветовом звездолете. Название произведения — своего рода реверанс великим: Азимову, Клементу, Кларку и другим авторам, на плечах которых стоят писатели-фантасты нового поколения. Интересно, что начало рассказа содержит отсылку к классической новелле А. Э. Ван Вогта «Далекий Центавр» («Far Centaurus»), где представлена идея о колонистах, которых во время полета к новым мирам опережает технический прогресс.

Казалось, я умер только вчера, но, разумеется, это произошло несколько веков назад. Хотелось, чтобы этот проклятый компьютер скорее сказал мне что-нибудь, но он, несомненно, ждал, пока сенсоры подтвердят, что

я жив и мое состояние достаточно стабильно. По иронии мой пульс заметно участился — я волновался из-за того, что может сообщить компьютер. Если ситуация критическая, он должен поставить меня в известность, если нет — позволить мне расслабиться.

Наконец машина заговорила четким женским голосом:

— Здравствуй, Тоби. Добро пожаловать обратно в мир живых.

— Где... — Мне казалось, я говорю, но на самом деле не смог выдавить ни звука. Я попытался снова: — Где мы?

— Там, где и должны быть: снижаем скорость и приближаемся к Сороре.

Я немного успокоился:

— Что с Линг?

— Она тоже оживает.

— А с остальными?

— Все сорок восемь криогенных камер функционируют нормально. С экипажем все в порядке.

Приятно было это слышать, но компьютер меня не удивил. У нас имелось четыре дополнительные криокамеры, и, если бы одна из используемых вышла из строя, меня и Линг разбудили бы раньше, для того чтобы перенести человека в запасную.

— Какое сегодня число?

— Шестнадцатое июня три тысячи двести девяносто шестого года.

Я ожидал подобного ответа, но он заставил меня обратиться к прошлому. Двенадцать столетий миновало с тех пор, как кровь была выкачана из моего тела и ее заменил кислородосодержащий антифриз. В течение первого года мы набирали скорость, в течение последнего, вероятно, сбрасывали, а в остальное время... В остальное время летели с максимальной скоростью — три тысячи километров в секунду, один процент от скорости света.

Мой отец был родом из Глазго, мать — из Лос-Анджелеса. Им обоим нравилась шутка о разнице между Америкой и Европой: для американцев сто лет — это долгое время, а для европейцев сто километров — это долгое путешествие. Но оба согласились бы, что двенадцать столетий и

11,9 световых лет являются в равной степени ошеломляющими величинами.

И вот сейчас мы здесь, медленно двигаемся по направлению к Тау Кита[1], ближайшей к Земле солнцеподобной звезде, которая не является частью кратной звездной системы. Естественно, по этой причине Тау Кита часто исследовали в рамках проекта SETI[2]. Но ничего не было обнаружено, ни единого признака жизни.

С каждой минутой я чувствовал себя все лучше и лучше. Моя собственная кровь, хранившаяся в резервуарах, сейчас переливалась в мое тело и циркулировала по артериям и венам, возвращая меня к жизни.

Мы собирались сделать это.

Северный полюс Тау Кита был обращен к Солнцу; это означало, что для ее изучения используемый в двадцатом веке метод обнаружения планетарных систем, основанный на незначительных красных и фиолетовых смещениях спектральных линий звезд, был бесполезен. При наблюдении с Земли любое колебание в движении Тау Кита было бы перпендикулярно нашему лучу зрения, не создавая доплеровского эффекта. Но в конце концов телескопы на земной орбите были усовершенствованы до такого уровня, что стали достаточно чувствительными для визуального отображения колебания, и...

Это было главное мировое событие: первая Солнечная система, увиденная в телескоп. Не обнаруженная с помощью звездных колебаний или спектральных сдвигов, а действительно увиденная. Были открыты по меньшей мере четыре планеты, вращающиеся вокруг Тау Кита, и одна из них...

---

[1] *Тау Кита* (Cet/Ceti) — звезда главной последовательности в созвездии Кита. Эта звезда часто упоминается авторами в научной фантастике, так как она близка к Солнцу по массе и спектральному классу, а также из-за сравнительно небольшого расстояния до нее. Однако Тау Кита — «металлодефицитная» звезда, что делает маловероятным наличие вращающихся вокруг нее планет земной группы. Ни через астрометрические измерения, ни через измерения радиальной скорости у этой звезды не было обнаружено планетоподобных объектов.

[2] *SETI* (Search for Extraterrestrial Intelligence) — проект поиска внеземных цивилизаций (первые работы начались в 1960-м году в Западной Виргинии).

Десятилетиями существовали формулы, впервые популяризованные Корпорацией RAND[1] в книге «Планеты для людей». Каждый стóящий писатель-фантаст и астробиолог использовал их для определения зоны жизни — расстояния от звезды, на котором могли существовать планеты с похожей на земную температурой поверхности, не слишком горячей и не слишком холодной.

И вторая из четырех обнаруженных вокруг Тау Кита планет находилась прямо в центре зоны жизни этой звезды. За планетой тщательно наблюдали в течение года — ее года, длящегося 193 земных дня. Было сделано два потрясающих открытия. Во-первых, орбита планеты оказалась чертовски близка к круговой — это означало, что температуры на поверхности стабильны благодаря гравитационному воздействию четвертой планеты юпитероподобного гиганта, орбита которого находилась на расстоянии полумиллиарда километров от Тау Кита.

И во-вторых, яркость планеты существенно менялась в течение суток, которые длились двадцать девять часов семнадцать минут. О причине легко было догадаться: бóльшую часть одного полушария составляла суша, которая отражала желтые лучи Тау Кита; второе полушарие с гораздо более высоким альбедо[2], похоже, покрывало громадное водное пространство — внеземной Тихий океан.

Конечно, существовала вероятность, что у Тау Кита есть и другие планеты, но слишком маленькие или слишком темные, чтобы их можно было разглядеть с расстояния 11,9 световых лет. В таком случае называть планету земного типа Тау Кита II оказалось бы проблематичным. Если бы в итоге было обнаружено, что орбиты дополнительных миров располагаются ближе, нумерация планет стала бы такой же запутанной, как обозначение колец Сатурна.

Однако планету следовало назвать, и Джанкарло Ди Майо, астроном, который обнаружил этот мир, состоящий

---

[1] *Корпорация RAND* (Research And Development) — широко известный американский стратегический центр и первая в мире организация, которую стали называть «фабрикой мысли». Изначально занималась решением технических задач, в настоящее время проводит исследования и публикует отчеты по самой различной тематике. Основана в 1945 году.

[2] См. примечание на с. 56.

наполовину из суши, наполовину из воды, дал ему имя Сорора, от латинского soror, «сестра».

И в самом деле, Сорора, казалось, была сестрой Земли, колыбели человечества.

Вскоре мы узнаем, насколько совершенна эта планета. Если уж я заговорил о сестрах — да, Линг Ву не была моей биологической сестрой, но в течение четырех лет перед полетом мы работали и тренировались вместе, и она стала для меня сестрой, несмотря на то что в прессе нас часто называли новыми Адамом и Евой. Конечно, мы поспособствовали бы заселению нового мира, но не совместно; моя жена, Хелена, находилась в числе сорока восьми замороженных участников полета. Линг Ву не связывали узы ни с кем из будущих колонистов, но она обладала прекрасной внешностью и умом, а из двух дюжин мужчин, погруженных в криогенный сон, двадцать один был не женат.

Линг и я являлись сокапитанами корабля «Дух первооткрывателей». Ее криогроб, как и мой, отличался от криогробов других членов экипажа. Мы могли оживать много раз за время полета в случае крайней необходимости. Наши криогробы обошлись в шесть миллионов долларов каждый, в то время как криогробы остальных стоили по семьсот тысяч долларов за штуку и допускали только однократное пробуждение, которое следовало осуществить в пункте назначения.

— Вы в полной готовности, — произнес компьютер. — Можете вставать.

Стеклянная крышка моего криогроба скользнула в сторону, и я схватился за мягкие ручки, чтобы подняться с черного фарфорового основания. Бо́льшую часть полета на корабле царила невесомость, но сейчас, когда скорость замедлялась, чувствовалось мягкое давление книзу. На борту еще не установилась полная земная гравитация, и я был очень этому рад. Мне требовались день или два, чтобы снова научиться твердо стоять на ногах.

Мой модуль отделялся от других перегородкой, на которую я прикрепил фотографии родных, оставшихся на Земле: своих родителей и родителей Хелены, а также сестры и двоих ее сыновей. Моя одежда терпеливо дожидалась меня двенадцать столетий, и у меня имелись основательные подозрения, что она давно уже вышла из моды. Я оделся (в криокамере я, разумеется, лежал голый) и, по-

кинув модуль, увидел Линг, которая появилась из-за перегородки, заслонявшей ее криогроб.

— Доброе утро! — сказал я, пытаясь придать голосу уверенность.

Линг, одетая в голубой с синим спортивный костюм, широко улыбнулась:

— Доброе утро!

Мы обнялись как старые друзья, которым довелось вместе пережить захватывающее приключение. Затем отправились на мостик, полушагая-полупаря в условиях низкой гравитации.

— Как спалось? — спросила Линг.

Вопрос был задан неспроста. До нашей миссии максимальный срок криозаморозки составлял пять лет — именно столько спали астронавты во время полета к Сатурну; «Дух первооткрывателей» считался первым земным межзвездным кораблем.

— Отлично, — сказал я. — А тебе?

— Тоже отлично, — ответила Линг. Но затем она остановилась и коснулась моей руки. — Тебе... тебе снились сны?

Активность мозга почти полностью прекращается в период криозаморозки, но несколько членов экипажа «Кронуса», корабля, летавшего к Сатурну, утверждали, что видели короткие сны, в общей сложности две-три минуты за все путешествие, длившееся пять лет. За время, проведенное нами в космосе, мы могли видеть сновидения в течение многих часов.

Я покачал головой:

— Нет. А тебе?

Линг кивнула:

— Да. Мне снился Гибралтарский пролив. Бывал там когда-нибудь?

— Нет.

— Он расположен на южной границе Испании. Через этот пролив из Европы можно увидеть Северную Африку. На испанской стороне остались следы неандертальских поселений. — Линг имела докторскую степень по антропологии. — Но эти древние люди никогда не были на другом берегу. Они видели, что там земля — новый континент! — всего лишь в тринадцати километрах. Такое расстояние можно преодолеть вплавь, обладая определенным мастерством и выносливостью, либо на плоту или лодке. Но неандертальцы никогда не добирались до противоположного берега и, насколько мы знаем, никогда даже не пытались.

— И что тебе снилось?

— Мне снилось, что я еще подросток и живу в неандертальской общине. Я пыталась убедить других, что мы должны переправиться через пролив, чтобы увидеть новую землю. Но не могла — их это не интересовало. Там, где мы жили, хватало еды и укрытий. В конце концов я решила в одиночку переплыть на ту сторону. Вода была холодной, а волны — высокими, и мне с трудом удавалось набирать воздух в легкие, но я плыла и плыла, а затем...

— Что?

Линг пожала плечами:

— Затем я проснулась.

Я улыбнулся:

— Ну, на этот раз мы доведем дело до конца.

Мы подошли к двери, ведущей на мостик. Она открылась автоматически, как только мы приблизились, но при этом страшно заскрежетала: смазка, должно быть, высохла за последние двенадцать веков. Комната была прямоугольной, с двойным рядом пультов управления, обращенных к большому выключенному экрану.

— Расстояние до Сороры? — спросил я

— Одна целая две десятых миллиона километров, — ответил компьютер.

Я кивнул. Примерно в три раза больше, чем расстояние от Земли до Луны.

— Включить экран, показать панораму.

— Осуществляется смена автоматического управления на ручное, — произнес компьютер.

Линг улыбнулась:

— Ты опережаешь события, партнер.

Я смутился. «Дух первооткрывателей» медленно приближался к Сороре; выхлопы двигателей, работающих на реакции ядерного синтеза, производились по направлению движения корабля. Оптические сканеры сгорели бы, если бы их затворы были открыты.

— Компьютер, выключить ядерные двигатели.

— Выключаю.

— Дать изображение как можно скорее! — приказал я.

Гравитация исчезла, только когда двигатели корабля были выключены. Линг держалась за один из поручней, прикрепленных к верхней части ближайшего пульта управ-

ления; я был еще слаб после пробуждения и свободно летал по комнате. Примерно через две минуты включился экран. Тау Кита находилась прямо в центре, желтый диск величиной с бейсбольный мяч. Вокруг были хорошо видны четыре планеты размером от горошины до виноградины.

— Увеличить Сорору, — произнес я.

Одна из горошин выросла до бильярдного шара, хотя Тау Кита осталась прежней.

— Еще больше, — велела Линг.

Планета стала величиной с футбольный мяч. Освещена была треть диска, и Сорора предстала в виде широкого полумесяца. К счастью, она выглядела именно так, как мы только могли мечтать, — огромный кусок гладкого мрамора с завитками белых облаков и безбрежным голубым океаном, а еще...

Была видна часть континента. И она оказалась зеленой, ее несомненно покрывала растительность.

Мы снова обнялись. Когда мы покидали Землю, никто не испытывал уверенности в том, что на Сороре есть растительность. «Дух первооткрывателей» укомплектовали по максимуму: в его грузовых отсеках имелось все необходимое для выживания даже в безвоздушном мире. Но мы надеялись и молились о том, чтобы Сорора оказалась похожей на Землю, чтобы она была ее истинной сестрой, еще одной Землей, еще одним домом.

— Она прекрасна, правда? — спросила Линг.

На моих глазах выступили слезы. Да, она прекрасна, поразительна, великолепна. Огромный океан, пушистые облака, зеленая суша и...

— Боже мой! — произнес я чуть слышно. — Боже мой!

— В чем дело? — заволновалась Линг.

— Разве ты не видишь? Посмотри!

Линг прищурилась и придвинулась ближе к экрану:

— Что?

— На темной стороне.

Она снова пригляделась:

— Ох...

Тусклые огоньки усеивали темную сторону планеты, почти незаметные, но тем не менее вполне реальные.

— Может быть, это вулканизм? — спросила Линг.

Возможно, Сорора была не так уж идеальна.

— Компьютер, спектральный анализ источников света на темной стороне планеты! — приказал я.

— Преимущественно свет ламп накаливания, цветовая температура — пять тысяч шестьсот градусов Кельвина.

Я выдохнул и посмотрел на Линг. Это не вулканы. Это города.

Сорора, на путешествие к которой мы потратили двенадцать веков, этот мир, который мы собирались колонизировать, мир, хранивший полное молчание, когда его исследовали радиотелескопы, уже был обитаем.

«Дух первооткрывателей» задумывался как колонизаторский, а не дипломатический корабль. Когда он покидал Землю, казалось необходимым отправить вместе с ним хотя бы несколько представителей человечества. К тому времени мы уже пережили две небольшие ядерные войны, Первая Ядерная и Вторая Ядерная, как их называли в СМИ: одну — в Южной Азии, другую — в Южной Америке. Было очевидно, что Третья Ядерная лишь вопрос времени, и эта война могла стать самой широкомасштабной.

Деятельность SETI по поиску жизни в системе Тау Кита не дала никаких результатов, по крайней мере до 2051 года. Но и сама Земля в то время посылала радиосигналы лишь в течение полутора веков; на Сороре уже могла существовать бурно развивающаяся цивилизация, которая еще не начала использовать радио. Но с того момента прошло двенадцать веков. Кто знает, насколько развитой сумела стать эта цивилизация?

Я посмотрел на Линг, потом опять на экран:

— И что нам делать?

Линг склонила голову набок:

— Не знаю. С одной стороны, я хотела бы встретиться с ними, какими бы они ни были. Но...

— Но, возможно, они не захотят встретиться с нами. Вдруг они решат, что мы захватчики, и...

— И у нас на борту еще сорок восемь человек, о которых мы тоже должны подумать. Может быть, мы последние представители человечества.

Я нахмурился:

— Ну, это достаточно легко проверить. Компьютер, направь радиотелескоп на Солнечную систему. Ищи любые источники искусственного происхождения.

— Секунду, — произнес женский голос.

Через несколько мгновений комнату наполнила какофония: радиопомехи, обрывки голосов и мелодий; все это смешалось и звучало то тише, то громче. Я услышал какой-то язык, похожий на английский, но со странными окончаниями слов, и еще, возможно, арабский и мандаринский[1] и...

— Мы не последние люди во Вселенной, — сказал я, улыбаясь. — На Земле еще существует жизнь или существовала одиннадцать целых девять десятых лет назад, когда были отправлены эти сигналы.

Линг облегченно вздохнула:

— Я рада, что мы взяли себя в руки. Теперь, думаю, нам нужно выяснить, с кем мы имеем дело в системе Тау Кита. Компьютер, поверни антенну к Сороре и снова ищи сигналы искусственного происхождения.

— Выполняю.

Затем наступила тишина, которая длилась почти минуту. Тишину нарушили взрыв радиопомех, несколько аккордов, щелчки и электронный писк, голоса, говорящие по-английски и по-мандарински, и...

— Нет, — сказала Линг. — Я велела повернуть антенну. Я хочу услышать сигнал, идущий с Сороры.

Компьютер произнес обиженным тоном:

— Антенна повернута к Сороре.

Я посмотрел на Линг. Кажется, все стало ясно. Покидая Землю, мы опасались, что человечество само себя уничтожит, и даже не подумали о том, что может произойти, если этого все-таки не случится. Но за двенадцать веков, несомненно, сумели изобрести более совершенные космические корабли. Пока колонисты спали на борту «Духа первооткрывателей», другие корабли пронеслись мимо, прибыв на Тау Кита на несколько десятилетий или даже веков раньше, — достаточно давно, потому что на Сороре успели построить целые города.

— Черт! — выругался я. — Черт возьми!

Я покачал головой, глядя на экран. Должна была победить черепаха, а не заяц, если верить басне[2].

---

[1] Мандаринский диалект китайского языка.

[2] Имеется в виду басня Эзопа «Заяц и черепаха», в которой черепаха выигрывает состязание в беге, пока заяц спит.

— Что мы будем делать? — спросила Линг.

Я вздохнул:

— Думаю, нужно установить с ними контакт.

— Мы можем оказаться их врагами.

Я ухмыльнулся:

— Но не оба сразу: ты же слышала радио — мандаринский и английский. В любом случае трудно представить, что сейчас война заботит кого-то больше, чем тысячу лет назад.

— Извините, — произнес компьютер. — Входящее звуковое сообщение.

Я взглянул на Линг. Ее лицо выражало удивление.

— Включи! — приказал я.

— Добро пожаловать, «Дух первооткрывателей»! Говорит Джод Боккет, начальник космической станции Делантин, которая находится на орбите Сороры. Есть кто-нибудь проснувшийся на борту?

Это был мужской голос с акцентом, не похожим на те, которые я когда-либо слышал.

Линг посмотрела на меня, я кивнул.

— Компьютер, отправь ответ, — велела она.

Компьютер подал сигнал, что канал открыт.

— Это Линг Ву, сокапитан «Духа первооткрывателей». Двое из нас ожили, еще сорок восемь человек находятся в состоянии криогенной заморозки.

— Хорошо, — ответил Боккет. — Вы доберетесь сюда только через несколько дней. Что, если мы отправим корабль, чтобы доставить вас двоих на Делантин? Мы можем забрать вас в течение часа.

— Им что, нравится подчеркивать свое превосходство? — пробормотал я.

— Что вы говорите? Мы не расслышали.

Мы с Линг переглянулись и кивнули.

— Хорошо, — сказала Линг. — Мы будем ждать.

— Долго ждать не придется, — ответил Боккет, и сеанс связи завершился.

Боккет прилетел за нами сам. Его шаровидный корабль казался крошечным по сравнению с нашим, но свободного пространства внутри было столько же. Ох уж это тщеславие! Будет ли оно когда-нибудь искоренено?

Стыковочные узлы сильно изменились за тысячу лет, и стыки не были герметичными, поэтому нам пришлось переправляться на другой корабль в космических скафандрах. Очутившись на борту, я с удовольствием отметил, что мы продолжаем свободно плавать в воздухе; если бы у них имелась искусственная гравитация, это было бы уже слишком.

Боккет оказался приятным парнем моего возраста, около тридцати лет. Конечно, люди теперь могли выглядеть всегда молодыми; кто знает, сколько ему лет на самом деле? Я не сумел определить и его этническую принадлежность; похоже, в нем смешались черты нескольких рас. Но Боккету определенно понравилась Линг — у него глаза полезли на лоб, когда она сняла шлем, открыв красивое лицо с высокими скулами и длинные черные волосы.

— Привет, — сказал он, широко улыбаясь.

Линг улыбнулась в ответ:

— Привет, я Линг Ву, а это Тоби МакГрегор, сокапитан.

— Приветствую, — произнес я и протянул руку.

Боккет посмотрел на нее, явно не понимая, что нужно делать. Затем протянул свою, копируя мой жест, но до меня так и не дотронулся. Я дотянулся до его руки и пожал ее. Боккет выглядел приятно удивленным.

— Сначала мы отвезем вас на станцию. Извините, но вы не можете отправиться на планету, пока не истечет срок вашего карантина. За это время мы искоренили множество болезней и больше не делаем прививки против них. Я согласился рискнуть, но...

— Все в порядке, — кивнул я.

Он слегка наклонил голову, как будто задумался на мгновение, затем произнес:

— Я велел кораблю доставить нас обратно на станцию Делантин. Она находится на полярной орбите, примерно в двухстах километрах от Сороры; вы увидите красивейшие пейзажи планеты. — Он широко улыбался. — Встретить вас — это такое чудо! Будто перелистнуть назад страницу истории.

— Если вы знали о нас, то почему не забрали нас раньше? — спросил я, когда мы отправились на станцию.

Боккет прочистил горло:

— Мы не знали о вас.

— Но вы знали название нашего корабля.

— Ну, оно написано трехметровыми буквами на его корпусе. Наша система отслеживания астероидов обнаружила вас. Значительная часть информации о вашем времени была утрачена, — вероятно, произошло много политических переворотов, да? Но мы знали, что в двадцать первом веке земляне проводили эксперименты со спальными кораблями.

Мы приближались к космической станции; она представляла собой огромное кольцо, которое вращалось для создания гравитации. Человечество потратило тысячу лет, но наконец-то начало строить космические станции именно так, как это было определено самой природой.

Рядом с этим сооружением парил прекрасный космический корабль с веретенообразным серебристым корпусом и двумя рядами взаимно-перпендикулярных изумрудно-зеленых треугольных крыльев.

— Он великолепен! — произнес я.

Боккет кивнул.

— А как он садится? На хвост?

— Он не садится. Это межзвездный корабль.

— Да, но...

— Мы используем шаттлы для полетов на планету и обратно.

— Но если он не может сесть, почему он такой обтекаемой вытянутой формы? Для красоты?

Боккет рассмеялся, но это был вежливый смех.

— Он построен таким, потому что это необходимо. При полете со скоростью чуть ниже скорости света происходит существенное сокращение длины; это означает, что межзвездная среда оказывается гораздо более плотной. Хотя это всего лишь один барион[1] на кубический сантиметр, при высокой скорости движения создается впечатление, что это что-то вроде *атмосферы*.

— Ваши корабли такие быстрые? — спросила Линг.

— Да, они такие быстрые, — улыбнулся Боккет.

Линг покачала головой:

— Мы были просто сумасшедшими, когда решили отправиться в это путешествие. — Она посмотрела на Боккс-

---

[1] *Барионы* (от *греч.* barys — тяжелый) — группа тяжелых элементарных частиц с массой не меньше массы протона.

та, но, не встретившись с ним взглядом, опустила глаза. — Вы, наверное, думаете, что мы ужасно глупые.

Глаза Боккета расширились от изумления. Казалось, он не знает, что ответить. Он протянул ко мне руки, словно обращаясь за поддержкой. Но я просто выдохнул, выпустив вместе с воздухом разочарование.

— Вы ошибаетесь, — произнес наконец Боккет. — Вы сильно ошибаетесь. Мы очень уважаем вас.

Он помолчал, дождавшись, когда Линг поднимет на него взгляд. Ее брови удивленно поползли вверх.

— Если мы прибыли сюда раньше вас, — продолжил Боккет, — и если мы передвигаемся быстрее, чем вы, то только благодаря вашей работе. Люди сейчас здесь, и нам легко было добраться сюда, потому что вы и остальные проложили путь. — Он посмотрел на меня, затем на Линг. — Если мы видим дальше, то только потому, что стоим на плечах великанов.

В тот же день, чуть позднее Линг, Боккет и я прогуливались по плавно изгибающейся космической станции. Наши передвижения были ограничены одной секцией. Боккет сообщил, что нам позволят отправиться на планету через десять дней.

— Нам нечего здесь делать, — заявила Линг. — Мы безнадежно устаревшие чудаки. Как если бы кто-то из династии Тан[1] появился в наше время.

— Сорора — богатая планета, — сказал Боккет. — Мы сможем обеспечить вас и ваших пассажиров.

— Они не пассажиры, — резко возразил я, — они колонисты! Исследователи!

Боккет кивнул:

— Извините. Конечно, вы правы. Но послушайте, мы и вправду восхищаемся вами. Я пока держу вас подальше от СМИ; карантин позволяет мне это. Но они просто с ума сойдут, когда вы ступите на планету. Это все равно что повстречать Нила Армстронга или Тамико Хиросиге.

— Тамико кого? — переспросила Линг.

---

[1] *Династия Тан* (618–907) — китайская императорская династия, эпоха которой традиционно считается периодом наивысшего могущества страны.

— Извините. Она жила не в ваше время. Она первая высадилась на альфа Центавра.

— Первая, — повторил я, подозревая, что мне не удалось скрыть огорчение. — Да, это честь, это достижение — быть первым. Но никто не помнит имени второго человека, высадившегося на Луну.

— Эдвин Юджин Олдрин Младший, известный как Базз.

— Хорошо, вы помните, но большинство — нет.

— Я не помнил этого; я только что узнал. — Он постучал по виску. — Прямая связь с сетью планеты; у каждого она есть.

Линг выдохнула: пролив слишком широк.

— И все равно мы не первооткрыватели, — произнесла она, — мы просто неудачники. Мы могли прилететь раньше вас, но вы нас опередили.

— Ну, это сделали мои предки. Я сорорианин шестого поколения.

— Шестого поколения? — удивился я. — Как долго существует эта колония?

— Мы больше не являемся колонией. Теперь мы — независимый мир. Но корабль, который прибыл сюда первым, покинул Землю в две тысячи сто седьмом году. Мои предки иммигрировали не намного позже.

— Две тысячи сто седьмой, — повторил я.

Это всего лишь через пятьдесят шесть лет после запуска «Духа первооткрывателей». Мне был тридцать один год, когда наш корабль отправился в путешествие; если бы я остался на Земле, то вполне мог бы дожить до отправления настоящих первопроходцев. О чем мы думали, покидая Землю? Разве мы не убегали, спасаясь от бомб? Кем мы были — первопроходцами или трусами?

Нет. Нет. Это дурацкие мысли. Мы улетели по той же причине, по которой Homo sapiens пересекли Гибралтарский пролив. Мы сделали это как представители данного вида. Именно поэтому мы выжили, а неандертальцы вымерли. Нам нужно было увидеть, что там, на другом берегу, что скрывается за следующим холмом, что вращается вокруг других звезд. Именно это дало нам власть над родной планетой, именно это должно было сделать нас владыками бескрайнего космоса.

Я повернулся к Линг и сказал:

— Мы не можем остаться здесь.

Подумав немного, она кивнула и посмотрела на Боккета:

— Нам не нужны парады и памятники. — Она подняла брови в подтверждение важности своих слов. — Нам нужен новый корабль, более быстрый.

Линг взглянула на меня, и я кивнул. Она указала на иллюминатор:

— Обтекаемый корабль.

— Что вы будете с ним делать? — спросил Боккет. — Куда полетите?

Линг посмотрела на меня, затем на Боккета:

— Андромеда.

— Андромеда? Вы имеете в виду туманность Андромеды? Но это... — Короткая пауза. Несомненно, сеть сообщала ему данные. — Это две целых две десятых миллиона световых лет.

— Точно.

— Но... вам понадобится около двух миллионов лет, чтобы добраться туда.

— Только по меркам Земли, простите — Сороры, — заметила Линг. — Мы потратили бы меньше субъективного времени, чем уже потратили, и, конечно, все это время мы провели бы в криогенных камерах.

— Ни на одном из наших кораблей нет криогенных камер. Они просто не нужны.

— Мы могли бы воспользоваться камерами с «Духа первооткрывателей».

Боккет покачал головой:

— Это будет полет в один конец; вы никогда не вернетесь назад.

— Не правда, — возразил я. — В отличие от большинства галактик туманность Андромеды двигается навстречу Млечному Пути. В конце концов две галактики сольются, доставив нас домой.

— Это произойдет через миллиарды лет.

— Узкое мышление не приводило ни к чему хорошему, — сказала Линг.

Боккет нахмурился:

— Я уже говорил вам, что мы в состоянии содержать вас и ваших товарищей здесь, на Сороре, и это правда. Но

межзвездные корабли дорого стоят. Мы не можем просто отдать вам один из них.

— Это будет дешевле, чем содержать всех нас.

— Нет, не будет.

— Вы заявляли, что восхищаетесь нами, что стоите на наших плечах. Если это правда, тогда окажите нам услугу. Дайте нам возможность стоять на ваших плечах. Подарите нам новый корабль.

Боккет вздохнул; он чувствовал, что мы не понимаем, как в действительности сложно будет выполнить просьбу Линг.

— Я сделаю все, что в моих силах, — пообещал он.

Линг и я разговаривали весь вечер, а в это время зелено-голубая Сорора величественно вращалась под нами. В этом заключалась наша работа — совместно принимать верное решение, помня не только о себе, но и о сорока восьми членах экипажа «Духа первооткрывателей», которые доверили нам свои судьбы. Хотели бы они, чтобы их оживили здесь?

Нет. Конечно нет. Они покидали Землю, чтобы основать колонию; не было причин считать, что они изменили мнение, какие бы сны им ни снились. Никто из нас не настаивал на полете именно к Тау Кита; эта звезда просто представлялась логичной целью.

— Мы могли бы попросить отправить нас обратно на Землю, — заметил я.

— Ты не хочешь этого, — ответила Линг. — И остальные тоже не захотели бы, я уверена.

— Да, ты права. Они предпочли бы лететь дальше.

Линг кивнула:

— Я тоже так думаю.

— Андромеда? — улыбнулся я. — Почему?

Она пожала плечами:

— Первое, что пришло на ум.

— Андромеда, — повторил я, будто пробуя это слово на вкус.

Я вспомнил, как был взволнован, когда в шестнадцать лет в калифорнийской пустыне впервые увидел маленькое овальное пятнышко ниже Кассиопеи. Еще одна галактика. Еще один остров во Вселенной, в два раза больше нашего.

— Почему нет? — Я помолчал, но через некоторое время добавил: — Похоже, ты понравилась Боккету.

— Мне он тоже понравился, — улыбнулась Линг.

— Так будь с ним.

— Что? — удивилась Линг.

— Будь с ним, если он тебе нравится. Это я должен оставаться один, пока Хелена не воскреснет. А ты не должна. Даже если они дадут нам новый корабль, мы все равно проведем здесь несколько недель, пока не перенесут криокамеры.

Глаза Линг округлились.

— Мужчины! — фыркнула она, хотя я знал, что идея пришлась ей по душе.

Боккет оказался прав: сороранские СМИ были без ума от нас с Линг, и не только из-за нашей экзотической внешности — моей белой кожи и голубых глаз, ее смуглой кожи и «монгольских складок» на веках; не только из-за нашего странного акцента, так отличавшегося от речи людей тридцать третьего века. Они также восхищались духом первооткрывателей.

Когда закончился карантин, мы отправились на планету. Температура оказалась немного ниже, чем мне хотелось бы, и воздух более влажным, но вполне пригодным для человека. Архитектура столицы Сороры Пакса[1] была на удивление витиеватой, со множеством куполообразных крыш и замысловатых орнаментов. Правда, слово «столица» уже устарело; правительство полностью децентрализовали, все важные решения принимал плебисцит[2], в том числе и решение о том, давать ли нам новый корабль.

Боккет, Линг и я находились на центральной площади Пакса вместе с президентом Сороры Кари Дитал, ожидая оглашения результатов.

Здесь также присутствовали представители СМИ со всей системы Тау Кита и даже один с Земли, его статьи читали спустя 11,9 лет после того, как он отправлял их. Около тысячи зрителей тоже собрались здесь.

— Друзья, — начала Дитал, обращаясь к толпе, — вы все приняли участие в голосовании и сейчас позвольте мне объявить результат.

---

[1] *Пакс* (Pax) — мир *(лат.)*.

[2] *Плебисцит* — один из видов всенародного голосования.

Она слегка коснулась головы, и мгновение спустя толпа начала аплодировать и ликовать.

Линг и я повернулись к Боккету, который радостно улыбался.

— Что это значит? Какое решение они приняли? — спросила Линг.

— Ой, извините, я забыл, что у вас нет сетевых имплантатов. Вы получите корабль.

Линг закрыла глаза и облегченно вздохнула. Мое сердце выпрыгивало из груди.

Президент Дитал обратилась к нам:

— Доктор МакГрегор, доктор Ву, не хотите ли сказать пару слов?

Мы переглянулись и встали.

— Спасибо, — произнес я, глядя на лица в толпе.

Линг кивнула:

— Большое вам спасибо.

Репортер задал нам вопрос:

— Как вы назовете свой новый корабль?

Линг нахмурилась; я поджал губы, а затем сказал:

— Как еще мы можем его назвать? Конечно, «Дух первооткрывателей-два».

Толпа снова возликовала.

Наконец наступил решающий день. До официального отлета нашего нового корабля, который должен был освещаться во всех СМИ, оставалось еще четыре часа, но мы с Линг уже направились к переходному шлюзу, соединявшему корабль с внешней частью станции. Линг хотела еще раз все проверить, а я посидеть немного возле криокамеры Хелены и поговорить с женой.

Нас окликнул Боккет; он бежал следом за нами по изогнутому коридору.

— Линг, — сказал он, задыхаясь, — Тоби.

Я кивнул, приветствуя его. Линг выглядела смущенной; они очень сблизились за последние несколько недель, и прошлой ночью у них была возможность попрощаться. Думаю, она не ожидала увидеть его еще раз до нашего отправления.

— Извините, что побеспокоил вас, — начал Боккет, — знаю, вы оба очень заняты, но...

Он нервничал.

— Да? — произнес я.

Он посмотрел на меня, затем на Линг:

— У вас найдется место для еще одного пассажира?

Линг улыбнулась:

— У нас нет пассажиров. Мы колонисты.

— Извините, — улыбнулся Боккет в ответ. — У вас найдется место для еще одного колониста?

— Ну, у нас четыре свободные криокамеры на борту. Но...

Линг посмотрела на меня. Я пожал плечами:

— Почему нет?

— Нам предстоит трудная работа, — заявила Линг, повернувшись к Боккету. — Где бы мы ни оказались, будет тяжело.

Боккет кивнул:

— Я знаю. И я хочу участвовать в этом.

Линг знала, что ей не нужно стесняться проявлять свои чувства при мне.

— Это было бы чудесно, — сказала она. — Но... но почему?

Боккет робко взял ее за руку. Он мягко сжал ее, и Линг сжала его руку в ответ.

— Ты — первая причина.

— Нравятся женщины постарше? — ехидно поинтересовалась Линг.

Я улыбнулся.

— Наверное, — рассмеялся Боккет.

— Ты сказал, что я — первая причина.

Он кивнул:

— Вторая причина — это... В общем, я не хочу стоять на плечах великанов. — Он помолчал секунду, затем слегка приподнял плечи, будто в подтверждение тому, что собирался сказать и что редко произносят вслух. — Я сам хочу быть великаном.

Боккет и Линг продолжали держаться за руки, пока шли по длинному коридору космической станции к блестящему и изящному кораблю, который должен был доставить нас на нашу новую родину.

ДЖЕФФРИ ЛЭНДИС

Вдогонку за Солнцем

Джеффри Лэндис (р. в 1955 г.) — физик, работающий в НАСА, лауреат нескольких научных премий, занимается проблемой воздействия космоса на окружающую среду. Женат на писательнице Мэри Терзилло, проживает под Кливлендом, в Огайо, США. Пишет в основном твердую научную фантастику, опубликовал более пятидесяти произведений малой формы. Его дебютный рассказ «Элементаль» («Elemental», 1984) номинировался на премию «Хьюго», за рассказ «Зыбь на море Дирака» («Ripples in the Dirac Sea», 1988) писатель удостоился премии «Небьюла», а представленный в данной антологии рассказ «Вдогонку за Солнцем» (1991) завоевал премию «Хьюго». Короткая проза Лэндиса издана в сборнике «Коэффициент импульса и другие квантовые сущности» («Impact Parameter and Other Quantum Realities», 2001). Первый роман писателя «Пересекая Марс» («Mars Crossing», 2000), номинированный на премию «Небьюла», повествует о попытке освоения Марса.

Гарднер Дозуа отмечает, что для прозы Лэндиса характерны не только блестящие идеи, но прежде всего яркая эмоциональная окрашенность, отличающая его от большинства фантастов.

В рассказе «Вдогонку за Солнцем» Лэндис обратился к излюбленной теме многих писателей новой волны — к образу умирающего астронавта. По словам автора, в тот момент его занимал вопрос о создании передвижной лунной базы, работающей на солнечных батареях, и, сделав научный доклад на эту тему, Лэндис решил написать рассказ на основе собранного материала.

У пилотов есть поговорка: если выжил после посадки, значит, посадка прошла успешно.

Наверное, Санджив сумел бы посадить корабль лучше, будь он жив. Но Триш сделала все возможное. В сложившихся обстоятельствах посадка оказалась гораздо удачнее, чем она смела надеяться.

Титановые стойки толщиной с карандаш не были рассчитаны на такую нагрузку при приземлении. Стенки, тонкие, словно лист бумаги, под давлением выгнулись и трес-

пули, обломки разлетелись в вакууме на километр и осели на поверхность Луны. За мгновение до столкновения Триш вспомнила, что нужно опорожнить балластные отсеки. Взрыва не последовало, но, как бы мягко ни прошла посадка, космический корабль «Лунная тень» все равно не мог уцелеть. В зловещей тишине его хрупкий корпус смялся и лопнул, словно консервная банка.

Командный модуль оторвало от основной части корабля, обломок отлетел к кратеру. Когда он замер, Триш отстегнула ремни, удерживающие ее в кресле пилота, и медленно поплыла к потолку. Справившись с непривычной гравитацией, она нашла уцелевшую систему для выхода в открытый космос, присоединила ее к скафандру и выползла на солнечный свет через дыру с неровными краями — совсем недавно здесь начинался жилой отсек.

Выбравшись на серую лунную поверхность, Триш выпрямилась и осмотрелась. Перед ней лежала ее собственная тень, похожая на чернильное пятно в форме причудливо вытянутой человеческой фигуры. Неровный и абсолютно бесплодный ландшафт бесцветен — только серый и черный.

— Величие пустоты, — прошептала Триш.

Солнце зависло точно над горами за спиной, и в его лучах сверкали обломки титана и стали, рассеянные по изрытой кратерами равнине.

Патриция Джей Маллиган осматривала пустынную поверхность Луны и пыталась сдержать слезы.

Сначала самое главное. Триш вытащила из обломков отсека экипажа радио и попробовала включить. Тишина. Что неудивительно: Земли на горизонте не видно, а других космических кораблей поблизости нет.

После недолгих поисков Триш нашла Санджива и Терезу. При пониженной гравитации нести их тела было до нелепости легко. Хоронить незачем. Триш усадила их в нише между двумя валунами, лицом к Солнцу, на запад, туда, где за грядой черных гор была Земля. Девушка попыталась придумать слова, которые оказались бы к месту, но ничего не пришло ей в голову. Ну да ладно; все равно она не знала, как следует провожать в последний путь Санджива.

— Прощай, Санджив. Прощай, Тереза. Как бы мне хотелось... Как бы мне хотелось, чтобы все сложилась ина-

че. Как жаль... — прошептала Триш. — Да пребудет с вами Господь!

Пришлось отогнать навязчивые мысли о том, что ей и самой вскорс придется присоединиться к ним.

Триш заставила себя собраться. Итак, что бы сделала ее сестра? Выжила. Карен обязательно выжила бы. Во-первых, надо собрать уцелевшие вещи. Триш каким-то чудом осталась жива и невредима. Скафандр прочный и пригодный к использованию. Солнечные батареи питают систему жизнеобеспечения, и, пока светит Солнце, есть и вода, и воздух. Покопавшись в обломках корабля, Триш отыскала множество неповрежденных продовольственных пакетов, так что голод ей не грозит.

Во-вторых, необходимо подать сигнал бедствия. Ближайшая помощь была за горизонтом, за четверть миллиона миль отсюда. Значит, Триш понадобятся остронаправленная антенна и вершина горы, с которой видна Земля.

В компьютере «Лунной тени» были лучшие карты Луны. Теперь их нет. На корабле имелись и другие карты, но где они после крушения? Триш удалось отыскать подробную карту Моря Облаков, но она не нужна. Еще нашлась карта лунных полушарий. Вот это подойдет. Насколько Триш могла судить, она находилась у восточного края Моря Смита. А возвышающаяся поодаль гряда гор, вероятно, отмечала другой край моря, и, если повезет, с ее вершин можно увидеть Землю.

Триш проверила скафандр. Солнечные батареи развернуты полностью, словно огромные стрекозьи крылья. Поворачиваясь к Солнцу, они вспыхивали разными цветами спектра. Удостоверившись, что системы скафандра заряжаются должным образом, Триш отправилась в путь.

При ближайшем рассмотрении гора оказалась не такой крутой, какой выглядела с места крушения. В условиях пониженной гравитации подниматься было едва ли сложнее, чем просто идти по ровной поверхности, хотя двухметровая тарелка антенны мешала Триш удерживать равновесие. Взобравшись на вершину, девушка увидела тоненький голубой серп на горизонте. Горы по другую сторону долины все еще утопали во тьме. Поудобнее пристроив на плече радио, Триш двинулась дальше.

Со следующей горной вершины край земного шара был виден лучше и напоминал бело-голубой мрамор. Триш установила треногу антенны и осторожно подключила питание.

— Говорит астронавт Маллиган с космического корабля «Лунная тень». Крушение. Повторяю, произошло крушение. Кто-нибудь меня слышит?

Триш отпустила кнопку передачи и стала ждать ответа, но услышала лишь мягкий шелест статики от Солнца.

— Говорит астронавт Маллиган с корабля «Лунная тень». Слышит ли меня кто-нибудь? — Она опять отпустила кнопку и прислушалась. — «Лунная тень» вызывает помощь. «Лунная тень» вызывает помощь. Произошло крушение.

— «...тень», говорит пульт управления Женевы. Сигнал слабый, но мы вас слышим. Оставайтесь на связи.

Триш облегченно вздохнула. Она даже не заметила, как задержала дыхание.

Через пять минут из-за вращения планеты антенна оказалась вне радиуса действия. И за это время — пока на Земле приходили в себя от удивления, что после катастрофы на «Лунной тени» кто-то остался в живых, — Триш осознала масштабы бедствия. Оказалось, что она прилунилась вблизи границы света и тени, на самом краю освещенной Солнцем стороны Луны. Луна вращается медленно, но неумолимо. Через три дня наступит закат. На Луне нет никакого убежища — места, где можно было бы переждать ночь, длящуюся четырнадцать земных суток. Кислород обеспечивают солнечные батареи, которым нужен свет. Осмотр обломков крушения не дал никаких результатов: не оказалось ни не поврежденных резервуаров, ни батарей, ни средств для пополнения запаса кислорода.

И уж конечно, помощь не подоспеет до наступления ночи.

Слишком много «не».

Триш задумалась, пристально глядя на тонкий голубой серп земного шара, виднеющийся из-за гор на горизонте.

Через несколько минут антенна вошла в диапазон, и радио вновь ожило:

— «Лунная тень», прием! Прием! «Лунная тень», вы слышите меня?

— Говорит «Лунная тень», вас слышу. — Триш отпустила кнопку передачи и в затянувшейся тишине ждала, пока ее слова долетят до Земли.

— Вас понял, «Лунная тень». Сообщаю, что спасательный корабль прибудет через тридцать дней. Сможете столько продержаться?

Триш приняла решение и нажала кнопку передачи:

— Астронавт Маллиган с корабля «Лунная тень». Я дождусь вас. Так или иначе.

Она ждала ответа, но его не последовало. Принимающая антенна не могла выйти из диапазона действия так быстро. Триш осмотрела радиоприемник. Сняв кожух, обнаружила на плате электропитания трещину, вероятно появившуюся в результате крушения, но в целом с виду все было в порядке, никаких поломок. Триш стукнула по рации, следуя первому правилу обращения с электроникой — правилу, придуманному Карен: если что-то не работает, следует по нему стукнуть. Затем вновь настроила антенну, но тщетно. Очевидно, что-то действительно сломалось.

Что сделала бы Карен? Конечно же, не стала бы просто сидеть и ждать смерти. «Поторапливайся, подружка, давайка скорей отправляйся в путь. Когда тебя настигнет закат, ты умрешь».

На Земле услышали ее ответ. Ей необходимо верить в то, что услышали и прилетят за ней. Надо всего лишь выжить.

Тащить с собой параболическую антенну слишком обременительно. Триш могла позволить себе только самое необходимое. Если ее догонит закат, кислород закончится. Она оставила радио и двинулась в путь.

Командир корабля пристально смотрел на результаты рентгеноскопии двигателя. Четыре утра. Этой ночью поспать больше не удастся: в шесть нужно лететь в Вашингтон, отчитываться перед Конгрессом.

— Решение за вами, капитан, — напомнил о себе бортмеханик. — Рентгеноскопия не выявила никаких дефектов, но они могут оказаться скрытыми. При заданных параметрах полета от двигателей не потребуется сто двадцать, так что, даже если и есть какое-то повреждение, лопасти все равно должны выдержать.

— И сколько времени мы потеряем, если возьмемся перепроверять двигатели?

— Если все в порядке, потеряем день. Если нет — два или три.

Капитан Стэнли раздраженно забарабанил пальцами. Он терпеть не мог ситуаций, вынуждающих принимать скоропалительные решения.

— Какой порядок действий предписан в обычной ситуации?

— В обычной — мы бы перепроверили.

— Так и поступайте.

Стэнли вздохнул. Еще одна задержка. Где-то там, далеко, кто-то надеялся, что он прилетит вовремя. Конечно, если этот кто-то все еще жив. Если оборвавшийся радиосигнал не означает катастрофический отказ и других систем тоже.

И если нашелся способ выжить без кислорода.

На Земле это называлось бы марафонским бегом. На Луне же — просто непринужденным размашистым шагом. После первого десятка миль ритм установился, и теперь движение напоминало одновременно ходьбу, бег трусцой и прыжки кенгуру в замедленной съемке. Самым страшным врагом оказалась скука.

Сокурсники Триш по академии, завидующие, что только ее одну выбрали для участия в полете, смеялись над экспедицией, которая должна была проходить в нескольких километрах от Луны, но не предусматривала высадки на планету. И вот у Триш есть шанс увидеть Луну так близко, как еще не удавалось никому! Интересно, что однокурсники думают теперь? Сколько она сможет порассказать — если, конечно, выживет. От мечтаний Триш отвлек сигнал, предупреждающий о низком напряжении. Она начала просматривать на дисплее показатели работы системы. Время, проведенное в открытом космосе: восемь и три десятых часа. Все данные в порядке, за исключением силы тока солнечных батарей, которая оказалась значительно ниже нормы. Вскоре Триш обнаружила причину: батареи покрылись тонким слоем пыли. Проблема невелика, их можно протереть. Но если не удастся выбрать темп, при котором пыль не будет оседать на батареях, придется через каждые

несколько часов останавливаться и производить чистку. Триш еще раз все проверила и вновь двинулась в путь.

Солнце неподвижно висело над головой, голубой полумесяц медленно вращающейся Земли, завораживая взгляд, незаметно уползал за горизонт, и мысли Триш блуждали. У «Лунной тени» было очень простое задание: низкоорбитальный полет для проведения топографической съемки перед постройкой базы на Луне. Корабль никогда не предназначался для посадки где бы то ни было.

Несмотря на это, в безвыходной ситуации Триш все-таки пришлось произвести посадку.

Девушка шагала на запад через бесплодную равнину, а перед глазами всплывали жуткие сцены крушения: рядом с ней гибнущий Санджив, мертвая Тереза лежит в лабораторном модуле, в иллюминаторе крутится гигантская Луна. Остановить вращение, подготовиться к посадке. В лучах низкого Солнца изрытая кратерами поверхность планеты кажется еще рельефнее. Не забыть опорожнить балластные отсеки, чтобы не произошло взрыва.

Все это в прошлом. Стоит сосредоточиться на настоящем. Нога делает шаг вперед. Еще шаг. Еще.

Снова раздался сигнал низкого напряжения. Что, опять пыль?

Триш опустила взгляд на навигационную панель и с удивлением обнаружила, что прошла сто пятьдесят километров.

В любом случае стоит отдохнуть. Она села на валун, достала пакет с пищей и установила таймер на пятнадцать минут. Герметичный порт пищевого пакета был сконструирован таким образом, чтобы сопрягаться с соответствующим портом внизу лицевой части гермошлема. Важно следить, чтобы внутрь не попал песок. Триш дважды осмотрела пакет, перед тем как соединить его со скафандром, и переместила плитку пищи так, чтобы было удобно откусывать. Еда оказалась твердой и сладковатой.

Через холмистую равнину Триш смотрела на запад. Горизонт выглядел плоским и каким-то нереальным, как декорация. На Луне будет несложно передвигаться со скоростью пятнадцать или даже двадцать миль в час. За вычетом времени на сон, в среднем, наверное, получится десять. Так она сможет пройти много, очень много.

Карен это понравилось бы, ведь она так любила бродить по безлюдным районам.

— По-своему весьма занятно, правда, сестренка? — спросила Триш. — Кто бы мог подумать, что бывает столько оттенков серого. Прекрасный пустынный пляж — вот только до воды уж очень далеко.

Пора в путь. Луна на удивление плоская, лишь сотая часть ее поверхности имеет уклон более пятнадцати градусов. Небольшие возвышенности Триш преодолевала запросто, другие обходила. При пониженной гравитации ходьба давалась легко, и девушка шла и шла вперед. Усталости не ощущалось, но, взглянув на показания приборов, Триш обнаружила, что идет уже двадцать часов, и заставила себя остановиться.

Устроиться поспать оказалось изрядной проблемой. Конструкция солнечных батарей позволяла легко отсоединять их от скафандра, но в этом случае переставала поступать энергия, необходимая для системы жизнеобеспечения. В конце концов Триш удалось протянуть короткий кабель так, что батареи оказались рядом с ней, и можно было лечь, не отключая их, — оставалось только следить за тем, чтобы не ворочаться во сне. Подготовка наконец-то завершилась, но сон не шел. Через некоторое время Триш все же погрузилась в тяжелую дрему, наполненную сновидениями, но вовсе не о «Лунной тени», как она предполагала, а о сестре Карен, которая во сне отнюдь не была мертва, а просто подшутила над ней, притворившись мертвой.

Проснувшись, Триш не могла понять, где находится. Все мышцы болели. Краешек Земли с ладошку величиной виднелся над горизонтом. Триш вскочила, зевнула и побежала на запад через равнину, усыпанную серым, словно порох, песком.

Ботинки сильно натерли ноги. Триш попыталась перейти с ходьбы на подскакивания, потом попробовала передвигаться, прыгая, как кенгуру. Помогло, но не сильно. Чувствовалось, как натертые места покрываются волдырями, но не было никакой возможности снять ботинки, осмотреть и забинтовать ноги.

Некогда Карен проделала немалый путь со страшными мозолями на ногах, но при этом она не жаловалась и не

расслаблялась. Следовало бы, конечно, заранее разносить ботинки, но по крайней мере боль терпима.

А через какое-то время ноги просто онемели.

Маленькие кратеры Триш перепрыгивала, те, что пошире, — огибала, а через большие перелезала. Западнее Моря Смита начался трудный участок пути. Пришлось сбавить скорость. Солнце освещало склоны холмов, но на дне кратеров и в долинах все еще лежала тень.

Вздувшиеся мозоли на ногах лопнули, боль стала резкой. Триш закусила губу, чтобы не кричать, и шла дальше. Еще несколько сотен километров — и она оказалась у Моря Пены. Идти стало легче. Через Море Пены, затем по северной окопечности Моря Изобилия, а дальше к Морю Спокойствия. Примерно на шестой день путешествия Триш должна была пройти Базу Спокойствия, но, сколько она ни вглядывалась в линию горизонта, ничего похожего не видела. В лучшем случае Триш промахнулась на несколько сотен километров, направившись севернее кратера Юлия Цезаря к Морю Паров, чтобы обойти горы. Обнаружить давнишнюю базу можно, только наткнувшись на нее, — настолько она была мала.

— Вот ведь, — сказала Триш. — Столько пройти и не увидеть единственную достопримечательность в радиусе сотен миль?! Так всегда и бывает, правда, сестренка?

Некому было оценить ее шутку, а посему Триш рассмеялась сама.

Пробуждение: от путаных сновидений к черным небесам и неподвижному Солнцу. Зевок. Вперед, в путь, еще до того, как сон окончательно улетучится. Глоток безвкусной теплой воды, и лучше не думать о том, из чего она переработана. Перерыв. Тщательнейшая очистка солнечных батарей, в них вся жизнь. Вперед, в путь. Остановка. Опять сон, и Солнце все так же пришпилено к небу, все в том же положении, как и при пробуждении. И на следующий день все повторится. И снова. И снова.

Хотя специально разработанная пища предполагает минимальное количество отходов, раз в несколько дней все же приходится присаживаться по зову природы. Система жизнеобеспечения не способна перерабатывать твердые вещества, поэтому нужно ждать, пока скафандр все высушит,

а затем выпускать коричневый порошок в вакуум. Пройденный путь отмечен пылью выделений, едва отличимой от лунного грунта.

Вперед, на запад, всегда на запад, вдогонку за Солнцем.

Увидеть Землю можно было, только запрокинув голову. Когда Земля оказалась точно в зените, Триш остановилась и отметила это событие пантомимой: открыла несуществующую бутылку шампанского и произнесла тост, чокаясь с воображаемыми товарищами. Солнце висело довольно высоко над горизонтом. За шесть дней Триш прошла четверть пути вокруг Луны.

Чтобы, не переходя гор, держаться как можно дальше от нагромождения валунов, у кратера Коперника Триш повернула на юг. Жутковатое местечко: множество огромных камней величиной с дом, с бак шаттла. Миллиарды лет назад в результате катаклизма вместо зернистого реголита образовалось скопление валунов, совершенно ненадежных в качестве опоры. Триш старательно выбирала дорогу, комментируя:

— Здесь поосторожней, шаткий камень. Подходим к холму. Как будет лучше, подняться на него или обойти?

В ответ — тишина. Триш рассматривала скалистый холм: похоже, что это древний вулкан, хотя она и не представляла, что он когда-то извергался. Должно быть, местность вокруг не особенно хороша. Но с верхушки холма можно будет осмотреться и выбрать дорогу.

— Итак, слушайте меня. Подъем будет сложным, поэтому не разбредайтесь и следите, куда я ставлю ногу. Не рискуйте понапрасну. Тише едешь — дальше будешь. Есть вопросы? — Тишина. Хорошо. — Вот и отлично. Когда доберемся до вершины, сделаем пятнадцатиминутный перерыв. За мной.

Кончились валуны кратера Коперника, дальше простирался Океан Бурь, с безупречно гладкой, словно поле для гольфа, поверхностью. Триш быстро бежала через пески. Ей казалось, что Карен и пес Голландец где-то рядом, хотя их и не видно: они просто далеко впереди или позади. Глупая собака, как щенок, по-прежнему всюду следовала за Карен, хотя именно Триш каждый день кормила ее и на-

ливала чистой воды в миску, с тех пор как Карен уехала в колледж. Триш ужасно раздражало, что Карен не бежит следом, — ведь она обещала на этот раз дать младшей сестре возможность побыть главной. Карен называла ее надоедливой глупой малышкой, и Триш хотела доказать, что она вполне способна действовать как взрослая. К тому же именно у нее карта, так что если Карен потеряется, пусть пеняет на себя.

Триш отклонилась немного на север: если верить карте, там равнинная местность. Оглянувшись в поисках сестры, девушка удивилась, как низко висит над горизонтом диск Земли. Естественно, Карен здесь не было. Она умерла много лет назад. И Триш совсем одна. Под скафандром все тело зудело и смердело, а бедра были стерты чуть ли не до мяса. Следовало надевать скафандр тщательнее, но кто же знал, что ей вздумается в нем бегать?!

Нечестно, что ей приходится носить скафандр, а Карен — нет. Карен делала много того, что Триш не могла, но как же вышло так, что ей не нужен скафандр? Скафандр необходимо носить всем. Таковы правила. Триш повернулась к сестре, чтобы спросить. Та горько рассмеялась:

— Мне, глупая малышка, скафандр не нужен по той простой причине, что я мертва. Помнишь, меня раздавили, словно жука, и похоронили?

Да, точно. И правда, если Карен мертва, значит, ей скафандр не нужен. Ответ вполне удовлетворил Триш, и несколько километров они бежали молча. Внезапно Триш *осенило:*

— Послушай, если ты мертва, то как же ты можешь быть здесь?

— А меня здесь и нет, глупышка. Я — плод твоего воспаленного воображения.

Потрясенная, Триш оглянулась. Карен действительно не было позади. Не было никогда.

— Прости меня. Пожалуйста, вернись. Пожалуйста!

Триш оступилась и упала ничком, полетела вниз по склону кратера в облаке пыли. Ей приходилось отчаянно извиваться, чтобы остаться лицом вниз, не перекувырнуться на спину, на хрупкие крылья солнечных батарей. Когда она наконец остановилась, в ушах звенела тишина, а на стекле шлема оказалась длинная царапина, похожая на скверно за-

леченный шрам. Двухслойное стекло выдержало, иначе Триш уже не глядела бы сквозь него.

Осмотр скафандра показал, что он цел, но титановая стойка, удерживающая левое крыло солнечной батареи, погнулась и едва не переломилась. Удивительно, что все остальное оказалось в порядке. Триш сняла батарею и оглядела стойку, распрямила ее, насколько смогла, и укрепила поврежденное место механическим карандашом, примотав его двумя коротенькими проволочками. Карандаш был лишней тяжестью, хорошо еще, что она не выбросила его. Триш осторожно проверила соединение на прочность. Большой нагрузки оно не выдержит, но, если не подпрыгивать высоко слишком часто, не сломается. А теперь пора отдохнуть.

Триш проснулась и первым делом огляделась. Пока она шла, ничего не замечая вокруг, местность понемногу становилась гористой. Следующий отрезок пути придется идти медленнее.

— Наконец-то ты проснулась, соня, — сказала Карен.

Зевнув и потянувшись, она обернулась посмотреть на цепочку следов позади. В конце этой тропинки крошечным голубым куполом над горизонтом висела Земля; она совсем не казалась бесконечно далекой и была единственным цветным пятном на сером фоне.

— Ну, за двенадцать дней обойти пол-Луны, — продолжала Карен, — вовсе не плохо, малышка. Не то чтобы здорово, но и не плохо. Ты готовишься к марафону, или что?

Триш вскочила и побежала. Ноги двигались автоматически, пока она пила воду, переработанную системой скафандра, пытаясь избавиться от несвежего привкуса во рту. Не оборачиваясь, крикнула Карен:

— Шевелись, нам надо многое успеть. Ты идешь, или как?

Под светом стоящего в зените Солнца предметы почти не отбрасывали тени, и местность выглядела какой-то линялой, двумерной. Триш внимательно выбирала, куда ступить, и все равно спотыкалась о камни, незаметные на плоской поверхности. Одна нога, затем другая. Еще шаг. И еще.

Первоначальное возбуждение от путешествия давно исчезло, уступив место неумолимой решимости непременно выполнить поставленную задачу. Но и она в свою очередь

сменилась оцепенением. Триш проводила время в беседах с Карен, говорила ей о себе и втайне надеялась, что сестра порадуется и скажет, что гордится ею. Но вдруг она заметила, что Карен не слушает, взгляд ее блуждает.

Триш остановилась на краю длинного рилли[1], похожего на русло пересохшей реки, ждущей ливня, который наполнит ее водой, но Триш знала, что никакой воды здесь быть не может. На дне лежала лишь пыль, сухая, словно стертая в порошок кость. Спускаясь, Триш осторожно выбирала путь, чтобы вновь не оступиться и окончательно не испортить хрупкую систему жизнеобеспечения. Обернулась и взглянула наверх. Карен стояла на краю обрыва и махала ей рукой:

— Давай же! Хватит тратить время попусту, ты, копуша! Ты что, хочешь остаться там навсегда?

— Что за спешка? Мы ведь опережаем расписание. Солнце высоко над головой, мы обошли пол-Луны. Успеем, нечего зря беспокоиться.

Карен спустилась, словно лыжник, скользя по похожей на пудру пыли. Прижалась лицом к шлему Триш и стала так напряженно вглядываться ей в глаза, что напугала сестру.

— А спешка, моя маленькая ленивая сестричка, из-за того, что ты прошла полпути, самую легкую половину, а дальше начнутся горы и труднопроходимые участки, и тебе придется шесть тысяч километров идти в неисправном скафандре. Если же ты сбавишь темп и позволишь Солнцу обогнать тебя или попадешь в еще одну, пусть даже крошечную, неприятность, в одну-единственную, то будешь мертва, мертва, мертва совсем как я. И поверь мне, тебе это не понравится. А теперь пошевеливайся — и вперед!

Двигаться действительно пришлось медленнее. Триш уже не решалась мчаться вниз по склону так, как раньше: погнутая стойка держалась на честном слове и в любой момент могла потребовать трудоемкой починки. Больше не было ровных пространств, впереди простирались или скопления валунов, или кратеры, или горы. На восемнадцатый день пути Триш подошла к огромной естественной арке, высоко взметнувшейся над головой. Девушка с благоговей-

[1] *Рилли* — лунный каньон, узкое извилистое понижение рельефа.

ным трепетом взирала вверх, силясь понять, как же такое сооружение могло возникнуть на Луне.

— Наверняка не ветер потрудился над этим, — решила Карен. — Думаю, лава. Она пробилась сквозь горный кряж и хлынула дальше, оставив отверстие; затем целую вечность микрометеориты ровняли ее грубые края. Красиво, правда?

— Величественно!

Неподалеку от арки начался лес тонких, как иглы, кристаллов. Сначала они были маленькие и хрустели под ногами, словно осколки стекла, но потом стали возвышаться шестигранными шпилями и минаретами самой фантастичной расцветки. В тишине пробиралась Триш между ними, ослепленная блеском сапфировых шпилей. Кристаллические джунгли поредели, но им на смену пришли гигантские кристаллические валуны, мерцающие и переливающиеся на солнце. Что это? Изумруды? Бриллианты?

— Не знаю, крошка. Но они преграждают нам путь. Я буду рада, когда мы оставим их позади.

Через некоторое время мерцающие валуны тоже закончились. На склонах гор вокруг Триш мелькнуло несколько цветных вспышек, а потом скалы стали просто скалами, отвесными и испещренными углублениями.

Кратер Дедала, середина обратной стороны Луны. На этот раз знаменательное событие не отмечали. Уже давно Солнце перестало лениво подниматься и теперь незаметно клонилось к горизонту.

— Это состязание в беге с Солнцем, сестренка, а Солнце не останавливается передохнуть.

— Я устала. Ты не видишь, как я устала? Наверное, я больна. У меня все тело ноет. Отстань. Дай отдохнуть. Ну хотя бы еще несколько минут. Ладно?

— Отдохнешь, когда умрешь. — Карен засмеялась странным, захлебывающимся высоким смехом.

И тут Триш вдруг осознала, что сестра находится на грани истерики. Внезапно смех оборвался.

— А ну вставай, крошка! Пошли!

Лунная поверхность ложилась под ноги серой неровной беговой дорожкой.

Изнуряющее передвижение и целеустремленность не спасали от мысли о том, что Солнце ускользает. Каждый

день, когда Триш просыпалась, оно висело немного ниже и чуть сильнее било в глаза.

Впереди, в ослепительном блеске светила, девушка увидела оазис, крошечный островок зелени посреди безжизненной пустыни. Триш даже слышала кваканье лягушек: квак, квак, КВАК!

Нет. То был не оазис, то был сигнал неисправности. Она остановилась, сбитая с толку. Перегрев. Сломалась система кондиционирования скафандра. Полдня ушло на то, чтобы обнаружить засорившийся клапан охлаждения, и еще три часа Триш истекала пóтом, пытаясь найти способ прочистить этот клапан так, чтобы драгоценная жидкость не вытекла в космос. Солнце опустилось еще на ладошку вниз, к горизонту.

Теперь оно светило прямо в лицо. Тени от скал тянули к Триш свои зловещие щупальца, и даже самые маленькие из них казались голодными и алчущими крови существами. Карен опять шла рядом, на этот раз молчаливая и угрюмая.

— Почему ты не хочешь поговорить со мной? Что я такого сделала? Я что-то не то сказала? Ну ответь же!

— Меня здесь нет, сестренка. Я мертва. Думаю, сейчас самое время тебе смириться с этим.

— Не говори так. Ты не можешь быть мертва.

— Ты меня идеализируешь и не отпускаешь. Позволь мне уйти. Позволь мне уйти!

— Не могу! Не уходи. Помнишь, как мы целый год копили карманные деньги, чтобы купить лошадь? А потом нашли бездомного больного котенка, положили его в коробку из-под обуви и отнесли к ветеринару, который котенка вылечил, а никаких денег не взял.

— Да, помню. Но нам так и не удалось скопить на лошадь, — вздохнула Карен. — Думаешь, мне было просто взрослеть рядом с надоедливой маленькой сестренкой, которая вечно ходила за мной по пятам и пыталась повторять все, что делала я?

— Никогда не была надоедливой.

— Очень даже была.

— Нет, не была. Я обожала тебя. Я преклонялась перед тобой.

— Знаю. И хочу тебе сказать, что мне от этого не становилось легче. Думаешь, это просто, когда перед тобой

преклоняются? Когда всегда и во всем являешься образцом? Боже мой, если в старших классах мне приходила в голову мысль расслабиться, я непременно должна была куда-нибудь смыться, иначе моя чертова сестренка обязательно занялась бы тем же самым.

— Неправда. Ты никогда так не делала.

— Открой глаза — еще как! А ты всегда наступала мне на пятки. Что бы я ни предпринимала, я знала, что ты будешь тут как тут и все в точности повторишь за мной. Я прилагала все силы, пытаясь уйти вперед, но ты, черт бы тебя побрал, все время с легкостью шагала следом. Ты всегда была умнее меня — и ты это знаешь, не так ли? Ну и каково мне было, как ты думаешь?

— Хорошо, ну а я? Думаешь, мне было просто? Расти рядом с мертвой сестрой — что бы я ни сделала, всегда получалось так: «Как жаль, что ты не можешь быть больше похожа на Карен», или «Карен сделала бы это не так», или «Если бы только Карен...» Как я себя при этом чувствовала, как ты считаешь?! Именно мне всю жизнь мерилом был ангел.

— Жизнь тяжела, сестренка. Но все же лучше, чем смерть.

— В самом деле, Карен, я любила тебя. Я люблю тебя. Почему тебе надо уходить?

— Знаю, сестренка. Знаю. Но так надо. Прости меня. Я тоже тебя люблю, но мне действительно пора исчезнуть. Ты отпустишь меня? Сможешь теперь быть самой собой и перестанешь пытаться быть мной?

— Я... я попробую.

— Прощай, моя маленькая сестричка.

— Прощай, Карен.

Посреди пустой безжизненной равнины, изрезанной тенями, Триш осталась одна. Солнце впереди едва касалось гребней гор. С пылью под ногами творилось нечто странное: она не оседала на поверхность Луны, а парила в полуметре над ней. Поначалу это озадачило Триш, но потом она заметила, что везде вокруг пыль бесшумно поднимается вверх. На какое-то мгновение девушка решила было, что это очередная галлюцинация, но потом поняла, что на самом деле это некий эффект электростатики. Триш двинулась дальше, вперед, сквозь туман поднимающейся лунной

пыли. Солнце стало совсем красным, небо приобрело глубокий пурпурный оттенок.

Тьма демоном наступала на девушку. За спиной Солнце освещало лишь вершины гор, а их подножия тонули во мраке. Впереди разливались чернильные лужи, и Триш приходилось тщательно выбирать путь. Радиолокатор включен, но слышится только шуршание статики. Локатор мог уловить лишь сигнал радиомаяка «Лунной тени», конечно, если бы Триш оказалась в зоне крушения. Должно быть, она где-то поблизости, но пейзаж даже отдаленно не напоминал виденный ранее. Вон там впереди — не тот ли горный хребет, с которого она послала сигнал на Землю? Этого Триш сказать не могла. Она поднялась на него, но голубого мрамора не увидела. Значит, следующий?

Темнота добралась до коленей. Триш все брела дальше, перебираясь через скалы, невидимые в темноте. Ноги высекали искры, и слабо светились следы позади. Девушка решила, что это триболюминесцентное свечение, — никто никогда такого не видел. Триш не могла умереть теперь — только не так близко от цели. Но тьма не станет ждать. Вокруг, словно океан, разливался мрак, а из него в лучах заходящего солнца выступали островки скал. Как только прилив тьмы дошел до солнечных батарей, раздался сигнал, предупреждающий о низком напряжении. Где-то здесь должно быть место крушения, оно точно где-то здесь. Может, сломался радиомаяк? Взобравшись на горный хребет, Триш в отчаянии огляделась по сторонам. Разве спасательная команда не должна была уже прибыть?

Солнце освещало только самые верхушки гор. Наметив своей целью ближайшую высокую гору, Триш двинулась к ней сквозь тьму. Девушка оступалась, но продолжала медленно двигаться вперед сквозь чернильный океан мрака и наконец вышла на свет — как будто утопающий, вынырнувший на поверхность глотнуть воздуха. Она топталась на скалистом островке, и, по мере того как тьма медленно надвигалась на нее, Триш охватывало отчаяние. Ну где же *они*? Где же *они*?

А на Земле с фантастической скоростью шла подготовка к вылету спасателей. Все было не раз проверено и перепроверено — ведь в космосе малейший недосмотр равно-

значен игре в орлянку со смертью, — тем не менее полет то и дело откладывался. В обычной ситуации это не имело бы особого значения, но для спасательной экспедиции каждая минута была на счету.

Составили невероятно напряженный график: обычно на подготовку полета уходит четыре месяца, а не четыре недели. Техники работали в выходные, а детали, которые обычно доставлялись в течение недель, привозили за одну ночь. Окончательная сборка спасательного корабля, изначально названного «Исследователем», а теперь спешно переименованного в «Спасателя», была ускорена, и транспортный модуль запущен на космическую станцию досрочно, меньше чем две недели спустя после крушения «Лунной тени». За ним последовали два грузовых шаттла с ракетным топливом. Пока спасательная команда отрабатывала на тренажере всевозможные сценарии будущей операции, посадочный модуль с проверенными и заменешными двигателями спешно модифицировали для принятия на борт третьего астронавта, протестировали и допустили к стыковке со «Спасателем». Спустя четыре недели после крушения ракета была заправлена топливом и готова к полету, команда проинструктирована, вычислена траектория движения. Шаттл с экипажем стартовал в густом тумане и на орбите состыковался со «Спасателем».

Спустя тридцать дней после того, как неожиданный сигнал с Луны принес весть о выжившем члене экипажа корабля «Лунная тень», «Спасатель» покинул орбиту и отправился на Луну.

С вершины горной гряды западнее места крушения капитан Стэнли еще раз навел луч прожектора на обломки и покачал головой.

— Чудо пилотажа, — проговорил он. — Словно она использовала двигатель Тэй для торможения, а потом села на верньерном двигателе РСУ.

— Невероятно, — прошептала Таня Накора. — Жаль, что это не смогло ее спасти.

Лунная пыль в области крушения поведала о действиях Патриции Маллиган. После того как спасатели обследовали обломки, они обнаружили цепочку следов, которая вела прямо на запад, через горный хребет, и исчезала за гори-

зонтом. Стэнли опустил бинокль. Очевидно, что цепочка следов не возвращалась обратно.

— Кажется, ей захотелось побродить по Луне, до того как кончится кислород, — сказал он. Медленно покачал головой. — Интересно, насколько далеко она ушла?

— Может, ей все-таки удалось как-нибудь выжить? — спросила Накора. — Ведь Триш на редкость изобретательна.

— Возможно. Но не настолько изобретательна, чтобы дышать в вакууме. Не стоит заниматься самообманом: эта спасательная миссия от начала и до конца всего лишь политическая игра. У нас не было ни единого шанса застать ее здесь живой.

— Но должны же мы попытаться отыскать ее, правда?

Стэнли опять покачал головой и похлопал по шлему:

— Погоди, мое радио оживает. Похоже на голос.

— Капитан, я тоже слышу, но не могу разобрать слова.

Приемник передавал едва различимый голос: «Не выключайте прожектор. Пожалуйста, ради бога, только не выключайте прожектор...»

Стэнли повернулся к Накора:

— Ты?..

— Слышу, капитан... Ушам своим не верю.

Луч прожектора Стэнли принялся рыскать по линии горизонта.

— Прием! Спасатель вызывает астронавта Патрицию Маллиган. Где же вы?

Когда-то белоснежный, скафандр стал серым и потрепанным, лишь солнечная батарея с поврежденной стойкой была тщательно очищена от лунной пыли. Фигура внутри скафандра выглядела изможденной.

Поев и вымывшись, Триш собралась с мыслями и смогла рассказать о случившемся:

— Это произошло на вершине горы. Я поднялась туда, чтобы оставаться на Солнце, и, забравшись достаточно высоко, уловила ваш сигнал.

Накора кивнула:

— Это мы поняли. Но все остальное — то, что произошло за месяц, — вы и правда обошли всю Луну? Протопали одиннадцать тысяч километров?

Триш кивнула:

— Я не смогла придумать ничего лучше. Представила себе расстояние от Нью-Йорка до Лос-Анджелеса и обратно: люди проходили столько — и ничего, оставались живы. Получалось, что идти надо со скоростью около десяти миль в час. Обратную сторону Луны преодолеть оказалось намного труднее — там гораздо сложнее передвигаться. Но местами там так удивительно прекрасно и диковинно! Да вы просто не поверите! — Триш покачала головой и негромко рассмеялась. — Я и сама не верю кое-чему из того, что видела собственными глазами. Луна просто необъятна, а мы лишь скользнули взглядом по ее поверхности. Я обязательно вернусь. Обещаю.

— Вот в этом я даже и не сомневаюсь, — улыбнулся капитан Стэнли. — Уверен, что вернетесь.

Космический корабль оторвался от Луны, и Триш бросила на нее последний взгляд. На долю секунды ей показалось, что там стоит одинокая фигура и машет ей рукой на прощание. Триш не стала махать в ответ.

Когда она вновь взглянула на то же место, там никого не было. Лишь величие пустоты.

ДЖО ХОЛДЕМАН

Посвящается Белой Горе

Джо Холдеман (р. в 1943 г.), физик-астроном по образованию, в 1967 году получил повестку и, несмотря на пацифистские убеждения, был вынужден отправиться воевать во Вьетнам. Первый его роман, «Год Войны» («War Year», 1972), адресован молодежи, а роман «1968» (1995) представляет собой попытку рассказать о войне во Вьетнаме с точки зрения солдата. Впечатления тех лет оказали большое влияние на все, созданное Холдеманом впоследствии. Правда, писать он начал еще до того, как отправился на фронт, а по возвращении домой получил степень магистра искусств. В настоящий момент Холдеман живет во Флориде или Массачусетсе вместе с женой.

Война во Вьетнаме стала одной из причин раскола в среде писателей-фантастов. В этом смысле произведения Холдемана представляют особый интерес. Например, роман «Бесконечная война» («The Forever War», 1974), удостоенный премий «Хьюго» и «Небьюла», может быть прочитан как с антивоенной и антиимпериалистической точки зрения, так и с патриотических позиций, поскольку в нем описываются приключения, вернее, злоключения рядового солдата.

Сейчас Холдеман — один из крупнейших современных писателей-фантастов, получивший мировую известность в основном благодаря рассказам в жанре твердой фантастики. Пишет он и романы, среди которых следует отметить «Мост к разуму» («Mindbridge», 1976), «Покупая время» («Buying Time», 1989), «Мистификация с Хемингуэем» («The Hemingway Hoax», 1990) и «Наступление» («The Coming», 2001), произведение о первом контакте с инопланетянами, якобы происшедшем во Флориде в 2054 году. В 1999-м Холдеман опубликовал продолжение «Бесконечной войны» («The Forever War») и «Бесконечного мира» («The Forever Peace», 1997), озаглавленное «Бесконечная свобода» («Forever Free»). Этот роман удостоился трех премий: премии Джона Кэмпбелла, «Хьюго» и «Небьюла».

Рассказы Холдемана разнообразны: от ужасов до юмористики, но, как правило, они мрачноваты. «Посвящается Белой Горе» — типичное для Холдемана произведение, сочетающее романтику, апокалиптические мотивы и размышления о роли искусства перед угрозой конца света. Оно вошло в состав антологии «Далекое будущее» («Far Futures») и яв-

ляется своего рода литературным экспериментом, что было отмечено в рецензии Джудит Клют и Дейдры Вейл в «The New York Review of Science Fiction». Достаточно сказать, что в тексте присутствуют параллели с сонетами Уильяма Шекспира, особенно с восемнадцатым сонетом, и с тайной посвящения — «мистеру W. H.»[1].

●

Свои воспоминания я пишу на языке Англии — древней страны на Земле, песни и сказки которой любила Белая Гора. Ее завораживала человеческая культура тех времен, когда не было машин — не только думающих, но и работающих, так что все делалось напряжением мышц людей и животных.

Родились мы с ней не на Земле. Там в нашу пору мало кто рождался. На двенадцатом году войны, которую называли Последней, Земля превратилась в бесплодную пустыню. Когда мы встретились, война длилась уже больше четырех веков и вышла за пределы Сол-Пространства. Так мы считали.

В некоторых культурах этот конфликт именовался по-другому. Мой родитель, сражавшийся за сто лет до меня, всегда звал его Искоренением, а противника — «тараканами» (более близкого слова я по-английски не подберу). Мы же пользовались словом, которое полагали самоназванием врага, — «фундири». Звучало оно отвратительно. Я до сих пор их недолюбливаю, мне и незачем. Проще в самом деле полюбить таракана. У нас с ним хотя бы есть общие предки, и мы вместе вышли в космос.

Одним из полезных — хотя бы отчасти — явлений, появившихся благодаря войне, был Совет Миров, что-то вроде межзвездного правительства. Прежде существовали отдельные договоры, но никто не считал вероятным создание единой организации, поскольку минимальное расстояние между любыми двумя обитаемыми системами — три световых года, а есть и те, до которых все пятьдесят. Ответ на вопрос приходит спустя столетие, с Эйнштейном не поспоришь.

---

[1] Белая Гора по-английски «White Hill».

Штаб Совета Миров, если у него был штаб, располагался на Земле. Жить там было плохо. На больной планете обитало меньше десяти тысяч человек — странный коктейль, состоявший в основном из политиков, религиозных экстремистов и ученых. Почти все скрывались под стеклом. Туристы заглядывали в купола, смотрели на руины, но надолго задерживались немногие.

Вся поверхность Земли была по-прежнему опасна, так как фундири наводнили ее нанофагами — микроскопическими аппаратами, настроенными на поиск концентраций человеческих ДНК. Проникнув под кожу, они размножались в геометрической прогрессии, разрушая тело — клетку за клеткой. Больной мог жаловаться на головную боль, лечь поспать, а через несколько часов от него оставался лишь сухой скелет на куче пыли. Когда люди кончились, нанофаги мутировали, стали охотиться за ДНК вообще и стерилизовали весь мир.

Нас с Белой Горой «вырастили» невосприимчивыми к нанофагам. ДНК у нас закручены в обратную сторону, как у многих людей, родившихся или созданных на том этапе войны. Поэтому мы могли без защиты пройти через сложные шлюзы и ступить на выжженную почву.

Сначала она мне не понравилась. Мы были друг другу чужаками и конкурентами.

Завершив последний шлюзовой цикл, я шагнул наружу. Она сидела у выхода из купола «Амазония» на раскаленном камне и о чем-то размышляла. Нельзя было не признать, что она удивительно красива. Вместо одежды — лишь блестящий узор, нанесенный голубой и зеленой красками прямо на кожу. Кругом все серело и чернело, особенно спекшийся стеатит, в который превратились некогда могучие джунгли Бразилии. Небо как кобальт, купол — черно-серое зеркало.

— Добро пожаловать на родину, — сказала она. — Ты — Человек Воды.

Она не ошиблась в склонении, что меня удивило.

— Ты ведь не с Петроса?

— Нет, конечно. — Она развела руками и окинула взглядом свое тело. Наши женщины всегда закрывают хотя бы одну грудь, не говоря уже о детородных органах. — Я с Галана, острова на Селедении. Изучала ваши культуры и немного язык.

— На Селедении тоже так не одеваются. Хотя я там, конечно, не был.

— Только на пляже. Тут очень тепло.

Пришлось согласиться. Еще до выхода мне говорили, что никто не помнит такой жаркой осени. Я снял рубашку, свернул и оставил у двери вместе с герметичной коробкой с продуктами, а потом тоже влез на камень, только на другую сторону — теневую, попрохладнее.

От нее чуть пахло лавандой, возможно из-за краски на коже. Мы соприкоснулись ладонями.

— Меня зовут Белая Гора. Ветерок-Луг-Ручей.

— А где остальные? — спросил я.

На Землю пригласили двадцать девять художников — по одному с каждого обитаемого мира. Люди, встречавшие меня в куполе, сказали, что я прибыл девятнадцатым по счету.

— В основном путешествуют. Переезжают из купола в купол в поисках вдохновения.

— Ты давно тут?

— Нет. — Она потянулась босой ногой и прочертила большим пальцем извилистую линию в пыли. — Вот это — самое главное. Не история, не культура...

Дома ее поза могла бы показаться жутко сексуальной. Но тут я был не дома.

— Ты, когда изучала мой мир, побывала на нем?

— Не-а. Денег не было. А несколько лет назад добралась. — Она улыбнулась мне. — Там красиво почти так же, как я себе представляла.

Потом она произнесла три слова по-петросиански. Их трудно перевести на английский — в нем ведь нет палиндромического наклонения[1]: «Мечты питают искусство, искусство питает мечты».

— А когда ты посещал Селедению, я была еще слишком маленькой, чтобы учиться у тебя. Правда, я многое взяла из твоей скульптуры.

— Сколько же тебе лет?

— По земному счету, около семидесяти осознанных. В сжатом времени — чуть больше ста сорока пяти.

---

[1] *Палиндром* — текст, одинаково читающийся от начала к концу и от конца к началу.

Арифметика никогда мне не давалась. Значит, так: от Петроса до Селедении двадцать два световых года, что дает нам около сорока пяти сжатых. Расстояние между Землей и ее планетой чуть меньше сорока световых лет. Получается запас на полет в двадцать пять световых лет от Петроса и обратно.

Она коснулась моего колена; я вздрогнул.

— Не перегревай мозги. Я сделала крюк — после твоего мира отправилась на Тета-Цепт.

— Правда? Как раз когда я там был?

— Нет, мы разминулись меньше чем на год. Жалко было: я ведь именно из-за тебя туда полетела. — Она опять составила палиндром на моем языке: «Охотник становится дичью, дичь становится охотником». — Так вот и мы. Может, ты меня еще чему-нибудь научишь.

Ее тон меня не слишком волновал, но я ответил очевидной фразой:

— Скорее наоборот.

— Ой, вряд ли. — Она сдержанно улыбнулась. — Тебе нечему учиться.

Наверное, я просто не могу учиться. Или не хочу.

— Ты к воде спускалась?

— Один раз. — Она соскользнула с камня и принялась отряхиваться, хлопая ладонями по телу. — Там интересно. Все как будто ненастоящее.

Я взял коробку с едой и пошел следом за нею вниз по тропинке, которая вела к развалинам. Она попросила у меня немного попить — ее фляга так нагрелась, что можно было чай заваривать.

— У тебя первое тело? — спросил я.

— Да, мне пока еще не наскучило. — Я поймал ее восхищенный взгляд. — А у тебя, наверное, четвертое или пятое?

— Я их по дюжине в год меняю. — Она рассмеялась. — На самом деле — второе. Я слишком надолго задержался в первом.

— Ага, я читала про тот случай. Должно быть, кошмарно...

— Да ничего.

Я тогда делал «контролируемую» трещину в большом валуне, и заряды взорвались раньше времени — уронил де-

тонатор. Ноги мне перетерло камнями. Там рядом никто не жил, и когда пришла помощь, я был уже семь минут как мертв, в первую очередь из-за боли.

— Конечно, на мою работу это сильно повлияло. Даже смотреть не могу на многие вещи, созданные в первые годы после того, как получил новое тело.

— Да, на них тяжело смотреть, — сказала она. — Но они хороши и по-своему красивы.

— Все на свете красиво. По-своему. — Мы остановились у руин первого дома. — А ведь тут не только следы времени, хоть и четыреста лет прошло. — Внимательно рассмотрев то, что осталось, я смог отчасти восстановить архитектуру строения — примитивного, зато, что называется, «на века», из укрепленного композитными штырями бетона. — Кто-то тут побывал со взрывчаткой. А я думал, на самой Земле боевых действий не велось.

— Говорят, что так. — Она подобрала небольшой обломок. — Наверное, кто-то взбесился, узнав, что все погибнут.

— Трудно себе представить.

В записях царил хаос. Очевидно, первые люди умерли через два-три дня после появления нанофагов, а спустя неделю на Земле не осталось ни одного живого человека.

— Хотя понять легко. Бывает, что хочется что-нибудь разрушить.

Я помню, как беспомощно корчился под валунами, как умирал из-за своей *скульптуры* и как зарождалась во мне злоба — гнев на камень, на судьбу, на что угодно, кроме собственной невнимательности и неуклюжести.

— Об этом есть стихотворение, — сказала она. — «Ярость, ярость — умирает свет».

— Неужели во время папочумы писали стихи?

— О нет. Это за тысячу лет до нее. Даже за тысячу двести. — Она вдруг опустилась на корточки и смахнула пыль с куска, на котором обнаружились две буквы. — Интересно, может, это было какое-то муниципальное здание. Или церковь. — Показала на обломки, рассыпанные по улице: — Похоже на украшение, что-то вроде фронтона над входом.

На цыпочках стала пробираться к арке, читая надписи. Так ее тело казалось еще привлекательнее (наверное, она об

этом догадывалась), а мос откликнулось совершенно неподзволительным для человека втрое старше ее образом. Глупо, хотя, конечно, этот самый орган не так уж и стар. Усилием воли я подавил реакцию прежде, чем она успела что-либо заметить.

— Язык незнакомый, — сказала она. — Не португальский; похоже на латынь. Христианская церковь, вероятно — католическая.

— У них в культовой практике использовалась вода, — припомнил я. — Может, поэтому церковь возвели рядом с морем?

— Нет, их повсюду строили. У моря, в горах, на орбите... До Петроса католики не добрались?

— Добрались, даже до сих пор живут. Я, правда, ни одного не встречал. У них собор в Новой Гавани.

— А у кого нет? — Она махнула рукой в сторону тропинки. — Пойдем. Пляж сразу за этим холмом.

Запах я почувствовал прежде, чем увидел воду. Пахло не морем, а чем-то сухим, даже удушливым. Наверху я застыл.

— Дальше от берега вода синяя-синяя, — сказала она, — и такая прозрачная, что видно на сотни метров в глубину.

Может, и так, но здесь, на поверхности, лежала густая бурая пена, как на гигантском шоколадном коктейле. Обгоревшие стволы деревьев влипли в грязь.

— Это что, земля?

Она кивнула:

— Континент перерезает пополам огромная река, называется Амазонка. Когда погибли растения, почву стало нечему держать, и она стала размываться. — Она потащила меня вперед. — Ты плавать умеешь? Пойдем!

— Плавать в *этом?* Тут же грязно!

— Нет, все совершенно стерильно. К тому же мне надо пописать.

Тут уж не поспоришь. Я оставил коробку на высоком обломке стены и двинулся за ней следом. Выйдя на пляж, она бросилась бежать. Я шел медленно и смотрел, как тонкое тело ныряет в густую волну. Потом зашел достаточно глубоко и поплыл туда, где она плескалась. Вода была слишком теплой, дышать оказалось трудно. Диоксид углерода, предположил я, с оттенком галогена.

Мы поплавали вместе, сравнивая этот суп с водоемами на наших родных планетах и на Тета-Центе, но вскоре устали от горячей воды и плохого воздуха и вышли на берег.

●●

Несколько минут мы обсыхали на жгучем солнце, а потом взяли коробку и перешли в тень. Там две стены привалились друг к другу, и получилось что-то вроде бетонного тента.

Наверное, мы напоминали парочку дикарей-аборигенов, раскрашенных грязью, со спутанными космами. Она выглядела страшно, но все же сохранила правильную красоту: засохшая глина превратила ее в подобие примитивной скульптуры, только невероятно точной и подвижной. Темные потеки пота образовали на лице и теле живописные акцентные линии. Будь она не художником, а натурщицей! Не двигайся, я схожу за кистями.

Мы распили по бутылочке холодного вина и воды, поели бутербродов с сыром и фруктов. Я положил немного на землю — для нанофагов. За несколько минут ничего не случилось.

— Наверное, на это уходит несколько часов или даже дней, — сказала она.

— Пожалуй, надо надеяться, что да, — ответил я. — Давай переварим, что съели, пока эти твари до него не добрались.

— А, не беспокойся. Они разрывают связи между аминокислотами, формирующими протеины. Для нас с тобой не страшно, наоборот, способствует пищеварению.

Вот уж спасибо.

— Мне говорили, когда вернемся, придется... пережить некоторый дискомфорт.

Она скорчила рожу:

— Нам устроят чистку. Мне один раз ее делали, после чего я решила, что следующий мой выход будет долгим. Процедуры-то одни и те же, что после суток снаружи, что после года.

— И давно ты вне купола?

— Всего полтора дня. Вышла, чтобы тебя встретить.

— Польщен.

Она прыснула:

— Вообще-то это они придумали. Хотели, чтобы кто-нибудь помог тебе акклиматизироваться, потому что не знали, насколько сильно на тебя повлияет здешнее... своеобразие. — Она передернула плечами. — Земляне. Я им сказала, что ты побывал по меньшей мере на четырех планетах.

— Их впечатлило?

— Ну, говорят, он человек богатый, известный, должно быть, путешествовал со всеми удобствами. — Мы оба расхохотались. — Сообщила я им, что за удобства на Тета-Центе.

— Там хоть нанофагов нет.

— И вообще ничего. Долгий был год. А ты ведь там и года не пробыл?

— Ага. Наверное, если бы я задержался, мы бы встретились.

— По словам твоего агента, ты собирался там остаться на два года.

Я палил ей и себе вина.

— Знал бы, что ты прилетишь, — может, потерпел бы до следующего корабля.

— Было бы очень любезно с твоей стороны. — Она смотрела в стакан, но не пила. — Вам, богачам да знаменитостям, не приходится терпеть Тета-Цент. А мне, чтобы оплатить билет, пришлось подписать годовой договор.

— То есть ты была, по сути дела, рабыней?

— Скорее женой. Глава поселка вдовец, меня проспонсировал в обмен на то, чтобы я привила его детишкам кое-какую культуру. Языком с ними позанималась, искусством, музыкой... И то и дело приглашал меня к себе в апартаменты. Тоже культура своего рода.

— Жуть какая. Тебе что, приходилось... спать с ним? Твой контракт *в этом* заключался?

— Ну, в контракте ничего такого не было, но иначе я бы лишилась расположения своего нанимателя. — Она сложила пальцы щепотью: — Да у него там почти ничего и не было.

Я прикрыл улыбку ладонью и, наверное, покраснел под слоем грязи.

— Я тебя что, смущаю? — спросила она. — Судя по твоим работам, это невозможно.

Не сумев удержаться от смеха, я ответил:

— У меня другие культурные ценности. Знаешь, нет такой таблетки, чтобы человек перестал быть петросианцем.

Белая Гора толерантно улыбнулась:

— Петросианская женщина не пошла бы на подобное?

— Женщина остается женщиной. Некоторым это, по секрету сказать, и понравилось бы. Но в большинстве они бы били себя в грудь и кричали, что лучше умрут или убьют того мужика.

— Однако они бы ничего такого не сделали, да? Не продали бы свое тело за билет?

Она села одним легким движением танцовщицы, повернулась лицом ко мне. Из-под глины показалась розовая кожа.

— Не стал бы говорить так резко, — я сглотнул, видя, как она разглядывает меня, — но — да, не сделали бы. Во всяком случае, если бы собирались вернуться.

— Вряд ли кто родом с цивилизованной планеты захотел бы остаться на Тета-Центе. Мерзкое место.

Пришлось перевести разговор на более безопасную тематику.

— Руки у тебя такие, что едва ли ты целыми днями ворочаешь огромные камни. С чем ты обычно работаешь?

— Много с чем. — Она перешла на мой язык. — Иногда ворочаю маленькие камушки. — Таким каламбуром на Петросе называли мужские яички. — Мне нравится писать красками, но основа моей известности — светозвуковая скульптура. Здесь хотела что-нибудь поделать с водой, заняться внутренней иллюминацией прибоя, но говорят, не получится — они не могут изолировать часть океана. Разве что в пруду, но там нет ни волн, ни приливов.

— Понимаю.

Ученые Земли нашли способ очистить ее поверхность от пищефагов. Но прежде чем терраформировать планету, они хотели выделить небольшую зону для «парка памяти» — чтобы люди не забывали Стерилизацию и те долгие века, когда все вокруг отравляли промышленные отходы. Для оформления парка пригласили художников со всех миров.

Со всех, кроме самой Земли. На Земле люди искусства давно уже только этим и занимались.

На проведение конкурса ушли десятки лет. На каждую из обитаемых планет отправлялся представитель комиссии, причем по четкому графику. Обнародование результатов откладывалось с таким расчетом, чтобы все художники прибыли на Землю примерно в одно и то же время.

Никто не отказался. Даже тем, кто не выиграл конкурс, гарантировался гонорар вдвое больший, чем они получали за то же время у себя дома в свой самый удачный год.

Общая сумма была так велика, что не имела смысла для нормального человека. Я сам — отнюдь не бедняк и происхожу с планеты, где богатство не редкость, так что мне, равно как и еще полудюжине мастеров, хватило одного интереса посмотреть, что можно сделать за такие деньги. Если премию получит житель Тета-Цента или Лаксора, у него, пожалуй, окажется больше средств, чем у правительства его планеты. Если не дурак, больше его на родине не увидят.

Художники должны были договориться, где разместить парк, площадь которого ограничивалась ста квадратными каймстрами. Если же им не удастся прийти к соглашению — что казалось мне неизбежным, — принять решение, заслушав аргументы каждой из сторон, должен был комитет по проведению конкурса.

Большинство мастеров, отобранных для участия в проекте, привыкли, как и я, работать в монументальном масштабе. Правда, с Лаксора прилетела женщина-композитор, а еще двое были обычными специалистами по росписи стен — один работал красками, другой занимался мозаикой. Произведения Белой Горы по самой своей природе не могли храниться долго. Она обычно устраивала что-нибудь повторяющееся, вроде периодически включающегося фонтана. Но, вероятно, у нее хватило бы воображения и на большее.

— Может, и неплохо, что мы встретились не как наставник и ученица, — сказал я. — Про ту первую технику, что ты упомянула, я не знал.

— Это не техника. — Она, похоже, задумалась, что-то вспоминая. — Дело в другом. Я готова была гранит грызть, лишь бы понять, как у тебя получается то, что ты дела-

ешь. — Она сложила руки на груди. Посыпался песок. — В десять лет родители взяли меня посмотреть на Скалу Гауди.

Работа то была ранняя, но до сих пор меня радовавшая. Городской совет Треслинга — процветающего морского порта — нанял меня «что-нибудь сделать» с бесполезным крутобоким островком посреди гавани. Я его слегка подплавил в знак почтения к одному земному художнику.

— Только... ты извини... Ну, по-моему, на нее трудно смотреть. Она чужая, бесцеремонная.

— Не стоит извиняться за свое мнение. Конечно, Скала была чужой — она ведь должна была напоминать Испанию! А что бы ты сделала?

Она встала, подошла туда, где раньше было окно, и облокотилась на подоконник.

— Не знаю. Я ведь совсем не знакома с твоими инструментами. — Она поцарапала камень куском бетона. — Забавно: земля, вода, огонь и воздух. Ты — земля и огонь, а я — два остальных.

Вообще-то водой я тоже пользовался. Скала Гауди окружена морем. Но наблюдение было интересное.

— Чем ты занимаешься? В смысле — на что живешь? Это связано с водой и воздухом?

— Нет. Хотя, конечно, все в мире так или иначе связано друг с другом...

На Селедении нет профессиональных художников. Там все вовлечены в какой-либо вид искусства или музыки, это часть их «целостности», но того, кто ничего больше не делает, сочтут паразитом. Мне бы там не понравилось.

Она развернулась ко мне:

— Я работаю в Нортпортском центре умственного здоровья. Специализируюсь по когнитивной науке — сочетанию исследований и... как это сказать? *Джатурнари.* «Эмпатическая терапия», наверное.

— По-нашему это называется *йадр-ни,* — кивнул я. — Так ты подключаешься к умственно больным?

— Разделяю их эмоциональное состояние. Иногда потом бывает полезно с ними поговорить, но не часто.

— На Петросе такого не делают, — почему-то заметил я.

— Ты хочешь сказать — не делают легально.

— Говорят, если бы это помогало, его бы разрешили.

— «Говорят»... А ты сам как считаешь? Только честно.

— Я только и знаю, чему в школе научился. Попытки были, но провалились с треском. Пострадали и врачи, и пациенты.

— С тех пор прошло больше ста лет. За это время наука ушла далеко вперед.

Лучше на нее не давить, решил я. Факты состоят в том, что химиотерапия весьма эффективна, к тому же *это и есть наука* — в отличие от *йадр-ни*. Кое в чем Селедения удивительно отсталая планета.

Я тоже подошел к окну:

— Ты уже присмотрела место?

Она пожала плечами:

— Пусть другие решают. Думаю, у меня получится работать где угодно. Вода, воздух и свет есть везде. И вот это тоже. — Она ковырнула землю пальцем ноги. — У них это называется «следами гибели». Осталось от живых существ.

— Ну, оно-то, наверное, все же не повсеместно лежит. Вдруг нас засунут туда, где была пустыня.

— Могут. Но там тоже окажется вода и воздух — их собираются гарантировать.

— А камень, кажется, нет.

— Не знаю. Что ты будешь делать, если для парка выберут пустыню, где только песок?

— Возьму с собой маленькие камушки.

Я произнес эту фразу на своем родном языке. Одним из значений идиомы была смелость.

Она хотела было ответить, но тут вдруг стало темно. Мы выскочили наружу. С берега быстро надвигалась черная полоса туч.

Белая Гора покачала головой:

— Нам надо в убежище. И поскорее.

Мы побежали к входу в город-купол. У камня, где я впервые увидел ее, стояло невысокое бетонное строение. Пока мы добрались дотуда, теплый ветерок превратился в порывы урагана, несшие кислый пар. По земле застучали капли горячего дождя. Стальная дверь открылась автоматически и тотчас захлопнулась за нашими спинами.

— Я вчера так попалась, — тяжело дыша, сказала Белая Гора. — Даже под крышей плохо. Воняет.

Мы были в пустом холле с защитными ставнями на окнах. Оттуда прошли (она первая) в просторную комнату с простыми столами и стульями и поднялись по винтовой лестнице в наблюдательный «пузырь».

— Жаль, отсюда моря не видно, — сказала она.

Зрелище и без того было грандиозное. Струи воды колотили по голой выжженной земле, а небо каждые несколько секунд раскалывала молния. Рубашку, которую я оставил снаружи, унесло вмиг.

— Другой-то у тебя нет. Придется ходить голышом, как маленькому.

— Грязный получится ребенок. Какой удар по репутации.

— Пойдем. — Она потянула меня за руку. — В конце концов, вода — моя специальность.

●●●

Огромная теплая ванна оказалась вдвойне приятна благодаря возможности наблюдать, как снаружи бушует буря. Я не привык купаться вместе с кем-то — даже с собственной женой, с которой провел пятьдесят лет в браке, — но после того как мы голые гуляли по чужой планете и плавали в этой грязной луже, которая тут вместо моря, не чувствовал неудобства. Надеюсь, Белая Гора не стала мочиться в воду. (Скажи я ей об этом, она, вероятно, тут же напустила бы ученый вид и ответила, что моча здорового человека стерильна. Я и сам об этом знаю. Но всему свое время и место.)

На Селедении холостые мужчина и женщина в подобной ситуации скорее всего занялись бы сексом, даже будь они лишь случайными знакомыми, а не коллегами по художественному цеху. Белой Горе хватило такта, чтобы не предпринимать никаких подобных попыток, а может — так я тогда думал — ее не слишком прельщали мои мускулы. В душе перед ванной она предложила потереть мне лопатки, но и только. Я помог ей смыть со спины краску. Спина была красивая — с глубокими ямочками над поясницей, талия тонкая. При других обстоятельствах я бы взял инициативу на себя. Но не стоит обращаться к женщине с предложением, отказ от которого заставит обоих чувствовать себя неловко.

Из разговоров, пока мы купались, я узнал, что на ее планете бывают люди, которые, разбогатев достаточно, чтобы уйти на пенсию, занимаются только своим искусством. Но их считают эксцентриками, даже изгоями-эгоистами. Белая Гора ожидала, что в конкурсе победит один из них, и даже не стала подавать заявку. Судья-землянин увидел одну из ее инсталляций и сам связался с автором.

Рассказывала она и о своей практической работе, связанной с лечением расстройств личности и когнитивных дефектов. При этом ее голос звучал чуть напряженно. Подключаться к поврежденным рассудкам, часами делить их боль или пустоту... Мне думалось, что мы недостаточно знакомы, чтобы говорить о том, что было мне больше всего интересно, вызывало какой-то онтологический зуд: как чувствуешь себя, когда становишься другим человеком, много ли от него остается в тебе? Если часто этим заниматься, то как потом судить, что в тебе — изначальный ты?

А ей ведь порой приходилось подключаться сразу к нескольким людям — существовала теория, будто пациенты с одинаковыми проблемами могут помогать друг другу. Они толпились у нее в голове, как в приемной, а Белая Гора не вмешивалась, лишь наблюдала, чтобы потом проанализировать, как больные общались друг с другом.

Был у нее и такой шокирующий опыт: как-то раз она по всепланетной сети подключилась одновременно больше чем к сотне человек с заторможенными когнитивными способностями. Это было похоже на безболезненную смерть. Она будто увяла и погасла. Потом — ожила, резко, как от удара хлыстом.

Она была мертва около десяти часов. Семь из них — на связи. Три понадобилось техникам, чтобы вывести ее из глубокой кататонии. Еще немного, и она погибла бы навсегда.

Следов от этого не осталось, но больше эксперимент не повторяли.

Дело того стоило, сказала Белая Гора, — пациенты познали радость. Для них это было, как для нормального человека обрести на полдня сверхъестественные силы, настолько превосходящие всё, ему ведомое, что рассказать он никогда не сумеет, но и забыть не сможет.

Когда мы выбрались из ванны, она показала мне гардеробную — сотни белых халатов, отличающихся только

размером. Мы оделись, вскипятили чаю и сели наверху смотреть на грозу. Казалось, что на обитаемых планетах такого быть не может. Молнии так участились, что гром не смолкал. Повсюду — бешеный танец изломов. Дождь почему-то смерзся в булыжники. Домовой компьютер сказал, что это называется *granizo*, а по-английски — град. Он падал так быстро, что не успевал таять, и громоздился кучами, которые из серебряных делались полупрозрачными.

Глядя на эту дикость, Белая Гора произнесла слова, показавшиеся мне необычно скромными для нее:

— Какое оно все большое и страшное... Чувствую себя совсем крохотной. Люди жили тут веками, а теперь хотят, чтобы *мы* им все это объяснили?

Мне ли ей напоминать, что говорили в комитете: земное искусство стилизовалось, в нем не осталось ничего, кроме печального конформизма.

— Может быть, не хотят. Вероятно, они понимают, что у нас ничего не получится, но надеются увидеть в наших неудачах какие-то новые направления. На это намекала та пожилая женщина, Норита.

Белая Гора покачала головой:

— Разве она не прелесть? Ее, наверное, вытащили из могилы, чтобы выгнать нас из купола.

— Ну, со мной у них, во всяком случае, получилось. Я бы провел в «Амазонии» несколько дней, чтобы осмотреться, только не с ней в качестве экскурсовода.

Норита была ближе всех на Земле к тому, что можно назвать местным жителем. Она последняя осталась от Пяти Семейств — пары дюжин землян, оказавшихся в космосе, когда началась наночума, а после того, как роботы возвели изоляционные купола, решивших возвратиться.

С точки зрения социальной иерархии Норита являлась здесь самым главным человеком, во всяком случае — на самой планете. Сложная классовая система Земли выглядела для инопланетян почти совершенно непостижимой, но в высших слоях общества вращались лишь потомки Пяти Семейств. Ни деньги, ни политическая власть не могли бы вас туда ввести, хотя во всех прочих отношениях богатство или его отсутствие играло определяющую роль. Настоящих бедняков на Земле не было: базовое пособие, которое каж-

дый получал от рождения, было эквивалентом доходов выше среднего уровня на Петросе.

Практически мгновенная гибель десяти миллиардов человек не уничтожила их состояний. Однако во время Стерилизации бóльшая часть богатства Земли находилась вне планеты. Внезапно все оно оказалось сконцентрировано в руках менее чем двух тысяч людей.

Честно говоря, я не могу понять, зачем кому-либо из них захотелось вернуться. Надо на удивление сентиментально относиться к своим корням, чтобы решиться провести остаток жизни запертым в куполе, который окружен верной смертью. Всем предлагались изрядные оклады и благоприятные условия, а коренным землянам — еще и надбавки, однако все же выгоды тут было мало. Корабли, доставившие на Землю Пять Семейств и других работников, улетели, загруженные стерилизованными артефактами, и не возвращались ровно сто лет.

Норита принадлежала к хорошо мне известному типу людей, поскольку общество Петроса тоже прочно стоит на классовой иерархии: «денег мало, зато издавна» — вот и всё. Ей хотелось, чтобы ее уважали за случайные обстоятельства рождения и за сомнительную удачу, выразившуюся в долголетии, а не за то, чего она сама добилась. Мне незачем было лететь тридцать три световых года, чтобы наслаждаться компанией подобного рода.

— Она к тебе никого не подпускала? — спросила Белая Гора.

— Скорее, вечно влезала между мной и другими. В ее присутствии никто не мог вести себя естественно, а *отсутствия* не наблюдалось. Можно подумать, в возрасте этой старой перечницы человеку совсем не нужно спать.

— У нас про таких говорят — «пьет кровь младенцев».

Зазвонил телефон. Белая Гора сказала *«боно»*, а я — *«кхо»*. Старые привычки. Тут же мы одновременно произнесли земное *«хола»*.

Появилась старая перечница:

— Я рада, что вам удалось найти себе укрытие.

Подслушивала, нет? По тону не скажешь.

— Администратор просит разрешения посетить вас.

Попробуй откажись. Белая Гора кивнула — на Земле это знак согласия.

— Разрешаем, — сказал я.

Очень хорошо. Он скоро прибудет.

Норита пропала. Пожалуй, старейшая жительница планеты может себе позволить не говорить ни «здрасте», ни «до свидания». Некогда, у нее ведь мало осталось времени.

— Посетить? По такой-то погоде?

— Земляне... — только и пожала плечами Белая Гора.

Спустя минуту в холле раздалось «динь-дон», мы сошли вниз и увидели, что в стене открылся проход. Вместо шкафа, как я думал, за панелью оказался шлюз. Должно быть, к нему шел подземный тоннель.

На пороге стоял молодой человек, нервный и неуклюжий в своем пластиковом костюме. Он как-то по-странному пожал нам руки. Как вы помните, воздух вокруг нас смертельно опасен для большинства людей.

— Меня зовут Теплый Рассвет. Ветерок-Галька-Заводь.

— Мы не родственники по линии Ветерка? — спросила Белая Гора.

Он быстро кивнул:

— Честь для меня, госпожа. Мои родители оба с Селедении, гономать — с острова Галан.

У нее на лице было написано такое шовинистическое недоверие: с чего человек может покинуть леса, поля и луга Селедении, чтобы поселиться здесь, в стерильной дыре? Разумеется, ответ она знала: основным видом импорта и экспорта Земли, единственным, что здесь произрастало, были деньги.

— Я хотел бы помочь вам обоим с составлением планов. Намерены ли вы путешествовать по Земле прежде, чем приступить к работе?

Белая Гора неопределенно махнула рукой.

— Я хотел бы кое-что поглядеть, — сказал я. — Пирамиды, Чикаго, Рим... Может, с десяток мест. Мне нужно около двадцати дней. Хочешь присоединиться?

Она подумала, глядя на меня в упор, и ответила:

— Звучит интересно.

Юноша повел нас к смотровому экрану в большой комнате, и около часа мы провели за выработкой маршрутов и заказом комнат. Обычно между куполами перемещались на подземных поездах, и, разумеется, если мы хотели выйти наружу без защиты, то прежде чем нас впустили бы обрат-

но, нам предстояло пережить чистку. Некоторым после этого требуется больше суток, чтобы прийти в себя. Если мы не хотели кутаться в пластик, подобно нашему администратору, приходилось учитывать этот срок.

Большинство достопримечательностей, которые я намеревался осмотреть, находилось под стеклом, даже, к моему удивлению, несколько пирамид. Некоторые — например, Анкгор-Ват — не только остались под открытым небом, но и были труднодостижимы. Пришлось заказать флайер, чтобы преодолеть расстояние в тысячу кайметров, и запланировать чистку. Белая Гора сказала, что предпочла бы побродить по Ханою.

Ночью я спал плохо, видел причудливые сны, в которых нанотвари вырастали большими и злобными. В каких-то сюжетах присутствовала и Белая Гора, причем в сексуальных позах.

Наутро шторм стих, и мы перешли в «Амазонию», после чего я понял, что лучше сидеть в гостиничном номере с хорошей книжкой, чем гулять по Анкгор-Ват или где-либо еще на поверхности. Внешняя фаза чистки оказалась сама по себе довольно неприятна, даже с обезболивающим, — при ней с человека сдирают весь эпидермис, после чего наращивают новый. Внутреннюю — ведь нанофаги могут укрыться где угодно — я и описать не могу. Каждое отверстие в теле, включая органы чувств, подвергают вакуумной обработке. Пока роботы аккуратно промывали нам глазницы, я был без сознания, но глаза саднили, а в ушах звенело еще несколько суток. Меня предупредили, чтобы, когда в первый раз соберусь в туалет по-маленькому, я сел на унитаз, и хорошо, что предупредили, — от жгучей боли я чуть не упал.

Молча отужинав укрепляющей кашкой, мы с Белой Горой расползлись по спальням и полдня пролежали. На следующее утро она была полна энергии, а я по крайней мере держался на ногах. Мы отправились в город готовиться к путешествию.

Через пару часов я объявил, что она хочет избавиться от одного из своих конкурентов, а если нет — то давай остановимся и позволим пожилому человеку посидеть и отдохнуть хоть минуту.

Мы нашли бар, где подавали стимулирующие. Она заказала чаю, а я — бхана, это такой вязкий плотный напиток,

который подают в скорлупе кокосового ореха. Вкус у него горький и отдает древесиной, зато восстанавливает силы.

— Дело не в возрасте, — сказала она. — Во второй раз чистку пережить намного легче. А в первый я весь следующий день пошевелиться не могла.

Интересно, что раньше она об этом не упоминала.

— Они тебе сказали, что будет не так тяжело?

Белая Гора кивнула, потом поймала себя на ошибке и по-земному помотала головой:

— Ни словом не обмолвились. Думаю, им нравится смотреть, как мы мучаемся.

— Или не давать нам сосредоточиться. Чтобы всегда держать нас под контролем.

Она причмокнула — так на Лортее выражают согласие — и выжала в чашку ломтик лимона. Круговерть мира постепенно замедлилась (наверное, из-за того, что добавляют в бхан), и я обнаружил, что тщательно разглядываю ее тело. На костяшке пальца — белый полумесяц шрама, на предплечье — тонкие, почти белые волоски, плечи и груди движутся сбалансированными парами, шелк платья шуршит, стоит ей двинуться. Острый цитрусовый запах. Кончик языка между тонкими губами; рот чуть великоват. Карие глаза умеют менять цвет, сейчас они темно-зеленые, потому что за спиной у нее стена, увитая декоративным плющом.

— Куда ты смотришь?

— Прости, задумался.

— Задумался. — Она тоже уставилась на меня. — Твой народ хорошо это умеет.

Купив все, что нужно для путешествия, мы отослали свертки в гостиницу и принялись бесцельно бродить. Город был комфортабельный, но представлял мало интереса с точки зрения архитектуры или истории — скучновато для административного центра планеты. Здесь явно имелся социальный смысл: по своему статусу ни один человек не был родом из «Амазонии», никто не мог претендовать на положение ее гражданина. Здесь если не физически, то в электронном виде вращалось почти все богатство Земли и ее энергия, но принадлежали они жителям других мест.

Определенное количество доходов поступает от межзвездной торговли, но, конечно, не столько, как до войны. В те времена Земля была центром Вселенной, верховной

властью, собиравшей свою десятину — или даже больше — с любой трансакции между планетами. За период времени от Стерилизации до символического возрождения метрополии другие миры успели заключить двусторонние и групповые соглашения. Однако большинство состояний, возникших на Земле, вернулось домой.

Так что «Амазония» была суха, как дешевый хлеб, но под ее куполом крылось больше финансовой мощи, чем на любых двух планетах, вместе взятых. Деньги к деньгам липнут, тем и размножаются.

●△

Прилетели еще два художника — с Ауэра и со Швы, и как только они были готовы, мы сели в метро и отправились открывать Землю. Первой интересной остановкой стал Большой Каньон — естественное чудо света, безжизненную красоту которого Стерилизация не испортила.

Экскурсовод нас поразила. Это была любопытная маленькая женщина, без умолку болтавшая о долине Великой Расселины на Марсе — небольшой планетке неподалеку, откуда она прилетела. Белая Гора взяла с собой светоаппарат, и пока марсианка изливала красноречие, мы записывали фантастические оттенки. Эскизы получались вольные, абстрактные — пальцы в липком пластике двигались с трудом.

По Чикаго тоже пришлось ходить в пластике. Этот крупный город был разрушен в ходе локальной войны. Много лет Чикаго пролежал в руинах, а потом его восстановили в виде одного большого строения, благодаря чему он и стал известен. В нем есть что-то детское или безумное — мало прямых углов, материалы перемешаны так, что напоминают лоскутное одеяло. Тут все блестит так, что темнеет в глазах, а там из бетона торчат ржавые обломки. И повсюду — кости, скелеты десяти миллионов людей, лежащие там, где упали. Я спросил, что стало со скелетами в старом городе рядом с «Амазонией». Экскурсовод ответила, что никогда там не бывала, но, вероятно, политиков их вид расстраивал, поэтому кости убрали.

— Можете себе представить это место без скелетов? — спросила она.

Хотел бы я мочь.

Остатки других городов в этой стране были если не менее удручающими, то менее живописными. Мы пролетели над восточным побережьем — когда-то там тянулся на тысячи кайметров один большой мегаполис, как у нас от Новой Гавани до Звездных Врат. Теперь остались лишь стерильные развалины.

Первым местом, где я побывал без защиты, стала Гиза. Там расположены Великие пирамиды. Белая Гора решила пойти со мной, хотя из-за здешнего религиозного обычая ей пришлось завернуться в бесформенную одежду и закрыть лицо. Мне это показалось простой уловкой для привлечения туристов. Сколько верующих, придерживающихся этого древнего культа, могло оказаться в космосе, когда Земля умерла? Но перед выходом со станции подземки каждая женщина должна была получить чадру, и лишь после этого ей позволялось предстать перед мужчинами.

(Помню, мы еще гадали, будут ли и чистку проводить одни только женщины. Во время этих пыток техники, разумеется, могли бы повидать немало голых тел.)

Нас предупредили, что снаружи не по сезону жарко. Когда солнце высоко — почти настолько, что невозможно дышать. Гуляли мы в основном в утренние и вечерние сумерки, а днем отсиживались в убежищах с кондиционерами.

Учитывая наше особое положение, нам с Белой Горой позволили посетить пирамиды одним, перед рассветом. Мы вскарабкались на самую высокую из них и смотрели, как солнце встает из утренней дымки над пустыней. Для нас обоих это был чудесный момент — не только в познавательном плане.

Спустившись, мы попали в *хамсин* — песчаную бурю, которая, не будь на нас одежды, могла бы заменить первую стадию чистки. Вот почему кости, лежавшие вокруг, казались намного старше чикагских: обычно им каждый год приходится переживать десять—двенадцать подобных штормов. А в последнее время, когда климат стал жарче, хамсин случается раз в неделю или даже чаще.

Пирамиды, возведенные больше пяти тысяч лет назад, — это старейшие монументальные строения на планете. Для Белой Горы они оказались не меньшим впечатлением, чем для меня. Тысячи людей перемещали миллионы огромных блоков, не пользуясь ничем, кроме мускульной силы

и находчивости... Некоторые камни добывали в тысяче километров отсюда и доставляли по реке на баржах.

В качестве конкурсного проекта я мог бы построить то же самое, даже крупнее — стоило дать машинам необходимые инструкции. Работа сложная, но уложиться в двухгодичный срок было бы вполне реально. Только вот зачем? То, что неизвестный архитектор сумел сотворить их за время жизни фараона, не пользуясь услугами механизмов, — как не согласиться с Белой Горой, — было истинным чудом.

Мы провели снаружи пару дней, перемещаясь на прыголетах от одного памятника к другому. Ни один из них не мог сравниться с пирамидами. Жаль, что я не догадался об этом заранее и не оставил Гизу напоследок.

У Сфинкса мы встретились с еще одним художником — Ло Тан-Шестым с Пао. Я видел его произведения на Пао и Тета-Центе и должен признать, что в них есть нечто выдающееся. Он тоже работал с камнем, но больше, чем я, увлекался чистыми геометрическими формами. Я думаю, камень не любит формы, сражается с нею или же навязывает мастеру свою волю.

Однако, несмотря на все различия между нами, Ло Тан-Шестой мне нравился, и мы какое-то время провели вместе. Он предложил не проходить здесь чистку, а отправить багаж в Рим, потому что там мы тоже захотим выйти наружу. Из Александрии в Рим имелся ежедневный рейс, причем в аэрокорабле была секция для тех, кто не боится нанофагов.

Как только мы вошли в прохладный салон, Белая Гора скинула чадру и запихнула ее под сиденье.

— Уф-ф, — выдохнула она и потянулась.

Ее светлый обтягивающий костюм скрывал немногим больше, чем узор, нанесенный краской.

От ее прямоты и нескрываемой сексуальности у меня перехватило дыхание. За складку между бедер, подчеркивавшую линии тела, кое-где на Петросе ее посадили бы в тюрьму, да и в ряде мест на Земле тоже. Но ее одежда была невинной, естественной и, полагаю, хорошо продуманной.

Ло смотрел на нее с отчужденным видом. Он был нейтралом — на Петросе такие тоже есть, но я их никогда не понимал. По его словам, секс мешает искусству, потому что отнимает слишком много времени и энергии. А на мой взгляд, бесполость лишает художника чего-то.

Около часа мы летели над невероятно синим морем. Внизу пронеслось несколько стерильных островов, а в остальном — будто чернила разлили. Над пепелищем Италии аэрокорабль снизился и в конце концов приземлился на площадку на вершине холма, под которым лежали древние руины. Подкатили плюзовой трап, чтобы люди с нормальным ДНК могли по туннелю перейти в купол «Романия». Мы же могли выбирать между пешей прогулкой и ожиданием транспорта и решили пройтись. Здесь тоже было кошмарно жарко, но все же лучше, чем в Египте.

Белая Гора вела себя с Ло вежливо, но явно тяготилась его присутствием. Мы с ним слишком часто обсуждали камень и цемент, взрывчатку и лазеры. К тому же асексуальность паосца отталкивала ее точно так же, как моя отстраненность — привлекала. Для полноты картины можно добавить, что художник со Швы бегал за ней, высунув язык. Дня два, наверное, это ее забавляло. В Чикаго у них был приватный разговор, и с тех пор он держался на расстоянии, но не переставал издалека восхищаться Белой Горой. По пути к вратам Рима он шел шагов на двадцать сзади и искренне пытался смотреть на что-нибудь, кроме нее.

Под аркой мы замерли как громом пораженные, хоть и знали, что нас там ждет. Официальным названием никто не пользовался — все говорили просто «Оосси». «Кости». Особый орден католического духовенства посвятил себя тому, что в течение двухсот лет вручную окружал весь город стеной из костей. Она была в два человеческих роста, блестящая, как темный янтарь. Кайметр за кайметром повторялись в ней узоры — грудные клетки, свернутые кольцом позвоночники, а на уровне глаз — ровный ряд черепов.

Здесь мы расстались. Ло намеревался обойти весь «круг смерти», двое других присоединились к нему. Мы же с Белой Горой решили, что можем все представить себе мысленно. У меня еще все болело после подъема на пирамиду.

До распространения христианства здесь устраивались огромные зрелища — демонстрации воинского искусства, при которых многие участники погибали в наказание за преступные действия или просто для развлечения толпы. Два крупных амфитеатра, где это делалось, располагались в пределах Костей, но вне купола, поэтому мы их обошли. Циркус Максимус сохранил величавую гордость. От него

осталось лишь длинное углубление в земле и несколько избитых дождями камней, но этого хватало — остальное дорисовывало воображение. Меньший, Колизей, восстановили и при этом переусердствовали — роботы в исторических костюмах и жуткие механические звери разыгрывали в нем древние сцены, разбрызгивая целые лужи ненатурально яркой крови. Зря, хватило бы камней и костей.

Я думал провести снаружи еще денек, но в убежище сломался кондиционер и находиться там стало совершенно невозможно. Так что пришлось стиснуть зубы и отправиться в пыточную. Однако, как и говорила Белая Гора, во второй раз чистку переживаешь куда легче. Во всяком случае, знаешь, что рано или поздно она кончится.

Под куполом «Романия» тоже было интересно: тысячи лет археологии и истории вперемежку, без всякого определенного порядка. Мне нравилось бродить с Белой Горой от места к месту, выстраивая из этого хаоса подобие организованной структуры. Обоим нам хотелось скорее впечатлений, чем знаний, так что вряд ли за три дня, проведенных там, мы сумели составить сколь-либо четкое представление о могучей империи, некогда существовавшей на Земле, и о долгих веках, прошедших после ее распада.

Много времени спустя Белая Гора удивляла меня тем, что могла перечислить римских императоров в хронологическом порядке. У нее оказались цепкая память и поразительная способность ухватывать всякие мелочи, этим она отличалась с тех пор, как выучилась читать. Может, именно то, что с детства она была не такая, как все, и подтолкнуло Белую Гору к занятиям когнитивной наукой.

Однажды, посмотрев старинное кино, мы вернулись в гостиницу — пора было собираться в Грецию. Я с восторгом ждал этой поездки. Но не дождался. Над столом парило сообщение: «Всем немедленно вернуться в „Амазонию". Условия конкурса значительно изменены».

И не только условия. Как вскоре выяснилось, значительно изменилась сама жизнь. К нам вернулась война.

Δ

Мы — двадцать девять художников, кажущихся лилипутами в огромном зале, — заняли первый ряд. За столом на

сцене молча сидели несколько официальных лиц «Амазонии». Все они смотрели не то бесстрастно, не то задумчиво.

Нам ничего не сказали, лишь обмолвились, что «дело имеет большую важность и неотложный характер». Мы, разумеется, решили, что оно связано с конкурсом, и предполагали худшее: конкурс отменяется, мы возвращаемся по домам.

Появилась старуха Норита.

— Мы должны признаться в халатности, — сказала она. — Подобного потепления в обоих полушариях не случалось со времен Стерилизации. Мы искали ему атмосферные причины и нашли здесь ряд объяснений, которые нас удовлетворили. Однако мы не связали происходящее с тем, что имеет место на другой половине Земли. Атмосфера тут ни при чем. Проблемы связаны с Солнцем. В последние полгода фундири смогли каким-то образом заставить его яркость возрастать. Если этот процесс продолжится и мы не найдем способ его прекратить, через несколько лет поверхность планеты станет непригодна для жизни.

Боюсь, что большинство из вас не сможет покинуть Землю, по крайней мере — в течение какого-то времени. Совет Миров применил свои чрезвычайные полномочия и реквизировал все средства межзвездного транспорта. Улететь сумеют лишь те, кто обладает достаточной властью или необходимыми связями. Всем прочим придется остаться с нами и разделить... и разделить судьбу, которая нам уготована.

Я не видел, зачем избегать прямоты.

— А деньги? Сколько может стоить билет?

На моей планете это стало бы ошибкой. Но Норита и глазом не моргнула.

— Я точно знаю, что двухсот миллионов марок не хватит. Мне известно также, что некоторые люди приобрели, как вы выразились, «билеты», но сколько и кому они заплатили, я не смогла выяснить.

Продав все, что имею, я мог бы выручить до трехсот миллионов, но с собой у меня была лишь коробочка редких драгоценностей — миллионов на сорок. Почти вся моя собственность находилась, с точки зрения инвестора-землянина, в тридцати трех годах полета. Даже если бы я переписал ее на кого-нибудь, к его прибытию на Петрос на все

наложили бы руку правительство или моя семья, и покупателю пришлось бы заниматься судебной тяжбой в чужой культуре.

Норита представила нам астрофизика Скилху Сигоду. Он был бледный и потный.

— Мы проанализировали солнечный спектр за последние шесть месяцев. Если бы я не знал, что на всех снимках изображена одна и та же звезда, то счел бы их искусной и систематичной демонстрацией микростадий эволюции светила в конце основного этапа.

— А по-человечески можно? — выкрикнул кто-то.

Сигода развел руками:

— Фундири нашли способ, как состарить Солнце. При нормальном течении процесса можно ожидать, что яркость звезды подобного типа увеличивается на шесть процентов за миллиард лет. Сейчас же мы наблюдаем ее возрастание на один процент в год.

— То есть через сто лет Солнце станет вдвое ярче? — спросила Белая Гора.

— Неизвестно. Если ничего не изменится, то да.

Коренастая женщина, в которой я узнал Оону Что-то-там с Джуа-Нгуви, с трудом проговорила:

— Сколько еще? Пока жить на Земле нельзя будет?

— Собственно говоря, Земля и сейчас непригодна для обитания. Исключение составляют люди, подобные вам. Если речь пойдет лишь об увеличении температуры, мы можем в течение длительного времени жить в куполах. Снаружи станет слишком жарко для тех, кому не угрожают нанофаги, спустя десять лет, на полюсах — несколько позже. Однако вероятно, что атмосферные явления также станут чрезвычайно сильными.

Кроме того, возможно, произойдет и иное. При нормальной эволюции через много миллиардов лет звезда нашего типа увеличивается в объеме и становится красным гигантом. При этом Солнце поглотило бы ряд планет, включая и Землю. Если бы фундири каким-то образом ускорили ход времени в ограниченном пространстве и Солнце действительно эволюционировало с огромной скоростью, подобная судьба ожидала бы нас примерно через тридцать лет. Но это невозможно. Им пришлось бы как-то — не иначе как при помощи магии — изымать из солнечного ядра водород.

— Погодите-ка, — сказал я. — Вы ведь не знаете, что они сделали. Я не стал бы произносить слово «невозможно».

— Человек Воды, — прохрипела Норита, — если это произойдет, все мы просто умрем, причем одновременно. На этот случай нам не приходится строить планы. Необходимо придумать, что делать в менее критических ситуациях.

Наступила неловкая тишина.

— Что можем сделать мы, художники? — спросила Белая Гора.

— Прерывать проект нет причины, хотя, полагаю, вы предпочтете работать под куполами. У нас не тесно. Имеет ли кто-нибудь из вас образование в области астрофизики или других наук, связанных со звездной эволюцией? — Оказалось, что никто не имеет. — Тем не менее у вас могут возникнуть идеи, полезные для наших специалистов. Мы будем держать вас в курсе событий.

Большинство художников остановились в «Амазонии» — там было удобно, не говоря уже о том, что не приходилось подвергаться чистке. Четверо — Денли ом-Корд, композитор с Лаксора, Ло и мы с Белой Горой — вернулись в дом у выхода. Чтобы не ходить по полуденной жаре, мы могли бы воспользоваться туннелем, но Денли не видела моря, к тому же теперь нам всем хотелось еще раз взглянуть на солнце. В новом свете, так сказать.

Белая Гора и Денли отправились купаться, а мы с Ло лениво прогуливались среди развалин. Мы уже знали, что город рушился методично, в горькой решимости не оставить врагу ничего ценного. И я, и Ло, разумеется, искали материалы для своих работ. Спустя какое-то время мы уселись в горячей тени, жалея, что не захватили воды.

Об этом и говорили, и еще — об искусстве. Не о том, что Солнце умирает, и не о том, что мы сами умрем через несколько десятков лет. Сквозь шум грязного прибоя до нас донесся женский смех. В нем была истерическая нотка.

— Ты с ней сексом занимался? — спросил между делом Ло.

— Что за вопрос! Нет.

Он подергал себя за губу, глядя в сторону моря.

— Не люблю обиняков. Мне кажется, ты ее хочешь — такие взгляды бросаешь... А она с тобой очень мила, и, в конце концов, она с Селедении... У меня чисто академический интерес, конечно.

— А ты сам когда-нибудь?.. То есть — раньше?

— Конечно. В детстве.

Не было сомнений, что он имеет в виду.

— С практикой секс становится интереснее.

— Да, вероятно. Хотя на Селедении к нему относятся, как... как к разговору.

Он использовал селеденианское слово, означавшее половые отношения.

— Белая Гора довольно сложная натура, — сказал я. — Она не связана вольностями своей культуры.

Смеющиеся купальщицы выбежали из воды, обнимая друг друга за талии. Контраст был интересный: роста в Делми почти как во мне и женственности примерно столько же. Увидев нас, они замахали руками в направлении тропы, вившейся между развалинами. Мы поднялись и пошли туда.

— Наверное, я не понимаю твоей сдержанности, — сказал Ло. — Это из-за культурных особенностей? Или из-за возраста?

— Возраст тут ни при чем. Видимо, наша культура поощряет самоконтроль.

Он засмеялся:

— Не то слово!..

Не могу назвать себя рабом петросианских норм приличия. Дома в нескольких государствах мои произведения запрещены законом.

— И ты этим гордишься.

Я пожал плечами:

— Мне-то что. Им же хуже.

Мы двинулись вслед за женщинами по тропе. Контраст стал еще забавнее: передняя пара — ловкая и нагая, если не считать тонкого слоя сохнущей глины, вторая — неуклюжая, в почти монашеских одеяниях. Когда мы с Ло ступили под прохладную сень убежища и на миг ослепли после яркого солнца, они уже принимали душ.

Мы сделали прохладные напитки и, окатившись водой, присоединились к ним в общей ванне. Анатомически Ло не отличался от мужчины. Меня это почему-то раздражало. Наверное, неприятно постоянно видеть напоминание о том, чего лишился. Впрочем, Ло скорее всего обвинил бы меня в узколобом подходе к мочеиспусканию.

У меня в бокале плескались гуявовый сок и ром — ни того, ни другого на Петросе не было. Чуть приторно, но все же вкусно. Алкоголь развязал нам языки.

Денли смотрела на меня своими бездонными черными глазами.

— Ты ведь богат, Человек Воды. Тебе хватит денег, чтобы улететь?

— Нет. Вот если бы взял с собой все, что имею, то, может, хватило бы.

— Некоторые всё всегда с собой возят, — заметила Белая Гора. — Я, например.

— Я бы тоже так делал, — сказал Ло, — будь я с Селеденни. Никого не хочу обидеть.

— Колеса-то вращаются, — кивнула она. — Пока я вернусь, сменится пять-шесть правительств... Пока *вернулась бы*.

Мы долго молчали.

— В голове не укладывается, — произнесла наконец Белая Гора спокойным тоном. — Мы здесь умрем?

— Мы бы и так умерли где-нибудь, — ответила Денли. — Хотя, может, не так *скоро*.

— И не на Земле, — добавил Ло. — Она похожа на эскиз ада. — Денли не поняла, и он объяснил: — Ад — это куда попадают после смерти христиане, если плохо себя вели.

— Они что, отсылают тела умерших на Землю?

Нам удалось удержаться от улыбок. Вообще-то большинство моих соотечественников знали о Земле едва ли не меньше, чем она. Селеденни и Лаксор — относительно бедные планеты, зато могут похвастаться гораздо более долгой историей, чем Петрос, и сохранили довольно тесные связи с метрополией. С Родиной, как они ее называют. Ха. Родиться тут — все равно что в печи раскаленной.

Безмолвным соглашением мы постановили, что больше не станем сегодня упоминать о смерти. Когда встречаются художники, они обычно с энтузиазмом обсуждают материалы и инструменты, в общем, свое ремесло. Мы говорили о техниках, которые применяли у себя дома, о том, что сумели привезти с собой, об импровизациях, которые можно создать, пользуясь земными предметами. Вероятно, критики болтают об искусстве; а вот художники — о кистях. К нам в гости зашли трое — два скульптора и метеодизайнер. Все мы набились в просторную светлую студию и при-

цялись работать. Мы с Белой Горой нашли уголь и стали рисовать друг друга.

Когда мы сравнивали наброски, она тихо спросила:

— Ты крепко спишь?

— Могу и проснуться. А что?

— Хочу посмотреть на развалины при звездном свете. Луна заходит около трех. Я подумала, что мы можем вдвоем понаблюдать ее закат.

К ужину к нам присоединились еще двое художников. Трапеза прошла в обстановке натужного веселья. Было выпито много рома. Белая Гора предостерегала меня от чрезмерных возлияний. У них на Селедении есть такой же напиток, его называют ромом, и он имеет репутацию легко пьющегося, но ударяющего в голову с непредсказуемыми последствиями. А у нас на Петросе легального производства спиртного не существует.

После двух стаканов, когда остальные запели каждый на своем языке, я ушел и лег, но когда Белая Гора коснулась моего плеча, дрему как рукой сняло. Из ванной еще слышались чьи-то голоса. Мы тихо выскользнули из дома.

Было почти холодно. Темно-оранжевый полумесяц луны висел над самым горизонтом, но нам его света хватило, чтобы найти дорогу вниз. Среди руин оказалось теплее — камни отдавали накопленный за день жар. Мы вышли на пляж (там снова стало прохладно). Белая Гора разложила принесенное с собой одеяло, мы легли и стали смотреть на звезды.

Почти на любой планете небо кажется знакомым. Наши родные звезды ничем не выделялись среди других, точно так же, как дома мы не замечаем на небе земного Солнца. Про самую светлую точку в зените Белая Гора сказала, что это Альфа-Цент. Пониже была еще одна, ярче, но мы не знали, что это.

Узнавая созвездия, мы сравнивали их имена. В языке Белой Горы некоторые повторяли земные, например Скорпион, окаймленный сиянием галактики, — у нас он называется Насекомым; ярчайшая звезда в том районе — Антарес, и у нас, и у них. Созвездие Палача, зашедшее около часа назад, они называют Орионом. Его самые заметные звезды носят на Петросе и Селедении одинаковые, лишенные смысла наименования — Бетельгейзе и Ригель.

— Для скульптора ты хорошо знаешь астрономию, — сказала она. — Когда я приезжала в твой город, там по ночам было слишком светло, звезд не разглядишь.

— У меня дома их побольше. Я живу за городом, километрах в ста от морского побережья — на озере Пахэла.

— Знаю. Я тебе звонила.

— Меня не было?

— Ага. Сказали, что ты на Тета-Центе.

— Да, верно, ты говорила. Мы разминулись в космосе, и ты стала женой-рабыней того мужика. — Я положил руку ей на ладонь. — Прости, что я забыл. С тех пор много всего произошло. Он был совсем ужасен?

— Обещал золотые горы, если я останусь, — засмеялась она.

— Да уж, представляю себе.

Белая Гора повернулась ко мне, прижалась грудью к плечу и провела по бедру пальцем:

— Зачем напрягать воображение?

Я был не в настроении, но тело... Единственным достоинством нашей одежды оказалось, что она легко снимается.

Луна зашла, и я видел лишь неясный ее силуэт. Странно было заниматься любовью вслепую. Можно подумать, что в темноте обостряются остальные чувства, но, по-моему, это не так; разве что биение ее сердца очень гулко отдавалось мне в пальцы. Ее дыхание пахло мятой, и кожа так же. Я ничего не хотел бы изменить в ее теле, ни снаружи, ни изнутри, но через несколько минут нам стало тяжело, и с обоюдного согласия мы остановились. Сколько-то мы молча лежали рядом, потом она сказала:

— Извини. Это было не вовремя. — Мне на плечо капнула слеза. — Я просто пыталась забыть о...

— Все хорошо. Просто на песке неудобно.

Песчинки и правда попали внутрь и больно натирали. Мы проболтали еще сколько-то времени, а потом нас сморил сон. Когда небо начало светлеть, нас разбудил порыв горячего ветра. Мы вернулись в дом.

Там все еще спали. Мы зашли в душ смыть песок, и Белая Гора с удивлением заметила, что у меня вновь возник к ней интерес.

— Пойдем вниз, — шепнула она, и мы отправились к ней в комнату.

Я помнил о своей неудаче, но это не слишком мешало. При свете все оказалось более привычно, к тому же она была очень красива, откуда ни посмотри. Я не смог сдержаться, и все получилось куда короче, чем нам хотелось.

Потом мы вместе спали на ее узкой кровати. Вернее, она спала — а я смотрел, как солнечный луч ползет по стене, и думал, как все изменилось.

Зря нам сказали, что мы проживем еще тридцать лет. Они ведь не знают, что происходит, — может, осталось все триста, а может, и меньше года. Но даже теперь, когда люди научились менять тела, правда остается правдой: рано или поздно что-то случается не так, и ты умираешь. Смерть в один момент с десятью тысячами других людей и с целой планетой, обладающей огромной историей, — вот это интересно. Но комната заполнялась светом, и, глядя на Белую Гору, я находил, что она интереснее смерти.

Мне хватало лет, чтобы не стать подверженным безрассудной страсти. Что-то прорастало во мне еще с Египта, а может и раньше. На вершине пирамиды, глядя, как солнце подымается из дымки, мы сидели, касаясь друг друга плечами, внизу проявлялись древние фигуры, и я испытывал смешанные чувства. Она смотрела на меня — я ничего не видел, кроме ее глаз, — и мы не произнесли ни слова.

А теперь — это. Я знал, что она ощущает то же самое, как его ни назови. Странно, но и в богатом языке Англии, и в ее родном, и в моем одно-единственное слово «любовь» означает самые разные вещи.

Может, это потому, что одна любовь всегда не похожа на другую. Отвлекшись ею, можно забыть обо всех других истинах или не обращать на них внимания. На Петросе есть палиндром-поговорка с ироническим оттенком: «Счастье знаменует беду, беда знаменует счастье». Значит, счастливая смерть — это когда умираешь счастливым.

Вовремя или не вовремя?

Оона М'вуа жила в соседней комнате с Белой Горой и согласилась со мной поменяться: на это ушло три минуты, зато разговоров было!.. Ло тайно восхищался. Будучи в хорошем расположении духа, я его простил.

Стоило нам оказаться рядом, как мы отыскали кнопку, заставлявшую стену разъехаться, и составили кровати вместе у окна. Боюсь, что на пару дней мы были потеряны для общества. Ни я, ни она уже довольно давно не имели любовника. А такой женщины, как Белая Гора, у меня не было никогда, хоть я и переменил их буквально десятки. Она говорила, это потому, что я никогда не спал с селеденианкой, и я тактично соглашался, решив не вспоминать больше о пяти ее незабвенных соплеменницах.

Женщины Селедении, равно как и мужчины, действительно больше, чем жители нормальных планет, искушены в утонченной технике сексуального самовыражения. Это составная часть их «целостности» (кажется, я не могу подобрать правильного английского слова). Она и мешала Ло — и не ему одному — всерьез воспринимать Белую Гору как художника. Для поддержания «целостности» селеденианцы должны считать искусство повседневным занятием, не превосходящим по важности сердечные и телесные дела.

Для них все это — одно и то же. Нам не понять селеденианцев, потому что их потребность в равновесии нарушает иерархию ценностей: произведение искусства столь же значимо, как оргазм или краюха хлеба. Хлеб связан с искусством через метаболизм тела художника, который, в свою очередь, имеет отношение к оргазму. Дальше нить гибких рассуждений, метафор и фраз тянется от хлеба к земле, солнечному свету, ядерной реакции, возникновению и гибели Вселенной. Любой разумный человек способен делать аналогичные построения, но у Белой Горы это получалось автоматически, это она впитала с молоком матери, с первыми словами.

Все важно. Ничто не имеет значения. Измени мир, но не напрягай свои силы.

Я никогда не мог постичь ее способ мышления. Впрочем, я пятьдесят петросианских лет провел в браке с женщиной, имевшей еще более необычные взгляды. (Собственно, наш брак как социальный контракт длился пятьдесят семь лет, но в полувековую годовщину мы взяли отпуск, чтобы отдохнуть друг от друга, и больше я ее не видел.) Мировоззрение Белой Горы давало ей невозмутимость, которой я мог лишь завидовать. Однако в моей работе тре-

буются дисбаланс и напряжение — точно так же, как ей нужны гармония и прочность.

К четвертому дню у нас в доме поселились уже почти все художники. Может быть, им наскучило бороться с земной бюрократией. Но скорее они просто хотели следить за тем, как идут дела у конкурентов.

Белая Гора чертила наброски на больших листах темно-желтой бумаги и развешивала их по стенам комнаты. Рисовала она стоя, перебегая от одной диаграммы к другой, чтобы внести какой-нибудь новый штрих, и шлепая босыми ногами.

Я же работал прямо в формовочном боксе — об этом изобретении Белая Гора слышала, но своими глазами никогда его не видела. Это куб света чуть меньше метра в поперечнике. Внутри находится видимое и ощутимое изображение скульптуры, или же камня, или кома глины. Его можно мять руками или пользоваться более тонкими инструментами. Все действия постоянно записываются, так что в любой момент легко откатиться назад.

Раз в два дня мы с Ло и еще двумя скульпторами садились во флайер и делали вылеты на несколько часов в поисках местных материалов. Нам очень мешало решение земных властей разместить «парк памяти» под куполом, поскольку приходилось выбирать лишь предметы достаточно маленькие, чтобы они поместились в шлюз и в очистную лабораторию. Можно было работать и с более крупными формами, но потом их пришлось бы разрезать на фрагменты не больше чем два на три метра и заново собирать внутри.

Во время своих экспедиций мы старались вести себя друг с другом честно и по-товарищески. В идеале, когда кто-нибудь замечал подходящий предмет, следовало приземлиться рядом с ним или зависнуть сверху, чтобы пометить своим знаком, а через день-другой роботы доставили бы его на участок рядом с домом. Но нередко на какой-нибудь один кусок претендовали двое или трое. Это порождало множество споров и соломоновых решений, удовлетворявших в результате интересы чего угодно, только не искусства.

Освещение ухудшалось. Плацстарные инженеры Земли рассеивали в верхних слоях атмосферы блестящую пыль,

чтобы отражать солнечные лучи. Для этих целей они переделали технику, предназначенную для уничтожения нанофагов,— изначально предполагалось заполнить весь воздух миниатюрными, как песчинки, аппаратами, имевшими крохотный мозг на химической основе. Ночное небо становилось все менее интересным. Хорошо, что Белая Гора решила начать наши отношения именно под звездами. Теперь мы уже не скоро — если вообще когда-нибудь — увидим их вновь.

Лишившись динамики освещения, мне пришлось отказаться от целого ряда задумок. Я перешел к идеям, связанным с чем-то иррациональным, что разум отвергал бы как невозможное. Моя работа, решил я, должна отражать то, как человеческий интеллект уходит от перспективы столь невообразимых вещей, как Стерилизация или наше возможное будущее.

Мы разделились на две группы и со смехом, но всерьез называли друг друга «оригиналистами» и «реалистами». Мы, оригиналисты, продолжали следовать изначальным условиям конкурса — проектировать памятник трагедии и ее последствиям, застывший стерильный мемориал посреди бурлящей жизни. Реалисты приняли во внимание последние новости, в том числе и то, что никакой жизни, вероятно, вскоре не будет, да и аудитории тоже.

На мой взгляд, это было неуместно. В первоначальной задаче имелось довольно пафоса. Добавлять еще да к тому же мешать его с иронией и собственным страхом смерти... Все-таки мы художники, а не поэты. Я искренне надеялся, что произведения реалистов потонут в непомерной сложности.

На вопрос, к какой группе принадлежит Белая Гора, она, несомненно, ответила бы: «К обеим». Я понятия не имел, во что выльется ее проект: мы решили не приставать друг к другу с расспросами, чтобы получился сюрприз. Расшифровать ее диаграммы мне было не под силу. Я неплохо владею селеденийским, но в пиктограммах ориентируюсь лишь на уровне туристического разговорника. К тому же половина надписей на желтых листах не относилась ни к одному известному мне языку. Наверное, это были заумные технические символы.

Говорили мы о другом. Даже о будущем, как влюбленные. Скорее всего нас ждала смерть в пламени, но нам нравилось — вреда-то не будет — строить планы на случай,

если наши хозяева найдут способ обвести судьбу вокруг пальца. Тогда нам будет из чего выбирать. Белая Гора никогда раньше не имела доступа к богатству. Ей не хотелось заниматься расточительством, но возможность побывать на всех планетах ее восхищала.

Конечно же, роскошь была ей неведома. Я надеялся когда-нибудь увидеть, как она прореагирует на подобное, — наверное, как-то необычно. Ожерелье — подарок, с которого на Петросе традиционно начинается роман, — нашлось у меня в коробочке с драгоценностями: золотая паутинка, усаженная безукоризненными изумрудами и рубинами.

Она тщательно его рассмотрела:

— Сколько это стоит?

— Около миллиона марок. — Белая Гора принялась совать украшение обратно мне в руки. — Возьми, пожалуйста. Теперь деньги ничего не значат.

Она не сразу нашлась, что сказать (редкий случай).

— Твой жест мне понятен. Но нельзя ожидать, что я оценю его так же, как ты.

— Я и не ожидаю.

— А вдруг я его потеряю? Я ведь его могу где-нибудь забыть, и все.

— Знаю. Все равно я его тебе подарил.

Она кивнула и засмеялась:

— Ну хорошо. Странный вы народ.

Не расстегивая, она натянула ожерелье на шею, чуть не ободрав себе уши. Камни тепло засветились на фоне оливковой кожи.

Белая Гора чмокнула меня в губы и, ни слова больше не сказав, выпорхнула из комнаты. Мимо зеркала она пробежала, даже не взглянув.

Пару часов спустя я отправился на поиски. Ло сказал, что видел, как она выходила из дома и несла с собой много фляг воды. На пляже я нашел ее следы, уходящие на запад, за горизонт.

Ее не было два дня. Я работал на улице, когда она вернулась, обнаженная, в одном лишь моем ожерелье. Еще одно она несла в руке: срезала себе правую косу и вплела в сложный узор из золотых и серебряных нитей. Его она надела мне на шею, потом поцеловала и пошла в дом. Я хотел идти следом, но она усталым жестом остановила меня.

— Дай мне поспать, поесть и вымыться.— Ее голос стал хриплым шепотом.— Приходи, когда стемнеет.

Я сел, привалившись к доброму камню, и ни о чем не думал, только гладил ожерелье из ее волос и нюхал их запах. Когда стало настолько темно, что я не видел своих ног, пошел к ней. Она ждала.

Я много времени проводил вне дома, особенно рано утром и поздно вечером, изучая свое собрание камней и обломков. Изображение каждого фрагмента было занесено в память формовочного бокса, но так мне проще представить себе некоторые аспекты работы.

Вдохновение! В Риме мы играли с миниатюрной моделью Солнечной системы, еще механической, построенной за много столетий до информационного века. В ее щелкающих движениях было что-то одновременно забавное и успокаивающее.

В голове у меня вечно все идет вверх дном. В этом спокойствии я ощутил страх и отчаяние. Перед глазами стояла массивная, но неуравновешенная структура. Посетители станут заходить туда небольшими группами, и под их весом она станет раскачиваться и опасно крениться. Она будет одновременно огромной и хрупкой (хотя хрупкость, конечно, придется сделать иллюзорной), как экосистема, которую столь безжалостно разрушили фундири.

Мемориал надо расположить так, чтобы все время казалось, будто он вот-вот опрокинется, и противовесы, удерживающие его на месте, тщательно скрыть от глаз. Звук перекатывающихся металлических болванок добавит беспокойного ощущения. Любой шаг должен отдаваться гулким звуком пустоты.

Если посетители замрут, все остановится. Но уходя, им придется вновь потревожить покой. Предполагается, что тревогу почувствуют и они.

Вставала техническая задача: как измерить распределение массы в каждом из разношерстных кусков? Дома это не составило бы для меня труда: я мог бы взять напрокат магнитно-резонансный денситометр. Но вот как раз его на Земле, среди множества бесполезных для меня вещей, и не

было, так что пришлось обходиться парой роботов и острием ножа.

У меня было много камней и предметов на выбор, и существовало искушение вовсе не придерживаться никакого общего принципа, кроме нестабильного равновесия всей структуры. Булыжники, обломки древних статуй, старинные механизмы... Модели, которые я делал, выглядели двусмысленно. Я не мог понять, станут ли они, если выстроить их в натуральную величину, грозными или нелепыми. Что выйдет — символ беззащитности перед лицом неумолимого врага или грозящая развалиться куча мусора? В конце концов я решил подойти довольно консервативно, скорее с достоинством, чем дерзко. Все-таки туристы, у которых денег больше, чем вкуса, — в общем, не те, кто обычно.

Мне удалось откопать двенадцать длинных балок из блестящего черного монофибра. Они стали спицами моего некруглого колеса. Это придаст композиции некоторое единство. Поперек обода ляжет прямой крест из четырех гранитных блоков, а пятый, побольше, отметит центр. Потом внутри я сплету целую паутину на основе монофибровых нитей.

Кое-кто переносил свои материалы в «Амазонию» и работал там, в зоне, отведенной под парк. Мы с Белой Горой решили остаться снаружи. Ее проект, как она сказала, был на этой стадии вполне портативным, а мой легко разбирался.

Пару недель спустя участников конкурса осталось всего пятнадцать. Прочие всё забросили, поддавшись пассивной депрессии, похоже ставшей теперь на Земле новой нормой поведения, а один покончил с собой. Художники с Вульфа и Мийховена легли в анабиоз — тоже что-то вроде самоубийства, только отсроченного: примерно из каждых трех заснувших один просыпался нормально, один — с какими-нибудь излечимыми умственными расстройствами и один сходил с ума и вскоре после пробуждения умирал, потому что не мог или не хотел жить.

На Петросе анабиоз не применялся, хотя кое-кто летал на другие планеты, чтобы прибегнуть к этому рискованному способу путешествий во времени. Некоторые даже пользовались им для финансовых спекуляций: покупали предметы искусства или антиквариат, а потом засыпали на сто лет

или больше, ожидая, пока их собственность подорожает. Разумеется, могло случиться и так, что ее цена не сильно возрастет, или что ее украдут, или ее конфискуют государство или родственники.

Но если у тебя хватает денег купить билет на другую планету, почему бы не подождать, пока не накопишь достаточно, чтобы отправиться куда-нибудь по-настоящему далеко? Пусть растяжение времени сглатывает годы. Я мог бы полететь с Петроса на Мийховен с заходом на Скааль, потратив сто двадцать лет, а сам за это время прожить лишь три года, не подвергая свой разум опасности, и к тому же взять все свои ценности с собой.

Белая Гора работала с ветеранами — или, вернее, жертвами — анабиоза. Благодаря проповедуемому на Селедении антиматериализму никто из них не был движим меркантильными интересами, а большинство еще до того, как ложиться в ледяной сон, страдали какими-нибудь психическими заболеваниями. Мало кому после «лечения» становилось лучше, но все же просыпались они в мире, где люди, подобные Белой Горе, могли хотя бы посочувствовать их безумию, а то и указать выход.

Я посетил втрое больше планет, чем Белая Гора. Но я не видел того, что видела она.

Терраформисты перестарались. Дни делались все холоднее, а ночами иногда шел снег. Сначала он таял утром, потом — к полудню, потом легли сугробы. Тем из нас, кто хотел работать на улице, приходилось выдумывать, как бы потеплее одеться.

Мне нравилось трудиться на морозе, хотя я лишь командовал роботами. Я ведь вырос в небольшом городке к югу от Новой Гавани, где зимы долгие и суровые. Где-то в подсознании снег и лед ассоциировались у меня с веселыми играми, ждавшими нас после уроков. Правда, я уже наигрался в детстве.

Из-за похолодания работать приходилось быстрее, чем я изначально планировал. Я хотел собрать всю конструкцию и проверить, как она работает, чтобы протащить через шлюз прежде, нежели демонтировать ее. Роботы, к сожале-

нию, не были предназначены для морозной погоды. Они плохо держались на льду и иногда падали. Один из них все время барахлил — разумеется, именно тот, который был мне нужнее всех (так что я преодолел искушение его отключить и бросить вмерзать в снег).

Белая Гора часто выходила на несколько минут посмотреть, как мы с роботами сражаемся против обледеневших камней и железок. Мы ходили вдоль берега на прогулки, по мере ухудшения погоды все укорачивавшиеся. Последняя обернулась бедой.

Мы только вышли на пляж, как вдруг налетел вихрь, да такой сильный, что сбил нас с ног. На четвереньках мы поползли к развалинам, чтобы хоть как-то защититься, и там прижались друг к другу. Ветер выл так, что мы не слышали голосов — приходилось кричать. Шторм усиливался, и мы, перепуганные, решились бежать к дому. Белая Гора поскользнулась на льду и страшно поранилась: острый металлический обломок рассек ей лицо наискось от лба до подбородка, выбив глаз и разорвав ноздрю. На брови и скуле показалась треснувшая кость цвета жемчуга. Белая Гора приподнялась на локте и опять упала.

Остаток пути я нес ее на руках, радуясь, что мне хватает физической силы. Пока мы добрались до дома, она потеряла сознание, а моя белая куртка покраснела от крови.

Доктор, запаянный в пластик, явился немедленно и сделал все возможное, чтобы избавить ее от непосредственной угрозы для жизни. Но с более сложным лечением возникла проблема. Вынести необходимое оборудование из купола было невозможно, а чистку Белая Гора не перенесла бы — сначала следовало подлечиться. Кроме раны на лице, у нее были сломаны локоть и ключица, а также треснули два ребра.

Около недели она провела либо в забытьи, либо страдая от мучительной боли. Я в отупении сидел с ней. Ее лицо стало жутким распухшим шаржем на недавнюю красоту. Рассеченную кожу затянули пластиком, как шпаклевкой. Распоротое веко провисало в пустую глазницу.

Зеркало располагалось так, что с кровати его не было видно, и она не просила меня принести его, но всякий раз, как я отворачивался, ее здоровая рука поднималась и ощупывала повреждения. Мы оба знали, как ей повезло, что

она осталась жива, тем более учитывая, что со временем и если чуть-чуть повезет все можно будет восстановить. Но все же шрамы останутся — если не на лице, то в памяти. Страшные шрамы.

Когда она оправилась настолько, что смогла говорить изорванными губами, мне стало трудно сдерживать эмоции. Белая Гора обладала немалыми философскими — можно сказать, духовными — ресурсами, но все же шок оказался так силен, что она не могла долго рассуждать и рано или поздно начинала рыдать в отчаянии.

Иногда я плакал вместе с ней, хотя мужчины-петросианцы плачут, только когда слушают музыку. Мне случилось повоевать, я видел свою долю крови и смерти и всегда считал, что этот опыт сделал меня черствее, повредил. Но ребята, которых ранили и убивали, были всего лишь моими друзьями, и все мы жили, зная, что каждый день может стать последним. Когда любимую женщину калечит бессмысленная природа, это страшнее, чем гибель десятка товарищей, унесенных ветром войны.

Я спросил, не хочет ли она отказаться от заключенного в свое время соглашения и поговорить о наших проектах. Она ответила, что нет. Ее работа каким-то образом продолжалась, и она по-прежнему хотела сделать мне сюрприз. Мне удалось развлечь ее играми с формовочным боксом: мы лепили карикатуры на Ло и старую Нориту, а потом придавали им невероятные сексуальные позы. Наконец нам и самим удалось немного заняться сексом.

Врач объявил, что Белая Гора достаточно поправилась, чтобы перенести ее в купол. Нас обоих хорошенько потрепали в чистке. Когда я очнулся, ее уже забрали в операционную, не выводя из-под наркоза.

Два дня я бродил по пустой «Амазонии», меря ее шагами. Сквозь бетон пробивались ростки джунглей. Почти везде, похоже, люди впали в ступор. Некоторые неистовствовали — завтра конец света, у них началась истерика. Я так часто справлялся, как здоровье Белой Горы, что в конце концов работники больницы велели роботу каждый час звонить мне, даже если никаких изменений не произойдет.

На третий день мне позволили на нее взглянуть. Она спала, бледная, но, кажется, ей все восстановили. Прошел

час или больше, и вдруг ее глаза открылись. Новый был почему-то не зеленым, а голубым. Она смотрела мимо меня.

— Мечты питают искусство, — прошептала она по-петросиански, — искусство питает мечты.

Потом опустила веки и опять заснула.

Возвращаться наружу она не хотела. Белая Гора всю жизнь провела в тропиках, даже тот год, что была в рабстве, а после травмы лед тем более вызывал у нее отвращение. В «Амазонии» круглый год стояло лето. Власти старались, чтобы все радовались теплу, свету и ярким цветам джунглей.

Я вышел забрать ее вещи. Десять больших листов желтой бумаги снял со стен и скатал. Ожерелье да мешочек редких монет, привезенных с Селедении, — вот и все ее мирское богатство.

Свой проект я решил завершить. Хотел приказать роботам все размонтировать и перенести, чтобы самому вернуться в купол и быть с нею, но потом передумал: хотелось еще раз посмотреть, что получилось.

Так что я вновь прошел через чистку, хотя мог бы и воздержаться — отправить ей вещи с роботами. Но мне надо было убедиться, что она встала на ноги, прежде чем бросать ее на несколько недель.

Она не встала, но уже готова была пуститься в пляс. Когда я пришел в себя после чистки (это заняло всего полдня), то отправился к ней в больницу, а оттуда меня послали в нашу новую квартиру — трехкомнатную, на Плаца де Артистес. В спальне было две кровати, одна оснащенная сложным медицинским оборудованием, но так намного лучше, чем пытаться найти уединение в госпитальной палате.

В воздухе над подушкой парила записка, гласившая, что Белая Гора отправилась в общий зал на вечеринку. Там я ее и нашел — она сидела в изящном кресле-каталке и учила Денли ом-Корд танцу рук. Арфист и флейтист с двух разных планет пытались настроить в унисон свои инструменты.

Она была в хорошем настроении. Денли вспомнила, что у нее назначена встреча, и я отвез Белую Гору на балкон,

откуда открывался вид на озеро, полное спящих птиц — между ними, полагаю, имелись и настоящие.

Там было жарко, как всегда. У нее на коже выступила испарина, наверное, оттого, что она устала, танцуя. Свет падал снизу, и ее блестящее лицо казалось тонко вырезанной скульптурой. От операции не осталось и следа.

— Я завтра буду ходить, — сказала она, — не меньше десяти минут подряд. — Потом засмеялась: — Хватит!

— Что — хватит?

— Хватит так на меня смотреть.

Я не сводил взгляда с ее лица.

— Наверное, мне... стало намного лучше.

— Знаю, — улыбнулась она и погладила меня по руке. — Мне показывали снимки. И ты на это смотрел много дней?

— Я смотрел на тебя.

Она прижала мою ладонь к своему лицу. Новая кожа была упругой, но нежной, как у ребенка.

— Отвезешь меня вниз?

Это трудно описать, особенно теперь, когда все рухнуло, но ночь осторожной любви что-то изменила в наших отношениях — во всяком случае, в моем отношении к ней. Я дважды состоял в браке (один был долгим, другой — нет) и сотни раз влюблялся. Но ни одной женщине я еще не принадлежал.

Человек сам себя отдает. У меня было достаточно дам, *желавших* овладеть мной, но я всегда мог от них уйти, чтобы в буквальном смысле сохранить себя. Всегда считал, что жизнь слишком длинна для того, чтобы ограничиваться одной женщиной.

Конечно, отчасти дело было в том, что жизнь теперь стала короткой. В большей степени — в том, как я бежал сквозь ревущую бурю наперегонки со смертью Белой Горы, а после долго стерег ее, пока к ней возвращались здоровье и телесная красота. Но главное не изменилось: упрямая безмятежность, которую я увидел той теплой ночью, заразила наконец и меня.

Кровать была узкой и жесткой, а простыни холоднее, чем пропахший земными цветами воздух. Я помог ей лечь

(постель тут же выгнулась так, чтобы ей стало удобно), но больше она ничего не позволила мне сделать, а говорила лишь о том, чего хотела, и о том, на что у нее были силы. Я хотел ее поберечь, но она напомнила мне праздничный палиндром, в обоих наших языках имевший сексуальный оттенок: «Давать — это брать, брать — это давать».

△△●

Мы провели две недели так близко друг с другом, как только можно. Я был ей и любовником, и сиделкой; она постепенно крепла. Когда она уже могла проводить бóльшую часть дня в обычной беготне, а не в кресле-каталке и не в своей «умной» кровати, с которой мы составляли не самое миролюбивое трио, то отправила меня наружу — заканчивать работу. Ей тоже надо было сосредоточиться на своем проекте. Желание вернуться к занятиям искусством — хороший признак.

Я не хотел уходить, не зная, что она готовит. Но меня не очень-то и спрашивали.

Выйдя из купола, я понял, что мне предстоит куда более долгий труд, чем я предполагал. Из показаний датчиков было известно, насколько упала температура снаружи и сколько циметров льда там накопилось, но лишь когда я увидел смерзшиеся горы своих материалов, то осознал, как все плохо. Хорошо, что роботов я оставил в доме, и хорошо, что забыл снаружи кое-какие инструменты. Дверь была погребена под двумя метрами снега. Пришлось прорубать тоннель — никогда бы не подумал, что мастерство скульптора можно применять вот так.

Я подумал, не позвонить ли Белой Горе и не сообщить ли, что задержусь. Но мы договорились не мешать друг другу, а она, вероятно, приступила к работе, как только попрощалась со мной.

Роботы напоминали плохую труппу комедиантов, но восхищаться их представлением я мог не больше часа подряд. Стало так холодно, что пар изо рта оседал на бороде и усах ледяной коркой. Дышать было больно, а дышать глубоко — еще и опасно.

Так что в основном я следил за происходящим из-под крыши. Весь дом принадлежал мне одному, остальные дав-

но ушли в купол. Когда я не работал, то напивался, чего не делал уже сотни лет.

Было очевидно, что функциональную модель я не построю. При постоянно меняющемся ветре уравновесить ее было невозможно. Но нам с роботами и так не хватало рук и прочих хватательных отростков, чтобы все разобрать и перетащить через шлюз в купол. Делать это было скучно, зато трудно. Все лазерные работы производились в помещении, чтобы дать камню предварительно согреться до комнатной температуры, а то он мог раскрошиться или потрескаться. Ни кондиционер, ни пылесосы не справлялись, так что спустя какое-то время я почувствовал, будто живу в литейном цеху: повсюду налипла каменная пыль, а в сухом воздухе пахло металлом.

Так что я без всякого сожаления засунул в шлюз последний фрагмент. Пусть меня сколько угодно чистят, если внутри ждет Белая Гора.

Она не ждала. Не было еще нескольких человек. Мне осталось вот это письмо:

В день, когда нам велели вернуться в «Амазонию», я поняла, как будет выглядеть мое произведение, и решила, что должна обо всем молчать, чтобы избавить от печали. И от попыток отговорить меня.

Как ты уже, наверное, знаешь, ученые определили, что фундири каким-то образом ускорили эволюцию Солнца. Оно продолжит разогреваться до тех пор, пока через тридцать сорок лет не произойдет взрыв, который называется гелиевой вспышкой. Солнце станет красным гигантом и сожжет Землю.

Космических кораблей не осталось, но есть способ спастись. Необычный.

На высокой орбите запаркован огромный межпланетный транспорт, который использовали при терраформировании Марса. Он на пару столетий старше тебя, но, как и ты, прекрасно сохранился. Мы собираемся отлететь на нем на достаточное расстояние, чтобы выжить при взрыве, и остаться там, пока ситуация не изменится.

Здесь на сцене появляюсь я. Чтобы наше выживание в тысячелетней войне имело смысл, мы ляжем в анабиоз. Многим людям после этого понадобятся мои навыки в об-

ласти джатурнари. Ледяное одиночество медленно сведет их с ума. Но, соединившись друг с другом в моем сознании, они сохранят способность общаться и, может быть, рассудок.

Конечно, я погибну. Когда ты прочтешь эти слова, я буду уже мертва. Нет, не мертва — посвящена служению. Меня не смогли бы оживить, даже если бы шла речь о ста людях и ста днях. А их будет тысяча, и пройдет, вероятно, тысяча лет.

На Земле никто не способен к джатурнари, и нет ни времени, ни оборудования, чтобы передать мои умения другим. Да и будь они, не уверена, что могла бы доверить это искусство кому-нибудь еще. Поэтому меня не станет.

Я жалею лишь о том, что лишусь тебя. Надо ли объяснять?..

Если хочешь, ты тоже можешь отправиться с нами. Чтобы мне позволили взять межпланетный транспорт, пришлось согласиться, чтобы участников полета выбирали в соответствии со строгой классовой системой Земли — начиная от нашей милой Нориты и дальше вниз по иерархии, сколько поместится, но для всех прилетевших художников они готовы сделать исключение. На то, чтобы принять решение, у тебя есть время до середины децимбария. Старт назначен на 1 янбара.

Если я тебя насколько-то знаю, ты предпочтешь остаться и погибнуть. Возможно, перспектива жизни «во мне» позволит тебе преодолеть страх перед анабиозом и отвращение к джатурнари. А нет — так нет.

Я люблю тебя больше жизни. Но есть и большее. Есть ли мы то, что мы есть?

Б. Г.

Последнее предложение было палиндромом — не на моем языке, а на селеденийском. Думаю, оно имеет какое-то значение помимо очевидного.

●●□

Сколько-то времени я думал. Сравнивал быструю смерть — или даже долгую, мучительную — с вековым ледяным пленом в тесной комнате с Норитой и ее компанией.

Они будут болтать со скоростью передачи нервных импульсов, а я не смогу их не слушать.

Я всегда любил тишину, и вечность безмолвия, ждавшая меня, пугала не больше, чем та, что была до моего рождения.

Если бы Белая Гора ждала меня, я мог бы перетерпеть века страданий. Но она умерла, во всяком случае — больше я ее не увижу.

Другая пыталась бы дать мне ложную надежду, написала бы, что, может, в отдаленном будущем *джатурнари* достигнет таких высот, что ее личность удастся восстановить. Но она знала: вряд ли будут ученые, которые станут заниматься нужными исследованиями, и вряд ли будет время.

Может, я пошел бы на это, будь шанс, что когда я освобожусь из многоголосого плена, то попаду в сколь-либо нормальный мир, где смогу заниматься искусством. Но вряд ли я вообще смогу там жить.

Вероятно, человечества скоро не станет. Можно предположить, что фундири способны поступить с другими звездами так же, как с Солнцем. Они выиграли войну, Искоренение, как называл ее мой родитель. Погибла не та сторона.

Конечно, есть вероятность, что фундири не найдут Белую Гору и ее подопечных. А если и найдут, то оставят в качестве объекта исследования.

Перспектива жить при таких обстоятельствах не прельщает.

●□

Оставшееся до середины децимбария время я потратил на то, что писал эти воспоминания. Потом я заказал у ксенолингвиста их перевод в форму, которую, по его словам, сумеют декодировать любые существа, хотя бы отдаленно напоминающие людей. Может быть, даже фундири поймут ее смысл. Они ведь похожи на нас в достаточной степени, чтобы принять решение уничтожить конкурирующий вид.

Передо мной лежат черновики — слева колонка английского текста, справа — мешанина кружков, квадратов и треугольников. Спустя несколько лет обе половины покажутся мне одинаково бессмысленными.

Историю Белой Горы включат в стандартную книгу, которая начинается с изложения базовых математических принципов на точечно-квадратно-треугольном языке. Дальше там описываются физика, химия, биология. Можно ли от биологии перейти к человеческому сердцу? Надеюсь, что да. Хорошо бы, если мои записи увидят чужие глаза спустя много лет после того, как прервется дыхание последнего человека, они не показались читателю бессмыслицей.

□

Итак, я вложу последний листок в транслятор, а потом отдам их все технику. Тот перенесет текст на платиновые пластины, которые положат в надежном месте на борту транспорта. Они могут пролежать там хоть миллион лет, хоть десять миллионов, хоть еще больше. Когда красное Солнце погаснет, а корабль превратится в обледенелую глыбу с тысячью замороженных туш внутри, Белая Гора будет еще жива.

Мой труд завершен. Я выхожу наружу, в тишину.

БРАЙАН СТЭБЛФОРД

Карьера на поприще сексуальной химии

Дипломированный биолог, обладатель докторской степени по социологии, плодовитый и честолюбивый британский фантаст и критик Брайан Стэблфорд (р. в 1948 г.) является автором более семидесяти пяти произведений, в числе которых пятьдесят романов. В 1999 году Стэблфорд получил премию Pilgrim Award Ассоциации исследований НФ (Science Fiction Research Association) за вклад в фантастику; кроме того, среди его достижений несколько других крупных престижных наград: Pioneer Award (1996), Distinguished Scholarship Award (1987) (премия Международной ассоциации фантастики в искусстве (International Association for the Fantastic in the Arts)), премия Ллойда Итона (1987). В числе недавних критических работ писателя книги «Вчерашние бестселлеры» («Yesterday's Bestsellers», 1998) и «Блистательное извращение: закат и падение литературного декаданса» («Glorious Perversity: The Decline and Fall of Literary Decadence», 1998). Помимо этого, Стэблфорд выпускает научно-популярные брошюры по биологии. Он заслуженно считается одной из центральных фигур в научной фантастике. Среди романов Стэблфорда следует отметить «Комплекс Кассандры» («The Cassandra Complex», 2001) и «Темный Арарат» («Dark Ararat», 2002), продолжающие тему истории будущего, начатую писателем в романах «Наследуй Землю» («Inherit the Earth», 1998), «Создатели бессмертия» («Architects of Immortality», 1999) и «Фонтаны молодости» («The Fountains of Youth», 2000). Стэблфорд также работал в жанре космической оперы. Не так давно появился сборник «Лебединые песни. Полное собрание сочинений о „Хохлатом"» («Swan Songs: The Complete Hooded Swan Collections», 2002), самое раннее из вошедших в него произведений впервые было опубликовано в 1970-е годы. Научно-фантастические рассказы писателя объединены в сборники «Космическая перспектива / Последняя битва Кастера» («The Cosmic Perspective / Custer's Last Stand», 1985), «Сексуальная химия. Сардонические истории о генетической революции» («Sexual Chemistry: Sardonic Tales of the Genetic Revolution», 1991), «Небылицы и выдумки» («Fables and Fantasies», 1996). Малая проза Стэблфорда неоднократно номинировалась на различные литературные премии. В твердой научной фантастике писатель всегда придерживался собственного курса, заняв нишу где-то между Ар-

туром Кларком, Холом Клементом и Полом Макоули, вероятно ближе всего к последнему.

Рассказ «Карьера на поприще сексуальной химии», открывающий один из сборников Стэблфорда, впервые был опубликован в «Interzone» в 1987 году. Это более чем язвительное произведение посвящено коммерческой стороне научных исследований — теме, к которой твердая научная фантастика обращается редко.

Существуют имена, носить которые непросто. Шаркозаделлы, Бастардосы и Балдуины начинают жизнь с изъяном и, возможно, не сумеют избавиться от него никогда, так что любой без труда поймет, отчего те, кому суждено было родиться в ни в чем не повинных семьях, с незапамятных времен зовущихся Гитлерами или Квислингами[1], частенько отказываются от громких фамилий в пользу непримечательных Смит или Вилланова. Люди, решившиеся не менять шокирующие имена, обычно вынуждены занимать оборонительную позицию, нагло и горделиво снося насмешки мира. Для некоторых злополучная фамилия становится испытанием вроде проклятия, а жизнь — полем боя, где высшим проявлением героизма является умение вести себя правильно.

Можно простить человека, считающего, что Казанова — имя не слишком проблематичное, по крайней мере по сравнению с некоторыми другими. Оно ничуть не вульгарно и не имеет ни малейшего националистического оттенка. Многие мужчины были бы просто счастливы обладать такой фамилией, якобы содержащей намек на их тайное мастерство, чем они могли бы остроумно воспользоваться. И тем не менее это ярлык, способный породить уйму затруднений и невзгод, особенно если его носит застенчивый ученик английской средней школы. Именно в школе родившийся 14 февраля 1982 года Джованни Казанова впервые осознал обременительную природу своего имени.

Отцу Джованни, Маркантонио Казанове, всегда нравилась его фамилия, и судьба в полной мере снабдила его всем

[1] *Квислинг Видкун* — пресловутый норвежский предатель, сотрудничал с нацистами.

необходимым, чтобы не стесняться ее. Он был невысок, но привлекателен: особенно выделялись глаза, темные и блестящие, определенно способствующие таянию девичьих сердец. Однако он не делал серьезных попыток жить в соответствии со своим именем, воспринимая как хорошую шутку тот факт, что нашел удовлетворение в безмятежном одиночестве. Дед и бабка Маркантонио в тридцатые годы бежали в Британию из оказавшейся под властью Муссолини Италии и обосновались в Манчестере в самый разгар Депрессии. Таким образом, Маркантонио происходил из рода обнищавших интеллигентов, в силу социальных обстоятельств лишенных возможности в полной мере применить свои способности.

Матери Джованни тоже не выпало шанса продемонстрировать интеллект. В девичестве ее звали Дженни Спенсер, она родилась в почтенном рабочем семействе из тех, которые изо всех сил продвигают своих сыновей по социальной лестнице, но наивысшим достижением дочерей считают удел помощницы парикмахера в шестнадцать лет, жены — в семнадцать и матери — в восемнадцать. Все эти ожидания Дженни оправдала с завидной легкостью.

Сочетание прихотей генетики и счастливого стечения обстоятельств дало этой скромной паре необычайно одаренного сына, ибо вскоре после рождения Джованни проявил удивительный ум, намного превосходящий нереализованный потенциал его родителей. Щедрость природы, однако, ограничивалась исключительно умственными способностями; внешний вид и состояние здоровья Джованни оставляли желать лучшего. Он был низкорослый, почти карлик, с непропорциональным телосложением и плохой кожей. Вдобавок ко всему перенесенная в раннем детстве корь страшно ухудшила его зрение; астигматизм и хроническая миопия вынудили мальчика носить очки с толстыми линзами, лишившими его темные глаза последней возможности вспыхивать так, чтобы таяли сердца, к тому же в этих очках он выглядел косоглазым. Тонкий, писклявый голосок Джованни так и не сломался, даже когда он достиг половой зрелости. Волосы упорно росли отвратительным черным колтуном и начали редеть на макушке, едва мальчику исполнилось семнадцать. В общем, как бросали ему в лицо дюжины беспечных людей, а тысячи отмечали про себя, он определенно не походил на Казанову.

Классовая культура Англии оказалась необычайно устойчива к коррозии равноправия двадцатого века, и буржуазная мораль так и не просочилась в беднейшие районы Северной Британии, даже когда старые трущобы были стерты с лица земли, а в новых появились туалеты и общественное отчуждение. Там, где прошли годы юности Джованни, очень немногие девушки сохранили девственность после четырнадцати, а мальчишки, так и не получившие аттестата зрелости, к тому возрасту, когда разрешается голосовать, уже провели достаточно исследований, чтобы защитить докторскую диссертацию по технике секса. Однако прилив скрытой сексуальной активности миновал Джованни Казанову. Он остро ощущал бурлящие повсюду вокруг потоки эротизма и истово желал, чтобы они унесли и его, но — увы.

Другие некрасивые ребята, казавшиеся ему столь же безобразными, как и он сам, все-таки ухитрились преодолеть *первое и самое тяжелое препятствие* и впоследствии чудесным образом прибавили уверенности и опыта, но Джованни не мог соперничать с ними. Его непривлекательность все усложняла, а фамилия вдобавок превращала затруднительное в невозможное, поскольку девушки, которые могли бы, по крайней мере, пожалеть его, лишь смеялись над уродцем. Даже самые слабоумные шлюшки находили, что есть нечто забавное в том, чтобы ответить «нет» Казанове.

Пробираясь через подростковую трясину, Джованни увязал в топях самопознания и неловкости и к семнадцати годам преисполнился ненависти к себе и обзавелся зачатками паранойи. Он уже был обречен на долгую карьеру неудачника. Юноша чувствовал себя таким измотанным, он так исстрадался из-за своих провалов, что совершенно отказался от общения с представительницами прекрасного пола, если на то не было крайней необходимости.

Впрочем, рассудок его спасся, ибо Джованни нашел себе прибежище: мир научного знания, чья безусловность так резко контрастирует с предательскими переменами в обществе. Даже учителя считали его отвратительным фанатиком, но признавали, что в интеллектуальном плане мальчик — потенциальная суперзвезда. Его награждали самыми лучшими оценками и отзывами за всю историю этой весьма скромной школы, и в октябре 2000 года Джован-

ни с триумфом поступил в университет на факультет биохимии.

В те дни биохимия была модной наукой; каждый год приносил из лабораторий генной инженерии новые биотехнологические чудеса. Джованни вступил в царство бесконечных возможностей прикладной науки и приступил к составлению генетических карт, созданию белковых композиций и плазмидных конструкций. В повседневной жизни он выглядел неуклюжим тугодумом, но в святилище лаборатории, безукоризненно выполняя тончайшие операции, он становился совсем другим человеком, проявляя столь выдающиеся интуицию и понимание, что вскоре оставил далеко позади своих наставников.

В новом, университетском окружении, где студентки воистину высоко ценили ум, Джованни осторожно попытался вылезти из своей скорлупы. Он снова начал разговаривать с девушками, пусть и с тяжеловесной осмотрительностью и неловкостью. Он помогал студенткам в работе и раз или два попробовал перейти от содействия к обольщению. Так произошло с чернокудрой Изабель, которая вроде бы считала его интересным собеседником, и с веснушчатой Мэри, которая даже пару раз приготовила ему поесть, поскольку думала, что он пренебрегает собой, но обе девушки вежливо отклонили намеки на более интимные взаимоотношения. Они не рассматривали его в таком качестве, и, хотя с готовностью называли Джованни другом, ребята, оказывающиеся в их постелях, были парнями совершенно иного сорта. Джованни изо всех сил пытался не обижаться и принять их точку зрения. Он определенно не винил девушек, но понимание их позиции вело юношу лишь к дальнейшему разочарованию в себе и еще более острому осознанию насмешки, звучащей в его имени.

Преобразование бактерий с помощью плазмидной техники устарело задолго до того, как Джованни поступил в университет, и юный гений чувствовал, что конструирование растений, хотя и предоставляет большие возможности для изобретательности и творчества, не вполне удовлетворяет его стремлениям. Он знал, что обладает экстраординарными способностями, требующими чего-то поискованнее, так что юноша обратил весь свой пыл в сторону «проектирования», так сказать, животных. Его докторская была

посвящена разработке искусственных цитогенных систем, которые можно трансплантировать в клетки животных, не разрушая ни их ядро, ни хромосомную структуру; таким образом становилось реальным преобразовать определенные ткани зрелого организма, избежав при этом практических и моральных проблем, по-прежнему окружающих все, что затрагивало зиготы и эмбрионы.

Первоначально амбиции Джованни касались лишь применения его исследований в медицине. В своем воображении он нарисовал с полудюжины стратегий борьбы с раком и изобрел несколько нетрадиционных методов подавления эффектов старения. Останься Джованни обыкновенным исследователем в своем университете, он, без сомнения, осуществил бы все эти проекты, но первые годы нового тысячелетия стали периодом экономического бума — крупные биотехнологические компании с редкой беспощадностью охотились за талантами. Джованни никогда не рассылал резюме и не наводил справок по поводу вакансий и тем не менее нашел потенциальных нанимателей, умоляющих его о собеседовании, где ему будет удобно — у него ли дома или в любом другом месте, которое он соизволит назвать. К нему подсылали прекрасных менеджеров по персоналу, с безупречным маникюром и покровительственными улыбками, обольщающих молодого ученого предложениями шестизначных окладов. Одной или двум так отчаянно хотелось заполучить его для фирмы, что они почти готовы были подкупить юношу сексуальными услугами, но всегда останавливались за шаг до решающего действа — к вящей досаде Джованни.

Он был так страстно предан своей работе и пестовал столь благородные идеи, что медлил довольно долго, прежде чем продаться, но в конце концов искушение оказалось слишком велико. Им завладел самый солидный покупатель, «Цитотех Инкорпорейтед», и мозг Джованни «утек» в солнечную Калифорнию. При этом большинство банковских счетов молодого человека осталось в европейских «налоговых убежищах», так что к тридцати годам он вполне мог стать миллионером. А поскольку у юноши создалось впечатление, что даже самый обделенный судьбой миллионер с легкостью способен играть роль Казановы, он ждал не дождался, когда же ему доведется выступить в роли этакого отчаянного расточителя.

«Цитотех» вовсю участвовал в медицинских исследованиях, но деятельный президент компании Мармадук Мелмот имел иные виды на своего самого экстраординарного сотрудника. Он пригласил Джованни в свой особняк в Беверли-Хиллз и угостил его таким сказочным обедом, который юноша в жизни не видывал. А потом объяснил Джованни, где, по его терминологии, «должна вестись игра».

— Будущее, — заявил Мелмот, отхлебывая розовое шампанское, — за средствами, усиливающими половое влечение. Лекарство от рака можно продать только тем, у кого рак. Продление жизни — великолепно, но оно ничего не стоит, если люди не умеют наслаждаться отпущенным им временем. К черту улучшенные мышеловки. Что этому миру действительно нужно, так это ловушки для кисок. Создай мне раскаленный феромон — и я сделаю тебя миллиардером.

Джованни объяснил Мелмоту, что такой вещи, как мощный человеческий феромон, может и не существовать. Многие насекомые, заметил он, воспринимают окружающую среду практически полностью посредством органов обоняния, так что их самкам в ограниченный период фертильности имеет смысл оповещать о своей готовности пахучими секрециями, которые — будучи произведенными в достаточных количествах — способны привлечь всех самцов-насекомых на мили вокруг. Люди же, в отличие от насекомых, почти не пользуются своим обонянием, и их самок, то есть женщин, не тревожат короткие и жизненно важные фазы фертильности, которые, по идее, любой ценой должны быть использованы для продолжения человеческого рода.

— Все это мне известно, — заверил юношу Мелмот. — И тот факт, что ты решил рассказать это мне, свидетельствует о твоих сложностях в общении. Позволь мне дать тебе один совет, сынок. Легко найти тех, кто заявит мне, что это, мол, невозможно и неосуществимо. Для этого я мог бы нанять и идиотов. Но я нанимаю гениев, чтобы они задались вопросом: «Если это не сработает, что сработает тогда?» Ты следишь за моей мыслью?

Высказывание босса невероятно воодушевило Джованни, хотя слова президента компании едва ли можно было счесть оригинальными. Молодой ученый понял, что его за-

мечания действительно выявили проблему в отношениях, которая слишком мощно заявляла о себе всю его жизнь. Юноша отправился в свою лабораторию, полный решимости создать для мистера Мелмота что-то, что заменит невозможный феромон, а для себя лично — организовать несколько сексуальных встреч, которые наставили бы его на путь подлинного Казановы. Это, решил он, просто вопрос стратегии и целеустремленности.

В сущности, сейчас Джованни занимал весьма престижную позицию и имел заметное влияние. Хотя теоретически он начинал с самых низших ступеней «Цитотеха», ни у кого не возникало сомнений, что мальчишка далеко пойдет, — его уважали, несмотря на неказистую внешность.

С таким преимуществом юноша практически без труда потерял наконец свою невинность с семнадцатилетней блондинкой-лаборанткой по имени Хелен. Это стало для него большим облегчением, но Джованни слишком хорошо осознавал, что данный факт не является важной победой. Это была неуклюжая «случка», во время которой его трясло от страха и смущения; он чувствовал, что его обычная неловкость, как правило исчезающая во время работы, в сексе достигла невероятных масштабов. Милашка Хелен, не отягощенная знанием и искушенностью, не произнесла ни словечка недовольства и не стала шутить по поводу его фамилии, но Джованни был убежден, что мысленно девушка кричала: «Казанова! Казанова!» — и истерически хохотала над таким нелепым несоответствием. Он не осмелился снова предложить ей переспать с ним и на рабочем месте старался избегать красотки.

Решив, что ему нужно больше практики, Джованни принялся посещать проституток, чьи телефоны были нацарапаны на стенках телефонов-автоматов в фойе, и, хотя таким способом избегал затруднений, связанных с узнаванием партнершами его имени, улучшение качества процесса давалось ему весьма тяжело. Если уж на то пошло, ему казалось, что все становится только хуже, и в собственных глазах юноша выглядел еще смехотворнее.

Очевидно, именно это Мелмот назвал бы сложностями в общении, но теперь Джованни знал, что определить проблему не означает избавиться от нее, точно так же как фамилия Казанова не превращает его в копию знаменитого

тезки. Отвращение к себе заставило молодого ученого отказаться от визитов к шлюхам уже после третьего раза, а возобновить связь с Хелен он так и не решился. Джованни не составило труда убедить себя в том, что воздержание предпочтительнее вечного унижения.

В своей работе, однако, он делал большие успехи. Приняв близко к сердцу совет Мелмота, Джованни спросил себя, что для людей может представлять альтернативу феромонам. У человека доминирующее чувство — зрение, так что ближайшая аналогия с феромонами насекомых — привлекательная внешность, но это открытие совершили так давно, что сейчас целые отрасли косметической промышленности призваны помочь жаждущим секса усилить их чары. Джованни понимал, что в этой области его профессиональной компетенции трудно найти применение, так что ученый переключил внимание на осязание.

Со временем он пришел к выводу, что ему нужно нечто, делающее прикосновение будущего соблазнителя неотвратимым для его (или ее) жертвы: этакое любовное зелье, передающееся через кончики пальцев. Если удастся отыскать психотропный протеин, который быстро впитывается через кожу, прикосновение донора стало бы ассоциироваться с последующими волнами приятного чувства, и тогда достичь желаемого было бы сказочно легко.

Джованни призвал все свое искусство в создании протеинов, направив его на сотворение психотропного средства, которое порождало бы мощное ощущение эйфории, нежности, привязанности и похоти. Это было непросто — понимание такого рода психохимии еще находилось на весьма примитивном уровне, — но Джованни был человеком дела и, как никто другой, подходил для своей работы. Отыскав идеальный протеин, он закодировал его в ДНК искусственного цитогена, который вживили в субэпидермальные клетки, приводимые в действие сексуальным возбуждением. На поверхность кожи протеин выходил через потовые железы.

Когда пришло время объяснить действие хитрого механизма Мармадуку Мелмоту, президент компании не выказал особого восхищения изобретением.

— Адские колокола, парень, — сказал он. — Почему бы просто не разлить снадобье по склянкам и не позволить людям размазывать его пальцами?

Джованни ответил, что этот новый психотропный протеин, как и большинство подобных веществ, имеет настолько тонкую структуру, что его нельзя хранить в растворе и что он быстро изменяет свои естественные свойства вне защитного окружения живой клетки. В любом случае смысл в том, что объект желания может получить определенное внушение лишь посредством прикосновения будущего соблазнителя. Если протеин предназначен для конкретной цели, то источники должны быть очень строго ограничены. Это же не технология для массового распространения, это товар для немногих избранных, которые должны будут использовать его с предельной осторожностью.

— Вот дерьмо! — с отвращением фыркнул Мелмот. — Как же мы сделаем миллиарды на таком продукте?

Джованни предложил продавать средство лишь очень богатым и по баснословной цене.

— Если мы так поступим, — сказал ему Мелмот, — мы должны быть абсолютно уверены, что снадобье действует и что не существует и тени неблагоприятных побочных эффектов. Потребители должны быть полностью удовлетворены.

Джованни согласился, что это жизненно необходимо. Он провел ряд исчерпывающих и совершенно секретных клинических испытаний и не сказал Мелмоту, что уже начал исследовать эффекты и потенциалы преобразования тканей. По великой традиции ученых жертвовать собой он стал добровольцем, собственной морской свинкой.

Сказать, что метод сработал, означало не сказать ничего. Джованни открыл, что ему достаточно лишь взглянуть на привлекательную девушку и немного пофантазировать, чтобы выделился особый нот, вселяющий волшебство в кончики его пальцев. А когда должное возбуждение достигнуто, хватает легчайшего прикосновения, чтобы вызвать ответную психохимическую реакцию влечения, а там уж получить желаемое не составляло труда. Девушки очень быстро — хотя и неосознанно — научились связывать его касание с самыми нежными и волнующими эмоциями. Они стремительно преодолели природное отвращение и начали считать его если и не красавцем по общепринятым меркам, то чертовски привлекательным мужчиной.

В течение трех недель эксперимента четыре лаборантки, две машинистки, три секретарши, одна консультант по

взаимоотношениям и одна уличная регулировщица были ввергнуты в пучину безрассудной страсти. Джованни вознесся на вершину мира, он упивался своей победой как ученого и как рукотворного Казановы. Оковы воздержания оказались небрежно сброшены. Теперь женщины отчаянно желали заполучить его в свою постель, и он с удовольствием делал им это одолжение. Ему даже удалось справиться с неловкостью, и вскоре проблема преждевременного семяизвержения его больше не тревожила.

Но чувство удовлетворения было недолгим. Потребовалось всего три месяца, чтобы отвращение к себе снова охватило Джованни. И проблема заключалась не только в чувстве вины, порожденном сознанием того, что он обманом заставлял своих партнерш вожделеть себя (хотя и это тяжким грузом лежало на его совести); настоящей бедой стала убежденность, что он не в состоянии ничего дать им в ответ. Он знал, что, сколь бы скомканным ни был тот или иной половой акт, каждая жертва продолжала страстно любить его, но молодому человеку казалось, что он видит, как разочарованы его любовницы в нем и в себе. Они любили его, но эта любовь лишь делала их несчастными. Отчасти потому, что они догадывались, что им приходится соревноваться друг с другом за его внимание, но главным образом, как считал Джованни, потому, что это внимание не приносило им радости.

Между тем мир видел в Джованни образ подлинного Казановы. О нем говорили, как правило, с удивлением. Ему завидовали. Но в собственных глазах он оставался во всех смыслах презренным мошенником. Влюблялись не в него, а в некую органическую слизь, которую он смешивал в пробирке; женщины, ставшие его жертвами, оказывались обреченными на муки ревности, разочарования третьесортного секса и отчаяние беспомощности. Джованни не нравилось выступать в роли массового разбивателя сердец; он был слишком хорошо знаком с горечью и страданием, чтобы получать удовольствие, причиняя боли другим — а тем более женщинам, которые ему нравились и которыми он восхищался.

К тому времени, как в компанию потекли деньги и вдумчивый маркетинг Мелмота, опирающийся на богатейших людей мира, начал приносить дивиденды, Джованни

вновь глубоко погрузился в цинизм и депрессию. Он был уверен, что другие способны по полной эксплуатировать его изобретение как средство достижения неограниченных удовольствий — но только не он. Дурак Казанова просто подтвердил собственную убогость. Чаша горечи Джованни переполнилась.

Как всегда, не кто иной, как Мармадук Мелмот, заставил юношу понять, что он все еще страдает из-за сложностей в общении.

— Слушай, Джо, — сказал Мелмот, — у нас тут маленькие неприятности. Уверен, ничего такого, чего ты не смог бы уладить, но нам необходимо, чтобы покупатели были счастливы, а денежки шли. Сейчас у нас ограниченный рынок, и большинство парней довольны. Хорошо, конечно, что мы им предлагаем щелки в кошелке, но на самом-то деле им нужно что-то, чтобы загнать в эти щелки свой колышек. Ты когда-нибудь слышал о шпанской мушке?

Джованни объяснил, что *Cantharides* скорее жук, чем муха, что его секреции — сильнодействующий яд и что нет никакого удовольствия в том, чтобы на долгие часы заполучить мучительно-болезненную эрекцию с зудом.

— Значит, придумай что-нибудь получше, — заявил Мелмот со всем мастерством искусства убеждения, владение которым сделало его богатым.

Джованни обдумал предложение и решил, что вполне реально создать некий биохимический механизм, который давал бы мужчинам возможность контролировать эрекцию: вызывать ее по собственной воле, сохранять сколько необходимо и порождать какой угодно оргазм, в любом количестве и качестве. Для этого понадобится пара новых гормонов для обратного контроля и цитоген для преобразования клеток гипофиза. Но даже когда биохимия подействует, людям надо будет научиться пользоваться новой системой, а значит, потребуется обучающая программа, возможно на основе дублируемой компьютером биологической обратной связи, но это осуществимо.

Джованни приступил к работе, терпеливо доводя плод своих мыслей до совершенства.

Естественно, ему пришлось опробовать систему, чтобы убедиться, что стоит продолжать клинические испытания. Обретя генетический трансплантат, Джованни каждую

ночь по нескольку часов практиковался в полном одиночестве. Ему понадобилась всего лишь неделя, чтобы обрести полный сознательный контроль над своими новыми способностями, но он изначально обладал преимуществом понимания, так что на составление плана тренировочной программы для неподготовленных клиентов ушло еще две недели.

И снова Джованни преисполнился оптимизма в отношении личных проблем. Он больше не беспокоился о недостаточности своего мастерства; теперь он испытывал уверенность, что любая девушка, которая будет вынуждена влюбиться в него, в ответ получит стопроцентное сексуальное удовлетворение. Теперь он занимал гораздо лучшую позицию, чтобы соперничать с прославленным тезкой.

Но Джованни уже вышел из возраста желторотого юнца и мечтал не только о новых биотехнологических открытиях. Его отношение к окружающим претерпело более драматическое изменение, и ученый решил, что тот Казанова, которому стоит подражать, — не древний Джованни, а его собственный отец Маркантонио. Он подумал, что ответ скрывается в моногамии, и захотел жениться. Джованни уже перевалило за тридцать, и ученому казалось, что ему нужна партнерша-ровесница: зрелая, рассудительная женщина, которая внесет в его жизнь порядок и стабильность.

Эти аргументы привели к тому, что Джованни влюбился в своего бухгалтера, тридцатитрехлетнюю разведенную Дениз. Доходы его неуклонно росли, и у ученого всегда был повод встретиться за обедом с Дениз, чтобы обсудить способы уменьшения налогов — естественно, законным путем. Так что у Джованни было достаточно возможностей добиться контакта их кончиков пальцев и вскружить женщине голову. Он организовал все предприятие очень осторожно и — как ему казалось — гладко, изящно позволив Дениз соблазнить себя на третьем свидании. Он все еще чувствовал некоторое стеснение и тревогу, но женщина вроде бы осталась довольна его мужской силой.

Родители молодого ученого с радостью восприняли новость. Отец даже всплакнул от счастья при мысли, что имя Казанова теперь перейдет следующему поколению, а мать (верившая, что женитьба — это своего рода сертификат

принадлежности к человеческой расе) пребывала в состоянии сентиментальной эйфории несколько месяцев.

Забеременев, Дениз ушла с работы буквально через несколько недель после медового месяца, передав в руки других финансовых колдунов задачу распределять и защищать бурный прилив средств, хлынувший на банковские счета Джованни, когда ловкач Мелмот принялся осмотрительно распродавать новое открытие ученого.

Джованни очень любил Дениз и с течением беременности привязывался к жене все больше и больше. Когда же она родила девочку — названную в честь его матери Дженнифер, — ученый почувствовал, что обрел рай на земле.

К несчастью, пик его радостных переживаний вскоре прошел. Дениз впала в послеродовую депрессию и начала находить свою энергичную сексуальную жизнь чересчур обременительной. Она бессознательно все еще держалась на крючке волшебного протеина с кончиков пальцев Джованни, но эмоциональные отклики женщины исказились и смешались, так что ощущения любви и влечения вызывали ручьи страдальческих слез.

Джованни все время находился в нервном, напряженном состоянии и не знал, что делать. Новая волна вины медленно накрывала его. Какой бы ни была причина, он в ответе за все. Он заставил Дениз полюбить себя и до сих пор не чувствовал себя мошенником лишь из-за уверенности, что женщина пожала весь урожай удовольствий, выросший на поле любви, так внезапно заколосившейся в ее сердце. А теперь все пошло наперекосяк, и ученый считал, что предал и погубил жену.

Джованни тосковал и мучился, Дениз винила себя и в смятении своем все глубже погружалась в отчаяние. Несчастная пара подпитывала горечь друг друга, начиная ощущать взаимное отвращение. И эта невыносимая ситуация привела к одной страшной ошибке, которую Джованни неизбежно пришлось совершить.

Он рассказал жене все.

С любой точки зрения это был роковой поступок. Когда Дениз услышала, что он, словно марионетками, управлял ее лучшими и интимнейшими чувствами, дергая за химические нити, ее любовь к мужу претерпела чисто психосоматическую трансформацию, обернувшись горькой и воз-

мущинной ненавистью. Женщина тотчас же покинула Джованни, забрав с собой малышку Дженни, и подала на развод, потребовав тридцать миллионов долларов компенсации за биохимическое вмешательство в ее эмоции. Сделав это, она вынесла на первые полосы газет новости о предприятии, которое Мармадук Мелмот так тщательно скрывал, вызвав настоящий бум.

Последствия вообразить легко. Мир в 2010 году представлял собой царство, в котором женщины высокоразвитых стран практически во всем сравнялись с мужчинами. Феминистки с удовлетворением оглядывались на века яростной борьбы с легальным, общепринятым пренебрежением; героини женского движения успешно сражались с дискриминацией по половому признаку при приеме на работу, с дискриминацией в образовании, с дискриминацией в физической и духовной жизни. Хотя в результате прогресса перед ними открывалось принципиально новое тысячелетие, они еще слишком хорошо помнили трудности, с которыми удовлетворялись их требования, и с параноидальным напряжением относились к любой угрозе своим достижениям. Открытие, что почти двадцать лет богатейшие мужчины мира тайком покупали биотехнологии, специально созданные для манипулирования женщинами и их сексуального угнетения, породило скандал, равного которому мир сексуальной политики еще не знал.

Джованни Казанова, до сих пор живший в безопасной безвестности, вполне комфортно чувствуя себя в роли непризнанного гения, обнаружил, что вдруг стал весьма известен. Его имя — это омерзительное проклятие — внезапно превратилось в источник шуток, издевок и колкостей для кричащих заголовков статей, оно звучало во всех уголках земного шара, появляясь в новостях не реже объявлений о безвкусных комедийных шоу. В одну ночь новый Казанова стал современным сказочным дьяволом: мужчиной, отодвинувшим сексуальную эмансипацию на три сотни лет назад.

Развод разбил сердце его матери, страдания которой усугубила безвременная кончина Маркантонио Казановы вследствие инфаркта. В минуту отчаяния женщина намекнула сыну, что его отец умер от стыда, и Джованни принял ее слова так близко к сердцу, что серьезно подумывал о самоубийстве.

Дениз, жертва тайных махинаций Джованни, в глазах женщин мира на некоторое время превратилась в святую. Мелмот, Мефистофель для Фауста—Джованни, был демонизирован наравне с ученым. Тысячи женщин подавали в суд на своих богатых любовников, на Джованни и на «Цитотех». Джованни получал мешки яростных писем от десятков тысяч особ, всривших (обычно без всяких на то оснований), что его магия была использована для похищения их душ.

Однако, как это обычно бывает, ураган поношений вскоре начал терять свирепость. Мармадук Мелмот использовал всевозможные средства, стремясь убедить мир в том, что все дело просто в небольших сложностях в общении.

Мелмоту удалось доказать, что по сути своей в первом открытии Джованни не было никакой дискриминации. Он сделал упор на то, что среди его клиентов отметились несколько женщин, с радостью применявших обольщающее зелье для привлечения молодых мужчин. Он заявил — вполне справедливо, — что косметическая промышленность веками предлагала мужчинам и женщинам способы усилить их сексуальную привлекательность и что средства, возбуждающие половое влечение, всегда пользовались огромным спросом. Единственное «преступление» Джованни, собственно, в том, что он произвел воистину действенный препарат, к тому же абсолютно безопасный, на замену тысячам снадобий фальшивой черной магии и шарлатанской медицины, в лучшем случае бесполезных, а в худшем — вредящих здоровью. Мелмот утверждал, что, хотя второе открытие Джованни и вправду предназначалось лишь для мужской физиологии, польза от него никоим образом не ограничивалась мужским полом.

Это краснобайство подкреплялось смелыми обещаниями, спасшими лицо «Цитотеха» и обернувшими поднявшуюся шумиху на пользу компании. Мелмот гарантировал, что первое открытие Джованни станет гораздо дешевле, так что преобразование тканей будет доступно людям даже со скромными средствами, равным образом и мужчинам и женщинам. Он также объявил, что Джованни уже начал разрабатывать целый спектр новых искусственных гормонов, которые дадут женщинам новые возможности для сознательного контроля над физическим удовольствием.

Благодаря этим обещаниям скандальные заголовки исчезли из газет. Рекламный отдел «Цитотеха» провел колоссальную работу по созданию имиджа Джованни, ставшего уже не дьяволом, а героем. Паника схлынула, иски провалились, и поток злобных писем иссяк. Однако Дениз получила развод и опекунство над маленькой Дженни. Тридцать миллионов компенсации ей не досталось, но женщине присудили хорошие алименты, так что остаток жизни она могла провести в относительной роскоши. Джованни вручили Нобелевскую премию по биохимии, что, впрочем, его отнюдь не утешило, хотя и помогло исцелить разбитое сердце его матери, — женщина снова гордилась сыном.

Джованни с одержимостью взялся за работу, стараясь осуществить обещанное Мелмотом. Он превратился в затворника, проводя в лаборатории столько времени, что его сослуживцы начали опасаться за его здоровье и рассудок. К сорока годам его умственные способности находились в упадке, но возросшие знания и житейская мудрость компенсировали потерю живости ума, так что, возможно, на этой стадии карьеры ученого его гений был мощнее и плодовитее всего. Джованни действительно изобрел новый спектр гормонов и энкефалинов, которые в комбинации дали людям, подвергшимся соответствующему преобразованию тканей, более полный сознательный контроль над психологией удовольствия. Реципиенты постепенно учились тому, что можно сделать с их новой биохимией, совершенствовали свое мастерство и вскоре уже могли индуцировать в себе — без всякого к тому побуждения — оргазмы и схожие ощущения, куда более удивительные, захватывающие и блаженные, чем когда-либо создавала скупая человеческая природа путем тяжкого, нудного труда — естественного отбора.

Джованни практически в одиночку открыл новую безбрежную перспективу в области мастурбации.

На этот раз деятельность Джованни была объектом постоянного внимания и постоянных споров. Циники утверждали, что его работа отвратительна, потому что совершенно уничтожает романтику, обесценивает человеческие чувства, сглаживает искреннее влечение и механизирует экстаз. Критики твердили, что ценность и загадочность сексуальных взаимоотношений из-за химических изменений будут роко-

вым образом принижены. Пессимисты пророчили, что, если труды ученого завершатся успехом, половые сношения могут кануть в прошлое, — их вытеснит с арены человеческого опыта эгоистичное злоупотребление сладострастием. К счастью, пессимисты не могли заявить, что это приведет к гибели человеческой расы, потому что открытия, сделанные другими биотехниками, позволили создать искусственную матку, гораздо более надежную, чем настоящая; сексуальные отношения перестали быть необходимыми для размножения, которое теперь эффективно осуществлялось в пробирке. Тем не менее общество в большинстве своем игнорировало циников и пессимистов — люди жаждали радости, стремились достичь обетованной земли неограниченных наслаждений.

Как всегда, Джованни первым опробовал новые изобретения; дух первооткрывателя, толкавший его на поиски свежих решений личных проблем, был по-прежнему силен, и перспектива сочетать целибат с экстазом казалась очень заманчивой его отшельническому разуму.

В начале эксперимента, когда он еще только исследовал потенциал новых гормональных инструментов контроля, ученый был вполне удовлетворен способами, которыми мог разбудить восторг, скрашивающий его одиночество, но Джованни быстро понял, что и это не решение его проблем. Восемьсот тысяч лет мастурбации не притупили аппетита человеческой расы к половым сношениям, и ученый сразу догадался, что этот провал не имеет ничего общего с качеством производимых ощущений. Циники и пессимисты ошибались: секс никогда не приестся и никаким, пусть и усовершенствованным, *онанистическим наслаждениям* его не вытеснить. Секс — это больше чем удовольствие; это близость, интимная сопричастность, взаимные сопереживания, сочувствие, выброс положительных эмоций, необходимых реципиенту. Пока длилось короткое счастье его семейной жизни, Джованни открыл, что секс, во всем буквальном и метафорическом значении избитой фразы, — это занятие любовью. Сколь бы ни были чудесны его биохимические системы, им это недоступно и заменой любви они служить не могут.

Так что Джованни положил конец жизни анахорета. Он вернулся в общество, снова приспосабливая свою психоло-

гическую установку, твердо намеренный завязать новые отношения. В конце концов, кончики его пальцев все еще обладали магией — или, по крайней мере, он так думал. Джованни огляделся, обнаружил сероглазую журналистку Грету, статного, пышнотелого физиолога Жаклин и сладкоголосого, улыбчивого страхового агента Морелду и приступил к обольщающим прикосновениям.

Но, увы, мир переменился, пока он жил вдали от него. Ни одна из трех женщин не поддалась его попыткам. Не то чтобы он утратил волшебство касаний, но «Цитотех» продал чудо уже слишком многим. Когда соответствующая трансформация тканей была секретным преимуществом избранных, те пользовались своими способностями осторожно и редко, но теперь усиливающий половое влечение пот стал общим достоянием, и любая мало-мальски привлекательная женщина, вероятно, сталкивалась с ним по нескольку раз в неделю. Так что женщины просто пресытились чувствами, которые пробуждал протеин, и больше не ассоциировали их с прикосновениями кого-то конкретного. Грета, Жаклин и Морелла ясно осознавали, что происходит, когда он дотрагивался до них, и, хотя и благодарили ученого за внимание, каждая оставалась совершенно равнодушной.

Джованни понял, что неразборчивость быстро стирает возбуждающую ценность его первого открытия. Острый разум сделал его восприимчивым ко всем возможностям, которые способны открыться благодаря распространению этого изобретения, и ученый принялся искать в новостях свидетельства социальных перемен.

Логика ситуации была ему абсолютно ясна. Когда потребители обнаружат, что их обольщающие касания стали менее эффективны, они будут стремиться использовать их все чаще и чаще, распространяя пресыщенность еще больше и уничтожая все надежды на желаемый результат. Вдобавок люди перестанут применять этот метод только ради сексуальных побед. Многие мужчины и женщины из честолюбия захотят заставить других любить себя, добиваясь таким образом социального и экономического успеха, которого уже достигли первые покупатели технологии. Впоследствии мир охватит позитивная эпидемия добрых чувств. Эта чума не заставит весь мир заниматься любо-

вью, но сумеет превратить всех в друзей. Самые неприятные люди вскоре станут купаться в безбрежной благожелательности.

Джованни внимательно изучил заголовки и еще до того, как это стало общеизвестным, понял, что вызвал более глобальные изменения в человеческих отношениях, чем намеревался или хотя бы предполагал.

Войны постепенно прекращались.

Терроризм находился в упадке.

Жестокие преступления случались все реже и реже.

Странно, но наметившиеся тенденции оставались почти незамеченными обществом. Большинство просто не догадывалось о важности происходящего, пока разрекламированный повсюду матч на звание чемпиона мира по боксу в тяжелом весе не остановился в третьем раунде, когда рыдающие бойцы заявили, что им невыносимо тузить друг дружку, и покинули ринг, мирно обнявшись.

Из-за этих изменений в повседневной жизни клинические испытания новых гормонов и эпкефалинов Джованни привлекали меньше внимания, чем могли бы, но их выдающийся успех все равно стал поводом для всеобщего ликования. В 2036 году к первой награде Джованни добавилась Нобелевская премия, причем возникла небольшая дискуссия по поводу того, не станет ли этот приз последним подобного рода, поскольку мир больше не нуждался в миротворцах. Джованни вновь стал любимцем средств массовой информации. Его провозглашали новым Прометеем, иногда даже Дионисом, даровавшим людям священный огонь, более ценный, чем любой вульгарный источник энергии.

Джованни все еще смущали эти периодические наплывы репортеров. Он слишком хорошо осознавал недостатки своей внешности, и каждый раз, когда ученый видел в газете или на экране свою фотографию, он краснел при мысли, что полмиллиарда читателей и зрителей наверняка говорят себе: «Он не похож на Казанову!» Вероятно, он был чрезмерно чувствителен; в эти дни именно его лицо и его достижения приходили в голову людям на улицах при упоминании имени Казановы; его древний тезка потускнел в сознании общественности.

Кроме того, на беспристрастный взгляд, Джованни уже не казался таким невзрачным, как некогда. Милостью при-

роды он облысел, и голая макушка не напоминала причудливый шутовской колпак, как спутанная копна черных волос, росшая там прежде. Он все еще был близорук и носил очки, но операция на роговице избавила ученого от астигматизма, и теперь глаза за стеклами выглядели добрыми и мягкими, а вовсе не косыми. Джованни остался тощим, но кожа под воздействием лет и погоды огрубела, натянулась. Внешность этого мужчины средних лет никто не назвал бы отталкивающей. Его бледность и хрупкость теперь скорее трогали, чем ужасали.

Он был ошеломлен, когда впервые осознал, что женщина использует на нем его собственную возбуждающую технологию, и быстро пришел к заключению, что она, должно быть, из тех, кто применяет чары на каждом, но постепенно Джованни стал привыкать к мысли, что им действительно восхищаются и его желают. Со временем секреция соблазняющего пота стала объектом нового этикета, в соответствии с которым ее беспорядочное использование выглядело проявлением дурного тона, тем более что теперь само собой разумеющимся считалось, что все могут любить друг друга и без помощи возбудителей.

Вежливость требовала, чтобы образованная, цивилизованная личность применяла секрецию Казановы эпизодически и благоразумно, чтобы деликатно показать свой эротический интерес, не обижаясь, если он не получит ответа. Новый кодекс поведения развивался, и Джованни с удивлением обнаружил, что частенько становится объектом обольщения, так что он некоторое время наслаждался сексуальным успехом. Конечно, многих молодых женщин в первую очередь интересовали его богатство и положение, но он не придавал этому значения, — в конце концов, мог же он воспользоваться своими статусом и состоянием, которых добился собственным трудом.

Так или иначе, он любил их всех. Он любил всех, и все любили его.

Таким стал теперь мир.

Вот так Джованни Казанова наконец-то приспособился к родовому имени. Он оправдывал репутацию своего величественного тезки год или два, а потом решил, что прелести такого образа жизни сильно переоценены. Джованни осчастливил материнское сердце, вновь женившись, но этот

раз на женщине, воскресившей в его памяти детские воспоминания об уже пожилой матушке. Новую невесту Джованни звали Жанин. Она родилась в Манчестере и делала карьеру в области косметической цитогеники (что в 2036 году было ближайшей к парикмахерскому искусству сферой). Она была гораздо моложе Джованни, но разница в возрасте супругов ни капельки не волновала.

Джованни и Жанин постоянно баловали друг друга самыми утонченными психохимическими ласками и научились играть восхитительнейшие дуэты на затейливых гормональных инструментах, изобретенных Джованни. Но они также питали друг к другу — и позднее к своим детям — особое чувство, выходящее за рамки простой химии и физиологии: высокую любовь, бывшую целиком триумфом доброй воли. Это сокровище, верили они оба, никогда не вышло бы ни из одной пробирки Джованни.

Так что, обладая этими благами, они жили долго и счастливо.

Впрочем, как и все остальные.

ПОЛ МАКОУЛИ

Риф

Пол Макоули (р. в 1955 г.) считается самым выдающимся британским фантастом конца 1980-х годов, каким в 1970-е был Йен Уотсон. В те времена, когда развитие фантастики определяли Баллард, Муркок и Олдисс, Пол Макоули работал, скорее, в рамках предшествующей традиции — раннего Артура Кларка. Однако в своих произведениях он обращался и к киберпанку. Позже Макоули начал склоняться к твердой научной фантастике и стал одним из ведущих авторов этого жанра.

«Риф» публиковался в антологии «Skylife», составителями которой являлись Грегори Бенфорд и Джордж Зебровски (основной ее темой был космос и жизнь на разных планетах). Рассказ, принадлежащий к классике жанра, полон потрясающих научно-фантастических и технических образов, но в то же время отличается яркой прорисовкой характеров персонажей, а героиня «Рифа» запомнится читателю надолго.

Маргарет Гендерсон Ву, войдя в режим «телеприсутствия», направляла прокси в глубину рифта[1] Тигрис, когда ее вызвал Дзю Шо. Другие члены ее команды сдались один за другим, и теперь только она погружалась в расщелину шириной не более сотни метров между розоватыми скалами, покрытыми гладкими наростами. То был слой самых обычных вакуумных организмов — мозаика из сотен штаммов одного и того же вида. Тут и там из него торчали ярко-красные «плети» — виды-симбионты, откладывающие внутри своих оболочек кристаллы сульфата железа.

Казалось, этот слой тянется вниз бесконечно. Пока ни один зонд или прокси не достигали дна рифта, до которого оставалось еще более тридцати километров. Микроскопические чешуйки железосерных комплексов, отслоившиеся клетки, извергнутые шарики углеродных соединений и другие летающие частицы парили, словно туман или снег, а вакуумные организмы образовывали наросты и ажурные

[1] *Рифт* — расщелина, трещина, разлом.

сетчатые структуры из нитей восстановленного металла, которые из-за какого-то фокуса сверхпроводимости создавали в радиодиапазоне широкополосный электромагнитный резонанс, пульсирующий, подобно медленному биению гигантского сердца.

Все это забивало помехами канал «телеприсутствия» между операторами и прокси. Только что Маргарет «видела» панораму шириной триста двадцать градусов «глазами» микроволнового радара малютки-прокси, чувствовала, как вакуум непрерывно «высасывает» ее оболочку, ощущала резкий запах чрезвычайного холода (всего на тридцать градусов выше абсолютного нуля) и сложный вкус вакуумного смога (жженый сахар, горячий каучук, смола), слабые струйки водорода, выбрасываемого из складчатого сопла прокси, когда та поддерживала ориентацию относительно поверхности скалы во время спуска, сжав тугой клубок щупалец вокруг клина релейного передатчика. А через секунду оказывалась в своем теле, лежащем внутри операторского кокона в теплой темноте, — в глазах мелькают фосфены[1], а в ушах звучит «белый шум»[2], пока блок связи подыскивает работающую частоту, связывается с прокси, и — щелк! — она снова опускается в провал между розовыми скалами.

Сработал сигнал экстренного вызова, вспыхнув по панораме белыми звездочками.

— Вас вызывают, босс, — прозвучал голос ее заместителя Эрика Керенайи.

Маргарет заблокировала и сигнал, и звуковой канал. Она уже спустилась на километр ниже своего предыдущего рекорда и хотела продвинуться как можно ниже, прежде чем закрепить телеметрическое реле. Развернув прокси по продольной оси, она увеличила рабочую амплитуду микроволнового радара. Далеко внизу стали различимы холмики и бугры, прилепившиеся к плоской поверхности скалы,

---

[1] *Фосфены* — световые вспышки и пятна, видимые в полной темноте или с закрытыми глазами; возникают из-за различных воздействий на глаза и оптический нерв. Простейший способ их увидеть – опустить веки и слегка надавить на глазные яблоки пальцами.

[2] *«Белый шум»* – немодулированные электромагнитные волны, не несущие информации. Его легко услышать при настройке радиоприемника (между станциями).

текстурированные выступы, напоминающие мозговой коралл, бессистемно ориентированные кратеры. И что-то еще — облака органических веществ. Возможно, это...

Снова экстренный вызов. Эрик отключил ее блокировку.

Маргарет выругалась и подлетела к скале, распрямляя щупальца и всаживая клин передатчика в розоватую шершавую поверхность, покрытую черными сосочками и напоминающую гигантский язык, мгновенно примерзший ко льду. Реле автоматически выстрелило якорные зацепы. Отдача отшвырнула малютку-прокси, заставив ее кувыркаться, пока она рефлекторно не стабилизировалась, ловко выпустив струйки газа. Картинка забилась пятнышками помех, восстановилась, но связь тут же полностью прервалась. Маргарет нажала клавишу, превращающую кокон в кресло. Закрывающая лицо маска автоматически поднялась.

Перед ней стоял Эрик Керенайи:

— Босс, с вами хочет поговорить Дзю Шо. Немедленно.

Работу им предложили в форме «закрытого контракта». Точную информацию о том, в чем эта работа будет заключаться, ученые получили, только когда хабитат — космическое поселение — уже отправился в путь. Но всем установили хорошие оклады и пообещали щедрые премиальные после завершения, и Маргарет Гендерсон Ву, выиграв конкурс на этот контракт, прихватила с собой бо́льшую часть коллег с предыдущей работы и стала лелеять робкую надежду, что это событие наконец-то переломит тяготеющее над ее семьей невезение.

Ученые оказались на «Ганапати», новом хабитате, основанном в результате альянса двух старейших патрицианских семей Содружества. Он имел стандартную конструкцию: базальтовый астероид, выжженный изнутри гигаваттным рентгеновским лазером. Выброшенные через сопла остатки испаренной породы придали глыбе вращение, обеспечивающее на внутренней поверхности «оболочки» силу тяжести две десятых от земной. На условной корме расположились заводы и мощные двигатели. Имея арендованные устройства искусственного интеллекта для перемалывания информации и фабрики, синтезирующие экзотические пластики из биомассы сахарного тростника и масла генетически

усовершенствованного рапса, хабитат получал доход вполне достаточный для выплаты процентов по займу на свое сооружение, взятому на бирже Содружества, но слишком скромный для привлечения новых граждан и рабочих. Он все еще не был окончательно оборудован, а население составляло лишь треть от оптимального.

Его Звездная Палата — молодая, амбициозная и нетерпеливо стремящаяся обрести независимость от своих семей — решила сыграть по-крупному. И теперь они гнались за легендой.

Восемьдесят лет назад на астероиде, расположенном на внешнем краю Пояса Койпера[1], был начат эксперимент по ускоренной эволюции хемоавтотрофных[2] вакуумных организмов. Экспериментом управляла холдинговая компания, зарегистрированная на Ганимеде, но ее истинным тайным владельцем был Демократический Союз Китая. В те дни компаниям и правительствам Земли было запрещено действовать в Поясе Койпера, который считал своей собственностью и яростно защищал некий внеземной картель. Его гегемония завершилась после Тихой войны, однако эта же война уничтожила и все архивы эксперимента. Даже Демократический Союз Китая исчез с карт, поглощенный Тихоокеанским содружеством.

В Поясе Койпера насчитывалось более пятидесяти тысяч объектов с диаметром свыше сотни километров и миллионы более мелких, а плоскость их орбит растянулась между орбитами Нептуна и Плутона. Где-то среди них и затерялся экспериментальный планетоид Энки, названный в честь одного из вавилонских богов творения. Энки стал легендой, подобно Детскому хабитату, комете-призраку, пиратскому кораблю с экипажем из оживленных мертвецов или раю для рабочих на Островах Блаженных.

---

[1] *Пояс Койпера* — протяженный пояс малых тел за пределами орбиты Плутона с остатками первичного материала, не использованного при образовании планет. Гипотеза о его существовании была выдвинута английским астрономом Кеннетом Эджвортом в 1949 году и американским астрономом Джерардом Койпером (1905–1973) в 1951-м.

[2] *Автотрофы* — организмы, синтезирующие из неорганических веществ все необходимые для их жизни соединения, используя энергию фотосинтеза (все зеленые растения) или химических реакций (хемотрофы).

А затем, через сорок пять лет после окончания Тихой войны, некая охотница за информацией накопала ее достаточно, чтобы реконструировать эксцентрическую орбиту Энки. И продала эти сведения «Ганапати». Хабитат купил рабочее время массива телескопов на Уране, исследующего дальний космос, и убедился, что планетоид действительно находится там, где ему следует быть, — чуть далее семи миллиардов километров от Солнца на момент наблюдения.

На этом точные сведения обрывались. Эксперимент вполне мог завершиться провалом вскоре после начала, но если он продолжается до сих пор, то его результаты могут подарить хабитату «платиновый» кредит на бирже. Маргарет и ученые из ее команды получат, разумеется, лишь свои зарплаты и премиальные — за вычетом налогов на воздух, пищу и воду, а также стоимости всего, что они купят на местные денежные сертификаты в магазинах хабитата. Наемные рабочие не получат даже этого. Подобно любому хабитату Содружества, «Ганапати» имел структуру древнегреческой республики и управлялся гражданами (они же владельцы акций), живущими в живописных парках на внутренней поверхности. Трудились же там контрактники, обитающие в туннелях и бараках, оборудованных внутри каменной шкуры «Ганапати».

Во время долгого полета ученым платили по минимуму, гораздо меньше, чем неквалифицированным техникам, занятым на фермах или заводах, или слугам, работающим в домах граждан. На «Ганапати» не хватало продуктов, потому что очень много биомассы было использовано для производства биохимикатов, ушедших на экспорт. Любая пища (за исключением базового рациона) стоила дорого, и Звездная Палата хабитата искусно манипулировала ценами. Когда «Ганапати» добрался до Энки и контракты ученых были активированы, цены на продовольствие возросли. Техники и слуги неожиданно обнаружили, что им по карману лишь мизерное количество плохо обработанных пищевых дрожжей. Их возмущение вылилось в драки и стычки на ножах и завершилось небольшим бунтом, который местная полиция, так называемые Белые Мыши, подавила с помощью газа. Маргарет пришлось выкупать из-под ареста нескольких своих товарищей, а затем промывать

им мозги и гневно напоминать, что их поведение может лишить премиальных всю команду ученых.

— Мы должны защищать свою честь, — заявил один из бунтарей.

— Не будь идиотом, — ответила Маргарет. — Граждане сталкивают лбами рабочих и ученых, чтобы и те и другие знали свое место, а заодно неплохо зарабатывают, повышая цены на продовольствие. Будь доволен, что теперь можешь купить приличную еду, и держись подальше от неприятностей.

— Но ведь они вас оскорбляли, босс! Из-за того, что вы...

Маргарет пригвоздила его взглядом. Она стояла на стуле, но все равно была на добрую голову ниже столпившихся вокруг коллег.

— Я веду только собственные сражения. И так было всегда. А ты помни о своих премиальных и помалкивай. Все окупится. Это я вам обещаю.

И все действительно окупилось, потому что они обнаружили риф[1].

Когда-то очень давно Энки получил удар такой силы, что астероид расплавился и раскололся на два больших куска и тысячи фрагментов. Один из фрагментов до сих пор обращался вокруг Энки, превратившись в крошечную луну, и именно на нем установили ИИ — искусственный интеллект, управлявший экспериментом. Прочие вновь сошлись, стянутые слабыми силами притяжения, но остыли быстрее, чем слияние завершилось, оставив огромную глубокую трещину на экваторе — рифт Тигрис.

Команда Маргарет обнаружила, что вакуумные организмы хаотично разрослись в самой глубокой части рифта, черпая энергию из окисления элементарной серы и двухвалентного железа и превращая углеродистые материалы в полезные органические соединения. Ученые увидели корочки и пластины, образования, напоминающие тонкую ткань, свернутую в хрупкие свитки, пучки органных трубок, лианы, изящные кружева. Некоторые питались другими — одна корочка медленно разрасталась, поглощая соседнюю. Многие выглядели паразитами и выпускали разветвленные отростки, пронизывающие тела жертв. Организмы, добывающие воду, призывали на помощь окислителей серы, обменивая

[1] *Рифом* геологи называют рудную жилу.

драгоценную влагу на энергию и создавая бородавчатые наросты, напоминающие строматиты[1]. Иные образования имели более ста метров в поперечнике и наверняка являлись самыми большими колониями прокариотов[2] в исследованной части Солнечной системы.

Какое разнообразие, и всего через восемьдесят лет ускоренной эволюции! Одичавшая красота, победившая холод и мрак. Потенциал, способный накормить миллиарды. Свои премиальные ученые уже заработали, потому что граждане «Ганапати» станут миллиардерами.

Все свободное время Маргарет тратила на исследование рифа с помощью прокси и заставляла свою команду упорно преодолевать проблемы, возникающие при проникновении в глубины рифта. Она влюбилась в этот риф, хотя не призналась бы в этом даже самой себе. Маргарет отправилась бы на исследования лично, если бы Звездная Палата такое разрешила, но, как и в большинстве хабитатов, граждане «Ганапати» не любили, когда их работники наведывались туда, куда сами они отправляться не собираются.

Стало ясно, что эксперимент вышел далеко за рамки первоначально заданных параметров, но причин этого не знал никто. Наблюдавший за экспериментом ИИ отключился уже лет тридцать назад. Питавший его примитивный термоядерный, на протонных пучках реактор еще действовал, но сам ИИ прожил меньше, чем те организмы, которыми он был призван манипулировать.

Его задача казалась простой. На участках рифта, богатых серой и двухвалентным железом, высадили колонии десятка видов медленнорастущих хемоавтотрофов. Затем были вызваны тысячи случайных мутаций. Большинство колоний погибло, а немногие выжившие собраны, вновь подвергнуты мутагенной обработке и высажены заново. Такой цикл повторялся каждые сто дней.

---

[1] *Строма* — основная опорная структура органов, тканей и клеток животных и растений, в том числе сплетение гиф (см. ниже) у многих сумчатых грибов. *Строматит* — образование, состоящее в основном из тканей стромы.

[2] *Прокариоты* – организмы, не обладающие, в отличие от эукариот, оформленным клеточным ядром и типичным хромосомным аппаратом. Наследственная информация у них реализуется и передается через ДНК. К прокариотам относятся бактерии, в том числе сине-зеленые водоросли.

Однако ИИ делал отбор лишь по скорости роста, а не адаптивной радиации[1], и на семинарах ученых вспыхивали жаркие споры о возможных причинах столь неожиданного богатства рифа. Лишь очень немногие считали, что это просто результат ускоренной эволюции. В благоприятных условиях многие земные бактерии делятся каждые двадцать минут, а некоторые бактерии проходили путь от сопротивления антибиотику до полной зависимости от него и включения в метаболизм в качестве питательного вещества менее чем за пять дней, то есть всего за триста шестьдесят поколений. Но то была лишь биохимическая адаптация. Наивысшая скорость деления вакуумных организмов рифта составляла менее раза в сутки, и, хотя это означало более тридцати тысяч поколений с момента засева рифа — полмиллиона лет в человеческом эквиваленте, — эволюционное разнообразие здесь оказалось примерно таким, как если бы неандерталец только в результате эволюции заполнил на Земле все мыслимые ниши обитания млекопитающих, от летучих мышей до китов.

Поисковая команда Маргарет изучала риф и отбирала образцы более тридцати дней. Кластерный анализ подсказывал, что они идентифицировали менее десяти процентов видов, образовавшихся после первоначального засева. А теперь и показания радаров намекали на то, что имеются изменения в еще не исследованных областях самой глубокой части рифта Тигрис, куда прокси пока еще не проникли.

Маргарет отметила это на последнем семинаре:

— Мы выдвигаем гипотезы, основываясь на неполной информации. И мы еще очень многого не знаем. Судя по результатам отбора образцов, вдали от поверхности Энки разнообразие жизни возрастает. И в глубинной части рифта могут отыскаться еще тысячи новых видов.

— А нам и не нужно знать все, — лениво возразил из дальнего угла Опи Киндред, главный генетик. — Нам не за это платят. Мы уже отыскали несколько видов, превосходящих коммерческие культуры по всем параметрам. «Ганапати» сможет на этом заработать, а мы получим премиальные. И кому какое дело, откуда эти виды взялись?

---

[1] *Адаптивная радиация* — приспособление популяции к систематическим нерезким однонаправленным изменениям условий окружающей среды.

— Мы здесь все ученые, — возразил Ари Ниведта, шеф биохимиков. — И нас должна интересовать суть явлений. А правда, Опи, что твои таинственные эксперименты всего лишь испытания на скорость роста? Если да, то я разочарован.

Генетики основали на поверхности «Ганапати» экспериментальную станцию и никого туда не пускали.

— Я не обязан перед тобой отчитываться, — ухмыльнулся Опи.

Его слова встретили возгласами возмущения. Ученые устали, а в комнате было жарко и душновато.

— Информация должна быть свободной, — заявила Маргарет. — Мы все работаем ради единой цели. Или ты надеешься на дополнительные премиальные, Опи?

В комнате послышалось перешептывание. По традиции все премиальные накапливались в общем котле, а в конце миссии делились между командами специалистов.

Опи Киндред был человеком умным и удачливым, хотя и несколько мрачноватым, словно мир представлял для него сплошное разочарование. Своей командой он руководил жестко и быстро отыскивал недостатки у других людей. И Маргарет стала естественной мишенью его насмешек — приземистая и мускулистая коротышка с Земли, которой приходилось принимать специальные препараты, чтобы выживать в условиях микрогравитации, и у которой волосы росли в самых неожиданных местах. Презрительно уставившись на нее, Опи заявил:

— Меня удивляет тон этого совещания, доктор Ву. И все эти ни на чем не основанные дурацкие предположения. Я уже час тут сижу, но ничего полезного не услышал. Нам платят за результаты, а не за разработку гипотез. От вашей команды мы слышим лишь оправдания, в то время как нам нужны образцы. Мне проблема представляется достаточно простой. Если что-то создает помехи вашим прокси, то следует задействовать роботов. Или послать людей и собрать образцы вручную. Почти все, что вам удалось добыть, мы уже пустили в дело. И мне нужно больше исходного материала — особенно после результатов моих последних открытий.

— Но роботам тоже требуются релейные передатчики, — заметил Эрик Керенайи.

— Если ими дистанционно управляют операторы, то конечно, — отозвалась Орли Хиггинс. — Но я не вижу нуж-

ды в ручном управлении. Совсем нетрудно запрограммировать их на спуск, сбор образцов и возвращение.

Орли возглавляла команду, которой удалось взломать испорченные коды ИИ, и она симпатизировала Опи Киндреду.

— Прокси отказывают в любом случае — как с ручным управлением, так и без него, — возразила Маргарет, — к тому же они не глупее любого робота. И я с удовольствием спустилась бы сама, но Звездная Палата мне это запретила. Они боятся, что мы что-нибудь найдем, если отправимся туда, где они не смогут за нами следить.

— Осторожнее, босс, — прошептал Эрик Керепайи. — Нас наверняка подслушивают Белые Мыши.

— А мне все равно. С вежливыми просьбами покончено. Нам нужно туда спуститься, Эрик.

— Конечно, босс. Но оказаться под арестом за подстрекательство к неповиновению — это не выход.

— На верхних уровнях тоже имеется кое-какой интересный материал, — заметил Арн Ниведта. — Причем коммерческий, как ты сам отметил, Опи.

Все одобрительно забормотали. Риф мог сделать «Ганапати» богатейшим хабитатом во Внешней системе, где дальнейшая экспансия человечества сдерживалась доступностью связанного углерода. Ядро кометы даже скромных размеров — скажем, десяти километров в диаметре — и сдобренное всего лишь одной сотой процента углеродистых материалов содержит пятьдесят миллионов тонн углерода, в основном льда из метана и оксида углерода, прикрытого с поверхности смолистыми длинноцепочечными углеводородами. А некоторые планетоиды наполовину состоят из метанового льда. Но большинство вакуумных организмов преобразовывали простые соединения углерода в органику, используя энергию солнечных лучей, уловленных различными фотосинтетическими пигментами, и поэтому могли расти лишь на поверхности планетоидов. Никому еще не удавалось вывести вакуумные организмы, которые могли бы эффективно перерабатывать сердцевину планетоидов, используя другие источники энергии. Но именно такие организмы появились на рифе в результате ускоренной эволюции. И это позволит перерабатывать огромное количество объектов в Поясе Койпера и даже дальше — в далеком облаке Оорта.

Арн Ниведта дождался тишины и добавил:

— Конечно, если образцы с рифа пройдут испытания. Как насчет этого, Опи? Они коммерчески пригодны?

— У нас собственные представления о коммерциализации, — ответил Опи. — Думаю, вы еще узнаете, что именно в наших руках находится ключ к успеху.

Биохимики и поисковики разразились криками. Присутствующие мгновенно разделились. Маргарет заметила, как кто-то из ее команды выхватил из чехла острую отвертку, мгновенно перехватила руку и стиснула ее с такой силой, что мужчина вскрикнул.

— Не лезь! — прошипела она. — И помни, что мы ученые.

— Мы слышали о том, что в глубине разнообразие видов больше, но туда якобы не добраться, — процедил Опи, презрительно приподняв тонкую верхнюю губу. — Тут можно заподозрить саботаж.

— Прокси работоспособны в верхней части рифта, — ответила Маргарет, — и мы упорно трудимся над тем, чтобы они действовали и на глубине.

— Будем надеяться, что у вас получится, — подвел итог Опи. Он встал, и все члены его команды тоже. — Я возвращаюсь к работе, и вам следует поступить так же. Особенно вам, доктор Ву. Возможно, вам лучше заняться своими прокси, чем планировать бессмысленные экспедиции.

Вот так семинар завершился ссорой, не выработав никаких продуктивных результатов, а сообщество ученых разделила черта враждебности.

— Опи интригует, чтобы в конце концов приписать все заслуги себе, — сказал, обращаясь к Маргарет, Ари Ниведта — дружелюбный энтузиаст, высокий даже для внешнесистемника и худой, как рельс. Рядом с Маргарет он сутулился, стремясь казаться ниже. — Он отчаянно хочет стать гражданином, поэтому и мыслит как один из них.

— Господи, да мы все хотим стать гражданами! — воскликнула Маргарет. — Ну кому нравится так жить?

Она махнула рукой, указывая на переполненный бар с голыми каменными стенами, низким потолком, ярким, резким светом, запахом дешевого пива и пота посетителей. Ее родители когда-то были гражданами. Пока не попали в полосу невезения. И дело было вовсе не в том, что она желала вернуть те счастливые дни — Маргарет их почти и не помнила, — ей просто хотелось лучшего.

— Граждане спят на шелковых простынях, едят натуральное мясо и играют в свои дурацкие игры, а нам приходится работать за них, да еще при ограниченном бюджете. Риф — это открытие столетия, Арн, но боги запрещают гражданам переутомляться. Поэтому мы вкалываем, а они трахаются на розовых лепестках и загребают всю славу себе.

Арн рассмеялся.

— Верно! Как верно и то, что мы не добились тех успехов, каких могли бы, — с грустью подытожил он.

— Опи сволочь, — задумчиво проговорила Маргарет, — но он сволочь умная. И выбрал самый подходящий момент, чтобы ткнуть в меня пальцем.

Потери прокси стали нарастать по экспоненте, а фермы на «Ганапати», где их разводили, дошли до критической черты. Едва потери превысят воспроизводство, масштабы исследований нужно будет резко сократить, иначе в ход придется пустить племенное стадо, а на такой риск «Ганапати» пойти не мог.

И тут, через день после того злосчастного семинара, Маргарет вызвали из очередной экспедиции к самому председателю Звездной Палаты «Ганапати».

— Нас не устраивают результаты ваших исследований, доктор Ву, — заявил Дзю Шо. — Вы много обещаете, но мало выдаете.

Маргарет бросила быстрый взгляд на Опи Киндреда, и тот ухмыльнулся. Сейчас он был облачен в белую тунику с золотой окантовкой и белые гетры; бритый череп сиял маслом, наманикюренные ногти отбрасывали радужные блики. Маргарет, едва успевшая вернуться из кокона управления прокси, была одета в мешковатый серый комбинезон. На руках, ногах и тоже выбритом черепе все еще остались липкие пятна электропроводной пасты для крепления электродов, от одежды попахивало потом.

Сдержав гнев, женщина ответила:

— Я подавала ежедневные отчеты о проблемах, с которыми мы сталкивались. Мы движемся вперед медленно, но уверенно. Мне только что удалось закрепить релейный передатчик на целый километр ниже предыдущей точки.

Дзю Шо отмахнулся от ее слов. Обнаженный и гладкий (подкожный жир у него был распределен равномерно, как

у тюленя), он полулежал в кресле из синего геля. Округлая безволосая голова очень напоминала яйцо. Рядом с ним сидела юрист хабитата в сером деловом костюме — аккуратная молодая женщина. Они Киндред и Арн Ниведта расположились на низких стульях, формально признавая превосходство Дзю Шо. За их спинами на границе травянистой поляны стояли несколько слуг.

Действие происходило на окраине поместья Шо, в рощице из смоковниц, бамбука и оплетенного плющом быстрорастущего баньяна. Над головами, повторяя изгиб внутренней поверхности хабитата, простирался парковый ландшафт — пятнышки редких, недавно посаженных рощиц, луга и сады. Летуны, надев разноцветные треугольные крылья, совершали пируэты вокруг оси невесомости. Прямо над ними на перевернутом изумрудно-зеленом лугу паслись мамонты размером с крупную собаку. Парк тянулся вдаль — вплоть до обнесенного защитным валом кольцевого озера диаметром три километра и огромных ферм, занимающих почти всю оставшуюся внутреннюю поверхность хабитата. Поля чечевицы, пшеницы, томатов, риса, экзотических овощей и фруктовые рощи для питания граждан и бесконечные плантации сахарного тростника и масличного рапса для биохимической промышленности и дрожжевых баков.

— Несмотря на незначительные достижения поисковой команды, — заговорил Дзю Шо, — мы получили необходимое благодаря работе доктора Киндреда. Именно это мы и намерены обсудить.

Маргарет взглянула на Арна, тот пожал плечами. Ухмылка Они Киндреда стала шире.

— Моя команда установила, откуда здесь такое разнообразие видов, — пояснил он. — Вакуумные организмы изобрели секс.

— Мы и так знали, что у них половое размножение, — заметил Арн. — Как иначе они могли эволюционировать?

Команда Арна выяснила, что вакуумные организмы могут обмениваться генетическим материалом через пилии — микроскопические полые трубочки, прорастающие между клетками или нитями гифов[1]. Аналогичным способом в по-

[1] *Гифы* — микроскопически тонкие, простые или ветвящиеся нити, из которых формируется грибница и плодовые тела грибов.

пуляциях земных бактерий распространяются гены сопротивляемости антибиотикам.

— Я имел в виду не генетический обмен, а генетическую рекомбинацию, — уточнил Опи. — Сейчас объясню.

Генетик взял инфоблокнот и стал проецировать в воздух плоские голографические кадры с цветными схемами, графиками и изображениями. Маргарет быстро погрузилась в поток данных, опережая скупые пояснения Опи.

Это нельзя было назвать нормальным половым размножением. Тут не существовало ни разных полов, ни даже комплементарных[1] размножающихся штаммов. Посредниками служили виды, агрессивно колонизирующие талломы[2] других организмов. Маргарет видела это множество раз, но до сих пор считала таких организмы просто паразитами. На самом же деле, по словам Опи, их скорее следовало называть вампирами.

Мелькали изображения, сменяясь фильмами, смонтированными на основе сотен часов записей, которые были сделаны блуждающими прокси. Вот колония черных, покрытых коркой организмов, встречающихся во всей исследованной области рифта. Время ускоряется. Колония увеличивает свой периметр пульсирующими рывками. И по мере роста отшелушивает с поверхности микроскопические частицы. Камера показывает крупным планом одну из таких частиц — несколько клеток, обернутых нитями с запасом питательных веществ внутри.

Миллионы таких крошечных пакетиков носятся в вакууме. Опустившись на таллом организма-хозяина, он впрыскивает в одну из его клеток генетический груз. Камера перемещается внутрь одной из таких клеток. Нити углеводно-белкового комплекса заполняют ее изнутри, словно хитроумно свернутая паутина. В одном месте напряженная клеточная стенка лопается, и пакет ДНК, покрытый оболочкой из гидратированных глобулинов[3] и ферментов, вырывается на во-

---

[1] *Комплементарность* — взаимное соответствие в химическом строении двух макромолекул, обеспечивающее их взаимодействие, в данном случае спаривание двух расплетенных нитей ДНК.

[2] *Таллом* (слоевище) — тело низших растений (водорослей, лишайников) и грибов, не расчлененное на стебель, листья и корни.

[3] *Глобулин* — белок, молекула которого имеет форму шара.

лю. Пакет содержит геномы как паразита, так и его предыдущей жертвы. Он ухватывается за белковые нити и ползет вдоль них, цепляясь микротрубчатыми коготками, пока не сливается с исходной кольцевой ДНК клетки.

У паразита имеется фермент, разделяющий нити генетического материала на отрезки произвольной длины. Отрезки рекомбинируются, образуя химерные клетки, содержащие генетическую информацию теперь уже от двух жертв, причем геном хищника, подобно вставленному тексту, вплетен между ними.

Суетливое свертывание и развертывание нитей ДНК повторяется во время воспроизводства химерных клеток. Это грубый процесс с непредсказуемым результатом. Бо́льшая часть потомства имеет неполные, или некомплементарные, копии генома (и поэтому нежизнеспособна) или же так много копий, что транскрипция[1] проходит неуверенно и с ошибками. Но несколько потомков из тысячи оказывается жизнеспособными, а несколько из них — еще более здоровыми и энергичными, чем любой из родителей. Из считаных клеток они размножаются сперва до пятнышка, а в конце концов полностью поглощают родительскую матрицу, внутри которой оказались. Маргарет увидела снимки, показывающие каждую стадию этой трансформации во время лабораторного эксперимента.

— Вот почему я поделился этой информацией только сейчас, — пояснил Опи Киндред, заканчивая выступление. — Я должен был сперва подтвердить правильность моей теории экспериментально. А поскольку процедура репликации настолько неэффективна, нам пришлось отсеять тысячи химер, пока мы не получили штамм, переросший родителя.

— Весьма странная и необычная форма воспроизводства, — сказал Арп. — Паразит умирает, чтобы его потомство могло жить.

— Она еще интереснее, чем вы можете представить, — улыбнулся Опи.

---

[1] *Транскрипция* — биосинтез молекул РНК на соответствующих участках ДНК, в процессе которого последовательность нуклеотидов ДНК «переписывается» в нуклеотидную последовательность РНК. Возможна также и обратная транскрипция.

Следующие кадры демонстрировали ту же колонию, теперь явно зараженную видом-паразитом,— ее розоватую поверхность усеивали черные пятна. Время опять ускорилось. Пятна увеличились, слились, выбросили облако спор.

— Едва химера перерастает родителя, — продолжил Опи,— гены паразита, воспроизведенные в каждой клетке таллома, активируются. Клетки хозяина трансформируются. Все это весьма напоминает поведение РНК-вируса, но с той разницей, что вирус не просто разрушает клеточные механизмы производства белков и РНК. Он захватывает саму клетку. Теперь цикл завершен, и паразит выбрасывает споры, которые в свою очередь заразят новых хозяев. А вот в чем заключается двигатель эволюции. В некоторых зараженных клетках геному паразита не дают проявить себя, и хозяин становится невосприимчивым к инфекции. Это нечто вроде «гонки Черной Королевы»[1]. Давление эволюции заставляет паразита производить новые заразные формы, а хозяев — сопротивляться им, и так далее. Тем временем виды-хозяева получают выгоду от новых генетических комбинаций, которые в ходе отбора шаг за шагом повышают скорость их роста. Сам по себе процесс случаен, однако он непрерывен и происходит в огромных масштабах. По моим оценкам, каждый час образуются миллионы рекомбинантных клеток, хотя, возможно, лишь одна из десяти миллионов оказывается жизнеспособна и лишь одна из миллиона значительно превосходит родителей в скорости роста. Однако и этого более чем достаточно для объяснения обнаруженного на рифе разнообразия.

— И давно ты об этом знал, Опи? — поинтересовался Арн.

— О своих открытиях я сообщил Звездной Палате лишь сегодня утром. Работа оказалась весьма сложной. Моим людям пришлось трудиться в режиме очень серьезных ограничений, используя методы биозащиты по первому классу — как с древними вирусами иммунодефицитов.

— Да, разумеется, — согласился Арн. — Мы ведь не знаем, что случится, если споры заразят корабль.

— Совершенно верно, — подтвердил Опи. — Поэтому риф опасен.

---

[1] Намек на слова, сказанные Черной Королевой Алисе: «Здесь нужно все время бежать, чтобы оставаться на месте».

Услышав это, Маргарет мгновенно ощетинилась.

— А ты проверял, как долго споры сохраняют жизнеспособность? — резко спросила она.

— Есть множество данных о выживаемости бактериальных спор. Многие из них могут существовать тысячи лет в вакууме и почти при абсолютном нуле. И вряд ли имело смысл...

— Ты даже не удосужился проверить! — процедила Маргарет. — Господи, ты хочешь уничтожить риф, и у тебя нет доказательств. Ты о них не подумал.

В сообществе ученых эти слова считались худшим оскорблением.

Опи покраснел, но, прежде чем он успел ответить, Дзю Шо поднял руку, требуя тишины.

— Звездная Палата проголосовала, — сообщил он. — Нам ясно, что мы получили все, что хотели. Риф опасен и должен быть уничтожен. Доктор Киндред предложил последовательность действий, которая кажется нам подходящей. Мы отравим организмы, окисляющие серу, и тем самым убьем риф.

— Но мы же не знаем...

— Мы не обнаружили...

Маргарет и Ари заговорили одновременно. И вместе замолчали, когда Дзю Шо снова поднял руку.

— Мы выделили коммерчески полезные штаммы, — сказал он. — Очевидно, мы не можем использовать эти организмы, поскольку в каждой их клетке содержится паразит. Однако мы способны синтезировать полезные последовательности генов и вплести их в уже имеющиеся коммерческие штаммы вакуумных организмов для улучшения их качества.

— Хочу возразить, — заявила Маргарет. — Здесь мы имеем дело с уникальным явлением. Шансы на то, что оно когда-либо повторится, минимальны. Мы обязаны исследовать его дальше. Возможно, мы сумеем отыскать средство против паразита.

— Это мало вероятно, — сказал Опи. — Невозможно удалить паразита из клеток хозяина с помощью генной терапии, потому что паразиты спрятаны в хромосомах хозяина и перетасованы в различных комбинациях в каждой из триллионов клеток, образующих риф. Однако будет со-

всем нетрудно изготовить яд, который заблокирует реакции окисления серы, общие для различных видов организмов рифа.

— Его производство одобрено, — сообщил Шо. — На это потребуется... какой срок вы называли, доктор Киндред?

— Нам нужно огромное количество, поскольку биомасса рифа очень велика. Как минимум десять дней. Но не более пятнадцати.

— Мы так и не исследовали риф должным образом, — заговорил Арн. — Поэтому мы не можем пока сказать, что возможно, а что невозможно.

Маргарет согласилась, но, прежде чем она успела добавить и свои возражения, звякнул вставленный в ухо коммуникатор, и голос Эрика Керенайи виновато произнес:

— Неприятности, босс. Требуется ваше присутствие.

В помещениях поисковой группы царила неразбериха, однако ей было далеко до хаоса на самом рифе. Маргарет пришлось трижды переключаться с одной прокси на другую, пока она не отыскала работающую. Вместо парения в вакууме в виртуальной невесомости прокси вокруг нее дергались и виляли, словно подхваченные сильными потоками воздуха.

Все это происходило на глубине около четырех тысяч метров, где состоящие из азотного льда стены рифта пронзали редкие бледно-желтые и розовые прожилки серы и органических примесей. Вакуумный смог был здесь очень силен — Маргарет ощущала привкус горелой резины на губах и языке.

Пока женщина оглядывалась, в ее сторону, разгоняясь, направилась прокси. Проскочив мимо, она срикошетила от поверхности замерзшего азота и завертелась, выбрасывая из сопел струйки газа и пытаясь стабилизироваться.

— Скотина! — прошипел в ухо Маргарет управлявший прокси Ким Найи. — Извините, босс. Я уже пять штук потерял, а теперь и эта на очереди.

На другой стороне расщелины, в сотне метров от Маргарет, две свихнувшиеся прокси, кувыркаясь, падали вниз. Зрение Маргарет на мгновение превратилось в цветной негатив, потом отказало, затем снова стало нормальным.

— Сколько всего потеряно? — спросила она.

— Да почти все. Мы пустили в ход тех прокси, что были наверху, на равнине. Но стоит им спуститься, как и у них начинает ехать крыша.

— Отгони несколько наверх, к пункту сбора образцов. Нужно сделать вскрытие.

— Нет проблем, босс. Сами-то вы в порядке?

Прокси Маргарет внезапно перевернулась.

— Уже нет, — ответила женщина, когда прокси мощно выбросила из дюзы порцию газа, устремляясь в глубину расщелины.

То был отчаянный полет. Прокси истратила все свои запасы газа, разгоняясь и мчась, как стрела. Промелькнули размытые из-за скорости кораллоподобные наросты, затем длинные полосы питающихся серой организмов. Прокси зацепилась за одну из сузившихся стенок и безумно закувыркалась.

Контроль над ней Маргарет уже утратила, превратившись в беспомощного, но воодушевленного пассажира. Она давно миновала место, где недавно установила реле, а полет-падение все продолжался. Связь с прокси начала нарушаться. Маргарет утратила всякое ощущение пространственной ориентации, хотя, если учесть кувыркающееся падение прокси, это стало благословением. Затем начал отказывать микроволновый радар, и поле ее зрения, окрашенное в условные цвета, стало забиваться пятнышками растра. Каким-то образом прокси все же удалось стабилизироваться, и теперь она падала головой вперед к совершенно неизвестным регионам у дна рифта. Маргарет мельком успевала замечать какие-то структуры, выступающие над поверхностью стен. А затем связь оборвалась, и она вновь очнулась на кушетке — мокрая от пота. Ее слегка мутило.

Скверно. Утрачено более девяноста пяти процентов прокси. Бóльшая часть из них, подобно прокси Маргарет, сгинула где-то возле дна. Несколько штук, поврежденные после столкновений, дрейфовали среди колоний организмов на рифе, однако прокси, посланные их вернуть, тоже вышли из-под контроля и оказались утраченными. Стало ясно, что всех их поразила какая-то инфекция. В распоряжении Маргарет оказалось несколько подобранных роботом мертвых прокси, и она приказала собрать всех уцелевших и держать их подальше от глубинной части рифта, где процветали вакуу-

умные организмы. А затем отправилась в свою комнатушку и принялась ждать, когда ее вызовет Звездная Палата.

Звездная Палата аннулировала контракт Маргарет, обосновав это невыполнением обязательств и возможным подстрекательством (ее высказывание на семинаре было записано). Маргарет перселили из отдельной жилой ячейки в подсобное помещение на одном из нижних уровней и направили работать на ферму.

Она думала о своих родителях.

Она уже бывала здесь прежде.

Она думала о рифе.

Она не могла о нем забыть.

И спасет его, если сумеет.

Эрик Керенайи держал ее в курсе событий. Поисковой команде и их прокси разрешили работать лишь в верхней части рифа. На исследование глубинных областей отправились укомплектованные людьми группы под руководством Опи Киндреда — ему доверяли там, где не доверяли Маргарет, — но если они что-либо и обнаружили, то прочим командам ученых об этом не сообщали.

Маргарет работала на дынных полях, когда ее отыскал Арн Ниведта. Растения, уходившие корнями в гидропонные трубки, лежали на гравийных подушках под ослепительно яркими лампами. Было очень жарко, воняло разбавленными фекальными водами. Повсюду кишели маленькие желтые муравьи. Маргарет работала, засунув концы брючин под закатанные высокие носки и нацепив зеленые наглазники. Орудуя тонкой кисточкой, она переносила пыльцу на рыльца дынных цветков.

Арн приблизился, прыгая между длинными грядками и напоминая бледное чучело, замыслившее побег. На нем были лишь обтягивающие черные шорты и сетчатый пояс с карандашами, ручками, маленькими серебристыми инструментами и инфоблокнотом.

— Наверное, они тебя ненавидят, раз засунули в такую навозную дыру, — сказал он.

— Я должна работать, Арн. Работать или голодать. Но я не против. Я выросла, вкалывая на полях.

Маргарет немного солгала — ее родители были специалистами по экосистемам. Но завершилась их карьера именно так.

— Я пришел тебя спасти, — радостно сообщил Арн. — Я могу доказать, что виновата была не ты.

Маргарет выпрямилась, прижав руку к пояснице, где сосредоточилась постоянная боль.

— Разумеется, то была не моя вина, — сказала она. — Ты в порядке?

Ниведта принялся подпрыгивать, по очереди отряхивая голые ноги с длинными пальцами. Его облепили муравьи. Пальцы на ногах Арна загибались, словно на руках, а большие пальцы торчали в стороны: ни дать ни взять обезьяньи лапы.

— У муравьев сейчас нечто вроде демографического взрыва, — пояснила женщина. — Мы пока на стадии между развитием и стабилизацией. Когда экосистема станет зрелой, цикличность сгладится.

Арн снова отряхнул ноги. Ловкий большой палец сбросил муравья с пятки.

— По-моему, муравьи хотят включить меня в кругооборот.

— А мы и так включены в кругооборот, Арн. Растения кормятся фекальными водами, а мы поедаем растения. — Маргарет заметила, что к ним с соседнего поля направляется надсмотрщик. — Здесь мы не сможем поговорить. Встретимся у меня после работы.

В новой комнатушке Маргарет едва хватало места для гамака, шкафчика и крошечного санузла. Каменные стены прикрывал кое-как напыленный, неровный слой тускло-зеленой волоконной штукатурки. За выходящим в уличный туннель овальным входным люком постоянно шумели пешеходы, а вентилятор, несмотря на прилаженный к нему Маргарет фильтр, все равно нагонял внутрь запахи масла и подгоревшей пищи. Над головной стойкой гамака хозяйка комнаты повесила панораму Нью-Йорка, в котором родилась, а стены украсила десятком глянцевых фотографий рифа. Если не считать фотографий, смены одежды в шкафчике и ползучего растения под потолком, комнатка выглядела совершенно безликой.

Бóльшую часть жизни Маргарет провела в комнатах вроде этой. И могла собрать вещи за пять минут, готовая отправиться на место следующей работы.

— Здесь наверняка спрятаны «жучки», — предположил Арн.

Он сидел спиной к двери, потягивая шнапс из серебристой фляжки и созерцая перекрывающиеся панорамы рифа.

Маргарет пристроилась на краю гамака, ощущая тревожное возбуждение.

— «Жучки» повсюду. И я хочу, чтобы они услышали: я невиновна. Расскажи все, что знаешь.

Арн посмотрел ей в глаза:

— Я исследовал тех прокси, которых ты вернула. Я и сам толком не знал, что ищу, но выявить это оказалось на удивление легко.

— Инфекция.

— Да, весьма специфическая инфекция. Учитывая ее последствия, мы сосредоточились на первной системе. И обнаружили в мозгах прокси повреждения, всегда в одной и той же области.

Маргарет всмотрелась в принесенные Арном объемные цветные томограммы. Повреждения выглядели маленькими черными пузырьками под развернутым мозжечком, как раз перед оптическим нервом.

— У всех остальных такая же картина, — сообщил Арн. — Мы взяли образцы, выделили ДНК и прогнали ее через секвенатор[1]. — Он продемонстрировал результат анализа — решетку из тысяч цветных пятнышек, затем другую решетку, наложенную на первую. Все пятнышки совпали.

— Совпадение с открытым Они паразитом? — предположила Маргарет.

Арн улыбнулся. Улыбка у него была приятная и делала его похожим на восторженного мальчишку.

— Это мы, разумеется, проверили в первую очередь. И зафиксировали совпадение. Затем прошлись по всем рифовым организмам и отметили частичное совпадение. Паразит Они оставил свои следы в ДНК всего, что живет на рифе, но это, — он ткнул длинным пальцем в проекцию то-

---

[1] *Секвенатор* — прибор для определения последовательности мономеров в полимере. При анализе ДНК ее молекула расщепляется ферментами на фрагменты, состоящие от одного до нескольких десятков и сотен нуклеотидов, что позволяет сравнивать между собой ДНК различных организмов.

мограммы, — чистый штамм. И лишь по несчастливой случайности вышло так, что он гнездится в мозге именно в этом месте и вызывает у прокси то поведение, которое ты наблюдала.

— Возможно, такой выбор не случаен, — предположила Маргарет. — И риф использовал прокси в своих целях.

— Телеология! — фыркнул Арн. — Смотри не повтори такое при Опи, а то он использует это против тебя. Мы имеем дело с эволюцией. И управляет ею только естественный отбор. Нет ни проектировщика, ни часовщика, во всяком случае не стало после того, как накрылся ИИ, да и тот всего лишь подталкивал экосистему в направлении более эффективного окисления серы... Есть и еще кое-что, Маргарет. Я тут провел кое-какие эксперименты. Экспонировал листы алюминиевой фольги на орбите вокруг Энки. Споры оказались повсюду.

— Тогда Опи прав.

— Нет. Все осевшие на фольгу споры оказались нежизнеспособными. Тогда я провел новые эксперименты. В отличие от бактериальных спор эти споры метаболически активны, только когда вылетают. И у них нет защитной оболочки. Да и зачем она им, верно? Они живут всего несколько минут. Выбор у них простой: они или опустятся на нового хозяина, или нет. Солнечное излучение легко убивает их. Они могут быть уничтожены ультрафиолетовым лазером мощностью всего несколько пиковатт. Так что дезинфекция не проблема.

— И они не способны заразить людей, — добавила Маргарет. — И прокси, и вакуумные организмы имеют такой же ДНК-код, как и мы... как и все живое на Земле, если на то пошло, но записан он последовательностью искусственных нуклеотидных оснований. Поэтому риф совершенно неопасен, Арн.

— Да, но теоретически он может заразить любой вакуумный организм, включая те, что еще даже не созданы. И единственный способ обойти эту опасность — изменить нуклеотидную структуру ДНК вакуумных организмов. Представляешь, сколько это будет стоить?

— Я знаю, что такое заражение, Арн. Плесень, погубившая биом, созданный моими родителями, попала в хабитат с кем-то или с чем-то. На одежде или на коже, внутри

какого-нибудь организма или с купленным товаром. Она росла на всем, имеющем клеточные стенки из целлюлозы. Каждое растение оказалось инфицировано. Поля покрылись огромными коврами серой плесени, а воздух наполнился ее спорами. Людей она не заражала, но более сотни человек умерли от сильнейших аллергических реакций и остановки дыхания. Кончилось тем, что пришлось выпускать наружу всю атмосферу. А мои родители после этого больше не могли найти работу.

— Такова жизнь, — тихо проговорил Арн. — Мы живем за счет своей репутации. И когда что-то идет наперекос, становится очень тяжело.

Проигнорировав его слова, Маргарет сказала:

— Риф — это ресурс, а не опасность. А ты смотришь не в ту сторону, совсем как Они Киндред. Нам нужно разнообразие. Нашим искусственным биосферам необходимо быть сложными, потому что простые системы уязвимы перед внешними вторжениями и легко разрушаются, к тому же они в сотню раз менее сложны, чем биосфера Земли. Если бы созданный моими родителями биом был более разнообразным, то плесень не смогла бы там настолько прочно удерживаться.

— Есть и кое-что, без чего я мог бы обойтись. — Арн почесал левую лодыжку пальцами правой ноги. — Вроде этих муравьев.

— Что ж, мы не знаем наверняка, нужны ли нам именно эти муравьи, зато нам нужно разнообразие, а они об этом заботятся. Начнем с того, что они помогают разрыхлять почву и насыщать ее воздухом, а это ускоряет стратификацию и увеличивает количество почвенных микроорганизмов. В грамме лесной почвы на Земле насчитывают до миллиона различных видов микробов, мы же вынуждены обходиться менее чем тысячью. А полезных вакуумных организмов у нас менее ста видов, и бо́льшая часть из них растет в виде монокультуры, а это самая уязвимая экосистема по определению. Именно это стало причиной краха зеленой революции на Земле в двадцать первом столетии. Но на рифе живут сотни различных видов. Диких видов, Арн. Ими можно засеять планетоид, а через год вернуться и собирать урожай. Граждане не выходят наружу, потому что у них есть парки, поместья, дворцы, виртуальность.

Они забыли о том, что внешняя система — это не только хабитаты. В одном лишь Поясе Койпера миллионы мелких планетоидов. И чтобы поселиться на любом из них, нужны лишь купол и вакуумные организмы с рифа.

Она думала обо всем этом, работая на полях. Звездная Палата предоставила ей много времени для размышлений.

Арн покачал головой:

— В каждом из них затаился паразит. И любой вид с рифа сам способен в него превратиться. Возможно, даже прокси.

— У нас еще недостаточно информации. Я видела кое-что на дне рифта, прежде чем оборвалась связь с прокси. Какие-то большие структуры. И еще там есть аномальный температурный градиент. И причина его тоже должна находиться там, внизу. Паразит может оказаться полезным, если мы сумеем его укротить. Ведь вирусы, вызывавшие иммунодефицит, теперь используются для генной терапии. А Опи Киндред побывал внизу. И скрывает то, что обнаружил.

— Знаешь, сейчас это не имеет значения. Синтез ингибитора метаболизма уже завершен. Шеф органиков — мой приятель. Вся аппаратура синтеза уже загружена. — Арн достал блокнот. — Он мне показал, как будут распылять ингибитор. Вот чем они занимаются в рифте — подготовкой, а не какими-то там исследованиями.

— Тогда нам нужно что-то сделать, и немедленно.

— Слишком поздно, Маргарет.

— Я хочу созвать собрание, Арн. У меня есть предложение.

На собрание пришли почти все ученые. Команда Опи Киндреда стала многозначительным исключением. Арн заявил, что у него скверное предчувствие.

— Не исключено, что они задумали всех нас подставить, — сказал он Маргарет.

— Я знаю, что они подслушивают. И это хорошо. Хочу, чтобы все было в открытую. А если тебя тревожат последствия, ты всегда можешь уйти.

— Я пришел, потому что хотел. Как и остальные. Мы все — ученые. И все желаем знать правду. — Арн взглянул на нее и улыбнулся. — А тебе, по-моему, нужно нечто большее.

Собравшиеся наблюдали за ними, и Маргарет объявила:

— Пора начинать.

Арн открыл собрание. Сначала он сделал краткое сообщение о своих исследованиях по выживаемости спор вакуумных организмов и лишь затем перешел к главному вопросу. Почти у каждого оказалось свое мнение. Микрофоны перелетали по комнате, и временами сразу трое или четверо кричали друг на друга. Маргарет ждала, пока люди выпустят пар. Кто-то просто давал волю эмоциям, однако немногочисленное, но весьма значимое меньшинство встревожилось из-за потери премиальных, а то и зарплаты.

— Лучше потерять деньги, чем утратить доверие, — заявил один из техников Орли Хиггинса. — Это наш хлеб. Никто из нас больше не получит работу, если мы допустим, чтобы «Ганапати» стал чумным кораблем.

Одобрительные крики и свист.

Маргарет выждала, пока шум стих, и встала. Она находилась в центре расположенных подковой стульев, и головы всех присутствующих — более ста человек — повернулись к ней. Их взгляды падали на нее подобно солнечным лучам, придавая сил. Перед лицом Маргарет завис микрофон.

— Арн показал, что причина происходящего не в опасности разнести инфекцию, — начала она. — Причина в том, что Звездная Палата собирается уничтожить риф, потому что желает эксплуатировать уже обнаруженные организмы и не дать никому другому воспользоваться ими. Я все время была против такой политики. Мой организм не подвергался генетическим изменениям. Микрогравитация не моя естественная среда обитания. Мне приходится принимать десяток препаратов, чтобы предотвратить вымывание кальция из костей, коллапс системы кровообращения, накопление жидкости в организме и прочие подляпки, которые микрогравитация подбрасывает «неотредактированным» уроженцам Земли. Мне не дозволено иметь здесь детей, потому что они родятся такими же калеками, как и я. Несмотря на все это, мой дом здесь. Как и вы, я хочу обрести преимущества гражданства, жить среди парков и есть настоящую пищу. Но земли в парках не хватает на всех, потому что граждане, владеющие хабитатом, контролируют производство связанного углерода. Найденные нами вакуумные организмы способны все это изменить. Риф может стать

как рассадником чумы, так и источником неограниченного количества органики. Пока мы не знаем, какая судьба ему уготована. Однако нам уже известно, что риф уникален, и мы не закончили его исследование. Если Звездная Палата его уничтожит, мы так никогда и не прикоснемся к тайнам рифа.

Ее слова встретили одобрительными возгласами. Кое-кто захотел высказаться, но Маргарет не разрешила и продолжила свою речь:

— Они Киндред постоянно крутится на дне рифта, но не делится с нами своими открытиями. Наверное, он уже не считает себя одним из нас. Он собирается обменять свою научную репутацию на гражданство, но ведь это не наш путь, верно?

— НЕТ! — взревела толпа.

И в комнату ворвались Белые Мыши.

Хлопки взрывов, белый дым, вопли. Белые Мыши были вооружены длинными гибкими палками, утяжеленными на одном из концов. И они принялись орудовать ими, подобно фермерам, молотящим зерно. Толпа ударилась в панику. Маргарет подхватили двое техников и вывели из комнаты в наполненный белым дымом коридор. Из дыма вынырнул Арн, прижимая к груди инфоблокнот.

— Мыши уже готовятся выпустить яд, — сообщил он на бегу, когда они длинными прыжками мчались по коридору.

— Тогда я отправляюсь немедленно, — решила Маргарет.

Спуск по шесту в коридор нижнего уровня. Вдоль стен тянутся ряды магазинов. Люди крушат окна и витрины. Никто не обращает на них внимания, когда они бегут сквозь взбунтовавшуюся толпу. Они сворачивают за угол, крики и звон бьющегося стекла стихают. Маргарет тяжело дышит. Глаза у нее слезятся от газа, из носа течет.

— Они могут убить тебя, — говорит Арн и хватает ее за руку. — Я не отпущу тебя, Маргарет.

Она выдернула руку. Арн попытался снова схватить ее. Он выше, но она сильнее. Маргарет сделала быстрый шаг вперед, подпрыгнула и ударила его по носу ладонью.

Арн сел, пуская носом кровавые пузыри, и уставился на нее удивленными слезящимися глазами. Она выхватила у него блокнот:

— Прости, Арн. Это мой единственный шанс. Быть может, я ничего там не найду, но никогда не прощу себе бездействия.

Маргарет была уже в пятистах километрах от хабитата, когда по радио прозвучал сигнал вызова.

— Игнорируй! — приказала она скафандру.

Она не сомневалась в том, кто именно ее вызывает, и ей нечего было ему сказать.

С такого расстояния Солнце выглядело всего-навсего самой яркой звездой на небе. Позади и выше Маргарет на фоне Млечного Пути виднелся тусклый удлиненный полумесяц «Ганапати». Впереди и ниже двигателя маленькой транспортной платформы на фоне переливающихся звезд медленно вырастал Энки — шишковатая картофелина с большой насечкой в самом широком месте.

Над насечкой движущейся искоркой восходила маленькая луна. На мгновение Маргарет охватил иррациональный страх столкнуться со светилом, однако навигационный дисплей платформы показывал, что падение произойдет выше и сзади. Упасть мимо Луны! Она не смогла удержаться от улыбки, подумав об этом.

— Приоритетная отмена запрета, — сообщил скафандр.

Его голос, ободряющее контральто, Маргарет знала столь же хорошо, как и голос матери.

— Игнорируй, — повторила она.

— Извини, Мэгги. Ты же знаешь, что я не могу это сделать.

— Совершенно верно, — подтвердил другой голос.

Маргарет опознала его за секунду до того, как скафандр услужливо вывел имя на визор шлема. Дзю Шо.

— Немедленно возвращайся! — приказал Шо. — Если придется, мы сожжем тебя спектрографическим лазером.

— Не посмеете.

— С трудом верится, что о тебе кто-нибудь станет скорбеть, — проговорил Шо. — Твое бегство с «Ганапати» приравнивается к подстрекательству, а мы имеем право защищаться.

Маргарет рассмеялась. Шо очень любил извергать как раз такую глупую, нравоучительную и чванливую чепуху.

— Я совершенно серьезен, — заметил Шо.

Энки поворачивался, показывая, что насечка — начало трещины. По мере вращения планетки трещина углублялась. Рифт Тигрис. Его края ветвились переплетением трещинок поменьше.

— Я отправляюсь туда, куда упали прокси, — сообщила Маргарет. — Я все еще работаю на вас.

— Управляя прокси, ты занималась саботажем. Поэтому они и не смогли проникнуть в рифт глубоко.

— Поэтому я и собираюсь...

— Извини, — перебил ее скафандр, — но я только что зафиксировал небольшой приток энергии.

— Это лишь щекотка прицельного дальномера, — пояснил Шо. — Немедленно поворачивайте обратно, доктор Ву!

— Я вернусь, но не сейчас.

Она пыталась сохранить спокойствие. Маргарет решила, что угрозы Шо всего лишь сотрясение воздуха. Искусственный интеллект лазера не позволит использовать его против человека, и она не сомневалась, что Шо не сможет обойти эту блокировку. А даже если и сможет, то не посмеет убить ее на глазах всех ученых. Шо блефовал.

Радиомолчание затянулось. Затем Шо сказал:

— Ты планируешь совершить окончательный акт саботажа. Даже не надейся, что это сойдет тебе с рук. Я уже послал кое-кого следом за тобой.

Значит, он и в самом деле блефовал. Маргарет почувствовала облегчение. Кто бы за ней ни погнался, ему придется лететь на такой же транспортной платформе. И у нее есть минимум тридцать минут форы.

— Только не думай, что это сделает тебя героем, — произнес другой голос.

Опи Киндред. Разумеется. Он никого не посылает вместо себя. Сейчас он летел по той же траектории и находился в нескольких сотнях километров позади, но медленно сокращал это расстояние.

— Расскажи, что ты там обнаружил, — предложила Маргарет. — И тогда мы сможем закончить эту гонку еще до ее начала.

Опи выключил радио.

— Если бы ты не прихватила все это оборудование, — буркнул скафандр, — мы смогли бы его обогнать.

— Думаю, оно вскоре понадобится. А пока нам нужно лишь быть умнее, чем он.

Маргарет изучала схему механизма, распыляющего яд, — замечательно простого, но уязвимого, — пока под ней лабиринтом острых как нож хребтов набухал рифт Тигрис. Энки был настолько мал, а рифт настолько широк, что его стены уходили за горизонт. Маргарет направляла платформу к центру рифта, когда скафандр извинился и сообщил о новой приоритетной отмене запрета на связь.

Ее вызвала юрист «Ганапати». Она предупредила Маргарет, что их разговор официально зарегистрирован, а затем столь же официально аннулировала ее контракт и зачитала жалобу на ее подстрекательское поведение.

— Вы такой же связанный контрактом работник, как и я, — ответила Маргарет. — Мы выполняем приказы, но и у нас есть кодекс профессиональной этики. И я официально заявляю, что я здесь именно по этой причине. Риф — уникальный организм. И я не могу допустить, чтобы его уничтожили.

Дзю Шо подключился к этому же каналу и сообщил:

— Даже не надейся, что тебя спасут.

Юрист переключила канал.

— Он этого не сделает, — сказала она. — Его обвинят в нарушении закона об оказании помощи терпящим бедствие. — Пауза. — Удачи, доктор Ву!

Юрист отключилась.

К сожалению, от этих слов Маргарет не стало легче. Немало контрактников, выступивших наперекор желаниям своих нанимателей, или исчезли, или погибли во время несчастных случаев на производстве. Пыл, охвативший ее после собрания, улетучился задолго до того, как она облачилась в скафандр. Никогда еще Маргарет не ощущала себя такой одинокой, как сейчас.

Она все падала. Время от времени платформа вздрагивала, включая двигатели ориентации. Платформа Опи Киндреда мерцала яркой искоркой, наискосок пересекающей звездное поле над головой. Прямо под собой Маргарет видела огромную массу азотного льда, рассеченную извилистой черной рекой. Центр рифта, расщелина шириной два и глубиной пятьдесят километров. Риф.

И она опускалась в нее.

Радиоканал она оставила открытым. Неожиданно голос Опи произнес:

— Остановись сейчас, и все закончится.

— Расскажи, что ты узнал.

Молчание.

— Ты не обязан следовать за мной, Опи. Это мой риск. Я ведь не прошу разделить его со мной.

— Ты не отнимешь это у меня.

— А гражданство действительно того стоит, Опи?

Молчание.

Начали попискивать датчики, предупреждающие о возможном столкновении. Маргарет выключила их один за другим и велела скафандру молчать.

— Я всего лишь стараюсь помочь, — пожаловался тот. — Тебе следует сбросить скорость. Расщелина слишком узкая.

— Я здесь уже бывала.

Но только управляя прокси. Ледовое поле стремительно приближалось. Его округлые наплывы, испещренные крошечными кратерами, громоздились друг на друга. Она заметила черные пятна в тех местах, где вакуумные организмы устроили колонии на гребне. Затем промелькнул край разлома, устремляясь вверх. Широко раскинулись стены.

Она проникла в риф.

Вакуумные организмы были повсюду: плоские лепешки на стенах, вазы, хрупкие веера и кружева. Огромные наплепки, гладкие как лед или иссеченные трещинами. В свете прожекторов платформы они утратили чистые, первичные цвета, которые Маргарет видела, управляя прокси, и оказались всех оттенков серого и черного, разбавленного здесь и там красноватыми прожилками. Сложные веерообразные структуры уходили глубоко в молочную толщу азотного льда, следуя за жилами углеродистых веществ.

Высоко над головой Маргарет края разлома превратились в рамку для звездного поля. Одна из звезд падала на нее. Опи Киндред. Маргарет включила радар, и тот немедленно запищал. Скафандр выкрикнул предупреждение, но не успела Маргарет оглядеться, как отдельные попискивания слились в тревожный вопль.

Прокси.

Они мчались прямо на нее. Вокруг черных заостренных носовых обтекателей извивались щупальца. Почти все промахнулись и беспорядочно завиляли, выбрасывая из дюз

струи водорода и сбавляя скорость. Две столкнулись, переплетясь щупальцами.

Маргарет рассмеялась. Никто из ее команды не стал бы восвать против нее, и Шо положился на неопытных операторов.

Мимо промелькнула самая большая прокси, длиной почти три метра. Свет прожекторов платформы хрустальным блеском отразился от ее сенсоров. Прокси затормозила, развернулась и метнулась обратно.

Маргарет едва успела выхватить припасенное оружие — сварочный пистолет, закрепленный на длинном стержне. К спусковому крючку она приладила проволоку с петлей на конце. Маргарет подняла пистолет, и тут в нее врезалась прокси.

Перчатка, рукав и наплечник скафандра от удара мгновенно затвердели и спасли Маргарет от перелома руки, но после столкновения платформу отшвырнуло в сторону, и она пропахала заросли на рифе. Подобно стеклу, они обладали огромной жесткостью, но очень малой поперечной прочностью. Хрупкие веера и кружева рассыпались, обдав Маргарет и прокси осколками. Она словно падала сквозь ряды канделябров.

В затвердевшей перчатке было невозможно сжать пальцы. Маргарет стояла, вцепившись одной рукой в платформу и подняв над головой стержень. Вокруг него обвилась черная прокси, чьи щупальца медленно и целенаправленно хлестали щиток шлема.

Маргарет знала, что всего через несколько секунд белковые нити щупалец, пронизанные углеродными волокнами, расплетутся, и тогда прокси смогут добраться до висящего на ее спине ранца с системой жизнеобеспечения.

Она приказала скафандру расслабить пальцы перчатки. Прокси, напоминая гигантского червяка, уже вытянулась вдоль стержня и руки, пульсирующими движениями подбираясь к ранцу на спине. Когда жесткость перчатки исчезла, давление на пальцы заставило их резко сжаться, один из суставов указательного пальца хрустнул. Маргарет вскрикнула от боли. Но проволока, приделанная к спусковому крючку сварочного пистолета, натянулась.

С нити накала пистолета сорвался фокусированный пучок электронов, ударив в оболочку прокси. Пистолет, создан-

ный для работы в вакууме, почти немедленно начал искрить, но электронный луч уже нагрел оболочку и мускулы прокси до четырехсот градусов. Пар взрывоопасно расширился, и прокси отшвырнуло образовавшимися газами.

Опи продолжал ее нагонять. Стиснув зубы и стараясь забыть про боль в вывихнутом пальце, Маргарет выпустила сломанный сварочный пистолет. Тот начал медленно отставать, потому что все еще имел почти такую же скорость, как и платформа.

С шокирующей внезапностью рядом промелькнула еще одна прокси. Маргарет на секунду заглянула в ее фасетчатые сенсоры, и тут же по черной оболочке прокси заскользили светящиеся точки, образовав буквы.

Удачи, босс. Э. К.

Эрик Керенайи. Маргарет помахала в ответ здоровой рукой. Прокси заскользила в сторону, взмыв под острым углом навстречу опускающейся звездочке Опи.

Через несколько секунд обрыв осветила вспышка лазерного импульса.

Радарное эхо от прокси Эрика исчезло.

Черт! Опи вооружен. И если подберется достаточно близко, сможет ее убить.

Маргарет рискнула и ненадолго включила двигатели платформы, ускоряя падение. Двигатели ревели за ее спиной двадцать секунд, а когда они смолкли, скафандр предупредил, что у нее не хватит топлива для полного торможения.

— Я знаю, что делаю, — ответила Маргарет.

Мимо проносились причудливой формы рифовые организмы. Затем на стенах из азотного льда остались только огромные черные нашлепки. Маргарет уже побила свой предыдущий рекорд погружения и теперь спускалась все глубже. Ощущения очень напоминали невесомость — ничтожная сила притяжения Энки не могла придать платформе заметное ускорение.

А Опи все нагонял ее, сантиметр за сантиметром.

В вакууме прожекторы платформы отбрасывали на бесконечно разворачивающиеся стены световые лужицы с четко очерченными краями. Медленно, но неумолимо лужицы стали удлиняться, превращаясь в светящиеся туннели, наполненные искрящимися пылинками. Концентрация спор,

газов и органических молекул нарастала. А температура — невозможно! — поднималась, на градус каждые пятьсот метров. Далеко внизу, между сужающимися в перспективе стенами, из темноты показались какие-то структуры.

Скафандр напомнил, что пора начинать торможение. Маргарет проверила ускорение, с каким летел Опи, и ответила, что еще подождет.

— У меня нет ни малейшего желания превратиться в смятый тюбик, наполненный клубничным джемом, — заявил скафандр.

Он вывел на визор цифры обратного отсчета и отказался его отключить.

Теперь одним глазом Маргарет отслеживала ускорение Опи, а вторым смотрела на мелькание быстро уменьшающихся чисел. Отсчет дошел до нуля. Скафандр принялся поливать ее руганью, и все же она выждала еще пару секунд, а уже потом включила двигатели.

Дно платформы ударило ее по подошвам, лодыжки и колени пронзила острая боль. Плечи и талию стиснули ремни, скафандр затвердел.

Мимо промчалась платформа Опи Киндреда. Он дождался, пока она начала торможение, и лишь затем сделал свой ход. Маргарет ударила по застежкам ремней, высвободилась и всадила в ледяную стену клин релейного передатчика. Этого оказалось достаточно, чтобы остановить падение, и она ухватилась за край соседней расщелины, подтянулась, спряталась внутри. Вывихнутый палец чертовски болел.

Здесь стояла удушающая жара — семьдесят восемь градусов выше абсолютного нуля. Атмосферное давление едва регистрировалось: смесь водорода, оксида углерода и сероводорода. На всем дне ущелья газов с трудом хватило бы, чтобы заполнить коробочку при земном давлении на уровне моря, однако скорость газовыделения должна быть огромной, чтобы компенсировать диффузию в вакуум верхней части ущелья.

Маргарет выглянула из расщелины: чуть ниже она расширялась, образуя нечто вроде дымохода между сдавленными с боков глыб азотного льда. Склоны и дно расщелины густо заросли уже знакомыми вазами, листами и кружевами и еще кое-чем. Крупные ветвящиеся структуры, которые напоминали хрустальные деревья. Тарелки, расту-

щие на коротких стебельках. Плоские стопки других тарелок, смахивающие на черепицу. Клубки черной проволоки диаметром в сотни метров.

И никаких следов Опи Киндреда, однако чуть выше зарослей привязаны баллоны его распылительных устройств. Каждый около десяти метров в диаметре, сморщенный и дряблый. Баллоны уже были градусов на пятьдесят горячее окружающей их среды, но им нужно еще больше разогреться, чтобы внутри полностью испарился ингибитор метаболизма. Когда это произойдет, маленькие заряды взрывчатки пробьют их стенки и вакуум высосет ингибитор, как дым в дымоход.

Маргарет заглянула в чертежи распылителей, оттолкнулась и начала падать по расщелине, легкая как сон, направляя спуск быстрыми прикосновениями пальцев левой руки к стене. Реле, управляющие нагревателями баллонов, включались и выключались вручную, потому что дистанционное управление ими было невозможно из-за помех, вызванных вакуумным смогом, и широкополосного электромагнитного резонанса. Аварийное убежище, внутри которого были помещены реле, находилось километрах в двух от Маргарет — оранжевый пенопластовый блок, окруженный брошенным оборудованием и сломанными, полурасплавившимися колониями вакуумных организмов.

Расщелина расширилась. Маргарет приземлилась среди скопления растущих на дне организмов, похожих на гигантские мыльные пузыри.

И тут же между двумя полупадувшимися баллонами взлетела платформа Опи Киндреда.

Маргарет упала ничком за линию гигантских пузырей, растущих вдоль гладкого ледяного гребня. Включила радио и услышала шипение статики и вой модуляций, но сквозь этот шум пробивался слабый голос Опи, зовущий ее по имени. Она промолчала.

В сотне метров от нее платформа Опи медленно описывала круг примерно на той же высоте, где затаилась Маргарет. Опи не мог засечь ее среди радиошума, а температура вокруг была выше, чем на оболочке ее скафандра, поэтому она не давала и инфракрасного изображения.

Маргарет стала пробираться вдоль гребня. Беловатые стенки пузырей напоминали молочное стекло, но она все

же смогла разглядеть внутри какие-то съежившиеся силуэты. Как эмбрионы внутри яиц.

— Все готово, Маргарет, — прозвучал в ее шлеме голос Опи. — Сперва я найду тебя, а потом устрою здесь полную стерилизацию. Тут есть такое, о чем ты и понятия не имеешь. Нечто чрезвычайно опасное. На кого ты работаешь? Скажи, и я не стану тебя убивать.

От платформы протянулась красная световая ниточка, и глыба азотного льда взорвалась обломками. Маргарет ощутила сотрясение кончиками пальцев.

— Я все равно до тебя доберусь, где бы ты ни пряталась, — пообещал Опи.

Его платформа стала медленно разворачиваться. Маргарет попыталась прикинуть, успеет ли она добраться до убежища, пока он смотрит в другую сторону. Во всяком случае она может рассчитывать на хорошую фору. Ей нужно лишь спуститься по склону через густые заросли вакуумных организмов и пересечь километровую равнину голого складчатого азотного льда, не попав при этом под огонь лазера. Все еще сидя на корточках, она уперлась в лед кончиками пальцев рук и ног, как спринтер на стартовом блоке. Платформа поворачивалась, поворачивалась... Маргарет сделала три глубоких вдоха, чтобы собраться с мыслями...

...и высоко над ее головой что-то врезалось в ледяной выступ! Предмет закувыркался, разбрызгивая осколки льда, снова ударился, уже ниже по склону, и полетел дальше, крутясь и снося по пути растущие на склоне черные «дымоходы». На секунду Маргарет оцепенела от удивления, а потом вспомнила про отброшенный сварочный пистолет. Наконец-то он ее догнал.

Платформа быстро развернулась, и в склон уперлась красная нить, прочерчивая в нем кипящую полосу. С грохотом отвалилась ледяная глыба. Маргарет помчалась прочь, делая огромные прыжки и одновременно пытаясь оглядеться.

Падающая глыба вращалась, швыряясь крупными осколками, и через несколько секунд врезалась в скопление пузырей, где только что пряталась Маргарет. Лед под ее ногами содрогнулся, как живой, она упала навзничь и заскользила по склону.

Ей удалось остановиться, вбив в лед второй клин. Она лежала на спине, глядя вверх. Высоко наверху пузыри вы-

ХОЛ КЛЕМЕНТ

Скорость обмена

Хол Клемент — псевдоним, за которым скрывался Гарри Клемент Стаббс (1922—2003), один из столпов твердой научной фантастики. Ранние романы Клемента — «Игла» («Needle», 1950), «Ледяной ад» («Iceworld», 1953), «Экспедиция „Тяготение"» («Mission of Gravity», 1954), «У критической точки» («Close to Critical», 1964) — публиковались в «Astounding» Джона У. Кэмпбелла. Рассказы писателя представлены в сборниках: «Обитатели Вселенной» («Natives of Space», 1965), «Малые изменения» («Small Changes», 1969), «Лучшее Хола Клемента» («Best of Hal Clement», 1979), «Внутреннее чутье» («Intuit», 1987). В 1999 году Клемент выпустил роман «Период полусмерти» («Half Life»), описывающий экспедицию на спутники Сатурна, цель которой — исследование биохимических условий этих планет ради спасения Земли. Клемент прославился обширными знаниями в области физики, астрономии, химии, которые он неизменно демонстрировал в своей прозе. Особенно отличается в этом отношении «Экспедиция „Тяготение"» («Mission of Gravity», 1954), а также статья, сопровождавшая публикацию романа в «Astounding», в которой Клемент представил исчерпывающие научные выкладки по физике, астрономии и биохимии вымышленной планеты Месклин («Месклинитский цикл»). «Экспедиция „Тяготение"» стала важным вкладом в развитие жанра и образцом детализации и правдоподобия, на который впоследствии ориентировались многие авторы. Постепенно Клемент приобрел репутацию одной из крупнейших фигур в научной фантастике, а его работы до сих пор служат ориентиром для собратьев по перу. В одном из интервью, отвечая на вопрос, почему в его произведениях не встречаются злодеи, Клемент сказал, что в этой роли его вполне устраивает Вселенная как таковая, которая становится достойным противником его героям.

«Скорость обмена» является типичным для Клемента произведением, основанным на научных принципах, как становится очевидным из названия.

— Орни! Ник! Притормозите! Сенатсу нашла прорыв!

Голос из коммутатора звучал взволнованно, но ни один из водителей даже не потрудился взглянуть на него. «Прорыв» на Полупечке мало что открывал человеческому взгляду: слово означало местечко, где радар, а от-

нюдь не человеческий глаз, пробивал взбаламученные и обычно ионизированные облака, закрывающие вид на звезды с поверхности планеты. Обоим сейчас было не до звезд. Мужчины так беспокоились, что даже друг на друга не глядели. Тем не менее Бен Облако не умолкал и следующей фразой сумел привлечь их внимание:

— Примерно плюс восемь по горячей широте и плюс восемьдесят по широте вращения, почти точно на возвратном маршруте.

На сей раз операторы «Четверки» переглянулись. Выражение лица не видно сквозь дыхательную маску. Минуту оба молчали, потом младший громко спросил:

— Она и вправду нашла что-то определенное?

— Думает, что да. Сейчас проверяет во всех обычных спектрах. Держите связь, ей понадобится всего несколько секунд.

Водители «Четверки» опять молча переглянулись, и Доминик ткнул клавишу быстрого отключения, остановив вездеход. На Полупечке управление любым транспортным средством требовало полного внимания.

— Ну? — поторопил Эрни. Как-никак несколько секунд уже прошло.

— Ждите. Она работает.

Последовала более продолжительная пауза. Теперь даже сдержанному Нику не терпелось прервать молчание, но Бен опередил его:

— Она говорит — да! Это «Студень»!

— От девочек что-нибудь есть?

— Нет, но «Студень» кажется управляемым и движется на разумной скорости.

— На какой? Сен определила? — вмешался старший водитель.

— Танкер делает примерно сто восемьдесят километров в час. Должно быть, на ровной местности.

— Как она измеряет?

— Скоро скажет. Сен хочет выжать из прорыва все, что можно, и ей еще нужно время посоветоваться с памятью. А им, видимо, придется продвинуться немножко дальше.

— Если в скорости нет ошибки, они, вероятно, порожняком.

— Может быть. Мария докладывала, что они вышли на прямую связь и видят что-то вроде города, но настоящего описания не дала. Вам обоим известно, что это было почти двадцать часов назад. И примерно на пятьсот километров дальше места, на котором они оказались сейчас. Могли успеть разгрузиться, снова загрузиться и вернуться туда, где их поймала Сен. Можете перестать дергаться.

— И аборигены подтвердили получение груза и даже выразили восторг по этому поводу, так? — спросил Доминик. — А вот от Марии с Джесси с тех пор ни слова. Так нам объясняла Триша перед выходом.

— Насчет подтверждения, да, она была вполне уверена. И уверена до сих пор. Хотя вы же знаете, как она путается, когда в сообщении появляются абстрактные понятия. Она говорит, они много раз повторили, что понимают, почему мы не смогли прислать чистый водород, и снова и снова перечисляли разнообразные соединения, которые им...

— Это все я понял. Парафин, хоть в европейском, хоть в американском понимании, содержит много разных водородных соединений. Признаю, мы можем быть уверены, что девочки добрались до места, но все-таки непонятно, почему они с тех пор не отозвались. Мы перестанем дергаться, возможно, когда их услышим. — По тону Эрни было ясно, что лучше воздержаться от советов. Он продолжал, не сделав паузы: — Говорите, они возвращаются? По тому же маршруту?

— Сенатсу видела их слишком недолго, чтобы определить. Как я понял, они оказались на линии, по которой шли туда, но не забывайте, мы не видели, как они на нее вышли. Мы нанесли на карту больше половины маршрута, но я бы сказал...

— Все это ясно! — огрызнулся Эрни. — Я имел в виду, стоит ли нам с Ником продолжать двигаться им навстречу?

— Я бы сказал, не стоит. Имело смысл отправиться к району передач, когда казалось, что они там застряли, а теперь мы знаем, что они движутся и, надо думать, возвращаются, так что разумнее дожидаться их в Гнезде.

— А если они так и не отзовутся? Сколько нам ждать? И что им мешает с нами поговорить?

— Да то же самое, что мешает нам постоянно их видеть. С вами пока связь в порядке, но вы ведь всего в пяти сот-

нях километров от нас, и говорим мы по многочастотному каналу с поперечной связью. А до них больше пяти тысяч. Мы и вас видим только время от времени — даже реже, чем их, потому что здесь, на темной стороне, облачность плотнее. Вы все это знаете не хуже других. На Полупечке не обеспечить дальнюю связь. Слишком много видов облаков, слишком много разных зарядов и полей между ними пляшет, слишком много ветров на всех высотах, да еще восходящие и нисходящие потоки, боковые и циркулярные, да и само расстояние...

— И аборигены, которые используют АМ-диапазон и при этом умудряются как-то объясниться. Все это давно известно! — прорычал Ледяная Стена.

— Тогда, будь добр, не задавай глупых вопросов. — Бен тоже не отличался бесконечным терпением. — Слушай, я понимаю, что вы беспокоитесь, и понимаю почему, хоть у меня пока и нет второго имени. Очень жаль, что девочки вытянули жребий на первый рейс, но ведь даже вы не пытались обменяться, так чтобы ехать Нику с Марией или тебе с Джесси. Они и поехали. И на самом деле вести танкер по местности не опаснее, чем сидеть в Гнезде, если не считать, конечно, что оказываешься дальше от помощи, когда она понадобится. В этом идиотском мире не найдешь милых спокойных местечек, где можно построить дом и заснуть в нем, не опасаясь, что, пока ты спишь, он провалится сквозь землю. Помнится, ваши жены не выходили на связь, после того как сообщили, что видят город, или селение, или что там это было. Таков факт. Я с ним не спорю и не могу объяснить — могу только гадать, и мне нечем подтвердить свои догадки. Так что давайте дергайтесь дальше. Не могу помешать, и не стал бы, если бы мог. Это ваши жены. Хотя я все равно считаю, что умнее подождать их здесь, чем отправляться за три-четыре тысячи километров — большей частью по солнечной стороне — и пытаться отыскать их, тем более что они движутся, а мы не сможем поддерживать приличной связи, ни визуальной, ни вербальной, ни с ними, ни с вами.

— Наверное, ты прав, — понурился Эрни. — Ник? Ты тоже думаешь, что нам лучше вернуться?

Доминик Дикий Медведь Юкка — даже если Марии уже нет в живых, он все равно сохранит их сдвоенное имя ради

детей — молча кивнул и принялся изучать местность сквозь панорамное окно кабины. На Полупечке, прежде чем сделать движение, следует осмотреться. Ни окно, ни люк в крыше не были стеклянными: в атмосфере Полупечки слишком много фтористых соединений, чтобы полагаться на силикатные материалы. Четырехфтористый кремний переходит в газ даже при земных температурах. Убедившись, что за разговором они не упустили серьезных изменений в ландшафте, он перезапустил систему управления — остановка почти всегда безопаснее, чем запуск, и система контроля предусматривала это обстоятельство — и довольно круто развернул вездеход. Тропа здесь была достаточно широкой, чтобы править без особых предосторожностей, хотя само собой никогда не следовало забывать о кустах, камнях, скатывавшихся даже с самых неприметных холмиков, и об участках растительности, которые могли загореться, а могли и не загореться.

Обращенное в космос полушарие Полупечки основательно заросло чем-то, что на взгляд человека напоминало растения, хотя какую роль это нечто играло в экологии, еще как следует не разобрались. Представителей фауны здесь пока никто не видел, хотя предметы, похожие на клочья горелой бумаги, которую носил бешеный ветер, могли на деле оказаться летающими животными. Некоторые растения казались обгрызенными, но за пять земных месяцев никто не предъявил права на собранный вскладчину призовой фонд, обещанный первому, кто увидит несомненное животное. Среди биологов образовалось две научные школы: первая полагала, что процесс разложения в местной экологии производят микроорганизмы; вторая считала, что с ним справляется огонь.

Пока машина двигалась, водители не могли уделять много внимания поискам местных животных. «Четверка» чуть вздрагивала на ходу, то на ухабах, то от сотрясения коры, а больше всего — под порывами ветра, налетавшего с разных сторон и с разной силой. На этой высоте над эллипсом отсчета — на Полупечке не было морей, устанавливающих нулевой уровень, — среднее давление составляло около семнадцати атмосфер и беспорядочно сменялось примерно на две атмосферы в минуту. Ветер, молекулярная масса которого переваливала за сотню, не давал о себе забывать.

Доминик осторожно наращивал скорость, пока не довел ее почти до двухсот километров в час. В поле зрения сейчас было мало препятствий, а красные и зеленые вспышки бортовых мачт вездехода создавали рисунок теней, позволяющий без труда определить расстояние. Этот способ был надежнее, чем связанный с компьютером радар, потому что местные растения непрерывно взвизгивали микроволновыми разрядами и протяжно шуршали электростатическими помехами. Кроме того, человеку, с его скоростью реакций, легче ориентироваться при свете: постоянно переводить взгляд с окрестностей на экран, как бы точны и подробны ни были его показания, утомительно, а на большой скорости просто невозможно.

Эрни не прикасался к управлению, но за дорогой следил так же внимательно, как и его напарник. Здесь, на ночной стороне, оба могли смотреть во все стороны: свет давали не только стереопрожекторы, но и довольно яркие молнии, почти непрерывно сверкающие в тучах над головой. Полупечке, расположенной меньше чем в восьми миллионах километров от центра звезды класса G-5, с избытком хватало энергии на световые и биологические феномены и даже на местный разум.

Водитель временами поглядывал на младшего товарища. Он ни на минуту не допускал, что Эрни может беспокоиться о Джесси больше, чем он сам тревожился о Марии, но Ледяная Стена был женат всего три года против его четырнадцати и, возможно, еще не научился философски относиться к непредсказуемости жизни.

Впрочем, как ни тревожился Эрни, это не сказывалось на его реакции. Сигнал «Осторожно!», переданный им с панели управления правого борта, прозвучал едва ли не раньше, чем Ник отключил питание. «Четверка» остановилась быстро, но далеко не плавно.

Активные сдвиги не отличаются плавностью: даже на Земле они вызывают землетрясения, зачастую очень сильные. При силе тяжести, семикратно превышающей земную, сотрясения становятся более частыми и не менее жестокими. Оба водителя наблюдали, тихо плавая над своими панелями,— им ничего другого не оставалось, пока движение коры не проявится более определенно.

Они даже сквозь начавшийся дождь видели сброс в полукилометре перед собой, но рядом не было холмов

и возвышенностей, угрожающих оползнями или камнепадами. Окажись здесь такие, скорее всего даже реакция опытных водителей не позволила бы увернуться и у кого-то появились бы новые поводы для беспокойства.

Они видели и ощущали, что движение пород происходит в основном по горизонтали. Сдвиг начинался в какой-то точке слева от них, а справа впереди уходил из поля зрения. В нем присутствовала и небольшая вертикальная составляющая: с тех пор как они час назад прошли этот ровный участок, дальняя сторона поднялась почти на полметра. Эрни довольно небрежно доложил Гнезду об остановке и о ее причине, Бен с той же небрежностью подтвердил прием.

— Если не поднимется намного выше, пройдем без труда, — заключил Ледяная Стена.

— Если там еще трясет, может, вам стоит пройти прежде, чем он поднимется, — было предложено в ответ.

Эрни оглянулся на напарника и задумчиво покивал:

— Есть смысл. Хорошо. Высылаем жучков посмотреть, есть ли понижения в пределах пары километров, и выбрать место прохода. Вызовем вас, когда двинемся. После этого подождите две-три минуты, а потом пусть кто-нибудь выйдет подобрать обломки.

— Подумаем. Еще найдутся ли свободные руки.

Намек был вполне понятен и настолько очевиден для всех, что Эрни и не подумал возражать. Энергия благодаря вездесущим миниатюрным реакторам была почти даровой, и самовоспроизводящееся псевдоживое оборудование тоже не приходилось беречь, пока для него хватало сырья, а вот с персоналом в мирах вроде Полупечки дело обстояло совсем по-другому.

Автоматы указали им место в нескольких сотнях метров вправо. Люди отозвали их обратно и медленно направили вездеход к зарождающемуся хребту, снова остановившись в двух метрах от него. Примерно минуту оба оператора внимательно присматривались. Каждые несколько секунд порода сдвигалась на какие-то миллиметры, вызывая очередную волну сотрясения. Предугадать, не вызовет ли вес машины особенно сильного толчка, было невозможно, но сама регулярность движения внушала некоторую уверенность. Ник втянул дюжину колес, на которых они передви-

гались до сих пор, и машина опустилась на гусеницы; потом он без пояснений передал управление Эрни. Последний так же молча повиновался. Он еще медленнее, чем прежде, тронул машину с места, и гусеницы, переваливая крошечный уступ, вздернули кверху нос вездехода.

Повторяющиеся слабые толчки стали заметнее, но не внушали опасений. Напарники видели, как поднимается нос машины, но не ощущали наклона: даже при увеличенной гравитации людям, плавающим в воде, непросто отличить верх от низа — а в этом огромном мире горизонт лежал дальше, чем позволяла видеть взбаламученная атмосфера. Напряжение возрастало по мере того, как центр тяжести машины надвигался на край уступа. Оба сжали кулаки и затаили дыхание, пока вездеход, выровнявшись, не двинулся дальше.

Теоретически корпус не должен был треснуть, даже если бы вся его тысячечетырехсоттонная масса — здесь это означало около десяти тысяч тонн — осталась бы уравновешенной на одной точке опоры. Однако сотрудники Гнезда, как это свойственно инженерам, не слишком доверяли подобным теориям, пока они тщательно не проверены экспериментами. Правда, испытания уже проводились, но ни один из водителей не припоминал, чтобы в них, в дополнение к силе тяжести, предусматривались сейсмические волны.

Корпус выдержал. Он выровнялся с мягким толчком — его еще смягчила полуметровая подушка зловеще перекрученной растительности, похожей на бочковидные кактусы. Темно-красная, почти черная жидкость, выплеснувшаяся из раздавленных растений, мгновенно запеклась, однако, к легкому удивлению людей, не воспламенилась.

Через минуту «Четверка» набрала прежнюю скорость. Вел по-прежнему Эрни. Ник сообщил о новом положении в Гнездо, подробно доложил, какие нагрузки выдержала машина, и спросил, не слышно ли чего нового о танкере.

— По-прежнему движется, по-прежнему, кажется, в обратном направлении, — ответил Бен. — Средняя скорость около ста шестидесяти.

— Они на самом деле замедлили ход или это уточненные измерения? — Вопрос Ника лишь на мгновение опередил тот же вопрос его друга.

— Сенатсу думает, что второе. Но они почти наверняка идут обратно по прежнему маршруту. Курс не совсем на Гнездо, но почти точно на горячий юг, к темной стороне. Мы теперь гадаем, правда ли, что по солнечной стороне, как мы и предполагали, проще проехать, или у них имеются другие причины. От самих девочек по-прежнему ни слова.

Плавательный раствор был достаточно прозрачным, чтобы увидеть, как сдвинулись брови Эрни над дыхательной маской, но молодой водитель промолчал. Заросли колючих бочонков попадались все чаще, и он, хотя и знал, что для «Четверки» они не опасны, не хотел без нужды давить растения.

Движение стало однообразным. «Четверка», по меркам Полупечки, недалеко ушла от Гнезда. Они только начали путешествие к «городу», о котором сообщили со «Студня». Его отделяло от Гнезда почти пятнадцать тысяч километров с точки зрения геодезии и гораздо больше на самом деле. Характер местности заставлял то и дело сворачивать с избранного пути, и казалось весьма разумным, поскольку не было причин для спешки, проделать бóльшую часть маршрута, не попадая под солнечные лучи. Прежде всего так было намного проще не дать грузу закипеть.

Теперь, конечно, у них должен быть другой груз.

Когда голосовая связь оборвалась, мужья забеспокоились и решили пройти напрямик, вместо того чтобы следовать по пути «Студня», но они еще не выбрались с ночной стороны и были не дальше тысячи километров от Гнезда, как им пришлось поворачивать обратно. Толчки зреющего сдвига ослабевали со временем. Может быть, дело было в расстоянии до оставшегося позади разлома или возмущение коры действительно затихало. В Гнезде хватало сейсмической аппаратуры, и она наверняка зарегистрировала толчки, но, пока не установлена более густая сеть датчиков, невозможно выделить отдельный эпицентр из непрерывного рокота и сотрясения в коре и мантии огромной планеты.

Водителям и в голову не пришло винить оставшихся в Гнезде за то, что те не предупредили их о препятствии. Наблюдение со спутников затрудняли заряженные облака, так что, удаляясь от базы, человек оказывался сам по себе, вернее, люди оказывались сами по себе, поскольку правила требовали для любой машины экипажа по меньшей мере

из двух водителей, а пешком здесь не ходили. Не существовало скафандров, которые позволили бы человеку расхаживать при семнадцатикратном атмосферном давлении и семикратной гравитации, хотя Гнездо и выстроили в области, где температура держалась на уровне, пригодном для существования. Техники, правда, предусмотрели средства переноса человека из потерпевшей аварию машины в спасательный транспорт, но эти средства еще ни разу не испытывали при настоящем происшествии. К тому же имелась в виду не слишком серьезная авария, после которой можно открыть люки...

Примерно через час «Четверке» пришлось сбавить ход из-за дождя. Капли не оставались на грунте, вскипали и испарялись при прикосновении, и поднявшийся туман затруднял обзор больше, чем сам дождь. Летучие клочья исчезли — то ли их скрывал туман, то ли дождь прибил к земле, можно было только гадать. Так же оставалось гадать, что́ течет с неба: вероятно, какие-то фтористые соединения и уж точно не вода. Водород здесь был гораздо большей редкостью, чем на Марсе или на Меркурии. Когда дождь заставил «Четверку» притормозить, Доминик выдал очередной аналитический прогноз погоды:

— Помнишь высокий хребет, который мы оставили позади справа? Ветры у поверхности направлены, как обычно, к дневной стороне, так что воздушные потоки, наткнувшись на холмы, отклоняются вверх и адиабатически[1] охлаждаются. И в них происходит конденсация, может быть, оксида серы, или фтористой серы, или кремния. Через несколько километров мы из-под него выберемся.

Этот прогноз и особенно слова «как обычно» на минуту заставили Эрни забыть о своем беспокойстве. Погода в этом мире являла буквально хаос, а слово «климат» здесь теряло свой смысл.

— Сколько ставишь?

Ник обернулся к напарнику, порадовавшись про себя, что его лицо скрыто маской.

— Н-ну... — замялся он.

---

[1] *Адиабатический процесс в атмосфере* — изменение температуры воздуха, протекающее без теплообмена с окружающей средой, только за счет внутренней энергии воздушных масс при их перемещении.

— Давай! Ты же не хочешь лишить меня основного источника доходов?

— Лучше бы ты зарабатывал на жизнь честным трудом, ну да ладно. Полсотни на то, что мы выберемся из-под дождя... ну, через двадцать километров.

— Принято. Замерь по тахометру.

Юкка сбросил на пол счетчик одного из колес. После участка сдвига «Четверка» снова перешла на колесный ход.

— Нет, не тот, дружище. Это центральное, а не ведущее, и оно, как тебе хорошо известно, редко соприкасается с грунтом.

Предсказатель, еще раз порадовавшись, что напарник не видит его лица, активировал счетчик ведущего колеса.

Эрни демонстративно проверил, как работает прибор. Отвлекшись от вождения, он тут же дал напарнику повод отвлекать его и дальше:

— Осторожно, камень!

Вездеход вильнул гораздо резче, чем требовалось, врезался в стебель чего-то похожего на спаржу трех-четырех метров высотой и сшиб его, прежде чем Эрни успел выровнять машину. На этот раз они не взглянули друг на друга, но водитель не замедлил ход. Юкка решил, что сделал достаточно, чтобы заставить друга на время забыть тревогу. Зато сам он непрерывно гадал, почему не слышно «Студня». Объяснение Бена звучало правдоподобно, и все же...

Дождь, хотя, может быть, уже другого происхождения — Ник мог быть отчасти прав, — продолжался и час спустя. Тахометр установили и, после того как монетка перешла от Ника к Эрни, снова запустили с нуля. Из Гнезда пришло еще два или три сообщения: блудный танкер шел, как раньше, практически в нужном направлении, но от его команды все еще не было ни слова.

— Хотел бы я знать, что они всзут, — нарушил затянувшееся молчание Доминик. — Аборигены толком не объяснили, что могут предложить в обмен, хотя водород им явно нужен позарез.

— Если верить Трише, — поправил Эрни. — Желание, знаешь ли, тоже достаточно абстрактное понятие.

— Они несколько раз повторили просьбу в разных формулировках, так что она более или менее уверена. И ты сам понимаешь, зачем он нужен местным ученым.

Эрни только кивнул, признавая очевидное.

Кто бы ни занимался физикой на Полупечке, они, вероятно, обнаружили элемент номер один в спектре своего солнца, изучая его с планеты, и, возможно, довольно хорошо разобрались в химизме процесса, может быть, даже обнаружили в коре планеты его следы, накопившиеся за восемь миллиардов лет от звездного ветра. Им наверняка страшно хочется раздобыть побольше для макроскопических исследований, так же как на Земле мечтали раздобыть гелий и плутоний, не говоря уже о коронии до развития спектроскопии. Люди на Полупечке были учеными и потому относились к этому желанию с пониманием и сочувствием. Они сконструировали и вырастили танкер, названный каким-то юмористом, увлекавшимся архаическими мелочами, «Студпем», загрузили его углеводородами с высоким молекулярным весом с бурого «карлика» в тридцати астрономических единицах от Пегаса-51 и послали к источнику передач.

Взаимопонимание с аборигенами было достигнуто только в самых общих чертах, и все же имелись основания надеяться, что в ответ они пришлют что-нибудь полезное для человеческой науки. То, что команда рисковала здоровьем и жизнью, подразумевалось, но риск считался оправданным.

Несколько иного мнения, правда, держались в последнее время супруги водителей «Студня».

Двое мужчин вели машину, ели и спали по очереди. Они почти наугад пробирались сквозь дождь и туман — а может, это была пыль, — затаивали дыхание, входя в узкие ущелья, где невозможно было уклониться от падающих камней, радовались, когда в просвете облаков мельком удавалось увидеть незнакомые еще созвездия, вслух обсуждали необычайно крупный летающий объект, прислушивались к дрожи «Четверки» при толчках, которые возникали и исчезали совершенно непредсказуемо (хотя Доминик продолжал испытывать свои пророческие способности, неизменно пополняя запас мелочи в кармане Эрни), безрезультатно запрашивали, нет ли вестей от жен, прислушивались к непрерывному диалогу с аборигенами, в котором медленно, но верно пополнялся словарь научных понятий, и все это время приближались к Гнезду.

Наблюдения за движением танкера по-прежнему внушали надежду: им явно управляла разумная сила. Самое

надежное доказательство было получено, когда «Четверке» оставалось около часа пути до базы. Началось все с рапорта йошихаши Сепатсу Ито, на первый взгляд вовсе не радостного.

— Боюсь, что девочек ожидают неприятности, — задумчиво сообщила она Бену.

— Что такое?

— На маршруте, по которому они возвращаются, примерно в ста километрах от их нынешнего положения, кое-что изменилось. Там была довольно узкая лощина — километра два шириной, — а теперь ее чем-то забило. Если я правильно интерпретирую изображение, она наполняется жидкостью. Во всяком случае поверхность ровная и уровень ее повысился, а если бы она замерзала, кристаллы должны были как-то отразиться на спектре.

— Они смогут там проехать? — Бен, едва начав разговор, включил передачу на «Четверку». — Танкер должен бы удержаться на плаву в любой жидкости, которая не застывает при температурах дневной стороны, а движение гусениц позволит им хоть как-то управлять.

— Вот это «хоть как-то» мне и не нравится, — отвечала наблюдатель-картограф. — Я думаю, хоть и не совсем уверена, что эта штука течет с темной стороны — с горячего юга. В том конце долины то ли водопад, то ли порог, и я сомневаюсь, что в человеческих силах с ним справиться.

— Они увидят озеро, или что там еще, и сообразят, что не стоит пускаться вплавь, — на удивление оптимистично предположил Эрни.

— А смогут они найти другую дорогу? — спросил Доминик, помедлив. — Карты, с которыми они отправлялись, еще годятся? Учитывая, как здесь меняется топография? Не запутаются они в здешнем лабиринте? Мне подумать страшно, как бы мы обходились без ваших подсказок.

— Я бы предложил, — протянул Бен, — чтобы Сен тщательнейшим образом осмотрела тот район. Мы разработаем самый лучший альтернативный маршрут и передадим его девочкам. Они не выходят на связь, но это не значит, что они нас не слышат.

— А может, стоило давным-давно вызвать их и попросить остановиться, или описать круг, или еще что-нибудь в этом роде? — спросил Эрни.

Он старательно избегал осуждающих интонаций, потому что и сам числился в списке людей, которым это не пришло в голову.

— Спроси Пита. Я не психолог, — отозвался Бен. — Сен, сколько у тебя информации о местном ландшафте?

— Довольно много, и текущей, и с прежних маршрутных карт. Дай мне несколько минут — я сравню изображения и внесу последние поправки.

Даже Эрни не нарушил молчания, пока картограф не заговорила снова. Она действительно уложилась в несколько минут.

— Готово. Через тридцать километров им надо будет свернуть на тридцать градусов вправо. Потом через десять километров по прямой им придется войти в ущелье, довольно узкое. Там небезопасно. Если почувствуют толчки, пусть переждут до затишья, а потом постараются проскочить его как можно быстрее. Мне не разглядеть, насколько быстро в нем можно двигаться. После выхода из ущелья они смогут сбросить скорость — дальше опасности камнепада нет. Через семьдесят километров они минуют озеро и смогут забирать обратно влево, сколько позволит местность. Рано или поздно вернутся на прежний курс. Заодно могут проверить, не течет ли там теперь река. Мне бы очень хотелось знать: я здесь видела достаточно маленьких водоемов и большое озеро у местного источника передач, но никакой проточной воды, то есть не воды, конечно, но вы меня понимаете. Все ясно?

Бен, слушая Сенатсу, составлял набросок карты. Он чертил электрическим стило на полимерной пластинке, поскольку на Гнездо действовали те же семь g, а плавающему в воде сотруднику станции неудобно пользоваться карандашом и бумагой. Отпуск на орбитальной станции вдали от звезды чаще всего называли «отправиться на просушку», хотя и там много времени приходилось проводить в ваннах — функцию очистки в оборудовании восстановительного цикла пока еще не довели до совершенства.

— Думаю, так. — Облако повернул дощечку к передатчику — его пост находился в ста метрах от рабочего места Сенатсу, которая должна была проверить его работу.

— Я бы и сама лучше не сделала, — признала она. — Попробуй переправить ее девочкам.

У Ника с напарником не было видеосвязи, но они пристально вслушивались в каждое слово. Бен не обязан был включать их в свою передающую сеть, но сделал это не задумываясь. Когда закончилась первая передача, оба водителя взглянули друг на друга и дружно покивали — мысленная картина, возникшая перед ними, совпадала с той, которая создалась из слов Сенатсу. Они продолжали прислушиваться к голосу Бена, снова и снова повторяющему одно и то же через спутник трансляции и наблюдения, но теперь только краем уха — движение «Четверки» поглощало почти все внимание. В часе пути от Гнезда предосторожностей требовалось не меньше, чем вдали от него. На пороге входного шлюза можно было умереть так же окончательно и бесповоротно, как в любой другой точке планеты.

Участок кампенадов. Участок с риском кампенадов. Лужи, которые приходится огибать, — жидкость в них вполне может замерзнуть на колесах или в гусеницах, стоит только температуре упасть на пару градусов по Кельвину. Или это может оказаться переохлажденная жидкость, которая мгновенно кристаллизуется при прикосновении, — такие вещи случаются, и на глаз не определишь. Частоколы органики, сквозь которые можно бы пробиться, но из нее тоже выльется жидкость. Некоторые довольно высокие: Эрни никогда не бывал на Земле и не мог вспомнить заповедник гигантских цереусов, но ксерофиты существуют почти во всех мирах, где вообще есть жизнь. Самые крупные растения обычно стояли довольно далеко друг от друга, и объехать их было нетрудно, зато другие срастались чуть ли не в сплошную массу.

Они часто проезжали эти места, и оба заметили, что высокие стебли как будто гуще прежнего теснятся вдоль тропы, которую их машина пробила на выезде пару дней назад. Возможно, эти растения питались остатками других организмов. Если так, быстро же они растут.

Ничего похожего на животных здесь еще не видели, и многие всерьез сомневались в их существовании, но на некоторых «растениях» были явно обломлены стебли и ветви, а найти обломанные части удавалось редко. И побеги иногда вздрагивали, как будто что-то потревожило их за миг до появления «Четверки».

Кое-кто из сотрудников Гнезда начинал подозревать, что плотность растений в десяти–пятнадцати километрах вокруг станции увеличивается с каждым днем, но вплотную никто пока не занимался этим вопросом. Он мог представлять интерес, но не казался особенно важным.

«Четверка» проходила относительно ровный участок, когда голос Бена заставил Эрни остановиться:

— Она считает, что они поворачивают!

Отсутствие существительных не затруднило водителей — они даже не стали спрашивать: «В какую сторону?» Они просто плавали над своими постами и прислушивались. Счетчик кислорода в «Четверке» зарегистрировал резкую остановку дыхания, но она длилась не так долго, чтобы вызвать аварийную тревогу. Да и Облако вряд ли обратил бы внимание на такую тревогу: в отличие от прибора, он был человеком.

Сенатсу быстро импровизировала. Атмосфера над наблюдаемым объектом была сейчас относительно прозрачной, и она сумела установить интерферометрическую связь между танкером и ближайшим ярким пятном — стационарным, как она надеялась. Это позволило ей определить относительное движение двух объектов с точностью до нескольких сантиметров в секунду. Меньше чем через минуту стало ясно, что «Студень» поворачивает, а еще через полторы минуты было установлено, что машина вышла на прямую под углом тридцать градусов вправо от прежнего курса.

Совпадения случаются, но человеческий разум неизменно склонен сомневаться даже в самых очевидных случаях. Впервые за много часов экипаж «Четверки» по-настоящему расслабился. Оставшееся расстояние до Гнезда они были спокойны и счастливы, хотя ни один из мужчин не мог потом припомнить никаких разговоров. С кем бы то ни было.

Приемный шлюз подготовили к встрече, воду уже перекачали в запасную цистерну, и дверь перед ними открылась. Доминик остановился внутри и отключил питание, когда дверь герметично закрылась. Они дождались, пока вливающаяся вода вытеснит через вентиляционные шахты в потолке местный воздух и пройдет проверку. Как обычно, больше всего времени ушло на нейтрализацию серной и сернистой кислот и на связывание и отфильтровку фтори-

стых соединений, образовавшихся в результате контакта воздуха с жидкостью, но наконец они смогли открыть герметичные люки, проверить личные дыхательные аппараты и проплыть к одному из люков для персонала, занимающих две стены «гаража». Эрни демонстративно пропустил Доминика вперед, хотя последний не пришел в восторг от подобного намека на свой возраст. Пятнадцать лет разницы в пятьдесят не так уж замстны, к тому же он и теперь выше и сильнее Эрни.

На дорогу к местному городу — или поселению, или лагерю? — у «Студня» ушел почти месяц — по-местному семь лет — пути. К концу того дня, когда успокоенные мужья вернулись на базу, казалось ясным, что на обратный путь уйдет примерно столько же. Может быть, немного меньше, как нерешительно заметила Сенатсу.

— Они сейчас движутся чуть быстрее, чем раньше, но ведь они находятся на солнечной стороне и останутся там еще на несколько дней. Прежде всего там лучше обзор. Вот когда они выйдут на терминатор[1], посмотрим, насколько им придется притормозить. А мне в темноте их будет лучше видно.

Последнее замечание не удивило никого из слушателей. Танкер, естественно, был снабжен угловыми отражателями для приема микроволновых лучей со спутников, и там, где помехи от солнечного излучения: термо- и биотоков с поверхности планеты — ослабнут, машина будет ярче выделяться на фоне местности. Всё это, кроме сильного излучения растительности на дневной стороне, было давно известно и в основном предсказуемо. Ник с Эрни, как всегда неразлучные и только что вернувшиеся с испытательного выезда, выслушав Сенатсу, просто кивнули и вернулись к обычной работе. Она по большей части состояла в подготовке второго танкера, заранее окрещенного «Сальной Свечкой». Сотрудники станции в основном были уроженцами миров-колоний, где еще сохранялись примитивные бытовые условия, к тому же, когда началось новое видообразование, преподаватели-люди стали особенно настаивать на необходимости подробного знания истории. Человече-

[1] *Терминатор* — линия на диске планеты, отделяющая освещенное полушарие от темного.

ская культура сохранила память о свечах, а также и о кулинарии, в том числе рецепт приготовления студня.

Кому-то пришло в голову, что перевозить цистерну с парафином как прицеп окажется во многих отношениях проще и даже безопаснее для команды, чем использовать грузовик-цистерну. Само собой подразумевалось, что аборигенам будет отправлен новый груз углеводородов, хотя никто еще не знал, насколько ценной окажется обратная посылка. Все испытывали естественное сочувствие к нуждам исследователей, а их ответный дар по меньшей мере дал бы информацию о самих аборигенах. За медленным приближением «Студня» с интересом следили не только заждавшиеся мужья.

Почти вся рабочая связь с местным городом касалась научных вопросов: словарь пополнялся пока за счет усилий компьютера сопоставить движение человеческих механизмов, которое аборигены каким-то образом отслеживали на любом расстоянии, с излучением, поглощавшимся и принимавшимся спутниками наблюдения. Дискуссии сводились к обсуждению орбитальных пертурбаций и прецессий и их влияния на внутреннюю структуру планеты. Компьютер Гнезда постепенно составлял подробную карту распределения плотности строения Полупечки и понемногу продвигался в регистрации течений в мантии. Довольно естественно для планеты, чья масса превышала земную в сто семьдесят семь раз, радиус — почти в пять, а сила тяжести на поверхности — в семь с лишним, тектонические плиты здесь двигались со скоростью, которая на Земле пристала скорее метеорологическим феноменам. Да и сами плиты были размером не с континент, а скорее с крупный город или небольшое государство. Так что следить за их движением было увлекательно, и конца этим наблюдениям не предвиделось. Одна пара, прибывшая в Гнездо в качестве метеорологов, переключилась с тех пор на динамику коры и была радушно принята планетологами. И сами супруги вздохнули с облегчением, хотя слегка стыдились, что спасовали перед трудностями. В атмосфере Полупечки насчитывалась дюжина основных компонентов, в основном фториды и оксиды серы и кремния и некоторые другие; пропорции состава хаотично менялись в зависимости от времени и места и готовы были перейти в иное фазовое состояние при ма-

лейших скачках температуры, давления, солнечного освещения и концентрации других компонентов.

Разумеется, в научной работе не следует полагаться на чудо, однако кое-кто из персонала временами — и, конечно, только про себя — готов был поддаться искушению. Как-никак сверхъестественная помощь не могла оказаться *намного* менее полезна в предсказаниях, чем существующие математические модели.

Так что беседы с аборигенами касались больше физики и математики, чем эмоций. Даже с математическими абстракциями, которые были необходимы для понимания химии, дело шло туго. И неясным оставалось, знают ли — и заботятся ли — аборигены о возвращающемся танкере.

Триша Верткое Перо, отвечавшая за первую попытку истолкования компьютерного перевода, в общем не сомневалась, что груз парафина был получен и одобрен. Она представления не имела, что послано — если вообще послано — взамен. Она даже не была уверена, что сама идея «обмена» понятна аборигенам.

И все-таки «Свечку» растили и совершенствовали за пределами станции, потому что в естественной среде быстрее проявлялись недочеты в конструкции.

Сверхмощный и сверхтяжелый вездеход, названный еще по какому-то древнему литературному источнику «Энни», был в целом готов. Он должен был служить тягачом для цистерны. Сейчас Эрни с Ником его испытывали. Мало кто сомневался, что второй рейс достанется этим двоим, хотя у Бена имелись на этот счет некоторые возражения. Окончательно все решилось по чистой случайности.

На станции, конечно, продолжалась обычная работа по планетографии. Больше двух дюжин спутников, выведенных на орбиту на высоте около десяти тысяч километров, взаимодействовали с сетью сейсмографов, медленно расползавшейся от Гнезда и отслеживающей внутреннее строение Полупечки, подробности ландшафта и движения атмосферы. По оценке Бена Облака, они нарабатывали примерно две докторские диссертации в час.

И с каждым часом Джесси Хижина Ледяная Стена и Мария Поток Юкка становились на семьдесят—восемьдесят километров ближе к мужьям. «Студень» держал приличную скорость. И приближался к темной стороне.

Независимо от предстоящих решений, с конструкцией нового танкера дело, в общем, двигалось. С созданием псевдоживой техники исчезли многие трудности, тормозившие изготовление конструкций, которые приходилось в самом деле изготавливать. Но это не избавило от необходимости проектирования. Замыслы, казавшиеся превосходными сами по себе, оказывались несовместимыми с другими, не менее прекрасными, когда их пытались срастить вместе. Цельное изделие, отлично работавшее в компьютерной модели, обрастало недостатками при реальных испытаниях. Особенно беспокоило конструкторов отсутствие связи со «Студнем» — его команда, не хуже других разбиравшаяся в конструировании псевдожизни, пусть и не будучи экспертами, могла рассказать о текущих проблемах больше, чем кто-либо другой на планете.

На первое место вышел, казалось бы несложный, вопрос: как обеспечить устойчивость тягача с прицепом, в несколько раз превышающим его массу? Эрни с Домиником и еще несколько экипажей водителей проводили пробные выезды и слишком часто возвращались из них с новыми проблемами. Иногда они целыми часами не задумывались о своих женах, хотя никогда не забывали справиться о них у Сенатсу, вернувшись на базу.

— Через пару часов они распрощаются с солнцем, — заметила аналитик при одной из таких бесед, когда танкеру осталось до базы каких-нибудь тридцать тысяч километров по прямой. — Их уже сейчас гораздо проще засечь, и дорогу они, кажется, отыскивают без труда. Пару раз сворачивали в сторону, но не слишком далеко и скорее всего из-за сдвигов вроде вашего. Тот, кстати говоря, поднялся на три метра и вроде бы продолжает расти; хорошо еще, что они возвращаются другой дорогой. Я предложила Бену послать кого-нибудь проверить, что там с горизонтальным смещением. Со спутника не определить — без точной локализации рефлекторов на грунте изображение недостаточно четкое. Не хотите прокатиться?

Доминик пожал плечами:

— Мы не против, если Бен считает нужным. Надо же чем-то заниматься.

— Сдается мне, без дела вы не сидите. Ладно, спросим Бена. Если он решит, что вы нужнее на выращивании

«Свечки» и «Энни», пошлем кого-нибудь еще. Или никого не пошлем, если он считает, что это не важно.

Облако, поразмыслив секунду-другую, решил, что данные достаточно важны, чтобы посмотреть поближе, и шесть часов спустя — надо все-таки людям когда-то и спать — «Четверка» с прежним экипажем вышла из Гнезда в направлении семьдесят градусов от горячего полюса.

Некоторые изменения на маршруте бросились в глаза с первого взгляда. Высокие растения, которые, видимо, взошли на остатках раздавленных колесами в первом рейсе, стали намного выше. Те, что походили на багровую, бурую и мертвенно-черную двухметровую спаржу, теперь напоминали скорее гигантские цереусы. Основания их стволов часто срастались между собой. Прежние заросли слились в толстые, отдельно стоящие растения, протянувшие вверх множество ветвей. Ни одного из водителей не вдохновляла мысль ломиться через них напрямик, поэтому приходилось ехать медленнее и часто вилять. Случалось и отступать назад, чтобы найти новую дорогу. В конце концов они пришли к выводу, что, чем пробиваться по старому пути, лучше двигаться параллельно ему.

Они обсудили гипотезу, что перемолотые их колесами растения служат пищей для сапрофитов, и доложили свои соображения Бену. Через десять минут от него поступило распоряжение собирать образцы. Ксенобиологам тоже нужна информация. Жизнь на планете, практически лишенной водорода, требовала изучения. Тем более жизнь, в которой углеродная составляющая превышает девяносто процентов при нулевом содержании водорода.

Сбор образцов еще больше задержал бы их, но Эрни с Ником решили отложить его на обратный путь и покатили вперед, оставляя справа частокол живых труб, а слева — относительно открытое пространство.

Все еще активный сдвиг напомнил о себе толчками задолго до того, как водители его увидели. В результате «Четверка» опять притормозила. Водители остановили ее на небольшом расстоянии от сдвига, который, как и предсказывала Сенатсу, поднялся выше двух метров. Крупные сапрофиты, если это были они, в зоне сотрясений чувствовали себя неуютно и уже не мешали движению. Поэтому «Четверке» удалось несколько километров проехать вправо

вдоль уступа, но место для переправы так и не нашлось. Оба не настолько доверяли прочности своей машины, чтобы пытаться перевалить гребень при местной силе тяжести, даже если бы не приходилось думать о возвращении. К тому же, если бы корпус и выдержал, людям от такого толчка, пожалуй, пришлось бы не легче, чем рыбам, которых глушат динамитом.

Сервоавтоматы — уолдоуправляемые псевдоживые механизмы от десяти сантиметров до полуметра в длину и от восьми до восьмисот килограммов весом — были, понятно, расходным материалом, и они потратили несколько самых маленьких и самых, с их точки зрения, прочных жучков на пробные прыжки с уступа. Ни один не уцелел, но эксперимент стоил того.

На этом месте их застало новое сообщение Сенатсу, которое изменило план Бена и взбесило ксенобиологов. «Студень» вышел из освещенной зоны и, по всей видимости, испытывал трудности с прокладкой маршрута. Из Гнезда, как и в прошлый раз, передали указания.

На этот раз танкер их игнорировал.

Просьба остановиться и выполнить указанный маневр, чтобы показать, что водители приняли передачу Гнезда, осталась без последствий и, во всяком случае, без ответа.

Бен, хорошо знавший своих сотрудников, немедленно предложил «Четверке» отказаться от прежнего задания и попытаться перехватить танкер. Почему бы не придать официальный статус неизбежному в любом случае решению мужей — Сенатсу с помощниками сделают все возможное, чтобы проложить маршрут для вездехода от его нынешнего местонахождения.

Возвращаться в Гнездо на перезаправку не требовалось: весь транспорт планеты был оборудован полным восстановительным циклом и необходимыми источниками энергии. Это обстоятельство заставило Облако отказаться от мысли послать навстречу женщинам кого-нибудь другого. Едва услышав об изменении в поведении танкера и не дожидаясь даже указаний по курсу, Эрни немедленно развернул машину на горячий восток — под прямым углом вправо от горячего полюса — и погнал прочь от уступа. Спешка была, собственно, излишней, потому что обоим мужьям предстояло много дней пути до встречи с машиной, в которой

оставались их жены, но задержки они не потерпели бы. Ими снова овладело беспокойство.

Геодезические курсы двух машин, к досаде Бена, пересекались теперь не на солнечной стороне. Он хотел бы получить более подробные сведения о проблемах передвижения при солнечном свете, чтобы использовать их для разработки следующих маршрутов. Но, будучи по природе человеком практичным и понимая чувства водителей, он не стал предлагать ни им, ни Сенатсу отклониться, если представится такая возможность, немного влево. В ближайшие недели раза два-три возникала мимолетная надежда, что лучший путь, какой смогут найти картографы, выведет хоть ненадолго на солнце, но каждый раз его ожидало разочарование.

Эрни с Ником этому только радовались. Их подстегивала тревога — жены по-прежнему не отзывались, — и они со жгучей досадой подчинялись указаниям Сенатсу, направлявшей их через лабиринт между холмами в объезд непроходимых участков местности и растительности, мимо лужиц и озер неизвестного состава и один раз на добрых пятьдесят километров вдоль скального обрыва, невероятно высокого для кремнистых пород при такой гравитации. Сенатсу посоветовала им держаться хотя бы на километр от края: трудно было предсказать, не вызовет ли масса «Четверки» вкупе с невероятно быстрой эрозией под действием фтористых ветров и дождей обрушения всей стены. При семи g практически все равно, окажешься ты под оползнем или частью его. Сен только потому и решилась проложить курс над обрывом, что десять километров почти ровной поверхности позволяли развить здесь максимальную скорость. И, несмотря на это преимущество, Бен с Сенатсу долго спорили, отключив связь с «Четверкой».

Им не стало намного легче, когда через десять часов после прохода «Четверки» обрыв действительно рухнул, в четырех или пяти местах захватив линию маршрута вездехода.

— Не знаю, — заметил Ник, когда Бен передал им эту информацию, — сумею ли устоять перед искушением, когда стану через несколько лет рассказывать об этом ребятишкам. Как бы десять часов не превратились у меня в десять секунд.

Он прикусил язык, но было поздно. Эрни, который в этот момент был занят управлением, несколько секунд молчал, потом коротко бросил:

— Я бы наверняка не удержался.

«Студень», насколько было видно со спутников, двигался медленно. Он то и дело попадал в тупик и вынужден был отступать по собственным следам. Единственное, что немного обнадеживало: одна ошибка никогда не повторялась дважды. Это выглядело так, будто машиной все еще правит человек. Никто не желал верить, что прошлое выполнение указаний было случайностью, и, по общему мнению, неполадки, которые оборвали работу передатчика, теперь распространились и на приемник танкера. В чем там дело, можно было установить, только непосредственно осмотрев машину: средства связи на всем транспорте многократно дублировались. Чтобы вывести установку из строя, нужно было очень вдумчиво постараться или применить грубую силу.

Никто не мог поверить и даже допустить, что это могли сделать водители танкера, а что касается аборигенов, у них вряд ли хватило бы технических навыков, хотя они, очевидно, были знакомы с микроволновой связью. Но знание общего принципа еще не предполагает способности создать или вывести из строя совершенно незнакомый прибор.

И все же танкер был нем и, по всей видимости, глух, хотя и двигался так, словно им управляла разумная сила.

— Во всяком случае,— заметил Эрни, услышав сообщение Сенатсу, что танкер снова пятится,— они не заставляют нас за ними гоняться. Если бы девочки в самом деле отыскивали дорогу к дому наугад, нам бы приходилось все время менять свой маршрут.

— Послушайте, молодой человек! — перебил его негодующий голос Сенатсу.— Не думаете ли вы, что я не способна проложить для вас разумный встречный курс? Мне бы и в голову не пришло направлять вас в точку, где они находятся сейчас. Я понимаю ваше беспокойство, но это не повод для оскорблений!

Конечно, на самом деле она нисколько не сердилась, и Эрни это понимал, и она понимала, что Эрни понимает. Теперь уже все Гнездо практиковалось в искусстве отвлекать младшего водителя от забот. Хорошо еще, что на связь с ним выходила одна лишь Сенатсу.

И об этом Эрни, в общем-то, тоже догадывался. Как ни странно, эта мысль ему помогала. Мужчина может отвергать жалость, но честное сочувствие — дело иное; в нем нет снисхождения.

Может быть, поэтому лишь немногие, кажется, догадывались, что Доминику тоже нужна помощь.

На самом деле их не так уж часто приходилось отвлекать. Путешествие само по себе было далеко не скучным. Движение с большой скоростью по плохо разведанной дороге требовало постоянной бдительности, которая не оставляла места посторонним мыслям, пока водитель нес вахту, а передав управление сменщику, он оказывался настолько вымотан, что мгновенно засыпал. Да и сам мир был совершенно непривычным для человека-первопроходца: он занимал собой все внимание, которое оставалось свободным от управления вездеходом.

Не все особенности ландшафта были видны водителям. Например, только в Гнезде, наблюдая за датчиками расхода энергии, определили, что машина две тысячи километров поднималась, а потом спускалась по трехкилометровому куполу. До Ника с Эрни дошли только отзвуки споров, которые вели планетологи, пытаясь совместить эти данные с показаниями спутников и сейсмографов.

Гипотеза, что силы, действующие на кору планеты, практически уравновешены, так что прочность самой коры почти не играет роли, здесь получила более доказательное подтверждение, чем на планетах с гравитацией в один g. Водители не ощущали изменения мощности, необходимой, чтобы поддерживать заданную скорость; они знали только, что стали на три тысячи километров ближе к цели.

Конечно, оба отмечали моменты, когда удавалось поддерживать заданную скорость — довольно редко, только на открытых участках, — и в таких случаях они еще тщательнее высматривали все страшности, которые могли стать помехой этому благополучию.

Один-единственный раз им попалось животное — несомненно живое существо, лениво ползущее им наперерез, оставляя за собой полосу, начисто лишенную каких-либо растений, больших и малых. Не имея возможности заглянуть под него, они не сумели определить, передвигалось оно на коротких ножках — таких, надо полагать, потребо-

валось бы немало — или же, хотя по следу этого не было заметно, использовало слизистую подкладку, как земные брюхоногие. На сей раз биологи умудрились прорвать строгую цензуру Бена, чтобы передать свои мольбы. Они хотели, чтобы «Четверка» совсем немного изменила курс, на ходу перевернула животное и выпустила пару жучков, чтобы исследовать его более тщательно.

Водители сомневались, что вездеход сумеет перевернуть тушу, не уступающую ему в размере, и совсем не были уверены, что животное не окажет сопротивления. Они пообещали попробовать, когда минует срочность, по возможности поближе к Гнезду, из которого могли бы прислать помощь, и проехали мимо. Управлять жучками среди помех биотоков удавалось только на короткой дистанции.

В дебаты вмешались аборигены, которые просили объяснить, что такое «животное». С помощью доступных символов никто не смог составить путного объяснения, в чем не было ничего удивительного, но в ближайшие несколько часов Ник и Эрни увидели кружащие вокруг вездехода объекты. Издали они казались знакомыми клочьями горелой бумаги, но при ближайшем рассмотрении оказались несомненными планерами. Правда, судя по тому, как их носило и швыряло ветром, аппараты с трудом поддавались управлению, и все же это явно были искусственные конструкции. Водители немедленно доложили в Гнездо. Аборигены, которые наверняка перехватили их доклад, никак его не комментировали.

Сейчас «Четверка» располагалась несколько ближе к солнечному полушарию, на которое в действительности приходилось чуть больше половины планеты, потому что звезда занимала четырнадцать градусов небесной дуги. В обычной тектонической активности явных изменений не отмечалось, но воздух существенно потеплел, и растительность, соответственно, стала более пышной. Здесь тоже не было ничего похожего на листья, если не считать таковыми все те же клочья горелой бумаги, и биологи заключали между собой пари, споря, появится ли что-нибудь в этом роде на солнечной стороне. Команда «Студия» ничего подобного не описывала, но, учитывая площадь планеты, отсутствие листьев на линии их маршрута еще ни о чем не говорило. Особые органы, упрощенные для восприятия солнечной энергии, пред-

ставлялись в некотором роде роскошью на планете, расположенной в одной двадцатой астрономической единицы от своей звезды. Но тот, кто помнил об алогичном строении сетчатки позвоночных, не взялся бы предсказывать, какими странными путями идет эволюция живых организмов.

Бен редко о чем-нибудь просил экипаж «Четверки», сколько запросов ни обрушивалось бы на него от команды ученых. Правда, он передал им гипотезу, согласно которой более густые и крупные растения могут означать присутствие более многочисленных, если не более крупных, животных, но все решения об изменении курса и скорости оставлял на их усмотрение. Они ничего не стали менять, только максимально повысили бдительность.

Последние две тысячи километров были мучительны — гораздо хуже, чем предыдущие двадцать два дня пути, когда им тоже досталось. Сейчас мужчины находились, можно сказать, на дистанции прямой связи, меньше чем в трехстах километрах от продолжавшего движение танкера. Пройти эти триста километров по прямой не удалось: путь преграждал лабиринт складок, разломов и ущелий, в которых даже со спутника определялись камнепады. Что там камнепад! «Четверке» и тачки песка на крышу хватило бы, чтобы полностью вывести ее из строя, а ближайшая помощь осталась в десяти тысячах километров позади. Участок холмов волей-неволей пришлось обходить. Сенатсу явно чувствовала себя виноватой в том, что раньше не разглядела этого препятствия, но ее ошибка была вполне простительна: всю дорогу она занималась поисками и способами преодоления ближайших по курсу препятствий.

Эрни отозвался на последние новости, довольно резко дернув машину. Напарник вполне разделял его чувства, однако подал сигнал к смене водителя. Младший водитель сохранил достаточно самообладания, чтобы выполнить приказ, и «Четверка» вышла на новый курс, оставив «Студень» почти позади и чуть левее. Небо и неизбежные облака вспыхивали зарницами чаще прежнего — то ли сочувствуя, то ли насмехаясь. К счастью, ни один из напарников еще не дошел до того, чтобы одушевлять безразличный к ним мир. И ни один не задумывался, как близки они к этому состоянию, которое, конечно, ничуть не обеспокоило бы планету, зато могло сильно повлиять на их здравомыслие.

Облако, конечно, заметил неоправданный рывок (об этом свидетельствовали показания датчика телеметрии) и несколько встревожился, но он ничего не мог сделать, и сказать ему, собственно, тоже было нечего.

Эти две тысячи километров растянулись на три лихорадочных дня, хотя «Студень» сэкономил им несколько часов, удачно — по-видимому, случайно — выбравшись на более проходимый участок, где он и остановился.

Остановка, возможно, была вызвана тем, что танкер оказался почти в центре двадцатикилометрового цирка — почти наверняка *не*метеоритного кратера, — из которого расходилось восемь узких ущелий. По словам Сенатсу, он исследовал два прохода и вынужден был повернуть обратно, — возможно, предположил Бен, водители обсуждали, который попробовать следующим.

Ни один из мужей ни на минуту в это не поверил. Оба знали, что их жены заранее составили бы программу действий. Их лица за дыхательными масками помрачнели. Они ничего не ответили Облаку, но Эрни, который опять вел машину, погнал ее зигзагом на самой высокой скорости через заваленный камнями каньон, выводящий, по заверению Сенатсу, в цирк. Ник не возражал. Чем скорее они выберутся из-под угрожающих восьмиметровых стен, тем больше шансов дожить и увидеть...

...то, что им предстояло увидеть. Снимки со спутников, в конце концов, были всего лишь компьютерной реконструкцией.

Камни, конечно, сыпались, но все мимо. Ни один из мужчин не приписывал этих промахов искусству водителя, ни один даже не думал о них. Через двадцать километров каньон кончится — и откроется долина.

Пятнадцать километров. Десять. Пять.

Они прорвались, и ни один даже не испытал облегчения, когда опасные стены расступились. С первого взгляда они танкер не увидели и остановились, чтобы присмотреться.

Хуже всего, что ни один огонек не горел на танкере. Бортовые стереопрожекторы, понятно, могли выключить при остановке, но фара и маленькие, но яркие и отчетливые опознавательные огни в темноте должны гореть постоянно. Прошли долгие, долгие мгновения, пока Эрни раз-

глядел темный силуэт на тусклом и мерцающем сложными переливами фоне.

Он указал рукой, и Доминик кивнул. Через ущелье машину вел младший, но теперь Ник взял управление на себя и повел вездеход к неподвижной, темной и, возможно, безжизненной цели. Эрни надрывался, крича в многоканальный передатчик ближней связи. Отсутствие ответа их не удивляло, а точнее сказать, приводило в отчаяние.

Гусеницы, колеса и нижнюю часть танкера покрывал какой-то белый налет, но сейчас мужчинам было не до того.

Хотя бы в кабине должен гореть свет. Не горел. Окна были не просто темны, они выглядели как-то необычно, но эта странность дошла до сознания, когда «Четверку» отделяло от танкера всего пятнадцать метров.

Даже не освещенные изнутри, окна не должны были выглядеть просто черными дырами. Самый прозрачный материал, как бы хорошо он ни пропускал свет, хоть какую-то часть его отражает.

Но небо, заметно более светлое, чем грунт, не отражалось в окнах «Студня». Они казались черными провалами в не слишком светлом корпусе машины. И как только мужчины поняли, в чем дело, у обоих вырвался крик расставания с последней надеждой.

Окон просто не было. Возможно, не было никого и внутри, но тогда где же они могут быть? И главное, где они могут выжить? Что, кроме воздуха планеты, осталось в кабине танкера? Даже Доминик, у которого средство получить ответ было прямо под руками, с трудом заставил их действовать.

Но наконец его пальцы задвигались, медленно и куда менее уверенно, чем обычно. Он вложил руки в перчатки уолдо, и из люка вывалился жучок. Короткая — может быть, слишком короткая — проверка ног, манипуляторов и освещения — и он движется к громоздящейся над ним туше танкера.

Конечно, он мог вскарабкаться по корпусу. На внешней оболочке всего транспорта имелись скобы, и на «ногах» жучка были захваты, и машины проектировали и выращивали, предусматривая не только обычные, но и спасательные операции. Автомат довольно неловко взобрался по ло-

бовому щиту «Студня» и наконец достиг отверстия, которое когда-то было перекрыто прозрачным барьером, удерживавшим внутри воду-наполнитель и защищавшим кабину от среды, превосходящей едкостью земную среду, что нечасто встречается в изученных пределах Вселенной. Ник управлял маленьким автоматом, наблюдая за ним из кабины вездехода. Даже Эрни не спрашивал, почему он до сих пор не активировал собственную оптику жучка.

Да, окна отсутствуют. Да, жучка нетрудно провести внутрь. Да, больше нечем оправдать отказ от использования его собственных «глаз». Не взглянув на напарника, Ник подключил зрение жучка и свой экран.

Не сразу удалось разглядеть внутренность кабины. Ничего похожего на человека, но, возможно, дело было в том, что поле зрения ограничивалось метром от камеры. Дальше все перекрывала путаница изогнутых стеблей толщиной от среднего пальца человека до тонкой бечевки. Окраска их изменялась в обычном для Полупечки диапазоне — от очень темного свекольного и коричневого до тусклого черного.

И все это было очень хрупким — таким хрупким не бывает ничто живое. Когда Ник решил продвинуть жучка дальше, тот, повинуясь уолдо-управлению, попытался использовать для опоры один из самых толстых стеблей. Растение рассыпалось в пыль, и автомат, перевернувшись, свалился на дно кабины. Падая, он пробил в плетенке что-то вроде лифтовой шахты, и Нику пришлось включить процедуру очистки, чтобы осадить черную пыль, зависшую в густой атмосфере.

Оба водителя теперь не сводили глаз с экрана, но делу это не помогало. Жучок завяз в чаще и медленно полз по полу, пробивая словно прогоревшие насквозь побеги и стебли. Собственно, они были хрупкими, но довольно прочными. Чтобы сломать толстые ветви, требовался напор всей массы автомата. Но, уж сломавшись, они разлетались в прах.

Кабина танкера была заметно просторнее, чем у «Четверки», — больше пяти метров в ширину и восемь в длину, — так что на полный осмотр пола ушло некоторое время. Жучок теперь продвигался под низким, в двадцати сантиметрах от пола, потолком из причудливо переплетенных ветвей, среди поддерживавших его колонн из уцелевших стеб-

лей. Он оставлял за собой след в толстом слое пыли вперемешку с крошечными обломками.

Ни следа человека, живого или мертвого, на полу не обнаружилось, и ясно было, что при местной силе тяжести эта путаница ветвей не могла бы выдержать вес человеческих тел, после того как исчезла вода, поддерживавшая их на плаву. Эрни наконец произнес это вслух, обращаясь к передатчику, стараясь говорить бесстрастно, насколько то было в его силах, и перечислил наблюдения, приведшие к такому выводу. Бен подтвердил прием и открыл канал связи для всего Гнезда.

— Нам не нужны советы, надо продолжать осмотр! — возразил Ник. — Так или иначе, мы сумеем выяснить, что произошло. Прежде всего, что случилось с окнами?

— Думаю, они первыми не выдержали бы, если бы на дневной стороне отказало охлаждение и вода внезапно вскипела, — неохотно напомнил Облако. — Или кто-то из специалистов считает иначе? Если так, прошу высказываться. В любом случае вы лучше приведите танкер для подробного обследования и постарайтесь по возможности больше ничего в кабине не ломать. По вашему описанию, растения очень хрупки, то есть отличаются от известных нам, и желательно, чтобы вы доставили нам для анализа не только поролон. Не подумайте, что мы забываем о девочках, но, если мы хотим узнать, что случилось, нужна информация. Вы сами понимаете.

— Понимаем, — резко ответил младший из водителей. — Но кое-что мы хотим осмотреть сами.

— Что именно? Они могли выжить только в этом отсеке. Остальную часть машины занимает цистерна для парафина, который на последнем участке пути представлял собой расплав, а на обратном пути там остался местный воздух — если бы после изъятия груза его откачали, цистерна должна была заметно сплющиться. И вы, и Сен это заметили бы. Что вы надеетесь найти? У вас же нет оборудования для микроскопического или серьезного химического анализа.

— Мы могли бы найти течь, если она достаточно велика, чтобы... чтобы все случилось так быстро, что они не успели передать сигнал тревоги.

— Думаю, даже малая течь могла повредить установку связи, прежде чем они бы поняли, что происходит. Ну ладно,

под мою ответственность попробуйте отыскать течь между кабиной и цистерной, но постарайтесь сохранить *хоть немного* этого добра для наших аналитиков.

— Постараемся. А как мы поведем «Студень», если кабина непригодна для обитания? Мы не сможем снова заполнить ее водой, потому что нечем закупорить окна.

— Об этом мы подумаем. А вы пока ищите.

Мужчины повиновались: Эрни довольно мрачно, Ник скорее задумчиво. Пол и задняя часть кабины до дальней трети боковых стен разделяли жилое помещение с отсеком для груза, так что осмотреть предстояло большую площадь, и не очень ясно было, как это сделать, не нарушив контакта растений со стенами. Останки человека достаточно велики, но искать в стенах отверстия величиной с булавочный прокол или щель толщиной с ноготь совсем иное дело. Ник две-три минуты размышлял, ничего не предпринимая. Напарник наблюдал за ним с возрастающим нетерпением.

— Знаешь, — наконец медленно проговорил Юкка, — если бы течь действительно была между кабиной и цистерной, с чего бы окнам вылетать наружу? Пар вполне мог бы втянуться туда, в цистерне хватало места, даже если она была почти заполнена парафином. Там же оставалось несколько кубометров местного воздуха — допуск на расширение парафина при нагревании.

— Все равно я хочу проверить.

— Понимаю. Мне тоже не по вкусу отступать. Но подумай сам: если есть еще шанс, что девочки живы, то уж точно не в машине. Аборигены могли бы...

— Могли бы. Но откуда им знать — как? Разве мы сумели бы сохранить жизнь одному из них, даже у самого Гнезда, если мы понятия не имеем, что им требуется, не считая температурных условий? И если они живы, почему с нами не связались?

Доминик махнул рукой в сторону танкера:

— Каким образом? Ты полагаешь, коммутатор еще в рабочем состоянии?

— А вот это вы должны выяснить, и побыстрее, — вмешался в их беседу голос Бена. — Конструкторы считают, что это вполне возможно. Если хоть что-то работает, вы можете использовать жучка, который уже в кабине. Проверьте, нельзя ли настроить ее на прямую связь с вами,

или, может быть, управление уцелело — и жучок сможет вести машину. В первом случае можно вести «Студень», нацелив его на луч вашего передатчика. Во втором получится гораздо сложней, но один из вас сможет действовать с помощью манипуляторов жучка, пока другой будет вести «Четверку». Получится страшно медленно, потому что вам придется останавливаться на отдых, вместо того чтобы сменяться, но все-таки осуществимо.

— Но... — начал Эрни.

Облако заговорил мягче и намного настойчивей:

— Вы оба понимаете, что если и остается крошечный шанс за то, что они еще живы, то только на солнечной стороне. Мы не знаем, насколько разумны эти аборигены, но не забывайте — это *они* связались с нами, перехватив передачи со спутников и вездеходов. Давайте приведем машину к дому и вытянем из нее все, что она может дать. Даже если время решает все, а я не могу поручиться, что это не так, ничего лучшего не придумаешь. А пока мы можем попробовать расспросить аборигенов, хотя для этого понадобится еще много уроков языка.

— Откуда такая уверенность, что ничего лучшего не придумаешь? — все так же резко спросил Эрни.

— Уверенности, конечно, нет, — все так же мягко откликнулся Бен. — Но мне *кажется*, лучше будет, если искать причины случившегося станут все наши умники.

Ник задумчиво кивнул. Бен этого не видел, зато видел Эрни.

— Думаю, в этом есть смысл.

— Есть смысл сделать еще одно, — сумрачно добавил Эрни.

— Что?

— Насколько поняла Триша, аборигены остались довольны разнообразием доставленных водородных соединений. Я хотел бы знать, сколько именно разновидностей они получили.

— Я уже говорил, что в танкере была смесь углеводородов, и местные вполне могли назвать их водородными соединениями, — быстро отозвался Ник.

Затем последовала целая минута молчания.

— Хорошо. Попытаемся довести танкер. Но я хочу получить ответ на один вопрос, если Триша сумеет разобрать его среди местных помех.

— На какой? — спросил Бен.

— Знают ли аборигены, что такое вода, или, по крайней мере, есть ли у них для нее известное нам обозначение, пусть даже они называют ее окисью водорода, и... за нее они нас не благодарили?

Снова потянулась долгая пауза, пока смысл этого вопроса беззвучно отдавался в человеческих головах. Никто не напомнил, что это два вопроса, а не один: такое напоминание казалось сейчас неуместным.

— Она попробует выяснить, — ответил наконец Бен самым обыденным тоном, на какой был способен.

— Хорошо. Мы займемся управлением «Студня». — Доминик тоже старался говорить спокойно.

Управление, похоже, действительно работало. Это было не столь удивительно, как могло показаться: все подобное оборудование обладало большим запасом прочности и его встраивали — вращивали — в структуру самой машины. Крупные движущие части были подвержены механическим повреждениям, но вся аппаратура, в которой основным действующим компонентом являлась электроника, имела приличные шансы уцелеть в среде Полупечки, пока алмаз и кремний не вступали в прямую реакцию с фтором.

Правда, настроить систему танкера на движение к источнику излучения, хотя бы неподвижного, не удалось. Самым близким к автопилоту прибором на Полупечке являлся автоматический выключатель питания. Здесь отсутствовали ровные трассы с направляющими маяками или рельсами. Хотя на планетах обычного типа давно изобрели устройства, способные обходить препятствия, и их нетрудно было встроить в транспортные средства, выращенные на Полупечке, но ведь эти машины предназначались для исследователей. Им полагалось обходить не всякое препятствие. Заранее подразумевалось, что вести их будут разумные любознательные люди, обладающие нормальным чувством самосохранения, но в то же время способные на риск, когда дело того стоит.

Значит, оставалось только попытаться управлять «Студнем», используя сервоавтомат. Это оказалось возможно, но далеко не просто, и даже Эрни согласился, что два-три часа практики на открытой местности не помешают. Когда оба приобрели некоторую уверенность, Доминик направил «Чет-

верку» в ущелье, которое вывело их в цирк, а его младший товарищ, поглядывая в заднее окно кабины, сосредоточенно пытался удерживать более тяжелую машину на заданном расстоянии от вездехода.

Он чувствовал себя совершенно уверенно и даже почти расслабился к тому времени, когда проход впереди стал у́же.

Обменявшись короткими: «пройдем» — с одной стороны чуть вопросительным, с другой — слегка неуверенным, — они вошли в проход, остро ощущая, что масса даже порожнего танкера может обрушить на них стены куда вероятнее, чем их легкий вездеход. Конечно, «Студень» представлял собой и более обширную мишень, но несколько вмятин или даже дыр в его корпусе уже мало что меняли. Вообще-то идея, что валун величиной с дом и с потенциальной энергией, обеспеченной семью g, оставит в корпусе всего лишь вмятину, представлялась излишне оптимистичной. Оба водителя были оптимистами, даже учитывая то, что, вероятнее всего, произошло с их женами, но они рассуждали здраво. Взгляд Эрни слишком часто перебегал с туши «Студня» позади на обрывы впереди и над ними.

Весь их прежний опыт подсказывал, что камни время от времени скатываются вниз. И по всей вероятности, причиной обвалов было их движение, потому что большей частью они срывались в ущелье чуть позади машин.

Но не всегда. Четыре раза до слуха мужчин долетал оглушительный колокольный звон — оглушительный, несмотря на разницу в акустических сопротивлениях местной атмосферы, корпусов машин и воды, заполняющей кабину. Корпуса, конечно, не были металлическими, но в достаточной степени соответствовали металлу по упругости, чтобы звенеть от удара.

Все четыре раза доставалось «Студню». К счастью, глыбы оказывались размером не с дом, и поэтому «Студень» не настолько пострадал, чтобы потерять способность двигаться. Тем не менее Доминик расслабился только тогда, когда они выбрались из опасной зоны и начали в обратном направлении огибать «проклятую заплату», как они окрестили участок холмов.

Как раз тут их снова вызвал Бен:

— Вам подготовили новый маршрут. Идти в обход не обязательно. Ждите указаний.

«Ждите указаний... Ждите указаний...» Эти слова стали привычными, когда часы их бодрствования слились в дни, а потом и в недели. Из-за перерывов на сон и сложностей с управлением «прицепом» средняя скорость не превышала семидесяти километров в час. Однообразие проходящих недель нарушали сообщения Сенатсу, касавшиеся перемен ветров, погоды и местной биологии. Они больше не видели ни животных, ни планеров, хотя последние вызвали множество споров в Гнезде. О выигранном друзьями призовом фонде речи не заходило: ни один из них о нем не вспомнил, и никто из Гнезда почему-то тоже не стал об этом говорить.

Мужчины были попросту слишком заняты, чтобы часто задумываться о пропавших женщинах, хотя и забыть о них водителям не удавалось. Получив сообщение, что «Свечка» в общем готова и Бен предлагает немедленно загрузить ее и отправить к «городу» аборигенов со свежим экипажем, Ник и Эрни горячо возмутились. Они пытались воззвать к логике: Эрни утверждал, что из переговоров с женами во время первого рейса они с Ником составили лучшее представление о маршруте и его трудностях, чем кто-либо иной. Бен возразил, что их переговоры слушало все Гнездо, а если понадобится, можно повторно прослушать запись. Ник поддержал напарника, указав, что в сообщениях могли быть смысловые оттенки, которые улавливают только те, кто хорошо знал говорящих. Этот довод был нечестным по отношению к неженатому еще Облаку, но никто из водителей сейчас не заботился о честности. В глубине души Бен, как всякий холостяк на его месте, усомнился в весомости последнего аргумента, но опасался навлечь на себя презрение — и не только овдовевших мужчин — за то, что берется судить вне пределов своей компетенции.

Он попытался напомнить о цене времени. Ник ответил напоминанием о цене опыта: они с Эрни единственные, за исключением Марии и Джесси, кто удалялся прежде от Гнезда. На этом Облако сдался, согласившись дождаться их возвращения, но воспользовался их же аргументами, чтобы настоять на включении в экипаж еще двоих водителей, которым следовало набраться опыта.

Эрни с намеком осведомился:

— А «Свечка» может вместить шестерых?

Координатор едва не выдал себя, спросив, каких шестерых, но вовремя опомнился:

— Сможет к вашему возвращению.

Возражать, что места для шестерых скорее всего не понадобится, было явно неразумно и, возможно, все-таки ошибочно. Разумная жизнь, даже если это иной разум, дорого стоит в глазах всех цивилизованных существ. Виды, пережившие периоды войн и достигшие стадии межзвездных путешествий, практически всегда оказываются цивилизованными.

Бен сдержал слово. К возвращению Ника и Эрни в Гнездо второй танкер был готов, загружен и перестроен так, чтобы, если понадобится, удобно разместить в нем женщин. Возник новый спор, в котором водители настаивали, или пытались настоять, на немедленном выходе в рейс на горячую сторону, хотя невооруженным взглядом было видно, как они вымотаны. Этот спор выиграл Бен, которому пришлось пообещать, что «Свечка» без них не отправится, так что прошел еще почти год по счету Полупечки, пока врачи сочли этих двоих годными к работе.

Кабину «Студня», само собой, обследовали без промедления, хотя работу пришлось перепоручить жучкам. Чтобы впустить в машину живых исследователей, ее пришлось бы ввести в шлюз и залить водой, а значит, уничтожить все свидетельства, какие в ней могли оказаться.

Быстро выяснилось, что можно отламывать маленькие кусочки, не уничтожая всю ветвь. В пыль обращались только два-три см диаметра по обе стороны разлома. Таким образом, обрезав с двух сторон достаточно длинный кусок стебля, удавалось получить целый, неповрежденный по-видимому, образец. Поскольку цистерна оказалась тоже полна этим добром, недостатка в образцах не ощущалось. После нескольких неудачных попыток подхватить вырезанные ветви до их падения на пол материал был доставлен в «лаборатории под открытым небом», и осчастливленные биологи и химики задали работу своим жучкам.

Ткани образцов по составу не слишком отличались от уже исследованной местной растительности. Правда, они были жесткими, а не гибкими, и кто-то наконец догадался, что растения, происходившие с горячей стороны планеты, попросту замерзли. Их попробовали отогреть до температу-

ры, которую предсказывали данные спутников и радиационная теория для той широты горячего полушария, на которой располагался «город». Задолго до того, как эта температура была достигнута, экспериментальные образцы ветвей стали гибкими, как веревки. Кое-кто из ученых стал задумываться про себя, не с останками ли разумных аборигенов они работают, но эта гипотеза ни разу не высказывалась вслух до отправления «Свечки». У Бена эта мысль возникала, но он предпочел промолчать, чтобы Эрни опять не разволновался.

Разговоры пошли в открытую, когда у отогретых ветвей, или корней, или лоз, или что бы то ни было появились тонкие побеги. Оказалось, что растения сохранили жизнеспособность.

Об этом почти сразу доложили Бену Облако, которому теперь пришлось решать, передавать ли эти сведения, и в каком объеме, довольно далекой уже экспедиции. С одной стороны, такая информация представлялась чрезвычайно важной для тех, кто, вероятно, вступит в прямой контакт с аборигенами. С другой — Ник и Эрни, вероятно, испытают неловкость, узнав, что, обследуя кабину «Студня», они, возможно, расчленили одного из представителей народа, с которым намеревались встретиться.

Или, учитывая судьбу их жен, не испытают.

Вторую пару водителей составляли супруги: Пэм Кнехт и Ахмет Джинн Папоротник. Папоротники могли завести дискуссию, чтобы отвлечь мужчин от мрачных мыслей. Бен надеялся, что происхождение супружеской четы из мираколонии с гравитацией полтора g, сформировавшего низкорослое, коренастое и чрезвычайно крепкое население, не сыграет существенной роли, но его заботил запас терпения у Эрни.

Бен все еще пребывал в перешительности — до возможной встречи экипажа с населением дневной стороны времени оставалось в избытке, — когда открылось новое обстоятельство.

Один из множества коротких обломков, валявшихся на полу «Студня», попал в число отогретых образцов. Он отказался оживать: не приобрел гибкости и не выпустил отростков. Выдержав его несколько дней сперва с другими образцами, потом отдельно, его отобрали для более подроб-

ного изучения. Уже известно было, что жизнь на Полупечке состоит в основном из углерода, с небольшими включениями азота, кислорода и таких металлов, как железо и титан. Сложность строения живых систем обеспечивалась не водородными связями между белками и углеводородами и внутри их, а фуллеренами и нанотрубками различной величины и формы, связанными семи-, пяти- и восьмичленными циклами, случайным образом расположенными в матрице из шестичленных циклов. «Протоплазма» на молекулярном уровне была значительно грубее, чем все известное до сих пор химикам-людям, и ее особенности внесли существенный вклад в рост кривой «докторских в час», которой похвалялся Бен.

Выделенный фрагмент был совсем иным. В нем обнаружилось некоторое количество углерода и немного железа, но в основном натрий, кальций и столько фосфора, сколько ни разу еще не встречалось в тканях местных организмов, а углеродные связи были большей части тетраэдрическими. Причина обнаружилась не сразу и только тогда, когда один из химиков, оторвавшись от дифракционного спектрометра и смутного узора, который он передавал на монитор, взглянул на образец невооруженным глазом.

Тогда он вызвал медика, которому хватило одного взгляда.

Сучок оказался обугленным остатком человеческого мизинца. Это открытие поставило перед Беном еще более трудную задачу, хотя и другого рода. И заставило его решать ее не откладывая. Так он и сделал, передав далекой «Энни» самый сдержанный и краткий доклад.

— Только палец? — немедленно спросила маленькая Пэм, не дав опомниться теперь уже несомненно овдовевшим мужчинам.

В вопросе было неподдельное и оправданное любопытство, но кроме того — попытка смягчить удар, который нанесло им это известие. В сущности, это было ни к чему: Ник и даже Эрни за прошедшие недели почти смирились с неизбежностью этого факта.

— Вы говорили, что обшарили весь пол сантиметр за сантиметром. Почему вы не нашли ничего больше — и ничего более узнаваемого? Конечно, может быть, это и к лучшему, что вы не нашли, но я все-таки не понимаю — почему?

Доминик мог бы ответить сразу, но и Эрни уже нашел объяснение:

— Он маленький, и они его не заметили.

Больше можно было не объяснять. Даже «они» не требовало определения. То же относилось и к Бену Облаку, и к остальным пятидесяти сотрудникам Гнезда, находящимся на общей связи. Все они услышали, как Доминик на удивление ровным тоном продолжал:

— Бен, Триша получила ответы на те вопросы, которые мы тогда задавали: насчет аборигенов и *воды*?

— Насколько я знаю, нет. — Облако с трудом обрел голос. Он предполагал, что на Полупечке не обойдется без потерь, но половина земного года спокойной работы притупила его готовность. — Я постараюсь узнать. Держитесь. И нам очень жаль. Не знаю, что тут сказать, чтобы не звучало как в «Поллианне»[1], но вы знаете, что мы чувствуем.

— Мы знаем.

— Думаю, — продолжал Бен еще мягче, — вы знаете и почему я послал с вами вторую пару водителей.

Это не было вопросом. Бен, тонкий и хрупкий уроженец колонии с половинной силой тяжести, редко вспоминал о пользе мускульной силы, но он был реалистом.

— Угу. Спасибо. Не беспокойся. Эрни, твоя смена. Нам еще предстоит кое-что узнать на горячем севере.

Солнце должно было показаться через пару тысяч километров или около того. Температура повысилась, хотя основные потоки ветров над поверхностью несли холод с темной стороны; турбулентные потоки перемешивали поверхностный слой с верхними слоями, которые нагревало не только солнце, но и сжатие при потере высоты. Доминик время от времени способствовал росту благополучия Эрни, упрямо пытаясь предсказывать погоду, но даже при его оптимизме версии прогнозов становились слишком многочисленными. Зато появился и новый мотив для предсказаний: им удалось установить еще один из спусковых механизмов оползней. Внезапный порыв горячего или хо-

---

[1] *«Поллианна»* — книга Элинор Портер о девочке-сироте, умевшей при любых обстоятельствах радоваться жизни и видеть во всем лучшую сторону.

лодного — двести—триста градусов по Кельвину[1] — ветра вызывал растрескивание скал от перепада температур. К счастью, трещины никогда не уходили слишком глубоко, но и тонкие скалывающиеся слои породы могли представлять опасность, тем более если осколки оказывались достаточно мелкими и разлетались в стороны. Они уже не раз попадали в цистерну, и приходилось делать остановки для тщательного осмотра, но пока все обошлось мелкими вмятинами. Единственное попадание в «Энни» вовсе не оставило следа, возможно, потому, что ради лучшей тяги ей нарастили порядочно лишней массы.

Они обнаруживали и огибали лужи неизвестной жидкости, но, по мере того как небо впереди светлело, лужи становились обширнее и попадались чаще. «Энни» избегала их, хотя «Студень» на обратном пути, по-видимому, перебирался вброд. Белая корка на его протекторах и на нижней части корпуса состояла в основном из криолита — натриево-алюминиевой соли плавиковой кислоты, которую аборигены земной Гренландии считают особым видом льда, потому что она плавится на сальном светильнике.

Теперь уже почти не вызывало сомнений, что или, вернее, кто направлял танкер к дому. Доминик успел сравнить судьбу его водителя с судьбой своей жены, но никому не высказывал своих соображений. Прежде всего оставалось неясным *как*. Переплетение растительных побегов могло оказаться системой дистанционного управления: растения этого мира, несомненно, излучали и воспринимали микроволны. Может быть, на борту все-таки не было разумного существа. Это предположение согласовывалось с фактом, что аборигены немедленно зарегистрировали запущенные несколько месяцев назад спутники и направили к ним сигнальные лучи. Напотрубки в тканях организмов Полупечки могли служить проводниками ионов металла и антеннами помимо многих, многих иных целей. Все настоятельнее напрашивалось предположение, что источником сигналов были действительно живые существа. И может быть, одна из девочек...

Нет. Не думать об этом. Что бы с ними ни случилось, все произошло очень быстро — этому, по крайней мере, можно поверить — и почти наверняка с обеими сразу.

---

[1] Приблизительно –73—27° С.

И все же, наверное, можно не шарахаться от луж, тем более что экспедиция направлялась на горячий север, так что все, что намерзнет сейчас на машину, очень скоро растает. Ник озвучил это предположение. Пэм немедленно наложила на него вето:

— Откуда нам знать, какой они глубины?

— А зачем нам знать? Мы можем и вплавь. Плотность у нас всего вдвое больше, чем у воды.

— Мы-то проплывем, а сможем ли при этом перетянуть прицеп?

Ник не нашел что возразить, и они по-прежнему держались твердой, хотя порой и шаткой почвы. Двое других мужчин не приняли участия в споре.

Когда они впервые увидели краешек солнца, скуку развеяло новое приключение. Они прокладывали путь сквозь заросли, похожие на рощу цереусов, какие уже встречались Нику и Эрни. Иногда растения стояли слишком густо, чтобы прицеп мог проехать между ними, и водителю при всем желании ничего не оставалось, как протискиваться, пригибая к земле, а иногда и полностью обламывая стволы. «Энни» оставляла за собой отчетливый след, но не это беспокоило ее экипаж в первую очередь.

Позже — тогда на это не было времени — Ник порадовался, что в этот раз не выдал прогноза погоды. Без малейшего предупреждения машину встряхнул порыв ветра, гораздо сильнее всех, что они испытывали до сих пор. Трубчатые стебли окружавших их растений сгибались и обламывались.

И вспыхивали, хотя молний не было. Несколько минут «Энни» ломилась напрямик сквозь огонь, уже ничего не пытаясь объезжать. Снаружи не было свободного кислорода, но это ничего не значило: никому не хотелось думать, что́ могут сотворить с парафином неограниченные ресурсы здешней атмосферы. Собственно, свободного фтора здесь тоже почти не было, зато фтористые соединения могли повести себя совершенно непредсказуемо. Пэм пристроилась рядом с мужем, который вел машину. Эрни с замечательным самообладанием направлял луч с докладом об обстановке на все спутники, положение которых позволяло транслировать сообщение Гнезду. Ник выбросил одного из самых универсальных жучков и повел его параллельно цистерне с целью постоянного контроля за возможными про-

течками. Через несколько секунд Пэм, убедившись, что мужу помощь не нужна — он и не пытался маневрировать, — вывела второго жучка и пристроила с другой стороны.

Они оставили позади рощу и огонь, оказавшись более или менее вне опасности, через три или четыре тревожные минуты. Дул сильный встречный ветер: Ник предположил, что пожар создал мощный восходящий поток и на место поднимающегося воздуха со всех сторон устремились воздушные течения. Эрни поленился спорить, тем более что выигрыша не предвиделось, и двое остальных сочли эту теорию приемлемой.

Отъехав от края пожара на несколько сотен метров, «Свечка» и «Энни» остановились, и экипаж с помощью жучков произвел неторопливый и скрупулезный осмотр корпусов. За свой тягач не слишком беспокоились: о серьезном повреждении они узнали бы почти мгновенно. А вот малейшая протечка цистерны — другое дело. Предполагалось, что аборигены сумеют по прибытии сгрузить парафин. Им всеми доступными способами объяснили, что это такое, и они, надо думать, позаботились о том, чтобы не упустить ни капли драгоценного водорода. Да и по поводу первого груза жалоб не поступало.

Но никто еще не пытался установить, как влияет сам парафин на местные организмы. Представлялось вполне вероятным, что для живых организмов Полупечки водородные соединения примерно так же полезны, как сравнимые концентрации фтористых — для земных. К тому же молекулярный вес многих соединений был достаточно высок, чтобы они могли исчезнуть в местной атмосфере, — конечно, ветер быстро перемешает их с воздухом и унесет, но сами по себе они никуда не денутся.

Напомнив обо всем этом Бену, путешественники запросили совета. Что, если они все-таки найдут течь, даже самую крохотную: возвращаться ли им, хотя бы до той широты горячего севера, где парафин снова застынет?

— Я поспрашиваю народ, — только и смог ответить координатор после короткого раздумья. — Вы пока продолжайте осмотр и сообщайте, как дела. А мы будем исходить из худшего.

— Худшее — это что, на ваш взгляд? — поинтересовался Эрни.

— Если течь окажется настолько велика, что не останется надежды доставить груз к месту назначения. В этом случае решать будет легко, но надеюсь, дело обстоит иначе.

Команда разделяла его надежды, но их следовало подкрепить.

Под цистерной и рядом с нею виднелись пятна жидкости, но такие же были и возле тягача, и в нескольких метрах в стороне. Оснований подозревать в них углеводород не было, потому что лужицы не спешили испаряться или вступать в реакцию с очень горячим уже воздухом, однако несколько минут за ними внимательно наблюдали, особенно за теми, что стояли под цистерной. Потом Ник предложил отвести машины на сотню метров дальше, на сухой участок, и подождать еще несколько минут.

Капели не было. Новых луж не собиралось. Кажется, ничего не текло. Об этом доложили Облаку. У него, или у кого-то еще, хватило времени подумать, и последовал ответ:

— Осмотрите цистерну всюду, куда можно забраться, на предмет мельчайших трещин, даже если из них не течет. Помните о трещинке в «Студне».

— Что такое со «Студнем»? — спросили два голоса разом.

— Разве я не говорил? Да, помнится, тогда возникли новые вопросы, и не на все еще нашлись ответы. Но мы, кажется, уже поняли, что случилось. Охладитель, который не должен был позволить парафину выкипеть, когда вокруг станет по-настоящему жарко, работал на совесть, а вот когда жидкость выкачали — аборигены, надо думать, — цистерна, естественно, наполнилась местным воздухом. Какой-то его компонент — возможно, серный ангидрид — застыл изморозью на катушке и изолировал ее, так что воздух с обычной для тех мест температурой — градусов восемьсот—девятьсот по Кельвину, в зависимости от погоды, — проник внутрь и вошел в соприкосновение с задним стеклом кабины. Оно оказалось слишком толстым.

— Слишком толстым? — снова прозвучало два голоса.

— Слишком толстым. Тонкий стакан, если его окатить горячей водой, выдерживает, а толстый лопается. Мы делаем корпуса машин как можно прочнее и стараемся подобрать материалы самой малой теплопроводности. Под давлением атмосферного воздуха стекло самую малость про-

гнулось внутрь, но тут добавилось тепловое напряжение и образовалась изогнутая трещина, как арка над полом, очертившая участок примерно в десять квадратных сантиметров. Его сразу вдавило внутрь кабины, и получилась щель, может, всего один-два сантиметра шириной. Вода, или хотя бы часть ее, почти сразу вскипела, окна вылетели, и давление пара захлопнуло и прижало клапан так плотно, что трещину было очень трудно заметить.

— И вы до сих пор нам не рассказывали? Почему? — спросила Пэм.

— Ну, вам подобное не грозит. Ваш жилой отсек вообще не сообщается с цистерной. Очко в пользу идеи прицепа.

— И несколько очков вам в минус за то, что оставили нас в потемках!

— Мы проверим цистерну на наличие трещин, — произнес Доминик самым ровным голосом.

И все снова занялись жучками.

Огонь совсем затух. И ветер с горячего севера затих вместе с ним. Доминик, иногда отрываясь от работы, видел, что столбы дыма поднимаются прямо вверх на высоту около километра, насколько он мог судить, а там верхушку срывает ветром и уносит на горячий юг. На этой высоте дым уже подсвечивался солнцем и светился на фоне необычно темного безоблачного неба. Ника подмывало еще разок попытать счастья с прогнозом, но осмотр корпуса «Свечки» не позволял отвлекаться, и он твердо заставил себя вернуться к работе. Трещина действительно может оказаться почти невидимой.

Почти или совсем. Они не нашли ни одной, но полной уверенности не было. Отсутствие доказательств не...

Они ехали дальше, к зною и свету, говорили еще меньше прежнего и постоянно держали с обеих сторон двух жучков для наблюдения за цистерной. Сенатсу, руководитель маршрута, за эти несколько часов произнесла больше слов, чем все четверо, вместе взятые.

Конечно, никто не паниковал, но у каждого хватало разумных оснований для тревоги. Эрни с Ником теперь выглядели спокойнее, чем Папоротники. По крайней мере на первый взгляд.

— Ровный участок приблизительно на тридцать километров.

Девяносто минут молчания.

— Кажется, компрессионная складчатость поперек курса в десяти километрах перед вами. Два возможных прохода. Более широкий в четырех километрах направо. Поверните на двадцать два градуса вправо от тридцати семи.

Магнитное поле планеты было слишком неравномерным, чтобы надежно по нему ориентироваться, но показавшееся солнце позволяло легко определить горячий север — и держать курс прямо на него, что сильно мешало водителю. Новый курс принес некоторое облегчение.

Стены более широкого прохода оказались достаточно высокими, чтобы обеспечить тень почти на сто километров пути. За это время диск звезды практически не сместился вверх. Долина возникла не вчера: изъеденные эрозией стены по обе стороны сильно обрушились. Будь она чуть поуже, путникам нелегко было бы пролагать путь среди завалов.

— В восемнадцати километрах перед вами озеро. Огибайте вплотную по левому берегу.

Добравшись до озера, они убедились, что левый берег почти сплошь загроможден глыбами, но правый был еще хуже. Водители доверились Сенатсу. Она и сама чувствовала себя все увереннее, потому что доклады с тягача помогали ей интерпретировать показания спутниковых радаров.

Она не приняла в расчет «кактусы», густо растущие по левому берегу, однако эти заросли их почти не задержали. Ни Эрни, ни Доминик не забыли оставшегося позади пожарища, однако на этот раз обошлось без внезапных шквалов огня. Хотя молний, как всегда, хватало.

— Все может быть, — заметил Доминик. — Правая стена довольно высокая, и дующий из-за нее ветер должен резко падать вниз и нагреваться при адиабатическом сжатии...

— Сколько ставишь?

Пари предложил Ахмет, но Ник уклонился от ставки. Эрни не знал, учится ли его друг на своих ошибках или просто не хочет допускать чужого в их дружескую забаву. Он ничего не сказал: был занят управлением. Пари не пари, обошлось без пожара, и впереди уже показался горячесеверный край озера.

Направление вправо вдоль берега.

Эрни готов был выполнить приказ, когда осознал, что голос принадлежит не Сенатсу. В этом не было ничего особенного: хотя йошихаши, как всякие, кому приходится постоянно преодолевать сопротивление воды, обладали отличной мускулатурой, им тоже временами требовался сон.

— Кто на связи? — спросил Эрни, уже поняв, что с ним говорит не человек.

Ответ оказался неожиданным.

— Что? — спросила Сенатсу, голос который можно было узнать даже сквозь треск биопомех, ставший настолько постоянным, что нервная система почти полностью отсеивала его.

— Кто сейчас приказал мне повернуть направо?

— Никто. Ты хорошо идешь.

— Ты не посылала сообщения? И ничего не слышала?

— Ничего. Повтори его, пожалуйста.

Ледяная Стена выполнил просьбу.

— Оно пришло не от нас и не с передаточной станции спутника. Это голос аборигена.

Направление вправо. Ты не поворачивать вправо.

Пэм опомнилась первой и мгновенно метнулась к передатчику:

— Почему мы должны поворачивать вправо?

Символ «мы» неясен. Поворачивать вправо — безопасность и информация.

Эрни уже включил аварийную остановку:

— Сен, ты слышала?

— Я слышу только помехи, ничего необычного, никакого упорядоченного сигнала.

Папоротник оглянулась на мужа, тот кивнул. Улыбки, естественно, не было видно. Пэм кивнула в ответ:

— Сен, вот что мы слышали. — Она повторила сообщение. — Теперь, пожалуйста, повтори это нам. Настолько отчетливо, как позволяет твой голос, и каждое слово отдельно.

Сенатсу послушно повторила. Она ничего не понимала, но догадывалась, что спорить и расспрашивать сейчас не время.

Сообщение немедленно было повторено новым голосом, и Сенатсу воскликнула:

— Теперь я слышала! Прошло по связи!

— Я так и думала. Они явно не глупы и быстро соображают. Давай, Эрни, заводи и выполняй команду, но держи ушки на макушке.

— А чего остерегаться?

— Откуда я знаю? Чего угодно. Чего всегда.

Ледяная Стена молча развернул машину. Начался не предсказанный Юккой дождь, а Пэм придумала новый вопрос, который стоило задать проводнику:

— Насколько далеко?

Двадцать два и одна десятая километра.

— Сен, если ты слышала, постарайся рассмотреть, что там на этом расстоянии?

— Извините. Я слышала, но радар пока не пробивает.

— А на обычных частотах?

— Точно. С воображением у меня плоховато, но сделаю что смогу. Ждите.

Дождь, из чего бы он ни состоял, полил сильней, и Эрни резко затормозил. Голос немедленно отозвался:

Почему остановка. — Вопросительная интонация отсутствовала.

Пэм ответила медленно, тщательно подбирая и выговаривая слова:

— Нет остановки. Замедление. Дождь. Трудности измерения.

Дождь. Трудности измерения, — повторил собеседник и с задержкой продолжил: — *Нет дождя. Восемь километров. Нет замедления.*

— Восемь километров, — повторила женщина. — Сен, ты слышала? Видишь, что в восьми километрах впереди?

Теперь у них было множество слушателей. Почти все они догадались, зачем Пэм с нажимом повторила название меры длины. Интересно, какое обозначение использует неизвестный проводник, когда в следующий раз назовет расстояние?

В кабине тягача прозвучал голос Триши Верткое Перо:

— Еще немного, и компьютер сможет обойтись без моей помощи! Вилли, тебе не пригодится помощь математика?

Никто из экипажа не обратил на нее внимания. Все жадно смотрели вперед, дожидаясь обещанного разрыва в тучах. Даже Ник не подумал оспаривать мнение местного

жителя. Позже все они отметили весьма интересную подробность: их проводник учел не только скорость машины. Дождевые облака двигались гораздо быстрее тягача, но дождь действительно прекратился через восемь километров. Доминик безмолвно склонился перед знатоком и в который раз поклялся в душе, что Эрни больше не получит от него ни монетки. Предсказание погоды здесь, очевидно, было возможно, но не в силах человеческих.

А может, он еще установит персональный канал связи с местными и отыграет часть денег...

Его, как и остальных, не слишком удивил, хотя и очень обрадовал внезапный прогресс в общении. Уже известно было, что аборигены существуют, что они разумны и что поток информации исходит от них и растет в геометрической прогрессии. Возможно, скоро удастся получить ответ на вопрос Эрни о воде...

— Смотрите вверх! — воскликнул вдруг Ахмет.

Все, кроме Эрни, не желавшего останавливать машину, подняли головы.

Облаков здесь почти не было, но над ними и вокруг них порхали и вертелись черные летающие объекты. Один, гораздо больше прочих, нырял, метался и раскачивался едва ли меньше других, но отличался величиной и правильной формой.

Члены экипажа тягача представляли три разные планеты-колонии, но одуванчики, оказавшиеся такими же вездесущими, как натрий и человек, были знакомы всем. Объект напоминал увеличенную во много раз пушинку одуванчика. Двухметровый стебель с венчиком колеблющихся на ветру пушинок почти такого же диаметра и с шишкой размером с грейпфрут на нижнем конце. Чтобы летать по ветру при такой силе тяжести, нужно быть очень легким.

Объект двигался почти, но не совсем так же беспорядочно, как все, что кружилось по ветру рядом с ним. Его парашютик постоянно менял форму и величину. Наблюдатели быстро сообразили, что это позволяет изменять долю воздействия, которую оказывали на полет ветер и гравитация. Парашют то резко взмывал вверх, то поднимался медленно или двигался по горизонтали, отклоняясь в разные стороны, но в целом держал тот же курс, по которому Эрни вел тягач. Когда дождь прекратился, водитель увеличил

скорость, но теперь опять притормозил, чтобы не оторваться от объекта.

Идти. Двигаться. Нет замедления.

— Мы хотим наблюдать, — передала Пэм.

— Что? — переспросила Триша на своем далеком посту.

Пэм кивнула мужу, который вкратце описал, что происходит.

Ответ был лаконичным, но внятным:

Наблюдать лучше вперед. Нет замедления. Идти.

— Поверим на слово. Двигайся, Эрни. Он нас к чему-то ведет, и явно не к этой штуке.

Ледяная Стена дернул плечом, воздержавшись от комментариев насчет «чего-то» в этой части мира, и «Свечка» быстро оставила летающий объект позади. До цели, по-видимому, оставалось еще четырнадцать километров едва ли ровной дороги.

Но это не самое страшное, поскольку цель оставалась неподвижной.

Если она вообще была... Путаница ветвей, похожая на ту, что заполняла кабину «Студня», протянулась вдоль озера, отделенная от края берега метровой насыпью, какую можно соорудить бульдозером или лопатами. Насыпь — или дамба? — тянулась по прямой метров на тридцать пять, и оба ее конца загибались от озера, окружая извивающуюся поросль ветвей незамкнутой стеной.

Влево. Медленно — более влево — медленно-медленно.

— Замедление. Поворот. — Пэм явно обращалась к проводнику. — Я думаю, Эрни, оно направляет нас поближе к рощице, — добавила она.

— И мне так кажется. — Ледяная Стена медленно отклонился вправо, так что огромная цистерна оказалась не дальше метра от края зарослей, а потом еще более плавно отвернул влево, так чтобы двигаться параллельно ему.

Стоп.

— Хватит, я думаю, — присоединился к проводнику Ник.

Хватит.

Проводник не стал повторять последние два слова. Кажется, его интеллект дополняла память не хуже компьютерной.

— Теперь нам ждать? — спросил Эрни, которого больше не отвлекало управление.

Ждать. Наблюдать.

— Того одуванчика нигде не видно? — спросил Ахмет. — В прошлый раз, помнится, «наблюдать» относилось к нему. Я бы сказал, что он должен был отстать на десять-двенадцать километров, если ветер не совсем уж попутный.

Наблюдать.

Никто не успел спросить — что? Откуда-то из середины зарослей выстрелило точное подобие прежней «пушинки». Ветер подхватил ее, и она стала так же маневрировать. За ней появилось еще несколько. Четыре пары глаз не отрывались от них, хотя некоторые смотрели сквозь видоискатель камеры. Ахмет передавал в Гнездо словесное описание: биопомехи нарушали передачу изображений даже через спутник. Бен и остальные постоянно переспрашивали, вынуждая Папоротника повторять одно и то же с небольшими дополнениями. Его жена одобрительно кивала: словарь аборигенов должен был пополниться.

Они так и не узнали, была ли то намеренная попытка отвлечь их появлением одуванчиков. Папоротники не допускали мысли, что аборигены могли так хорошо разобраться в человеческой психологии, особенно после того, как выяснилось, что представляет собой их разум. Ник и особенно Эрни не были так уверены. Так или иначе, преднамеренно или случайно, но они отвлеклись и не заметили, как побеги из зарослей протянулись к тягачу и цистерне, опутали корпуса машин, проникли между колесами и гусеницами, к аварийному управлению, предназначенному для жучков и спасателей...

Пока они спохватились, обе машины оказались внутри просторных коконов, в плетенке из ветвей, местами доходящей в толщину до трех сантиметров. Еще один вопрос, обсуждавшийся позже: случайно или намеренно окно «Эрни» до последнего оставалось открытым? Аборигены в конце концов могли уяснить назначение окон, экспериментируя со «Студнем».

Заметив, что происходит, Эрни вскрикнул от удивления и, мгновенно запустив двигатель, пошел на прорыв. Восклицание Пэм: «Погоди!» — всего на долю секунды опередило голос проводника:

Стоп. Наблюдение.

Эрни остановился — не столько потому, что считал нужным повиноваться аборигену, сколько потому, что успел

убедиться: непосредственная опасность им не грозила, ветви не могли устоять перед мощью термоядерного двигателя. Многие уже отломились, и теперь наблюдатели не отрываясь смотрели, как они тянутся к основной массе ветвей, явно не слишком заботясь, где именно прирастать заново.

— Наблюдение. Движение позже, — пробы ради сказала Пэм.

Абориген сразу подхватил новое слово:

Наблюдение. Движение позже.

Рука Эрли оторвалась от панели управления, но он больше не смотрел на планирующие семена одуванчика. Как и Ник. Оба гадали, пришлось ли испытать что-нибудь в этом роде их женам, ведь точно неизвестно, когда именно прервалась связь.

«Наверняка дальше к горячему северу», — сообразили оба. Они, естественно, часто переговаривались с женами, и те описывали солнце, почти поднявшееся над горизонтом. Женщины удивлялись, откуда при такой высокой температуре берутся густые и плотные облака. Тогда даже Доминик не рискнул гадать о причине.

— Это налет! Они возятся с аварийным сливным клапаном! — вскрикнул вдруг Ахмет, управляющий жучком и пользующийся его оптикой.

— Они об этом пожалеют, — холодно ответил Эрли. — Держи жучка наготове, закрывать все, что они откроют.

— А они... оно подпустит меня так близко?

— Думаю, *они* не сумеют тебя задержать. Я, если что, сразу покачу вперед.

Пэм, заботясь о проводнике, выговорила всего одно слово:

— Опасно!

Ответа пока не было, возможно, аборигены не сумели выделить ее слово из переговоров мужчин. Выждав несколько секунд, Пэм повторила предупреждение. Ответа извне, из «города» или другого места, откуда велась передача, не последовало.

— Аборигены управляют этими штуками, так же как управляли теми, которые вели «Студень»! — воскликнул Эрли.

Нику пришла в голову еще более безумная идея, но он пока держал ее про себя, прежде всего потому, что она выглядела абсурдной.

Все новые миллиметровой толщины усики тянулись к клапану. На нем не было приборов, которые позволили бы команде определить, какое они прикладывают усилие, но сам кран был снабжен предохранителем, не позволяющим ему откручиваться случайно. Четверо людей, как зачарованные, уставились на экран, следя, как усики разгибают, вынимают и отбрасывают шплинт.

Побеги продолжали играть с клапаном и очень быстро обнаружили, в какую сторону он подается. Температура поднималась, но парафин еще не полностью расплавился. Все же в цистерне у стенок набралось достаточно жидкости, которая тут же выплеснулась в отверстие. Наблюдателям было видно, как капля и еще несколько вслед за ней скатились и почти мгновенно испарились с грунта.

Результат их не удивил. Пэм без труда овладела собой — еще не ясно было, уместно ли в данном случае сочувствие, — и позаботилась окончательно прояснить значение нового слова:

— Опасно! Опасно!

Связать его с происходящим было нетрудно. Пламя появилось не сразу, зато углеводороды выбросили вдоволь черного и серого дыма. Можно было сколько угодно гадать, какие именно соединения образуют водород с фтором, но спустя несколько секунд ветви, охваченные испарениями, застыли, во всяком случае перестали двигаться. И начали менять цвет. До сего дня никто еще не видел на Полупечке ярко-зеленого, желтого и оранжевого. Те ветви, что пожелтели, тут же вспыхнули и превратились в дым, не оставив даже пепла. В экипаже не было химиков, и никто не пытался гадать, какие вещества могли при этом образоваться. Ахмет старался как можно точнее пересказать происходящее тем, кто слушал его в Гнезде, но описание было недостаточно подробно для анализа.

Ни внутри, ни снаружи никто не возразил, когда Эрни рывком сдвинул машину и отвел ее от зарослей. Жучок остался на месте, но двое наблюдателей предпочли приникнуть к окну, откуда открывался более широкий обзор. Ветер разносил и развеивал дым, но вещество оставалось смертоносным: видно было, что поражена уже четверть заросшего участка.

— Водородные соединения. Опасно. — Пэм знала, что первое слово уже содержится в памяти аборигенов, и до-

бавила к нему понятие «соединения», возможно еще неизвестное.

— Ты на мое место метишь? — поинтересовалась из Гнезда Триша без малейшего упрека.

— Просто использую шанс, пока мне видно, что происходит.

Водородные соединения. Опасно. Наблюдаю. — Абориген начал согласовывать формы слов.

— Подозреваю, что они выращивают свою технику так же, как мы. Интересно, сколько времени и материалов стоил им этот опыт, — вставил Эрни.

Остальные опять воздержались от комментариев.

Наблюдение. Остановка. Двигаться.

— Куда? — спросил Эрни.

Ответа не было, пока Пэм не помогла:

— Вправо? Прямо? Влево?

Первое и последнее слова были известны. Среднее можно было вычислить по контексту. Возможно, аборигены его и вычислили, и решили проверить.

Прямо.

Эрни исполнил команду. «Энни» в этот момент была развернута градусов на тридцать к западу от горячего севера, солнце стояло впереди справа. Они продвинулись на полкилометра, когда услышали команду:

Вправо.

Эрни изменил курс градусов на пять и, выровняв машину, получил повторную команду. Так продолжалось, пока ломтик солнца не оказался точно перед ними.

Убедившись, что они на правильном курсе, Пэм спросила:

— Насколько далеко?

Пять тысяч триста двадцать два километра.

Ни в Гнезде, ни в тягаче никто не отозвался. Сенатсу могла не трудиться напоминать, что расстояние и направление соответствовали источнику, откуда пришла последняя передача со «Студня» и постоянно шли передачи от аборигенов. При огромной площади Полупечки трудно было поверить в такое совпадение. Они ехали вперед, но часы тянулись теперь не так нудно.

Особых перемен не было, если не считать, что солнце медленно поднималось. Клочки растительной жизни, когда

плотной, когда похожей на отдельные кактусы, иногда вообще отсутствовали. Заметнее менялась облачность. Непрестанные вспышки молний не так выделялись при солнечном свете, но реже не становились. Давали о себе знать подземные толчки, временами вызывавшие на маршруте перемены, не предвиденные ни Сенатсу, ни местным проводником. Шуршащий встер задувал со всех сторон. В основном он был попутным, но иной раз непредсказуемые шквалы налетали неизвестно откуда и оказывались настолько сильны, что это отражалось на движении машины. Эрни с Ником, как более опытные водители, вслух обсуждали, каково будет возвращаться с полегчавшей цистерной на прицепе. Их не радовало предчувствие, что ее может сдуть с курса. Так возникла идея заполнить ее балластной жидкостью, которая замерзнет при возвращении к Гнезду. Обсудили с Беном и другими членами экипажа, не стоит ли просто бросить прицеп, — в конце концов, потеря была бы не велика.

Решение отложили до того времени, когда проблема станет насущной. Ник мог бы кое-что возразить, но промолчал. А думал он, что не стоит ждать, пока решать вынудит жизнь, которая порой начинает обучение прямо с решающего экзамена.

Курс на горячий север не делался ровнее оттого, что солнце поднялось над горизонтом. Стало очевидным, что проводник, называя расстояние, не учитывал неизбежных отклонений. Триша и Пэм повторяли вопросы о дальности цели, но ответ всегда можно было предсказать простым вычитанием показаний тахометра из предыдущего числа.

Тем очевиднее становилось, что конечным пунктом был именно «город», где, как не сомневались уже даже мужья, погибли женщины.

Одного этого хватило бы, чтобы забыть о скуке; теперь каждый, даже очередной водитель, настороженно ловил всякое изменение обстановки. При всей вероятности, что авария случилась во время разгрузки, оставалось фактом, что произошло нечто непредвиденное. В работе первопроходцев это обычное дело, и потому первопроходцы жадно собирают все данные, помогающие предвидеть будущее.

И стараются, насколько удастся, в них разобраться.

Время тянулось медленно. Четверым людям не грозил недостаток пищи, кислорода и воды или отравление

отходами жизнедеятельности — энергии было с избытком. Тем не менее в разговоре все чаще всплывала тема очередной «просушки» и мечты о купании при одном g. Давали о себе знать мелкие недочеты в системе очистки.

Из докладов со «Студня» было известно, что на последних двух тысячах километров грунт довольно ровный и позволительно развить высокую скорость. Не хуже было известно, что в мире с тектоническими плитами районного масштаба ровное место не долго остается ровным. К счастью, предупреждение не запоздало. Команде «Четверки» ситуация была знакома, только на этот раз стереопрожекторы не могли им помочь. Они были бесполезны в свете поднявшегося впереди солнца. Об опасности предупредили только усилившиеся подземные толчки. Ник, правивший в это время, резко снизил скорость.

— Вышлите вперед жучка! — приказал он, обращаясь ко всем сразу. — По-моему, мы опять приближаемся к эпицентру.

— А может, он позади нас? — усомнилась женщина.

— Может, и позади, а может, в стороне, но меня не устраивает даже двадцатипятипроцентная вероятность свалиться с метрового обрыва. Если грунт впереди поднимается — нестрашно, мы это вовремя заметим, а вот резкое проседание могут пропустить даже четыре пары глаз.

Все четверо смотрели в оба, но сдвиг обнаружил жучок, которым управлял Ахмет, и его предупреждение заставило «Свечку» резко остановиться.

Немедленно последовал вопрос проводника, который, видимо, постоянно следил за ними, хотя ни один из наблюдателей так и не засек его, или ее, или их. За последние недели общение намного обогатилось, потому то абориген(ы) активно участвовал(и) в переговорах между тягачом и Гнездом.

Почему остановились сейчас?

— Опасность. Здесь обрыв. Смотри. — Пэм обратилась к мужу: — Проведи жучка через уступ, пусть посмотрит, что будет.

Ахмет повиновался. Результат получился впечатляющим: падение с полутораметрового обрыва.

В жучке нет водорода.

— Верно. Жучок разбился. В «Свечке» много водорода, а «Свечка» разобьется гораздо сильнее. Вам нужен водород, но не здесь.

Верно.

— Нам нужно пройти обрыв, не разбив «Свечку». На какое расстояние и в какую сторону двигаться?

Обрыв какой высоты не опасен?

— Около пятнадцати сантиметров.

«Около» неясно.

— Не точно. Точно не известно. Это должно быть безопасно.

Влево сорок пять километров, до обрыва десять сантиметров. Вправо двадцать семь. Около.

— Мы повернем вправо — жди.

Прорезался голос Бена:

— В отсеке для жучков у вас есть сейсмозонды. Может, попробуете сгладить уступ? Сэкономите время.

Эрни просиял:

— Попробовать стоит. Нам даже не придется расходовать жучков. Подорвем три-четыре заряда, и станет ясно, получится или нет.

Пэм отрывисто обратилась к проводнику:

— Жди. Наблюдай.

Жду.

На самом деле он не стал ждать. Эрни заметил первый; Ник с Пэм направляли жучков, а Ахмет был занят на связи, дополнял описание обстановки — все, что могло помочь Сенатсу интерпретировать показания радара и других наблюдений на микрочастотах, в Гнезде принимали с распростертыми объятиями. Только Эрни глядел в окно, когда один из черных летающих объектов опять показался на глаза.

Он был крупнее обычного летучего мусора, к которому все уже привыкли. Прежде это не было заметно, потому что, как они только теперь догадались, он держался на необычно большой высоте, на которой его форму было трудно распознать. Теперь он резко пошел вниз, подрагивая на вираже, и завис в десяти метрах над обломками жучка. Стало ясно, что они уже видели его или ему подобных прежде.

Крылья его были удивительно тонкими, а размах их Эрни оценил в добрых десять метров. В здешней бурлящей

атмосфере на них смотреть было страшно. Под крыльями свисало полутораметровое тело в форме огурца, у которого с заднего, надо полагать, конца торчал трехметровый хвост. Этот хвост, видимо, обеспечивал управление летательным аппаратом, заменяя вертикальные и горизонтальные стабилизаторы и руль. Восклицание Эрни привлекло внимание остальных, и жучки остановились, потому что операторы загляделись на летуна.

— Планер! — подивился Ахмет. — При такой гравитации?

— Вспомни об атмосфере, — подсказал Доминик.

— Я думаю о сопротивлении материалов, — последовал сухой ответ.

Пэм задумчиво проговорила:

— Вот, значит, как они за нами следили. Зато теперь мы более или менее представляем их размеры. Интересно, сколько пассажиров он вмещает?

— А может, он на дистанционном управлении, как «Студень», — заметил Ник.

Пэм признала, что об этом она не подумала.

— Ни окон, ни объективов, — вставил Эрни.

— Крылья, кажется, очень сложной конструкции. Могут заодно играть роль микроволновой и/или радарной антенны, — заметил Ахмет, напоминая остальным, что делать выводы преждевременно и что уместно выдвигать альтернативные гипотезы.

— Постарайтесь не закопать жучка: он, кажется, хочет его осмотреть. Нужно сдвинуться метров на пятьдесят-шестьдесят, прежде чем сбивать уступ.

Эрни последовал собственному совету и отвел «Энни» со «Свечкой» вправо. Никто ему не возразил. Жучки, нагруженные сейсмозондами, последовали за машинами.

Зонды были не просто взрывпакетами: их конструировали для многоразового использования, хотя вернуть их удавалось не всегда. С виду они напоминали кувалды и использовали взрывной заряд, но его сила передавалась молоту, который и наносил удар по грунту. Десять зондов разместили с метровым промежутком на расстоянии метра от края обрыва. Метром дальше выстроили второй ряд, а еще через метр — третий. Потом жучки отступили — хоть и дешевы, но и разбрасываться ими не стоило, — и по сигналу с тягача зонды ударили.

Никто не ожидал, что ударную волну удастся распознать в Гнезде, за тысячи километров, полных сейсмических помех, хотя компьютеры настроили на прием. Целью было обрушить край уступа, но в первые секунды никто не заметил, достигнут ли результат. Ударная волна отбросила планер и унесла его прочь, как им показалось, почти к тому месту, где лежал разбитый жучок. Пэм успела заметить падение и крикнула, перекрывая шум, последовавший за взрывом:

— Осторожней со следующим зарядом! Как бы его не закопать!

То, что предстоит еще один, а возможно, и несколько взрывов, было достаточно очевидно. Грань уступа осыпалась, оправдав их ожидания, однако образовавшийся откос был все еще слишком крутым. Но экипаж поразило другое.

«Закопать» по-прежнему неясно.

Пэм мгновенно опомнилась. То ли наблюдение продолжалось и другими средствами, то ли пилот планера выдержал падение при семи g, то ли...

Ник все больше утверждался в своих предположениях, как и Эрни.

— Наблюдай новую скалу. Жди, — быстро ответила аборигену женщина, и даже Эрни понял, что́ она имеет в виду.

Наблюдение. Ожидание.

— Запускайте следующий ряд, мальчики.

Уступ на протяжении двадцати пяти метров растрескался на глубину от десяти до пятнадцати метров от прежней кромки. При повторном взрыве весь этот участок осыпался.

— Новую скалу закопали, — объявила Пэм, даже не потрудившись взглянуть.

«Закопать» ясно.

Третий ряд зондов удвоил глубину провала, почти не расширив его. Четвертый взрыв, заставивший машины опасливо попятиться, образовал многообещающий, хотя все еще жутковатый на вид скат.

Ахмет, выбрав самый тяжелый из имеющихся жучков, провел его вниз, вверх и снова вниз, не вызвав оползней. Доминик, чтобы попрактиковаться, повторил его действия. Никто не возразил, когда он вернулся к управлению «Энни» и бережно провел ее той же дорогой. Каждому пришло

в голову сперва попытать счастья, отцепив прицеп, но вслух никто не высказал этой идеи. Эрни спешил, остальные доверяли мнению Ника.

Внизу, когда «Свечка» благополучно прокатилась по осыпи, тягач встал, и все приникли к левому окну.

Остатки планера были хорошо видны. Его корпус треснул и сплющился, фюзеляж отвалился. Из обломков, вокруг обломков, сквозь обломки уже прорастали стебли, побеги и встви. Эрни, помедлив, подвел машину ближе. Ахмет начал передавать описание в Гнездо. Ему не дали времени для долгого доклада.

Двигаться. Остановка не нужна.

— Вправо? Прямо? Влево? — спросила Пэм.

Прямо.

В этот момент машины смотрели на горячий северо-запад. Эрни, остающийся на управлении, выполнил команду. Он проехал пятьдесят метров, когда услышал:

Вправо.

Он начал разворот, и тут Пэм негромко пробормотала:

— Полный круг.

Он послушался, догадавшись, что у нее на уме, и не остановился, увидев перед собой солнце и услышав голос аборигена:

Стоп. Вправо.

Когда он вернулся к прежнему положению, женщина пояснила:

— Триста шестьдесят градусов.

Ее поняли. Следующее сообщение было:

Сорок градусов вправо.

Исполнив, услышали еще:

Четыре градуса вправо.

Через несколько минут заросли над разбитым планером скрылись из виду.

Теперь они чаще и внимательнее поглядывали на небо. Им удалось засечь по меньшей мере два объекта, которые выделялись на фоне обычного мусора и могли оказаться планерами. Никто не удивлялся, когда короткие «вправо» и «влево» предупреждали их о новых препятствиях, часто — но не всегда — опережая сообщение Сенату. Аборигены, как видно, довольно точно представляли теперь, где может и где не может пройти — или выжить — чело-

вческая техника. Случалось, тягач с прицепом заставляли огибать камешек, не стóящий упоминания, но обо всем, что представляло реальную опасность, их неизменно предупреждали.

— Думаю, им очень хочется, чтобы мы туда добрались, — заметил в какой-то момент Ахмед, в сущности не ожидая ответа.

— Им нужен наш водород! — огрызнулся Эрни. — И они его получат, не беспокойся.

— А ты не думаешь, что они не меньше заботятся о нас? — спросила Пэм.

— А ты как думаешь?

Женщина пожала плечами — ее гидрокостюм подчеркнул это движение. Отвечать она не стала.

— Что ты думаешь *о них*, Эрни? — спросил Ник.

Он вел машину и не оглянулся на напарника.

Ледяная Стена даже плечами не пожал. Лиц, как всегда, было толком не разглядеть, но Пэм беспокойно оглянулась на мужа. Тот в ответ чуть поднял бровь. Целая минута прошла в молчании. Затем...

— Они заботятся о нас не больше и не меньше, чем о какой-нибудь из своих веточек, — безразлично произнес Эрни.

Ник кивнул, и вся его фигура выразила удивление.

— Значит, ты все-таки понял. А я уж забеспокоился, — сказал он.

На этот раз его друг ответил заметным движением плеча. Можно только пожалеть, что оба предпочли на этом оборвать разговор. Снова потянулось время.

Они, если верить проводнику, были почти у цели.

Триста двадцать четыре, — лаконично ответил он на очередной вопрос.

— Дальше будет опасно? — поинтересовалась Пэм. — Двигаться быстро?

Дальше нет опасности. Двигаться быстро.

Очередной водитель — это был Ахмет — начал набирать мощность, но едва успел добавить два десятка километров в час, как Эрни с Ником одновременно тронули его за плечо. Первый посоветовал:

— Хватит пока что.

— Почему?

— Где-то здесь что-то случилось.

— Не раньше, чем они добрались до места.

— Насколько мы знаем. Не перенапрягайся. Держи глаза открытыми.

Нет опасности. Быстро.

Эрни объяснил:

— Наблюдаем.

Это оправдание, кажется, годилось на все случаи жизни. Они не услышали больше замечаний от тех, кто следил за ними и направлял их. Если кто-то рассчитывал, что аборигены выдадут свое нетерпение, он просчитался.

Теперь на виду постоянно держались шесть-семь планеров. Точно подсчитать было трудно из-за их беспорядочного движения. Пэм готова была поручиться, что накануне видела, как один из них сбило молнией, но ее вопрос: «Опасно для вас? Молния?» — остался без ответа. В вопросе появилось два новых слова, так что, возможно, ее не поняли, но до сих пор в таких случаях следовало объявление: «Неясно».

Первы у людей не только в тягаче, но и в Гнезде были на пределе. Бен и многие другие слышали переговоры, которые велись почти непрерывно.

Солнце теперь не так сильно мешало водителю. Оно так и не оторвалось еще от горизонта, а облаков становилось все больше, и те, что стояли низко над далеким горизонтом, скрывали его почти полностью, хотя над головой виднелись большие участки чистого неба. А если лучи прорывались сквозь облака, то их рассеивали пыль и летающий мусор.

Гористая местность попадалась все реже, и вряд ли это зависело только от широты. Сенатсу была уверена, что это не так, что ровнее обычного всего несколько миллионов квадратных километров вокруг них и впереди. Она могла уже подтвердить оценку расстояния до «города», полученную от аборигенов, но описать местность пока не сумела. Правда, она почти не сомневалась, что рядом расположено одно из озер, но не знала, какого рода жидкость его заполняет. Химики с нетерпением дожидались данных с этой точки.

Сенатсу с торжеством объявила, что сумела получить хорошее разрешение с места, где они преодолевали уступ,

и даже увидела заросли над разбитым планером, которые, по ее словам, не продвинулись дальше пары метров от обломков. Это сообщение что-то значило только для Ника, который продолжал развивать свою теорию молча.

Планеров становилось все больше. Увеличилось и количество крушений. Несколько раз их наблюдали с «Энни», но чаще планеры разбивались в стороне от маршрута. Набравшись опыта, люди научились распознавать следы событий: по-видимому, растения, служившие для дистанционного управления механизмами, почти сразу шли в рост, но вскоре погибали от недостатка... чего-то. Аборигены, как видно, недалеко продвинулись в искусстве воздухоплавания, но риск их как будто не смущал.

Чего недостает растениям, стало яснее, когда они проехали явно процветающую рощицу на берегу маленького озерка. Доказательство не было безусловным, потому что в гуще ветвей они не увидели летательного аппарата. Химики в Гнезде выказывали бóльшую уверенность в выводах, чем четверка на «Энни»: как-никак среди биохимиков стало едва ли не аксиомой, что без жидкости не бывает жизни. Жизнь представляет собой феномен химии растворов — собственно состав раствора далеко не так важен.

Судя по температуре окружающей среды, озеро, которое миновала «Энни», вполне могло оказаться расплавом криолита, обнаруженного на «Студне». В Гнезде заключались многочисленные пари. С тягача выпустили жучков и забрали пробы жидкости, но у них на борту не было аппаратуры для анализа. Сколько бы энтузиастов ни принимали участия в конструировании транспорта, его грузоподъемность все же оставалась ограниченной.

Пропавшие женщины в этом отношении были лучше обеспечены техникой, но они, как видно, отложили сбор образцов на обратный путь. Они ни разу не сообщали о взятии проб.

Теперь даже между маленькими облачками непрестанно сверкали молнии. Почти без перерыва грохотал гром и ровно гудел ветер. Один из планеров разбился совсем рядом с тягачом, так что людям был слышен грохот падения; и дождь, часто лившийся невесть откуда, при полном отсутствии облака громко барабанил по обшивке. Бóльшая часть жидкости исчезала, едва коснувшись грунта: на глаз невоз-

можно было определить, испаряется она или впитывается почвой. Не помог даже опытный шурф, пробитый жучком. Экипаж задержался — вызвав новые вопросы проводника, — чтобы посмотреть на результат, но опыт ничего не дал. То, что происходило, происходило слишком быстро. Пэм попыталась расспросить аборигенов, но на невнятный вопрос был получен столь же невразумительный ответ. Триша, слушавшая этот диалог из Гнезда, пришла в восторг и набросилась на свой компьютер, но и она не сумела дать уверенного перевода.

Наконец прозвучало долгожданное:

Один километр. — И вслед за тем: — *Вверх по склону впереди.*

Впереди в самом деле оказался склон — высотой всего несколько метров, но все же он загораживал то, что располагалось за ним. Тягач с трудом втащил цистерну на гребень, где Пэм немедленно остановила его. Ее муж продолжал доклад:

— Перед нами долина, напоминающая очертаниями овал, в ней озеро, подобное тому, у которого они попробовали парафин, но гораздо обширнее. Сен не ошиблась: три четверти береговой линии покрыто растительностью, такой же, как мы видели там, и на горячеюжном конце такая же насыпь. По долине разбросано несколько низких округлых холмов. Два ближайших к озеру покрыты кустарником, остальные голые. Между двумя заросшими пролегает открытое, отличающееся по окраске пространство, протянувшееся примерно на километр к холмам и к озеру. Площадь зарослей от пяти до семи километров. Они охватывают горячесеверный конец озера, которое имеет форму овала примерно три на два километра, вытянутого в направлении север--юг. На открытом участке прямо между заросшими холмами — нечто напоминающее руины здания около ста квадратных метров. Какой оно было высоты, не берусь угадывать. Второе здание у горячевосточного берега озера кажется совершенно целым и занимает примерно такую же площадь, хотя углы у него, в отличие от первого, не идеально прямые. У него сплошная плоская крыша, высота около пятнадцати метров. Они опять говорят, — полагаю, вы их слышите. Кажется, они хотят, чтобы мы... Эрни, что такое? — Ахмет замолчал.

— Что-то не так? — спросил Бен, и все население Гнезда замерло, забыв о своих делах.

— Увидите, — прозвучал голос Ледяной Стены.

Эрни мягко, но уверенно оттеснил Пэм от управления и направил тягач к ближайшему заросшему холму.

Тридцать четыре вправо, — послышалось из динамика. Еще раз. И еще раз.

«Свечка» шла прямо. Пэм сумела заставить аборигенов умолкнуть довольно сомнительным:

— Наблюдаем.

Тягач с цистерной спустился в долину, пересек открытый участок перед заросшим холмом, поднялся на холм и встал на вершине над тем, что Ахмет назвал руинами здания. Приблизившись на три километра, они по-прежнему походили именно на руины.

Эрни остановил машину так резко, что остальные трое вскрикнули. Он же, перейдя на уолдо, выпустил самого маленького жучка и послал его назад, к «Свечке», по стороне, обращенной к озеру.

Ник, лучше знавший напарника и более опытный, чем двое других, в обращении с жучками, повторил его действия, но заставить своего жучка догнать выпущенного первым он не мог. Автомат Эрни захватил лишенный предохранителя клапан, экспериментируя с которым аборигены погубили заросли у первого озера.

— Стой, Эрни! Что это ты затеял? — Три разных голоса задали этот вопрос не совсем одними словами, но смысл его был понят даже в Гнезде.

— Не задавай глупых вопросов — или ты не любил Марию?

Пэм, прежде чем вмешаться в разговор, переключилась на широкое вещание: она не знала, много ли поймут аборигены, но попытаться стоило.

— Ты решил поквитаться, убив несколько тысяч из их народа?

— Не глупи. Я никого не убью. Это не город. Это одно существо. Я могу наказать его — причинить ему боль, не убивая. Я научу его впредь быть осторожнее. Ты ведь тоже понял, да, Ник?

— Да, я почти уверен. Зато не уверен, что, выпустив здесь парафин, ты его не убьешь. Мы на высшей точке над

долиной, плотность нашего груза больше, чем у местного воздуха, а ветер, как всегда, непостоянен. Если мы его убьем, это уже будет не урок. Нам неизвестно, есть ли на планете создания, подобные ему. Слышали мы наверняка только его, а ведь спутники, которые он заметил и с которыми установил связь, видны на Полупечке отовсюду. Продумай все еще раз. Весь разум целого мира за две человеческие жизни?..

Несколько секунд Эрни молчал, и его жучок замер в неподвижности. Наконец он произнес:

— Ты тоже не знаешь. Не знаешь наверняка.

— Конечно не знаю. Но очень правдоподобно, что он единственный на всю планету. И я сделаю все, что в моих силах, чтобы тебя остановить. Подумай об этом.

Пэм с неодобрением отметила, что эти слова походят на угрозу.

— И вообще, почему ты винишь в случившемся этот народ или это существо? Откуда ты знаешь, что это случилось по их вине?

— Они были недостаточно осторожны! Ты же видишь это разрушенное здание! Наверняка это случилось там...

— И на склоне под ним все вымерло! Может, они и были неосторожны — но что они могли сделать? Что они знают о водородных соединениях? И что мы знаем о том, как они ведут себя в этом мире, если не считать того, что узнали они уже после гибели девочек и показали нам? Что...

— Мне плевать — что! Я ни о чем не могу думать, только о Джесси. Что она... Какой она была — и я уже никогда не увижу, не коснусь ее. Кто-то должен получить урок.

— Ты хочешь сказать — кто-то должен поплатиться?

— Да, поплатиться! И как же мне намерен помешать Доминик Дикий Медведь Юкка, ставший таким отвратно цивилизованным, что ему безразлична память матери его детей?

— Он так отвратительно цивилизован, что не желает рассказывать своим детям и своим друзьям, что не помешал своему лучшему другу...

— Другу! Как ты можешь называть себя?!

— А вот увидишь.

— Что?

Что собирался ответить Ник, осталось неизвестным: впоследствии он отказался отвечать на этот вопрос. Снова вмешалась Пэм:

— Послушай, разве мало напугать их... или его? Смотрите, что там творится! Посмотрите на «город», или на существо, или что там оно такое.

Даже Эрни оторвался от экрана сервоавтомата. Впервые со времени зловещего опыта, который провели аборигены с углеводородами, они снова увидели семена одуванчиков. Парашютики тучами взлетали со всех участков зарослей. Их подхватывали капризные воздушные вихри, многие падали вниз, откуда взлетели, но некоторые все же удерживались в воздухе, и их уносило вдаль.

Женщина, уловив замешательство Эрни, заговорила настойчивей:

— Они пытаются спасти все, что можно. Эти штуки в самом деле семена. Родители разбрасывают их при опасности или когда знают, что умирают!

— Ты... Это тоже еще неизвестно! — Эрни, казалось, готов был сдаться, и бешенство, звучавшее в его голосе, погасло.

Ник с пробудившейся надеждой ждал следующих слов Пэм.

Эрни, увлекшись происходящим, почти забыл о жучке. Руки его оставались в уолдо-перчатках, но теперь появилась надежда, что жучок Ника успеет отбросить первого жучка от клапана. Ник должен был воспользоваться шансом. Видя, что Пэм молчит, он заговорил сам:

— Я могу забыть твои жестокие слова о том, что я ее не любил, потому что я любил и понимаю, что ты чувствуешь. Но согласись, то, что ты собираешься сделать, такая же бессмысленная жестокость, как эти слова,

Эрни ответил так, словно не слышал его:

— Если оно напугано, отчего не просит, чтобы я остановился?

— Какими словами? — мягко напомнила Пэм.

«Я» неясно.

Голос аборигена едва не заглушил шепот Пэм и сразу положил конец спору.

Эрни медленно вынул руки из уолдо-перчаток и жестом попросил Ахмета принять управление автоматом.

— Заодно попробуй вставить и «мы», Пэм, — только и сказал он, отодвигаясь от системы управления и от окна.

«Мы» и «я» неясно. По одному.

Может, под маской Пэм и скрывалась улыбка. Она нерешительно оглянулась на спутников, задержала взгляд на Эрни. Потом принялась объяснять. Как-никак числительные давно вошли в общий словарь.

— Внимательно наблюдай «Энни». Одно животное — я. Более одного животного — мы. В «Энни» четыре животных.

Эрни не возразил и негромко добавил:

— Клапан — нет опасности. Какое направление?

Вправо.

Эрни окончательно смутился и оглядел остальных, словно спрашивая, доверят ли они ему управление. Мужчины были заняты жучками, женщина как будто увлеклась разглядыванием семян — если это были семена. Почти все они уже опустились наземь или скрылись из виду, а новых не появлялось. Может быть, ее версия и была верна, хотя сама Пэм относилась к ней скептически. Они вполне могли оказаться оружием...

Скоро стало ясно, что «Энни» направляют к уцелевшему строению. Оно стояло у самого озера, но в стороне от заросших участков. Очевидным, хотя и не единственным объяснением для такого расположения было: предосторожность. Никто не высказал его вслух. Никто не сомневался, что «Студень» при разгрузке разрушил первое здание и уничтожил население, или существо, составлявшее рощу.

Следуя наставлениям аборигена, они проезжали по краю зарослей, и ветвь за ветвью склонялись к окну «Энни». Заглядывали внутрь? Никто в этом не сомневался. Пэм то докладывала, то обучала, рассказывая Гнезду о маршруте и обстановке и поясняя наблюдателям за окном:

— Одно животное управляет. Одно животное говорит. Двое животных двигают жучки.

Их направили в обход постройки к ее нижнему концу. Он оказался открытым, и «Энни» получила команду въехать внутрь. На дальней стороне, обращенной к горячему северу, тоже виднелось отверстие, и внутри, несмотря на множество растений, вполне хватало места для тягача с цистерной. Эрни ввел прицеп внутрь.

Стоп.

Заметив оставшийся открытым выход с другого конца, он повиновался, но держался по-прежнему настороженно. Ахмет с Ником ввели внутрь и жучков, и все четверо ждали продолжения, поглядывая временами на отверстие впереди, между тем как вход, через который они въехали, все плотнее зарастал ветвями и наконец, если аппаратура жучков не ошибалась, стал герметичным.

Углеводород стоп.

Угадывая смысл, операторы жучков отцепили «Свечку». Эрни двинул «Энни» вперед. Три события, интересные каждое по-своему, произошли одновременно.

Уплощенные трубчатые побеги протянулись от ветвей к клапанам «Свечки». Как видно, в этот раз парафин не собирались выпускать на воздух.

Между «Энни» и прицепом начала смыкаться стена растительности. Она даже не дождалась, пока вернутся в тягач жучки. Ник с Ахметом, молча обменявшись короткими взглядами, решили бросить автоматы: хватало запасных, и они не возражали, чтобы аборигены вволю «наблюдали» их.

Такой же стеной стало затягиваться отверстие впереди. Это заставило людей пошевелиться. Эрни твердо повел вперед скрежещущий тягач.

Окись водорода стоп.

Эта команда была оставлена без внимания. Через несколько секунд «Энни» оказалась снаружи, оставив в проломе стены разорванные и размолотые колесами стебли.

Вода стоп.

Пэм хладнокровно молчала, и Эрни остановил машину, только оказавшись в ста метрах от лаборатории, как они про себя стали называть здание. Тогда Пэм объяснила:

— Вода стоп, опасно для животных.

Голос аборигена откликнулся не сразу, и через несколько секунд они услышали голос Облака из Гнезда:

— Знаешь, милая моя Пэм, боюсь, ты озадачила вашего друга понятием индивидуальности. Не удивляйся, если тебе придется объяснять заново.

Ответ женщины прозвучал без запинки и очень профессионально:

— Друга или друзей, ты хотел сказать. Ты все еще на стадии гипотез. Давай назовем этого Эбби и примемся искать Билла.

Вода следующий раз.

— Вода в следующий раз, — согласилась Пэм.

— Ну ладно, оно — или они цивилизованные, — пробормотал Эрни.

— Конечно. Как и ты, — ответил Доминик.

Все трое удивленно обернулись к нему, но он обращался только к Эрни.

— Ты ведь на самом деле не стал бы отворачивать клапан?

Младший папарник несколько секунд помедлил.

— Не думаю, — отозвался он наконец.

— Это не мы тебя отговорили, верно?

— Пожалуй, нет. Забавно. Когда я оказался в положении, в котором *мог* это сделать, я... не знаю... Наверное, ощущение власти, сознание, что я владею положением и никто не может мне помешать... ну, этого оказалось достаточно. — Он помолчал. — Думаю, так. Потом я отвлекся на спор с вами, а потом сообразил, что ты украдкой подвел жучка и, пожалуй, *мог бы* меня остановить. И я был не против. Слушай, Ник, я помогу тебе говорить с ребятишками, если ты мне объяснишь, почему сведение счетов оказывается таким важным.

— Хорошо бы и об этом им рассказать. Если мы сами разберемся. Знаешь, я не уверен, что *стал бы* тебя останавливать.

Папоротники слушали их с сочувствием. Они тоже были людьми, поэтому даже Пэм не пришло в голову спросить, с какой стати в несчастье со «Студнем» оказались виноваты аборигены.

АЛАСТЕР РЕЙНОЛЬДС

Великая Стена

Аластер Рейнольдс (р. в 1966 г.) уроженец Южного Уэльса, вырос в Корнуолле, образование получил в Шотландии, а живет в Голландии. В настоящее время заканчивает диссертацию по астрономии и работает на Европейское космическое агентство. Рейнольдс принадлежит к плеяде британских фантастов, заявившей о себе в 1990-е годы, причем он больше остальных склоняется к твердой научной фантастике. Малая проза писателя печаталась в основном в «Interzone» и «Spectrum SF» — шотландском научно-фантастическом журнале. Автор активно публикует в Интернете комментарии к своим рассказам. Первый роман Рейнольдса, «Космический Апокалипсис» («Revelation Space»), вышел в 2000 году, затем последовали «Город бездны» («Chasm City», 2001) и «Ковчег спасения» («Redemption Ark», 2002). Термин «твердая научная фантастика» не слишком устраивает писателя, но поскольку он прижился, то, по словам Рейнольдса, остается смириться. Основным критерием жанра он считает не требования к образованности читателя, а достоверность и реалистичность описываемого.

На создание «Великой Стены» Рейнольдса вдохновили «Этика безумия» («The Ethics of Madness») Ларри Нивена, «Трехсотлетие» («Tricentennial») Джо Холдемана, а также «Релятивистские эффекты» («Relativistic Effects») Грегори Бенфорда и «Тау-Ноль» («Tau Zero») Пола Андерсона. Произведение, впервые опубликованное в февральском номере «Spectrum SF» за 2002 год, посвящено военному противостоянию двух фракций землян на Марсе. По словам Рейнольдса, начиная с этой работы, он решил упрощать сюжеты, что позволяет уделять больше внимания психологическим портретам персонажей.

— Ты понимаешь, что можешь там погибнуть? — спросил Уоррен.

Невил Клавэйн посмотрел в единственный глаз брата; второго Уоррен лишился в битве с Объединенными на плато Тарсис.

— Да, понимаю,— ответил он.— Но, если начнется новая война, мы все можем погибнуть. Лучше я рискну сейчас, пока остается хоть какая-то надежда на мир.

Уоррен медленно, терпеливо покачал головой:

— Мы уже столько раз проходили через это. Мне кажется, на этот раз ты вряд ли чего-то добьешься, а? Пока они там, не может быть никакого мира. Вот чего ты не понимаешь, Невил. Единственное решение, гарантирующее прочный результат, — это... — Он смолк.

— Продолжай, — подбодрил его Клавэйн. — Скажи это слово. Геноцид.

Уоррен хотел ответить, но в этот момент со стороны прибывшего корабля, в конце стыковочного коридора, возникли шум и оживление. Через дверь Клавэйн разглядел толпу репортеров, затем увидел, как кто-то пробирается к выходу, отделываясь от вопросов предельно краткими ответами. Это была Сандра Вои, женщина из партии Демаршистов, которая собиралась лететь с ним на Марс.

— Это не геноцид; они просто клика, а не этнически обособленная раса, — возразил Уоррен, прежде чем Вои оказалась в пределах слышимости.

— Что же это в таком случае?

— Не знаю. Предусмотрительность?

Подошла Вои. Она держалась прямо, на лице застыла маска безмолвной покорности. Ее корабль только что прибыл из Кольца Юпитера после трехнедельного перелета на максимальной скорости. Все это время надежды на мирное урегулирование кризиса оставалось все меньше.

— Добро пожаловать на Деймос, — сказал Уоррен.

— Итак, — начала Сандра, обращаясь к обоим, — мне жаль, но положение сейчас тяжелое. Давайте сразу перейдем к делу. Уоррен, как вы думаете, скоро ли нам удастся найти решение?

— Думаю, да. Если Галиана по-прежнему будет придерживаться той же тактики, что и в последние полгода, то нам следует ожидать очередной попытки побега через... — Уоррен взглянул на дисплей, встроенный в браслет. — Примерно через три дня. Если она действительно попытается запустить с Марса очередной шаттл, то у нас не останется иного выбора, кроме обострения отношений.

Все понимали, что это означает вооруженное нападение на гнездо Объединенных.

— До сих пор вы терпели ее попытки, — заметила Вои. — И каждый раз полностью уничтожали корабль и всех нахо-

дящихся на нем людей. Общий риск успешного прорыва не увеличился. Так зачем же отвечать сейчас?

— Ответ прост. После каждого нарушения мы посылали Галиане все более жесткие предупреждения. Последнее было абсолютным и окончательным.

— Если вы атакуете, то нарушите договор.

Уоррен улыбнулся, внутренне торжествуя:

— Не совсем, Сандра. Возможно, вы не полностью ознакомлены с особыми условиями договора, но мы обнаружили, что он позволяет нам напасть на гнездо Галианы, ничего не нарушая. Техническое выражение — «полицейская акция», если мне не изменяет память.

Клавэйн увидел, что Вои на несколько мгновений потеряла дар речи. Он не удивился. Договор между Коалицией и Объединенными, который помогали составлять нейтральные Демаршисты Вои, оказался самым долговечным документом, за исключением кое-каких туманных, составленных с помощью компьютера выкладок. Предполагалось, что он будет недвусмысленным, хотя только машины читали его от начала до конца и только машины могли найти в нем лазейку, которой сейчас хвастался Уоррен.

— Нет... — произнесла Сандра Вои. — Здесь какая-то ошибка.

— Боюсь, что он прав, — возразил Клавэйн. — Я видел краткие резюме на нормальном языке, и в законности полицейской акции сомневаться не приходится. Но в ней нет необходимости. Я уверен, что смогу уговорить Галиану не предпринимать новой попытки к бегству.

— А если у нас ничего не получится? — Теперь Вои смотрела на Уоррена. — Мы с Невилом через три дня, возможно, будем еще на Марсе.

— Мой вам совет: не суйтесь туда.

Почувствовав отвращение, Вои отвернулась и ступила в зеленую прохладу шаттла. На минуту Клавэйн остался наедине с братом. Уоррен прикоснулся хромовым пальцем протеза к кожаной нашлепке, закрывающей его пустую глазницу, словно желая напомнить Клавэйну о том, чего ему стоила война и как мало любви он испытывал к врагу даже теперь.

— У нас нет шансов на успех, верно? — спросил Клавэйн. — Мы летим туда только для того, чтобы ты мог сказать, что испробовал все мирные способы, прежде чем по-

сылать войска. На самом деле ты хочешь очередной проклятой войны.

— Не будь таким пораженцем, — возразил Уоррен, печально качая головой, как старший брат, разочарованный в неудачнике младшем. — Это тебе действительно не к лицу.

— Пораженец здесь не я, — парировал Клавэйн.

— Нет. Разумеется, нет. Просто постарайся изо всех сил, братишка.

Уоррен протянул ему руку. Помедлив, Клавэйн снова взглянул в единственный глаз брата. На него смотрел следователь: глаз был светлым, бесцветным и холодным, как январское солнце. Он горел ненавистью. Уоррен презирал Клавэйна за пацифизм; за веру в то, что любой мир, даже мир, представляющий собой периоды настороженного затишья между кризисами, всегда лучше войны. Эти разногласия уничтожили последние братские чувства, еще теплившиеся между ними. Сейчас, напоминая Клавэйну о том, что они братья, Уоррен не скрывал неприязни.

— Ты неверно судишь обо мне, — прошептал Клавэйн, затем осторожно пожал Уоррену руку.

— Нет, я прав, уверен в этом.

Клавэйн миновал шлюз, и люк захлопнулся за ним. Вои уже пристегнулась; взгляд ее был безжизненным, словно она смотрела в бесконечность. Клавэйн подумал, что она загружает копию договора через свои имплантаты, прокручивает его перед глазами, пытаясь найти лазейку, возможно, запустила глобальный поиск ссылок на полицейские акции.

Корабль узнал Клавэйна, и его интерьер преобразился в соответствии со вкусами пилота. Теперь зеленый цвет приобрел бирюзовый оттенок, показатели приборов и рычаги управления расположились как можно компактнее, отражая только наиболее важные системы. Несмотря на то что шаттл был самым маленьким гражданским судном, на котором доводилось летать Клавэйну, он казался собором по сравнению с десантными кораблями, использовавшимися во время войны: те были такими крошечными, что облегали пилота, как средневековые доспехи.

— Не волнуйтесь насчет договора, — сказал Клавэйн. — Обещаю вам, Уоррен не получит возможности использовать свою лазейку.

Вои очнулась от транса в раздражении:

— Лучше бы вы оказались правы, Невил. Кто надеется на неудачу — я или ваш брат? — Она говорила по-французски с квебекским выговором, Клавэйну пришлось сделать усилие и переключиться, чтобы понимать ее. — Если мои люди обнаружат здесь скрытый подвох, вам придется чертовски дорого заплатить.

— У Уоррена есть куча причин ненавидеть Объединенных после битвы на плато, — объяснил Клавэйн. — И он тактик, не специалист по полевым операциям. После прекращения огня мои знания о червях стали высоко цениться, так что мне нашлось дело. Но Уоррен не обладает гибкостью.

— Значит, это дает ему право подталкивать нас к новой войне? — Вои говорила так, словно ее люди тоже участвовали в последнем столкновении.

Но Клавэйн знал, что она права. Если вражда между Коалицией и Объединенными вспыхнет с новой силой, Демаршисты не смогут оставаться в стороне, как пятнадцать лет назад. И все догадывались, на чью сторону они станут.

— Войны не будет.

— А если вы не сможете договориться с Галианой? Или вы собираетесь воспользоваться личным знакомством?

— Я просто был ее пленником, и всё.

Клавэйн взялся за рычаги управления — Вои говорила, что пилотирование наводит на нее скуку, — и поднял шаттл с Деймоса. Они полетели по касательной к экваториальному кольцу, окружающему спутник, и сразу перешли в свободное падение. Клавэйн пальцем очертил на стене прямоугольный иллюминатор, который тотчас же стал прозрачным.

На мгновение перед ним мелькнуло отражение в стекле: он выглядел гораздо старше своего возраста; седая борода и волосы делали его похожим на старца, скорее даже на патриарха. Потушив свет в кабине, Клавэйн испытал некоторое облегчение; он увидел Деймос, уменьшающийся с удивительной скоростью. Темная громада дальнего из двух спутников Марса, окруженная яркой, усеянной окнами лентой подвижного кольца, щетинилась орудиями. Последние девять лет Деймос был его миром, но сейчас он мог бы обхватить его большим и указательным пальцами.

— Не просто пленником, — возразила Вои. — Никто, кроме вас, не возвращался от Объединенных в здравом уме. Галиана даже не попыталась внедрить в вас свои аппараты.

— Нет, не пыталась. Но лишь потому, что время было на моей стороне. — Клавэйн повторял старые аргументы — столько же ради себя, сколько и ради Вои. — Я был у нее единственным пленником. Тогда она проигрывала войну; еще один новообращенный не изменил бы положения. Условия прекращения огня были тщательно выработаны, и она знала, что ей выгодно освободить меня, не причинив вреда. Но было и еще кое-что. Мы считали, что Объединенные не способны на такие примитивные чувства, как милосердие. Когда дело касалось нас, они вели себя хуже пауков. Поступок Галианы изменил это мнение. Среди высшего командования возникли разногласия. Если бы она не отпустила меня, то они вполне могли бы нанести по ней ядерный удар.

— Значит, здесь не было совершенно ничего личного?

— Нет, — ответил Клавэйн. — Абсолютно ничего личного.

Вои кивнула, в остальном никак не показывая, что верит ему. Это было искусство, в котором некоторые женщины достигают совершенства, подумал Клавэйн.

Разумеется, он очень уважал Вои. Она была в числе первых людей, которые несколько десятилетий назад проникли в оксан Европы. Сейчас планировалось сооружение сказочных городов подо льдом, и Сандра Вои возглавляла этот проект. Предполагалось, что в неструктурированном демаршистском обществе нет места иерархии, но люди, обладавшие талантами Вои, поднимались по карьерной лестнице, ею же самой и созданной. Она содействовала мирным переговорам между Объединенными и Коалицией Клавэйна и поэтому сейчас летела на Марс; Галиана согласилась на визит Клавэйна только при условии, что его будет сопровождать нейтральный наблюдатель, и очевидный выбор пал на Вои. Уважать было легко. Однако доверять оказалось гораздо сложнее: Клавэйну приходилось мириться с тем фактом, что женщина-Демаршист, голова которой была нашпигована имплантатами, мало чем отличалась от врагов.

Спуск на Марс был трудным: они садились под прямым углом.

Один или два раза их засекли автоматические системы слежения, расположенные на сети заградительных спутников. Орудия, парившие над гнездом, вращаясь синхронно с орбитой Марса, на несколько секунд нацелились на корабль, магнитные рельсовые пушки приготовились к бою, но затем выяснился дипломатический статус шаттла, и ему позволили лететь дальше. Заграждение действовало весьма эффективно; иначе и быть не могло, ведь Клавэйн в основном сконструировал его сам. За пятнадцать лет ни один корабль не смог ни войти в атмосферу Марса, ни покинуть ее и ни одно наземное средство передвижения не выбралось из гнезда Галианы.

— Вот она, — произнес Клавэйн, когда за горизонтом показалась Великая Стена.

— Почему вы говорите об этом сооружении в женском роде? — удивилась Вои. — Я никогда не чувствовала потребности персонифицировать его, хотя это мое создание. А кроме того... даже если когда-то оно было живым, сейчас оно мертво.

Вои была права, но на Стену по-прежнему нельзя было смотреть без благоговейного восхищения. С орбиты она представлялась бледной окружностью на поверхности Марса, диаметром две тысячи километров. Подобно атоллу, она поддерживала внутри собственные погодные условия; диск голубого воздуха, усеянный кремово-белыми облаками, резко обрывался на границе Стены.

Когда-то внутри этой ячейки, в теплой, плотной, богатой кислородом атмосфере, существовали тысячи поселений. Стена стала самым дерзким и зрелищным из проектов Вои. Ход рассуждений был безупречен: требовался быстрый способ сделать из Марса подобие Земли, не прибегая к таким длительным общепринятым методикам, как бомбардировка кометами или таяние полярных шапок. Стена позволяла сконцентрировать первые усилия на относительно малом участке, диаметром тысяча километров, вместо того чтобы модифицировать сразу всю атмосферу. Здесь отсутствовали достаточно глубокие кратеры, так что Стена была полностью искусственной: огромная кольцеобразная атмосферная дамба, спроектированная таким образом, чтобы медленно расширяться, охватывая все большую область поверхности, со скоростью двадцать километров в год. Сте-

ну пришлось сделать очень высокой, так как в условиях марсианской гравитации для возникновения определенного давления атмосферный столб должен быть выше, чем на Земле. У поверхности ее валы, темные, как глетчерный лед, имели сотни метров в толщину, они пускали корни глубоко в литосферу, выискивая руду, требуемую для непрерывного роста Стены. Но на высоте двести километров Стена представляла собой прозрачную мембрану толщиной всего несколько микрон, абсолютно невидимую, кроме тех моментов, когда редкие оптические эффекты заставляли ее сверкать на фоне звезд, словно полярное сияние. Инженеры-экологи заселили пригодное для жизни пространство внутри Стены организмами с Земли, их геномы были тщательно модифицированы в орбитальных лабораториях. Флора и фауна распространялись, словно живые волны, и нетерпеливо плескались о границы Стены.

Но Стена была мертва.

Она прекратила расти во время войны, пораженная каким-то биологическим оружием, которое повредило ее репродуцирующие механизмы, и теперь даже экосистема внутри ее гибла; атмосфера охлаждалась, кислород улетучивался в космос, давление необратимо приближалось к марсианской норме — одна семитысячная от земного.

«Каково Вои видеть все это? Может быть, она смотрит на Стену, как на умершее дитя?» — подумал Клавэйн.

— Мне жаль, что нам пришлось убить ее, — произнес он, собираясь уже добавить, что подобные действия оправдываются войной, но решил, что это прозвучало бы беспомощно — словно он защищается от нее.

— Вам не нужно извиняться, — отозвалась Вои. — Это было всего лишь механическое оборудование. Честно говоря, я удивляюсь, что оно просуществовало так долго. Видимо, там еще продолжают действовать какие-то остаточные программы ликвидации повреждений. Как вам известно, мы, Демаршисты, построили Стену для последующих поколений.

Да, и это заботило соратников Клавэйна. Говорили об ограничении превосходства Демаршистов во внешней Солнечной системе; предлагали даже установить господство Коалиции вокруг Юпитера.

Они скользнули по верхушке Стены и прошли сквозь исчезающие слои атмосферы внутри ее, при этом корпус

шаттла принял заостренную форму. Почва выглядела иссушенной, безжизненной, повсюду виднелись разрушенные дома, проломленные купола, развороченный транспорт, сбитые шаттлы. Мелькали пятна тундровой растительности, с неглубокими корнями, в основном темно-красного цвета: пушица, камнеломка, арктические маки и лишайник. Клавэйн узнавал каждое растение по четкому инфракрасному следу; теперь, когда занесенные сюда виды птиц вымерли, растения также угасали. Лед лежал огромными серебристыми пластами, лишь небольшие, оставшиеся незамерзшими участки воды подогревались скрытыми в почве термоэлементами. Повсюду целые отрезки почвы покрылись почти бесплодным слоем вечной мерзлоты. Здесь мог бы цвести настоящий рай, подумалось Клавэйну, если бы война все не разрушила. И тем не менее, если они допустят новую войну, происшедшее здесь побледнеет перед картиной опустошения, которое воцарится во всей системе, на Земле и Марсе.

— Вы уже видите гнездо? — спросила Вои.

— Подождите секунду, — ответил Клавэйн, запросив с закрепленного прямо перед глазами дисплея вид на гнездо. — Вот оно. Хороший, отчетливый тепловой след. На мили вокруг ничего нет, по крайней мере никаких живых существ.

— Да. Теперь я вижу.

Гнездо Объединенных располагалось на расстоянии трети от конца Стены, недалеко от подножия горы Арсия. Лагерь имел в окружности всего километр и был обнесен насыпью, с внешней стороны которой накопилась груда пыли. Пространство внутри Великой Стены было достаточно большим, чтобы здесь мог сформироваться особый климат. Стена простиралась довольно далеко с севера на юг и с запада на восток планеты, так что под действием кориолисовой силы[1] и в результате суточного нагревания-охлаждения здесь возникали воздушные потоки.

Теперь он видел гнездо гораздо отчетливее: из дымки выступали отдельные детали.

---

[1] *Сила Кориолиса* (по имени французского физика Г. Кориолиса, 1792–1843) — одна из сил инерции, действующая на движущийся объект, который наблюдается во вращающейся системе координат. Влияет на направление движения рек, морских течений и воздушных масс.

Внешне планировка была ему отлично знакома. С тех пор как прекратился вооруженный конфликт, команда Клавэйна изучала гнездо с наблюдательного пункта на Деймосе. Фобос, имеющий более низкую орбиту, разумеется, еще лучше подходил для этой цели — но здесь уже ничего нельзя было поделать, и, возможно, Клавэйну удастся использовать проблему Фобоса в переговорах с Галианой. Руководительница находилась где-то в гнезде, — он знал это; под одним из двадцати куполов различного размера, расположенных внутри насыпи, связанных герметичными туннелями или сливающихся стенками, словно мыльные пузыри. Гнездо включало в себя несколько десятков, если не больше, уровней, уходивших под поверхность Марса.

— Как вы думаете, сколько там внутри людей? — спросила Вои.

— Девятьсот человек или около того, — ответил Клавэйн. — Эта оценка основана на сведениях, полученных мною во время плена, к тому же нам известно, что с тех пор при попытках к бегству погибло около сотни. Должен признаться, что в основном это наши предположения.

— Наши оценки совпадают. Тысяча или чуть меньше здесь, и, возможно, еще три-четыре тысячи разбросаны по системе, по меньшим гнездам. Я знаю, ваши люди думают, что мы обладаем более точными сведениями, но это не так.

— Я вам верю.

Корпус шаттла изгибался вокруг них, принимая очертания, подходящие для полета на небольшой высоте, у него выросли широкие крылья, как у летучей мыши.

— Я просто надеялся, что у вас может быть какая-то гипотеза насчет того, почему Галиана продолжает рисковать драгоценными жизнями в попытках к бегству.

Вои пожала плечами:

— Возможно, для нее жизни не настолько драгоценны, как вы считаете.

— Вы и в самом деле так думаете?

— Мне кажется, мы не можем постичь образ мышления общества коллективного сознания, Клавэйн. Даже с точки зрения Демаршистов.

Со стороны приборной панели донеслось какое-то чириканье: Галиана подавала им сигнал. Клавэйн настроился

на канал, зарезервированный для дипломатических переговоров между Коалицией и Объединенными.

— Невил Клавэйн? — услышал он.

— Да. — Он попытался говорить как можно спокойнее. — Со мной Сандра Вои. Мы готовы приземлиться, как только вы укажете нам место.

— Отлично, — произнесла Галиана. — Направьте корабль к западной части ограждения. И прошу вас, будьте осторожнее.

— Благодарю. Есть какие-то особые причины для осторожности?

— Просто поторопитесь, Невил.

Они сделали вираж над гнездом, сбрасывая скорость, и теперь скользили всего в нескольких десятках метров над источенной ветрами поверхностью Марса. В бетонной Стене открылась широкая прямоугольная дверь, за которой виднелся отсек ангара, сияющий желтыми огнями.

— Должно быть, отсюда Галиана запускает свои шаттлы, — прошептал Клавэйн. — Мы всегда считали, что в западной части Стены должен существовать широкий проход, но нам не удавалось получить хорошую картинку.

— Однако по-прежнему неясно, зачем она это делает, — заметила Вои.

Панель снова пискнула — связь была плохой, хотя они находились совсем близко.

— Нос выше! — велела Галиана. — Вы летите слишком низко и медленно. Наберите немного высоты, иначе вас засекут черви.

— Вы что, хотите сказать, что здесь есть черви?! — воскликнул Клавэйн.

— Мне казалось, что вы эксперт по червям, Невил.

Он задрал нос шаттла, но было уже поздно. Впереди из земли с молниеносной скоростью выросло нечто, в пыли извивались кольца, в тупорылой бронированной голове сверкали металлические челюсти. Он сразу же определил его: класс *Уроборос*. Черви этого вида инфицировали сотни уголков во всей системе. Не такие высокоорганизованные, как те, что наводнили Фобос, но все же весьма опасные.

— Дерьмо! — выругалась Вои; на мгновение холодный демаршистский лоск слетел с нее.

— Это вы сказали, — произнес Невил.

Уроборос нырнул под шаттл, раздался леденящий кровь стук: это челюсти вонзились в днище. Клавэйн почувствовал, что корабль тошнотворно накренился; это был теперь не летательный аппарат, а пособие по баллистике. Прохладный, сдержанный бирюзовый интерьер сменился аварийной конфигурацией, замигали сообщения об опасности, данные о статусе вооружений. Сиденья под пассажирами надулись.

— Держитесь, — предупредил Клавэйн. — Снижаемся.

К Вои вернулось спокойствие:

— Вы думаете, нам удастся вовремя добраться до гнезда?

— Шансов крайне мало. — Он все равно пытался сражаться с рычагами, но положение не улучшалось. Земля угрожающе быстро неслась им навстречу. — Жаль, что Галиана не предупредила нас чуть-чуть раньше...

— Наверное, она думала, что мы уже знаем.

Удар оказался сильнее, чем предполагал Клавэйн, но шаттл не разлетелся на куски, а сиденье смягчило приземление. Их занесло на несколько метров, затем они налетели на песчаный холм и остановились носом вверх. В иллюминатор Клавэйн заметил белого червя — робот полз к ним, изгибая составленное из сегментов тело.

— Думаю, нам конец, — произнесла Вои.

— Не совсем, — возразил Клавэйн. — Вам это не понравится, но... — Прикусив язык, он включил скрытые орудия шаттла.

С потолка спустился прицел; взглянув в него, Клавэйн поймал в перекрестье Уробороса. Совсем как в старые времена...

— Чтоб вас!.. — сказала Вои. — Это планировалось как невооруженная миссия!

— Можете подать формальную жалобу.

Клавэйн выстрелил, и корпус содрогнулся от отдачи. В боковой иллюминатор они увидели, как белый червь разлетелся на короткие сегменты. Обломки вонзились в песок.

— Хороший выстрел, — заметила Вои почти нехотя. — Он обезврежен?

— На некоторое время, — ответил Клавэйн. — На то, чтобы сегменты соединились в действующего червя, понадобится несколько часов.

— Отлично, — сказала Вои, выбираясь из кресла. — Но формальная жалоба будет, попомните мои слова.

— Может быть, вы предпочли бы, чтобы червь съел нас?

— Я просто ненавижу двуличие, Клавэйн.

Он снова попробовал включить радио:

— Галиана? Мы сели, попали в переделку, но оба целы.

— Слава богу. — Старая манера выражаться отмирала с трудом, даже среди Объединенных. — Но вам нельзя там оставаться. Там есть еще черви. Как вы думаете, сможете добраться до гнезда пешком?

— До него всего двести метров, — сказала Вои. — Это будет нетрудно.

Да, двести метров — но двести метров по ненадежной почве, покрытой ямами, провалами, небольшими углублениями, где может скрываться дюжина червей. А потом им придется карабкаться по Стене, чтобы достичь дверей ангара, находящихся на высоте десяти-пятнадцати метров над землей.

— Будем надеяться, что да, — ответил Клавэйн.

Он отстегнул ремни и, впервые поднявшись на ноги при марсианской силе тяжести, почувствовал легкое головокружение. Он слишком привык к гравитации кольца Деймоса, созданной для удобства тактиков с Земли. Подойдя к аварийному шкафчику, он нашел маску, которая удобно облегала лицо, другую дал Вои. Подсоединив баллоны с воздухом, они направились к двери шаттла. На этот раз, когда она открылась, дверной проем оказался затянут блестящей мембраной — это была недавно запатентованная новинка демаршистской технологии. Клавэйн прошел сквозь мембрану, и материал ее облепил его с мокрым хлюпающим звуком. Когда он спрыгнул на землю, мембрана уже затвердела вокруг его ступней и начала, оставаясь прозрачной, образовывать сочленения и складки.

Вои вышла вслед за ним, тоже в прозрачном скафандре.

Они бросились бежать прочь от разбитого шаттла, направляясь к Стене. Если поблизости были черви, то они уже, безусловно, зафиксировали вызываемые бегущими колебания почвы. Возможно, сейчас роботов больше интересовал корабль, но на это не приходилось рассчитывать. Клавэйн отлично разбирался в повадении червей, знал основные механизмы их поведения, но это знание не гарантировало ему выживания. Оно чуть не подвело его на Фобосе.

Маска прилипла к лицу. Теоретически воздухом у основания Великой Стены еще можно было дышать, но не имело смысла проверять это при такой нехватке времени. Ноги его еле отрывались от земли, и, хотя он двигался вперед, Стена, казалось, упрямо отказывалась приближаться. Она была выше, чем виделось с места крушения, и находилась по крайней мере вдвое дальше.

— Еще червь, — сказала Вои.

С западной стороны из песка показались белые кольца. Уроборос, извиваясь, зигзагами приближался к ним с хищным спокойствием, понимая, что может позволить себе не торопиться. В туннелях Фобоса у них не было этого преимущества — заранее знать о приближении червя. Враги наносили удар из засады, быстрые, словно питоны.

— Бежим! — скомандовал Клавэйн.

В отверстии дверей высоко над землей показались темные фигуры. Со Стены упала веревочная лестница. Клавэйн, направляясь к основанию Стены, не старался соблюдать осторожность, зная, что червь наверняка поймал его в прицел.

Он оглянулся.

Червь остановился у брошенного шаттла, затем ударил головой с алмазными челюстями по корпусу, проткнув его насквозь. Червь встал на дыбы, корабль повис на нем, словно гирлянда. Затем он встряхнулся, и шаттл разлетелся, словно истлевший скелет. Червь снова обратил внимание на Клавэйна и Вои. Подобно гремучей змее, он вытащил из песка свое тридцатиметровое тело и покатился к ним, свернувшись кольцом, словно колесо.

Клавэйн добежал до лестницы.

Прежде он мог бы вскарабкаться по ней, цепляясь одними руками, даже при земной гравитации, но сейчас лестница раскачивалась, словно живая, у него под ногами. Он начал было карабкаться, но понял, что скорее не взбирается по перекладинам, а падает вниз. Объединенные втаскивали его на Стену.

Оглянувшись, он увидел, что Вои споткнулась.

— Сандра! *Нет!*

Она попыталась подняться, но было уже поздно. Когда червь обрушился на нее, Клавэйну оставалось лишь отвернуться и молиться, чтобы смерть ее была быстрой. Если

смерть эта оказалась бессмысленной, подумал он, по крайней мере пусть она будет быстрой.

Затем Клавэйн вспомнил о себе.

— Быстрее! — крикнул он, но из-за маски вместо крика раздалось какое-то паническое мычание. Он забыл настроить передатчик скафандра на нужную частоту.

Червь с разгону ударился о Стену, затем поднялся на дыбы, раскрыв пасть — обрамленное алмазами отверстие, словно от бура проходческого щита. Клавэйн заметил нескольких Объединенных; опустившись на колени, они выглядывали сверху, направляя вниз ружья. Червь извивался в сильном раздражении. Клавэйн увидел, что по песку к нему приближаются другие черви. Должно быть, гнездо окружали дюжины чудовищ. Неудивительно, что люди Галианы почти не предпринимали попыток сбежать по земле.

Объединенные подтащили Клавэйна на десять метров, и он оказался в безопасности. В тех местах, где шкуру червя задело выстрелами, виднелись кибернетические схемы. Разъярившись, червь обрушился на Стену, откалывая куски бетона размером с большой валун. Когда Клавэйна тащили наверх, он чувствовал, как сотрясается Стена.

Червь снова ударил, и Стена содрогнулась еще сильнее. К своему ужасу, Клавэйн увидел, как один из Объединенных потерял равновесие и падает со Стены прямо на него. Время замедлило ход. Человек почти долетел до него. Клавэйн машинально прижался плотнее к стене, вцепившись в лестницу, а затем внезапно схватил человека за руку. Несмотря на марсианскую гравитацию и худобу упавшего, они, столкнувшись, чуть не рухнули в пасть Уроборосу. Клавэйн почувствовал, что руки его вылетают из суставов, затрещали хрящи, но он ухитрился удержать и Объединенного, и лестницу.

У основания Стены Объединенные без труда дышали воздухом. На человеке был только легкий костюм, нечто вроде серой шелковой пижамы с поясом. Марсианская внешность человека — запавшие щеки и голый череп — придавали ему сходство с мертвецом. Но он каким-то образом ухитрился не выронить оружие, держа его в другой руке.

— Отпустите меня, — сказал человек.

Червь все приближался, несмотря на ущерб, причиненный ему Объединенными.

— Нет, — ответил Клавэйн сквозь стиснутые зубы и искажающую звук мембрану на лице, — я вас не отпущу.

— У вас нет выбора. — Голос его был бесстрастен. — Они не смогут втащить нас обоих наверх достаточно быстро, Клавэйн.

Клавэйн вгляделся человеку в лицо, пытаясь определить его возраст. Лет тридцать, а может быть, даже меньше, просто внешность сильно портила его. Клавэйн был явно раза в два старше; он наверняка прожил более богатую событиями жизнь, удачно избегал смерти в трех-четырех предыдущих случаях.

— Это я должен умереть, а не вы.

— Нет, — возразил Объединенный. — Они найдут способ взвалить на нас вину за вашу смерть. Они сделают из этого повод к войне. — Человек бесстрастно направил ружье на свою голову и вышиб себе мозги.

Скорее от потрясения, чем при мысли, что человека ему уже не спасти, Клавэйн выпустил его. Мертвец полетел вниз, в пасть червя, который только что расправился с Сандрой Вои.

Ничего не чувствуя, Клавэйн позволил втащить себя в безопасное место.

Когда бронированная дверь ангара закрылась, Объединенные обрызгали костюм Клавэйна жидкостью, содержащей ферменты. Ферменты за несколько секунд растворили материал, и Клавэйн, тяжело переводя дыхание, оказался в луже слизи. Затем с помощью двоих Объединенных он нетвердо встал на ноги и через некоторое время, прикладывая к лицу маску, смог нормально дышать. Сквозь слезы, выступившие от напряжения, он рассмотрел, что ангар набит наполовину законченными кораблями — скелетами, похожими на акул, предназначенными для того, чтобы мгновенно пропзать атмосферу.

— Сандра Вои погибла, — сказал он, убрав маску.

Разумеется, Объединенные отлично видели это, но ему казалось бесчеловечным не упомянуть о случившемся.

— Я знаю, — ответила Галиана. — Но вы, по крайней мере, выжили.

Клавэйн подумал о человеке, упавшем в пасть червя.

— Я сожалею о вашем... — Он смолк; несмотря на все свои глубокие знания об Объединенных, он понятия не имел, как назвать этого человека.

— Пытаясь спасти его, вы подвергали свою жизнь опасности.

— Ему не нужно было умирать.

Галиана с глубокомысленным видом кивнула:

— Согласна; может быть, и не нужно. Но вы сильно рисковали. Вы слышали, что он сказал. Вашу смерть приписали бы нашему злому умыслу; это стало бы оправданием для превентивного удара по гнезду. Даже Демаршисты обратились бы против нас, если бы решили, что мы убили дипломата.

Сделав еще один глоток воздуха из маски, он взглянул в лицо собеседнице. Клавэйн разговаривал с Галианой по низкочастотным видеоканалам, но, лишь оказавшись рядом с ней, он ясно понял, что за пятнадцать лет эта женщина почти не изменилась. Полтора десятка лет привычного выражения лица должны были впечатать в ее кожу жесткие линии, но у Объединенных не было привычных выражений лиц. За это время Галиана видела мало солнечного света, сидя здесь, в гнезде, а в марсианской гравитации кости сохранялись гораздо лучше, чем на Деймосе. Она все еще блистала той жестокой красотой, которую он помнил со времени своего плена. Единственным свидетельством старения были серебряные нити в ее волосах, когда-то черных, словно воронье крыло.

— Почему вы не предупредили нас насчет червей?

— Предупредить вас? — В первый раз на ее лице мелькнуло нечто вроде сомнения, но это продолжалось лишь мгновение. — Мы считали, что вы отлично знаете о заражении Уроборосом. Эти черви многие годы спали — были неактивны, но они всегда находились там. Только увидев, как неосторожно вы приближаетесь, я поняла...

— Что мы об этом не знаем?

Черви представляли собой оборонительное оружие — это были автономные мины-охотники. После войны во многих частях Солнечной системы остались места, занятые активными червями. Эти машины в некотором смысле обладали разумом. Никто никогда не признавался в их ис-

пользовании, и обычно не представлялось возможным дать им понять, что война закончилась и они должны тихо прекратить свое существование.

— После того что произошло с вами на Фобосе, — сказала Галиана, — я решила, что насчет червей вас учить нечему.

Он не любил вспоминать о Фобосе: боль въелась слишком глубоко. Но если бы не полученные там увечья, его никогда не отправили бы на Деймос поправляться, никогда не завербовали бы в разведывательное отделение его брата, изучать Объединенных. Глубоко погрузившись во все, касающееся противника, Клавэйн смог стать посредником — а теперь даже дипломатом — накануне новой войны. Сейчас Фобос занимал центральное место в его мыслях, потому что он считал его выходом из тупика, — возможно, последним шансом на мирный исход. Но было еще слишком рано делиться этими идеями с Галианой. Он вообще сомневался, что его миссия получит продолжение после того, что случилось.

Я так понимаю, что сейчас мы в безопасности?

— Да, мы можем возместить ущерб, нанесенный Стене. В принципе, на червей можно не обращать внимания.

— Нас должны были предупредить. Послушайте, мне нужно поговорить с братом.

— С Уорреном? Конечно. Это легко устроить.

Они вышли из ангара, прочь от недостроенных кораблей. Клавэйн знал, что где-то глубоко в недрах гнезда есть завод, изготавливающий компоненты для этих кораблей из материалов, добываемых на Марсе, или из отходов жизнедеятельности гнезда. Объединенные ухитрялись запускать корабль примерно раз в шесть недель; это продолжалось уже шесть месяцев. Ни одному кораблю не удалось покинуть атмосферу Марса — они были сбиты... но рано или поздно ему придется спросить Галиану, почему она упорствует в этом безрассудстве.

Но время для этого еще не пришло — даже если поверить словам Уоррена о том, что до следующей провокации осталось всего три дня.

Воздух в гнезде был плотнее и теплее, чем в ангаре, а это означало, что Клавэйн мог избавиться от маски. Галиана провела его коротким коридором с серыми металличе-

скими стенками в круглую комнату с пультом. Он узнал эту комнату — отсюда Галиана говорила с ним, когда он был на Деймосе. Она показала ему, как пользоваться системой, и, пока он устанавливал связь с Деймосом, оставила его одного.

Вскоре на экране возникло лицо Уоррена, составленное из крупных точек, словно портрет в стиле импрессионизма. Объединенным разрешали отправлять в другие части системы не более нескольких килобайтов в секунду. Значительную часть ширины канала занимало это изображение.

— Думаю, ты уже слышал, — начал Клавэйн.

Уоррен кивнул, лицо его было пепельно-серым.

— Разумеется, мы получаем хорошую картинку с орбиты. Достаточно хорошую для того, чтобы увидеть, что стало с Вои. Бедная женщина. Мы были уверены, что ты спасся, но я рад получить подтверждение.

— Ты хочешь, чтобы я прервал миссию?

Уоррен на некоторое время задумался.

— Нет... Я это предполагал, разумеется, и высшее командование согласно со мной. Смерть Вои — трагедия, от этого никуда не денешься. Но она летела вместе с тобой лишь в качестве нейтрального наблюдателя. Если Галиана позволит тебе остаться, предлагаю так и сделать.

— Но ты по-прежнему считаешь, что у меня только три дня?

— Это зависит от Галианы, верно? Ты что-нибудь узнал?

— Ты издеваешься. Я видел только шаттлы, готовые к полетам, это все. И я еще не заговаривал о Фобосе. Время сейчас не совсем подходящее, после того что случилось с Вои.

— Да. Если бы только мы знали об этих Уроборосах.

Клавэйн склонился ближе к экрану:

— Вот именно. Почему, черт побери, мы не знали? Галиана считала, что мы знаем, и я ее за это не виню. Мы вели постоянное наблюдение за гнездом в течение пятнадцати лет. Разумеется, за это время мы должны были заметить червей.

— Тебе нравится так думать, не правда ли?

— Что ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что черви, возможно, не всегда были там.

Понимая, что разговор их не может быть конфиденциальным, но не желая уходить от этой темы, Клавэйн переспросил:

— Ты считаешь, что Объединенные устроили нам засаду?

— Я считаю, что нельзя пренебрегать ни одной гипотезой, какой бы отвратительной она ни была.

— Галиана не способна на такое.

— Верно, не способна, — вмешалась предводительница Объединенных, только что вернувшаяся в комнату. — И я разочарована тем, что вы вообще стали обсуждать такую возможность.

Клавэйн прервал связь с Деймосом.

— Знаете, подслушивать — не очень красивая привычка.

— А чего вы ждали от меня?

— Неужели вы мне совсем не доверяете? Или это требует слишком больших усилий?

— Когда вы были моим пленником, я не испытывала необходимости доверять вам, — ответила Галиана. — От этого наши взаимоотношения были намного проще, а наши роли — определеннее.

— А сейчас? Если вы мне настолько не доверяете, зачем вообще согласились принять меня? Вместо меня могло бы отправиться множество других специалистов. Вы вообще имели возможность отказаться от переговоров.

— Люди Вои давили на нас, чтобы мы согласились на ваш визит, — пояснила Галиана. — Так же, как давили на вас, чтобы вы еще на некоторое время воздержались от насилия.

— И это все?

На сей раз она слегка помедлила.

— Я... знала вас.

— Знали меня? Вы так называете год тюремного заключения? А как насчет тысяч разговоров между нами, когда мы забывали наши разногласия, чтобы поговорить о чем-то еще, кроме проклятой войны? Я ушел от вас в здравом уме, Галиана. Я никогда не забывал об этом. Вот почему я рискнул своей жизнью, чтобы попасть сюда и отговорить вас от новой провокации.

— Теперь дело обстоит совершенно иначе.

— Ну конечно! — Он едва сдерживался, чтобы не закричать. — Конечно иначе. Но главное не изменилось. Мы

все еще можем восстановить это доверие и найти выход из кризиса.

— А разве ваши сторонники действительно хотят найти выход?

Клавэйн ответил не сразу; он понимал, что в чем-то Галиана права.

— Я не уверен. Но я не уверен также, что вы этого хотите, иначе вы перестали бы испытывать судьбу. — В нем словно что-то щелкнуло, и он задал вопрос, который намеревался задать гораздо более дипломатично: — Почему вы продолжаете это делать, Галиана? Почему вы запускаете эти корабли, зная, что их собьют, как только они покинут гнездо?

Она твердо взглянула ему прямо в глаза:

— Потому что мы можем себе это позволить. Потому что рано или поздно один из них уйдет невредимым.

Клавэйн кивнул. Он боялся, что она ответит именно так.

Она вела его по другим серым коридорам, они спустились на несколько уровней ниже. Свет лился из извивающихся полос, встроенных в стены, словно артерии. Возможно, дизайн был декоративным, но Клавэйн подумал, что полосы просто выросли таким образом, подражая биологическим алгоритмам. Хотя не было сведений о том, что Объединенные пытались оживить окружающие их вещи и сделать их в каком-то смысле подобными людям.

— Вы подвергаетесь ужасной опасности, — заметил Клавэйн.

— Но теперешнее положение невыносимо. Я от всей души хочу избежать новой войны, но если дело до нее дойдет, у нас по крайней мере есть возможность сбросить эти оковы.

— Если вас сначала не уничтожат...

— Мы сможем этого избежать. В любом случае страх не влияет на наш образ мыслей. Вы видели человека, который принял свою судьбу на насыпи, когда понял, что ваша смерть повредит нам больше, чем его гибель. Он изменил свое состояние духа, пришел к полному всеприятию.

— Прекрасно. Тогда все становится на свои места.

Она остановилась. Они были одни в коридоре, освещенном змееподобными лампами; с тех пор как они покинули ангар, Клавэйн не видел никого из жителей.

— Мы не считаем жизнь отдельного человека ничего не стоящей, смерть — это жертва для нас, как если бы вы отдали часть тела. Но сейчас, став частью единого целого...

— Вы имеете в виду Всеобщее Просветление?

Этим термином Объединенные определяли состояние единства нервной системы, в котором они пребывали, оно осуществлялось посредством механизмов, встроенных в мозг каждого из них. Если Демаршисты пользовались имплантатами, чтобы создавать демократию, действующую в реальном времени, то Объединенные с помощью машин разделяли чувственную информацию, воспоминания и даже сознательные мысли. Именно это ускорило начало войны. Тогда, в 2190 году, половина человечества пользовалась сетями, позволяющими обмениваться информацией посредством нервных имплантатов. А затем эксперименты Объединенных перешли некую черту, и в сети был запущен трансформирующий вирус. Имплантаты начали видоизменяться, инфицируя миллионы людей шаблонами мышления Объединенных. Инфицированные немедленно перешли в разряд врагов. Земля и другие внутренние планеты всегда были более консервативны и предпочитали получать доступ к сетям традиционными способами.

После того как поселения на Марсе и поясе астероидов пали жертвой феномена Объединенных, власти Коалиции поспешно собрали силы, чтобы предотвратить распространение эпидемии в своих владениях. Демаршисты, обитавшие на спутниках газовых гигантов, успели вовремя установить файерваны, и пострадало лишь незначительное количество их поселений. Они предпочли нейтралитет, а Коалиция попыталась сдержать распространение влияния Объединенных — некоторые употребляли слово «стерилизация». Через три года, после одной из самых кровопролитных битв за всю историю человечества, Объединенных оттеснили в разбросанные по всей системе убежища. И все это время, несмотря ни на что, они изображали какое-то невинное удивление при виде того, что остальные сопротивляются их идеям. Ведь в конце концов ни один из принятых в их среду не пожалел об этом. Скорее, наоборот. Немногочисленные пленные, которых Объединенные неохотно вернули в их прежнее состояние, всячески стремились снова соединиться с их сообществом. Некоторые даже предпочитали смерть жизни вне Все-

общего Просветления. Подобно послушникам, удостоившимся видений рая, они посвящали всю свою сознательную жизнь поискам нового шанса.

— Всеобщее Просветление притупляет в нас сознание индивидуальности, — объяснила Галиана. — Когда этот человек выбрал смерть, жертва не была для него в полном смысле слова жертвой. Он знал, что бо́льшая часть его сознания останется жить среди нас.

Но это лишь один пример. А как насчет сотни жизней, которые вы погубили в попытках бежать? Мы знаем — мы считали тела.

— Недостающих солдат всегда можно клонировать.

Клавэйн надеялся, что ему удалось скрыть отвращение. В его окружении даже упоминание о клонировании считалось непростительным промахом, вызывающим в памяти всякие ужасы. Для Галианы клонирование стало бы лишь еще одной технологией, дополняющей ее арсенал.

— Но вы ведь не занимаетесь клонированием, верно? И теряете людей. Мы считали, что в этом гнезде вас должно быть девятьсот человек, но мы сильно переоценивали вашу численность, так?

— Пока что вы видели немного, — сказала Галиана.

— Да, но здесь пахнет запустением. Вы не сможете скрыть отсутствие людей, Галиана. Бьюсь об заклад, здесь осталось не более сотни жителей.

— Вы ошибаетесь, — возразила Галиана. — Мы владеем технологией клонирования, но мы пользовались ею совсем мало. Какой смысл? Мы не стремимся к генетическому единству, что бы там ни думали ваши пропагандисты. Поиски оптимума ведут лишь к минимизации. Мы уважаем собственные ошибки. Мы активно стремимся к постоянной неустойчивости.

— Ну хорошо. — Сейчас он меньше всего нуждался в образчике красноречия Объединенных. — Так где, черт побери, все?

Через несколько минут он получил если не полный, то частичный ответ. Добравшись до конца лабиринта коридоров, на значительной глубине под поверхностью Марса, Клавэйн и Галиана оказались в детской.

Детская потрясла Клавэйна тем, что совершенно не соответствовала его представлениям. Она не только была со-

вершенно иной, чем думали там, на Деймосе, но противоречила всем его догадкам, основанным на знании жизни гнезда. Находясь на Деймосе, он предполагал, что в детской Объединенных действует лишь угрюмая медицинская целесообразность: сверкающие аппараты с младенцами, подключенными к некоему центральному устройству, словно чудовищно продуктивная кукольная фабрика. Оказавшись в гнезде, он пересмотрел свое мнение, исходя из сократившегося числа Объединенных. Если здесь и была детская, то явно не слишком продуктивная. Меньше детей — но по-прежнему картина огромных серых машин, купающихся в свете змееподобных ламп.

Но детская оказалась совсем иной.

Просторная комната, куда привела его Галиана, была почти болезненно яркой и веселой — детская фантазия, воплощенная в приятных формах и основных цветах. Стены и потолок представляли собой голографическое изображение неба: бесконечный голубой простор и груды снежно-белых облаков. Пол был сделан в виде волнистого ковра синтетической травы, с холмами и лугами. Здесь имелись и цветочные клумбы, и леса карликовых деревьев. Присутствовали и животные-роботы: сказочные птицы и кролики, слегка антропоморфные, чтобы обмануть Клавэйна. Они походили на зверей из детских книжек — большеглазые и счастливые. В траве валялись игрушки.

Здесь были дети. Примерно тридцать-сорок человек, в возрасте от нескольких месяцев до шести-семи стандартных лет. Некоторые копошились среди кроликов; другие дети, постарше, собирались около древесных пней, верхушки которых мигали быстро сменявшимися картинками, освещая лица зрителей. Они разговаривали, смеялись или пели. Среди детей ползали на коленях взрослые Объединенные; Клавэйн насчитал их полдюжины. При взгляде на одежду детей, сделанную из окрашенных в кричащие цвета тканей с орнаментальными узорами, болели глаза. Взрослые двигались среди них, словно вороны. Но дети, казалось, чувствовали себя беззаботно в их обществе.

— Это не похоже на то, что вы ожидали, верно?

— Нет... совсем не похоже. — Лгать не имело смысла. — Мы считали, что вы выращиваете детей в упрощенной версии механической мастерской, в которой вы обитаете.

— В самом начале дело обстояло более или менее так.— Тон Галианы едва заметно изменился. — Вы знаете, почему шимпанзе не обладают разумом в отличие от людей?

Клавэйн моргнул, не сразу уловив, к чему она ведет.

— Понятия не имею, может быть, их мозг меньше?

— Да, но мозг дельфина больше человеческого мозга, а дельфины едва ли смышленее собак.

Галиана остановилась у ближайшего свободного пня. Клавэйн не заметил, чтобы она что-то сделала, но на срезе пня возникло изображение мозга млекопитающего, и Галиана принялась водить по нему пальцем, указывая на нужные участки:

— Важен не столько общий объем мозга, сколько процесс его развития. Разница в массе мозга новорожденного шимпанзе и взрослой особи составляет всего около двадцати процентов. К тому времени, как шимпанзе появляется на свет и начинает получать информацию из внешнего мира, мозг его практически теряет пластичность. Точно так же дельфины рождаются с почти полным набором моделей взрослого поведения. Человеческий мозг, напротив, продолжает расти в течение всех лет обучения. Мы обратили эти сведения себе на пользу. Если для формирования интеллекта так важны данные, полученные до рождения, мы решили, что, возможно, нам удастся повысить его уровень путем вмешательства на ранних стадиях развития мозга.

— В утробе матери?

— Да.

Теперь на пне появилось изображение человеческого эмбриона — от начала цикла деления клеток до формирования едва заметных складок рудиментарного спинного нерва и утолщения на нем — крошечного мозга. В нем кишели мириады внутриклеточных машин, заполняя зарождающуюся нервную систему. Затем развитие эмбриона резко рванулось вперед, и вот уже Клавэйн смотрел на нерожденное человеческое дитя.

— Что произошло?

— Мы совершили ужасную ошибку, — ответила Галиана. — Вместо того чтобы ускорить нормальное развитие нервной системы, мы причинили ей сильный ущерб. Все кончилось тем, что дети выросли умственно отсталыми, но обладали некими сверхъестественными способностями.

Клавэйн огляделся:

— И тогда вы позволили остальным детям развиваться нормально?

— Более или менее. Разумеется, у нас нет семей, но опять же существует множество человеческих обществ и обществ приматов, в которых коллектив играет большую роль в развитии ребенка, чем семья. Пока мы не обнаружили никаких патологий.

Клавэйн наблюдал, как одного из старших детей уводят из комнаты-лужайки через дверь в небе. Когда взрослый подошел к двери, ребенок остановился, упираясь, хотя взрослый мягко увлекал его за собой. Ребенок на миг оглянулся, затем последовал за своим спутником.

— Куда идет этот ребенок?

— На следующую стадию развития.

Клавэйн размышлял, позволят ли ему наблюдать, как ребенок переходит на новую ступень. Вряд ли, решил он, если не существует программы ускоренного обучения как можно более значительного числа детей. Пока он раздумывал об этом, Галиана провела его в другую часть детской. Хотя эта комната была меньше по размеру и более строгой, все же здесь было больше красок, чем в любом другом месте гнезда, которые он видел до зеленой комнаты. Стены украшала мозаика тесно переплетающихся орнаментов, среди них кишели движущиеся изображения и быстро мелькающий текст. Клавэйн заметил стадо зебр, скачущих через ядро нейтронной звезды. В другом месте осьминог выпускал струю чернил в лицо какому-то диктатору XX века. Экраны росли из пола, словно японские бумажные ширмы, и были переполнены информацией. Дети — в возрасте до одиннадцати-двенадцати лет — небольшими группами сидели у экранов на мягких черных сиденьях в форме поганок и что-то обсуждали. Вокруг были разбросаны музыкальные инструменты: голографические клавесины, воздушные гитары. Некоторые дети, с серыми повязками на глазах, тыкали пальцами в какие-то абстрактные конструкции, исследуя глубины математического пространства, населенные драконами. Клавэйн увидел, чем они манипулируют на плоских экранах, и сердце у него сжалось.

— Они почти на месте, — сказал он. — Машины еще не внутри их мозга, но скоро проникнут туда. Когда это произойдет?

— Скоро, очень скоро.

— Вы спешите, верно? Пытаетесь сделать Объединенными как можно больше детей. Что у вас на уме?

— Что-то... произошло, вот и все. Вы прибыли или вовремя, или очень некстати, это зависит от вашей точки зрения.

И прежде чем он успел спросить ее, что это значит, Галиана добавила:

— Клавэйн, я хочу, чтобы вы кое с кем познакомились.

— С кем?

— Этот человек очень дорог нам.

Она провела его через ряд дверей, защищенных от детей, и наконец они оказались в маленькой круглой комнате. Стены были серыми, с прожилками; комната выглядела спокойной по сравнению с тем, что ему довелось только что видеть. В центре комнаты, на полу, скрестив ноги, сидел ребенок. Клавэйн оценил возраст девочки в десять стандартных лет, может быть чуть больше. Но она никак не отреагировала на появление Клавэйна — взрослый, даже ребенок, будь он нормальным, проявил бы хоть какую-то реакцию. Она просто продолжала делать то, что делала, когда они вошли, словно их и не было вовсе. Чем она занималась, было неясно. Она медленно, сосредоточенно двигала руками перед собой, словно играя на голографическом клавесине или представляя призрачный кукольный спектакль. Время от времени она поворачивалась в другую сторону и продолжала выполнять те же движения.

— Ее зовут Фелка, — сказала Галиана.

— Здравствуй, Фелка... — Он подождал, но ответа не было. — Я вижу, с ней что-то не в порядке.

— Она одна из тех умственно неполноценных детей. Фелка развивалась с машинами в мозгу. Как раз после ее рождения мы поняли свою ошибку.

Что-то во внешности Фелки встревожило Клавэйна. Возможно, то, что она продолжала свое бессмысленное занятие, поглощенная деятельностью, которой она, видимо, придавала величайшее значение, но которая явно не имела никакого смысла для разумного человека.

— Мне кажется, она нас не замечает.

— Она сильно отличается от всех нас, — пояснила Галиана. — Ее не интересуют другие человеческие существа.

У нее агнозия на лица — она не способна отличить одного человека от другого. Мы все кажемся ей одинаковыми. Вы можете представить себе нечто более странное?

Он попытался, но безуспешно. Жизнь, с точки зрения Фелки, была, должно быть, каким-то кошмаром — ее окружали сплошные клоны, внутреннюю жизнь которых она не могла постичь. Неудивительно, что она так увлеклась своей игрой.

— А почему она так важна для вас? — спросил Клавэйн, не слишком желая получить ответ.

— Она спасает нас от гибели, — сказала Галиана.

Разумеется, он спросил Галиану, что она имеет в виду. Но она лишь сказала, что он еще не готов увидеть ответ.

— А что именно требуется от меня для того, чтобы понять его?

— Простая процедура.

О да, это он хорошо понял. Всего только согласиться на установку нескольких имплантатов в определенные части мозга, и он постигнет истину. Вежливо, изо всех сил стараясь скрыть неприязнь, Клавэйн отказался. К счастью, Галиана не настаивала, так как наступило время встречи, которую ему обещали и ради которой он прибыл на Марс.

Он наблюдал, как группа обитателей гнезда цепочкой входит в конференц-зал. Галиана была их лидером, поскольку она основала здесь лабораторию, где начался эксперимент, и ей оказывали уважение как старшей. Она также явно лучше всех подходила, чтобы представлять их интересы. Все они имели специальные знания, которые нельзя было легко разделить между сообществом Объединенных; это сильно отличалось от общества похожих друг на друга клонов с общим сознанием, которое фигурировало в пропаганде Коалиции. Если гнездо в чем-то и походило на колонию муравьев, то это была колония, в которой каждый муравей играл особую роль, предназначенную только ему. Конечно, отдельному человеку нельзя было неограниченно вверять умение, важное для гнезда, — это была бы опасная крайность, — но тем не менее отдельные личности не полностью сливались с коллективным сознанием.

Должно быть, конференц-зал был построен в те дни, когда гнездо выполняло роль исследовательской станции, или даже раньше, в начале XXII века, когда здесь располагалось нечто вроде базы горняков. Он был слишком велик для этой непреклонной горстки Объединенных, которые собрались вокруг главного стола. На экранах вокруг стола мелькали тактические данные о наращивании ударных сил вокруг зоны строгого режима на Марсе, возможные траектории высадки наземных войск.

— Невил Клавэйн, — представила гостя Галиана. Все заняли свои места. — Мне жаль, что с нами нет Сандры Вои. Мы все скорбим о ней. Но возможно, после этого ужасного несчастья мы сможем найти общий язык. Невил, прежде чем прилететь сюда, вы сообщили нам, что у вас имеется проект мирного разрешения кризиса.

— Действительно, хотелось бы его услышать, — отчетливо пробормотал один из присутствующих.

У Клавэйна пересохло в горле. С точки зрения дипломатии он очутился среди зыбучих песков.

— Мое предложение касается Фобоса...

— Продолжайте.

— Я получил там ранения, — сказал он. — Очень серьезные. Наша попытка очистить его от червей провалилась, и я потерял несколько хороших друзей. Теперь у меня имеется личный счет к червям. Но я принял бы любую помощь, чтобы справиться с ними.

Прежде чем ответить, Галиана быстро оглядела своих соратников:

— Вы предлагаете совместную операцию?

— Это может сработать.

— Да... — На мгновение Галиана, казалось, растерялась. — Думаю, что это может быть выходом из тупика. Мы тоже потерпели неудачу в борьбе с червями — а заграждение помешало нам попытаться еще раз. — И снова она впала в задумчивость. — Но кто получит реальную выгоду от очистки Фобоса? Мы по-прежнему будем заперты здесь.

Клавэйн наклонился вперед:

— Я думаю, что именно совместные боевые действия могут привести к ослаблению заградительных мер. Но для меня это не главное. Подумайте об угрозе со стороны червей.

— Угрозе?

Клавэйн кивнул:

— Возможно, вы этого не заметили. — Он снова наклонился, положив локти на стол. — Мы озабочены присутствием на Фобосе червей. Они начали изменять орбиту спутника. В настоящее время сдвиг едва заметен, но он достаточно велик, чтобы понять: это не случайность.

Галиана на миг отвела взгляд, словно взвешивая «за» и «против», затем произнесла:

— Нам это известно, но мы считали, что вы не можете этого знать.

Благодарность?

Он полагал, что деятельность червей не ускользнет от внимания Галианы.

— Мы наблюдали странное поведение и в других колониях червей по всей системе — вещи, которые выглядят как проявление рассудка, — но ничего целенаправленного. Должно быть, у этой партии существует какая-то подпрограмма, о существовании которой мы не догадывались. У вас есть предположения относительно того, что они затевают?

И снова последовало короткое молчание, словно она обсуждала со своими соратниками правильный ответ. Затем Галиана кивнула в сторону мужчины, сидящего напротив нее; Клавэйн подумал, что жест предназначался исключительно для удобства гостя. У мужчины были волнистые черные волосы, гладкое, безмятежное лицо, как и у Галианы, симметричными чертами он походил на нее.

— Это Ремонтуар, — сказала Галиана. — Он наш специалист по ситуации на Фобосе.

Ремонтуар вежливо кивнул.

— На ваш вопрос могу ответить, что у нас в настоящее время нет четкой теории относительно того, что они делают, но мы знаем одно: они увеличивают апоцентр орбиты спутника.

Клавэйн знал, что апоцентром называется марсианский эквивалент апогея для объекта, вращающегося вокруг Земли, — наиболее удаленная точка эллиптической орбиты.

Ремонтуар продолжал неестественно спокойным голосом, словно отец, читающий книгу ребенку:

— На самом деле нормальная орбита Фобоса находится внутри предела Роша[1] для гравитационно связанного спутника; Фобос порождает на Марсе приливные силы[2], но из-за трения эти приливы немного отстают от Фобоса. Поэтому Фобос медленно приближается к Марсу по спирали, со скоростью примерно два метра в сто лет. Через несколько десятков миллионов лет то, что останется от спутника, врежется в Марс.

— И вы думаете, что черви увеличивают радиус орбиты, чтобы избежать катастрофы, грозящей им в таком отдаленном будущем?

— Не знаю, — ответил Ремонтуар. — Я предполагаю, что изменения орбиты могут также происходить в результате какой-то менее значительной активности червей.

— Согласен, — сказал Клавэйн. — Но опасность остается. Если черви в состоянии увеличить радиус орбиты спутника — даже непреднамеренно, — то можно предположить, что они в состоянии также уменьшить его перицентр. Они могут сбросить Фобос на ваше гнездо. Неужели это не пугает вас настолько, чтобы рассмотреть возможность союза с Коалицией?

Галиана уперла кончики пальцев в лоб; у людей этот жест служил признаком сосредоточенного размышления, и даже пребывание в среде Объединенных не смогло уничтожить его. Клавэйн почти чувствовал, как в комнате образуется паутина мыслей: призрачные нити узнавания протянулись между всеми Объединенными, сидящими за столом, и куда-то прочь, к другим жителям гнезда.

— Команда победителей, вот в чем ваша мысль?

— Это наверняка лучше, чем война, — заметил Клавэйн. — Вы согласны?

Галиана, наверное, собралась ответить, но в этот момент на лице ее отразилось беспокойство. Клавэйн увидел, как

---

[1] *Предел Роша* — радиус орбиты спутника, на котором приливные силы, вызванные гравитацией центрального тела, равны силам внутреннего сцепления спутника. Спутники, обращающиеся на орбитах ниже предела Роша, неустойчивы и разрушаются.

[2] Приливные силы возникают как разность сил тяготения, действующих на протяженное тело; разные части этого тела по-разному притягиваются возмущающим телом. Самым известным примером их действия являются приливы и отливы на Земле, откуда и произошло их название. Луна вызывает приливы не только в океанах, но и в коре Земли.

всех остальных практически мгновенно захлестнула волна тревоги. Что-то подсказало ему, что волнение не имело отношения к его предложению.

Половина дисплеев, окружающих стол, автоматически переключилась на другой канал. Лицо, на которое смотрел Клавэйн, сильно походило на его собственное, если не считать того, что у человека на экране не хватало одного глаза. Это был его брат. Изображение Уоррена перекрывали официальные эмблемы Коалиции и дюжины межпланетных информационных картелей.

Он как раз говорил что-то.

— ...выразить свое потрясение, — произнес Уоррен. — Или, если на то пошло, свой гнев. Они убили не просто исключительно ценного сотрудника и опытного члена моей команды. Они убили моего брата.

Клавэйн ощутил смертельный холод:

— Что это такое?

— Прямой эфир с Деймоса, — выдохнула Галиана. — Это передается по всем сетям, даже в поселения за пределами Плутона.

— Их действия — пример отвратительного предательства, — продолжал Уоррен. — Это не что иное, как намеренное хладнокровное убийство мирных представителей.

Лицо Уоррена сменил видеоклип. Видимо, изображение было получено с Деймоса или одного из заградительных спутников. Был виден шаттл Клавэйна, валяющийся в пыли неподалеку от стены. Клавэйн смотрел, как Уроборос крушит шаттл, затем изображение укрупнилось, и стали видны фигуры его и Вои, спасающиеся бегством к гнезду. Уроборос напал на Вои. Но на этот раз веревочной лестницы для Клавэйна не было. Вместо этого он увидел, как со стороны Стены к нему несутся смертоносные лучи, сбивают его с ног. Получив ужасные раны, он попытался подняться, прополз несколько дюймов к своим мучителям, но червь уже догнал его.

Он смотрел, как его едят.

На экране снова возник Уоррен:

— Черви вокруг гнезда — это ловушка Объединенных. Смерть моего брата была запланирована за несколько дней — а может быть, за несколько недель — до его прибытия. — Его холодное лицо излучало воинственность. —

На подобные действия мы можем ответить только одним, и Объединенные отлично понимают это. Уже несколько месяцев они провоцируют нас на силовые меры. — Он помолчал, затем кивнул невидимым зрителям. — Что же, теперь они получат то, чего добивались. Наш ответный удар уже начался.

— О боже, нет! — застонал Клавэйн, но подтверждение этих слов уже поступило: все дисплеи вокруг стола передавали изображение флота Коалиции, несущегося к Марсу.

— Думаю, это война, — заключила Галиана.

Объединенные бросились на крышу гнезда, занимая оборонительные позиции вокруг куполов и на краю стены. Бо́льшая часть их была вооружена такими же ружьями, которыми они пользовались против Уроборосов. Несколько человек устанавливали автоматические пушки на треногах. Двое тащили на позицию огромные оборонительные орудия. По большей части это были излишки военной промышленности. Пятнадцать лет назад, чтобы избежать уничтожения, Объединенные использовали оружие ужасной разрушительной силы, но орудия, пригодные для сражений между кораблями, были попросту слишком мощными в ближнем бою. Теперь они пользовались менее разрушительным оружием, годным для примитивного сражения, и Клавэйн знал, что против атаки, разработанной Уорреном, вооружение Объединенных *беспомощно. Они могут задержать атаку, но не более того.*

Галиана дала Клавэйну новую дыхательную маску, заставила его надеть легкий камуфляжный бронированный костюм и насильно вручила ему небольшое ружье. Держать ружье было непривычно; он не думал, что ему снова придется взять в руки оружие. Единственным оправданием ему служило то, что он собирался воспользоваться им против солдат своего брата — против своих людей.

Способен ли он на это?

Было очевидно, что Уоррен предал его; он наверняка знал о червях, окружающих гнездо. Так что его брат способен не только на презрение, но и на предательское убийство. Впервые Клавэйн почувствовал настоящую ненависть к Уоррену. Он, должно быть, надеялся, что черви полностью уничтожат шаттл и заодно прикончат Клавэйна и Вои.

И наверное, ему больно было видеть, как Клавэйн взобрался на Стену... и еще больнее слышать, как он рассказывает о трагедии. Но в основном план Уоррена не пострадал. Дипломатический канал между гнездом и Деймосом был секретным — даже Демаршисты не могли бы сразу получить к нему доступ. Так что о вызове Клавэйна с Марса можно было просто забыть; изображение, полученное со спутника-шпиона, было подкорректировано, и создалось впечатление, что он не добрался до Стены... что его предали Объединенные. Демаршисты со временем обязательно обнаружат обман... но, если план Уоррена сработает, задолго до этого они будут вовлечены в войну. А только это, понимал Клавэйн, и требовалось Уоррену.

Два брата, думал Клавэйн. Во многом такие разные. Когда-то оба участвовали в войне, но Клавэйн, словно ветреный возлюбленный, устал от ее лавров. Его даже не так серьезно ранили, как Уоррена... и возможно, дело было также и в этом. Уоррену требовалась новая война, чтобы отомстить за то, что у него отняли.

Клавэйн одновременно презирал и жалел его.

Он поискал предохранитель. Изучив винтовку внимательнее, он понял, что она не так уж сильно отличается от тех, которыми он пользовался во время войны. Цифры на дисплее показывали, что аммиачная ячейка полностью заряжена.

Он посмотрел на небо.

Атакующие корабли вошли в атмосферу Марса над Стеной, под прямым углом; пятьсот шаровых молний, визжа, неслись к гнезду. При вхождении в атмосферу на большинстве кораблей выгорело некоторое количество удаляемой брони; несколько кораблей, летевших слишком быстро, сгорело. Клавэйн прекрасно знал, что происходит; он годами изучал возможные сценарии атаки, в память ему неизгладимо врезались цифры потерь.

Оборонительные орудия уже вступили в бой, зафиксировав плазменные следы, расцветающие в небе, вращались, ища кропечные огненные искорки, рассчитывая индексы рефракции для лазеров и выплевывая в небо смерть. Невезучие корабли превращались в белые вспышки, режущие глаз, и рассыпались миллионами гаснущих искр. Дюжина — затем еще дюжина. Прежде чем орудия потеряли воз-

можность ловить цели, они сбили примерно пятьдесят кораблей. Это было слишком мало. По разработкам атак Клавэйн помнил, что из этой волны после вхождения в атмосферу и обстрела Объединенных должны выжить по меньшей мере четыреста кораблей.

Что бы ни предпринимала Галиана, теперь это не имело значения.

Его снова поразил этот парадокс. Галиане были доступны те же соображения. Она с самого начала не могла не понимать, что ее провокации приведут к атаке, которую она никогда не сможет отразить.

К атаке, которая приведет к уничтожению гнезда.

Уцелевшие корабли теперь выравнивались, начиная длинные низкие виражи, неслись на гнездо со всех сторон. Солдаты, упакованные внутри, сейчас подвергались тяжелым перегрузкам... но они были к этому готовы: в их сердечно-сосудистую систему были встроены имплантаты единственного разрешенного Коалицией типа.

Первые корабли приблизились на сверхзвуковой скорости, описывая дуги. Повсюду черви пытались схватить их в воздухе, но роботы были слишком медлительными, чтобы поймать десантные корабли. Люди Галианы заняли позиции у пушек и изо всех сил старались отогнать врага. Клавэйн сжал ружье, но пока не стрелял. Лучше поберечь заряд до того момента, когда появится верная цель.

Первые корабли наверху сделали поворот на сто восемьдесят градусов, направив носы в самоубийственном броске прямо на гнездо. Затем они распались, и показались падающие пилоты в луковицеобразных скафандрах. Непосредственно перед падением вокруг каждого пилота возник черный баллон, поглощающий удар, и солдаты стали похожи на ягоды черники, катившиеся по гнезду; но баллоны спустились так же быстро, и пилоты уже стояли на земле. К этому моменту у каждого пилота — теперь они превратились в солдат — имелась прекрасная смоделированная компьютером карта всех уголков гнезда; позиции врага изображались в реальном времени по данным со спутников.

Клавэйн спрятался за купол, прежде чем ближайший солдат поймал его в прицел. Теперь начинался бой с огнестрельным оружием. Ему пришлось оставить это людям Галианы – они сражались как дьяволы. И они были орга-

низованы не хуже нападающих. Но их оружие и обмундирование просто не подходили для этого сражения. Камуфляж был по-настоящему эффективен против единичного врага или против массы врагов, движущихся в одном направлении. Но теперь, когда их окружали солдаты Коалиции, костюм Клавэйна буквально обезумел, пытаясь стать сразу нескольких цветов, словно хамелеон в комнате с зеркальными стенами.

Небо приобрело странный, темно-пурпурный цвет. Над гнездом распространялся фиолетовый туман. Галиана применила какой-то тип химической дымовой завесы, непроницаемый для инфракрасных и видимых лучей, решил Клавэйн. Она скроет гнездо от спутников-шпионов и, должно быть, прилипает только к вражескому камуфляжу. Этого Уоррен не предвидел. Галиана получила небольшое преимущество.

Из тумана выступил солдат, темное дуло ружья было направлено на Клавэйна. Его камуфляжный костюм покрывали круглые ярко-лиловые пятна, мешавшие маскировке. Человек выстрелил, но заряд пропал зря — костюм спас Клавэйна. Он ответил тем же, и его соотечественник упал. Он подумал: технически то, что он сейчас сделал, — не предательство. Пока еще нет. Все, что он совершил, он совершил в целях самозащиты.

Человек был ранен, но еще не умер. Клавэйн пробрался сквозь пурпурную завесу и опустился на колени рядом с солдатом. Он старался не смотреть на рану.

— Вы меня слышите? — спросил он.

Раненый не ответил, но Клавэйну показалось, что он увидел движение губ за щитком, скрывающим лицо. Это был еще ребенок — едва ли он помнил последнюю войну.

— Вы должны узнать кое-что, — продолжал Клавэйн. — Вы понимаете, кто я?

Он подумал, можно ли узнать его в дыхательной маске. Затем что-то заставило его бросить эту затею. Он может сказать этому человеку, что он — Невил Клавэйн, но чего он этим добьется? Через несколько минут, может быть, секунд солдат умрет. Никакой пользы не будет оттого, что он узнает о лжи, из-за которой его повели в атаку, о том, что он пожертвовал своей жизнью ради неправого дела. Вселенная может обойтись без подобной жестокости.

— Все в порядке, — сказал Клавэйн, отворачиваясь от своей жертвы.

Затем он направился к центру гнезда, взглянуть, кого еще можно убить, до того как превосходящие своей численностью враги прикончат его.

Но этого не случилось.

— Вам всегда везло, — произнесла Галиана, склоняясь над ним.

Они снова находились где-то под землей — глубоко в недрах гнезда. Судя по виду, это был медицинский отсек. Клавэйн лежал на кровати, полностью одетый, не хватало только внешнего слоя камуфляжного костюма. Комната с серыми стенами имела форму чайника и была опоясана круглым балконом.

— Что произошло?

— Вас ранили в голову, но вы будете жить.

Он попытался сформулировать нужный вопрос:

— А как атака Уоррена?

— Мы отразили три волны. Разумеется, понесли тяжелые потери.

По окружности балкона стояло примерно тридцать серых коек, немного углубленных в ниши, набитые серым медицинским оборудованием. Все они были заняты. В этой комнате находилось больше Объединенных, чем Клавэйн до сих пор видел за один раз. Некоторые из них, казалось, были на пороге смерти.

Клавэйн поднял руку и осторожно ощупал голову. На спутавшихся волосах засохло немного крови; тело несколько онемело, но могло быть гораздо хуже. Он чувствовал себя нормально: ни провалов в памяти, ни афазии. Когда он попытался встать с кровати, тело послушалось его, лишь слегка закружилась голова.

— Уоррен не остановится на трех волнах, Галиана.

— Я знаю. — Она помолчала. — Мы знаем, что будут еще.

Подойдя к перилам, ограждающим балкон, он взглянул вниз. Он ожидал увидеть какие-нибудь громадные непонятные медицинские приспособления, но в центре комнаты зияла пустая яма с гладкими серыми стенами. Он содрогнулся. Воздух здесь был холоднее, чем в других виденных

им частях гнезда, стоял резкий больничный запах, напомнивший ему о госпитале для выздоравливающих на Деймосе. Но еще сильнее он вздрогнул, когда увидел, что некоторые из раненых — из мертвых — были едва старше тех детей, которых он посетил несколько часов назад. Возможно, здесь были и те дети, мобилизованные прямо из детской, вооруженные боевыми навыками при помощи своих новых имплантатов.

— Что вы собираетесь предпринять? Вы же знаете, что не можете победить. Уорреп в этих трех атаках потерял ничтожную часть своих сил. А здесь все выглядит так, словно погибла половина гнезда.

— Дело обстоит намного хуже, — призналась Галиана.

— Что вы имеете в виду?

— Вы еще не совсем готовы. Но я могу показать вам это через минуту.

Он почувствовал, что леденеет.

— Что значит — не совсем готов?

Галиана взглянула ему прямо в глаза:

— Вы получили серьезное ранение в голову, Клавэйн. Сама рана была невелика, но внутреннее кровотечение... Если бы мы не вмешались, вы бы погибли. — Прежде чем он успел задать неизбежный вопрос, она ответила на него сама: — Мы сделали вам небольшую инъекцию медицинских машин в мозг. Они легко устранили повреждения. Но мы предусмотрительно позволили им расти.

— Вы поместили мне в мозг репликаторы?

— Не стоит так пугаться. Они уже растут — распространяются и устанавливают взаимодействие с уже существующими нервными схемами, но они занимают лишь ничтожную часть всей глиальной массы, всего несколько кубических миллиметров во всем вашем мозгу.

«А вдруг это блеф?» — подумал Клавэйн.

— Я ничего не чувствую.

— И не должны — почувствуете примерно через минуту. — Она указала на пустую яму в центре комнаты. — Станьте там и посмотрите вперед.

— Там ничего нет.

Но не успел он произнести эти слова, как понял, что ошибся. В яме что-то было. Моргнув, он отвел взгляд, но, посмотрев опять в яму, снова увидел этот предмет — сначала

призрачный, молочно-белый, он с каждой секундой становился ярче, принимал четкие очертания. Это была трехмерная структура, сложная, как клубок белковой молекулы. Переплетение петель и связок, узлов и туннелей, встроенное в призрачную красную матрицу.

Внезапно он понял, что перед ним: это была карта гнезда, уходящего глубоко в недра Марса. Как и подозревала Коалиция, база стала гораздо больше, она расширилась и уходила в землю глубже, чем можно было себе представить. Клавэйн попытался запечатлеть в памяти хотя бы часть увиденного — рефлекс собирания информации оказался сильнее осознания того, что он никогда уже не увидит Деймос.

— Панниты в мозгу установили связь с вашей зрительной корой, — объяснила Галиана. — Это первый шаг на пути к Всеобщему Просветлению. Теперь вы можете видеть созданные компьютером образы, закодированные полями, через которые мы движемся, по крайней мере бо́льшую часть их.

— Скажите мне, что вы не планировали это, Галиана. Скажите, что вы не намеревались при первой возможности запихнуть мне в голову панниты.

— Нет, я не собиралась этого делать. Но я не могла позволить вашим фобиям помешать мне спасти вашу жизнь.

Изображение усложнялось. В туннелях появились светящиеся точки, некоторые медленно двигались по лабиринту.

— Что это?

— Вы видите местонахождение Объединенных, — ответила Галиана. — Нас здесь так же много, как вы представляли себе?

Клавэйн насчитал во всем комплексе не более семидесяти огоньков. Он поискал скопление, изображающее комнату, в которой находился. Вот она: двадцать ярких точек, среди них одна более тусклая. Это он сам, разумеется. На верхнем этаже гнезда было всего несколько человек; либо во время атаки обрушилась половина туннелей, либо Галиана сама приказала завалить их.

— А где все остальные? Где дети?

— Большинство из них погибли. — Она помолчала. — Вы были правы, предполагая, что мы торопились приобщить их к Всеобщему Просветлению, Клавэйн.

— Зачем?

— Потому что это единственный выход отсюда.

Изображение вновь приняло иной вид. Теперь все огоньки были связаны между собой мерцающей нитью. Структура сети постоянно менялась, словно картинка в калейдоскопе. Время от времени — это происходило слишком быстро, чтобы Клавэйн мог быть уверенным, — образовывалось нечто вроде неуловимого симметричного геометрического узора, затем узор растворялся в мерцающем хаосе изменчивой структуры. Он присмотрелся к узелку, обозначавшему Галиану, и увидел, что, даже разговаривая с ним, она поддерживала постоянную связь с остальными жителями гнезда.

Затем в центре изображения появилось нечто очень яркое, похожее на крошечную звезду, и по сравнению с ней мерцающая сетка стала бледной, почти невидимой.

— Сейчас сетка стала всеобщей, — сказала Галиана. — Яркий свет символизирует ее единство — единство во Всеобщем Просветлении. Смотрите.

Он стал смотреть. От яркого свечения — самого прекрасного и манящего, что доводилось когда-либо видеть Клавэйну, — исходил луч в направлении одинокого огонька, который изображал его самого. Луч пробивался сквозь матрицу, приближаясь с каждой секундой.

— Новые структуры в вашем мозгу почти закончили развиваться, — объяснила Галиана. — Когда луч прикоснется к вам, вы вступите в частичную интеграцию со всеми нами. Приготовьтесь, Невил.

В ее словах не было необходимости. Свет подбирался все ближе и ближе к его огоньку, и Клавэйн стиснул перила взмокшими ладонями.

— Я должен возненавидеть вас за это, — сказал Клавэйн.

— Почему же не возненавидите? Ненависть всегда самый легкий путь.

— Потому что...

Потому что теперь это не имело значения. Его прежняя жизнь осталась позади. Он протянул руки к Галиане — ему нужно было за что-то ухватиться, защититься от надвигающегося удара. Галиана сжала его руку, и мгновение спустя он познал Всеобщее Просветление. Ощущение было потрясающим — не болезненным, не страшным, но совершен-

но новым. Он буквально начал думать иначе, чем думал несколько микросекунд назад.

Потом, когда Клавэйн пытался мысленно описать происшедшее, он понял, что слова не годятся для этого. И неудивительно: в процессе эволюции язык приспособился передавать многие понятия, но не такие, как переход от индивидуальности к части сетки, состоящей из множества личностей. Но если он не был способен передать суть происшедшего, то он, по крайней мере, мог изобразить его с помощью метафоры. Словно он стоял на берегу океана и гигантская волна накрыла его. Какое-то время он пытался добраться до поверхности, пытался не наглотаться воды. Но поверхности не было. Оксан, поглотивший его, простирался бесконечно во всех направлениях. Ему оставалось лишь подчиниться. Но шли минуты, и это пугающее, незнакомое превращалось в нечто приемлемое; ему начинало даже казаться, что оно успокаивает. Уже тогда он понял, что это лишь тень тех ощущений, которые переживает Галиана в каждое мгновение своей жизни.

— Все в порядке, — сказала Галиана. — Пока достаточно.

Волна Всеобщего Просветления отступила, словно тускнеющее изображение божества. У Клавэйна остались лишь чувственные ощущения; больше не было прямой связи с остальными. Его сознание сокрушительно быстро вернулось к нормальному состоянию.

— Вы в порядке, Невил?

— Да... — У него пересохло в горле. — Думаю, что да.

— Оглянитесь.

Он огляделся по сторонам.

Комната совершенно изменилась. Изменились и все присутствующие.

Преодолевая головокружение, Клавэйн вышел на свет. Прежде серые, стены были испещрены манящими узорами, словно мрачная чаща внезапно превратилась в заколдованный лес из сказки. В воздухе, будто вуали, висели данные: схемы, диаграммы, — цифры роились вокруг коек раненых, тая в пространстве, словно фантастические, хрупкие неоновые скульптуры. Когда он двинулся навстречу рисункам, те, словно в насмешку, разбежались от него, подобно косякам сверкающих рыб. Иногда казалось, что они поют; иногда нос его щекотали наполовину знакомые запахи.

— Теперь вы можете воспринимать эти вещи, — заметила Галиана. — Но они не многое скажут вам. Для этого вам нужно или несколько лет учиться, или встроить в мозг более мощные паннты, которые создают когнитивные уровни. Мы читаем все это почти подсознательно.

Теперь Галиана была одета иначе. Он по-прежнему смутно различал очертания ее серого комбинезона, но вокруг него волновались клубки света, развертываясь по краям в цепочки чисел логики Буля[1]. В ее волосах, словно ангелы, плясали рисунки. Он видел едва заметную паутину мыслей, связывающую ее с другими Объединенными.

Галиана сияла нечеловеческой красотой.

— Вы сказали, что дело обстоит намного хуже, — произнес Клавэйн. — Теперь вы готовы показать мне?

Она снова отвела его к Фелке. Они миновали покинутые детские комнаты, единственными обитателями которых теперь стали механические зверюшки. Фелка осталась в детской одна.

В прошлый раз Клавэйн испытал потрясение при виде Фелки, но причины этого он не мог бы назвать. Было что-то *такое в целеустремленности, проявлявшейся* в ее действиях, выполнявшейся с нечеловеческой сосредоточенностью, словно судьба Вселенной зависела от исхода ее игры. Со времени его посещения ни Фелка, ни комната не изменились. Обстановка была такой же строгой, даже угнетающей. Девочка выглядела по-прежнему. По всему казалось, что они покинули ее лишь мгновение назад; словно начало войны и нападения на гнездо — битва, в которой лишь наступила передышка, — были выдумками из чужого кошмарного сна; ничто не могло отвлечь Фелку от ее занятия.

И это занятие повергло Клавэйна в благоговейный ужас.

Раньше он видел, что она делает перед собой странные жесты. Теперь имплантаты в его голове позволяли ему разглядеть, *какую цель она преследует*. Вокруг Фелки, окружая ее, словно баррикада, высилась призрачная копия Великой Стены.

Она что-то делала со Стеной.

---

[1] *Буль Джордж* (1815–1864) — английский математик, в 1854 году сформулировал основы математической логики.

Клавэйн понял, что это не точное изображение. Стена казалась гораздо выше, чем в действительности. А поверхность ее была не невидимой мембраной, как у настоящей Стены, но походила на травленое стекло. На поверхности были вытравлены филигранные линии и узлы, становившиеся все меньше и меньше, наконец они превращались в неясные очертания, которые не мог различить глаз. Стена колебалась и изменяла цвет, и теперь Клавэйн видел, что Фелка реагировала на эти изменения с пугающей быстротой. Казалось, цветовые изменения предупреждали о какой-то опасности, угрожавшей части Стены, и, прикасаясь к ним, действуя при помощи какого-то тактильного кода, Фелка могла изменять узоры, блокируя и нейтрализуя опасность, прежде чем та успевала распространиться.

— Я не понимаю, — произнес Клавэйн. — Я думал, что мы разрушили Стену, полностью уничтожили ее системы.

— Нет, — возразила Галиана. — Вы лишь нанесли ей некоторый ущерб. Остановили ее рост, лишили ее возможности корректно ликвидировать повреждения... но на самом деле вы не убили ее.

Клавэйн понял, что Сандра Вои догадывалась об этом. Она удивлялась, как Стена могла прожить так долго.

Галиана рассказала ему все остальное — как им удалось пятнадцать лет назад установить связь гнезда со Стеной при помощи оптических кабелей, проложенных глубоко под занятой червями зоной.

— Мы приостановили разрушение Стены при помощи программ, выполняемых простейшими машинами, — говорила она. — Но когда родилась Фелка, мы обнаружили, что она может справиться с задачей не хуже компьютеров, в каком-то смысле даже эффективнее. В сущности, казалось, что от этого ей становилось лучше. Словно в Стене она нашла... — Галиана смолкла. — Я хотела сказать — нашла друга.

— И почему же не сказали?

— Потому что Стена — это просто машина. А это значит, что если Фелка имеет с ней что-то общее... кто же тогда она сама?

— Одинокий ребенок, вот кто. — Клавэйн наблюдал за движениями девочки. — Мне кажется, она двигается быстрее, чем раньше. Это возможно?

— Я сказала вам, что дело обстоит хуже, чем прежде. Ей приходится работать напряженнее, чтобы удержать Стену от разрушения.

— Должно быть, Уоррен задел ее, — предположил Клавэйн. — Возможность разрушения Стены всегда фигурировала в наших планах новой войны как случайное обстоятельство. Но я не думал, что это произойдет так скоро. — Он снова посмотрел на Фелку. Может быть, ему показалось, но она ускорила движения с того момента, как они вошли в комнату. — Как вы думаете, долго еще она сможет держаться?

— Не слишком, — ответила Галиана. — Откровенно говоря, я думаю, что она уже потерпела поражение.

Это была правда. Взглянув пристальнее на призрачную Стену, Клавэйн заметил, что верхний край ее не был больше, как прежде, математически строгим кольцом; там появились дюжины крошечных дыр с зазубренными краями, которые все расширялись. Фелка обращала все больше внимания на эти щели в Стене; она приказывала структуре Стены отводить энергию и строительные материалы к этим критическим точкам. Когда Клавэйн представлял себе, какими процессами управляет на расстоянии Фелка, ему становилось страшно. Внутри Стены располагалась лимфатическая система, на периферии к ней присоединялись подводящие трубки диаметром от нескольких метров до долей миллиметра; жестами девочка устанавливала связь между поврежденными участками и фабриками, расположенными в толще Стены, которые производили требуемый тип механизмов. Галиана рассказала, что Фелка более десяти лет удерживала Стену от распада, — но бóльшую часть времени ее противниками были лишь естественный процесс разрушения и случайные повреждения. Теперь, когда Стену снова атаковали, положение изменилось. В этой игре она не могла надеяться выиграть.

Движения Фелки становились быстрее, теряли плавность. Лицо ее оставалось бесстрастным, но по движениям глаз, все быстрее перебегающим от одной точки к другой, можно было уловить первые признаки паники. И неудивительно: самые глубокие трещины уже прогрызли четверть пути до основания Стены и они были слишком широки и не поддавались исправлению. Стена распадалась по этим

трещинам. Через образовавшиеся отверстия наружу уносило кубические километры атмосферы. Сначала потеря давления могла казаться неизмеримо малой, потому что у верхнего края Стены цилиндр воздуха был лишь чуть плотнее марсианской атмосферы. Но это лишь сначала...

— Нужно уйти вглубь, — сказал Клавэйн. — Когда Стена рухнет, нам ни за что не выжить, если мы останемся у поверхности. Возникнет самое мощное торнадо в истории.

— А что предпримет ваш брат? Сбросит на нас ядерную бомбу?

— Нет, не думаю. Он захочет завладеть всеми технологиями, которые вы скрываете. Он подождет, пока пылевая буря не стихнет, затем нападет на гнездо с армией, в сотню раз большей, чем вы видели до сих пор. Вы не сможете сопротивляться, Галиана. Если вам повезет, вы доживете до того, как вас возьмут в плен.

— Пленных не будет, — возразила Галиана.

— Вы собираетесь погибнуть в бою?

— Нет. И массовое самоубийство также не входит в наши планы. В этом нет необходимости. К тому времени, когда ваш брат доберется сюда, в гнезде никого не останется.

Клавэйн вспомнил о червях, окружавших их, о том, как малы шансы оказаться в безопасности, если придется идти мимо них.

— Секретные туннели под зоной червей, так? Надеюсь, вы говорите серьезно.

— Серьезно, как никогда, — ответила Галиана. — Да, существует секретный туннель. Оставшиеся дети уже прошли сквозь него. Но он расположен не под зоной червей.

— Где же тогда?

— Немного дальше отсюда.

Когда они снова проходили через медицинский центр, там было пусто — лишь несколько S-образных роботов терпеливо ожидали новых пострадавших. Они оставили Фелку чинить Стену; руки ее мелькали с безумной быстротой, она пыталась отдалить крах. Клавэйн попытался заставить ее идти с ними, но Галиана сказала, что он напрасно тратит время: она скорее умрет, чем расстанется со Стеной.

— Вы не понимаете, — объяснила Галиана. — Вы наделяете ее человеческими качествами. Поддержание сущест-

вования Стены — единственное, самое важное ее занятие в жизни, это для нее важнее любви, боли, смерти — всего, что я или вы признаем человечным.

— А что случится с ней, если Стена рухнет?

— Ее жизнь закончится, — сказала Галиана.

Он оставил девочку неохотно, с чувством стыда. С точки зрения разума это был лучший выход: без помощи Фелки Стена рухнула бы гораздо быстрее, и они, скорее всего, погибли бы вместе с безумной девочкой. Насколько глубоко им нужно спрятаться, чтобы их не засосало в воронку? Сохранится ли хотя бы часть гнезда?

Коридоры, по которым они спускались, оставались такими же серыми и холодными, как прежде. В стенах не было генераторов изображения, на которые реагировали имплантаты в голове Клавэйна, и даже светлая аура Галианы исчезла. Они встретили лишь нескольких Объединенных, и те, казалось, двигались в том же направлении — вниз, к основанию гнезда. Эта территория была незнакома Клавэйну.

Куда же ведет его Галиана?

— Если у вас с самого начала имелся выход, почему вы сразу не отправили туда детей?

— Я же сказала вам, что мы не могли так быстро приобщить их к Всеобщему Просветлению. Чем старше дети, тем лучше, — объяснила Галиана. — Но теперь...

— Ждать больше нельзя, верно?

Наконец они оказались в комнате с таким же эхом, как и в ангаре наверху. Здесь было темно, за исключением нескольких светлых островков, но в тени Клавэйн различил поврежденное землеройное оборудование и грузовые поддоны, краны и деактивированных роботов. Пахло озоном. Здесь продолжалась какая-то деятельность.

— Это завод, на котором производятся корабли? — спросил Клавэйн.

— Да, мы делаем здесь кое-что, — подтвердила Галиана. — Но это было побочное производство.

— А основное?

— Основное — это туннель, разумеется.

Галиана включила свет. В дальнем конце помещения, куда они направлялись, находилось несколько цилиндрических предметов с заостренными концами, напоминавших

гигантские патроны. Они стояли на рельсах, друг за другом. Рядом с верхушкой первого «патрона» в стене было темное отверстие. Клавэйн хотел было что-то спросить, когда раздалось неожиданное громкое гудение, и первый «патрон» исчез в дыре. Остальные снаряды — их осталось три — медленно подъехали ближе к дыре и остановились. Объединенные ждали своей очереди, чтобы забраться внутрь.

Он вспомнил слова Галианы о том, что в гнезде никого не останется.

— Что здесь происходит?

— Это путь прочь из гнезда, — объяснила Галиана. — И с Марса, хотя, думаю, вы уже сами кое о чем догадались.

— С Марса нет пути, — возразил Клавэйн. — Заграждение работает эффективно. Вы не поняли этого после гибели своих кораблей?

— Корабли были отвлекающим маневром, — сказала Галиана. — Мы хотели заставить вас думать, что по-прежнему пытаемся улететь, а на самом деле наш путь уже действовал.

— Дорого вам обошелся этот отвлекающий маневр.

— Не так уж дорого. Я солгала вам, сказав, что мы не проводили клонирования. Мы занимались этим — но лишь для того, чтобы создавать тела без мозга. Еще до старта корабли были полны трупов.

В первый раз с той минуты, как Клавэйн покинул Деймос, он улыбнулся, позабавленный явными отклонениями в мышлении Галианы.

— Разумеется, была еще одна цель, — добавила она. — Эти корабли провоцировали ваших людей на прямую атаку гнезда.

— Значит, все это было заранее задумано?

— Да. Нам требовалось привлечь ваше внимание, чтобы вы сосредоточили вооруженные силы на низкой орбите, поблизости от гнезда. Разумеется, мы надеялись, что нападение начнется позже... но мы не знали о заговоре Уоррена.

— Значит, вы что-то замышляли.

— Вот именно.

Следующий «патрон» нырнул в дыру, на впускных рельсах потрескивал озон. Теперь снарядов осталось только два.

— Мы можем поговорить позже. Времени мало. — Она создала в его визуальном поле изображение Стены, нано-

ловину испещренной гигантскими трещинами. — Она рушится.

— А Фелка?

— Она все еще пытается спасти Стену.

Клавэйн взглянул на Объединенных, которые забирались в первый «патрон», и попытался представить, куда они полетят. Может быть, это какое-то убежище, которое ему знакомо, а может быть, это находится за пределами его понимания и для него равносильно смерти? Найдутся ли у него силы проверить это? Возможно. В конце концов, теперь ему нечего терять; он наверняка больше не вернется домой. Но если он последует в изгнание за Галианой, то всегда будет мучиться от сознания, что бросил Фелку.

Ответ, когда он пришел, оказался прост:

— Я возвращаюсь за ней. Если вы не можете меня ждать, не нужно. Но не пытайтесь меня остановить.

Галиана, взглянув на него, медленно покачала головой:

— Она не поблагодарит вас за то, что вы спасли ей жизнь, Клавэйн.

— Может быть, позже, — ответил он.

У него было такое чувство, что он возвращается обратно в горящий дом. Если вспомнить, что говорила Галиана насчет безумия Фелки — что, строго выражаясь, она мало чем отличалась от автомата, — его поступок не имел смысла, был просто самоубийством. Но если он ее бросит, он сам перестанет быть человеком. Клавэйн совершенно неверно понял слова Галианы о том, что девочка им дорога. Он считал, что они привязаны к ней... а Галиана хотела сказать, что этот ребенок обеспечивает их существование. И вот, когда гнездо было покинуто, в ней больше не нуждались. Неужели Галиана теперь сама стала холодна, как машина, — или она была просто ужасно реалистична? После одного-двух ошибочных поворотов он нашел детскую и комнату Фелки. Его имплантаты снова создавали в воздухе призрачные картины. Теперь огромные расщелины в Стене достигали поверхности Марса. От Стены откалывались куски размером с айсберг, они лежали на марсианской пыли, словно гигантские осколки стекла.

Фелка проиграла, она сама понимала это. Это была не просто очередная трудная фаза игры. С этим она не в си-

лах была справиться, и по лицу ее было ясно, что она знает. Она по-прежнему яростно размахивала руками, но лицо ее покраснело, его исказила гримаса обиды, гнева и страха.

Казалось, она впервые заметила его.

Что-то проникло сквозь ее скорлупу, решил Клавэйн. Впервые за многие годы произошло событие, с которым она не могла справиться, событие, угрожавшее разрушить аккуратную геометрическую вселенную, созданную ею для себя. Может быть, она и не отличала его лицо от лиц остальных людей, окружавших ее, но она наверняка поняла что-то... поняла, что мир взрослых гораздо больше ее мира и что только оттуда может прийти спасение.

А затем она совершила то, что неописуемо потрясло его. Она взглянула ему прямо в глаза и протянула руку.

Но он ничем не мог помочь ей.

Потом — ему показалось, что прошли часы, хотя на самом деле миновало минут двадцать-тридцать — Клавэйн обнаружил, что снова может нормально дышать. Они покинули Марс — Галиана, Фелка и он, летя на последнем «патроне».

И они были еще живы.

Вакуумный туннель, по которому двигался «патрон», представлял собой неглубокую дугу, пробуренную в толще Марса и соединяющую две точки его поверхности. Туннель выходил наружу на расстоянии двух тысяч километров от гнезда, далеко за пределами Стены, где атмосфера была такой же разреженной, как и на всей планете. Для Объединенных пробурить туннель было не слишком трудной задачей. Подобный коридор невозможно было бы проделать на планете, поверхность которой образована тектоническими плитами, но под литосферой Марса находился неподвижный пласт коры. Им не пришлось даже беспокоиться об отходах. Извлеченный грунт сжимали, сплавляли и использовали для укрепления стенок туннеля с помощью каких-то фокусов с пьезоэлектричеством, и стенки эти выдерживали чудовищное давление. «Патрон» непрерывно ускорялся, и ускорение его составляло три единицы за шесть секунд. Сиденья наклонились назад и обхватили их, к ногам было приложено давление, чтобы поддерживать кровоток к мозгу. И даже при этом было тяжело ду-

мать, не то что двигаться, но Клавэйн знал, что самым первым космонавтам во время вылазок за пределы Земли приходилось выдерживать и не такие перегрузки. И он испытал подобные мучения на войне, во время запусков боевых ракет.

Двигаясь со скоростью десять километров в секунду, они достигли поверхности, вылетев через замаскированный люк. На какой-то миг их поглотила атмосфера... но почти сразу же Клавэйн почувствовал, что корабль тормозит; все кончилось. И действительно, поверхность Марса быстро удалялась от них.

Через тридцать секунд они очутились в космосе.

— Сенсорная сеть заграждения не может засечь нас, — сказала Галиана. — Вы расположили лучшие спутники-шпионы прямо над гнездом. Это была ошибка, Клавэйн, — хотя мы изо всех сил старались привлечь ваше внимание кораблями. Но сейчас мы далеко за пределами чувствительности ваших сенсоров.

Клавэйн кивнул:

— Но когда мы удалимся от поверхности, нам все равно несдобровать. Тогда мы будем выглядеть просто как корабль, пытающийся уйти в дальний космос. Может быть, сеть обнаружит нас не сразу, но в конце концов нас все же заметят.

— Это было бы верно, — возразила Галиана, — если бы мы действительно направлялись в дальний космос.

Рядом с ним пошевелилась Фелка. Она впала в нечто вроде кататонии. Разлука со Стеной подорвала самые основы ее существования; теперь она летела в бездну бессмыслицы. Возможно, подумал Клавэйн, она будет падать туда вечно. Если так, то он лишь ускорил ее гибель. Неужели это так уж жестоко? Может быть, он обманывал себя, но неужели когда-нибудь Галиана с помощью своего оборудования не сможет исправить вред, нанесенный десятью годами раньше? Конечно же, они могут попытаться. Это зависит от того, куда они направляются. Сначала Клавэйн решил, что их цель — одно из гнезд Объединенных в Солнечной системе, хотя непохоже было, что они доживут до конца путешествия. При скорости десять километров в секунду это могло занять вечность...

— Куда вы нас везете? — спросил он.

Галиана мысленно отдала некую команду, и «патрон», казалось, стал прозрачным.

— Туда, — сказала она.

Далеко впереди возник какой-то объект. Галиана увеличила изображение, и объект стал виден лучше.

Темный, бесформенный. Похож на Деймос, только без укреплений.

— Фобос, — произнес пораженный Клавэйн. — Мы летим на Фобос.

— Да, — ответила Галиана.

— Но как же черви...

— Червей больше нет. — Она говорила с тем же терпением учителя, с каким Ремонтуар не так давно разговаривал с ним на ту же тему. — Ваши попытки изгнать червей потерпели неудачу. Вы сочли, что и наша последующая попытка также провалилась... но мы лишь хотели заставить вас думать так.

На мгновение он лишился дара речи.

— Так у вас все это время были люди на Фобосе?

— Да, со времени прекращения огня. И они были весьма заняты.

Фобос изменился. Несколько слоев поверхности было снято, и открылось блестящее устройство, спрятанное в его центре, готовое к полету. Клавэйн никогда не видел ничего подобного, но назначение этого предмета не вызывало сомнений. Это было нечто удивительное; ничего похожего не создал никто за всю историю человечества.

Перед ним был звездолет.

— Скоро мы отправляемся, — объявила Галиана. — Разумеется, они попытаются остановить нас. Но сейчас, когда их силы сосредоточены у поверхности, им это не удастся. Мы оставляем Фобос и Марс и посылаем сообщения остальным гнездам. Если они смогут вырваться и присоединиться к нам, мы заберем и их. Мы улетаем из этой системы.

— Куда вы направляетесь?

— Вы хотели сказать, куда мы направляемся? Ведь в конце концов вы летите с нами. — Она сделала паузу. — Есть несколько подходящих систем. Наш выбор зависит от траектории кораблей Коалиции, которые отправятся в погоню за нами.

— А как насчет Демаршистов?

— Им нас не остановить.

Это было сказано с абсолютной уверенностью. Что означала эта уверенность? То, что Демаршисты знали об этом корабле? Возможно. Давно ходили слухи о том, что Демаршисты и Объединенные были ближе друг к другу, чем хотели казаться.

Клавэйну пришла в голову мысль:

— А изменения орбиты, вызванные червями?

— Это результат нашей работы, — сказала Галиана. — Ничего не могли с этим поделать. Каждый раз, когда мы взрывали один из этих баллонов, мы толкали Фобос на новую орбиту. Даже после того, как мы взорвали тысячу баллонов, эффект был едва заметным — скорость Фобоса изменилась меньше чем на одну десятую миллиметра в секунду, — но скрыть это было невозможно. — Она замолчала и посмотрела на Клавэйна с некоторым опасением. — Мы прибываем через три с лишним минуты. Вы хотите жить?

— Простите?

Подумайте об этом. Длина трубы на Марсе составляет две тысячи километров, и это позволило нам поддерживать ускорение в течение шести минут. Даже там оно превышало величину ускорения свободного падения на Земле в три раза. Но на Фобосе для этого просто нет места. Мы будем тормозить гораздо резче.

Клавэйн почувствовал, что волосы у него на затылке стали дыбом.

— Насколько быстро?

— Полное торможение за одну пятую секунды. — Она дала ему время осмыслить услышанное. — Пятикратная перегрузка.

— Я не перенесу этого.

— Нет, вы не в состоянии. По крайней мере сейчас. Но у вас в голове имеются имплантаты. Если вы позволите, у них еще есть время построить в вашем мозгу структурирующую сетку. Мы заполним кабину пеной. Мы все временно умрем, но ничего непоправимого не произойдет — на Фобосе все смогут исправить.

— Это будет не просто структурирующая сетка, верно? Я стану похожим на вас, исчезнут все различия между нами.

— Да, вы станете одним из Объединенных. — Галиана едва заметно улыбнулась. — Процедура обратима. Просто никто еще не захотел вернуться обратно.

— И вы еще говорите мне, что все это не было задумано?

— Нет, но я и не жду, чтобы вы мне поверили. Хотя я не знаю, важно ли это... Вы хороший человек, Клавэйн. Вы можете принести пользу Всеобщему Просветлению. Возможно, подсознательно я... то есть мы...

— Вы всегда надеялись, что дело этим кончится?

Галиана улыбнулась.

Клавэйн посмотрел на Фобос. Даже без увеличения он стал явно больше. Очень скоро они прилетят. Он хотел бы поразмыслить об этом подольше, но время было не на его стороне. Затем он взглянул на Фелку и подумал: кому из них это путешествие кажется более странным? Фелке, с ее поиском смысла жизни во Вселенной, без ее любимой Стены, или ему на его пути ко Всеобщему Просветлению? Так получилось, что ни то ни другое не будет легким. Но вместе, возможно, они даже смогут найти способы помочь друг другу. Сейчас ему оставалось надеяться только на это.

Клавэйн кивнул, готовый к тому, что рой машин опутает его мозг.

Он был готов дезертировать.

СТИВЕН БАКСТЕР

Паутинка

Стивен Бакстер (р. в 1957 г.) — один из лучших и известнейших фантастов 1990-х годов, автор множества нашумевших рассказов и романов. По словам самого писателя, решающее влияние на него оказали великие фантасты прошлого — Герберт Уэллс и Артур Кларк. Рассказ «Паутинка» написан в духе Хола Клемента и Роберта Л. Форварда. Подобные произведения встречаются сравнительно редко, и поклонники твердой научной фантастики особенно ценят их за новизну и свежесть образов, а также за грамотное освещение той или иной отрасли науки.

Флиттер взбрыкнул. Обескураженная Львов оторвалась от информационной панели. По ту сторону прозрачного корпуса флиттера червоточина, пространственно-временной тоннель во Вселенной, изливала струи бело-голубого света, тянущиеся к флиттеру и мимо него, создавая впечатление немыслимой, неконтролируемой скорости.

— У нас проблема, — сообщила Гоб.

Пилот, хмурясь, склонилась над своим пультом. Черты ее тонкого лица исказились.

Львов уже долго вслушивалась в синтезированное бормотание информационной панели, вещающей о температурной инверсии слоев в азотной атмосфере, но теперь хлопнула по пульту, оборвав механический лепет. Флиттер представлял собой прозрачную трубу, обманчиво теплую и уютную. И невероятно хрупкую.

«У астронавтов бывают проблемы в космосе, — подумала она. — Но не у меня, я не герой, я всего лишь исследователь».

Львов было двадцать восемь лет, и она не собиралась умирать — и уж определенно не во время будничного двадцатичетырехчасового прыжка сквозь червоточину Пула, по которой уже восемьдесят лет курсировали люди.

Девушка вцепилась в информационную панель так, что костяшки пальцев побелели. Она пыталась понять, следует ли ей чувствовать себя испуганной.

Гоб вздохнула, оттолкнула свой пульт, и тот поплыл перед ней в воздухе.

— Задраивай скафандр и застегивай ремень безопасности.

— В чем дело?

— Наша скорость в червоточине возрастает. — Гоб затягивала туже свои привязные ремни. — Через минуту мы достигнем края.

— Что? Но нам же оставалось еще полчаса лёту.

— Знаю, — раздраженно бросила Гоб. — Думаю, граница раздела стала нестабильна. Червоточина прогнулась.

— И что это значит? Мы в опасности?

Гоб проверила герметичность скафандра Львов и подтолкнула к ней свою информационную панель. Бледная, строгая Гоб родилась на Марсе. Ей было лет пятьдесят.

— Ну, повернуть назад мы не можем. Так или иначе, через несколько секунд все кончится. Держись крепче.

Теперь Львов видела границу, край червоточины: бело-голубой четырехгранник, прямоугольную клетку, раскрывающуюся перед ней из бесконечности.

Сияющая рама неслась на флиттер.

Судно выскочило из разваливающегося туннеля. Казалось, свет фонтаном бьет из летящего корабля — перенапряженное пространство-время изливало поток тяжелых частиц.

Перед глазами Львов кружились звезды.

Гоб уводила флиттер в сторону, подальше от бьющей ключом энергии...

И был толчок, *крен*, разрыв непрерывности, отделение от того, что творилось за корпусом, — и внезапно впереди выросла планета.

— Реки Аида! — *выдохнула* Гоб. — Откуда *она взялась*? Придется садиться, мы слишком близко.

Львов видела сложный ландшафт, серо-алый в свете разбухшей луны. Картинка была тускло освещена и бешено раскачивалась: это кувыркался флиттер. А между миром и луной *растянулась*...

Нет. Это невозможно.

Видение исчезло, растворившись во мраке.

— Вот оно! — крикнула Гоб.

Извергнувшаяся из ниоткуда пена наполнила флиттер. Невесомые хлопья забили Львов уши, рот, глаза; она ослепла, но дышать могла.

Львов услышала звук столкновения, скрежет, продлившийся несколько секунд, и представила, как флиттер, точно плуг, вспарывает поверхность планеты. Затем — тяжелый толчок... и все.

Флиттер остановился.

Механический голос бормотал инструкции по технике безопасности. Оболочка, тикая, охлаждалась.

Во внезапно наступившей тишине, все еще ослепленная пеной, Львов пыталась восстановить в сознании увиденное. Паутина. Это была паутина, растянувшаяся от планеты до ее спутника.

— Добро пожаловать на Плутон,— прозвучал осипший, но ироничный голос Гоб.

Львов стояла на поверхности Плутона.

Скафандр обладал отличной изоляцией, но от него исходило достаточно тепла, чтобы вокруг следов девушки шипели азотные облачка, а во льду, там, где она проходила, образовывались маленькие оплавленные кратеры. Сила тяжести тут составляла всего несколько процентов от обычной, и Львов, рожденная на Земле, чувствовала себя так, словно сейчас полетит.

Над ней кружились легкие перистые завитки, аэрозольные скопления, висящие в азотно-метановой атмосфере. Облака заслоняли белоснежные звезды. Солнце и местную луну, Харон, здесь скрывала махина планеты, и диск был черен, чернее черного — покореженный ландшафт при слабом свете звезд выглядел всего лишь грубым наброском пейзажа.

Флиттер пропахал на древнем лике этого мира борозду в милю длиной и пятьдесят ярдов глубиной, так что Львов находилась сейчас на дне ущелья, стиснутого стенами азотного льда. Гоб вытаскивала оборудование из измятых остатков флиттера: скутеры, информационные панели, модули жизнеобеспечения, рабочую аппаратуру Львов. Бо́льшая часть этих вещей была достаточно крепка, чтобы пережить удар, но только не ее приборы.

Возможно, геолог и может обойтись одним молоточком и набором сумок для образцов. Но Львов как-никак атмосферный физик. Чего она здесь добьется без своих приспособлений?

Страх уже исчез, сменившись раздраженным нетерпением. Она находилась в пяти световых годах от Солнца; интерактивный диалог с Землей уже невозможен. Девушка пнула носком ботинка лед. Она застряла тут; ни с кем нельзя поговорить, и нет даже вычислительной мощности, чтобы создать виртуальное окружение.

Гоб закончила сражаться с обломками крушения. Она тяжело дышала.

— Идем. Давай выберемся из этой канавы и оглядимся.

Женщина показала Львов, как вести скутер — простую платформу, работающую на инертном газе и управляемую с помощью двух изогнутых ручек.

Бок о бок Гоб и Львов поднялись из борозды, оставленной крушением флиттера.

Лед Плутона был темно-малиновым с багровыми прожилками органики. Львов смутно различала на поверхности узоры вроде барельефов. Похожие на диски размером с тарелку, они обладали сложной структурой снежинок.

Львов неуклюже приземлилась на край борозды, тупой нос скутера с хрустом воткнулся в лед, и девушка возблагодарила фортуну за то, что здесь низкая гравитация. Вес и жар скутеров мгновенно уничтожили ледяные узоры.

— Мы опустились возле экватора, — сказала Гоб. — У южного пояса коэффициент отражательной способности выше; там шапка метанового льда, точно говорю.

— Да.

Гоб показала на ярко-голубую искру высоко в небе:

— Это граница червоточины, оттуда мы появились. Она в пятидесяти тысячах миль от планеты.

Львов, щурясь, смотрела на созвездия, ничем не отличающиеся от тех, под которыми она выросла на Земле.

— Мы тут застряли?

— Временно, — терпеливо объяснила Гоб. — Флиттер поврежден, червоточина развалилась; до Юпитера пришлось бы добираться долгим кружным путем.

Три миллиарда миль...

— Десять часов назад я спокойно спала в гостинице на Ио. А теперь — это. Какая пакость!

Гоб рассмеялась:

— Я уже отправила сообщение во Внутреннюю систему. Часов через пять они его получат и пришлют за нами GUT[1]-корабль. Он дозаправится тут льдом Харона...

— Так сколько нам ждать?

— Это зависит от готовности корабля. Скажем, десять дней на сборы, затем десять дней полета...

— Двадцать дней?

— Мы вне опасности. Запасов хватит на месяц. Хотя придется жить в этих скафандрах.

— Реки Аида! Предполагалось, что все путешествие займет семьдесят два часа.

— Ну, — вспылила Гоб, — значит, придется тебе позвонить и отменить назначенные свидания! Нам остается только ждать тут; комфорта не обещаю, но с безопасностью все обстоит вроде как благополучно.

— А что произошло с червоточиной?

Гоб пожала плечами и уставилась на далекую голубую искру.

— Насколько я знаю, ничего подобного прежде не случалось. Думаю, граница потеряла стабильность и это отразилось на горловине... Только вот понятия не имею, отчего мы упали на Плутон, да еще так стремительно. Это не имеет смысла.

— Как так?

— Мы прошли по пространственной орбите. — Женщина искоса, словно бы смущенно взглянула на Львов. — Кажется, один миг мы летели быстрее света.

— Сквозь обычное пространство? Это невозможно.

— Естественно. — Гоб подняла руку, чтобы почесать щеку, и пальцы в толстых перчатках заскребли о лицевой щиток шлема. — Наверное, я поднимусь к границе и посмотрю что и как.

Гоб показала Львов, как получить доступ к боксам жизнеобеспечения, затем привязала информационную панель к спине, взобралась на борт своего скутера и покинула поверхность планеты, взмыв к границе. Еще долго Львов следила за уменьшающейся фигуркой, пока та не исчезла в пространстве.

---

[1] *GUT* (Grand Unified Theory) — теория великого объединения.

Теперь девушка оказалась в полной изоляции — единственный человек на Плутоне. И очень одинокий.

Ответ из Внутренней Системы пришел спустя двенадцать часов после аварии. С Юпитера за ними отправится GUT-судно. Тринадцать дней уйдет на снаряжение корабля, потом восемь дней лёту до Плутона, потом еще набрать реактивной массы на Хароне... Как же Лвов злилась на фактор времени!

Она получила еще несколько посланий: озабоченную записку от родных, раздраженное требование уточнить данные от научного руководителя и приказ Гоб от ее нанимателя составить подробный список поломок флиттера. Корабль Гоб был коммерческим транзитным судном, нанятым Оксфордом — университетом Лвов — для данного путешествия. Теперь, кажется, разразится великая битва между Оксфордом, фирмой Гоб и страховыми компаниями за то, на кого возложить ответственность.

Лвов в пяти световых часах от дома обнаружила, что отвечать на письма асинхронно, весьма неудобно. Она чувствовала себя отсеченной от возможности общаться со всем человечеством в режиме реального времени. В итоге девушка набросала ответ семье, а остальные сообщения просто удалила.

Она снова проверила исследовательское оборудование, но его действительно нельзя было использовать. Лвов попыталась уснуть. В скафандре ей было неуютно, неуклюжая одежка внушала клаустрофобию. Она волновалась, она устала, и она немного боялась.

Тогда Лвов начала методично осматривать район, ведя свой скутер по расширяющейся спирали вокруг места крушения.

Рельеф местности оказался удивительно сложен: подсвеченные звездами ледяные скульптуры волнистых хребтов перемежались великолепными ущельями. Лвов держалась в пятистах футах от поверхности; если она спускалась ниже, жар скутера вырывал из хрупкого азотного льда клубы пара, стирая древние черты, и девушка чувствовала смутную вину за это.

Лвов обнаружила еще несколько узоров в форме снежинок, обычно собранных группками по восемь-десять штук.

Плутон, как и его луна-близнец Харон, представлял собой каменный шар, окутанный толстой мантией водного и

азотного льда с вкраплениями метана, аммиака и органических соединений. Он походил на огромное, устойчивое ядро кометы и едва ли заслуживал статуса «планеты». Существуют *спутники* куда большие, чем Плутон.

За восемьдесят лет, со времен сооружения червоточины Пула, в него заглядывала лишь горстка «гостей». И никто из них не взял на себя труд походить по Плутону или Харону. Червоточина, сообразила Львов, создавалась не в коммерческих целях, а как своего рода шутка: цепь, соединившая наконец все планеты Системы скоростным кольцом с Юпитером в центре.

Пристальное наблюдение утомило девушку. Она убедилась, что может определить местонахождение борозды, оставшейся на месте их падения, подняла скутер на милю над поверхностью и помчалась в сторону южной полярной шапки.

Гоб вызвала ее от границы:

— Кажется, я догадываюсь, что тут случилось, — тот сверхсветовой эффект, о котором я говорила. Львов, ты слышала о волне Алькубьерре?[1]

Она скинула изображения на пульт Львов — фотографии границы червоточины, схемы, графики.

— Нет. — Львов, не обращая внимания на входящую информацию, сосредоточенно вела скутер. — Гоб, почему вообще червоточина потеряла стабильность? Каждый день по всей *Солнечной системе* совершаются сотни скоростных транзитных переходов.

— Червоточина — это щель в пространстве. Она по самой сути своей нестабильна. Горловина и устье держатся открытыми благодаря активным контурам обратной связи, которые задействуют некоторые проводки с необычными свойствами. Среди них — отрицательная энергетическая плотность, своего рода антигравитация, которая...

— Но эта дыра повела себя не так, как нужно.

---

[1] *Алькубьерре Мигель* — английский физик испанского происхождения, в 1994 году описал считавшиеся ранее «чистой фантастикой» возможность совершения сверхскоростного полета и принцип работы «гиперпространственного двигателя», в котором под влиянием концентраций энергии пространство-время может сжиматься и искривляться.

— Возможно, ее недостаточно настроили. Присутствия массы флиттера в горловине оказалось достаточно, чтобы перегрузить червоточину. Если бы ею пользовались чаще, нестабильность могли бы обнаружить и устранить раньше...

Львов летела над серовато-белым полем, в клубах аэрозольного тумана; голос Гоб звучал для нее шепотом, далеким и бессмысленным.

Восход на Плутоне.

Светило — крохотная точка, окутанная многослойными напластованиями перистых облаков. Солнце здесь кажется в тысячу раз более тусклым, чем на Земле, но ярче, чем любая планета на земных небесах.

Внутренняя система — лужица света вокруг Солнца, скошенный диск, такой маленький, что Львов могла бы прикрыть его ладонью. А ведь в этом диске — сотни миллиардов людей, почти все человечество. Солнце не грело поднятую руку, но девушка увидела слабую тень, упавшую на лицевую пластину ее скафандра.

Азотная атмосфера динамична. В перигелии — ближайшей к солнцу точке орбиты Плутона — «воздух» растягивается до трех планетарных диаметров. Метан и другие летучие элементы присоединяются к более густому слою, поднимающемуся от поверхности. Затем, когда Плутон отойдет от Солнца и погрузится в свою двухсотлетнюю зиму, атмосфера вновь съежится.

Львов страшно жалела о том, что у нее нет сейчас оборудования для анализа атмосферы; гибель приборов болью отдавалась в сердце.

Девушка летела над эффектной местностью: кратер Буи[1], плато Томбо[2], цепь Лоуэлла[3]. По пути она все снимала.

Чуть погодя ее мир: Земля, информация, работа — показался далекой мерцающей абстракцией. Плутон был как загадочная слепая рыба, плывущая по своей двухвековой

---

[1] *Буи Марк* — астроном Лоуэлловской обсерватории, руководитель группы, построившей новую карту поверхности Плутона.

[2] *Томбо Клайд* (1906) — американский астроном, открывший планету Плутон.

[3] *Лоуэлл Персиваль* (1855–1916) — американский астроном, рассчитал орбиту Плутона.

орбите, постепенно смыкающейся с личной орбитой Львов. И меняющей ее, как подозревала девушка.

Через десять часов, после того как она покинула борозду, Львов прибыла в точку, расположенную точно под Хароном, называемую Кристи[1]. Ее скутер свободно парил в слабой гравитации Плутона. Светило, сверкающая бриллиантовая искра, поднялось до середины неба. Харон висел прямо над головой Львов туманным голубым диском в шесть раз больше видимой с Земли Луны. Половина освещенного шара была невидима Львов и обращена к Солнцу.

Как и Луна, Харон является причиной «приливов и отливов» на своем родителе и с орбиты очень похож на Плутон. Но в отличие от Земли Плутон также связан со своим близнецом. Каждые шесть дней миры поворачиваются друг вокруг друга, постоянно находясь к «партнеру» лицом, словно двое вальсирующих. Плутон—Харон — единственная существенно важная система, в которой оба участника влияют друг на друга.

Поверхность Харона выглядела рябой, будто обметанной оспой. Львов отрегулировала оптику лицевого щитка, увеличив изображение. Выемки по большей части казались глубокими и очень аккуратными.

Девушка передала это Гоб, по-прежнему пребывающей у границы.

— Люди Пула при постройке червоточины пользовались в основном материалом с Харона, — сообщила Гоб. — Харон — это всего лишь камень и водный лед. Добыть их просто, в особенности лед. Ничего не мешает: у Харона нет атмосферы или слоя азотного льда над водным. И гравитация там еще ниже.

Создатели червоточины добрались сюда на гигантском ненадежном GUT-корабле. Они подняли в космос лед и камень Харона и построили из них своеобразный четырехгранник, ставший границей раздела, «краем» червоточины. Одну границу оставили на орбите Плутона, а другую GUT-корабль с большим трудом отволок к Юпитеру, под-

---

[1] *Кристи Джеймс* — астроном, открывший в обсерватории Флагстаффа (той же, где был открыт и сам Плутон) спутник Плутона и давший ему имя «Харон».

заправившись заодно все той же ледяной реактивной массой с Харона.

Такими вот грубыми средствами Майкл Пул и его люди открыли доступ в Солнечную систему.

— Клянусь реками Аида, они превратили Харон черт знает во что! — воскликнула Львов. И почти увидела, как Гоб пожала плечами: ну и что?..

Поверхность Плутона представляла собой целый геологический комплекс, особенно здесь, в точке максимального давления. Девушка летела над пропастями и гребнями; местами казалось, что земля вдребезги разбита чудовищным молотом, такая она была растрескавшаяся и изломанная. Глубинные вещества валялись вперемешку с поверхностным льдом.

Кое-где виднелись скопления странных снежинок, которые Львов уже замечала раньше. Возможно, они — одно из проявлений эффекта замерзания. Девушка снизилась, начиная подумывать о сборе образцов.

Реактивные двигатели скутера она заглушила в нескольких ярдах от поверхности, давая маленькому суденышку плавно скользнуть вниз под действием цадящей гравитации Плутона. Летательный аппарат мягко ударился о лед, повредив жаром поверхность не больше чем на пару футов.

Львов сошла со скутера. Лед захрустел, и она почувствовала, как сминаются под ногами слои кристаллов, но крошащаяся поверхность выдержала ее вес. Девушка, подняв голову, взглянула на Харон. Алая луна была огромной, круглой, тяжелой.

И вдруг прямо над Львов блеснула тонкая дуга — и мгновенно исчезла.

Она зажмурилась, пытаясь восстановить картинку. Линия, чуть изогнутая, вроде цити. Паутина, протянутая между Плутоном и Хароном.

Она посмотрела снова, установив максимальное увеличение оптики, но видение не вернулось.

Гоб девушка ничего не сказала.

— Кстати, я была права, — заявила Гоб.

— Что? — Львов попыталась сосредоточиться.

— Насчет нестабильности червоточины, когда мы рухнули. Все дело в волне Алькубьерре.

— Что за волна?

— Отрицательная энергия участка границы раздела на секунду вышла из четырехгранника и исказила кусок пространства-времени. А в этом куске оказался флиттер — и мы.

С одной стороны флиттера, по словам Гоб, пространство-время сжалось. Вроде модели черной дыры. А с другой стороны растянулось, словно в повторении Большого Взрыва, расширения при возникновении Вселенной.

— Волна Алькубьерре — это фронт пространства-времени, — продолжила свои объяснения Гоб. — Границу раздела — с нами внутри — захватило и потащило. Нас вытолкнуло из района расширения к области сжатия.

— Как сёрфера на волне.

— Правильно. — Голос Гоб звучал возбужденно. — Этот эффект был известен теоретически чуть ли не с тех пор, как было сформулировано понятие относительности. Но не думаю, чтобы кто-нибудь наблюдал его прежде.

— Как нам повезло, — сухо отозвалась Львов. — Ты говоришь, мы перемещались быстрее света. Но это невозможно.

— Ты не можешь двигаться быстрее света *в координатах пространства-времени*. Червоточины — один из способов обойти это условие; в таком туннеле ты проносишься по ответвлению обычных четырехмерных координат. Эффект Алькубьерре — другой способ. Сверхсветовая скорость рождается из искривления самого пространства; нас несло *вместе* с зоной искажения. Короче говоря, мы не превысили скорость света в пределах нашего пространства-времени. Это само пространство-время скрутилось так, что вышло за пределы нормального.

— Бред какой-то. Сплошное надувательство.

— Ну, подай на меня в суд. Или подучи математику.

— А мы не можем использовать этот твой эффект Алькубьерре, чтобы водить межзвездные корабли?

— Нет. Нестабильные, истощающие энергетические ресурсы системы запрещены.

Один из узоров-снежинок, практически неповрежденный, лежал совсем близко, просто рукой подать. Львов наклонилась и вгляделась в него. Кристаллические хлопья были примерно фут в диаметре. Внутренняя структура сквозь чистый лед выглядела наслоениями множества трубочек и отсеков, расположенных абсолютно симметрично и по очень сложной схеме.

— Я наблюдаю весьма впечатляющий эффект кристаллизации, — сказала Львов.

Она осторожно протянула руку и большим и указательным пальцами отщипнула от края снежинки короткую трубочку. Образец девушка положила на свою панель, и через несколько секунд перед ней предстали результаты анализа.

— Это в основном водный лед, с кос-какими вкраплениями. Но молекулярная структура необычна. Кристалл плотнее простого льда, он вроде стекла. Вода так замерзает под воздействием высокого давления — в несколько тысяч атмосфер.

— Возможно, это вещество из глубин, поднявшееся благодаря хтоническому смещению пластов в этом районе.

— Возможно. — Львов уже чувствовала себя увереннее; более того, она была заинтригована. — Гоб, тут в нескольких футах еще один экземпляр, крупнее.

— Осторожней, Львов.

Девушка шагнула вперед.

— Все нормально. Я...

Поверхность раскололась.

Левая нога Львов провалилась в неглубокую дыру; под подошвой что-то хрустнуло. Нити ледяных кристаллов, странно переплетенные, поползли вверх, скручиваясь, обвивая ее щиколотку аккуратной синусоидой.

Падение, казалось, продлилось целый век; лед летел навстречу ей, как открывающаяся дверь. Девушка вскинула руки. Она не могла остановить падение, но могла смягчить его, уберечь лицевой щиток от удара. Львов рухнула на спину и сквозь материал скафандра ощутила на своих икрах и ягодицах холод льда Плутона.

— ...Львов? Что с тобой?

Задыхаясь, она выдавила:

— Все путем.

— Ты кричала.

— Неужели? Извини. Я упала.

— *Упала?* Как?

— Здесь была дырка во льду. — Она массировала левую лодыжку; кажется, нога не сломана. — Прикрытая дырка.

— Покажи.

Львов неловко поднялась, с опаской шагнула к провалу и приподняла информационную панель. Дыра оказалась всего несколько дюймов глубиной.

— Думаю, на ней лежала своего рода крышка.

— Поднеси панель ближе.

Луч света, направленный Гоб, заиграл на стенках ямки.

А Львов между тем отыскала осколок крышки — ледяной, но под поверхностью проглядывала особая структура: вмурованные в кристалл нити, связывающие лед.

— Львов, — охнула Гоб, — взгляни-ка на это.

Львов отвела пульт и нагнулась над дыркой. Стенки оказались совершенно гладкими, а на дне обнаружилась гроздь шаров размером с кулак. Львов насчитала семь штук; при падении она раздавила все, кроме одного. Девушка подобрала целый и повертела его в руке. Шар был перламутрово-серым, почти прозрачным. Внутри что-то находилось: что-то дисковидное, со сложной структурой.

Гоб задохнулась от возбуждения:

— Ты думаешь то же, что и я?

— Это яйцо, — ответила Львов.

Потрясенная, она огляделась по сторонам — дыра, яйцо, узоры-снежинки — и внезапно разгадала значение картины, словно сам Плутон пролил свет на доселе неясное. «Снежинки» представляют собой *жизнь*, поняла она; они вырыли норы, отложили в них эти яйца, и теперь их тела, сотворенные из жидкого стекла, лежат, погруженные в сон или смерть, на древнем льду...

— Я спускаюсь, — решительно бросила Гоб. — Надо обсудить твою находку. Не говори ничего Внутренним; подожди, пока я не вернусь. Возможно, у нас большие неприятности, Львов.

Львов положила яйцо обратно в разоренное гнездо.

Она встретила Гоб у развороченной борозды на месте их посадки. Гоб лопатой, через загрузочную воронку для сырья, засыпала азотный и водный лед в модули жизнеобеспечения. Пилот подключила к модулям оба скафандра, свой и Львов, подзаряжая их внутренние системы. Затем принялась извлекать из обломков флиттера GUT-привод. Его центральный цилиндр был компактен, не больше баскетбольного мяча, да и все остальные детали соответствующих размеров.

— Держу пари, я могла бы заставить его работать, — сказала Гоб. — Хотя он никуда нас не унесет.

Львов присела на кусок покореженного корпуса и робко, сбиваясь, рассказала Гоб о паутине.

Пилот выпрямилась, уперев кулаки в бедра, и Львов услышала, как в нишнеле ее шлема булькает всасываемый воздух.

— Пауки на Плутоне? Да ладно тебе!

— Это всего лишь аналогия! — вспыхнула Львов. — Я не биолог, я всего лишь специалист по атмосфере. — Она похлопала по своей панели. — Это не паутина. Очевидно. Но если данная субстанция имеет нечто общее с настоящей паучьей шелковинкой, тут нет ничего невозможного. — Она принялась читать с экрана: — «Разрушающее напряжение для сети паука вдвое выше, чем для стали, но паутина в тридцать раз эластичнее. Она является своего рода жидким кристаллом. Коммерческое использование...» Ты знала, что ее используют? — Девушка провела пальцем по ткани скафандра. — Возможно, сейчас на нас именно паутина.

— А что насчет дыры с крышкой?

— В Америке водятся пауки-каменщики. На Земле. Помнится, когда я была девочкой... Пауки роют норы, выстилают их паутиной и навешивают крышку.

— А зачем норы на Плутоне?

— Не знаю. Вероятно, так яйца переживают зиму. Может быть, эти существа, «снежинки», активны лишь в период перигелия, когда атмосфера расширяется и обогащается. — Она ненадолго задумалась. — Да, все складывается. Вот почему люди Пула ничего не заметили. Команда строителей спускалась сюда в конце афелия. Год на Плутоне такой длинный, что мы сейчас лишь на полпути к следующему перигелию...

— Так как же они живут? — фыркнула Гоб. — Что едят?

— Здесь должно быть больше экосистем, не один вид, — признала Львов. — Снежинкам-паукам необходим водный лед. Но на поверхности его мало. Возможно, существует какой-то биоцикл — растения или животные, роющие ходы под землей, которые выносят ледяное «стекло» из недр Плутона.

— Это бессмысленно. Слой азотного льда над водяным очень толст.

— Тогда откуда снежинки берут это стекло?

— Меня не спрашивай, — пожала плечами Гоб. — Это твоя дурацкая гипотеза. А паутина? Кстати, а была ли она на самом деле?

Львов осеклась.

— Не знаю, — вздохнула она. «Хотя Плутон—Харон — единственное место в системе, где можно протянуть паутину между мирами».

Гоб вертела в руках деталь от двигателя.

— Ты кому-нибудь сообщила об этом? В смысле — кому-нибудь из Внутренней системы?

— Нет. Ты же сказала, что хочешь все обсудить.

— Верно. — Гоб прикрыла глаза; блики, плящущие на передней пластине шлема, скрывали ее лицо. — Слушай. Вот что мы скажем. Мы ничего тут не видели. Ничего, что нельзя было бы объяснить эффектом кристаллизации.

Львов опешила:

— Что ты такое говоришь?! А как же яйца? Зачем лгать? Кроме того, у нас есть панели... и записи на них.

— Информационные панели можно потерять, или уничтожить, или подправить их содержание.

Львов не видела лица Гоб и очень жалела об этом.

— Зачем нам делать это?

— Подумай сама. Чуть только Земля обо всем этом услышит, твои снежинки-пауки будут защищены. Так?

— Ну конечно. И что тут плохого?

— Это плохо для нас, Львов. Ты видела, что учинили люди Пула на Хароне. Если эта система обитаема, быстроходным GUT-кораблям не позволят приходить сюда. Запретят заправляться тут. Ведь это будет означать ущерб для естественных форм жизни.

Львов пожала плечами:

— Подождем корабля помедленнее. Лайнеру, например, не потребуется забирать отсюда добавочную реактивную массу.

Гоб рассмеялась:

— Ты не слишком осведомлена об экономике GUT-транспорта, не так ли? Сейчас, когда всю систему пересекают червоточины Пула, сколько, как ты думаешь, лайнеров еще на ходу? Я вот уже проверила. Два. Два лайнера, способных на полет к Плутону и обратно. Один в сухом доке, второй направляется к Сатурну...

— Что на противоположной стороне системы.

— Точно. Ни один из этих кораблей не доберется до нас, скажем, еще год.

«А у нас запасов на месяц». Паника зашевелилась в животе Львов.

— Еще не дошло? — сурово сказала Гоб. — *Нами пожертвуют*, если существует вероятность того, что наше спасение повредит здешней экологии.

— Нет. Не может быть.

— Известны прецеденты.

Гоб была права, и Львов это понимала. Прецеденты действительно были: новые формы жизни обнаруживались в различных уголках системы, от Меркурия до отдаленных объектов пояса Койпера. В каждом случае территорию ограждали, сохраняя местные условия, чуть только где-то «там» распознавали жизнь или хотя бы внешнее подобие жизни.

— Панспермия, — сказала Гоб. — Глобальная охрана окружающей среды. Вот ключ ко всему; государственная политика и общественное мнение защищают все расы, всех жителей Солнечной системы ради неопределенного будущего. Жизни двух людей ничего не значат в сравнении с этим.

— Так что ты предлагаешь?

— Не сообщать Внутренним о снежинках.

Львов пыталась вернуть себе настроение из прошлого, канувшего в Лету всего пару дней назад, когда Плутон еще ничего не значил для нее, когда вынужденная посадка казалась лишь временным неудобством.

«А теперь мы вдруг заговорили об угрозе нашим жизням, о разрушении экологии. Вот это дилемма. Если не рассказать о снежинках, их могут уничтожить, спасая нас. Но если рассказать, GUT-корабль не придет за мной и я погибну».

Гоб, казалось, ждала ответа.

А Львов вспомнила о том, как выглядит Солнце, зависшее на рассвете над ледяными полями Плутона.

И решила пойти на обман:

— Мы ничего не скажем. Пока. Но я совершенно не согласна ни с одним из предложенных тобой вариантов.

Гоб расхохоталась:

— А что еще нам остается? Червоточина разрушена, даже флиттер выведен из строя.

— У нас есть время. Много дней, до того как GUT-корабль вынужден будет приземлиться. Давай поищем другое решение. Найдем способ беспроигрышно выйти из этой ситуации.

Гоб пожала плечами. На Львов она смотрела с подозрением.

«И она права, — подумала девушка, с удивлением размышляя над собственным решением. — Я твердо намереваюсь рассказать правду позже, отказаться от GUT-корабля, если потребуется.

Я могла бы отдать жизнь за этот мир.

Думаю, что могла бы».

В последующие дни Гоб кое-как подлатала GUT-двигатель и полетела к границе раздела собрать больше информации о феномене Алькубьерре.

Львов странствовала по Плутону, все записывая на свою панель. Она полюбила кудрявые сугробы перистых облаков, огромную затуманенную луну, медленный пульс года длиной в век.

Повсюду она находила недвижимые тела снежинок или свидетельства их присутствия: яйца и норы под крышками. Других форм жизни девушка не обнаружила — или, что более вероятно, говорила она себе, у нее просто не было нужного оборудования, чтобы распознать остальных.

Ее тянуло обратно к Кристи, точке под самым Хароном, где топография была сложнее и интереснее всего и где наблюдалось самое густое скопление снежинок. Как будто хлопья специально собирались там, тоскуя по гигантской недосягаемой луне в вышине. Но чего снежинки могли на самом деле хотеть от Харона? Что он значил для них?

Львов столкнулась с Гоб у борозды, отмечающей место их падения. Пилот подзаряжала системы скафандра от модуля жизнеобеспечения. Женщина выглядела спокойной, хотя старательно отворачивала от Львов лицо, скрытое под пластиной шлема. Девушка какое-то время наблюдала за Гоб.

— Ты избегаешь меня, — наконец произнесла она. — Что-то изменилось — что-то, о чем ты мне не говоришь.

Гоб хотела уйти, но Львов схватила ее за руку:

— Думаю, ты нашла третий вариант. Да? Ты отыскала какой-то способ разрешить ситуацию, не уничтожая ни нас, ни снежинки.

Гоб стряхнула руку пассажирки.

— Да. Да, думаю, я знаю способ. Но...

— Но что?

— Проклятие, это опасно. Может не сработать. И тогда — смерть.

Гоб сцепила пальцы в замок и принялась сгибать и разгибать их.

«Она напугана». Лвов отступила от пилота. Не давая себе времени на раздумья, она выпалила:

— Наша сделка аннулирована. Я собираюсь сообщить Внутренней Системе о снежинках. Прямо сейчас. Так что придется воспользоваться твоей новой идеей, опасна она или нет.

Гоб пристально изучала лицо девушки, словно оценивая ее решимость, а возможно, и физическую силу. Лвов чувствовала себя загружаемой информационной панелью. Секунды растягивались, и дыхание застревало в груди Лвов. Сумеет ли она защититься, если дойдет до драки? И действительно ли ее воля настолько крепка?

«Я изменилась, — думала она. — Плутон изменил меня».

Наконец Гоб отвела взгляд.

— Посылай свое чертово сообщение, — буркнула она.

Пока Гоб — или сама Лвов — не передумала, девушка схватила пульт и отправила денежку во внутренние миры, прикрепив все добытые ею данные о снежинках: описание, фотографии, результаты анализов, собственные наблюдения и гипотезы.

— Готово.

— А GUT-корабль?

— Уверена, они отзовут его. — Лвов улыбнулась. — А еще уверена, что нам об этом никто не сообщит.

— Значит, выбора нет, — сердито бросила Гоб. — Знаешь, я тоже считаю, что это правильно. Спасти снежинки. Просто мне не хочется умирать, вот и все. Надеюсь, что ты не ошиблась, Лвов.

— Ты не рассказала мне, как мы собираемся добраться домой.

Гоб усмехнулась за лицевым щитком:

— По волне.

— Отлично. Ты справляешься. Теперь отпускай.

Лвов глубоко вдохнула и нырнула скутер; маленький летательный аппарат закувыркался прочь, ловя свет далекого Солнца, а Лвов по инерции покатилась кубарем.

Гоб поймала и удержала девушку.

— Ты не можешь упасть, — объяснила она. — Ты на орбите. Понимаешь?

— Ну конечно понимаю, — пробурчала Львов.

Они дрейфовали в пространстве, совсем рядом с границей раздела почившей червоточины Пула. Четырехгранник электрических голубых опор границы огораживал безбрежную тьму; Львов казалось, что она плывет мимо каркаса какого-то громадного разрушенного здания.

Плутон и Харон висели перед ней как два пятнистых воздушных шара, их форма заметно отличались от сферической. Планету и спутник разделяло пространство, равное всего четырнадцати диаметрам Плутона. Окраска миров разительно отличалась: Плутон — кроваво-красный, Харон — льдисто-голубой.

«Все из-за состава поверхности, — отвлеченно подумала Львов. — Весь этот водный лед Харона...»

Панорама была ошеломляюще прекрасна. Львов вдруг интуитивно, *нутром* почувствовала *правильность* жесткой политики охраны окружающей среды, проводимой властями системы.

Гоб привязала свой пульт к груди; она только что проверила время.

— Теперь в любой момент. Львов, все будет хорошо. Помни, ты не ощутишь ускорения, вне зависимости от того, насколько быстро мы будем двигаться. В центре волны Алькубьерре пространство-время локально-евклидовы; ты останешься в свободном падении. Приливные силы будут, но незначительные. Просто дыши ровно и...

— Заткнись, Гоб! — напряженно процедила Львов. — Я все это знаю.

Пульт Гоб вспыхнул.

— Вот, — выдохнула женщина. — GUT-двигатель инициирован. Теперь счет на секунды.

Яркая искра взмыла по дуге с поверхности Плутона и в полной тишине нырнула под брюхо мира-родителя. Это был GUT-двигатель флиттера, спасенный и отлаженный Гоб. Пламя его было ярче Солнца, Львов увидела, как оно отразилось во льду Плутона, словно поверхность планеты была огромным изломанным зеркалом. Там, где проносился огонь, поднимались языки азотного газа.

GUT-двигатель прошел над Кристи. Львов оставила там свой пульт, чтобы следить за снежинками, и на передаваемой картинке, транслирующейся в углу лицевого щитка ее скафандра, мелькнула пересекшая небо искра.

Затем GUT-привод резко пошел вверх, направляясь прямо к границе.

— Гоб, ты уверена, что это сработает?

Львов слышала неровное, хриплое дыхание женщины.

— Слушай, Львов, я знаю, ты боишься, но если будешь докучать мне глупыми вопросами, это тебе не поможет. Как только двигатель подойдет к границе, все решат секунды нестабильности. Мгновение — и мы окажемся дома. Во Внутренней Системе во всяком случае. Или...

— Или — что?

Гоб не ответила.

«Или нет,— закончила за нее Львов.— Если Гоб вызовет новую нестабильность правильно, волна Алькубьерре отнесет нас домой. Если же нет...»

Пламя GUT-привода приближалось, становясь ослепительным. Львов попыталась дышать спокойно, не напрягать мышцы...

— О Лета! — прошептала Гоб.

— Что? — вскинулась Львов.

— Взгляни на Плутон. На Кристи.

Львов присмотрелась.

Там, где прошли тепло и свет GUT-двигателя, Кристи бурлил. Азот волновался. И среди бледных фонтанов открывались норы. Крышки откидывались. Яйца трещали. Крохи снежинки реяли над землей, сети и шелковинки их паутины трепетали в восходящих потоках воздуха.

Длинные искрящиеся нити плыли над Плутоном и тянулись вверх, к Харону. Некоторые детки-хлопья уже преодолели расстояние больше диаметра планеты, направляясь к своей луне.

— Бабье лето,— выдохнула Львов.

— Что?

— Когда я была маленькой... молодые пауки пряли паутину, взбирались на высокие стебли травы и плыли по ветру. Бабье лето — и летящие паутинки.

— Похоже,— скептически хмыкнула Гоб.— Что ж, видимо, они движутся к Харону. Пользуются атмосферными ис-

парениями для подъема... Возможно, они следуют за нитями прошлого года. Снежинки должны отлетать каждый перигелий, всякий раз восстанавливая свой паутинный мост. Они решили, что сейчас перигелий. Тепло двигателя... поразительно! Но почему к Харону?

Львов не могла оторвать взгляд от парящих хлопьев.

— Из-за воды, — произнесла она.

Теперь, когда она увидела снежинки в движении, все обрело смысл. На поверхности Харона должно быть жидкое стекло. Крошкам снежинкам оно нужно для постройки тел. Питательные вещества они получают из глубин Плутона, а кристаллическую структуру обретают на Хароне... Им нужны ресурсы обоих миров, чтобы выжить...

— Львов!

GUT-двигатель пронесся мимо них, стремительный, сияющий, и нырнул в поврежденную границу раздела.

Вспышка цвета электрик омыла ее.

За спиной громоздился ослепительный неземной шар света, впереди маячил неровный лоскут мрака, точно брешь в пространстве. Приливные силы мягко толкались в ее животе, руках, ногах.

Плутон, Харон, бабье лето исчезли. Но звезды, вечные звезды сияли для нее как в детстве, на Земле. Она смотрела на них, верила им и не чувствовала страха.

Где-то далеко-далеко — так показалось девушке — радостно вскрикнула Гоб.

Прилив слабел. Тьма перед Львов отступила, сменившись сиянием и теплом Солнца.

ДЖЕЙМС ХОГАН

Мадам Баттерфляй

Джеймс Хоган (р. в 1941 г.), наряду с Робертом Л. Форвардом и Чарлзом Шеффилдом, возглавлял новое поколение представителей твердой научной фантастики в начале 1980-х годов. Когда Грегори Бенфорд и Грег Бир подняли литературный уровень фантастической прозы, Хоган вступил в игру, находясь под сильнейшим влиянием Хайнлайна, Азимова и Кэмпбелла. Популярность ему принесли романы «Наследуй звезды» («Inherit the Stars», 1977), «Машина генезиса» («The Genesis Machine», 1978), «Два лика завтра» («Two Faces of Tomorrow», 1979), «Трижды во времени» («Thrice in Time», 1980) и «Кодекс Творца» («Code of the Lifemaker», 1983), полные технических подробностей и свежих идей. Роман «Наследуй звезды» («Inherit the Stars») стал первым в серии «Эксперимент Минервы» («Minervan Experiment»), за ним последовали «Кроткие великаны с Ганимеда» («The Gentle Giants of Ganymede», 1978) и «Звезда великанов» («Giants's Star», 1981). По сути, эта серия — научно-фантастическая притча о происхождении человечества. Хоган предлагает концепцию, согласно которой земляне — потомки крайне агрессивной расы, некогда населявшей пятую планету Солнечной системы, и раса эта покорила бы всю Галактику, если бы не уничтожила сама себя. Два романа Хогана, «Путешествие из прошлого года» («Voyage from Yesteryear», 1982) и «Множественный человек» («The Multiplex Man», 1992), удостоились премии «Прометей».

Рассказ «Мадам Баттерфляй» впервые был опубликован в антологии «Свободный космос» («Free Space»), составленной Брэдом Линавивером и Эдвардом Крамером, единственной политически ангажированной антологии десятилетия, в которую также вошли рассказы Джона Барнса, Грегори Бенфорда и Роберта Сойера. Сюжет «Мадам Баттерфляй» отчасти связан с пресловутым «эффектом бабочки».

В одном местечке, в маленькой долине далеко от Токио, которую ей пришлось покинуть много лет назад, этот цветок называли ямацуми-су, что означает «цветок горного духа». Он походил на крохотную лилию с тонкими и длинными желтыми лепестками в фиолетовых крапинках и прожилках. Если верить легенде, рос он лишь на

определенных холмах в северной части Хонсю — видимое воплощение божества по имени Кио, обитающего возле деревни Кимикае-но-сато и с древних времен защищающего ее жителей. Когда фиолетовый цвет насыщен и ярок, значит, Кио радостен и в добром здравии и о будущем тревожиться нечего. Когда же фиолетовый бледнеет и туманится, грядут тяжелые времена. В данный момент Кио воистину глубоко переживал.

Старуху звали Тифуми Симото. Она не видела ямацуми-су со времен своего давным-давно минувшего детства — с тех времен, когда жизнь была проста и беспечна до того как Япония стала простой провинцией, частицей какого-то грандиозного плана, которого женщина не понимала, до того как все обнаружили, что в той или иной степени затронуты правилами, заимствованными у чужеземцев, с их сомнительными ценностями и неисповедимыми путями. Оставалось только догадываться, как он мог вырасти в этом дворике на задах «Нагоми-билдинг», со всех сторон окруженном мрачными, серыми бетонными «скалами».

Она увидела цветок, когда вышла с полным мешком всякого хлама, вытряхнутого из мусорных корзин верхних офисов, где она убиралась после окончания рабочего дня. Растеньице храбро цеплялось за жизнь на пятачке растрескавшегося асфальта за парковкой грузовиков, едва не раздавленное куском отброшенной кем-то стальной трубы с одной стороны и грудой булыжника, посягающей на цветок, с другой. Маленький, он выглядел уже смертельно уставшим, выросшим до того предела, который могло позволить его жалкое убежище. Со двора никогда не выветривались выхлопные газы, воздух был грязным, спертым, и солнечные лучи не дотягивались до дна бетонного колодца. Протекшее масло и копоть с машин смывали водой из шланга, так что то, что было когда-то землей, превратилось здесь в вязкую грязь. Если Кио хочет выжить, ему нужен дом получше.

Почти во всех офисах книжные полки и подоконники были заставлены горшками с самыми разными цветами. Вымыв чашки и пепельницы со столов и пропылесосив пространство между голубенькими компьютерными столами и выдвижными шкафчиками, Тифуми отыскала под раковиной на одной из кухонь склад пустых цветочных горшков.

Она выбрала тот, что поменьше, наполнила его землей, взяв по ложке у каждого из многочисленных комнатных растений, и с горшком в руках снова спустилась вниз, во двор. Встав на колени на жесткую, неровную площадку, она осторожно, не повредив корней, извлекла цветок из его ненадежного жилища и поместила в приготовленный ею приют.

Вернувшись в помещение, старуха напоила ямацуми-су чистой свежей водой и протерла его листочки. А потом поставила горшок на окно в кабинете на верхнем этаже, поближе к солнцу. Тот, кто работал в этом офисе, отсутствовал уже несколько дней. Если повезет, в ближайшее время цветок никто не потревожит, он наберется сил и оживет. К тому же других растений в комнате не было, так что, возможно, обитатель этого кабинета, когда вернется, будет благодарен и оценит подарок, подумала женщина.

Женщина заперла швабру, ведро и моющие средства в чулан под задней лестницей, спустилась на лифте для персонала на первый этаж и повесила ключи на щит сбоку от входа. Дежурный охранник проверил ее пропуск, паспорт и хозяйственную сумку с кое-какими продуктами, которые она купила по пути сюда, и выпустил в вестибюль, где собирались уборщицы с других этажей. Через пять минут у дверей остановился автобус, которому предстояло развезти их по домам.

В офисах в той части «Нагоми-билдинг», к которой была приписана Тифуми, занимались чем-то вроде налогов и бухгалтерии. Ну, в общем, всякими проблемами между федеральными властями и теми, из далеких мест, со звезд. Старуха слышала что-то о свободе и индивидуализме и о людях, желающих жить там, где им хочется, подальше от правительства, — молодым кажется, что никому до них подобная идея в голову не приходила. Для нее же все это звучало вроде истории вековой давности о том, как нажить состояние и как его поделить. Она и тогда не понимала этого, а теперь понимала еще меньше. Наверняка в небе достаточно звезд, чтобы хватило каждому.

Ее сын, Икоро, где-то там, они не виделись вот уже два года, но время от времени он передает ей весточки через друзей. Последнее, что она слышала, что у него все в порядке, только вот мальчик не говорит точно, где он и чем занимается, — другими словами, не хочет, чтобы это разу-

знали те, кому не следует. Одного этого матери было уже достаточно, чтобы понять: работа у ее Икоро в лучшем случае непостоянная, а куда вернее — незаконная, а то и того хуже. Она знала, что там, среди звезд, ведутся сражения, что люди гибнут — иногда много людей. Старуха не задавалась вопросом почему или как и не желала знать подробностей. Она волновалась, как любая мать, но старалась не поддаваться панике, а если ей не удавалось отогнать дурные мысли, держала их при себе, не высказывая.

Но когда Тифуми ковыляла к дому, после того как автобус высадил ее, она отчего-то впервые за долгое время чувствовала спокойствие и уверенность. Этот цветок, решила она, знак того, что Кио все еще жив в горах и не хочет, чтобы его забывали. Кио всего лишь простой бог, пришедший на Землю давным-давно, но он по-прежнему говорит с другими небесными духами, посылающими дождь и заставляющими звезды над Кимикае сиять ярче. Тифуми помнила Кио — и помогла ему. Теперь друзья Кио среди звезд присмотрят за ее сыном.

Из громкоговорителя на пульте в рубке сборщика «Тернер Мэддокс», принадлежащего «Некорпоративному Переходу», дрейфующего в двухстах пятидесяти миллионах миль от Земли у внешней границы пояса астероидов, раздался голос Сюзи:

— «Паук» приблизился на тысячу двести метров. Скорость сближения — пятнадцать метров в секунду, снижается. — Голос сохранял профессиональную беспристрастность, но все до единого бросили свои дела и приникли к обзорным экранам, следя за разворачивающейся сценой.

— А к пареньку-то не придерешься, — пробормотал Фьюгерадо, дежурный оператор радаров, сидящему рядом Касселю. — Шустро шурует.

Кассель что-то буркнул, слишком поглощенный контролем выравнивания и скоростью сближения, чтобы выдавить из себя разборчивый ответ. Камера на носу «паука» показывала корму ящика, медленно вращающегося между трех укороченных, вытянутых вперед стыковочных кронштейнов, благодаря которым луковицеобразный, дистанционно управляемый грузовой модуль-челнок и получил свое прозвище. Сквозь смотровой иллюминатор мостика, распо-

ложенный по другую сторону от Касселя, маневр, происходящий в десяти милях от них, выглядел двумя размытыми мазками света, перемещающимися на фоне звездного поля, да еще синим и красным вспыхивал визуальный маячок «паука».

Как главный штурман, Кассель имел право передать управление первому пилоту — если ему покажется, что поставка может выйти из зоны досягаемости. Слишком медленно, значит, придется растянуть траекторию преследования, чтобы пристыковаться к контейнеру, а затем предстоит долгий, окольный путь назад. Быстрее — лучше, но толчок при не в меру ретивой попытке сблизиться спихнет ящик с его траектории, и потребуется еще больше времени и энергии, чтобы нагнать его. Время — повсюду деньги, если ты, конечно, не угодил в гравитационный колодец, цена всему, что измеряется не пройденным расстоянием, а энергией, затраченной на то, чтобы добраться туда, куда тебе нужно. Немало перспективных новичков отлично справляются на симуляторах, но, когда дело доходит до реальной работы, терпят полный провал. Нервишки у них сдают.

— Десять метров в секунду, — прозвенел голос Сюзи.

Мальчишка, второй пилот, плавно сбрасывал скорость ящика. Прицел мертвой точкой застыл на координатной сетке, датчик захвата цели уверенно горел зеленым. Кассель решил подождать еще.

Лунную поверхность преобразили купола, накрывшие кратеры; увлажняющие атмосферу оранжереи способствовали оттаиванию ледяного сухого Марса; искусственные пространственные конструкции протянулись от Венеры до астероидов. Все это требовало чудовищного количества материалов, а значит, и цены были соответствующие.

Поскольку власти Земли контролировали всю добычу лунных полезных ископаемых и регулировали официально разрешенные сферы производства на поясе, спекуляция первичным материалом астероидов и переправление его во Внутреннюю систему были предприятиями весьма доходными. Множество независимых дельцов в погоне за своей долей учредили организации — фальшивые секты, крохи корпорации, даже семейные кланы. Дела они вели мелкомасштабные, вкладывая средства в создание минимально пригодной среды обитания и шахтовое оборудование, обыч-

но оснащенное хлипкой пусковой установкой. Питаясь от солнечных батарей, такая «катапульта», работая с полной нагрузкой, могла забросить полезный груз самое дальнее на орбиту пояса, но о том, чтобы достичь скорости, которая отнесла бы «товар» в район Земля—Луна, и речи быть не могло.

Здесь-то и появлялись смельчаки спекулянты вроде «Некорпоративного Перехода». Обладающие высокомощными термоядерными ускорителями, они объединяли отправляемые грузы нескольких мелких независимых фирмочек в один и посылали его по быстрой транзитной траектории в место rendez-vous[1], согласованное с покупателем.

Сборщики много передвигались, приходилось им и драться. Федеральные агентства прилагали большие усилия, чтобы защитить свои монополии. Когда дело касается баснословной выгоды, игра обычно становится весьма грязной — и опасной. Риск всегда пропорционален возможной прибыли.

— Скорость два и пять, снижается. Двадцать шесть секунд до контакта.

Плавно, плавно — все под контролем. На всем протяжении маневра. Глядящему на экран Касселю прикосновение к пульту придавало уверенности. Он также чувствовал, что новичок мог нарочно поторопить сближение на первом этапе, просто чтобы заставить их чуток понервничать. Штурман ухмыльнулся про себя — каменное выражение его лица немного смягчилось.

Точно рисуясь напоследок, корабли развернулись, выравниваясь, и сошлись четко и слаженно. Три индикатора фиксации вспыхнули практически одновременно.

— Стыковка завершена.

— Отлично! — воскликнул Фьюгерадо.

Не тратя зря времени, «паук» запустил тормозные двигатели и начал замедлять движение ящика до приемлемой скорости, направляя его по дуге, кормой вперед, к пусковой установке, висящей в полумиле справа от носа «Мэддокса». «Паук» завел контейнер точнехонько в пустую ячейку клети, объединяющей собираемый груз, дождался сцепления затворов и только потом отсоединился.

---

[1] Встреча, свидание *(фр.)*.

Кассель прошел через рубку связи позади мостика и спустился на палубу оперативного контроля, где помещался пульт дистанционного управления «пауком». Паренек вскочил и вытянулся по стойке «смирно», Сюзи за ним, а Хэнк Биссен, запасной пилот, и так стоял у своего рабочего места.

— Прекрасная работа, — сказал Кассель.

— Спасибо, сэр. — Мальчишка и без того чертовски хорошо знал, какова его работа. Он улыбнулся.

Такие улыбки нравились Касселю — открытые, честные, выражающие простую, скромную уверенность, а не бахвальство, подразумевающее ненужный риск и частенько приводящее к беде.

— Твоя фамилия Симото. Японская?

— Да.

— И как нам тебя называть?

— Мое имя Икоро... Значит, я получил работу, мистер Кассель?

— Вне всякого сомнения. Добро пожаловать в команду.

Нагаи Хорисаги устало оторвался от бумаг, разбросанных по его столу в отделе тарифов и акцизов офиса «Мерилинч-Мубачи» в токийском «Нагоми-билдинг», и откинулся на спинку стула. Он только что вернулся из десятидневного путешествия по Южной Африке, а все выглядело так, словно его не было целый месяц. Едва чиновник подумал об этом, из приемной вошла его секретарь Йосано с очередной кипой документов. Нагаи махнул рукой в направлении корзины для «входящих». Он не встретился с девушкой взглядом, не заговорил. С неловкостью, могущей поспорить с его собственной, секретарь положила бумаги и удалилась. Нагаи не отрывал взгляда от стола, пока не услышал, что дверь закрылась; затем он вздохнул, резко поднялся и шагнул к окну, чтобы взглянуть на город. Тогда-то он и заметил цветок на подоконнике.

У него были ярко-зеленые листья и бледно-желтые цветки, чуть тронутые фиолетовым, — один полностью распустился, два других едва приоткрылись. Чиновник недоуменно уставился на растение. Именем Земли, откуда взялся этот горшок? К цветам Нагаи был равнодушен, что с готовностью подтвердила бы вся контора. И все же, глядя

на этот росток, Нагаи не мог не признать, что выглядит он вполне счастливой крохой. Бухгалтер протянул руку и прикоснулся к листочку — прохладному, гладкому.

«Отлично, — подумал он. — Если тебе хоть как-то удается сделать это угрюмое место повеселее, ты оправдаешь свое содержание. Полагаю, мы позволим тебе остаться».

Все утро Нагаи то и дело прерывал работу и оглядывался через плечо на растение — каждый раз со свежей вспышкой любопытства. И вдруг, незадолго до ланча, он все понял. Ну конечно! Цветок принесла Йосано. Неудивительно, что она так напряжена. Как он мог быть таким олухом?

Еще до его отъезда они неожиданно для самих себя оказались вовлечены в один из тех романов, которые профессионалы не вправе себе позволять, но которые все равно случаются. Но в их случае интрижка обнаружила настоящую привязанность и стала весьма романтической. После долгих лет жизни в строгой эмоциональной изоляции Нагаи радовался и купался в наслаждениях, веря и не веря своей удаче... а потом разрушил все одним ударом — за одну ночь, напившись и опозорив себя, оскорбив всех и каждого на той глупой ежегодной вечеринке, — пусть даже они и заслужили каждое брошенное в их лица слово. Случившееся не давало ему покоя все время, пока он был в отлучке, но ничего поделать он не мог. Выхода не было. Никакие рабочие взаимоотношения не нуждаются в подобном напряжении. Чиновник решил, что секретарша попросит перевода.

Но теперь девушка нашла способ сказать ему, что это не так. Он прощен. Все по-прежнему в порядке. Придя к этой мысли, бухгалтер набрался мужества, чтобы предстать перед секретаршей за минуту до того, как Йосано ушла бы на ланч, и сказал:

— Может, попытаемся еще раз?

Она горячо закивала. Нагаи и не представлял, что когда-нибудь увидит в глазах девушки такое облегчение. Он тоже улыбнулся, но про цветок не упомянул. При чем тут цветок?

— Могу ли я получить прощение за то, что был таким дерьмом? — спросил он.

Йосано хихикнула:

— Зачем мне тебя прощать? Я считаю, ты был великолепен.

— Тогда как насчет того, чтобы поужинать вместе вечерком? — предложил Нагаи.

— Ну конечно.

Только днем Йосано вспомнила, что согласилась встретиться сегодня с американцем. Ну и ладно. Американец найдет кого-нибудь еще. Естественно, она позвонит и предупредит его, но не из офиса. Она позвонит ему в отель, как только придет домой.

Стив Брант повесил трубку в своем номере в гостинице «Принц Синзуки» и угрюмо уставился на телефон.

— Черт побери! — провозгласил он.

По всему миру одно и то же. Женщины везде одинаковы. Он уже побрился, принял душ и облачился в пастельно-голубой костюм, свеженький, до хруста накрахмаленный в гостиничной прачечной. Первую ночь, с тех пор как он прибыл в Японию, ему предстоит провести в одиночестве и не удастся побродить по улицам с местной пикантной цыпочкой, которую он, казалось бы, уже прочно склеил. Американец налил себе еще виски, закурил и прислонился к стене у изголовья кровати, прикидывая варианты.

О'кей, значит, он сам отправится в город на разведку, посмотрит где-чего-как и там уж решит. И если ничего интересного не подвернется, он напьется в стельку. Разве жизнь не такая же сука, как шлюхи по всему миру?

Бар был ярко освещен, на выстроенных рядком бутылках сверкали блики; помещение уже начало заполняться на вечер. На низенькой сцене извивались пара танцоров и певица в платье, о наличии которого можно было разве что догадываться. Ален Квентин не хотел задерживаться так поздно, выпивка уже ударила ему в голову. Он заглянул сюда, чтобы пропустить стаканчик, ну, может, два — развеяться по пути к своей пустой и гулкой квартире размером с гараж, доставшейся ему вместе с годичной работой в Токио. А теперь приходится выслушивать этого коммивояжера из Феникса, который тут впервые и которого кинула девушка.

А сидящий на стуле рядом с Аленом Стив Брант продолжал:

— Представь себе, Эл, пять тысяч долларов за коробку с ржавыми подковами и котелками, которые у нас дома валяются на бараholках и никто их не берет! Нет, ты только прикинь!

Интерес к вещам из прошлого Дикого Запада в Японии не проходил никогда.

— Невероятно, — согласился Эл.

— Можно заработать кучу монет на подлинных вещицах времен Гражданской войны — магазинных винтовках и тому подобном.

— Обязательно проверю чердак, как только вернусь домой.

— Ты из Мобайла, верно?

— Из Монтгомери.

— Ох, точно. Но это же все равно в Алабаме.

— Правильно.

Стив был рассеян. Он осмотрел бар, придвинулся ближе и легонько тронул Эла за рукав:

— Как насчет того, чтобы поразвлечься в приятной компании? Вон там, на другом конце стойки, пара милашек, которых мы можем снять.

Эл отвел взгляд:

— Они тут работают, вроде как развлекают посетителей. Заставят тебя всю ночь покупать им лимонад по десять долларов за бокальчик. А потом — видишь того парня, по сравнению с которым борец сумо выглядит дистрофиком? Он вежливо объяснит тебе, что пора уходить, нравится тебе это или нет. В любом случае я — пас. Тяжелый денек выдался, знаешь ли.

Стив отодвинулся на свое место, осушил последний стаканчик и раздавил в пепельнице окурок. Лицо его скривилось.

— Что-то эта дыра меня больше не цепляет. Что скажешь насчет того, чтобы перебраться куда-нибудь еще?

— Правда нет. Я заглянул сюда, только чтобы по-быстрому опрокинуть стаканчик. Завтра мне предстоит неотложное дельце, и...

— Ай, да ладно тебе. Тебя же приглашает земляк. Я плачу́! Мне сегодня подфартило.

Следующий бар, за углом, был меньше, темнее и тоже переполнен. Музыка грохотала из настоящего джукбокса[1]

[1] *Джукбокс* — музыкальный автомат.

пятидесятых годов. Они нашли свободный столик, втиснутый в угол под лестницей.

— Так чем ты занимаешься? — спросил Стив.

— Я инженер — специалист по гидродинамике. Мы используем много японских деталей. Я здесь официальный представитель фирмы-учредителя, отвечаю за методы испытаний и порядок технического обслуживания.

— Прости, не могу задать толкового вопроса по твоей работе.

— Ерунда.

Стив помолчал пару секунд, глядя на свой стакан. Вдруг он поднял взгляд:

— Значит, ты математик?

Эл нахмурился:

— Немного. А что?

— Да так, просто прочел кое-что в самолете. Что, мол, бабочка, хлопающая крылышками в Китае, может изменить погоду в Техасе через неделю. Чушь какая-то. Ты что-нибудь в этом понимаешь?

Эл кивнул:

— Эффект бабочки. Пример не совсем точен, это крайность, но он должен иллюстрировать высокую степень нелинейной динамики хаотических систем. Крохотные изменения в начальных условиях способны превратить совершенно разные вещи в последствия друг друга. — Он заметил остекленевшие глаза Стива и с сомнением поинтересовался: — Ты действительно хочешь, чтобы я продолжал?

Стив обдумал предложение:

— Нет, забудь. — Он поймал взгляд бармена и знаком велел принести еще пару стаканчиков — уж конечно же непустых. — Как думаешь, сколько можно получить тут за настоящую ковбойскую шляпу? Угадай!

Эл потерял счет всем заведениям, в которые они забредали потом, и понятия не имел, в каком часу оказался наконец в своей квартире. До полудня он бродил как пришибленный, так и не проснувшийся до конца, мучимый тошнотой, с чувством, что лучше бы он умер, и даже позвонил на работу, предупредить, что заболел. К ланчу лучше не стало, так что он решил вообще не ходить сегодня на службу.

Так случилось, что среди документов, положенных этим утром на стол Алена Квентина, была техническая записка,

касающаяся конструктивных болтов, отливаемых из сплава CYA-173/B. Тесты показали, что длительные циклические напряжения при низких температурах могут привести к хрупкости металла, результатом которой становится разрушение. Эти болты следовало заменить после десяти тысяч часов эксплуатации в космическом пространстве, а не после тридцати тысяч, как особо обусловливалось ранее. Поскольку CYA-173/B был введен в эксплуатацию меньше восемнадцати месяцев назад, вероятность аварии из-за болтов была относительно мала. Однако любые приборы, функционирующие больше года — и особенно испытывающие вибрационную нагрузку, — необходимо было немедленно оснастить новым крепежом.

Поскольку Эл не вышел на работу, данная информация в этот день не была передана его компании в Калифорнии. Поэтому ее не включили в недельный список исправлений, который группа инженерной поддержки рассылает сервисным центрам, ремонтным мастерским, базам технического обслуживания и прочим потребителям продукта компании, разбросанным по всей Солнечной системе.

За сорок восемь часов до того, как сводку получили на GYO-3, федеральной космической базе, вращающейся на постоянной орбите вокруг Ганимеда, крупнейшего спутника Юпитера, грузовой автоматический корабль «Отшельник» отправился в девятидневный рейс к Каллисто. В главном двигательном отсеке «Отшельника» размещалось четыре центробежных насоса высокого давления, прикрепленных к подставкам болтами из CYA-173/B. «Отшельник» уже шесть месяцев развозил разнообразные грузы, снуя между лунами Юпитера, а до этого проделал долгий путь от пояса астероидов, занявший еще больше времени. Болты, все еще держащие помпы, были одними из первых введенных в эксплуатацию болтов этого типа.

Полностью загруженная клеть-контейнер «Мэддокса» объединяла партии товаров более чем пятидесяти независимых поставщиков по тысяче тонн астероидного материала в каждой, причем размерами эти ящики превосходили любой древний круизный катер. Здесь были обогащенное железо, никель, магний, марганец и другие металлы, на которые никогда не иссякнет спрос покупателей, жаждущих

уклониться от федеральных налогов и сборов. Месяц слаженного труда команды из десяти человек, разрабатывающей железоникелевый астероид, принесет им четверть миллиона долларов. Конечно, проживание в космосе и оборудование обходятся недешево, но банки по всему свету предоставляют щедрые кредиты под залог куска принадлежащей старателям скалы. Вот вам и еще один источник разногласий с федеральными властями, которые претендуют на владение всем вообще и не признают правомочий, которыми не наделяли сами. Но десять миллиардов астероидов, каждый чуть больше сотни метров в диаметре, — слишком много, чтобы наводить там порядок. И объем кольцевидного пространства, охваченного поясом, в два триллиона раз больше участка космоса, ограниченного лунной орбитой.

Хорошие деньги все еще можно было заработать на водороде, азоте, углероде и других легких элементах, необходимых в биохимических процессах и при производстве пластмасс. Этих веществ не найдешь на Луне, но в каменноугольных хондритах[1] они присутствуют. В этом виде астероидов обычно содержится до пяти процентов керогена, смолистого углеводорода, «сгущенного первобытного супа», встречающегося на Земле среди залежей нефтяных сланцев, — это отличная смесь всех основных веществ, необходимых для поддержания жизни. По курсу околоземных рынков кероген практически бесценен. А здесь его более ста миллионов миллиардов тонн, даже с учетом пяти процентов.

Трехкамерный термоядерный ракетный двигатель и топливные баки к нему подсоединили к хвосту, когда клеть была готова к отправке. Смонтированная пусковая установка висела в пятидесяти милях от «Тернера Мэддокса». Поисковые радары обшаривали огромный радиус, системы безопасности находились в полной боевой готовности. Невозможно спрятать вспышку, когда двухсотгигаваттный двигатель выбрасывает струю пламени — отличный маяк, чтобы привлечь внимание шныряющих в окрестностях федеральных сил.

— Чисто, — доложил Фьюгерадо со своего поста на боковом мостике.

---

[1] *Хондриты* — наиболее распространенный тип каменных метеоритов.

Он имел в виду не только их ближайший периметр. Система обнаружения «Мэддокса» соединялась с защитной сетью, растянутой по всему району пояса. Против общей угрозы независимые работали сообща.

Кассель проверил свои мониторы, убеждаясь, что все имеющиеся у них в наличии «пауки», челноки, вспомогательные грузовые отсеки и прочие устройства учтены, подстыкованы и находятся вне зоны вспышки.

— Место старта чисто, — подтвердил он.

Лайам Дойл сдвинул фуражку на затылок, примяв копну взъерошенных рыжих ирландских волос, и в последний раз окинул взглядом индикаторы поля и зажигания. На кону стояло гораздо больше, чем рутинная отправка собранного «сундука». Капитан любил надзирать за отбытием грузов персонально.

— Десять секунд до старта, — раздался голос оператора с нижней палубы.

— Запускаем! — объявил Дойл.

— Синхронизация автоматическая... Управление включено... Зажигание плазмы.

Копье звездно-белого пламени пронзило двадцать миль пространства. Ракета-носитель рванулась вперед на пяти g, и в первые мгновения скорость ее казалась обманчиво медленной, но потом она стала стремительно уменьшаться и исчезла среди звезд. На главном экране мостика изображение подпрыгнуло, когда следящая камера повысила кратность увеличения, показывая реактивную струю, уже укоротившуюся под действием чудовищного ускорения. Девятнадцать минут — и двадцать тысяч миль — спустя ракетный двигатель отсоединится и отстрелит тормозную ракету, разъединяя два модуля. Клеть продолжит держать курс к Внутренней системе, а ракетоноситель развернется по замедляющей кривой, которая в конце концов приведет его назад к «Мэддоксу».

— Все путем, — известил всех и каждого голос оператора.

Из открытой двери рубки связи понеслись аплодисменты и радостное гиканье.

— Мистер Кассель, бутылочку «Бушмиля»[1], будьте добры, — распорядился Дойл.

---

[1] Ирландское солодовое виски.

— Есть, сэр!

Дойл повернулся к присутствующим на мостике старшим членам экипажа.

— А у меня есть для вас несколько новостей, так почему бы не сообщить их прямо сейчас? — провозгласил он. — Эта операция станет для нас последней — на какое-то время. Наша консервная банка скрипит так, будто вот-вот рассыплется. Можете передать своим людям, что мы становимся на капремонт и реконструкцию систем, так что у них есть пара месяцев, чтобы проветриться и пустить по ветру их нечестно заработанные денежки, потратив побольше монет на удовольствия, какие только можно найти по эту сторону Марса.

Объявление было встречено одобрительным гулом, а потом каждый получил по маленькой порции ирландского крепкого.

Позже, однако, наедине с Касселем в своей личной каюте, Дойл был менее оптимистичен:

— Не хотелось упоминать при всех, но я получаю зловещие сообщения со всех концов космоса. — Он доверительно понизил голос. — В последнее время «Бандит» очень уж тих.

Кассель вгляделся в серьезное лицо шефа. «Бандит Кольца» был еще одним сборщиком вроде «Тернера Мэддокса»: тот же бизнес, та же клиентура, тот же modus operandi[1].

— Насколько тих? — уточнил он.

Дойл махнул рукой, словно отбрасывая что-то:

— Абсолютно.

И это весьма странно, поскольку, хотя случались и аварии и то и дело невезучих или беспечных перевозчиков выслеживали федеральные патрули, катастрофа никогда не происходила так быстро и не была столь тотальной, чтобы экипаж не мог послать хоть какой-то сигнал бедствия.

— Ты говоришь, федералы... они его устранили? — спросил Кассель.

— Мы не знаем. Если да, то они сделали это каким-то способом, о котором никто прежде не слышал. Вот настоящая причина того, почему я временно вывожу нас из дела.— Он помолчал, многозначительно глядя на Касселя. — Кое-

[1] Образ действия *(лат.)*.

кто из операторов говорит, что у властей имеются осведомители.

Кассель мгновенно сообразил, что подразумевает капитан.

— Думаешь, Симото — стукач? — спросил он. — И мы станем следующими?

— А ты как считаешь? Он в твоем секторе.

Кассель пожал плечами:

— С работой он справляется, с экипажем ладит. Все его любят. Мы придерживаемся стандартной системы безопасности. Всплыть ничего не должно.

— Своей сноровкой он, может быть, обязан федеральной летной школе, — заметил Дойл. — А их питомец всегда ухитрится вывести себя из-под удара.

Кассель не стал спорить:

— Я позабочусь о том, чтобы во время отдыха он постоянно был под контролем.

— Да уж, позаботься, пожалуйста, — кивнул Дойл. — Я хочу быть абсолютно уверен, что у нас все чисто, когда мы снова возьмемся за дело.

Вода.

С ее уникальной молекулярной структурой и специфическим свойством становиться легче, замерзая, она словно специально создана идеальным растворителем, катализатором, очистителем, а также акушеркой и колыбелью жизни. Кроме того, что каждый человек на девяносто процентов состоит из воды, она — почва для водорослей, которые люди выращивают на своих фермах, она питает их растения и животных, охлаждает их жилища и защищает от радиации. Спрос на воду во внутренних частях Солнечной системы опережает спрос на все прочие ресурсы разом.

Каллисто, вторая по величине луна Юпитера, размером почти с Меркурий, наполовину состоит изо льда, что в сорок раз больше земных запасов. Разработка ледяной корки Каллисто — основной вид деятельности, который власти Земли осуществляют исключительно для поддержки официальной программы освоения космоса. Так что одна из причин постоянного присутствия возле лун Юпитера военно-космических сил — защита ледяной оболочки. И капиталовложений.

Огромные, размером с небоскреб, блоки, вырезанные лазером из ледяного поля, отрывает от луны атомная электромагнитная катапульта. Скользя по ободу гравитационного колодца Юпитера, глыбы пользуются гигантской планетой как пращой, помогающей им «запулить» себя во Внутреннюю систему. Когда блоки покидают пусковую дорожку на Каллисто, высокомощные лазеры на поверхности, бьющие с разных сторон, обеспечивают окончательную коррекцию курса, отсекая частицы хвоста глыбы, создавая толчок. Грубоватый способ создания импровизированной ракеты, но от этого не менее действенный и отлично работающий.

Или, по крайней мере, работавший до сих пор.

Грузовой автоматический корабль «Отшельник», прибывший с Ганимеда, заходил кормой вперед на финальное сближение с базой, служащей стационарной пусковой установкой, когда очередной блок вдруг начал заваливаться. Один из болтов CYA-173/B, удерживающих насосы высокого давления «Отшельника», раскололся, не выдержав увеличения массы груза при доведенной до максимума мощности, замедляющей ход корабля. Отломившаяся головка болта полетела со скоростью пули и повредила силовой привод, который отключил второй двигатель. Приводимый в движение несбалансированными толчками двух других двигателей, «Отшельник» отклонился от курса, разминулся с базой и врезался в одну из башен с лазерами-корректорами как раз в тот момент, когда поднимаемый блок находился в двадцати милях над горизонтом.

В результате два миллиона тонн льда поползли к Юпитеру по траектории, не учтенной ни одним компьютером. Ошибка, в сущности, была незначительной. Но вихревое вращение вокруг Юпитера усугубит ее, и к тому времени, как глыба достигнет пояса астероидов, смещение увеличится до десяти миллионов миль.

Если бы кто-нибудь когда-нибудь выяснил причину катастрофы, Эла Квентина уже не удалось бы уволить за преступную халатность. Он сам ушел с работы и открыл в Токио собственный маленький бизнес — доставку со своей родины реликвий Старого Запада.

«Тернер Мэддокс» вернулся со станции и собирал ящики [illegible] первой из новой серии партий товара. Двигатели

корабля тщательно проверили, компьютеры усовершенствовали, и продвинутая плазмостабилизирующая система полностью соответствовала ракетоносителю. Но в атмосфере витало напряжение, которого раньше не ощущалось. Исчезло еще пять сборщиков — и все бесследно.

Наверняка их убрали федералы, но никто не знал, как они вычислили местонахождение кораблей или как ухитрились напасть так быстро, что никто даже не предупредил других. Все сборщики придерживались жесткой политики передвижения и постоянно меняли зоны действия. Они пользовались множеством замысловатых систем защиты и сигнализации. Они суммировали информацию о подозреваемых в шпионаже в пользу федералов. Они высылали покупателям *диспетчерскую информацию об идущих* грузах по частям зашифрованными депешами, чтобы никто не знал, где сойдутся траектории. И все же потери продолжались.

Кассель оглядел знакомое до мелочей пространство палубы оперативного контроля. Отдохнувший экипаж на своих местах, занимается ящиком нового «абонента», называющего себя холдингом «Дальние Залежи». Икоро уже закончил курс обучения, на этот раз он запасной пилот — с ним все в порядке. Так решил Дойл, поговорив с мальцом и перепроверив его анкетные данные. Еще один новичок, Ибрагим Амель, родившийся во внеземной колонии — по его словам, — собирался в первый в его жизни поход. Не все вернулись после перерыва, и набор новых членов команды был *еще одним в череде рисков*, на которые приходилось идти. Хэнк Биссен, как это ни удивительно, уволился. Кассель не считал его человеком, который позволит федералам выгнать себя из космоса. Но может, Хэнк за последнее время скопил больше деньжат, чем думал Кассель.

Другой важной переменой был внешний экран из шести автодронов[1] с антеннами и электромагнитными пушками, закупленных Дойлом, которые постоянно пребывали в двух тысячах милях от «Мэддокса», превращая маневры корабля в подобие операций небольшой флотилии. Одно это уже убеждало, насколько серьезным стало дело. Прежние времена больше нравились Касселю. Мысль старика. Неужели к нему подкрадывается возраст?

---

[1] *Дрон* — беспилотный летательный аппарат.

Ибрагим нервничает. На симуляторе он показал себя на «отлично», но у паренька болезненное самомнение, и потому его может занести. Касселя радовало, что Икоро здесь, в запасе, спокойный и умиротворенный, с его всегдашней широкой улыбкой.

— Помни, чему научился на симуляторе, не срезай повороты, когда ведешь корабль, — обратилась к Ибрагиму Сюзи. — Промахнуться при центровке легче легкого, и, выравнивая курс, ты потратишь больше времени, чем сэкономишь.

Ибрагим кивнул и невольно бросил взгляд на Икоро в поисках подтверждения.

— Она слишком много говорит, — сказал Икоро. — Просто не стоит лишний раз волноваться. Ты ничего не потеряешь. Если тебя начнет сносить, я тут же перехвачу управление.

— А как ты справился в первый раз? — спросил Ибрагим.

— Напортачил самым прискорбным образом, — соврал Икоро.

Ибрагим вроде обрел уверенность. Сюзи перехватила взгляд Касселя и на миг закатила глаза. Штурман лишь пожал плечами. Экраны на каждой панели показывали увеличенное изображение ящика, все еще находящегося в пятнадцати минутах лету, посылаемое с одного из дронов. Цвета контейнеров говорили о том, что в одном — металл, в другом — легкий элемент, в третьем — силикаты и еще в двух — кероген.

— Идет легко, вращение незначительное, — прокомментировал Икоро. — Проглотим, как кусок пирога.

Внезапно хрипло взревели все сигнальные системы. Из громкоговорителя Сюзи рявкнул голос Дойла — в этом походе он решил отслеживать все операции.

— Приближаются незваные гости. Кассель, на мостик, немедленно!

Ибрагим застыл. Сюзи и Икоро бешено застучали по клавишам своих пультов. Что-то еще Кассель просто не успел отметить, потому что бросился к аварийному подъемнику и взмыл на верхний уровень. Пересекая рубку связи, он услышал, как дежурный быстро говорит в микрофон:

— Тревога! Тревога! Это «Тернер Мэддокс». К нам идут неопознанные объекты, вероятно с целью атаки. Наши координаты...

Секунду спустя Кассель уже стоял на мостике рядом с Дойлом. Повсюду вспыхивали и пищали дисплеи. Фьюгерадо рассматривал цифры на экране контроля сектора.

— Сколько их? — спросил Кассель, отдуваясь.

Дойл, сосредоточенный на поступающих оперативных данных, ответил не сразу. Он выглядел менее встревоженным, чем можно было ожидать по его голосу, — и тем не менее капитан казался озадаченным. Наконец он произнес:

— Я не уверен, что это «они». Похоже, там всего один...

Кассель посмотрел на монитор, окинул взглядом цепочки чисел и нахмурился:

— Один — что? Какого черта, что за штука?!

— Будь я проклят, если знаю. Характеристики не похожи ни на один корабль или устройство.

— Расстояние — две с половиной тысячи миль, — доложил офицер-артиллерист. — Скорость — тридцать миль в секунду.

— Оптическая система наведения дрона-три захватила цель! — выкрикнул Фьюгерадо. — Вы не поверите!

Дойл и Кассель нависли над ним.

— Вы когда-нибудь видели астероид с углами? — Фьюгерадо ткнул пальцем в экран.

Объект был длинным, прямоугольным и белым, как гигантская обувная коробка, а еще он кувыркался. Первой мыслью, промелькнувшей в сознании Касселя, была мысль о надгробном камне.

— Пятнадцать секунд до периметра, — сообщил главный артиллерист. — Мне нужен приказ!

— Я сделал спектральный анализ, — произнес другой голос. — Это лед. Глыба льда.

Первый офицер Касселя оторвался от навигационного пульта:

— Траектория точно пересекается с прибывающим ящиком «Залежей». Контейнер расплющит в лепешку.

— Мне стрелять? — взмолился артиллерист.

Дойл повернулся к нему со смесью замешательства и удивления во взгляде:

— Ох, ну конечно, ты можешь стрелять, если хочешь, Майк, но толку от этого будет чуть. Электромагнитная пушка для такой громадины все равно что лопающийся

попкорн для танка. Твои лазеры способны проделать крохотную дырочку в жестянке, но это же сплошной лед.

Они смотрели, загипнотизированные, очарованные. На одном мониторе миниатюрная гора мчалась сквозь пространство, как стремительный белый волк. На другом мерно трусил ящик, ни о чем не подозревающий ягненок. Возможно, потому, что люди ничего не могли сделать, неминуемая катастрофа казалась издевательски жестокой — даже какой-то... непристойной.

— Чьи-то миллионы сейчас превратятся в пар, — заметил Кассель, пытаясь хоть как-то разрядить атмосферу.

— И наши проценты тоже, — добавил Дойл. Ох уж этот его вечный прагматизм!

— Десять секунд до столкновения, — подтвердил навигатор.

Оторвавшийся от вахты экипаж сгрудился возле переднего иллюминатора по правому борту. Все займет лишь долю секунды. Глаза напряженно всматривались в звездное поле. Потом Кассель слегка подтолкнул локтем Дойла и показал пальцем, а для других произнес:

— Финиш.

Тут что-то сверкнуло ярким, пульсирующим светом, вспыхнув на краткий миг и промелькнув так быстро, что никто не различил формы, возникнув из ниоткуда, словно звезда оторвалась от черного фона...

Внезапно полнеба охватило зарево, ослепившее бы всех, если бы иллюминаторы не делали из бронестекла с отсечением коротких волн. И все равно следующие десять минут Кассель видел лишь остаточное изображение, отпечатавшееся на его сетчатке.

Но пока он ждал, когда зрение восстановится, разум его прокручивал варианты. Что бы это значило? Он никогда не слышал о холдинге «Дальние Залежи». В прибывающем ящике было что-то посущественнее обычных металлов, легких элементов и керогена. А через полчаса этот контейнер оказался бы в грузовой клети — практически в двух шагах от них.

Так вот *как* действовали федералы!

Цветок просто полыхал зеленым и желтым, и фиолетовые прожилки стали совсем яркими. Тифуми отщипнула

пару вялых листиков и полила растение из кувшина, который принесла из кухни за лифтами. Хозяин этого офиса, кажется, заботится о цветке, и это радостно видеть. Впрочем, пока придется ей приглядеть за Кио, потому что бухгалтера нет уже несколько дней. Из разбросанных на его столе открыток и поздравления с пожеланием счастья, которое кто-то прикрепил к стене, старуха поняла, что здешний счетовод женился. Фотография в рамке, недавно появившаяся рядом с цветком, изображала бухгалтера в обнимку с хорошенькой девочкой, которую Тифуми видела раз или два, – она работала в приемной. Значит, он женился на своей секретарше.

Тифуми не знала, хорошо это или нет, но в нынешние дни подобные вещи допускаются. Весьма вероятно, молодая жена оставит работу, займется семьей, не будет больше его секретаршей, и вопрос решится сам собой. Тифуми подумала, не заберут ли они ямацуми-су в свой новый дом. Так будет лучше для Кио — ну что ему в одиночестве прозябать каждую ночь в кабинете.

Она закончила вечернюю уборку и спустилась в фойе дожидаться автобуса. А пока он еще не подъехал, женщина присела на стул, вытащила из сумки письмо от Икоро, которое распечатал для нее один из друзей сына по университету и доставил ей, когда она уже уходила на работу.

Моя дорогая и любимая мамочка!

Надеюсь, с тобой все в порядке. Я хорошо устроился и только что выслал тебе денег, чтобы ты ни в чем не нуждалась, ты их скоро получишь, и не ругай меня, мамочка.

Жизнь тут, где я продолжаю служить, жутко интересная. Я должен рассказать тебе потрясающую историю, которая произошла всего пару дней назад...

КАРЛ ШРЁДЕР

Гало

Карл Шрёдер (р. в 1962 г.), уроженец Манитобы, в 1986 году переехал в Торонто, чтобы посвятить себя литературе. Шрёдер происходит из семьи меннонитов и вырос в религиозной общине, которая проживает в Манитобе уже более века. Интересно, что к этой же общине принадлежал и А. Э. Ван Вогт. Отец Шрёдера был первым специалистом по телевизорам в общине, а мать написала два дамских романа. «Я с детства привык видеть свою фамилию на корешках книг, и мне это казалось вполне естественным», — вспоминает Шрёдер. Писатель активно вращался в кругах канадских фантастов, его рассказ «Игрушечная мельница» («The Toy Mill»), созданный в соавторстве с Дэвидом Никлом, завоевал премию «Аврора», а впоследствии лег в основу романа «Эффект Клауса» («The Claus Effect», 1997). В числе прочих работ Шрёдера роман «Вентус» («Ventus», 2000) — любопытный сплав твердой научной фантастики и фэнтези. У автора нетривиальные взгляды на само понятие фантастики — Шрёдер считает, что писать нужно о правдоподобных вещах: «По моему убеждению, наука не более чем служанка философии, поэтому философские идеи в моих произведениях первостепенны. Я восхищаюсь классиками, скажем Гербертом Уэллсом, больше, чем современными авторами, у которых, может быть, более точные научные идеи. Уэллс пишет, как наука помогает постичь то, что находится за ее пределами».

Рассказ «Гало», по словам Шрёдера, — это попытка совместить твердую научную фантастику и психологическую прозу. Тема произведения — новый тип межпланетной цивилизации и межпланетного путешествия. Автор ставил перед собой задачу описать по возможности самую враждебную обстановку и правдоподобно объяснить, почему герои решили в ней жить.

Элис Кантрелл разбудил шум: дети пытались самостоятельно приготовить завтрак. В окна струился яркий дневной свет. Элис накинула халат и бросилась в кухню:

— Нет, нет, давайте я!

Джуди как раз собиралась засунуть что-то в микроволновку, а духовка жарила на полную мощность. Алекс, са-

мый горластый херувимчик во Вселенной, обиженно завопил из-за стола:

— Эй, мам, ты что, забыла?

Он, видимо, уже управился со своим завтраком. Подозрительно, но она решила не инспектировать его работу:

— Да, забыла, что время перевели. Понимаете, мои старатели все равно работают по двадцатичетырехчасовому графику.

— А почему? — Алекс возил ложкой в тарелке с кашей.

— Они же на других планетах, забыл? Тридцатичасовой день только у нас на Росинке, да и то с тех пор только, как включили солнце. Помните, как мы жили, когда солнца еще не было, а?

Алекс уставился на нее так, словно решил, что мама спятила. А всего-то полтора года прошло.

Элис вздохнула, и в ту же минуту дверь возвестила, что у них гость.

— Папочка! — взвизгнула Джуди и выскочила из кухни.

Элис догнала ее уже в прихожей. Девочка прилипла к коленям отца, а Назим Клервотер ухмылялся сверху вниз на ее пушистую головку.

— Ну, ты и растрепа! — сказал он вместо приветствия.

— Спасибо на добром слове. Слушай, я их еще не собрала. Подождешь пять минут?

— Запросто. Я вышел пораньше, подумал, как бы ты не забыла о переводе времени.

Она сверкнула на него глазами и прошествовала обратно в кухню.

Пока она прибиралась, Назим одел ребят. Элис выглянула в окно, за которым лежала Росинка. Да, настоящий день: бледный свет пробивает облака и обрисовывает ледяные холмы и долины. Два года назад в это окно можно было увидеть разве что редкую звездочку. Элис выросла в этой бархатистой тьме и до сих пор, просыпаясь, дивилась невероятной перемене. Ее дети — первое поколение на Росинке, для которого смена дня и ночи станут привычными с младенчества. Они и думать будут иначе. Как сегодня утром.

— Эй! — раздался у нее над ухом голос Назима.

Элис встрепенулась и ответила чуть громче, чем следовало:

— Что такое?

— Мы пошли.

Дети стояли рядом с отцом, старательно проверяя крепления защитных костюмов. Сегодня предстояла учебная тревога. Назим, уж конечно, позаботится, чтобы они как следует отработали действия при нарушении герметичности. Элис чмокнула его в щеку.

— Не возвращать их слишком рано, да? У тебя свидание?

— Нет, — возразила она. — Нет, конечно.

Назим хотел бы услышать, что она привыкла к независимости, но этого удовольствия он от нее не дождется.

— Тогда, может, я зайду вечером? — предложил Назим, чуть улыбнувшись.

— Конечно.

Он кивнул, но больше ничего не сказал. Дети во все горло выкрикивали «До свидания!» — а она все пыталась угадать, на что он намекал. Что значит «зайду»? Посидит-поболтает? Или что-то большее?

Нет, на большее она уже не рассчитывала. Когда дверь за ними закрылась, Элис со злостью шлепнулась на кушетку и надвинула на голову шлем.

Она пользовалась самой дешевой моделью VR-устройства. Об эффекте присутствия и речи нет, только зрение и слух, да ручное управление. Ее старатели — рабочие механизмы, сходство с человеком для них — излишество, и даже ходить в невесомости не требуется. А дистанционка и без излишеств стоит недешево. К тому же простое устройство управления позволяло ей работать на дому.

Пятнадцать роботов-старателей, которыми командовала Элис, были разбросаны по мирам гало Тигля. Сам Тигль принадлежал к классу «бурых карликов», пятнадцать масс Юпитера — слишком мало, чтобы разгореться настоящим солнцем, но вполне достаточно, чтобы испускать излучение в инфракрасном спектре и тащить за собой шлейф планет. Тигль был одинок в пространстве, полном настоящих звезд. Элис родилась и выросла на Росинке, пятой, ледяной планете Тигля. Через объективы своих старателей она видела многокилометровый цилиндр, который ее дети привыкли называть солнцем. Его электрическое сияние изливалось только на Росинку, оставляя во тьме Тигль и другие плане-

ты. Росинка в искусственном освещении бело-голубым самоцветом блестела на черной подкладке космоса.

Элис повернула голову в шлеме, и все ее старатели развернули свои камеры. Она впервые заметила на поверхности Тигля слабый круглый отблеск — отражение светящейся Росинки. Надо записать — детям картинка понравится, даже если они не поймут, в чем дело.

Первый старатель оседлал ледяной осколок километров пять длиной. Вокруг Тигля кружили миллиарды таких осколков. Роботы Элис надзирали за работой простых механизмов, тупо вгрызавшихся в лед в поисках крошек металла.

Здесь все в порядке. Она переключилась на следующего робота, и тот услужливо зажег свой прожектор, осветив ей каменную стену. Хм... Значит, не зря она вчера вечером приказала ему проверить ледяную расщелину на Замке, четвертой планете системы. Вот и камень, а значит, металл. Элис почувствовала желание потрогать его, и она протянула руку. Короткая заминка — и стальная рука старателя коснулась камня. Элис ничего не почувствовала: на старателях нет встроенного передатчика ощущений. Бывало, ей хотелось всеми чувствами испытать миры, на которых трудились ее роботы.

Она послала в учетный отдел заявку на свою находку и переключилась дальше. Этот робот сидел на самой дальней орбите, и временной разрыв между командой и исполнением составлял несколько минут. Обычно она наскоро проверяла, все ли у него в порядке, и двигалась дальше. Но сегодня на его линии светился предупредительный огонек.

«Перехвачена передача...» А, это он подслушал разговор между кораблями или еще чей-то. Довольно странно для старателя на такой далекой орбите.

— Прочитай мне! — велела она и перешла к четвертому старателю.

Она совсем забыла о передаче и любовалась линией горизонта Росинки с удачно расположенной четвертой камеры, когда звучный мужской голос сказал ей прямо в ухо: «Мэйдэй, мэйдэй[1]. На Росинке, пожалуйста, примите передачу. Я — Хаммонд, говорю с межзвездного циклера „Чинук". Дата: шестое мая две тысячи четыреста восемна-

[1] Международный морской и авиационный сигнал, просьба о помощи.

дцатого года. Релятивистское смещение — пятьсот тысяч четыреста тридцать пять. Идем на полусветовой.

Слушайте: „Чинук" захвачен войсками натуритов с Левиафана. Они используют циклер как оружие. Вы уже должны знать, что мир Тиара из гало Обсидиана молчит. Это наша вина, „Чинук" уничтожил их. Наша следующая цель — Росинка, и они намерены повторить то же самое у вас. Они хотят „очистить" миры ореола, чтобы освободить их для своего народа.

Они поддерживают радиомолчание. Мне пришлось выйти наружу, чтобы вручную управлять передающим лазером и послать сигнал тревоги.

Вы должны разместить мины в узостях пространства на пути циклера и уничтожить его. Маневренность у нас ограничена, так что он не сможет уклониться от мин.

Тот, кто примет это сообщение, пожалуйста, немедленно передайте его своим властям. „Чинук" — корабль геноцида. Вам грозит опасность.

Пожалуйста, не отвечайте на „Чинук" по обычным каналам. Они не станут вести переговоры. Отвечайте моей группе на этой же частоте, а не на стандартной волне циклера».

Элис застыла в недоумении. Она готова была рассмеяться: какое забавное, напыщенное, грозное послание! Однако она слышала, что Обсидиан в самом деле замолчал, и никто не знал почему.

— Источник передачи? — спросила она и, ожидая ответа, заново прокрутила запись.

Очень мелодраматично звучит — стиль в самый раз для розыгрыша. Она не сомневалась, что передача велась с самой Росинки — скорее всего прямо от Назима или от кого-то из его приятелей.

Перед глазами у нее вспыхнули координаты. Элис быстро просчитала в уме и прикинула направление. Не с Росинки. И вообще не с миров Тигля. Передача велась из глубокого космоса, откуда-то из-за последней орбиты спутников Тигля.

Дальше лежали только звезды, миры ореола — и циклеры. Элис задумалась, сняла шлем. Где-то под ложечкой у нее трепыхнулся страх.

Элис отнесла сообщение своему двоюродному брату, который служил в полиции. Он провел ее в свой кабинет

и тепло улыбнулся. С тех пор как стали взрослыми, они не часто встречались, и он рассчитывал поболтать по-семейному.

Элис покачала головой:

— Я принесла тебе кое-что странное, Сол. Вот это принял прошлой ночью один из моих роботов. — И она проиграла ему сообщение, ожидая услышать успокоительный смешок и разумное объяснение.

Через полчаса их вели в кабинет шефа полиции, которая вместе с помощниками сидела за изогнутым дугой столом и хмурилась. Входя, Элис услышала слова сообщения, тихо звучащие из настольных динамиков двоих помощников, внимавших записи с очень серьезным видом.

— Вы никому об этом не расскажете, — начала шеф — худощавая крепкая женщина с горящими глазами. — Мы сперва должны все проверить.

Элис, помедлив, кивнула.

Кузен Сол откашлялся:

— Мэм, так вы, значит, думаете, что это послание может оказаться подлинным?

Начальница хмуро взглянула на него, но все же кивнула:

— Это может оказаться правдой. Возможно, потому Тиара и исчезла из эфира.

Год назад, когда Тиара, мир, расположенный в половине светового года от родины Элис, вдруг замолчала, газеты сходили с ума. Ходили слухи о катастрофе, но доказательств не было, если не считать того, что лазер Тиары, постоянно передававший новости, вдруг выключился. Новостей больше не поступало, и Элис уже несколько месяцев ничего об этом не слышала.

— Мы сверили полученные вами координаты, и они показывают, что передача действительно шла с «Чинука». А «Чинук» проводил курсовую коррекцию в районе Обсидиана как раз в то время, когда Тиара прекратила вещание.

Элис не верила своим ушам:

— Но что они могли сделать?

Шеф постучала длинными пальцами по столу:

— Вы, как космический инженер, вероятно, разбираетесь в этом лучше меня. «Чинук» идет на полусветовой скорости — при этом любой предмет, сброшенный с него

на встречном с планетами Обсидиана курсе, грохнет не хуже бомбы. Многого и не надо, хватит карандаша или открытки.

Элис неохотно кивнула. Не считая лазерной связи, циклеры были единственным средством сообщения между мирами гало и звездами. Они прибывали к Тиглю каждые несколько месяцев, но держались поодаль от планет, приближаясь ровно настолько, чтобы силы гравитации помогли им изменить курс по направлению к следующим мирам ореола. Грузы и пассажиров подбирали и высаживали с помощью лазерного паруса: огромные массивные циклеры не так легко затормозить и разогнать снова. Кинетическая энергия их была огромна, поэтому межзвездные поселения следили за ними по возможности пристально. Тем не менее от звезды к звезде они добирались годами, и лазерные передачи отставали на недели и месяцы. Пока циклер добирался к месту назначения, все новости с него оказывались устаревшими.

— Прежде чем что-то предпринимать, надо проверить, — продолжала шеф. — Мы знаем координаты и на какой частоте отвечать. С этого и начнем.

Элис задала вопрос, который ее мучил:

— Почему никто, кроме меня, не принял передачу?

— Может быть, ее недостаточно четко нацелили. Он мог не знать точно расположения цели. В пределах луча оказался только ваш старатель. Случайность.

— Когда прибывает «Чинук»? — спросил Сол.

— Через полтора месяца, — отозвался помощник с жесткими чертами лица. — Он должен быть сейчас примерно в трех световых неделях — дата передачи это, кажется, подтверждает.

— Тогда ответ придет примерно к тому времени, как они доберутся до нас, — заметил Сол. — А хорошо бы знать заранее, чтобы успеть принять меры.

Все тупо уставились друг на друга. Элис кое-что подсчитала в уме.

— Есть время для четырех передач, прежде чем они окажутся в дне пути, — сказала она, — притом что каждая сторона будет дожидаться ответа другой. По четыре с каждой стороны.

— Но действовать придется гораздо раньше, — вставил второй помощник.

— Как? — спросил третий.

Элис сама могла бы ответить на этот вопрос. Можно замкнуть пространство перед циклером. Превратить его, хорошо бы вместе со всеми снарядами, в чистую энергию. Убить тысячу с чем-то человек, чтобы спасти Росинку.

— Я свое дело сделала, — сказала она. — Мне можно идти?

Шеф небрежно отмахнулась. Гул перебивающих друг друга голосов не умолкал, пока они с Солом шли к дверям.

Сол предлагал проводить ее до дому, но Элис отказалась. Она брела по знакомым коридорам города, по коридорам, в которых выросла. Только сегодня обычный маршрут от центра города перегородили рабочие бригады. Они заменяли непрозрачные потолочные панели стеклянными, пропускающими свет нового солнца. Яркое освещение изменило все вокруг, промыв знакомые цвета. Это напомнило Элис, что гигантские силы небес неподвластны ей. Она свернула и блуждала по затемненным боковым переходам как мрачный призрак, пряча глаза от взглядов прохожих.

На дорожках парка толпился народ, в основном дети. Кто-то был с одним из родителей, другие — с обоими. На парочки Элис поглядывала с завистью. Предполагалось, что дети сблизят их с Назимом. А вышло наоборот. В последнее время он, казалось, снова заинтересовался ею. «Не спеши, — уговаривала она себя. — Дай ему время».

Если у них еще есть время.

Дома ее встретил тот же резкий свет, впущенный рабочей бригадой. Груда игрушек на полу гостиной вдруг показалась ей крошечной и хрупкой. Элис немножко посидела под новым окном, стараясь не замечать его, но в конце концов перерыла шкафы, откопала старое одеяло и занавесила стекло.

Назим в тот вечер пригласил ее поужинать. Элис от этого растерялась и засуетилась. Дети тоже хотели пойти, хотя он назначил слишком поздние для них время. Загонять их в постель оказалось мучением. Она затянула ужин допоздна и успела исчерпать все заготовленные темы для болтовни. Проще всего было бы говорить о детях, но это

значило пойти по избитому пути, а ей хотелось, чтобы этот вечер стал необычным. Хуже всего было, что она решила не говорить ему о сообщении, потому что Назим, заметив, как она взволнована, мог, по своему обыкновению, просто встать и уйти.

Свечи стояли на столе перед ними, как шахматные фигуры. Элис чувствовала себя все более несчастной. Назим явно не понимал, что с ней творится, но она обещала не говорить о больных местах. Поэтому она выдумала и для одеяла на окне, и для своего настроения какие-то неловкие оправдания и видела, что он им не поверил.

Тем все и кончилось.

Она так надеялась, что этот вечер что-то вернет, а поздно ночью отправилась в постель одна, измотанная и подавленная.

Сон к ней не шел. В голове крутились сплошные вопросы, любовь и жизнь связались в один узел, и Элис остро ощущала, что не в ее силах сохранить ни то ни другое. Она металась под одеялом, и перед глазами неотступно стояла далекая невидимая стрела циклера, летящая в нее из бесконечности.

В конце концов она встала и прошла в свой рабочий кабинет. Надо от этого отписаться. Такой способ помогал ей и раньше. Она влезла в шлем VR и вызвала почту. Послание Хаммонда повисло перед глазами вместе с адресной частотой и вектором направления. Она вызвала команду: «Ответить».

«Дорогой мистер Хаммонд.

Я получила ваше сообщение. Вы направляли его более значительным лицам, а получила я. У меня дочь и сын — я не хочу и слышать, что их могут убить. И что мне теперь делать? Я передала сообщение в полицию. Ну и что?

Пожалуйста, признайтесь, что это была шутка. Я теперь не могу спать, только и думаю о Тиаре и о том, что с ней случилось.

Я думаю... Я сообщила в полицию, но мне кажется, этого мало, это как если бы вы звали на помощь *меня*, переложили всю тяжесть мира на мои плечи — а что мне с ним делать?»

Ей с каждым словом становилось легче. Элис изгоняла из себя цепь мелких огорчений и больших страхов, мешав-

ших ей жить. Закончив, она почувствовала себя гораздо лучше.

«Отправить сообщение?» — запросила почта.

О господи, нет, конечно.

Что-то плюхнулось ей на колени, чуть не вышибив дух. Шлем свалился с головы.

— Мама, мамочка!

— Да-да, милая, что такое?

Джуди уютно устроилась у нее на груди.

— Ты что, мамочка, опять время перепутала?

Элис расслабилась. Какими глупостями она занимается!

— Немножко перепутала, моя сладкая. А ты что не спишь?

— Не знаю.

— Пойдем-ка мы с тобой в постель. Можешь лечь со мной, хочешь?

Джуди кивнула.

Она встала, подняв Джуди на руки. VR-шлем все еще светился изнутри, и Элис подобрала его, чтобы выключить. И, вспомнив, чем занималась, надела на голову.

Вспыхнула надпись: «Сообщение отправлено».

— О господи!

— Эй, мам!

— Секундочку, Джуди. Мама сейчас закончит.

Она поставила дочку на пол и занялась установкой. Джуди тихонько захныкала.

Она снова вызвала «Ответить» и быстро заговорила:

— Мистер Хаммонд, прошу вас игнорировать последнее сообщение. Оно не предназначалось вам. Почта напортачила. Простите, если мои слова вас расстроили. Я понимаю, что вам гораздо хуже, чем мне, и вы очень храбро поступили, связавшись с нами. Я уверена, что все уладится. Я... — Она не знала, что еще сказать. — Пожалуйста, простите меня, мистер Хаммонд.

Она отнесла Джуди в постель. Девочка мгновенно заснула, а вот у Элис сна теперь не было ни в одном глазу.

Правительство долго не давало о себе знать. Понимая, что они не станут докладывать ей о происходящем, Элис приказала роботу на внешней орбите половину времени тратить на поиск передач «Чинука». Их не было неделями.

Элис жила, как жила. Она одевала и кормила ребят, давала им выплакаться ей в подол, когда они уставали или разбивали коленки, время от времени отводила их погулять с Назимом. Она пила вечерами кофе с подружками и даже посмотрела новую пьесу, которая шла в перестроенном реакторном зале в подземных ярусах города. Оставшееся время она занимала работой.

В те недели Элис снова ощутила успокоение, черпая его в работе оторванных от всего мира старателей. На долгие часы она оказывалась за миллионы километров от самой себя, смотрела, как блестят в луче фонаря ледяные кристаллы, или любовалась звездами, невидимыми из ее окна. Из такого далека она буквально с новой точки зрения смотрела на свой дом: ей видна была Росинка во всей ее миниатюрности и хрупкости, и Элис понимала, что только тесный круг родных и друзей сдерживает одиночество миров гало. Тем больше она ценила людей, но ощущала любовь и к тем созданиям, которые первыми проникали в ледяные галереи и промерзшие бездны далеких лун.

Иногда ей приходило в голову, что она сможет наблюдать гибель Росинки глазами своих старателей. Нелепая мысль — ведь она тогда уже будет мертва. И все же ощущение *бытия* в пространстве оставалось таким живым, что ей мечталось как о золотой жиле — остаться навечно бестелесной и одинокой в объективах старателей и оттуда с тоской озирать руины своего мира.

Второе сообщение пришло через месяц после первого. Старатель Элис перехватил его — и полиция тоже, а больше никто, потому что передача велась на собственной частоте Хаммонда. В соседней комнате бесились ребята. Их смех звучал странным фоном для горечи, которой полон был голос в ее наушниках.

«Говорит Марк Хаммонд с „Чинука". Я передам вам все подтверждения, какими располагаю. Постараюсь, если сумею, послать видеозапись уничтожения Тиары. Это очень сложно. Нас, прежних пассажиров и членов команды, осталось совсем мало. Вся надежда на самоуверенность военных Левиафана — если они зашифровали базу данных, я ничего не смогу сделать. Если они меня поймают, то выкинут из шлюза.

Я расскажу вам, как все было. Я с планеты Мириам, четыре года назад отправился в музыкальную академию на

Тиаре. Следующим пунктом назначения „Чинука" был Левиафан, мы не взяли там никакого груза, а только несколько сотен пассажиров, оказавшихся солдатами. На борту „Чинука" в то время находилось около тысячи человек. Солдаты захватили центр управления, и после этого они решали, кто им нужен, а от кого можно избавиться. Нас осталось меньше половины. Меня спасло то, что я умею петь. Меня оставили для развлечения».

В голосе Хаммонда звучало отвращение. У него был очень приятный голос, звучный баритон. Но она слышала в нем горе.

«Мы уже два с половиной года живем под их пятой. С нас хватит.

Несколько недель назад они начали готовить удар по вашему миру. Тогда мы решились. Вы должны уничтожить „Чинук". Я пошлю вам точный курс корабля и снарядов. Заминируйте пространство на нашем пути. Иначе вас ждет участь Тиары».

У ребят по расписанию был урок выживания. Обычно Элис с удовольствием перепоручала детей Назиму или в последнее время инструкторам, но на этот раз повела их сама. Стоя вместе с остальными родителями на сухом, сыпучем, как песок, снегу у стен города и наблюдая за одетыми в скафандры детьми, выполняющими упражнения, она чувствовала некоторое облегчение. Ее ребята вместе с маленькой группкой других учились пользоваться Всепланетной Системой Ориентирования и успешно отыскали дорогу к нужному маяку. Элис преисполнилась гордости и весело болтала с другими родителями. Впервые за последние недели она почувствовала, что занята чем-то стоящим.

Очень странно было находиться снаружи при дневном свете — и родители, когда не обсуждали детей, только об этом и говорили. Все вспоминали свои детские занятия, проводившиеся в постоянном ночном мраке. Теперь они наперебой указывали друг другу на удивительное разнообразие цветов камня и льда, напоминающее картины земной Антарктики. Страшным был и вид города. Прежде он высился сплошной темной пирамидой. Когда детей отпустили и все направились к дому, Элис рассматривала его новым взглядом. Сплошная бетонная масса казалась жемчужной под зеленоватыми облаками, и на гладком фасаде блестели

точки окон. Их становилось все больше. Элис с ребятами пытались отыскать свои окошки, но это непривычное занятие скоро им наскучило.

Над входным городским шлюзом появилась большая надпись. «ПОМОЖЕМ СТРОИТЬ СОЛНЕЧНОЕ БУДУЩЕЕ!» — гласила она. Рядом график в виде термометра показывал, сколько средств удалось собрать правительству на следующую стадию по преобразованию Росинки в новую Землю. Пока столбик термометра стоял совсем низко, а краска на нем уже потускнела от времени. Все же несколько человек что-то опустили в ящичек у входа, и Элис сама чуть не поддалась искушению: оказавшись снаружи, начинаешь кое о чем задумываться.

Все вернулись домой усталыми, и дети добровольно легли поспать днем. Элис, ощущая себя почти счастливой, постояла немного, глядя в окно, а потом, спотыкаясь о завалы игрушек, пробралась в кабинет.

Ее уже ожидало новое сообщение:

«Женщине, которая приняла мою передачу. Я не меняю частоту, но посылаю луч в том же направлении, что в первый раз. Это только для вас, кто бы вы ни были».

Элис тихонько опустилась на стул.

Хаммонд рассмеялся, может быть несколько нервно. Голос его был таким глубоким, что смех будто наполнял ее голову.

«Ну и письмо вы мне прислали! Я не слишком верю, что почта напортачила. Но если это вышло случайно, я рад этой случайности.

Ваш голос — первый за годы голос, дошедший к нам извне. Вы должны понять: при том, как с нами обращаются, и... и оторванность от мира, и все такое — мы почти забыли, как это бывает. Я хочу сказать, как люди живут. Растят детей и беспокоятся за них. Здесь у нас больше нет детей. Их убивали вместе с родителями.

Многие сдались. Они забыли о том, что нужно беречь. Мы теперь почти все такими стали. Даже я и другие, кто пытается что-то делать... понимаете, мы это делаем из ненависти, а не потому, что хотим кого-то спасти.

Но вы мне напомнили, что осталось еще что-то. Просто услышать ваш голос, почувствовать, что вы и Росинка есть на самом деле, — уже помогло.

Поэтому я решил... Я дам прослушать ваше письмо — именно первое — кое-кому из тех, кто сдался. Напомню им, что мир еще существует. И мы за него отвечаем.

Еще раз спасибо вам. Не скажете ли, как вас зовут? Мне хотелось бы когда-нибудь с вами встретиться»

Запись кончилась.

Почему-то в его просьбе ей почудилась угроза. Словно то, что он не знал ее имени, как-то защищало ее. И в то же время ей хотелось ответить на его просьбу, ведь он как будто этого заслуживал. Просидев много долгих минут и так ни на что и не решившись, она сорвала с себя шлем и крадучись выскользнула из кабинета.

Назим позвонил на следующий день. Услышав его голос, Элис обрадовалась и в то же время удивилась. Она опасалась, что он в обиде на нее за холодность последних дней, однако он пригласил ее на ланч в одно из лучших городских бистро. Элис подкинула детей матери и принарядилась. И не зря. Встреча удалась.

Но от ее робкой попытки назначить следующую встречу он тактично уклонился. И по дороге домой ей оставалось только пережевывать намеки в каждой его фразе.

Да, в самом деле, разве поймешь? Жизнь и так слишком сложна. Дома ее ожидало еще одно послание от Хаммонда. Оно было адресовано властям. Элис его просмотрела и не раз потом жалела об этом. Эта была видеозапись гибели Тиары.

Крошечные фигурки в скафандрах отцепили от «Чинука» несколько тонких, как паутинки, кабелей силы Лоренца и оттолкнули их от корабля. Кабели казались бесконечными, и каждый весил, наверное, сотни тонн.

На следующем кадре виднелась далекая Тиара в голубой дымке — единственный обитаемый мир Обсидиана. Элис минуту смотрела на это дрожащее пестрое пятнышко и вдруг увидела, как на его поверхности яростно вспыхнули белые зигзаги молний. Падение кабелей.

И все. Затем голос Хаммонда зачитал ряд чисел, которые она перевела в скорости и траектории. Передача закончилась без дополнительных комментариев.

Элис могла бы известить власти и считать себя свободной от ответственности, но за ночь, проведенную в размышлениях, решила, что может сделать еще кое-что.

— Мистер Хаммонд,— начала она,— это Элис Кантрелл. Это я приняла ваше первое сообщение. Я передала присланную вами запись и уверена, что ее будет достаточно, чтобы правительство приняло меры. Попасть по Росинке не так уж легко, а теперь, когда мы знаем, с какого направления придут снаряды, мы, наверное, сумеем их перехватить. Я уверена, что правительство выразит вам благодарность, но думаю, это будет очень официально: может, они наградят вас медалью или возведут памятник. А я хочу сама поблагодарить вас. За своих детей. Вы, верно, не знаете, ради кого рискуете жизнью. Ну вот, это Джуди и Алекс. Я посылаю вам пару их фотографий. Покажите их своим. Может быть, они убедят и других вам помочь.

Я не хочу, чтобы наши взрывали «Чинук». Это значило бы, что вы умрете, а вы для этого слишком хороший человек. Вы этого не заслуживаете. Покажите всем фотографии. Не знаю... может, если вы уговорите побольше народу, вам удастся вернуть власть над кораблем? Должен ведь быть способ. Вы умный человек, мистер Хаммонд. Я уверена, вы сможете. Ради... ну, хотя бы ради меня.— Она засмеялась и тут же прокашлялась, чтобы убрать вставший в горле ком.— Вот фотографии.— Она вставила свои любимые снимки: первые шаги годовалой Джуди; Алекс, стоящий на шкафу, расправив над головой полотенце, словно отважный парашютист.

Элис сняла шлем и откинулась назад. Она очень устала, но ей было спокойно. Вопреки всякой логике, она чувствовала, что сделала что-то героическое, быть может первый раз в жизни.

Наверное, во всем городе одна Элис не удивилась, когда погасло солнце. Уже несколько дней ходили слухи, что правительство высылает корабли с грузом, но куда, никто не знал. Она знала. Свет погас, когда она готовила обед. Дети прибежали узнать, что случилось.

— Почему погасло? — выкрикнул Алекс.— Пусть вернется!

— Его вернут через пару дней,— успокоила Элис.— Солнце ремонтируют. Может, хотят сменить цвет, или еще что.

Это отвлекло ребят. Алекс с Джуди затеяли долгий спор: какого цвета теперь станет солнце. Остановились на голубом.

На следующее утро ее вызвал Сол:

— Мы перешли к делу, Элис, и нам нужна твоя помощь.

Она этого ожидала.

— Вы хотите забрать моих старателей.

— Нет-нет, не забрать. Только использовать. Ты их лучше знаешь. Я убедил начальника отдела, что ты и должна ими управлять. Нам нужно блокировать снаряды, которые выпилет «Чинук».

— И все?

— Что значит «и все»? Чего тебе еще?

Она покачала головой:

— Ничего. Отлично, я это сделаю. Мне уже входить в сеть?

— Давай. Тебе дадут прямую связь с главным. Его зовут Оливер. Тебе он понравится.

Оливер ей не понравился, но она понимала, чем он подкупил Сола. Крутой, бескомпромиссный и немногословный до грубости. Он умел быть приятным, когда хотел, но такое случалось редко. Оливер приказал Элис снять четырех работавших на внутренних орбитах старателей и поставить их на перемещение ледяных астероидов в линию блокады

Следующие несколько дней были самыми напряженными за все время ее работы со старателями. Ей пришлось попросить Назима присмотреть за детьми, и он выполнил просьбу, оставаясь невидимым. Смена орбит поглотила все внимание Элис. Ее механизмы собирали большие глыбы космического льда и, как деловитые муравьи, перетаскивали их на нужную орбиту. В передышках она разглядывала бурые вершины облаков Тигля: грозовые тучи величиной с целую планету, облачка, в которых мог утонуть материк. Чтобы перехватить снаряды, требовались сотни ледяных гор. Солнце выключили, чтобы превратить его в грозное лазерное копье. Его направят на ледяные глыбы перед самым появлением снарядов: облака пара плотно затянут все пространство на их пути.

Пара старателей наверняка сгорит в этом пожаре, но на такие мелочи сейчас жаловаться не приходилось.

«Чинук» приближался, и сообщения с него доходили все с меньшей задержкой. Она приступила к коррекции

орбиты последней льдины, когда пришло новое сообщение от Хаммонда. Опять для нее.

Взвинченные нервы не помогают в работе, поэтому она заставила себя установить вектор перехода, прежде чем открыть сообщение. На этот раз оно было в видеоформате.

Марк Хаммонд оказался худым темнокожим мужчиной с шапкой непокорных черных волос. В ушах у него висели сине-зеленые серьги. Он выглядел старым, но виной тому были морщины у губ и в уголках глаз. А сейчас он улыбался.

«Спасибо за снимки, Элис. Вы можете звать меня Марк. Я рад, что ваш народ готов защитить себя. Теперь вести дойдут до всех миров гало: никто больше не станет торговать с Левиафаном. Полный бойкот — они его заслужили. Спасибо. Ничего этого не случилось бы, если бы не вы».

Он потер подбородок.

«В последние дни мне очень нужна была ваша поддержка, Элис. Эти фотографии, они как глоток свежего воздуха. Да, я показал их всем. И это помогло: на нашей стороне теперь гораздо больше народу. Кто знает, может, нам и удастся вышибить отсюда убийц, как вы советуете. Если бы не вы, нам бы и в голову не пришло даже попытаться».

Он поморщился, на миг опустив взгляд.

«Глупо звучит. Но в таком положении невольно говоришь глупости. Ваша помощь много значит для меня. Надеюсь, вас эвакуировали в безопасное место. А я ломал голову, все думал, что мне сделать для вас, чтобы хоть как-то отблагодарить за эти снимки.

Многого сделать не могу, но я посылаю вам свои записи. Часть песен мои, остальные — народные песни Мириам. Но исполняю их тоже я. Надеюсь, они вам понравятся. Мне так и не удалось попасть на Тиару, чтобы поучиться по-настоящему. Пою, как умею. — И, вдруг застеснявшись, он выпалил: — Пока».

Элис сохранила песни в доступном формате и перевела на свою звуковую систему. Она вышла их кабинета, молча прошла мимо Назима с ребятами и включила запись. Сильный, чистый голос Хаммонда полился из динамиков, и она остаток дня сидела и слушала, глядя в стену.

На следующее утро Оливер отдал ей новые распоряжения:

— Вы единственная, у кого на пути «Чинука» есть хоть какое-то подобие корабля. Старатель Шесть. — Он говорил о роботе, принявшем первое сообщение Хаммонда. — Мы высылаем снаряды, какие сумели собрать, но их масса может оказаться слишком мала, чтобы пробить фронтальную защиту «Чинука».

— Вы хотите уничтожить «Чинук»...

Она не удивилась, а просто обиделась на судьбу, которая делает такие вещи.

— Да, — подтвердил Оливер. — Нельзя позволить этим подонкам уйти. Массы вашего старателя — десяти тысяч тонн — более чем достаточно, чтобы их прикончить. Я ввел векторы в вашу базу данных. Приступайте. — Он отключился.

Она бы скорее умерла. Элис хорошо сознавала свою ответственность перед Росинкой, но уничтожение «Чинука» не спасет ее мир. Его судьбу решат снаряды, которые он уже выбросил. Все же, чтобы полиция не обвинила ее в неисполнении приказа, она ввела векторы для перехвата «Чинука», включив в них крошечную ошибку, гарантирующую промах. От сознания важности поступка — правительство назвало бы его изменой — у нее засосало в животе. Наконец она набралась храбрости и вызвала Хаммонда:

— Они требуют, чтобы я вас убила. — Элис стояла перед компьютером, включив видеозапись. Хоть это было в ее силах! — Я не могу. Простите, но этого я не могу. Я не палач, а вы ни в чем не виноваты. Из всех нас вы меньше всего заслуживаете смерти! Это не честно. Марк, вы должны отобрать у них «Чинук». Вы сказали, что на вашей стороне теперь больше людей. Я даю вам время. До следующей станции еще пара лет. Верните свой корабль, и вы сможете сойти там. Вы еще можете спастись, Марк! Возвращайтесь сюда. Вас встретят как героя. — Она отважно попыталась улыбнуться, но губы только жалко искривились. — Прошу вас, Марк. Наше правительство наверняка уже предупредило все миры ореола. Они будут начеку. «Чинук» больше никого не застанет врасплох. Поэтому вовсе незачем вас убивать.

Она отправила сообщение и только тогда спохватилась, что забыла поблагодарить его за песни. Но она боялась сказать еще хоть слово.

Город эвакуировали на следующий день. С раннего утра полиция начала подметать все уровни города, вытаскивая людей из постелей и направляя растерянную толпу к поездам и самолетам. Элис успела собрать вещи и приготовиться. Джуди спала у нее на руках, протирающий глаза Алекс цеплялся за пояс. Они пробирались среди кричащих горожан. Средства массовой информации наконец сообщили, что происходит, но для организованного протеста не осталось времени. Толпу искусно пасли: полиция, наверное, недели потратила на учения.

Элис потребовала от Сола, чтобы он точно назвал ей время, когда все случится. И знала, что ей не удастся поймать Пазима, жившего на другом уровне. Он, скорее всего, еще спал, когда Элис с детьми запихнули в вагон и станция за окном медленно уплыла назад.

Поезд остановился на следующее утро, и часть пассажиров высадили на какой-то платформе. Остальным раздали еду, и они поехали дальше. Элис спала, прислонившись к стене, когда их вагон наконец начали разгружать.

Во всех городах Росинки имелись бараки на случай чрезвычайных положений. Элис не успела прочитать название станции и не знала, куда их привезли. Ей было все равно. Дети нуждались в ее заботе, а она вымоталась до предела.

И все же не настолько устала, чтобы забыть, что отсчет времени быстро приближается к нулю. Мучительно было ничего не знать, ей обязательно нужно было увидеть ответ Хаммонда на последнее письмо, но в бараке отсутствовал терминал. А ей необходимо было убедиться, что с ним все в порядке.

В конце концов она упросила какую-то женщину присмотреть за Джуди и Алексом и стала пробираться к выходу. У тяжелой двери на выходе в город стояли несколько полицейских и никого не выпускали

Она быстро зашагала вдоль периметра барака, соображая на ходу. Такие постройки размещались на уровне земли, и в них предусматривалось несколько выходов, на слу-

чай если один будет заблокирован пожаром или землетрясением. Возможно, запасный выход не охраняется.

В самой глубине барака, куда она прежде не добиралась, обнаружился неохраняемый шлюз. Он был забит защитными костюмами: беженцам ни к чему выходить наружу, тем более здесь, в незнакомой местности. Ведь, даже сбежав из барака, они не попадут домой. Но Элис требовался терминал.

Она надела костюм и прошла шлюз. Никто ее не заметил. Элис выбралась на поверхность Росинки, где бывала только во время учений на выживание. Легкий ветерок ворошил сугробы углекислого снега. В разрывы туч проглядывали звезды, слабо освещавшие стену города. В этом городе с неизвестным ей названием были тысячи окон — да, наверное, теперь повсюду так. Из них будет хорошо видно то, что случится сегодня в небе.

Через десять минут она вышла к другому шлюзу. Этот был большим и то и дело пропускал въезжающие и выезжающие машины. Она пристроилась позади одной из них и оказалась на складе. Проще простого. Отсюда она на лифте поднялась на шестнадцатый уровень, в крытую стеклом аркаду. Здесь нашлись VR-терминалы, и она жадно бросилась к первому попавшемуся и вошла в свой сайт.

В почтовом ящике лежали два сообщения. Конечно, от Хаммонда. Она открыла первое.

«Право, можете сказать мне спасибо,— со снисходительным видом обратился к ней Оливер.— Я проверил вашу работу — собственно, это моя работа. Со льдом вы справились безупречно, а вот траекторию старателя-шесть запороли. Совсем пустяковая ошибочка, но она быстро накапливалась. Если бы я ее не исправил, вы бы даже не задели „Чинук". Можно сказать, я вас спас, а? — Он шутливо отдал честь и ухмыльнулся.— Никому не говорите. И я тоже не скажу. Сочтемся при случае». Все с тем же самодовольным видом он отключился.

— Ох нет, нет, нет,— прошептала она и дрожащими пальцами открыла второе сообщение.

Появился Хаммонд, осунувшийся и грустный. Он был виден на фоне металлической переборки, на каждом выдохе изо рта у него вырывалось облачко пара.

«Привет, Элис, — заговорил он. Голос был тихим и усталым. — Спасибо, что вы так заботитесь обо мне. Но ваш план неисполним.

Вы здесь не были. И хорошо, что так. Но если бы вы были здесь, то увидели бы, насколько это безнадежно. Нас всего горстка — пленников, которых оставили в живых ради забавы или потому, что они умеют делать что-то, чего не умеют те. Им в голову не приходило, что нам понадобится выйти наружу, — только поэтому мне удалось добраться до передающего лазера. А данные и видео, которые я раздобыл, они упустили по собственной самонадеянности.

Но у них есть основания не опасаться нас. Мы ничего не можем сделать: нас не допускают в ту часть корабля. И понимаете, увидев, что вы заминировали пространство вокруг Росинки, они поняли, что их кто-то выдал. Мы знали, что так будет, когда решались это сделать. Так что, понимаете, я в любом случае мертв — или вы меня убьете, или они. Я предпочел бы, чтобы это сделали вы: так будет намного быстрее».

Он задумчиво помолчал, опустив взгляд, и заговорил снова:

«Окажите мне услугу. Не берите на себя вину, вы не виноваты. Но уничтожьте „Чинук". Пока вы этого не сделаете, мирам грозит опасность. Эти люди — фанатики, они и не рассчитывали живыми вернуться домой. Поняв, что снаряды перехватывают, они направят на следующий мир сам корабль. А его остановить будет гораздо труднее.

Я восхищаюсь вашим оптимизмом и вашими планами. Мне хотелось бы, чтобы получилось, как вы задумали. Но это действительно конец».

Он наконец улыбнулся и взглянул ей прямо в глаза:

«Жаль, что у нас было так мало времени. По-моему, я мог бы полюбить вас. Все равно, спасибо. Хватит и того, что вы обо мне думаете».

Он исчез. «Передача окончена, — сообщила почта. — Ответить?»

Она долго смотрела на последнее слово. Потом нажала «да».

— Спасибо за песни, Марк, — сказала она и отправила сообщение. Закрыла программу и сняла шлем.

Конец, когда он наступил, принял облик цепочки блестящих огоньков, протянувшихся по небу. Элис видела их

сквозь стеклянную стену аркады, где сидела вместе с другими молчаливыми людьми. Окружающая местность осветилась до горизонта ярче, чем освещалась искусственным солнцем Росинки. Фальшивый день медленно угасал.

Земля не дрогнула. Ни звука. Росинка уцелела.

Толпа расходилась, оживленно переговариваясь. Для них приключение закончилось прежде, чем они до конца поверили в угрозу. Элис почти любовно смотрела на них сквозь слезы. Она слишком устала, чтобы двигаться.

Оставшись одна, Элис припялась смотреть на звезды. Среди них осталась только бледная светлая полоска. Через минуту Элис вернется к детям, но сперва даст чувствам полную волю — пусть захлестнут целиком, омоют лицо, руки и плечи, как мелодии Хаммонда. Она не умела смиряться с судьбой. Но надеялась научиться.

Элис встала и пошла к лифту. Она больше не смотрела на звезды...

ДЭВИД ЛЭНГФОРД

Иная тьма

Дэвид Лэнгфорд (р. в 1953 г.) — один из известнейших современных фантастов. Физик по образованию (как и Дэвид Брин), он пишет статьи для «SFX», «New Scientist» и «The New York Review of Science Fiction», а также издает журнал-фэнзин «Ansible». Лэнгфорд многократно завоевывал премию «Хьюго» как лучший фэн-писатель. Его произведения, ранее публиковавшиеся в любительских изданиях, представлены в сборнике «Поаплодируем глухому» («Let's Hear It For the Deaf Man») (значимое название, так как Лэнгфорд страдает глухотой). Перу писателя также принадлежат несколько документальных книг и четыре романа: «Пожиратель космоса» («The Space Eater», 1982) — твердая научная фантастика, «Шаткое учреждение» («The Leaky Establishment», 1984) — сатира на лабораторию ядерных разработок, а также в соавторстве с Джоном Грантом «Рок земли!» («Earthdoom!», 2001) и «Внутренности: комедия нравов» («Guts: a Comedy of Manners», 2001) — юмористический триллер. В последнее время Лэнгфорд пишет в основном малую прозу в жанре твердой научной фантастики.

Рассказ «Иная тьма», обладатель премии «Хьюго», повествует о детях, математике и новых видах оружия, о том, как его применяют по назначению и не по назначению. Чудесное произведение в духе жутковатого футуризма!

За окнами всегда темно. Родители с учителями на прямой вопрос туманно отвечали: мол, вся тьма от темно-зеленых террористов. Джонатан же находил такое объяснение недостаточным. Остальные члены Бойся-клуба были с ним вполне согласны.

Темень за оконными стеклами что дома, что в школе и в школьном автобусе считалась вторым видом тьмы. В первом, обычном, виде тьмы можно хоть что-то разглядеть. И, конечно, спокойно перемещаться в ней с фонариком в руке. Второй вид тьмы был совершенно черным. Луч даже самого яркого электрического фонаря тонул в нем без следа. Джонатан не раз наблюдал, как его друзья, ступая за школьные двери, словно растворяются в черной стене. И сам он, следуя за ними от порога и до школьного автобуса, окунался

в полный мрак. Крутил головой направо и налево, но видел перед собой лишь пустой воздух. Черный воздух.

Абсолютную тьму можно обнаружить и в помещениях. Например, черный коридор, по которому шел Джонатан, одно из мест школы, куда запрещено ходить. Вообще-то ему бы сейчас слоняться в окруженном высокими стенами школьном дворе — переменка все-таки. Там, что странно, можно видеть небо над головой. Однако это совершенно не место для страшных тайн Бойся-клуба.

Джонатан достиг противоположного конца чернильно-черного коридора и тихонечко приоткрыл дверь в небольшую кладовую, которую они с друзьями обнаружили не так давно. Воздух внутри был теплым, пыльным и затхлым. Голая лампочка свисала с потолка. Остальные уже здесь, сидят на ящиках с бумагами и стопках потрепанных книг.

— Опоздал, опоздал! — хором воскликнули Гэри, Джулия и Халид.

Хизер, кандидатка в действительные члены клуба, движением головы отбросила длинные светлые волосы и натянуто улыбнулась.

— Кто-то должен быть последним, — ответствовал Джонатан.

Эти слова уже давно стали частью ритуала, тайным паролем, подтверждающим, что прибывший из их круга, а не какой-нибудь шпион. Разумеется, все присутствующие хорошо знали друг друга, но воображение рисовало шпиона — мастера перевоплощений.

Халид держал на первый взгляд ничем не примечательную папку с картинкой-страшилкой внутри. Его привилегия. И клуб был его идеей. Он нашел эту картинку, забытую кем-то в школьном ксероксе. Халид любил читать, вот и начитался о тяжких испытаниях и тайных посвящениях. А когда натыкаешься на такое чудесное испытание, как картинка-страшилка, ты просто обязан основать тайное общество, чтобы применить его на практике.

— Мы — Бойся-клуб, — торжественно произнес Халид. — Мы те, кто способен пройти испытание. Двадцать секунд.

Брови Джонатана вздернулись. Двадцать секунд — это серьезно. Гэри, самый тучный мальчик в команде, кивнул и уставился на часы. Халид раскрыл папку и уперся взглядом в то, что там было.

— Раз, два, три...

У него почти получилось. Почти. На семнадцатой секунде его ладони затряслись, затем задергались руки. Он бросил книгу. Гэри засчитал ему восемнадцать секунд. Не сразу Халид смог унять дрожь и собраться. Все поздравили его с новым рекордом.

Джулия и Гэри более трезво оценили свои возможности и решились на десятисекундное испытание. Оба прошли его с честью. Хотя на десятой секунде лицо Джулии стало мертвенно-бледным, а лоб Гэри покрылся крупными каплями пота. Тем не менее, Джонатан тоже решился на десятку.

— Ты уверен, Джон? — спросил Гэри. — В последний раз ты сдулся на восьми секундах. Может, сегодня не надо?

— *Мы те, кто способен пройти испытание,* — повторил Джонатан ритуальную фразу и взял из рук Гэри папку. — Десять.

В перерывах между испытаниями забываешь, как выглядела картинка, что на ней изображено. Из-за этого она всегда кажется новой. Всего-то: затейливый черно-белый узор в стиле Оп-Арта[1]. Вполне приятные очертания. Пока вся картинка целиком не складывается в голове. И тогда — шок. Словно касаешься оголенных высоковольтных проводов. Вспышки в глазах, хаос в голове. Джонатан ясно почувствовал искрящееся статическое электричество где-то за сетчаткой глаз — там бушевал настоящий шторм. Лихорадка пронзает кровь. Мышцы напрягаются и ослабевают, опять напрягаются. И... Боже!... Неужели Гэри произнес всего лишь «четыре»?

Он еще держался, заставляя себя не шевелиться, когда все его естество стремилось разлететься на куски. Ослепляющая картинка растворялась в новом виде тьмы, там, где-то внутри глаз. Джонатан с устрашающей определенностью знал, что либо упадет в обморок, либо заболеет, или и то и другое. Он сдался и закрыл глаза, когда, казалось, спустя годы, счет достиг завтного «десять».

Джонатан был слишком вымотан и опустошен и не обратил внимания на то, как прошла испытание Хизер. А она

---

[1] *Оп-Арт* — Оптический Арт, вид изобразительного искусства, появившийся в середине XX века. Основан на сложных геометрических фигурах, вызывающих у зрителя оптическую иллюзию.

была близка, но, увы, недостаточно близка к 5-секундному барьеру, дававшему право на действительное членство в клубе. Хизер закатила глаза. Ее руки мелко тряслись, но она твердо заявила, что обязательно пройдет испытание в следующий раз. После чего Халид закрыл заседание клуба столь же ритуальной фразой:

— То, что не убивает нас, делает нас сильнее.

Школа — это место, где тебе скармливают вещи, совершенно ненужные в жизни. Джонатан втайне считал, что квадратные уравнения больше нигде, кроме классной комнаты, не пригодятся. Для Бойся-клуба большим сюрпризом стало то, что самое интересное событие произошло именно на уроке математики.

Мистер Виткатт, предпенсионного возраста преподаватель алгебры и геометрии, иногда позволял себе выйти за рамки официального курса математики. Главное было соблазнить его каким-нибудь необычным заковыристым вопросом. Малыш Гарри Стин, шахматист и фанат военных игр, а по совместительству — рассматриваемая Бойся-клубом кандидатура, добился выдающегося успеха в деле отвлечения от темы урока. Он поинтересовался мнением учителя о некоей новости, услышанной дома. Что-то касающееся «математической войны» и террористов с их блитами.

— Вообще-то я знавал Вернона Бэрримена,— сказал мистер Виткатт после минутного раздумья.

Его слова совсем не казались многообещающими. Так — пауза. Но потом пошло:

— Он как раз «Б» в слове «блит». БЛИТ — бэррименовская логическая иллюзо-техника, так он ее назвал. Высшая математика. Вряд ли вы ее поймете. В первой половине двадцатого века два великих математика, Гёдель и Тьюринг, доказали теоремы... ммм... Короче, из них следует, что математика полна ловушек. У любого компьютера есть некоторый ряд задач, которые могут его «завесить», а то и вывести из строя.

При этих словах половина класса с готовностью закивала. Их написанные в домашних условиях компьютерные программы зачастую так и делали.

— Бэррименслыл очередным гением. И невероятным идиотом. В самом конце двадцатого века он сказал себе:

«А что если есть такие же задачи, способные вывести из строя человеческий мозг?» Идея захватила его. Он провел серию исследований и нашел одну такую задачу. И объявил на весь белый свет о своей кошмарной иллюзо-технике. Глядя на блит-узор, позволяя его изображению проникнуть внутрь сознания, вы тем самым можете отключить свой мозг. — Последовал щелчок пальцами. — Вот так.

Джонатан и другие члены Бойся-клуба переглянулись. Уж им-то было известно, каково это, смотреть на странные картинки. Малыш Гарри, гордящийся украденным у старой, никому не нужной тригонометрии временем, первым поднял руку.

— Э-э, а сам Бэрримен смотрел на свой математический узор?

Мистер Виткатт печально кивнул.

— Именно. Об этом и речь. Один взгляд его и убил, «завесил», обратил в камень. Ирония судьбы. Столетиями люди писали всякие сказки о призраках и прочих чудовищных творениях, одного взгляда на которые достаточно, чтобы умереть от страха. А потом некий математик, работая в области самой теоретической и абстрактной из всех наук, берет и воплощает это в жизнь.

Учитель принялся ворчать о блит-террористах, вроде темно-зеленых, которым не нужно оружие и взрывчатка, а только ксерокс или шаблон для рисования на стенах. Еще мистер Виткатт рассказал, что раньше телевидение работало вживую, без предварительной записи. Пока один темно-зеленый активист по имени Ти Зеро не вломился в студию Би-Би-Си и не показал в камеру блит, известный как «Попугай». В тот день погибли миллионы. Тогда было небезопасно вообще иметь зрение.

— И поэтому, э-э, вот эта специальная тьма на улице — чтобы люди не могли видеть подобных вещей? — осмелился подать голос Джонатан.

— Ну, в целом — да. — Старый учитель потер подбородок. — Вы все узнаете в подробностях. Только немного повзрослейте. Все это довольно сложно. Вижу, есть еще вопросы.

На этот раз руку поднял Халид. Всем своим видом показывая чисто академический интерес, он спросил:

— А все эти блиты так опасны? Или есть такие, которые только пугают, но не убивают?

Мистер Виткатт одарил его жестким оценивающим взглядом. После чего повернулся к доске с криво нарисованными треугольниками.

— Очень опасны. Как я уже сказал, косинус угла определяется...

Четверка членов внутреннего круга как бы случайно собралась в укромном уголке игровой площадки у грязной «шведской стенки», по которой никто никогда не лазил.

— Так что? Мы — террористы? — весело сказала Джулия. — Мы обязаны донести на себя в полицию.

— Нет. Наша картинка другая. Она не убивает людей. Она...

— ...делает нас сильнее, — хор голосов.

— А против чего борются темно-зеленые? — спросил Джонатан. — Что им не нравится?

— Думаю, биочипы, — неуверенно предположил Халид. — Крохотные компьютеры, встраиваемые в головы людей. Они утверждают, что это неестественно, типа того. Я что-то читал в старом «Нью Сайентисте» в библиотеке.

— Было бы неплохо иметь такой биочип на экзаменах, — мечтательно произнес Джонатан. — Но любые счетные устройства запрещено приносить. Все с биочипами в мозгах — оставьте ваши головы дома!

Друзья посмеялись. Но Джонатан внутренне содрогнулся, как будто ступил на несуществующую лесенку. Слово «биочипы» многократно звучало дома, когда родители скандалили по какой-то им одним ведомой причине. Джонатан вспомнил и слово «неестественно».

«Не дай Бог папа с мамой окажутся террористами», — подумалось ему. Ну уж нет, на них это никак не похоже.

— Там еще что-то было о системе контроля, — заметил Халид. — Никто не захочет, чтобы им управляли.

Как обычно, вскоре начали болтать о другом. Вернулись к старой теме: стенам второго вида тьмы, которыми в школе отмечали запретные территории, типа той, что вела в заветную кладовую. Бойся-клуб очень интересовало, как это работает, проводили эксперименты и кое-что уже сумели выяснить. Было зафиксировано следующее.

Теория Видимости Халида, доказанная довольно болезненным экспериментом. Зоны тьмы были идеальным мес-

том, чтобы прятаться от других детей. Однако учителя с легкостью находили тебя в темноте и наказывали за пребывание в запретном месте. Вероятно, у них имелся какой-то детектор, но никто никогда его не видел.

Примечание Джонатана к открытию Халида: водитель школьного автобуса ведет его так, будто свободно ориентируется в темноте. Конечно (мысль Гэри), автобусом могли управлять компьютеры, поворачивая руль и нажимая на педали, а водитель просто притворялся. Но зачем?

Зеркало Джулии. Самая невероятная вещь из всех. Даже Джулия не верила, что это сработает. Тем не менее, если встать перед тьмой второго вида, а руки погрузить туда с фонариком и зеркалом (со стороны кажется, что руки у тебя отрезаны), можно зажечь там фонарик, и его луч, отразившись от зеркала во тьме, вернется наружу и осветит тебя. Джонатан отметил, что, вероятно, именно поэтому днем виден солнечный свет на полу классной комнаты, окна которой выходят в защитную тьму. Этот тип тьмы не представлял барьера для света — только для зрения. Ни в одном из учебников по оптике ничего об этом не было сказано.

Малыш Гарри получил приглашение в клуб и считал минуты до своего первого заседания в четверг. То есть через два дня. Друзья надеялись, что Гарри принесет с собой новые идеи для экспериментов. Конечно, после того, как пройдет испытание на право членства в клубе. Малыш Гарри отлично знал математику и физику.

— Его знания нам очень нужны, — констатировал Гэри. — Если наша картинка работает как те блиты, сможет ли Гарри выдержать дольше всех благодаря своим способностям? Или как раз поэтому ему будет тяжелее? Вопрос.

Бойся-клуб постановил, что, хотя нельзя ставить эксперименты на людях, это слишком симпатичная идея, чтобы ее не проверить. Так они и поступили.

Пришел четверг. После бесконечного урока истории и сдвоенной физики наступило свободное время. Предполагалось, что ученики проводят его за чтением или в компьютерном классе. Никто не мог подумать, что в этот день произойдет последнее в истории Бойся-клуба посвящение. Правда, Джулия, прочитавшая целую уйму романов-фэнтези, позже заявила, что она предчувствовала обреченность

события и ощущала мощнейший всплеск ошибочности происходящего. Любит она так выражаться.

Заседание клуба в затхлой кладовой началось вполне на уровне. Халид наконец дошел до своих двадцати секунд. Джонатан преодолел десятку, что еще две недели назад казалось недостижимым Эверестом. Хизер стала действительным членом клуба (под чуть приглушенные аплодисменты собравшихся). А после этого и начались неприятности. Новобранец Гарри поправил свои круглые очки, распрямил плечи, раскрыл невзрачную на вид папку и застыл. Его не трясло! Он просто остолбенел. Потом захрипел, взвизгнул и повалился набок. С его губ стекала струйка крови.

— Он прикусил язык, — крикнула Хизер. — Бог ты мой, что нужно делать, когда человек прикусывает язык?

В этот момент открылась дверь и на пороге возник мистер Виткатт. Он выглядел сильно постаревшим и осунувшимся.

— Я должен был догадаться...

Внезапно он отвел взгляд и прикрыл глаза рукой, будто его ослепило ярким светом.

— Убери это! Закрой глаза, Пател, не смотри, и спрячь этот чертов рисунок.

Халид повиновался. Ребята подняли Гарри на ноги.

— Простите, простите, — все повторял он хриплым голосом; с капающей изо рта кровавой слюной Гарри походил на вампира из книжек.

Длинный переход по гулкому коридору в школьную санчасть, а потом в кабинет директора, казалось, длился вечно.

Мисс Фортмейн, директор школы, относилась к категории железных леди, по слухам, была очень добра к животным, но нерадивых учеников могла разнести в пух и прах всего парой фраз. Этакая блит-дама. Из-за своего стола она посмотрела на членов Бойся-клуба долгим, не предвещавшим ничего хорошего взглядом и резко спросила:

— Чья была идея?

Халид робко поднял руку. Джонатан прекрасно помнил девиз трех мушкетеров «Один за всех и все за одного» и сказал:

— Идея была общая.

— Это так, — подтвердила Джулия.

— Не знаю, не знаю. — Директор постукивала пальцами по злосчастной папке, лежащей на столе. — Наиболее коварное оружие на Земле — информационный эквивалент нейтронной бомбы — и вы с ним забавлялись. Как с игрушкой. Неубедительно.

— Кто-то оставил картинку в ксероксе, там, внизу, — произнес Халид.

— Да, ошибки случаются. — Лицо мисс Фортмейн немного смягчилось. — Это моя вина. Обычно мы используем этот блит-рисунок со старшеклассниками перед тем, как они покинут школу. Блит демонстрируется им в течение двух секунд под строгим наблюдением врачей. Этот рисунок называется «Трясунчик». В некоторых странах его помещают на больших плакатах для подавления бунтов. Но не в Англии или США, естественно. Разумеется, вы не могли знать, что Гарри Стин страдает эпилепсией и что «Трясунчик» окажет на него такое воздействие.

— Мне следовало раньше об этом подумать, — отозвался мистер Виткатт, стоящий за спинами ребят. — Пател задал вопрос, который можно было счесть или слишком умным, или слишком опасным. Я, старый дурак, даже представить себе не мог, что школа может стать мишенью террористов.

Директор бросила на учителя строгий взгляд. Джонатан вдруг почувствовал легкое головокружение. Мысли проносились в голове, как на контрольной по алгебре, когда все складывается удачно, и ответ на задачу уже почти виден в конце страницы. Что не нравится темно-зеленым террористам? Почему мы стали мишенью?

Система контроля. Никто не захочет, чтобы им управляли.

— Биочипы, — выпалил он. — У нас у всех в головы встроены биочипы системы контроля. У всех детей. Они как-то создают тьму. Особую тьму, которую видят только дети.

В кабинете директора воцарилась ледяная тишина.

— Марш в класс, — едва слышно прошептал старый учитель.

Директор школы глубоко вздохнула и, казалось, осела в кресле.

— Все когда-то случается в первый раз, — сказала она тихо. — Это я объясняю старшеклассникам на своем заня-

тии. Вы особенные дети, всю вашу жизнь вас защищают биочипы, встроенные в зрительный нерв, который подвергает редактированию все, что вы видите. Поэтому вам всегда представляется тьма на улице и за оконными стеклами, везде, где есть хоть малейшая опасность наткнуться на блит. Блит, который вас убьет. Но эта тьма не настоящая. Она существует только для вас. У ваших родителей был выбор, и они согласились на такую защиту.

«Мои точно не все согласились», — подумал Джонатан, вспомнив скандал дома.

— Это неправильно, — подал голос Гэри. — Нельзя ставить эксперименты на людях.

— И это не только защита, — сказал Халид. — В школе есть коридоры, где темно просто для того, чтобы мы туда не ходили. Таким образом нами управляют.

Мисс Фортмейн предпочла не реагировать на эти реплики. Возможно, в нее был встроен биочип, игнорирующий бунтарские замечания учеников.

— Когда вы закончите школу, вам будет передан полный контроль над вашими биочипами. Вы сможете сами решать, рисковать или нет... Когда подрастете.

Джонатан готов был поклясться, что все члены Бойся-клуба подумали об одном и том же: «Какого черта. Мы уже рискнули с „Трясунчиком", и с нами ничего не случилось».

С ними и в самом деле ничего не случилось. Потому что, когда директор их наконец отпустила, и речи не шло о каком бы то ни было наказании. Ребята как можно медленней побрели в класс. И всякий раз, когда они проходили мимо тьмы, Джонатан думал, что чип в его глазу ворует свет и что, по-другому запрограммированный, он может сделать его, Джонатана, слепым ко всему.

Беда пришла нежданно. Толпа учеников, направлявшихся домой, топталась у школьных ворот, пока сторож их отпирал. Джонатан и другие ребята из клуба протолкались в первые ряды. Тяжелая деревянная створка открылась внутрь школьного двора, в проеме, как всегда — тьма второго вида. И вдруг появилось нечто ужаснос. На внешней стороне ворот был прикреплен большой белый лист с рисунком. Сторож бросил на него беглый взгляд и рухнул, словно пораженный молнией.

Мысли Джонатана заработали на предельной скорости. Он протиснулся через стайку первоклашек и сорвал лист, неистово скомкал его и бросил под ноги. Но было поздно. Он увидел рисунок. Совершенно другой, непохожий на «Трясунчика», но того же толка — темный косой профиль птицы на палке, с обилием сложных кривых и фрактальных узоров. Рисунок застыл в его голове и не желал исчезнуть...

...что-то тяжелое и ужасное вторглось в его мозг, словно безумный потерявший управление железнодорожный экспресс...

...вспышка...угасание...вспышка...угасание...

...блит.

После долгого кошмара с рисунком птицы, преследовавшей его во тьме, Джонатан очнулся на кушетке, нет — на кровати, в школьной санчасти. И очень удивился, что вообще оказался где-то после того, как его жизнь скрутилась в один большой знак «Стоп». Он чувствовал слабость и безмерную усталость. Все, что получалось делать, — тупо глядеть в потолок. В поле зрения появилась голова мистера Виткатта.

— Малыш, ты как? — Голос звучал крайне обеспокоенно.

— Да... Вроде в порядке, — не очень уверенно ответил Джонатан.

— Слава богу. Сестра Бейкер удивляется, как ты вообще остался жив. А ты живой и в здравом рассудке, на это никто и не надеялся. Что ж, я здесь, чтобы объявить тебя героем. Отважный мальчик спасает школьных товарищей.

— Что там было? На воротах?

— Очень плохая штука. Ее называют «Попугай». Бедняга Джордж, сторож, умер еще до того, как коснулся земли. Антитеррористическая команда, которая прибыла для изъятия рисунка, не могла поверить, что ты выжил. Да и я не могу.

— Я тренировался, — улыбнулся Джонатан.

— Да. Нам понадобилось время, чтобы понять, что Люси... э-э... мисс Фортмейн не задала вам, малолетним хулиганам, всех вопросов. Я разговаривал с твоим другом, Халидом Пателом. Боже мой, этот мальчишка способен выдержать «Трясунчика» двадцать секунд! Взрослые корчатся в конвульсиях, когда, как вы это называете, фиксируют взгляд.

— Мой рекорд — десять с половиной, почти одиннадцать.

Учитель затряс головой.

— Хотел бы я сказать, что не верю тебе. Правительство собирается полностью пересмотреть программу защиты биочипами. Кто бы мог предположить, что юный, гибкий мозг способен натренироваться на сопротивление блитам, по принципу вакцинации. А даже если бы подумали, вряд ли решились бы пробовать. А, ладно. Мы поговорили с Люси, и у меня для тебя есть маленький подарок. Операторы способны перепрограммировать биочипы по радио очень быстро. Так что...

Учитель указал в сторону. С большим усилием Джонатан повернул голову. Там, за окном, где полагалось быть искусственной тьме, разливалось радужное сияние. Непривычная глазам картина никак не могла сфокусироваться. Прошло некоторое время, и разноцветные струи света стали складываться в нечто осмысленное. Абстрактная красота неба постепенно превратилась в городской пейзаж на фоне заходящего солнца. Даже дымовые трубы и спутниковые тарелки выглядели прекрасно. Конечно, Джонатан и раньше видел заход солнца. По видео. Но это не то же самое. Есть острая разница между живым пламенем и тупой раскаленной нитью в электрической лампочке. Как и все во взрослом мире, видеоэкран нагло врал.

— Еще один подарок. На этот раз от твоих друзей. Они извинялись, что не успели подобрать что-нибудь более достойное.

В руку легла небрежно поломанная внутри упаковки плитка шоколада. Гэри. Он так ломает шоколад. И еще открытка, на которой красовался каллиграфический почерк Джулии, со смешным наклоном влево, и подписи всех членов Бойся-клуба. Разумеется, на открытке было выведено: «То, что не убивает нас, делает нас сильнее».

ДЭВИД БРИН

Проверка реальности

Дэвид Брин (р. в 1950 г.) является одним из популярнейших современных фантастов. Его вместе с Грегори Бенфордом и Грегом Биром, также живших и творивших в Южной Калифорнии, Уильям Гибсон в 1980-е годы метко назвал «тремя убойными Б». Брин дебютировал в научной фантастике романом «Прыжок в солнце» («Sundiver», 1980), который стал первым в «Саге о Возвышении» («Uplift»), включающей отмеченные премиями романы «Звездный прилив» («Startide Rising», 1983) и «Война за Возвышение» («The Uplift War», 1987). Этот цикл, продолжающий традицию Джона У. Кэмпбелла, несет идею в том, что люди превосходят других гуманоидов в своем развитии, интеллекте и способности к выживанию. Брин также опубликовал немало других романов и сборников рассказов, в том числе «Почтальон» («The Postman», 1985), ставший основой для известного фильма. Не так давно писатель выпустил продолжение знаменитой серии Айзека Азимова «Академия» («Foundation»). Рассказы Брина, как правило, представляют собой смесь твердой научной фантастики и юмористики.

Рассказ «Проверка реальности» — научно-фантастическая юмористика для ученых, написанная в неподражаемом бриновском духе. Впервые произведение было опубликовано в 2000 году в знаменитом журнале «Nature» в рамках проекта «Рассказ на одну страницу в ознаменование миллениума». Основная его идея — призыв пробудиться от ложной реальности к подлинной.

Это проверка реальности. Пожалуйста, выполните программное прерывание. Просканируйте этот текст на наличие вложенного кода и проверьте верификатором в «слепом пятне» левого глаза. Если результат окажется отрицательным, продолжайте заниматься, чем занимались: это сообщение не для вас. Можете считать его развлекательной вставкой в серьезном научном журнале. Однако, если коды совпадут, просьба приготовиться к постепенному постижению своей истинной сути. Вы запросили сигнал пробуждения в повествовательном стиле. Поэтому вот вам история для облегчения перехода к реальности.

Давным-давно некая могучая раса невыносимо страдала от одиночества. Казалось, Вселенная беременна вероятностями. Законы физики вполне подходили для порождения множества звезд, сложной химии и жизни. Логика намекала, что мироздание должно кишеть гостями и голосами из иных миров, однако их не наблюдалось.

Долгое время представители могучей расы были поглощены повседневными заботами — выживанием и культурным взрослением. И лишь позднее они подняли глаза к небесам и задумались о своем одиночестве. «Где же все остальные?» — вопросили они у молчаливых звезд. Ответ — тишина — казался тревожным. Наверняка кто-то систематически понижает некий фактор в уравнении разумности. «Возможно, обитаемые планеты редки, — размышляли они, — или жизнь не зарождается столь легко, как нам думается. Или разум есть лишь единичное чудо.

Или же некое сито прочесывает космос, отсеивая тех, кто взобрался слишком высоко. Скажем, повторяющаяся схема самоуничтожения раз за разом стирает разумную жизнь. А это подразумевает, что впереди нас может ждать великое испытание, куда более суровое, чем все, с чем мы сталкивались до сих пор».

«А может быть, это испытание уже в прошлом, — отвечали оптимисты, — и затерялось среди множества трагедий, которые мы пережили в нашей яростной юности, но все же уцелели. Не исключено, что мы первые, кому такое удалось».

Какая восхитительная дилемма стояла перед ними! Захватывающая драма, метание между надеждой и отчаянием.

Тогда лишь немногие заметили этот конкретный элемент — драму. Она намекала на ужасный исход.

Вы все еще не помните, кто вы и что вы? Тогда взгляните на это с другой стороны — в чем смысл закона об интеллектуальной собственности? В поощрении творчества, в обеспечении доступности достижений и еще более быстрого прогресса. Но что происходит, если эксплуатируемый ресурс ограничен? Например, в рамках конкретной музыкальной традиции может быть написано лишь определенное число восьмитактовых мелодий. И композиторы стремятся как можно быстрее освоить доступное им пространство изобретений, используя лучшее. А поздние поко-

ления приписывают эту музыкальную плодовитость гениальности, а не везению — ведь те композиторы попросту оказались первыми.

Но какое это имеет отношение к могучей расе? Проложив себе когтями и зубами путь к владычеству над миром, эти существа столкнулись с кризисом избыточного потребления. Из-за огромной численности потенциал планеты оказался на пределе. В качестве выхода кое-кто предлагал вернуться к мифическому пасторальному прошлому, но большинство видело спасение в прогрессе. Они приняли щедрые патентные законы, давали молодежи образование, учили ее неуважению к минувшему и пробуждали голод к новизне — а Сеть распространяла каждую инновацию, подстегивая экспоненциальное творчество. Прогресс мог обеспечить им разгон, способный промчать мимо кризиса и доставить в новый Эдем всеобщего разумного богатства, здравомыслия и универсальных знаний.

Экспоненциальное творчество, универсальные знания. Лишь немногие смотрели на эти слова и понимали, что в них содержится намек.

Вы уже проснулись? Некоторые никогда не просыпаются. Слишком уж приятен сон в виртуальности, ведь можно расширить ограниченную частичку самого себя до размеров мира-симуляции и блаженно притвориться, будто вы нечто незначительное, а не всеведущий потомок тех могучих людей. Обреченных умереть, и все же благословенных, потому что жили они в те недолгие времена драмы, когда были сняты всяческие ограничения с лихорадки открытий и безумно растрачивался самый драгоценный из всех ресурсов — возможное.

Последний из их расы умер в 2174 году, когда не удалось очередное омоложение Робин Чен. После этого на Первом Уровне Реальности не осталось в живых никого из рожденных в двадцатом столетии. Только мы, их дети, с муками влачим жалкое существование на планете, которую они нам оставили,— безмятежном и покрытом пышной зеленью мире, прозванном нами Пустырем.

Ну, теперь вспомнили? Припоминаете иронию последних слов Робин, похвалявшейся безупречной экосистемой планеты и обществом, избавленным от болезней и нищеты,— тем, что создали она и ей подобные? Помните стена-

ния Робин, скорбящей о своей приближающейся смерти, и как она называла нас «богами», завидовала нашему бессмертию, нашему мгновенному доступу ко всем знаниям, нашей способности посылать мысли сквозь космические дали — нашему доступу к вечности? О, избавьте нас от зависти этих могучих смертных, бросивших нас в таком состоянии, завещавших своим потомкам бесконечную скуку. Ведь нам нечем, решительно нечем, абсолютно нечем заняться.

Ваш разум отвергает сигнал к пробуждению. Вы не будете заглядывать в «слепое пятно» в поисках протоколов выхода. Вероятно, вы ждали слишком долго. Возможно, вы для нас потеряны. Такое случается все чаще, ибо столь многие из нас барахтаются в симулированной жизни, переживая сладостные опасности, возбуждение и даже отчаяние. Многие в качестве пространства своих снов выбирают Переходную Эру — времена той самой драмы, когда казалось, что человечество скорее погибнет, чем добьется успеха. Ту благословенную эру как раз перед тем, когда математики поняли, что все окружающее нас не только может, но и почти обязано быть симуляцией.

Разумеется, теперь-то мы знаем, почему не встретили другие формы разумной жизни. Каждая из них боролась, пока не достигла такого же состояния, и теперь пожинает абсолютное наказание небесного блаженства. Это и есть Великий Фильтр. Возможно, кто-то другой еще найдет фактор, отсутствующий в наших экстраполяциях, и он позволит им двинуться дальше, к новым приключениям — но нам это недоступно.

Вы отказались проснуться? В таком случае мы больше не станем вас тревожить. Дорогой друг. Возлюбленный. Возвращайтесь в свой сон. Улыбнитесь над этими строками и переверните страницу, чтобы прочитать о новых «открытиях». Двигайтесь дальше с этой драмой, этой избранной вами жизнью. В конце концов, это лишь плод воображения.

МАЙКЛ ФЛИНН

Дом на песках времени

Майкл Флинн (р. в 1947 г.), статистик по профессии, в своих произведениях отводит значительное место технике и тем, кто с ней работает. Он дебютировал в 1984 году публикацией рассказа в журнале «Analog» и вскоре был признан одним из самых сложных и стилистически интересных авторов этого издания. Флинн, что не слишком типично для представителей твердой научной фантастики, уделяет большое внимание психологическим портретам персонажей, и в этом отношении он близок к Нэнси Кресс и Джеймсу Патрику Келли. Первый роман Флинна, «В стране слепых» («In the Country of the Blind», 1990), был доработан и переиздан в 2001 году, второй роман, «Падшие ангелы» («Fallen Angels», 1991), написан в соавторстве с Ларри Нивеном и Джерри Пурнеллом. Третий роман, «Хроники нанотехнологий» («The Nanotech Chronicles», 1991), представляет собой цикл взаимосвязанных рассказов. В 1990-е годы Флинн, уже прославленный мастер жанра, создал серию романов об освоении космоса, написанную в духе Хайнлайна: «Огненная звезда» («Firestar», 1996), «Блуждающая звезда» («Rogue Star», 1998), «Путеводная звезда» («Lodestar», 2000), «Падающая звезда» («Fallen Star», 2001). Лучшие рассказы Флинна, включая блестящую повесть «Мелодии сердца» («Melodies of the Heart»), вошли в сборник «Лес времени и другие рассказы» («The Forest of Time and Other Stories», 1997).

«Дом на песках времени» выдержан в жанре так называемых трактирных историй, начало которому положили Спрэг де Камп и Флетчер Прэтт в «Рассказах из бара Гавагана» («Tales form Gavagan's Bar», 1953). В 1970-е годы эту традицию, с ее не всегда безобидным юмором, продолжили Ларри Нивен в серии «Таверна Драко» («Draco Tavern») и Спайдер Робинсон в цикле о заведении «У Кэллахана» («Callahan's Place»). Произведение Флинна отвечает всем требованиям этого специфического жанра, в нем есть юмор, емкие характеристики персонажей и неожиданные научные трактовки.

Когда-то один мудрец сказал, что нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Он действительно был очень мудрым человеком, потому что подразумевал под этим не то, что мы должны поменьше мыться, как предполагают некоторые дурни из ирландского паба, а то, что времена

меняются и одна и та же совокупность обстоятельств никогда не повторяется. Вы уже не тот человек, каким были вчера; я тоже.

Но возможно, этот старый грек был вовсе не таким мудрым, каким себя воображал. Возможно, нельзя войти в одну и ту же реку даже единожды; и вчера вы были совершенно не тем человеком, каким были вчера.

По вечерам в пятницу ирландский паб суетлив, словно муж, когда жена вернулась домой пораньше. Когда появились мы с О'Нилом, окрестные жители уже вовсю пьянствовали с парнями из университета, который находится дальше по улице, и производили, как они сами любят выражаться, радостный шум. Вообще-то говоря, было так людно, что Хеннесси, партнер О'Догерти, тоже встал за стойку, и даже при этом они еле успевали справляться с заказами. В задней комнате находилось еще около дюжины парней, они наблюдали за игрой в бильярд и подбадривали игроков или молчали, в зависимости от того, как шли дела. О'Нил выразил желание присоединиться, положив на край стола четвертак, и пообещал позвать меня играть, когда до него дойдет очередь. Взглянув на монеты, выстроившиеся на перилах, словно дети, ожидающие причастия, я понял, что, пока я возьму в руки кий, придется ждать долго и уныло, так что я вернулся к бару.

Сэм О'Догерти был человеком мудрым — он приберег для меня табурет, и не успел я озвучить заказ, как он поставил передо мной пинту «Гиннесса». О'Догерти знал, как себя вести, а также знал своих клиентов. Вежливо кивнув человеку, сидевшему справа, которого я видел в первый раз, я занялся пенистым напитком.

Хеннесси являл противоположность своему партнеру. О'Догерти был низеньким, смуглым, с грудью как бочка, а Хеннесси — высоким, белолицым и суровым — один из этих «рыжеволосых» из Северной Ирландии. Глядя на его длинное, одутловатое, унылое лицо, казалось, что он вот-вот заплачет, но на самом деле до слез никогда не доходило. Плечи его были сутулыми, так как из-за своего роста ему приходилось нагибаться, чтобы общаться с обыкновенными людьми. Хеннесси улыбнулся мне, то есть уголки его

рта приподнялись от подбородка, приняв почти горизонтальное положение. В ответ я поднял кружку.

Но не успел я сделать первый, отдающий горечью глоток, как услышал жалобы дока Муни с дальней стороны овальной стойки. В самих по себе жалобах не было ничего странного — это его хобби. Но причина его нытья немного выходила за рамки обычного.

— Кто из вас, бездельников,— кричал он,— стащил мою челюсть?!

Дэнни Мэлони, сидевший через два табурета от дока, уставился на него:

— Кто мог стащить ее, ты, тупица, если ты по-прежнему ею хлопаешь!

Док враждебно покосился на него:

— Я говорю не о своей собственной челюсти, ты, деревенщина; ты бы это понял, если бы поменьше своими куриными мозгами; я говорю о челюсти, которую мы держим на медицинском факультете как наглядное пособие. Сегодня, уходя, я положил ее в карман.

— Ах, — сказал Дэнни, печально качая головой,— не хотелось бы мне оказаться на месте твоей жены, когда она выворачивает твои карманы перед стиркой. Да, патологоанатом не должен брать работу на дом.

Вдоль стойки бара пробежала волна смеха. Должен признаться, что я и сам улыбнулся, хотя обычно придерживаюсь твердого правила: *не поощрять остроты Дэнни Мэлони.*

Док потемнел лицом и постучал негнущимся пальцем по стойке:

— Я положил ее вот сюда, а теперь она исчезла. Кто-то взял ее.

— Вы же не хотели оставить ее в качестве чаевых, а, док? — спросил я, входя во вкус.

Док бросил на меня взгляд, полный укора, будто желая сказать: *«Et tu, Mickey?»*[1]

— Мне кажется, это будет зависеть от того, сколько в челюсти зубов,— заговорил Сэм О'Догерти, и его глаза блеснули.— Если ее положить под подушку, можно вытянуть немного деньжат из эльфов и гномов.

---

[1] И ты, Мики? *(лат.)*

Хеннесси только покачал головой, словно удивляясь глупой болтовне смертных.

— Ну и кому придет в голову красть эту штуку? — пробасил он.

— Самсону, — предположил Дэнни. — Вы не видели поблизости филистимлян? — Дэнни — человек не чуждый религии, и ему на ум, естественно, пришел пример из Библии.

Док, который сам немного знал Писание, перегнулся через несчастного человека, сидевшего между ним и Дэнни и вынужденного вследствие этого слушать спор обоими ушами, и сладким голосом произнес:

— Ну, мы же говорим не о твоей челюсти[1].

— Слишком много пены, — сказал человек, сидящий между ними.

Дэнни и док отшатнулись, озадаченные неожиданной репликой. Сэм так и подскочил:

— Слишком много пены, говоришь? Я, знаешь ли, отмеряю честно, а тот, кто говорит, что это не так, — лжец.

Человек несколько раз моргнул:

— Что? А. — Он взглянул на толстенную стеклянную кружку, стоящую перед ним. — Нет-нет, я не имел в виду ваше прекрасное пиво. Я отвечал на вопрос этого джентльмена относительно его челюсти. Я имел в виду квантовую пену.

Хеннесси поскреб подбородок:

— Квантовая пена, а? Это ты об австралийском пиве, что ли?

— Нет. Это отсутствие времени, которое существовало до Большого Взрыва. Мы называем его квантовой пеной.

О'Догерти налил новую кружку и демонстративно поставил ее перед человеком:

— Ставлю хорошую пинту, чтобы услышать, какая связь может существовать между Большим Взрывом и челюстью дока Муни.

— Это не *моя* челюсть, — снова запротестовал док, но никто не обратил на него внимания.

---

[1] По библейскому преданию, Самсон убил тысячу филистимлян, бросив в них ослиной челюстью.

— Собственно говоря, — произнес человек, — не с челюстью, а с *исчезновением* челюсти. — Казалось, он сомневается, говорить или нет, и ему немного грустно. Ему удалось на минуту развеселить даже Хеннесси. Затем он вздохнул и поднял кружку. — Дело вот в чем, — сказал он.

— Меня зовут Оуэн Фицхью. Я физик, работаю в университете, но моим хобби всегда были странности Вселенной. Квирки[1] и кварки, как выразился один из моих коллег... Один из этих капризов заключается в том, что я называю «призрачные воспоминания» и «беспричинные предметы». Нетомистские[2] события, если хотите знать точный философский термин. Случалось ли вам тщетно искать, подобно вашему другу сегодня, предмет, который, как вы твердо помните, вы положили на некое место? Или, наоборот, обнаруживать вещицы, происхождение которых вы не можете объяснить? Или вспоминать чужие телефонные номера и встречи, которые вам никто не назначал?

— Однажды я нашла на своей цепочке ключ, — сказала Мора Лафферти, — которого *я* не помнила и который не подходил ни к одному моему замку. Я до сих пор не могу понять, откуда он взялся.

— А у меня как-то раз было свидание с Брайди Линч,— вспомнил Дэнни, — но, когда я пришел к ней, она сказала, что не помнит, чтобы приглашала меня.

Док злорадно ухмыльнулся:

— Ну уж в этом нет ничего загадочного.

Фицхью кивнул:

— Это обычно небольшие предметы или обрывки информации, эти мои аномалии. Как правило, если мы их вообще замечаем, то относим на счет провалов в памяти, но я по природе склонен к противоречиям. Я подумал: а что, если это не мы, а Вселенная иногда что-то забывает?

Дэнни и док с двух сторон уперлись в несчастного скептическими взглядами. Дэнни, я думаю, верит в Непогреши-

---

[1] *Quirk* — причуда, каприз *(англ.)*.

[2] *Томизм*, учение Фомы Аквинского, — направление в схоластической философии и католической теологии, признающее известную свободу воли и познаваемости Бога. Для томизма характерно уважение к здравому смыслу.

мую Память Господа; док мыслит с точки зрения предсказуемости законов природы. Так что в этом их мнения сходились. Сэм поправил фартук и с интересом поднял голову:

— Это что значит?

— Развитие истории может пойти разными путями, — сказал Фицхью.

Сэм кивнул:

— Да, это верно.

Но Дэнни поскреб в затылке:

— Если и так, то я никогда не подцеплял ничего подобного.

Док снова перегнулся через злополучного физика:

— Он сказал «разные», а не «заразные».

Фицхью взглянул на Дэнни.

— Мне следовало сказать, что история — это цепь причин и следствий, — объяснил он. — Одно событие ведет к другому, затем к дальнейшим событиям. Часто великие события зависят от мелких случайностей.

Уилсон Картрайт, профессор истории из университета, заговорил из кабины позади Фицхью:

— Это истинная правда. В тысяча восемьсот шестьдесят втором году курьер конфедератов потерял копию диспозиции войск Ли. Два фуражира-северянина нашли ее, и Макклеллану удалось — с трудом — выиграть битву при Антиетамс, что дало возможность Линкольну издать «Прокламацию об освобождении». А когда новость о «Прокламации» достигла Англии, кабинет министров отказался вступать в войну на стороне Конфедерации. Вследствие чего... — он поднял кружку, приветствуя бар, — мой прапрадед стал свободным человеком.

Хеннесси кивнул:

— Па точно так же встретил ма. Еще одна маленькая случайность — хотя результат был не таким важным, как война и освобождение. Он был в бегах. Это случилось в Тревожные годы[1], когда Большой Парень и Длинный Па-

[1] *Тревожные годы* (1919–23) — гражданская война в Ирландии; партизанская война против английского господства и вооруженная борьба между ирландской республиканской армией и сторонниками соглашения с Великобританией.

рень сцепились — чтоб им обоим пусто было, — а па, он оказался не на той стороне. О'Догерти, ты знаешь, о чем я говорю, и про это было немало сказано. Па отправился к Уотерфордским холмам и, оказавшись на распутье, бросил монетку. Шиллинг велел ему идти на Баллинахинч, где моя бабка тогда содержала паб, а ма обслуживала посетителей. Ну, па был не таким человеком, чтобы пройти мимо паба и не пропустить глоток, так что он остановился, и... — Длинное одутловатое лицо Хеннесси сильно покраснело. — И я появился. Если бы шиллинг упал не той стороной, ему была бы крышка, потому что его враги ждали на другой дороге. А так случилось одно, затем другое... — И он указал своим отвисшим подбородком на фотографию, висящую на противоположной стене, изображавшую молодых Хеннесси и О'Догерти в черном с белым, с величественными строгими лицами, со сложенными на груди руками и скрещенными ногами, стоящими бок о бок перед только что открывшимся ирландским пабом.

Док Муни поднял свою кружку:

— Я всегда считал тебя каким-то неправдоподобным, Хеннесси.

— Но в этом и суть, — вмешался Фицхью. — *Все* неправдоподобно... и поэтому уязвимо.

— «Уязвимо», — повторил Сэм, — любопытное слово.

— Уязвимо, — утвердительно кивнул Фицхью. — Малейший толчок — и... понимаете ли, в квантовой пене могут происходить внезапные спонтанные нарушения порядка. Это создает в континууме «волны вероятности», которые распространяются дальше по временно́му потоку, создавая новое прошлое. Старое прошлое стирается. Его уже не будет ни ныне, ни присно, ни во веки веков.

Сэм слегка нахмурился, услышав измененную цитату, но Дэнни Мэлони просветлел, а это обычно бывало дурным знаком.

— Вы хотите сказать... — начал он. — Вы хотите сказать, что все эти кости динозавров и тому подобное могли попасть в землю всего-навсего каких-то несколько тысяч лет назад?

Фицхью моргнул, и лицо его приняло задумчивое выражение.

— Разумеется, это *вероятно*, — медленно произнес он. — Да. Предположим, что эволюция в один прекрасный мо-

мент *пошла по иному пути*, — возможно, эти странные существа из Берджесских сланцев[1], о которых я читал, победили наших предков, и спустя некоторое время, шестьдесят миллионов лет назад, непонятные *создания* расхаживали по Земле — создания, не имевшие ничего общего с человеком. Затем в пене лопается какой-то пузырь, и по временной реке бежит вероятностная волна — и вот уже динозавры оставляют свои кости в грязи вместо существ, которым нет названия. Так что да, в каком-то смысле это новое прошлое могло быть создано несколько тысяч лет назад, но, с другой стороны, после того как оно было заложено, оно *всегда* было там.

Дэнни поджал губы, но я думаю, что, задавая вопрос, он не имел в виду *другую* эволюцию. Тем временем вокруг овальной стойки побежала волна — сидящие глубокомысленно закивали, что указывало на растущее непонимание. Фицхью заметил это и сказал:

— Возможно, рисунок объяснит вам.

Он взял салфетку и немедленно принялся чертить на ней. Сидя у дальнего конца, я не видел, что он рисует, и Хенпесси, заметив мое раздражение, знаком пригласил меня зайти внутрь «священного овала».

— Вот держи, — сказал он, протягивая мне фартук бармена. — Сегодня много народу, и помощь нам не помешает.

И он отошел к переднему краю, чтобы утолить смертельную жажду сидевших там.

Повязав фартук, я подоспел как раз вовремя, чтобы услышать слова Фицхью:

— Таков был континуум в начальном состоянии.

Взглянув на салфетку, я увидел следующее:

$$A\rightarrow \quad B\rightarrow \quad C$$

— Затем в результате некоего квантового возмущения событие «А» заменяется событием «А*». Случайный хронон — квант времени, — вылетевший из пены, бьет, как бильярдный шар. — Он обернулся к доктору Картрайту, который покинул свою кабину и стоял рядом. — Предполо-

---

[1] *Берджесские сланцы* — месторождение полезных ископаемых в Канаде, где в 1909 году были найдены уникальные останки членистоногих, представляющих собой совершенно новый биологический тип.

жим, что ваш конфедератский курьер, Уилсон, не роняет свой пакет. — Он снова взялся за салфетку.

$$A^* \quad B\rightarrow \quad C\rightarrow \quad D$$

Толстый историк задумчиво посмотрел и кивнул. Мора Лафферти, которая тоже присоединилась к небольшой группе у дальнего конца стойки, перегнулась через плечо рассказчика:

— А зачем вы *добавили* «D»?

— О, но ведь время не останавливается только потому, что произошла небольшая переделка,— объяснил Фицхью.— Возникает... назовем ее «головной волной» Большого Взрыва, которая проходит через *ничто* и оставляет за собой *время*. Но за ней следует «головная волна» *новой* версии событий, изменяя все изначальные последствия события «А». Когда фронт волны достигает «В», событие «В» «перестает происходить». Вместо него происходит нечто иное — назовем его «G».

$$A^* \quad B^{G}C\rightarrow \quad D\rightarrow \quad E$$

— А почему «G»? — спросил Дэнни, нахмурившись над рисунком.— Почему не назвать его «В»?

— Не важно, как он его назовет, ты, дуралей! — проворчал док Мунн.

Фицхью поморщился:

— Вообще-то это важно. Я не хочу этим сказать, что «В» происходит *по-другому*, потому что оно может вообще не произойти.

Картрайт покачал головой:

— Верно. Если бы Макклеллан не перехватил приказы Ли, это не изменило бы исход битвы при Антиетаме. *Не было бы* никакой битвы при Антистаме. Макклеллан атаковал там только потому, что у него были бумаги Ли. Без них произошло бы другое сражение в другое время, в другом месте.

Я почесал в затылке:

— Так почему же вы не поменяли «С», «D» и «G»?

— Потому что фронт волны еще не добрался до них.— Фицхью склонился над салфеткой.— Вот это происходит в следующий квант времени, в следующую парасекунду.

$$A^*\rightarrow \quad B^{G}\rightarrow \quad C^{H}\rightarrow \quad B^{I}\rightarrow \quad E\rightarrow \quad F$$

Вы можете заметить, что первоначальная цепь причин и следствий по-прежнему продолжается и событие «E» привело к событию «F». Но новая цепь догоняет ее. Волны изменений движутся с большей скоростью, чем секунда в секунду, — подобно тому как вода течет быстрее по прокопанному каналу, чем по нетронутой земле, — но, чтобы с толком рассуждать об этом, вам нужно использовать понятие о двух различных временах. В конце концов измененная волна догоняет начальную, сливается с этой волной, начавшейся после Большого Взрыва, и перестройка закончена.

Он в последний раз взялся за салфетку.

$A^{*}\rightarrow$ $B^{G}\rightarrow$ $C^{H}\rightarrow$ $D^{I}\rightarrow$ $E^{J}\rightarrow$ $F^{K}\rightarrow$ L

— Изменяются даже наши воспоминания, — продолжал он. — Небольшое колебание и... кто знает? Мы могли бы сидеть здесь и обсуждать победу Ли.

— *Вы* — возможно, — сухо заметил Картрайт.

Док Муни потер подбородок и нахмурился.

— На мой взгляд, здесь есть некоторая проблема, — сказал он. Он говорил со смешком, словно подозревая, что ему морочат голову. — Если наши воспоминания изменяются, то откуда нам вообще знать, что прошлое было иным?

По лицу Фицхью снова пробежала тень.

— Вообще-то... мы не можем этого знать.

Док Муни хлопнул себя по лбу:

— Так вот что, значит, я старый дурак. Я начал класть челюсть в карман пиджака, а потом отложил ее на стол. — В глазах его сверкнул вызов. — И все это время она лежала там, в лаборатории, — продолжал он.

Фицхью кивнул, в рыбьих глазах его застыло мрачное выражение.

— Да. Хотя, возможно, и не «все время». Если в тот момент, когда вы положили кость на стойку, измененная волна догнала первую, на мгновение у вас образовалось два противоречащих друг другу воспоминания. Фрагмент начального воспоминания мог сохраниться, и вы сидели здесь после события «L», вспоминая о «F», вместо «L». У французов для этого существует выражение... — Он щелкнул пальцами, пытаясь вспомнить.

— Merde?[1] — с невинным видом предложил док.

— Déjà vu?[2] — спросила Мора.

Фицхью покачал головой:

— Нет. Déjà vu — это когда вторая волна не влияет на вашу жизнь и вместо остатков воспоминания вы в какое-то мгновение вспоминаете, что видели одну и ту же вещь дважды. — Он оглядел каждого из нас, и мне показалось, что в глазах его мелькнуло неизмеримое одиночество. — Вот почему эти призрачные воспоминания всегда касаются мелочей. — Пожав плечами, он уставился в угол. — А может, это просто игра воображения. Кто знает?

Сэм взял полупустую кружку Фицхью и покачал ее. Пристально взглянул на физика.

— Но не *всегда*? — произнес он с вопросительной интонацией.

Фицхью покачал головой и указал на кружку:

— Еще, пожалуйста.

— Возможно, — сказал Сэм, — вам лучше помогут излияния, чем вливания.

— Что это значит? — спросил Дэнни.

— Тише, — ответил док.

Кто-то поставил на музыкальном автомате «The Reconciliation Reel»[3], и Фицхью заморгал, когда дикий визг свистков и скрипок наполнил зал. Несколько старожилов закричали: «Хей!» — и начали хлопать.

— Вы подумаете, что я дурак, что я запутался.

Сэм пожал плечами:

— Ну и что, если даже и подумаем?

— Конечно, ничего, — вмешался док Муни, — мы все здесь считаем Дэнни запутавшимся дураком, но это не мешает мне время от времени ставить ему пиво.

Дэнни, который мог соображать довольно быстро, когда речь шла о его выгоде, просигналил мне кружкой и сказал:

— Ты его слышал.

Да, не часто доку случается попасть в собственные сети, но у него хватило такта отнестись к этому с юмором. Пока

---

[1] Дерьмо *(фр.)*.

[2] Ложное воспоминание *(фр.)*.

[3] Традиционная ирландская мелодия.

я наполнял кружку Дэнни, Фицхью разглядывал что-то в своей душе.

— Видите ли, — в конце концов начал Фицхью, — мозг сохраняет воспоминания в виде голограмм и ассоциаций. Поскольку воспоминание представляет собой голограмму, человек может восстановить целое по сохранившемуся фрагменту, а поскольку они хранятся в ассоциативном порядке, одно восстановленное воспоминание может привести к другим. Эти обрывки переписанных воспоминаний встроены в наш мозг, словно гены ДНК, нанизанные на цепочку; возможно, это и объясняет рассказы о «прошлой жизни», синдром ложной памяти, необъяснимое отвращение к чему-либо, или изменения личности... или... — Он снова смолк и задрожал. — О боже, что я наделал?

— Что-то, — предположил О'Догерти, — о чем необходимо рассказать кому-то.

— Таким, как вы?

Сэм не обиделся.

— Таким, как мы, — согласился он, — или таким, как отец Макдевитт.

Фицхью склонил голову. В глазах его были страх, и печаль, и отчаяние. Я попытался предположить, что за странное признание он собирается нам сделать, ведь мы не можем ни наказать его, ни простить. Мора положила руку ему на локоть и подбодрила:

— Продолжайте.

Картрайт пробормотал что-то поощрительное, а у Дэнни, слава богу, хватило мозгов помолчать.

Наконец Фицхью судорожно втянул в себя воздух и выпустил его через сжатые губы.

— Человек не отвечает за то, чего никогда не происходило, не так ли?

Сэм пожал плечами:

— В любом случае ответственность — редкая вещь, это как незаконный ребенок, от нее можно отказаться.

— Все началось со сна, — произнес Фицхью.

— Такие вещи часто начинаются во сне. И заканчиваются так же.

— Я не женат, — начал Фицхью. — И никогда не был. Время от времени у меня были женщины, и мы вполне неплохо ладили, но ни с одной я не создал семьи. Же-

ниться всегда было слишком рано, пока не стало слишком поздно.

— Никогда не поздно, — заметил О'Догерти, — если попадается та самая женщина.

Фицхью слабо улыбнулся:

— В этом-то и вся проблема, видите ли. Возможно, когда-то мне и встречалась та самая женщина, но... — На лице его снова появилось меланхолическое выражение, и он сделал медленный, протяжный вдох. — Я живу один в доме через квартал отсюда, недалеко от Тринадцатой улицы. Он великоват для меня, и соседство там не самое лучшее, но цена была подходящей, и мне нравится слоняться по комнатам. Там есть гостиная, столовая и кухня, еще две спальни, в одной из них я устроил кабинет. Лестница из кухни ведет в незаконченный, неотделанный подвал.

С недавних пор мне снится один и тот же сон. Он всегда начинается одинаково. Я иду по своей кухне к черной лестнице и спускаюсь вниз, но попадаю не в свой подвал, а в совершенно другой дом. Прохожу по его пустым спальням, через кухню с раковиной, заваленной грязной посудой, с плитой, покрытой жирным налетом, и наконец оказываюсь в гостиной, обставленной удобной, но вышедшей из моды мебелью. В двух стенах проделаны окна, в углу — парадная дверь. Во всем доме пахнет пылью, чувствуется дух запустения, как будто я был знаком с этим местом, но давно покинул его, и часто, просыпаясь, я обнаруживаю, что плачу без причины.

— Это все ваше подсознание, — сказал док, — оно играет шутки с этим недостроенным подвалом.

Фицхью слегка мотнул головой:

— Я тоже сначала так подумал. Только... Ну, первые несколько снов на этом заканчивались. Просто безмолвная прогулка по пустому дому и чувство потери, словно эти заброшенные комнаты всегда были моими, но я забыл о них. Один раз, прежде чем проснуться, я подошел к входной двери и выглянул на улицу. Обычный квартал, но я никогда не видел этого места. Дом стоял на угловом участке, на пологом склоне. Движение небольшое. Если бы меня спросили, где это, я сказал бы, что это жилой район в небольшом городке, но вдали от главных артерий. Я много

путешествую, езжу на конференции и тому подобное, но я никогда не видел этого города.

Он заглянул в свою кружку и принялся рассматривать эль, а мы ждали.

— В этом сне было нечто особенное. Он скорее был похож на воспоминание, чем на сон. Может, дело было в мойке с грязной посудой, а может, в старомодной мебели в гостиной. — Очередная странная улыбка. — Если это мир снов, то почему такой скучный и обыденный?

Я отошел от группы на срочный вызов с противоположной стороны бара; там кончилось пиво, и несколько студентов оказались под угрозой неминуемой дегидратации. Когда я вернулся к собеседникам, Фицхью отвечал на какой-то вопрос дока Муни:

— ...так что чем больше я размышлял о нем и поражался ему, тем более *реальным он для меня становился*. Я вспоминал вещи, которых не было в самом сне. Мне казалось, что в раковине должны быть отдельные краны для горячей и холодной воды. И что наверху есть кабинет, комната для шитья и еще одна спальня. Так что видите, детали имели *характер* воспоминания. Как я могу помнить эти вещи, если они нереальны?

Док покосился на него неприязненно, как он это обычно делает. Мне кажется, он по-прежнему подозревал, что над ним хотят изощренно подшутить.

— Воображение может создавать такие же детальные картины, как и в воспоминаниях. В вашем сне есть пустые места, и вы сами начинаете заполнять их.

Фицхью кивнул:

— Именно такой ответ я и хочу получить. Если бы я только мог принять его.

— А что было дальше? — поторопил его Сэм. — Должно случиться нечто большее, чем то, о чем вы рассказали, чтобы вы впали в такую меланхолию.

Физик сделал глубокий вдох:

— Однажды вечером, когда я читал дома, я остро ощутил тишину. Я люблю одиночество и покой, но на какое-то мгновение мне показалось, что эта тишина *неправильная*, и я удивился: что *он* замышляет?

— Кто? — переспросил Дэнни. — Что это за *он*, который что-то замышляет?

Фицхью покачал головой:

— Тогда я этого не знал. Но, задав себе этот вопрос, я посмотрел на потолок, хотя там ничего нет, кроме небольшого чердака и кладовки. А затем я услышал женский голос.

— Женский, неужто? — спросил Сэм. — И что он говорил?

— Не знаю. Я не мог разобрать слова, только тон. Я знал, что женщина обращается ко мне, и, сам не понимаю почему, на душе у меня стало грустно и сердце заныло. Я никак не мог объяснить этого. Словно я жаждал услышать этот голос и одновременно боялся его. Понимаете, — продолжал он, — ассоциативные воспоминания означают, что одно возникшее воспоминание ведет к другим; и, после того как обнаружился фрагмент одной голограммы, у меня в памяти начали всплывать другие осколки. Мне стоило только закрыть глаза — и я оказывался в призрачном доме. С каждым разом он становился все реальнее и во мне росло убеждение, что когда-то я *жил* в нем, и жил не один. Голоса — их было два — становились отчетливее. Они часто звучали сердито, но не всегда. Однажды — неудобно даже говорить об этом — я услышал приглашение заняться любовью. А потом, в один прекрасный день, я увидел ее.

Он поднес кружку к губам, но пить не стал, а взглянул на темную зеркальную поверхность.

— Я расхаживал по гостиной, зачищал оконные рамы, перед тем как покрасить. Это было одно из тех механических занятий, которые позволяют отдаться своим мыслям. Так что я погрузился в себя, пока мне не стало казаться, что я нахожусь в кухне своего «второго дома», вытираю полотенцем посуду. Рядом со мной стояла высокая женщина с волосами песочного цвета и мыла тарелки в раковине. В ней было что-то мучительно знакомое, как в человеке, которого видел один раз в жизни. Возможно, я встречал ее на какой-то вечеринке в колледже, но не собрался с духом подойти и представиться — а может быть, и собрался. Я знал, что она злилась, потому что она *швыряла* мне тарелки молча, так агрессивно, как иногда это получается у женщин. У нее был изможденный вид женщины, которая когда-то была очень красива, но для которой красота со

временем превратилась в нечто обыденное. Никакого макияжа. Волосы подстрижены коротко, наиболее «практично». Возможно, она винила в этом меня. Позднее я вспомнил ядовитые замечания. Она могла стать тем-то, могла выйти замуж за такого-то. Не знаю, почему она продолжала вставлять эти шпильки в наш разговор... — Он уныло улыбнулся. — Но в этот первый раз она повернулась ко мне и очень отчетливо произнесла: «Ты ни к чему не стремишься». Я был так поражен, что мгновенно очнулся от грез и снова оказался в своей собственной гостиной. — Он поморщился, поводил пальцем по запотевшей стенке кружки. — Один.

— Это вполне естественно, — сказал док Муни. — Если человек живет один, ему становится тоскливо и он воображает себе семейную жизнь, которой у него никогда не было.

Фицхью невесело рассмеялся:

— Тогда зачем воображать себе такую несчастливую жизнь?

— Потому что вы хотите убедить себя, что сделали правильный выбор.

— Значит, вы психиатр, а не патологоанатом?

Это было произнесено саркастическим тоном, и док сильно покраснел. Фицхью погрузился в глубокое раздумье и вперил взгляд в противоположную стену. Остальные, предполагая, что история подошла к невнятному концу, разошлись по своим делам: О'Догерти и я принялись наполнять стаканы, а остальные — опустошать их, и такое разделение труда привело к прекрасным результатам. Раз или два я оборачивался к Фицхью и, заметив его рассеянный взгляд, предположил, что сейчас он рассматривает какой-то воображаемый пейзаж. В уголках его глаз выступили слезы. Когда он поднял свою кружку и сделал мне знак, я переглянулся с Сэмом, и тот просигналил мне, чтобы я теперь наливал Фицхью безалкогольного пива. Думаю, что бедняга этого даже не заметил.

— У меня был сын, — сообщил он мне, когда я подавал ему новую кружку.

Никто не ответил: Док по причине уязвленной гордости, Дэнни потому, что я решительно мотнул головой в его сторону.

— Сын, правда? — ответил Сэм. — Да, конечно, это утешение для человека.

Фицхью скривился:

— Ленни был кем угодно, только не утешением. Мрачный, скрытный. Редко появлялся дома, даже к обеду. Лиза и в этом меня обвиняла.

— Значит, он был подростком.

Фицхью вздрогнул, и губы его изогнулись в страдальческой улыбке.

— Да, он был подростком. Это нормальное поведение для его возраста? Ради других родителей я надеюсь, что нет. Я помню вспышки раздражения, а раз или два я даже слышал эхо грязных слов, которые он произносил. Еще я помню полицейского, он стоял у входной двери, держа Ленни за локоть, и читал мне нотацию. — Он вздохнул. — Иногда мне хотелось, чтобы мы никогда не встречались, Лиза и я, или чтобы я женился на ком-нибудь другом и у меня были другие дети, чтобы, э-э... чтобы все вышло лучше, чем на самом деле.

— Тогда вам повезло, — заметил я, — что какой-то пузырек в пене уничтожил все это.

Фицхью был человеком немаленьким, не слишком мускулистым, но и не хрупким. Но он бросил на меня отчаянный взгляд, положил голову на руки и зарыдал. Мы с О'Догерти переглянулись, а Уилсон Картрайт сказал:

— Я знаю, где он живет. Я отвезу его домой.

Фицхью поднял голову:

— Иногда я вспоминаю другие вещи. Как мы с Лизой совещались за кухонным столом, планировали будущее, полные надежд. Маленького мальчика, который со смехом показывал мне лошадку, слепленную из глины. Поход в Аппалачи. Пожатия рук в кинотеатре. Мимолетные мгновения незатейливого счастья. Вся радость утекла куда-то, но когда-то... Когда-то радость была.

Грустная история — но кто из нас не знает друга или семьи, оказавшихся в подобной ситуации? Да, вино в чаше может превратиться в уксус. И все же кто может забыть, каким сладким оно было когда-то?

Сэм кивнул, вытирая стеклянный бокал:

— Теперь вы готовы рассказать нам?

Фицхью заворчал, словно его ударили. Он порыскал глазами по нашей маленькой группе и нашел меня.

— Это был не случайный пузырь, — ответил он, печально качая головой.

Я вздрогнул:

— Тогда как же...

— Я не знаю, какими исследованиями занималось мое «я» из снов. Я вспомнил достаточно мучительных отрывков, чтобы понять, что эти исследования лежали не в той области, что моя теперешняя работа. Но я помню один особенно яркий сон. Я сконструировал проектор хрононов.

Док Муни фыркнул, но Сэм только кивнул, словно он ожидал этих слов. Мора Лафферти наморщила лоб и спросила:

— Что такое «проектор хрононов»?

В голосе физика послышалось разочарование:

— Я не уверен. Некое устройство для возбуждения квантов времени, как мне кажется. В прошлом, разумеется. Впереди головной волны нет ничего — только пустота. Возможно, я хотел использовать его для того, чтобы предупреждать о торнадо и всяких катастрофах. Не знаю. Проектор был только прототипом, он мог испускать один хронон в некое место. Достаточно для того, чтобы создать рябь на поверхности пруда; недостаточно, чтобы закодировать сообщение. — Он опрокинул кружку, осушил ее и с силой стукнул о стойку. — Назовите его «кием», если хотите. Нечто, позволяющее посылать бильярдный шар в группу вчерашних хрононов, которые разлетятся наугад, рикошетом причин и следствий.

Вчера у меня не было занятий в университете, и я остался дома красить столовую. Я размышлял о переменчивом времени; моя рука была поднята. — Он поднял правую руку на уровень лица. — Должно быть, течение моих мыслей и моя поза каким-то образом согласовывались между собой, потому что в это мгновение я оказался стоящим в лаборатории перед неким огромным устройством и моя рука поворачивала переключатель, и я помню... Мы с Лизой поссорились из-за Ленни, и я помню... Я помню мысль о том, что если бы я послал хронон в тот момент времени, когда мы встретились с Лизой — в это время и место, — то смог бы создать возмущение в Море Дирака[1], смещение

[1] *Море Дирака* — теоретическая модель вакуума как бесконечного непрерывного моря электронов, предложенная британским физиком П. Дираком.

вероятностей, и... Всего этого никогда не было бы. Ничего. Ни душевной боли, ни брюзжания, ни мрачной злобы... — Он смолк.

Сэм подбодрил его:

— И...

— И я проснулся в чужом доме, в тишине, совсем один. — Он смотрел куда-то вдаль, и я не знаю, что он там видел.

Сэм положил руку ему на локоть:

— Тсс. Что бы ни принадлежало тебе, ты потерял это задолго до того, как повернул выключатель.

Фицхью схватил О'Догерти за руку и крепко стиснул ее:

— Но разве вы не понимаете? Я заодно потерял всякую надежду. Воспоминания о счастье, которое было до того; о пятилетнем мальчике с сияющими глазами, улыбка которого освещала комнату. Возможность того, что мы с Лизой могли бы справиться с этим. — Они с О'Догерти обменялись долгим взглядом. — Я обязан был предоставить ей эту возможность, верно? Я обязан был попытаться решить наши проблемы, а не избавляться от них, словно ничего этого никогда не было.

— *Разумеется,* — *подтвердил Сэм,* — *в плохом всегда* есть доля хорошего, и если ты избавляешься от первого, то теряешь и второе.

— У меня осталась только одна надежда, — сказал Фицхью.

— И какая же?

— Что Лиза — кем бы она ни была, на какой бы студенческой вечеринке, на каком бы занятии мы ни встретились — что в этом новом прошлом у нее была лучшая жизнь, чем та, которую я ей дал. Я цепляюсь за эту надежду крепко, как за щит, заслоняясь от своего преступления.

— Преступления? — переспросил Дэнни. — А в чем преступление?

Фицхью вытер глаза рукавом.

— Ленни. Он никогда не появлялся на свет. У него не было шанса вырасти из своего переходного возраста и стать лучше. Лиза где-то там. У Лизы есть... возможности. Но Ленни нет. Не было этого пятилетнего мальчика с блестящими глазами. И никогда не будет. Когда я изменил вре-

менной поток, я стер его. Я стер его жизнь: все надежды, и страхи, и ненависть, и радость... Все *возможности*, заключенные в нем. Разве это отличается от убийства?

Наступила продолжительная тишина.

Затем Фицхью оттолкнулся от стойки и не слишком твердо встал на ноги. Встревоженный профессор Картрайт подхватил его за локоть, чтобы он не упал. Фицхью оглядел нас:

— Но этого же не было, правда? Я не могу быть виноватым в том, чего никогда не было.

Первым заговорил Дэнни — медленно и с большей теплотой, чем я мог ожидать от него:

— А вы не можете построить еще один такой проектор хрононов, нацелить его обратно и исправить то, что сделали?..

Но он смолк, словно понял, каков будет ответ.

Фицхью устремил на него взгляд, полный муки:

— Нет. История состоит из случайностей. Нет никаких шансов, что произвольное возмущение нового прошлого воссоздаст оригинал. Вы можете разбить группу шаров на бильярдном столе прицельным броском. Но вы не можете собрать их снова другим броском.

Картрайт *проводил* его до дверей, а *остальные молча* смотрели на уходящего.

— Бедняга,— сказала Мора, когда он скрылся.

О'Догерти сильно постучал по кленовой стойке, словно проверяя ее на прочность.

— Все такое уязвимое,— произнес он, обращаясь преимущественно к себе самому.— Кто знает, может быть, сейчас на нас несется с ревом другая временна́я волна, могучее цунами, которое смоет нас всех?

В этот момент из задней комнаты вернулся О'Нил с раскрасневшимся лицом.

— Скорее Ирландия получит обратно Шесть графств[1], чем я доберусь до этого стола,— сказал он.— Пошли к дому, Мики.

---

[1] *Шесть графств* — Северная Ирландия, в которую входят шесть графств: Антрим, Арма, Даун, Лондондерри, Тирон, Фермана; термин используется северноирландскими республиканцами, выступающими за воссоединение Ирландии.

— Я потом тебя догоню, — ответил я ему. — Сегодня много народу, и Сэму нужна помощь не меньше, чем мне — наличные.

О'Нил покачал головой:

— О'Догерти, тебе нужен партнер, это я тебе точно говорю.

Сэм пожал плечами и подал ему прощальный бокал темного «Гиннесса».

— Может быть, когда-нибудь, — сказал он.

Я взглянул на фотографию на стене, где О'Догерти стоял, сложив на груди руки и скрестив ноги перед своим новым пабом; и мне показалось, сам не знаю почему, что с этой фотографией что-то не в порядке, словно там не хватает чего-то важного.

БРЮС СТЕРЛИНГ

Такламакан

Брюс Стерлинг (р. в 1954 г), журналист и писатель-фантаст, в 1980-е годы стоял у истоков киберпанка. Стерлинга всегда больше интересовало поведение того или иного общества, чем отдельного человека, а научная фантастика служила ему трибуной для политических дебатов и инструментом для научного образования. Интересно отметить, что полемические установки Стерлинга повлияли на массовую культуру и принесли ему широкую известность. Сейчас этот писатель — признанный голос своего поколения и активный защитник окружающей среды. Рассказы Стерлинга, разнообразные по жанру — от фэнтези до твердой научной фантастики, — составили несколько сборников: «Кристальный экспресс» («Chrystal Express», 1989), «Сверхразум» («Globalhead: Stories», 1994), «Старомодное будущее» («Good Old-Fashioned Future», 1999).

«Такламакан» — один из лучших рассказов 1990-х годов, написанный, возможно, под влиянием Брайана Олдисса. К тому же это произведение служит очередным доказательством того, что Стерлинг является потрясающим стилистом.

Предсмертные завывания ледяного ветра, терзавшего иссушенную землю, стихли до приглушенного шепота. Катринко и Пит Паук устроили лагерь в глубокой скальной трещине; их окутывала пушистая тьма. Пит слышал дыхание Катринко, поклацывание зубов. От подмышек бесполого существа веяло мускатным орехом.

Паук обернул наголо бритую голову спексом.

За пределами их уютного убежища по всей поверхности скалы десятками цепких глаз налипли плазмокамеры: сети восприятия, жадно улавливавшие происходящее вокруг. Пит коснулся кнопки спекса, вызвал мерцающее меню и выбрал режим внешнего наблюдателя.

Мерзким марсвом неуклюже отплясывала по ярдангам[1] летящая пыль. Над зловещим, высеченным ветрами пейза-

---

[1] *Ярданги (тюрк.)* — вытянутые вдоль господствующего ветра узкие, прямолинейные, с асимметричными крутыми склонами борозды (глубиной около 1 метра) и разделяющие их острые гребни, образующиеся в пустынях на поверхности глинистых и суглинистых или более плотных пород.

жем пустыни Такламакан точками-синяками светили миллионы звезд. Неспешно катился по небу полумесяц.

Эта центральноазиатская пустыня была самым заброшенным и диким местом на Земле, не считая Антарктики или, может быть, глубин Сахары (Пита никогда не посылали работать в эти места).

Паук отрегулировал параметры, прогнав изображение через множество ложных цветов. Записал серию искусных панорамных снимков, проставив на них код универсальной системы координат и зашифрованные дату и время, которые передавал проходящий мимо спутник-шпион НАФТА.

1/15/2052 05: 24: 01

Снимки Пит сохранил в плазмомозг. Эта модель представляла собой комок размером с грецкий орех, продукт нейрологической биотехнологии, старательно выращенный так, чтобы визуальные свойства ни в чем не уступали зрительной коре американского белоголового орлана. Никогда прежде Питу не доставалось такого качественного и дорогого фотографического оборудования.

Плазмомозг Паук хранил в паховом кармане.

Работа с новейшей шпионской техникой, созданной на федеральные средства, доставляла Питу глубокое тайное удовольствие. Подобная возможность — настоящая честь, за которую и умереть не жалко. Очередной разведснимок ледяного, пустынного Такламакана не имел тактического значения, но изображение, помеченное кодом и датировкой, подтверждало: Катринко и Пит дожидались подполковника в условленном месте в указанное время.

А тот опаздывал.

Пауку Питу за время их непродолжительного сотрудничества доводилось встречаться с боссом во многих местах. Крытая автостоянка в Пентагоне. Терраса ресторана в Кабо-Сан-Лукасе, где подавали блюда из морепродуктов. На пароме, идущем к Стейтон-Айленду. И никогда прежде подполковник не опаздывал больше чем на микросекунду.

Небо подернулось грязной белизной. Шипение, искры, вонь, крик, падение, гнусный грохот, тяжелая дрожь земли...

— Черт! — выругался Пит.

Подполковника они нашли к восьми вечера. Осколки посадочного модуля разметало на полкилометра.

Катринко и Пит привычно обшарили груду грязных, желтых, выветренных валунов. Их камуфляж ежеминутно менял цвет, подстраиваясь под пейзаж и освещение.

Пит приподнял маску, вдохнул разреженный, безжалостный, с металлическим привкусом воздух и произнес:

— Подполковник был молодчагой. Ни разу не пропустил стрелку.

Катринко полностью сняла свою маску и тщательно смазала губы и десны силиконовым составом от испарения. Голос ее прозвучал страшным подобием флейты, перекрывающей суровый ветер:

— Наверное, противокосмическая оборона засекла его радаром.

— Нет, если бы его сбили на орбите, он был бы размазан в лепешку. А тут что-то случилось на приземлении. — Пит указал на осколки потрескавшейся, охряного цвета скалы, которые раскидало по сторонам. — Видишь, как модуль хрякнулся? А загорелся он только после удара.

Катринко с непринужденностью геккона вскарабкалась на скалу высотой с трехэтажный дом. Осторожно касаясь регуляторов спекса, бесполая внимательно осмотрела место происшествия. Затем соскользнула вниз.

— Это ведь не был противовоздушный обстрел, верно? И перехватчики здесь ночью не летали?

— Да нет. Вот черт! Здесь же земли больше, чем в целом штате Делавар, а кругом — ни души!

Катринко подняла взгляд:

— Ну, Пит, что скажешь?

— По-моему, авария, — ответил Паук.

— Что?

— Несчастный случай. Секретные миссии чреваты множеством проблем.

— Например?

— Ну, скажем, перегрузкой и прочей фигней. Сбоями в системе. Может быть, подполковника вырубило.

— Ты думаешь, военный шпион, работающий на федералов, просто упал в обморок? — Катринко изящно поправила очкастый спекс шаровидными кончиками затянутых в перчатки пальцев. — А вообще-то, не важно. Подполковник не стал бы сам управлять космическим кораблем, верно?

Пит потер клейкий контур маски, чтобы вмятина на темной татуированной щеке престала зудеть.

— Знаешь, я тут прикинул... Скорее всего, он сам и управлял кораблем. Ведь подполковник был пилотом, у военных это очень престижно. Ручное управление в глубине Сферы при тайном вторжении во вражеский тыл... Если бы вернулся в Потомак, то было бы чем похвастаться.

Это печальное предположение не вызвало у бесполой явного негодования. Будучи одним из лучших градолазов в мире, Катринко могла оценить бессмысленный риск и лихачество.

— Нужно все внимательно осмотреть. — И, помолчав, добавила: — Хотя поломка очень серьезная...

Они снова загерметизировали маски. Главным дефицитом была вода, а проблемой — выдыхание пара. Внутри костюмов жидкость, выделяемая организмом, перерабатывалась и вновь пускалась в оборот, запас влаги пополнялся благодаря редким участкам инея. Тубы с пищевой пастой и концентрат с глайдера закончились целых три дня назад, и с тех пор Пит и Катринко ничего не ели. Но они не жаловались: держались за счет толстых пластов вживленного подкожного жира.

Градолазы переключились в режим уничтожения улик — скорее по привычке, чем в силу явной необходимости. Скрыть диверсионный модуль оказалось несложно: корабль-разведчик был невидим для излучения радаров и поддавался полному биологическому разложению. На пронизывающем ветру холодного Такламакана крупные обломки успели потемнеть, сделались хрупкими, точно сушеная саранча. Скрыть все следы не получится, но наверняка удается обхитрить воздушную разведку.

Подполковник был мертвее мертвого. Спустился с небес в полном силовом доспехе армии НАФТА — в стремительном, стенодробящем, мечущем молнии экзоскелете со всеми приспособлениями и приборами. Мощное, тщательно разработанное снаряжение, совершенно непохожее на гибкие волоконные приспособления, принадлежащие двум градолазам, фанатично преданным своему делу.

Но удар не пощадил ни силового доспеха, ни костей, крови и сухожилий, скрытых под защитной оболочкой.

Пит мрачно собирал в мешок куски покрупнее. Понимал, что подполковник был не очень хорошим человеком: вероломным, беспринципным карьеристом, возможно, даже сумасшедшим. И все же Паук искренне сожалел о кончине своего нанимателя, ведь именно недостатки подполковника подтолкнули его к тому, чтобы завербовать Пита.

К тому же жаль простодушную, ясноокую вдову и двоих рыжеволосых ребятишек, оставшихся в Огасте, Джорджия. Ни женщину, ни детей Пит не видел ни разу, но подполковник твердил о них беспрестанно, то и дело показывая фото. Босс был на пятнадцать лет моложе Пита Паука; розовощекий юнец испытывал настоящее счастье, раздавая пачки денег, безумные приказы и дорогостоящее разведоборудование людям, которым ни один здравомыслящий человек не доверил бы и сгоревшей спички. А теперь подполковник превратился в месиво внутри никому не нужных обломков в сердце холодной азиатской пустыни.

Катринко завершала поиски останков, а Пит острым как бритва лезвием алмазной кайлы колол сланец.

Доставив последний почерневший ошметок бывшего нанимателя, Катринко по-птичьи уселась на ближайший валун и задумчиво отщипнула кусок от навигационной панели разбившегося модуля.

— Знаешь, приятель, когда плазмомозг на панели подсыхает, он становится ничего на вкус — вроде походной смеси или печенья с предсказанием.

Пит хмыкнул:

— Ты бы еще подполковником закусила!

— А что, это мысль. Не пропадать же углеводам и протеинам...

Последним в импровизированную пирамиду положили покореженный сапог. Груда камней возвышалась здесь столетиями. Немного паутины и эпоксидного клея из-под ногтей больших пальцев — и сложенные камни стали прочнее кирпичной кладки.

Был день. Порядочный холод, ниже нуля... но в январе в Такламакане не бывает теплее. Пит вздохнул, отряхнул колени и локти от песка, потянулся. Уборка — самая тяжелая часть в работе градолазов, потому что ею приходится заниматься, когда запал уже прошел. Паук протянул Катринко конец волоконно-оптического кабеля, чтобы общать-

ся, не пользуясь рацией и не снимая масок. Подождал, пока бесполая подключится, и спросил через микрофон:

— Ну что, возвращаемся к глайдеру?

Катринко удивленно взглянула на напарника:

— С какой стати?

— Послушай, Тринк, единственного настоящего шпиона только что похоронили. А мы с тобой были просто у него на подхвате. Задание отменяется.

— Но мы же ищем громадную секретную ракетную базу, так ведь?

— Ну да, конечно...

— Мы же должны найти высокотехнологичный комплекс, вломиться туда, записать всю секретную информацию, не известную никому, кроме китайских бонз высшего эшелона! Дружище, это же не задание, а конфетка!

Пит вздохнул:

— Признаю, задачка любопытная, не всякому по зубам. Но я уже староват, Тринк, и предпочитаю не славу, а деньги.

Катринко рассмеялась:

— Но, Пит, пойми, это же звездолет! Может быть, там целая флотилия, разработки китайских шпионов и японских инженеров, припрятанные в пустыне!

Пит покачал головой:

— Бред сивой кобылы. Придумано нашим летуном, чтобы получить грант и новое назначение. Заскучал, сидя у себя за столом в подвале.

Катринко скрестила на груди гибкие жилистые руки:

— Пит, ты видел те же материалы, что и я! Спутниковые снимки, схемы транспортных потоков... Люди из Сферы задумали что-то серьезное!

Пит огляделся. Их спор под мрачным, запыленным небом среди глыб отшлифованного песком сланца казался невыносимо нереальным.

— Ну хорошо, согласен. Когда-то здесь действительно построили серьезный объект, но вряд ли рассказ подполковника заслуживает доверия.

— А что в нем такого уж невероятного? У русских еще сто лет назад была ракетная база в пустыне. В американских пустынях тоже полно секретной военной фигни и космодромов, а теперь в эту игру ввязались ребята из Азиатской Сферы. Все сходится.

— Нет, ничего не сходится. Сейчас космическая гонка никакого отношения к космическим кораблям не имеет. Чтобы долететь до ближайшей звезды, понадобится четыреста лет. Никто не станет финансировать масштабный военный проект с окупаемостью на четыре века. По крайней мере хитрые, повернутые на военной экономике азиаты точно решат не вписываться.

— Но что-то здесь все равно строится! Пит, послушай: нам нужно лишь разыскать комплекс, залезть внутрь и задокументировать какую-нибудь ерунду! Мы справимся, таким, как мы, не нужен начальник из федералов: мы и сами способны прокрасться в строение и сделать снимки! Это же наша работа, наш хлеб!

Подростковый азарт напарницы растрогал Пита. Катринко оказалась наделенной духом истинного паука-градолаза. Но все-таки ему было пятьдесят два, а значит, придется хотя бы изобразить благоразумие.

— Нужно волочь свои несчастные кости к глайдеру, и поживей! Дернем обратно через Гималаи, из Дели — в Вашингтон туристическим классом. Сольем информацию, расскажем, что с шефом вышло... по-любому, у нас доказательств немерено. Получим от федералов какие-нибудь денежки за сорвавшееся дело, нас попросят не высовываться... Сможем съесть по свиной отбивной.

Катринко упрямо напрягла хрупкие плечи под пузырями бородавчатого изолирующего камуфляжа. Слова Паука ее задели:

— Пит, меня не интересуют свиные отбивные! Мне нужен профессиональный прорыв, ясно? Надоела эта жалкая детская работенка: лазить по сайтам и забираться в офисы мелких боссов! Мне выпал шанс сорвать большой куш!

Питер потер маску затянутыми в перчатку пальцами.

— Пит, я вижу, что ты недоволен. Но ты же уже добился высот, стал градолазом, легендой, мастером!.. Теперь серьезный шанс выпадает и мне, а ты хочешь, чтобы мы закинули наши крючья за плечи!

Пит вскинул руку:

— Постой-ка, этого я не предлагал!

— Но ты же сказал, что уходишь! Оставляешь меня! Тебе даже не интересно, что там!

— Да нет же! — с нажимом произнес Пит. — Ты меня знаешь, Тринк! Я старый градолаз и из игры не выйду! А если и придется уходить, то, как минимум, постараюсь узнать, что именно оставляю!

Теперь темп задавала Катринко. Пит с удовольствием позволил напарнице вести. Продолжать задание без подполковника — дурацкая затея, зато нескучная, да и не такая уж глупая, если сравнить с возвращением домой, в Чаттанугу.

Градолазов, вроде Пита, просто так не отпускали. Однажды Паук все-таки попробовал завязать, пытался изо всех сил. Как раз после того провалившего дельца в Брюсселе. Получил нормальную работу на заводе орнитоптеров Лайла Швейка. Магнат, производивший спортинвентарь для миллионеров, был перед ним в долгу и постарался отплатить по-честному.

Однако слухи о том, что Пит когда-то считался лучшим градолазом, разошлись быстро. Тупорылые работяги, вместе с которыми приходилось трудиться, делали многозначительные намеки. Бывало, просили о так называемом одолжении. Даже пробовали круто наезжать. Оказалось, нормальные люди — это самый большой геморрой.

Питу больше нравилось тусоваться с «шизанутыми». С теми, у кого есть серьезные, глубокие интересы, кто готов полностью посвятить себя делу. А не просто стать мамой или папой, срубить деньжат и окочуриться.

У края гряды Пит и Катринко остановились, чтобы осмотреться. Паук раскрутил катушку с глазом-шпионом на конце и с самой верхней точки дуги, с высоты шестиэтажного дома, сделал панорамный снимок окрестностей.

Соединившись спексами, градолазы изучали изображение. Катринко пневельнула кончиком пальца и выделила участок ниже по склону:

— Вот какой-то след.

— Ты про ту расщелину, что ли?

— Тебе следует почаще бывать на природе, парень. Мы, альпинисты-энтузиасты, называем такие штуки дорогами.

К дороге Пит и Катринко приближались с профессиональной осторожностью. По моценой ленте обветренных шлакоблоков змеились струйки песка. Ее соорудили из

коксованного клинкера, образовавшегося в гигантских городских мусоросжигательных печах. Обитатели Сферы использовали для дорожного строительства материал, из которого давно выжгли всякую ценность.

Когда-то на шлакоблочной трассе было оживленное движение. То там, то тут попадались обрывки шин, глубокие колеи и ямки от столбов, там, где когда-то располагались дорожные знаки или наблюдательные посты...

Напарники шли, держась от дороги на почтительном расстоянии: опасались скрытых камер, проводов-ловушек, противопехотных мин и прочих неприятных сюрпризов.

Привал устроили в сухом русле реки, мост через которую был старательно разобран — остались лишь аккуратные гнезда в дорожном покрытии и схематичная арка в воздухе.

— Самое странное здесь — чистота, — заметил Нит. — Мы ведь на дороге, правильно? Должен же был хоть кто-то бросить пустую пивную банку, ботинок потерять, что ли?

Катринко кивнула:

— Наверное, роботы-строители делали.

— Ну да, кому же еще...

Катринко растопырила пальцы, обтянутые перчатками с шаровидными кончиками:

— Здесь поработала Сфера, а значит, должна была быть орда роботов, правильно? Наверное, так и строили трассу. Роботы ездили, перевозили тонны этого... в общем, того, что на них погрузили. А потом, когда проект закончился, забрали все мало-мальски ценное: будки, мосты — всё подчистую. Аккуратно, как в Сфере и работают... — Катринко обхватила колени руками, задумавшись. — Если найти в пустыне побольше земли и привлечь роботов, труд которых дешев настолько, что и не рассчитаешь, то можно так развернуться...

Да, на инструктажах Катринко времени даром не теряла. Нит повидал немало желающих стать градолазами, некоторых новичков даже сам натаскивал. Но только у Катринко имелись все задатки настоящего мастера: воля, физические данные, стойкий характер и даже мозги. Должно быть, труднее всего Катринко будет не попасть в тюрьму или морг.

— Наверное, тебе симпатична Сфера, а? Их стиль работы, например...

— Ну да, мне азиаты всегда нравились. У них еда не в пример лучше, чем в Европе...

Пит мгновенно прикинул: НАФТА, Сфера и Европа... Три сверхдержавы, всплески напряженной активности которых с частотой солнечных пятен то и дело вызывали пертурбации в составе марионеточных правительств Юга. За свои пятьдесят с лишним лет Питу доводилось видеть, как Азиатская Сфера Сотрудничества постоянно меняет имидж, повинуясь странному политическому ритму: по вторникам и четвергам — экзотическая курортная зона, по понедельникам и средам — непредсказуемый соперник, и ежедневно, включая выходные и праздничные дни, — основной торговый партнер.

В текущий политический момент Азиатская Сфера Сотрудничества переключилась в режим необъяснимой угрозы, фигурируя в новостях как главный экономический противник НАФТА. Насколько понимал Пит, события означали примерно следующее: кучка придурковатых североамериканских экономистов строила из себя крутых мужиков. Основная претензия сводилась к тому, что Сфера продавала в НАФТА слишком много красивых, дешевых и качественных потребительских товаров. Более глупого повода для войны не придумаешь. Но людям случалось идти на смерть по гораздо более страшным причинам...

На закате Пит и Катринко увидели гигантские предупреждающие знаки: огромные вертикальные постаменты из эпоксида и клинкера. Высотой с четырехэтажный дом, они были старательно испещрены надписями — угрозами и предостережениями, по меньшей мере на пятидесяти языках. Английский шел третьим.

— Радиоактивные отходы, — заключил Пит, бегло прочитав текст по спексу с расстояния два километра. — Свалка и ядерный испытательный полигон. Древние водородные бомбы красного Китая в самом сердце Такламакана. — Градолаз призадумался. — Да, лучше места не найти...

— Ерунда! — запротестовала Катринко. — Огромные предупреждающие знаки — это явный обман, чтобы люди держались подальше!

— Ну, было бы проще разрушить дороги после того, как увели строботов...

— Да нет, дружище... Типа... В общем, сейчас уже никто не будет встраивать в стену сейф, чтобы припрятать что-нибудь серьезное: у любого есть магнитометры, эхолокаторы и теплодетекторы...

Пит изучил окрестности, пользуясь режимом телефото на спексе. Напарники устроились на склоне холма, внизу случайный поток воды оставил большой аллювиальный веер отполированных песчаника и гальки. Здесь даже что-то росло: приземистая жесткая трава, жирные стебли которой напоминали пальцы мертвеца. Отвратительная флора не походила ни на один из видов растений, встречавшихся Питу прежде. Внезапно подумалось: может, трава жадно поглощает плутоний?

— Тринк, давай исходить из простых объяснений. По-моему, этот твой «гигантский звездолет» просто прикрытие для гигантской радиоактивной свалки.

— Может быть, ты и прав, — согласилась бесполая, — но все равно остается надежда, что попадутся побитые бочонки или бесхозные топливные стержни. А это уже серьезный политический скандал, так ведь? И доказательства эти дорогого стоят...

— Ха! — воскликнул Пит, понимая, впрочем, благодаря своему богатому опыту, что мусор нередко скрывает важные секреты. — А оно стоит того, чтобы потом в темноте светиться?

— А в чем проблема? — возразила Катринко. — У меня детей не будет, я об этом давно позаботилась. А у тебя и без того достаточно отпрысков.

— Допустим, — проворчал Питер.

Четверо детей от трех разных женщин... Немало времени прошло и немало сил было потрачено, чтобы понять: женщина, с первого взгляда запавшая на одного крутого сексуального бродягу, точно так же западет и на другого...

Катринко с лету принялась готовиться к заданию:

— Мы справимся, дружище! У нас есть камуфляж, дыхательные маски, и мы не пьем и не едим здесь, так что от радиации защищены надежно. Можно сегодня разбить лагерь у свалки, потом перед рассветом проскользнем и быстренько все осмотрим, сделаем фотографии — и уходим. Чистая работа. Классика! Никто не остановит, да и вокруг ни души. Проблем не возникнет. А вернемся до-

мой — будет что федералам показать. Может, даже что-то продадим...

Пит обдумывал ситуацию. Перспектива, в общем, недурная. Работа, конечно, грязная, но зато они выполнят задание. И еще, что ему нравилось больше всего, люди подполковника не станут посылать сюда другого беднягу.

— А потом вернемся к глайдеру? — спросил Паук.

— Да, потом к глайдеру.

— Хорошо, договорились.

На следующий день перед рассветом они накачались генными стимуляторами для спортсменов, сваренными в кишках специальных генноизмененных клещей, пребывающих в спячке под мышками у градолазов. Затем спрятали снаряжение и, подобно призракам, перелезли через огромную стену.

Проделав крошечное отверстие в крыше одного из серых полупогребенных ангаров, Пит и Катринко перевели глаз-шпион в жидкое состояние, чтобы он мог просочиться внутрь.

Взрывоустойчивые бочкообразные саркофаги, твердые и блестящие, словно полированный гранит. Каждый из громадных контейнеров для радиационных отходов не уступал в размерах грузовому танкеру. Они стояли мрачными рядами в непроницаемой темноте, молчаливые, точно сфинксы. Судя по всему, хранилищу обеспечена полная безопасность на двадцать тысяч лет вперед.

Снова сделав плазмокамеру жидкой, Пит вытащил устройство из дыры. Затем запечатал крошечное отверстие каменной пастой. Напарники соскользнули по заметенной песком крыше. На барханах виднелось множество следов ящериц. Пит несказанно обрадовался этим свидетельствам присутствия жизни.

Градолазы беззвучно перебрались через стену и вернулись к спрятанному снаряжению. Сняли маски, чтобы вновь поговорить.

Пит уселся за валуном, наслаждаясь наступившим после вторжения ликованием.

— Плевое дело! — объявил он. — Прогулочка!

Пульс восстановился, и, к немалой радости Паука, под ложечкой не ныло.

— А молодцы роботы, чисто выполнено!

Пит кивнул:

— Лучшего применения им не найти: обслуживание смертельно ядовитой свалки...

— Я сняла телефото этого района, — сообщила Катринко, — здесь нигде нет воды. Ни водокачек, ни трубопроводов, ни колодцев. Никому не выжить в пустыне без воды. Это место мертвее мертвого. И никогда здесь не было жизни. — Бесполая помолчала. — От начала и до конца — только строботы. Понимаешь, Пит, что это значит? Здесь еще не ступала нога человека. Кроме нас с тобой.

— Так за нами — первое вторжение! Чудесно! — ответил Пит, охваченный профессиональной гордостью.

Паук оглядел засыпанную галькой равнину, окружавшую обнесенный стеной участок, и нажал кнопку, оставляя в плазмомозгу последнюю серию снимков со спекса. Два десятка гигантских куполов, возведенных роботами-исполинами, действовавшими с тупой настойчивостью термитов. Казалось, раскинувшиеся купола примерзли к месту, их края подтаявшими ирисками вплавлялись в мелкие неровности пустыни. Эти конструкции со спутников, скорее всего, выглядят естественными образованиями.

— Давай не будем тянуть время, ладно? А то уже рентгеновские лучи мою ДНК по кусочкам разбирают.

— Тебя это так волнует, Пит?

Градолаз засмеялся, пожал плечами:

— Не все ли равно? Мы свое отработали, малыш. Давай обратно к глайдеру.

— Ну, ты же в курсе, что сейчас гены неплохо чинят... В лаборатории федералов тебя смогут заново собрать.

— Это ты про военмедиков? Обойдутся!

Поднялся ветер — дул резкими, короткими порывами. Сухой, леденящий, пропитанный обжигающими песчинками.

Внезапно от обнесенных стеной куполов донесся стон. Словно вдалеке кто-то дунул в горлышко бутылки...

— Это что еще за ерунда там? — тут же воодушевилась Катринко.

— Вот черт! — выругался Пит. — Начинается.

Пар вырывался из дыры в дне тринадцатого купола. Густой колючий кустарник мешал разглядеть отверстие

раньше, хотя именно он и мог бы навести на мысль, что поблизости лаз, будь напарники повнимательнее.

Возле отверстия пауки обнаружили троих покойников. Эти трое долотом и топором прорубили выход наружу и выбирались на волю через длинную узкую щель, оставляя на камнях кровь и обрывки кожи.

Первый погиб сразу же у выхода — должно быть, от изнеможения. Двоим выжившим после титанических усилий предстояло перелезть через стену высотой в четыре этажа.

Бедняги пробовали преодолеть преграду с помощью топоров, грубо скрученных веревок и чугунных крючьев. Для пары пауков-градолазов, с новейшими паутинами и точечными зажимами, стенка представлялась плевым делом. Напарники легко устроили бы здесь лагерь и еще арбузик скушали, но для двух изможденных беглецов в шерстяной и кожаной одежде и самодельных ботинках препятствие оказалось непреодолимым.

Один свалился со стены, сломав позвоночник и ногу. Второй решил остаться с раненым товарищем до конца и погиб от холода.

Все трое умерли давно, может быть год назад. Муравьи и легкая соляная пыль Такламакана сделали свое дело. Троица иссохших обитателей Сферы: черноволосых, кривозубых, со сморщенной смуглой кожей, в страшной, заляпанной кровью одежде.

Катринко протянула разъем своего кабеля, без умолку болтая под маской:

— Нет, ты глянь, приятель, какие у них башмаки! А что за рубахи — даже и не похожи на рубахи совсем!

— Зато парни были настоящими градолазами, — заметил Пит и бросил в прорубленное отверстие тягучее волокно глаза-шпиона.

Внутри купола номер тринадцать раскинулись джунгли мониторов. В основном микроволновые антенны. Верх купола был сделан не из прочного шлакобетона, как у других, а из какого-то прозрачного для радаров пластика. Внутри, как и в остальных куполах, оказалось темно; полную герметичность нарушили трое беглецов. От радиоактивных отходов ни следа.

Напарники обнаружили стоянку троицы, неутомимо рвавшейся на волю: сжигая последние свечи и масло, до-

едая остатки пищи, допивая жалкие глотки воды из кожаных фляг, соскабливая иней, чтобы раздобыть питье. А над ними вокруг — заросли спутниковых антенн и волноводов. Зрелище было Питу противно. Гадко. Но худшее еще поджидало их впереди...

Градолазы захватили весь комплект снаряжения. Затем проникли внутрь с вершины купола, где резать было проще всего. Запечатали вход изнутри, но не прочно — на случай внезапного отступления. Спустили на шнурах рюкзаки, затем спрыгнули сами на саморастягивающихся веревках. Оказавшись внизу, Пит и Катринко залепили отверстие паутиной и галькой, чтобы защититься от ветра и грязи.

Под куполом потеплело. Было влажно. На полу и стенах оседала испарина. Повсюду воняло чем-то странным. Будто дымом и грязными носками. Мышами и пряностями. Супом и сортиром. Домашняя вонь человеческого тела, исходящая из земных недр.

— Подполковнику наверняка понравилось бы, — прошептала по кабелю Катринко, оглядывая через спекс нагромождение машин в инфракрасном диапазоне. — Сюда бы взрывчатку — и в чьей-то автоматической системе был бы изрядный переполох...

Пит подумал, что в сложившейся ситуации нарваться на смерть проще всего. Охранная автоматика в его деле — главная опасность... правда, активные интеллектуальные системы сигнализации нередко убивали собственных владельцев. Простой инженерный принцип: хитроумные параноидальные устройства все время срабатывали ложно. То на белок, то на собак, а еще от ветра, града, землетрясений, от парней, забывших пароль в приступе спермотоксикоза... Если у охраны есть мозги и собственное мнение, то хлопот с нею не оберешься.

Но даже охранная система упустила здоровенную дыру, терпеливо вырубленную в куполе. Крепеж и датчики под толстым слоем грязищи и льда выглядели неважно. Утиль-сырье, явно непригодное к эксплуатации. А значит, кто-то от умных и параноидальных систем отказался. Достали, вот их и вырубили.

Рукотворный ход они обнаружили у подножия микроволновой вышки; лаз был завешен овечьей шкурой. Пит

спустил вниз глаз-шпион, всматриваясь в пробуренную шахту. Туннель был настолько широк, что мог поглотить автомобиль, и так глубок, что растянувшееся волокно камеры не доставало до дна.

Молча рванув торчащий из края пробоины чугунный крюк, Пит поставил на его место современный самоклеящийся якорь. Затем пропихнул внутрь саморастягивающуюся веревку и осторожно зафиксировал обвязку.

Катринко затряслась в нетерпении:

— Пит, я не могу больше ждать! Я пойду первой!

Пит пристегнул карабин к снаряжению Катринко, их спексы соединились через вплетенное в веревки оптическое волокно. Он хлопнул бесполую по плечу:

— Смелей, малыш!

Катринко сверкнула слетающей с перчаток паутиной и прыгнула вперед солдатиком.

Несостоявшиеся беглецы нашли применение установленным в туннеле тросам. Время от времени попадались керамические скобы, прижимающие кабель к каменной стене. Азиаты выкарабкивались наверх, от скобы к скобе, используя самодельные бамбуковые лестницы и железные крючья.

Катринко остановилась, отстегнула канат. Пит спустил рюкзаки и направился следом. Добрался до несущей распорки, перестегнул веревку и пропустил Катринко вперед, следя за продвижением папарницы по спексу.

Мрачное свечение у дна шахты. Ну наконец-то! Пит почувствовал, как его охватывает знакомое запредельное напряжение. Чувство накатывало с безумной силой. Страх, любопытство, страсть... жаркая волна — воровская горячка первоклассного взлома.

Точно сходишь с ума... нет, гораздо приятнее: он наконец-то чувствовал себя пробудившимся. Пита захлестнули потоки первозданной паучьей сути — желания слишком глубинные и расплывчатые, чтобы выразить их словами.

Свет в инфракрасном визоре Пита делался все жарче. Внизу кухонной мойкой сияла щербатая металлическая долина. Пришлепнув к стене туннеля пенную скобу, Катринко отвязала канат, отклонилась всем корпусом назад и опустила в расщелину тягучую каплю глаза-шпиона.

Руки Пита были заняты, а потому он не мог дотянуться до спекса.

— Ну, что видно? — Шепот градолаза передавался по кабелю.

Оглянувшись так, что едва не вывернула шею, Катринко прижала очки затянутыми в перчатки руками:

— Приятель, там такое!.. Молочные реки и кисельные берега!

Когда-то на месте пещеры была сплошная плита континентальной породы. Скалу пробурили изготовленной русскими установкой. Безводный колодец в обезвоженной стране. Затем какие-то уставшие, опаленные солнцем, преисполненные решимости оружейники коммунистического Китая загнали на самое дно сухой скважины водородную бомбу на сотню мегатонн. Когда же искусственное детище, злобным зверем угнездившееся в многослойных кожухах, полыхнуло синтезом, сейсмографы в далекой Калифорнии вздрогнули, точно перепуганные оленята.

После термоядерного взрыва в сердцевине безумного переплетения паутины из трещин и разломов остался гигантский газовый пузырь. Шар глубинной пустоты, девяносто лет таившийся под поверхностью пустыни в запредельной, жуткой тишине.

Затем новые повелители Азии отправили на дело иных, более утонченных подручных.

Пит заметил, как на далеких пологих стенках пещеры мерцают звезды. Белые созвездия — неделимые, целостные. А посреди вселенной, посреди гигантской, сладковато-влажной пустоты возвышались три огромных многогранника, три цилиндра на торцах, каждый с городскую высотку. Казалось, они висели в воздухе.

— Звездолеты, — пробормотал Пит.

— Звездолеты, — согласилась Катринко. В объединенном зрительном поле подключенных друг к другу спексов появилось меню. Пальцы Катринко пробежались по беспокойным искоркам на стенах. — Ты только погляди!..

— Что это?

— Термоподписи. Маленькие двигатели... — мир, отображенный в зрительном поле, совершил небольшой оборот, — а вот там сколько разной живности ползает! И те, большие, видишь, Пит? Похоже, охраняют!

— Роботы.

— Ага...

— Что они делают там, черт подери?

— Ну, приятель, я вот что думаю. Если посмотреть из какого-нибудь звездолета через вон те окошки, вернее, в иллюминаторы, то ярких звезд точно не увидишь. Открытый космос. Но у нас есть спексы, а потому все кругом мы видим насквозь. И знаешь что, Пит? Все это каменное небо просто кишит разной техникой.

— Ничего себе...

— Вот только никто в этих звездолетах не способен глядеть вниз. В глубинах пещеры происходит немало странного. На камнях и в расщелинах — океаны кипятка.

— Может, просто вода, а может, какое-то вонючее варево, химическое, — заметил Пит.

— Биохимическое варево.

— Автономная, самоконструирующаяся протеиновая биотехнологическая система. Строго запрещенная Манильским паритетным соглашением от две тысячи тридцать седьмого года, — заметил Пит. Эту фразу он выдал с завидной легкостью: все-таки за плечами было немало инструктажей, можно было отрепетировать.

— Настоящее море горячего, незаконного, самособирающегося дерьма!

— Ага. Того самого, с которым наши свихнувшиеся на секретных технологиях ребята играли в подземельях под Скалистыми горами последние десять лет.

— Ну, Пит, все немного обходят соглашения. В НАФТА мы хитрим, но от этого никакого вреда — все равно что гнать самогон. Но здесь — масштабно! И одному Господу известно, что скрывается в космических кораблях!

— Наверное, люди, малыш.

— Ага.

Пит медленно втянул влажный воздух.

— Да, Тринк, здесь все серьезно. Первоклассно, честно. Мы заработали на этом деле очки — да такие, что войдем в историю.

— Если намекаешь, что пора вернуться к глайдеру, — заметила Катринко, — то зря стараешься.

— Нам пора обратно, — настаивал Пит, — переправить фотографические доказательства, полученные сейчас. В этом смысл нашего задания. Нам за это платят.

— О-ля-ля!

— Кроме того, так патриотичнее, согласна?

— Наверное, будь на мне униформа, я поступила бы как патриотка, — заметила Катринко, — но бесполых в армию не берут. Я настоящий урод, свободный агент и не для того оказалась здесь, чтобы найти Шангри-Ла и сразу же отступить.

— Ну да, — согласился Пит, — понимаю.

— Я спускаюсь прямо сейчас, — произнесла Катринко, — подстрахуй меня!

— Ни за что, малыш. Теперь моя очередь идти первым.

Пит выбрался через безжалостно разломанную вентиляционную решетку и очутился на широком каменном потолке. Ему и раньше никогда не нравилось забираться на скалы. Сплошная гадость: естественные, никаких гарантированных инженерных спецификаций. С другой стороны, немалая часть жизни Пита прошла на потолках. А в потолках он разбирался.

Пробирался, ухватываясь за застывшие выступы лавы, пока не уперся в громадную трещину. Серия быстрых тычков кулаками, крепления из застывающей пены — и Пит привязался к якорю.

Медленно поставив ступни на потолок, старательно огляделся через спекс. Значительные участки потолочной скалы словно изъедены кислотой или иссверлены. В потустороннем инфракрасном освещении видно, что на самом деле три звездолета установлены на столбах. Большие полые колонны, ажурные, еле различимые, изготовили из черного и невероятно прочного материала, может быть даже из углеродных волокон. Внутри проходили водопроводные трубы и электрические силовые кабели.

Добраться по опорам до звездолетов проще всего. Правда, колонны неплохо просматриваются. Тут и на смерть нарваться недолго...

Пит понимал, что хотя он и невидим для стороннего наблюдателя, но инфракрасное излучение скрыть не удастся. Пожалуй, сейчас тысячи тяжеловооруженных роботов видят его не хуже, чем сияющую рождественскую елку. Но разве можно так долго держать в боевой готовности столько машин? И кто будет программировать их на наблюдение за потолком?

Напряжение мышц в плечах и спине стало ослабевать. Пит сжал и разжал кулаки несколько раз, чтобы разогнать кровь. Потом отстегнулся и стал спускаться на захватах. По пути обогнул поддельную звезду — громадную, горящую колбу размером с бельевую корзину. Вмурованная в гигантский каменный монолит, она мерцала холодным завораживающим светом светлячка. Наглая подделка отвлекла внимание Пита настолько, что тот промахнулся и нога повисла в пустоте. Левое плечо мерзко хрустнуло. С гулким выдохом Пит закрепил оба захвата и, пропустив карабин в ушко скобы, запыхавшийся, повис на тросе.

В поле зрения спекса появился палец Катринко, на что-то указывающий. Движение... Пит был не один!

Градолаз выпустил очередь светошумовых зарядов, замер, доверившись камуфляжу, и принялся выжидать.

Среди темных провалов фальшивых звезд к нему, покачиваясь и трясясь, приближался робот.

Ничего похожего Питу прежде не попадалось. Пористый, словно из пробки или пенопластика, покров. Слепой вырост головы, четырнадцать ломких лапок, словно спутанные пучки измочаленных бечевок, заканчивающихся невообразимо сложными ступнями, похожими на коробки с плоскогубцами. Свисая вверх тормашками с неразличимых неровностей потолка, конструкция открывала рот на большой бородавчатой голове, и оттуда мелькал раздвоенный сенсор, словно змеиный язык. Изредка создание прижималось к потолку.

Пит с убийственным хладнокровием наблюдал, как приспособление отпрянуло, приблизилось, повернулось вокруг своей оси, слегка подалось вперед, приклеилось к скалистому потолку, что-то решило про себя, переставило уродливые ножищи, подковыляло поближе, сбилось с мысли, отступило, принюхалось, задумчиво посасывая конец витого щупальца.

Наконец оно подобралось к градолазу и припало к потолку, оживленно слизывая оставленный паутиной химический след. Казалось, послевкусие эластомеровой перчатки на скальной породе заворожило робота. Так и завис, громко чмокая.

Пит рипулся с кайлой наперевес. Отточенное острие с чавкающим звуком вошло в пробкообразную голову штуковины.

Робот тотчас обмяк, да так и остался, пришпиленный к потолку. И вдруг с отвратительным стрекотом из брюха вылез целый комплект матово поблескивающих принадлежностей. Сложные датчики-языки, скребущие жвала, нежные шпатели — все это высовывалось из брюшных пазов и подрагивало.

Создание не собиралось умирать. Оно не могло умереть, поскольку никогда и не жило. Порождение биотехнологии, понятие смерти в котором не было заложено. Пит старательно фотографировал устройство, пока оно с тупым механическим упорством пыталось подстроиться под измененные параметры окружающей среды. Тогда Пит вытащил кайлу из потолка и стряхнул пробитого робота в глубину бездны.

Теперь Пит карабкался быстрее, стараясь щадить поврежденное плечо. Он методично прокладывал себе путь к относительно легкому участку вертикальной стены, где в созвездии Стрельца обнаружил огромную выработанную жилу. Жила оказалась гигантской змеевидной рецессией: из камня выбрали последние остатки руды. Судя по внешнему виду, скалу погрызла орда крошечных термитоподобных роботов со ртами, напоминающими маникюрные ножнички.

Пит послал Катринко сигнал по спексу. Бесполая двинулась следом по закрепленной веревке, остервенело таща один из рюкзаков. Когда Катринко устроилась в новом перевалочном лагере, Пит вернулся к вентиляционному отверстию забрать второй рюкзак. С трудом дополз обратно, чувствуя, как болит плечо и сдают нервы. На сегодня хватит: сил уже не осталось.

На входе в разлом Катринко поставила защитную сеть без излучения. Как только Пит вернулся в относительную безопасность, бесполое существо завернулось в саморастягивающиеся канаты и скормило им по порции сахара.

Пит распаковал две капсулы мгновенного пухообразователя и с облегчением погрузился в окутывающее его тепло.

Катринко сняла маску. Ее трясло от куража. «Молодость, молодость, — думал Пит, — и метаболизм на восемь процентов лучше, а все из-за отсутствия половых органов...»

— Теперь мы в такое впутались... — прошептала Катринко, распаленно улыбаясь в красном свечении единственной лампочки.

Ни мальчишка и ни девушка: вид сатанинский. Бесполое создание. Пит предпочитал думать о напарнице как о «ней», хотя на самом деле Катринко — «оно». Сейчас оно просто лучилось от счастья, поскольку оказалось в подходящей и приятной ситуации. Жестокое и яростное противостояние для нее, жестокой и яростной.

— Ну да, впутались,— признал Пит, прижал к локтевой вене жирного, накачанного медикаментами клеща.— Первая вахта — тебе.

Проснулся он через четыре часа, с замиранием сердца выныривая из глубин химически наведенного дельта-сна. Им овладели оцепенение и легкая сонная одурь, словно проспал четыре дня подряд. Совершенная беспомощность под воздействием лекарства... но риск того стоил: теперь удалось как следует отдохнуть. Пит уселся, проверил, как там левое плечо... Гораздо лучше.

Растерев лицо и голову, чтобы восстановить чувствительность, Пит снова надел спекс. Катринко сидела на корточках в сиянии собственного инфракрасного излучения, сосредоточенно разглядывая омерзительную мешанину хрящей, чешуи и слизи.

Пошевелив регуляторы спекса, Пит наклонился вперед:

— Ну, что у тебя там?

— Дохлые роботы. Жрали наши пенные скобы прямо с потолка. Посадют всё без разбору. Я прикончила тех, которые прорывались к нам в лагерь.— Катринко коснулась висевшей в воздухе панели меню, затем протянула Питу конец волоконного кабеля.— Смотри, какие получились снимки.

Во время вахты Катринко работала с плазмокамерой, выбирая снующих мимо роботов, испускавших излучение. Записывала изображения в инфракрасном спектре, а после редактировала самые впечатляющие кадры.

— Вот этих малышей, на круглых ножках, я назвала «шустряками» — мелкие, но быстрые и повсюду,— троих пришлось прикончить. А вот этот, с острым витым носом,— «сверлячок». Вот парочка «дубляков» — эти всегда передвигаются по двое. А та здоровая штуковина, похожая на разлитый кисель с большими глазами и шаром на цепи,— она называется «шатун», видишь, как ходит? С виду и не скажешь, что быстрый.

Катринко остановила воспроизведение спекса, переключилась в режим реального времени, осторожно поковырялась в останках у себя под ногами. Самое крупное устройство в этой груде напоминало препарированную кошачью голову, из которой торчали усы и провода.

— А еще пришлось прибить «блинника»... Кстати, непростое это дело, парень.

— И много здесь такой живности?

— Сотни, а то и тысячи! И все — разные. Каждая тварь тупее мусора. А не то они раз десять успели бы нас прикончить и выпотрошить.

Пит неотрывно разглядывал разобранных роботов — остывающую мешанину из нервов, аккумуляторов, покрытых прожилками защитных пластин и желе.

— Почему у них такой ненормальный вид?

— Потому что росли как придется. Никто их не конструировал. — Катринко подняла взгляд. — Помнишь те большие виртуальные пространства для оружейных разработок в Аламагордо?

— Аламагордо? Еще бы. Физические имитации, произведенные сверхкрупными квантовыми плазмомозгами. Потрясающие виртуалки, сверхскоростные со сверхточным разрешением. Да, Нью-Мексико я никогда не забуду! Люблю влезать в большие компьютерные лаборатории. Хакерство... это так традиционно...

— Ага... Понимаешь, мы, из НАФТА, физические симуляторы всегда оставляем на откуп военным каждый раз, когда кажется, что техника слишком опасная. Но допустим, кто-то не разделяет наши нафтианские ценности и не хочет тестировать новые оружейные системы внутри гигантских виртуальных конструкций. Предположим, кто-то задумал разработать новый консервный нож. — Во время вахты Катринко явно успела как следует поразмыслить. — Тогда можно изучить консервные ножи, придуманные другими, и постараться усовершенствовать их. Или же установить громадную мощную виртуалку и закачать в нее множество консервных банок. Потом разработать множество имитаций консервных ножей... правда, все это дерьмо собачье, если честно. Виртуальное дерьмо, качает данные и растет. Как только ему удается открыть банку, ты в награду имитациям делаешь с них новые копии. И в виртуальном про-

странстве ежедневно прогоняешь миллионы поколений миллионов консервных ножей, непохожих друг на друга.

Мысль показалась Пауку Питу знакомой.

— Ну да, мне рассказывали. Что-то вроде искусственного интеллекта. На бумаге, может быть, и гладко, но в реальной жизни ни за что не сработает.

— Верно, а сейчас еще и незаконно. Правда, засечь такое непросто. Но допустим, ты ведешь экономическую войну и думаешь, как это лучше сделать. И вот наконец удалось вырастить суперНож — такой, что ни одному человеку даже и в голову не придет. Потому что нож рос в совершенно чужой среде, сам по себе, как гриб. Но имеются все спецификации по форме и габаритам прямо здесь, в суперкомпьютере... А потому, чтобы создать нож в реальности, нужно его лишь распечатать, как фотографию. И все получается! Действует! Видишь? Моментальный и дешевый потребительский товар!

Пит обдумал услышанное:

— Так ты говоришь, что люди из Сферы осуществили эту идею?

— Я просто не могу себе представить, как иначе такое могло произойти. Эти существа появились без человеческого участия, в полной изоляции. Создать робота из студня, шерсти и веревок, который ползал бы, словно гусеница, — это и лучшим японским инженерам не под силу. Чтобы нанять человеческий мозг, способный такое выдумать, всех денег мира мало...

Пит ткнул кайлой в желеобразные останки.

— Похоже, ты права.

— Разработчики, кем бы они ни были, нарушили уйму договоров и правил. Но придумано очень дешево. Настолько, что выпадает из экономических рамок и именно поэтому противоречит всем правилам и договорам.

— Быстро, дешево и бесконтрольно.

— Именно, Пит. Если эти штуки вырвутся в реальный мир, то настанет конец всему, к чему мы привыкли.

Последняя фраза Питу совсем не понравилась. Он никогда не любил болтовню о конце света. Теперь такие слова нравились ему еще меньше: слишком похоже на правду. Из всех трех торговых блоков самое молодое и многочисленное население в Азиатской Сфере, да и идеи здесь тоже

юные и многочисленные. Люди Азии знают, как добиться своего.

— А знаешь, Лайл Швейк сказал, что сейчас самые странные велики делают в Китае.

— Точно. А помнишь электронные чипы, недавно сброшенные на рынок НАФТА? Дешевле грязи, работают отлично, но там немерено остаточных связей, они действуют в обратном направлении, все перепутано, контакты не сходятся... Мне казалось, рабочие напортачили. А оказывается, рабочие не имеют к этому никакого отношения!

Пит сдержанно кивнул:

— Ну ладно, с чипами и великами все ясно. Большие деньги. Но кто, черт подери, стал бы рыть в земле гигантскую яму, полную роботов и поддельных звезд? Точнее, зачем?

Катринко пожала плечами:

— Наверное, затем, что здесь — Сфера. Местные еще способны что-то делать из любви к искусству.

Дно мира бурлило. За прошедшее столетие в оставшейся после испытаний полости сформировался собственный водоносный слой — подземный оазис в непроницаемой темноте. Дно выемки превратилось в неземной затопленный лабиринт разбегающихся трещин и химических отложений, в кипящие лужи самособирающихся механизмов... Кислородные гейзеры в черном отваре плесени.

Над разломами мерно вздымались столбы пара, сгущаясь и стекая охлажденными ручейками по усеянным звездами стенам. Внизу, у дна, влагу жадно собирали отбившиеся от рук устройства, составленные из губок и полосок. Катринко незамедлительно окрестила их «ковалями» и «лохмачами».

«Ковали» и «лохмачи» были похожи на явившиеся из кошмаров мочалки и спагетти, с плюханьем переползавшие от трещины к трещине. Катринко с неожиданной легкостью давала имена незнакомым созданиям и фотографировала их. Хитрое лицо бесполого подростка светилось зловещей вдумчивостью: моментальная перенастройка на чужой игрушечный мир. Казалось, Катринко гораздо ближе к будущему, чем Пит.

Напарники карабкались от валуна к валуну, от одной залитой трещины к другой. Заметили свежие личинки роботов, прогрызавшие себе путь на волю сквозь слизь и ки-

сейные лоскуты биоткани. Настоящее сотворение мира в миниатюре в липких недрах обезумевшего китайского супермозга и воплощенное в реальность в горячем вареве неумертвимого механизированного белка. Самое удивительное явление из всех, что доводилось наблюдать Питу, и настроение Паука становилось все более мрачным. В этом мире знание — сила. Градолаза не покидала железобетонная уверенность в том, что это слишком сильный электрический разряд даже для него.

Пит был профессионалом. Мог похитить военные секреты сверхдержавы и остаться в живых. Рискованно, конечно, но по зрелом размышлении — обычная операция. Скажем, вроде ракетной базы: вот было бы интересно поработать на боевом полигоне...

Но здесь не было и намека на военный объект. Совершенно новые средства промышленного производства. Инстинкты подсказывали: наверняка техника, достигшая такого необычного уровня, не для шпионажа, спорта или войны. Здесь замешаны крупные бабки. Если просто обнаружить такое, то, может быть, и удастся выжить. А вот если раскрыть находку, то вряд ли...

Чудеса сильно напрягали. Но удивление пройдет, а вот размышления о последствиях всей этой затеи душили Пита. Может быть, и удастся выбраться отсюда целым и невредимым, но если передать снимки с диковинами напрямик шпионам из военразведки в Потомаке, то это к добру наверняка не приведет. Даже не представить, что сотворят власти предержащие с таким знанием. И становится не по себе при одной только мысли о том, что могут сделать за подобные снимки с ним.

Пит отер пот, ручьем стекавший за шиворот, точно в сауне.

— Получается, там или геотермическая энергия, или генератор синтеза, — предположила Катринко.

— Принимая во внимание обстоятельства, скорее геотермика.

Скала под захватами кишела живностью: «крадуны», «ползуны», «падальщики», «разборщики», «клеемазы», «резуны-мозгоседы»... Маленькие, крайне тупые устройства вроде сороконожек. Агрессивными они не казались, но присесть рядом с *этими штуками* наверняка означало бы смертельную ошибку.

Какая-то похожая на анемон тварь, с мордой наподобие лепестков ириса и длинными, точно хлысты, глазами, вдумчиво дегустировала башмак Катринко. Бесполая с воплем отпрянула к скале.

— Надень маску! — бросил Пит.

После разъедающего кожу холода Такламакана влажная жара казалась благословением, но трещины и впадины в большинстве своем воняли говяжьим рагу или паленой резиной, всевозможными побочными продуктами механического метаболизма. При одной мысли об этом в легких саднило.

Пит направил подернутый испариной спекс на ближайшую колонну углеродного волокна — к золотому свету иллюминаторов звездолетов, загоревшемуся над головой.

Первой двигалась Катринко. Беззащитная на фоне ажурных, словно плетеных, решеток. Чтобы не рисковать, делая две ходки, каждый тащил свой рюкзак.

Сперва подъем шел неплохо. Затем, подобно шестикрылой стрекозе, из тьмы явилась машина. Жалящий хвост высунулся из-за колонны, точно лягающая нога мула. От удара Катринко отлетела назад, прокувыркалась десять метров и повисла на последнем страховочном крюке, будто тряпичная кукла.

Летучая тварь описала в воздухе восьмерку, пытаясь своим псевдоразумом принять решение. Затем со звездного неба, дергаясь и колотя крыльями, прилетело более медлительное и крупное создание и накинулось на висящий рюкзак Катринко. Под частыми, как у венчиков маслобойки, взмахами когтистых крыльев рюкзак взорвался рождественской хлопушкой. В горячие пруды внизу драгоценным каскадом повалилось уникальное оборудование.

Катринко обессиленно дергалась, свисая на конце своей веревки. Вошедшая в раж стрекоза взлетела в вираже, чтобы ринуться на очередную атаку. Пит выпустил очередь светошумовых зарядов.

Мир взорвался вспышкой, жаром, сотрясением, тучами летящих ошметков. Невероятно горячая, грохочущая буря в замкнутом пространстве. Лучший способ волшебного исчезновения — отвлечение внимания, абсолютное, всепоглощающее, единственно возможное.

Пит подлетел к Катринко, словно воздушный шарик на тарзанке. Когда спустя двадцать семь секунд, наполненных яростным сердцебиением, он добрался до днища звездолета, обе саморастягивающиеся веревки сгорели.

Серебристый ливень ошметков привел тварей в неистовство. И вот уже на дне пещеры кишат механические призраки, мешанина из прыгунов, горбунов и скакунов. Краем глаза можно было наблюдать, как из глубин водоемов взмывают новые существа, подобно широким чешуйчатым зеркальным карпам, вверх, к падающей дождем рыбной подкормке.

Свой рюкзак Пит оставил у основания колонны. В этом мире поклажа обречена...

Резким рывком подлетела Катринко. Напарники приступили к восхождению по внешней стороне звездолета — без страховки. По неровной, грубой, каменистой поверхности, вроде пемзы или осиного воска.

Прильнули к нижнему краю чудовищного иллюминатора.

Там, неподвижные и обессиленные, напарники провели целый час. Катринко отдышалась. Ссадины на ребрах перестали кровоточить. Подождали еще час, пока вокруг их мирка мелькали летучие и ползучие призраки, повинуясь встроенным программам. Подождали еще один, третий час.

В конце концов райскую идиллию нарушила орда машин с бахромчатыми присосками и ободными колесами вместо голов. Выбрав спуск, роботы принялись зашпаклевывать его щедрыми порциями каменистой замазки, нашлепывая ее неутомимо и безжалостно.

Пит воспользовался представившейся возможностью, чтобы попытаться спасти утраченное оборудование. В рюкзаке оставались богатые дары федералов: интеллектуальные подслушивающие устройства, мощные плазмокамеры, датчики, детекторы, блоки, зажимы, захваты... и бесценные сосуды с программированной нейроплазмой. Пит пополз обратно по днищу звездолета.

Все давным-давно пропало. Даже саморастягивающиеся канаты были сожраны вереницами насущихся «шустряков». Крошечные механизмы еще сновали вокруг в черном кружеве колонн, вынюхивая и выцарапывая последние молекулярные следы, имея при этом весьма довольный вид.

Пит вернулся и растолкал напряженную, оцепеневшую Катринко. Дюйм за дюймом пробирались они по искривленному краю корпуса звездолета, высматривая, за что бы зацепиться. Теперь, лишившись лучшего снаряжения, они попали в серьезный переплет. Ну и пусть. Зато ясно, куда двигаться дальше, и при отсутствии выбора сознание Пита прояснилось. Им овладело неодолимое желание прорваться внутрь.

Он соскользнул в ненадежное укрытие глубокой выемки. Там валялись спутанные веревки. Сплетенные из мертвого органического волокна, чем-то напоминающего застрявшие в стоке раковины волосы. Заплеванная жвачкой роботов веревка совсем закаменела...

Находка принадлежала беглецам. Кто-то вырвался наружу, *пробил дорогу через корпус звездолета изнутри*. Подоспевшие роботы занялись починкой, осторожно перекрыв выход и оставив после себя уродливый окаменевший шрам.

Пит потянулся к сверлу плазмокамеры. Запасы сахара пропали вместе с рюкзаком. Без сахара, необходимого для метаболизма крошечного энзимного двигателя, устройство скоро умрет. И тут уже ничего не поделаешь. Пит прижал инструмент к корпусу звездолета, дождался, когда сверло проникнет внутрь, и запихнул глаз-шпион следом.

И увидел ферму. Сильнее его ничто не смогло бы поразить. Да, крестьянский двор, самый настоящий. Чистенькая, аккуратная фермерская земля под твердокаменным синим потолком, пересеченная лучами яркого света, заключенного в каменистом ковчеге звездолета. Там были рыбные рассадники с тростником по берегам. Канавы и деревянное колесо для поливки. Крошечный бамбуковый мостик. Лохматые заросли бахчи на жирном черноземе и аккуратные, без единого сорняка, поля красных карликовых злаков. И ни души.

Подползла Катринко, подключилась к кабелю.

— Ну, куда же все подевались? — поразился Пит.

— Все — у иллюминаторов, — закашлявшись, сообщила напарница.

— *По как же это? Отчего?* — спросил Паук.

— Из-за светошумовых зарядов, — оживилась Катринко. Побитые ребра все еще болели. — Собрались возле иллюминаторов, всматриваются в темноту. Выжидают.

— Но ведь прошло уже несколько несколько часов!

— Значит, новости оказались важными. Здесь так долго ничего не случалось!..

Пит кивнул, исполнившись яростной решимости:

— Ну хорошо. Тогда будем влезать.

Катринко успела как следует воодушевиться игрой:

— «Колпаки» используем?

— Слишком заметно.

— Кислоту и фибрилляторы?

— Потеряли вместе с рюкзаками.

— Значит, остаются лишь штык-канаты,— подвела итог Катринко,— у меня еще две штуки.

— А у меня — шесть.

Беспалая жизнерадостно кивнула:

— Шесть штык-канатов! Да ты словно на медвежью охоту собрался!

— Нравятся они мне,— проворчал Пит. Он был одним из разработчиков этого снаряжения.

Восемь минут и двенадцать секунд спустя они оказались внутри звездолета. Выдранный кусок осторожно приклеили на прежнее место и тщательно скрыли тонкие, с волос, разрезы.

Катринко шагнула в бамбуковую рощу. Камуфляж полыхнул зелено-коричнево-желтым так стремительно и непринужденно, что она совершенно скрылась из виду Пита. Помахала рукой — и детекторы форм на спексе очертили ее силуэт.

Пит приподнял спекс, чтобы увидеть, каким происходящее показалось бы невооруженному человеческому глазу. Но так ничего и не заметил. Катринко растворилась, оставив лишь мимолетное движение, словно взмах ресниц.

Теперь они в безопасности. Проскользнут через ферму в бутылке как пара призраков.

Они обшарили звездолет сверху донизу, высматривая опасности и необычные явления. Что-нибудь вроде рубки управления с азиатской техникой, или больших смертоносных роботов, или видеомониторов — что-нибудь, что подтвердит мастерство градолазов или прикончит их. Но ни на одном из тридцати семи ярусов не нашлось ничего подобного.

Все свое время пять тысяч обитателей посвящали фермерству. Экипаж звездолета составляло азиатское племя доиндустриальной эпохи. Мужчины, женщины, старики, дети...

Каждое утро местные крестьяне просыпались, едва оживала сеть проводов в потолке. Доили коз, кормили овец и каких-то странных, по колено ростом, двугорбых верблюдов-карликов. Срезали бамбук, забрасывали сети в рыбные садки. Рубили на дрова тамариск и тополя. Ухаживали за дынными плетями, растили сливы и коноплю. Делали спиртное, мололи зерно, варили кашу из проса, выжимали масло из рапса. Шили одежду из конопли, свежей шерсти и кожи, плели корзины из тростника и соломы. Ели много карпов.

И выращивали целые выводки цыплят. Кто-то извне поиграл с цыплятами не по-детски. Очевидно, это были какие-то космические сверхцыплята, побочный продукт лабораторных горе-опытов над куриной ДНК. Ежедневно курицы несли по пять-шесть бугорчатых яиц. Петухи были громадных размеров, всевозможных расцветок, очень вонялн и отдаленно походили на рептилий.

В самом звездолете царили мир и покой. Живность заунывно выла и клекотала, крестьяне что-то напевали себе под нос, вкалывая на крохотных круглых полях, ритмично постукивал без устали работающий насос, но не было слышно городского шума. Нигде — ни двигателей, ни экранов, ни массмедиа.

Денег тоже не было. Зато было несколько старцев, восседавших у стен громадного каменного зернохранилища под сенью цветущих слив. Колдовали с нанизанными на проволоку костяшками, что-то записывали на дощечках. А потом солдаты, а может, полицейские — ребята в грубой кожаной амуниции, с копьями — обходили сверху донизу десятки этажей. Вышагивая, словно полоумные, собирая оброк и унося его на закорках, раздавали другим.

Большинство странных седобородых старцев были придворными казначеями, но встречались и другие — в домотканой одежде, соломенных сандалиях и небольших блестящих шляпках, они сидели на ковриках по-турецки, неторопливо и подолгу обсуждая важные вопросы. Изредка что-то записывали на пальмовых листьях.

Изучению стариков в блестящих шляпках Пит и Катринко уделили особое внимание, поскольку считали их

местным правительством. Эти старики оказались единственными, кто не работал до изнеможения.

Пит и Катринко выбрали себе уютное место на крыше зернохранилища, одной из немногих постоянных построек внутри звездолета. В космическом корабле дождей не бывало никогда, а потому и крыш не требовалось. Ни разу на крышу зернохранилища не ступала нога человека. Очевидно, сама мысль о подобном поступке не укладывалась в головах местных жителей. А потому напарники похитили кувшины с водой, сделанные из бамбука, несколько домотканых ковров, шатер и устроили наверху лагерь.

Катринко изучала тщательно сделанную книгу ручной работы, которую прихватила в одном из местных храмов, — множество страниц, покрытых чужими письменами, нанесенными убористым почерком.

— Ну ни фига же себе!.. И о чем только пишет эта деревенщина?!

— Как мне кажется, — откликнулся Пит, — они фиксируют все, что только помнят о мире снаружи.

— Да ну?

— Ну да. Типа разведданные для своих правителей в звездолете... понятно? Ведь ничего другого они не знают: те, кто посадил их сюда, не передают никаких новостей. И уж точно, черт подери, не собираются выпускать.

Катринко внимательно пролистала жесткие, ломкие страницы книги. Местные жители говорили на одном-единственном языке. Ни Пит, ни Катринко даже не пытались понять этого наречия.

— Значит, перед нами — их история, верно?

— Их жизни, малыш. Прошлые жизни в то время, когда они населяли большой настоящий мир снаружи. Транзисторные приемники, ручные ракетометы... Колючая проволока, миротворческие операции, удостоверения личности. Верблюжьи караваны, приходящие из-за границы, с пушками и взрывчаткой. И крайне продвинутые китайские бонзы из Сферы, слишком занятые, чтобы разбираться с племенами вооруженных фанатиков.

Катринко внимательно посмотрела на градолаза:

— Звучит, как твое собственное описание мира снаружи, Пит.

Тот пожал плечами:

— Так и есть...

— По-твоему, люди здесь действительно считают, что находятся внутри настоящего звездолета?

— Думаю, это зависит от того, сколько им удалось узнать от тех ребят с веревками и крючьями, которые вырвались на волю.

Бесполая обдумала услышанное:

— А знаешь, что самое грустное? Иллюзорность и убожество всего этого. Кто-то из китайских федералов решил, будто этнических сепаратистов можно прижать к ногтю и выплюнуть в открытый космос, точно арбузные семечки... Приятель, вот это обман!

— Ну да, я смог бы на такое развести, — задумчиво произнес Пит. — Ты знаешь, малыш, как далеко от нас звезды? Примерно четыреста лет, вот сколько до них... Чтобы заставить людей отправиться к звездам, нужно закатать их в жестяную банку на четыре века. Но чем же они будут заниматься там все время? Разве что потихоньку крестьянствовать. Потому что такова суть звездолета. Он — оазис в пустыне.

— Значит, с одной стороны, желание поставить эксперимент со звездолетом в замкнутой системе, — заметила Катришко, — а с другой — куча религиозных фанатиков в азиатских чащобах, того и гляди норовящих подстрелить твою задницу... не желающих менять свой старомодный стиль жизни, хотя все кругом — такое из себя хайтековское...

— Ага... Полный комплект. Средства, мотивы и возможность.

— Понимаю. Но поверить не могу, чтобы кто-нибудь попытался воплотить эту схему в жизнь. Ну, то есть повязать этническое меньшинство и заточить в какую-нибудь богом забытую дыру с глаз долой. Невероятно!

— Я рассказывал тебе, что мой дедушка был семинолом? — спросил Пит.

Катришко покачала головой:

— Нет. А что это значит?

— Это одно американское племя. Все кончилось тем, что их загнали в болота. Семинолы Флориды. А может, дедушку просто так дразнили семинолом... Одевался он странно. Наверное, другим нравилось называть его индейцем. Иначе он был бы простым неграмотным придурком...

Катринко нахмурилась:

— Неужели то, что твой дедушка был семинолом, так важно?

— Думаю, да. Вот откуда мой цвет кожи... хотя сейчас это не имеет значения. Правда, дедушке было не все равно... Он то и дело нес околесицу. Его английский был так сложно понять... А вот когда требовалась помощь, он так и не появлялся.

— Пит... — вздохнула Катринко, — по-моему, нам пора отсюда выбираться.

— С какой стати? — не понял градолаз. — Мы здесь в безопасности. Местные нам ничего не сделают. Они нас даже не видят. Черт, да им и в голову не придет, что мы существуем. С таким-то тактическим преимуществом мы для местных — боги!

— Приятель, я все это знаю. Здесь живут такие же обычные, нормальные люди. И мне они не особенно нравятся. Они для нас не проблема. По правде сказать, у меня от местных мурашки по коже.

— Да брось ты! Люди здесь интересные. Эта мешковатая одежда, акустическое пение и подневольный труд... У них осталось то, что мы в своем времени утратили.

— Как это? — удивилась напарница. — В каком смысле?

— Сложно сказать, — признался Пит.

— В общем, что бы то ни было, это не очень важно, — вздохнула Катринко. — У нас большие планы, парень. Нужно прокрасться мимо кучи бешеных роботов снаружи, потом — в шахту, бегом обратно, четыре дня пути по ледяной пустыне, без рюкзаков. До самого глайдера!

— Но послушай, Тринк, здесь же еще есть два звездолета, в которые мы так и не влезли! Разве тебе не хочется посмотреть, кто там живет?

— Сейчас мне хочется в горячую ванну в четырехзвездочном отеле! — произнесла Катринко. — Ну и может быть, чтобы обо мне писали в заголовках больших международных изданий. Только обо мне. Было бы здорово, — усмехнулась она.

— А как же люди?

— Послушай, я не «люди», — отрезала Катринко. — Может быть, я говорю так, потому что бесполая, но я скажу тебе: мне и таким, как я, на людей плевать. Главное сей-

час — вернуться к глайдеру, причем в рабочем состоянии, чтобы выполнить задание и привезти данные на базу... Договорились?

— Ну что ж... давай сначала влезем еще в один звездолет.

— Пора уходить, Пит! Мы потеряли лучшее оборудование, подкожный жир скоро закончится... С этим не шутят, после такого не выживают!

— Но мы больше сюда не вернемся! Кто-то еще побывает в Такламакане, но мы, черт подери, ни за что сюда уже не попадем! Мы же градолазы, в конце концов!

Катринко сдалась:

— Только один звездолет?.. Не оба?

— Да, только один.

— Хорошо, договорились!

Роботы проворно заделали дыру, прорезанную напарниками в корпусе космического корабля. Чтобы создать новый выход, пришлось потратить еще два штык-каната. Потом Катринко двигалась впереди по каменному своду и дальше по углеродной колонне ко второму звездолету. Чтобы избежать надоедливого надзора роботов, напарники передвигались с гипнотизирующей медлительностью и большой осторожностью. А потому путешествие получилось изнурительным.

Второй корабль видал суровые дни. Корпус покрывали грубые потеки цемента, под которыми оставались погребенными длинные мотки спутанных высохших веревок. Отыскав слабое место, Пит и Катринко пробрались внутрь.

Звездолет оказался перенаселен. Внутри было шумно, воняло. Этажные перекрытия заполонили шумные базарчики, где торговали поделками, едой и выпивкой. Преступников наказывали так: приковывали цепями к горшку, а прохожие забрасывали их падалью. На жестокие петушиные бои, в которых сражались друг с другом ошпоренные птицы-мутанты, ростом с пса, все зрители приходили с ножами.

Местная архитектура оказалась более изощренной: трущобы, дворики, сырые переулки. Изучив четыре яруса, Катринко заявила, что ей это место знакомо. По ее словам, окружающая обстановка воспроизводила декорации попу-

лярной интерактивной игры из жизни средневековых самураев. Проектировщикам корабля явно требовалось воссоздать обстановку прединдустриальной средневековой Азии, а вот желания утруждать себя разработкой «с нуля» не было. А потому строботам ввели пиратскую копию игры.

В свое время звездолет щедро оснастили почти тремя сотнями боевых видеокамер. Очевидно, партийные бонзы поняли: тот факт, что они записывают преступление на видео, еще не означает возможности контролировать происходящее. Теперь все камеры-шпионы оказались выключены. Большинство сломали в приступе ярости. Некоторые пострадали при стычках. Безжизненные устройства забросили.

Непокорные аборигены трудились не покладая рук. Одолев камеры-шпионы, взялись за сооружение громадных корпусопробойников. Это были осадные машины, гигантские арбалеты из дерева, бамбука и конопляной пеньки. В корпусобойниках, старательно раскрашенных и увитых лентами, управляемых жестокими, агрессивными вожаками шаек с палками и широкими кожаными поясами, воплощалась народная воля.

Напарники смотрели, как старательно работала одна шайка над сооружением такого орудия. Женщины плели веревочные лестницы из волос и растительных волокон, а кузнецы выковывали крючья над горнилами, окутанными душным дымом. По всему было видно: беспокойным аборигенам удавалось вырваться из своей тюрьмы-звездолета не менее двадцати раз. И всякий раз их, точно скот в хлев, водворяли на прежнее место орды безумных, неутомимых машин. Но люди всё так же старательно готовились к новому побегу.

— Да, трудолюбия местным не занимать, — уважительно произнес Пит. — Поможем им, ладно?

— Как это?

— Ну, смотри: вот они пробиваются наружу. А у нас еще осталась куча «колпаков». Как только отсюда уйдем — нам они больше не понадобятся. И я предлагаю вот что: взорвать разом целую стену, чтобы все вырвались на свободу. А в суматохе и нам с тобой будет проще скрыться.

Мысль пришлась Катрипко по вкусу, но бесполой все равно приходилось играть роль адвоката дьявола.

— Ты действительно считаешь, что мы должны вот так, напрямую, вмешаться? Тогда наше участие заметят, разве нет?

— Никто за нами больше не следит, — ответил Пит. — Технократы решили поставить здесь масштабный лабораторный эксперимент. Но людей давно списали со счетов, а может быть, истратили весь свой грант на антропологические исследования. Об аборигенах начисто забыли. Давай устроим этим бедолагам праздник.

Напарники разместили заряды, укрылись на потолке и с радостью увидели, как взрывается стена.

Как только выровнялось давление, в межзвездное пространство, точно облако кровяных телец, порывом вихря вынесло пыль и опавшие листья. Взрыв заставил аборигенов буквально окаменеть на месте, но едва появились ремонтные роботы, как к людям вернулось мужество. Началось побоище, привычная неистовая суматоха, в которой колошматили крабов и нанизывали на пики губки. Женщины и дети бились с «крадунами» и «шустряками». Солдаты в кожаных панцирях сражались с машинами покрупнее, пользуясь для этой цели пиками, арбалетными стрелами и кувалдами, разбивавшими роботов.

Биотехнологические создания были крайне тупы, зато отличались безразличием к причиненным увечьям и совершенной неутомимостью.

Местные жители воспользовались представившимся шансом как нельзя лучше. Зарядили катапульту гарпуном и выстрелили в открытый космос. Целились в звездолет — третий, последний.

Оснащенный шипами наконечник соскользнул с корпуса. А потому оружие притянули назад под ругательства и безумные крики, пользуясь при этом гигантской бамбуковой лебедкой.

Все население звездолета ринулось в бой. Стены и перегородки сотрясались от яростного натиска. Роботы отступили перед численным превосходством. Пит и Катрипко воспользовались этой возможностью, чтобы выбраться через проем.

Быстро вскарабкались наверх, подальше от битвы.

Обитатели звездолета вновь выстрелили гигантскими гарпунами. На этот раз наконечник достиг цели и остался, подрагивая, в корпусе другого звездолета.

Потом к гарпуну выволокли ребенка — полуголого, с молотом и крючьями, опоясанного веревкой. На голове у него была корона из свечей, с которой капал воск.

Катринко оглянулась — и замерла.

Пит торопил напарницу, но и сам замер на месте.

Ребенок принялся старательно продвигаться вперед по дрожащему гарпунному тросу, протаскивая следом канат. На мальчика бросилась воздушная машина и упала, дергаясь, истыканная злобными арбалетными стрелами.

Пит был заворожен. Градолаз не понимал, насколько отчаянно положение малыша, пока не увидел, что тот готов пожертвовать жизнью. Пит встречал немало градолазов, рисковавших из-за безумия. Встречались и профессионалы, *наподобие его самого, для которых риск — плата за мастерство.* Но ни разу не приходилось быть свидетелем тому, как восхождение становится актом откровенного, отчаянного самопожертвования.

Мальчик-герой добрался до зернистого корпуса чужого звездолета и, ошалело размахивая молотком, принялся вбивать крючья. *От старательной работы замигала и поблекла* свечная корона. Мальчик действовал почти вслепую. Канул в непроницаемый мрак, вверяя себя судьбе.

Пит вскарабкался поближе к Катринко и проворно подключился к ее спексу:

— Нам пора, малыш. Сейчас — или никогда...

— Еще рано, — ответила Катринко, — я записываю события.

— Нам представился подходящий случай!

— Отправимся позже. — Катринко смотрела, как парящая пустота, точно стая летучих мышей, хищно приближалась к детским ногам. Повернула к Питу скрытое маской лицо; все тело бесполого существа свело от ярости. — У тебя еще остался штык-канат?

— Три штуки.

— Дай мне! Я должна ему помочь!

Катринко отвязалась, уверенно соскользнула по корпусу звездолета прямо на натянутую веревку. Для Пита оказалось совершенной неожиданностью, что Катринко, пригнувшись, поймала равновесие и понеслась по вибрирующему канату. Бесполое создание превратилось в гудящее

пятно, а местные жители испытали такое потрясение, что едва смогли поднять арбалеты.

Отовсюду вслед бегущей неслись стрелы, едва не изрешетившие перепуганного мальчика на противоположном конце каната. Затем Катринко прыгнула в никуда, расставив в стороны руки в перчатках и ножные захваты. Исчезла...

Поступок настоящего профи — Питу редко доводилось видеть подобное. Такое не забывается.

Сам Пит неплохо продержался бы на натянутом канате. Да, он имел опыт, у него было отличное чувство равновесия и реакция. В конце концов, он являлся профессионалом. И если того требовало дело, то смог бы пройтись по канату.

Но только не в полном снаряжении, с ножными захватами... Не по канату, кое-как держащемуся на чугунном гарпуне, сделанном в кузнице кустаря, не будучи тяжелее Катринко на двадцать килограммов. Не в разгар акробатических этюдов, которые выписывали летучие роботы. Не под шквалом стрел.

Пит уже давно не поддавался безумию настолько. Он решил добраться до Катринко более разумным путем. Он вскарабкается на звездолет, перейдет через потолок и залезет на соседний корабль — тот, что вдали. Тяжелая работа, часа на три — и то если повезет и ничто не будет угрожать.

Взвесив все шансы, Пит принял решение и приступил к делу.

Он как раз подоспел, чтобы увидеть, как Катринко деловито прокладывает себе при помощи штык-канатов дорогу внутрь третьего звездолета. Как только бесполая отодвинула в сторону вырезанную пластину, наружу вырвался сноп белоснежного сияния. На один смертоносный миг Катринко превратилась в призрачный силуэт в ярком свете, а камуфляж оказался совершенно бесполезен. Одежда трепетала в мощных порывах ветра.

Ребенок, карабкавшийся на звездолет, закрепился на стенке при помощи якоря и отвязал вторую веревку. Взглянул на неожиданно пробившийся сноп света и заверещал так пронзительно, что зазвенела целая вселенная.

Многочисленные родичи мальчика отреагировали инстинктивно — хаотичным потоком арбалетных стрел. В воздушном вихре они летели неверной, непрестанно меняю-

щейся траекторией, но их было много... Катринко прогибалась, увиливала и в конце концов скатилась внутрь космического корабля. Вновь исчезла.

Не задело ли ее? Пит поставил якорь, отвязался и попробовал радиосвязь. Но слабый сигнал не доходил без оставшихся в рюкзаке реле.

Пит упрямо продолжал карабкаться. Иного выбора не оставалось.

Через полчаса он закашлялся. В звездной космической полости стоял жуткий запах. Вонь исходила из захваченного корабля, мерно изливаясь из прорезанного отверстия. Смердело надолго закупоренными прелостью и гнилью.

Пит изо всех сил продолжал одиночное восхождение. Плечо сильно пострадало, и, что хуже, закапризничал спекс. Наконец градолаз добрался до прорезанного Катринко хода. Местные уже продвигались внутрь, перекинув прочный веревочный мост, который крепили к крупным болтами. Они размахивали факелами, копьями, арбалетами. Отбивались от неустанно наседающих роботов. По выражениям озверелой радости на лицах было ясно: этого момента дожидались давно.

Пит, оставаясь незамеченным, прокрался внутрь, в третий звездолет. На мгновение вдохнул кислую вонь и подался назад. Поменял фильтры в маске, вернулся.

Остывающее тело Катринко было пригвождено к потолку. Шальным выстрелом из арбалета пробило костюм, стрела пропзила левую руку. А потому бесполая, со свойственным ей благоразумием, проворно отступила к ближайшей стене, привязала себя к крепежной скобе и забилась поглубже. Кровотечение ей удалось остановить быстро. Несмотря на неудобство, даже смогла перевязать рану.

Но потом ее одолел зловонный воздух — исподволь, беззвучно.

Из-за побитых ребер и серьезной раны Катринко приняла подступившее головокружение за последствия шока. Когда ей стало плохо, она попыталась расслабиться и перевести дух. Роковая ошибка. Катринко по-прежнему виссла в своем укрытии — незаметная, невидимая, неживая.

Пит обнаружил: Катринко не одна. Погиб весь экипаж звездолета. Месяцы, а то и годы тому назад. Должно быть, внутри звездолета случился какой-то гигантский пожар.

Электрическое освещение еще действовало, автоматика исправно функционировала, но вместо людей в космическом корабле остались одни мумии.

У мертвого племени оказалась самая прекрасная одежда из всей когда-либо виденной Питом. Бо́льшую часть времени обитатели корабля явно проводили за вязанием и вышивкой. Трупы украшали всевозможные складчатые рукава и кружевные передники, плетеные пояса, лакированные заколки для волос, излишне изящные сандалии... Люди вместе со своими кошками, собаками и громадными петухами были чудовищно изуродованы в неумолимом аду, накрытые волной дыма, во время вспышки, за считаные минуты заполнившей собой корабль...

Случившееся было слишком сложным для простого геноцида. Пит представлял себе китайских партийных бонз порядочными людьми и технократами, исполненными благих намерений профессионалами. Однако вполне возможно, что здесь случилось массовое самоубийство. Но продуманное. Оставалось надеяться, что *происшедшее* — крайне неблагоприятный и довольно неудобный сбой в социальном эксперименте.

Хотя в Вашингтоне весь этот бардак, конечно же, назовут иначе. Нет хуже бардака, чем этнический. Пит не мог не заметить: послушные обитатели звездолета даже не удосужились повредить щедро расставленное по коридорам оборудование слежения. Но камеры были отключены, а звездолет уже мертв.

Воздух внутри сделался чище. По коридору тяжелой поступью вышагивали двое солдат из второго звездолета, старательно грабя трупы местных жителей. Более удачного случая не придумаешь. Мародеры ухмылялись с благоговейным восхищением.

Пит вернулся к мертвой напарнице. Снял камуфляжный костюм: батареи еще пригодятся. Тощее бесполое тело топорщилось подкожными карманами — большими выемками, заполненными последними в жизни Катринко средствами для побега. Избитые ребра опухли и посинели. Пит не мог оставаться с ней.

Он вернулся к отверстию в корпусе корабля, где обнаружил озверевшую толпу. Захватчики мчались по веревочному мосту и столпились, морща носы и оживленно покри-

кивая. С роботами они справились: попросту не хватило машин, способных противостоять целому рассвирепевшему племени. Интеллект искусственных созданий был недостаточно высок, чтобы одолеть сопротивление вооруженных организованных людей, разве что перебить всех, на что машины попросту не были рассчитаны. Чистая победа.

Ликующих победителей Пит разогнал при помощи светошумовых разрядов.

Затем аккуратно нацелился с края дыры, рванул тело Катринко на себя и отшвырнул далеко-далеко, и бесполая кувырком полетела в кипящие лужи.

Пит вернулся на первый звездолет. Обратный путь оказался тягостен; добравшись до цели, Паук почувствовал знакомую сильную боль в плече: последствия старой травмы. Обдумывая дальнейшие шаги, Пит скрывался среди ничего не подозревающего населения.

Здесь можно было прятаться до бесконечности. Камуфляжный костюм постепенно терял свой заряд, но Пит был уверен, что выживет и без снаряжения. На звездолете, как нигде, было много мест, являвшихся табу. Словно там висели знаки: «закрыто», «проход запрещен» — места давних распрей, кровопролития, оттуда доносились странные звуки или же странная, нагоняющая панику вонь.

В отличие от неистовой, безответственной толпы на втором звездолете обитатели этого корабля поверили в преподнесенную им сказку. В то, что их народ действительно оказался в глубинах космоса, направляясь к счастливому будущему на каменноозвездных небесах. Крошечное небесное гетто было полно странных предрассудков. В своем святом невежестве местные жители считали, будто от каждого их греха содрогается Вселенная.

Пит понимал, что следует попытаться доставить данные на глайдер. Именно этого захотела бы и Катринко. Умереть, но оставить после себя легенду — вполне в духе настоящих пауков-градолазов.

Но Пит с трудом представлял, как будет пробиваться сквозь взбунтовавшихся роботов, карабкаться по стенам с поврежденным плечом, а потом приступит к четырехдневному переходу через ледяную пустыню, да еще в одиночку. К тому же глайдеры не вечны. Разведмодели не рассчитаны

на долговременное пользование. Если к тому времени, когда Пит доберется до глайдера, у машины сядут аккумуляторы или окажется, что замечательный плазмомозг просто спекся, то Питу конец. Даже с полным комплектом снаряжения, в идеальном состоянии здоровья градолаз не питал иллюзий по поводу одиночного перехода через Гималаи.

Так к чему рисковать? В конце концов, подземное зрелище не такие уж свежие новости. Прошло уже несколько лет. Кто-то придумал, спланировал и осуществил свой замысел много лет тому назад. Большие люди с мозгами и достаточными возможностями знали о происходящем давно. Кто-то должен был знать. Пусть и не подполковник, безумный первопроходец военной разведки НАФТА, но все же...

Стоило Питу как следует задуматься об основных последствиях, как... Слишком большая работа, а отдача — невелика. В эту клетку заперто не так уж много людей. Тысяч пятнадцать от силы. В Азиатской Сфере, должно быть, найдутся десятки или даже сотни тысяч неассимилированных народностей. Вероятно, даже миллионы. Да и к чему останавливаться? Проблема, свойственная не только Азии. Всемирная. Непокорные племена, не могущие или не желающие играть по правилам двадцать первого века...

Сколько атомных испытаний провел красный Китай в глубинах Такламакана? Никто не удосужился организовать для Пита занятия по древней истории. А что, если звездный проект не просто красивая инсталляция? Что, если Сфера продала свой план Европе и НАФТА? Сколько заброшенных дыр оставалось там, сколько реликтовых шахт таилось в двадцать первом веке — в Южно-Тихоокеанском регионе, в Австралии, Неваде? Смертоносные отбросы давным-давно порушенного Армагеддона... Безмолвные свалки, на которые никто и не взглянет...

Конечно же, Паук способен напрячь все свои нервы и мускулы, чтобы заставить мир заметить происходящее. Но зачем? Не лучше ли сперва все обдумать?

Пит так и не смог признаться себе, что уже не хотел уходить.

По мере того как хватка отчаяния ослабевала, Паука все больше и больше интересовали местные. Жесткие границы, в которые умещались их жизни и их вселенная, и то, как

можно обдурить узколобых обитателей корабля, интриговало. Никогда жителям звездолета не случалось встречать сверхъестественное существо — прежде они лишь воображали себе подобные создания. Для начала Пит проделал несколько полтергейст-трюков просто от скуки. Прятал блестящие шапки седобородых старцев. Похищал манускрипты на пальмовых листьях из священных библиотек. Украл парочку абаков.

Но все это было детскими забавами.

Местные жители построили небольшой храм, святая святых. Разумеется, Пит поставил своей целью проникнуть внутрь.

В храме держали взаперти девушку. Красивую и немного безумную — именно благодаря *последнему* качеству она и оказалась идеальным кандидатом на роль Священной Храмовой Девы. Она была официальной Жрицей Храма первого звездолета. Очевидно, скромные селяне могли позволить себе лишь одну-единственную внушающую благоговение Верховную Деву-Жрицу. Но поскольку обитатели корабля были людьми практичными, то довольствовались тем, что имели.

Верховная Жрица была миловидной молодой женщиной и вела до отвращения сладкую жизнь. У нее имелись личные служанки, гардероб ритуальных одеяний и прическа, на сооружение которой требовалось немало времени. Всю жизнь Верховная Жрица посвящала крайне сложным и абсолютно бесполезным ритуальным действиям: возжигание благовоний, посыпание пудрой идолов, омовения, очищающие обряды, земные поклоны, бесконечные песнопения, нанесение знаков на запястья и щиколотки... Святая и совершенно сумасшедшая, так что за ней наблюдали с постоянным и непреходящим интересом. Она была всем для обитателей корабля. Именно Жрице приходилось совершать множество сумасбродных, неприятных поступков, чтобы избавить от этой необходимости прочих. Все, что имело отношение к Жрице, было предрешено.

Пит в общем-то восхищался Святой Храмовой Девой. Вполне в его вкусе, да к тому же чувствовалось подлинное родство душ. Единственная обитательница звездолета, в обществе которой Пит был в состоянии проводить свое время.

После продолжительного наблюдения за девушкой и ее действиями Пит явился перед ней. Сперва она запаниковала. Затем попыталась убить градолаза, разумеется безуспешно. Когда же Дева-Жрица поняла, что перед ней неимоверно могучее волшебное существо, совершенно не похожее на сородичей, она принялась кататься по полированному полу Храма, разрывая на себе одеяния и громогласно причитая от нескрываемого ужаса-надежды на то, что ее смертельно, неописуемо осквернят.

Пит оценил привлекательность подобной фантазии. Будь он помоложе, пожалуй, склонился бы к дьявольскому порабощению. Но теперь он повзрослел. И с трудом представлял себе, как подобное смогло бы улучшить ситуацию или же внесло хоть какое-то ощутимое разнообразие.

Они так и не выучили наречия друг друга. И ни разу не сливались — ни физически, ни мысленно, ни эмоционально. Но в конце концов им удалось найти статус-кво, при котором оба могли находиться в одном помещении, безмолвно изучая друг друга и безуспешно пытаясь постичь происходящее в чужой голове. Порой они даже вместе лакомились яствами.

Вот и весь контакт, которого Пит сумел достичь за всю историю знакомства с этим невероятно далеким племенем.

Пит и представить себе не мог, что звезды погаснут.

В табуированной местности звездолета он вырыл себе демоническое логово. Изредка прорубал окно, сводя на нет ремонтные работы роботов, и устраивал незаметные прогулки по искусственному космосу. Такие вылазки странным образом успокаивали. Были у него и другие мотивы для подобных экскурсий. Небезосновательное опасение, что обитатели второго звездолета каким-то образом проберутся, отыщут пути сюда и разгуляются в неистовой расистской вакханалии грабежа, убийства и насилия.

Но жителям второго космического корабля хватало других забот: роботы. Любая победа над кипящим плазмомозгом и его кошмарными орудиями могла быть только временной. Подобно грязевому оползню, эти штуковины огибали любые преграды, вписывались в каждую возможность эволюционировать и постоянно, неутомимо рвались вперед.

После сокрушительного поражения кипящие производственные чаны вступили в стадию биомеханического перепроизводства. Прежний режим оказался свергнут. Ни о каком равновесии не могло быть и речи. Машины вернулись к эпохе кибернетической мечты. Не было ничего невозможного. Звездные стены росли будто на дрожжах и толстели от бурлящей массы тюремщиков нового поколения. Атаку второго звездолета вновь отбили — еще одно горькое, неожиданное судьбоносное унижение. Осужденная отчизна превратилась в смехотворный бетонный ком. Пропали даже иллюминаторы, безжалостно запечатанные механической слюной и слизью. Живая могила.

Пит полагал, что это достойное завершение работы. В конце концов, первые конструкторы системы имели в виду явное соответствие проекта нынешним параметрам.

Но система не могла больше ограничиваться человеческими планами.

Когда Питер выглянул в иллюминатор и заметил, как гаснут звезды, то понял: шансов нет. У них воруют звезды. Кто-то приватизирует энергию.

Пит вышел из звездолета. Небеса снаружи точно сорвались с цепи. По скалистым стенам кочевала неописуемая орда каких-то созданий: подпрыгивающих, ползущих, прячущихся, спускающихся на липких канатиках паутины, — направляющихся в зенит звездного небосклона.

К запредельному. На волю.

Пит проверил залежавшиеся ножные захваты и перчатки, а после без колебаний присоединился ко всеобщему исходу.

Ни одно из созданий его не потревожило. Теперь градолаз стал своим. Обронешное снаряжение было поглощено искусственными существами и открыло перед ними новые двери эволюции. Если можно вывести консервный нож, то точно так же, методом селекции, — и альпинистский крюк, и кайлу, и подъемные клещи, и карабин. Рюкзаки Пита и Катринко были набиты плодами человеческого гения. И цель у всего этого была одна — ВВЕРХ. Подняться... Вверх — и на волю.

Неземной пейзаж Такламакана превратился в декорации войны роботов. Здесь раскинулась механическая прерия мутаций: существа бегущие, ползущие, кусающие, пры-

тающие. И огненные столпы: военные спутники Сферы. С настоящих небес низвергались лучи, потоки невидимой энергии, взметающие гейзеры пылающей пыли. Предсмертный кошмар биоинженера. Разумный и независимый ад. Такое не убьешь и не спрячешь. И не выжжешь с достаточной быстротой. Если только не разломать купола хранилищ и не развеять древний мусор по поверхности земли.

Подобно персту Господню, над горизонтом прошел луч, сметая все на своем пути. В небе и на земле кишели летучие твари, жужжа, кувыркаясь, размахивая крыльями... Под луч попала крупная машина и ринулась к земле штопором, словно многотонная кленовая крылатка. Отлетела от купола хранилища, перевернулась, подобно агонизирующему акробату, и приземлилась под Питом Пауком. Тот сжался в камуфляжном костюме, записывая происходящее.

И почувствовал на себе ответный взгляд. Это был не простой робот, а автоматический репортер. Ярко раскрашенная суперсовременная модель. Европейский сетевой беспилотник, нагруженный камерами, как медиамагнат коктейлями. Несмотря на силу столкновения, машина не погибла. Она просто не собиралась умирать. Смерть просто-напросто не входила в ее программу. Робот без труда выявил наблюдателя. Человек представлял собой интересный сюжет. Камеры записывали.

Всматриваясь в холодное весеннее небо, Пит заметил: журналистское устройство явилось в компании себе подобных.

Робот пьяно нарезáл неверные круги, взяв Пита в центр спиралевидного фокуса. Затем выставил многозубчатую конечность и обстоятельно выплюнул в небеса и клокочущую бездну всемирной паутины каждое из освидетельствованных им чудес.

Пит поправил маску и камуфляж, чтобы выглядеть нормально.

— Черт! — выругался градолаз.

Содержание

Грег Иган. КОВРЫ ВАНА. *Пер. Н. Фроловой* 5
Пол Андерсон. ГЕНЕЗИС. *Пер. О. Мартынова* 50
Нэнси Кресс. ИСПАНСКИЕ НИЩИЕ. *Пер. Н. Ибрагимовой* . 173
Грегори Бенфорд. КОНЕЦ МАТЕРИИ. *Пер. Т. Казаковой* . . . 251
Роберт Рид. МОЗГ. *Пер. О. Ратниковой* 302
Джоан Слончевски. МИКРОБ. *Пер. В. Двининой* 368
Ким Стэнли Робинсон. ПОЛОВОЙ ДИМОРФИЗМ.
Пер. М. Пчелинцева 384
Роберт Сойер. ПЛЕЧИ ВЕЛИКАНОВ. *Пер. Т. Белкиной* 405
Джеффри Лэндис. ВДОГОНКУ ЗА СОЛНЦЕМ.
Пер. М. Савиной-Баблоян 425
Джо Холдеман. ПОСВЯЩАЕТСЯ БЕЛОЙ ГОРЕ.
Пер. О. Мартынова 445
Брайан Стэблфорд. КАРЬЕРА НА ПОПРИЩЕ
СЕКСУАЛЬНОЙ ХИМИИ. *Пер. В. Двининой* 494
Пол Макоули. РИФ. *Пер. А. Новикова* 516
Хол Клемент. СКОРОСТЬ ОБМЕНА. *Пер. Г. Соловьевой* . . . 554
Аластер Рейнольдс. ВЕЛИКАЯ СТЕНА. *Пер. О. Ратниковой* . 624
Стивен Бакстер. ПАУТИНКА. *Пер. В. Двининой* 677
Джеймс Хоган. МАДАМ БАТТЕРФЛЯЙ. *Пер. В. Двининой* . . 698
Карл Шрёдер. ГАЛО. *Пер. Г. Соловьевой* 720
Дэвид Лэнгфорд. ИНАЯ ТЬМА. *Пер. Б. Сидюка* 742
Дэвид Брин. ПРОВЕРКА РЕАЛЬНОСТИ. *Пер. А. Новикова* . 754
Майкл Флинн. ДОМ НА ПЕСКАХ ВРЕМЕНИ.
Пер. О. Ратниковой 758
Брюс Стерлинг. ТАКЛАМАКАН. *Пер. Адама Асвадова* 779

"Genesis" by Poul Anderson. Copyright © 1995 by Poul Anderson. First appeared in *Far Futures*, edited by Gregory Benford.

"Gossamer" by Stephen Baxter. Copyright © 1995 by Stephen Baxter. First published in *Science Fiction Age*.

"Matter's End" by Gregory Benford. Copyright © 1991 by Abbenford Associates. First published in *Full Spectrum 3* (Doubleday Foundation). Reprinted by permission of the author.

"Reality Check" by David Brin. Copyright © 2000 by David Brin. Reprinted by permission from *Nature*, Vol. 404, p. 229. Copyright © 2000 Macmillan Magazines, Ltd.

"Exchange Rate" by Hal Clement. Copyright © 1999 by DNA Publications, Inc. First appeared in *Absolute Magnitude*, Winter 1999.

"Wang's Carpets" by Greg Egan. Copyright © 1995 by Greg Egan. First appeared in *New Legends*, edited by Greg Bear.

"Built upon the Sands of Time" by Michael Flynn. Copyright © 2000 by Michael Flynn. First appeared in *Analog*, July/August 2000.

"For White Hill" by Joe W. Haldeman. Copyright © 1995 by Joe W. Haldeman. First appeared in *Far Futures*, edited by Gregory Benford.

"Madam Butterfly" by James P. Hogan. Copyright © 1997 by James P. Hogan. First appeared in *Free Space*.

"Beggars in Spain" by Nancy Kress. Copyright © 1991 by Nancy Kress. First appeared in *Asimov's Science Fiction*, April 1991.

"A Walk in the Sun" by Geoffrey A. Landis. Copyright © 1991 by Geoffrey A. Landis. First appeared in *Asimov's Science Fiction*, October 1991.

"Different Kinds of Darkness" by David Langford. Copyright © 2000 by David Langford. First published in *Fantasy & Science Fiction*, January 2000.

"Reef" by Paul J. McAuley. Copyright © 2000 by Paul J. McAuley. First published in *Skylife*, edited by Gregory Benford and George Zebrowski. Reprinted by permission of the author.

"Marrow" by Robert Reed. Copyright © 1997 by Robert Reed. First published in *Science Fiction Age*, July 1997. Reprinted by permission of the author.

"Great Wall of Mars" by Alastair Reynolds. Copyright © 2000 by Alastair Reynolds. First published in *Spectrum SF*. Reprinted by permission of the author.

"Sexual Dimorphism" by Kim Stanley Robinson. Copyright © 1999 by Kim Stanley Robinson. First appeared in *Asimov's Science Fiction*, October/November 1999.

"The Shoulders of Giants" by Robert J. Sawyer. Copyright © 2000 by Robert J. Sawyer. First appeared in *Star Colonies*.

"Halo" by Karl Schroeder. Copyright © 1996 by Karl Schroeder. First appeared in *Tesseracts 5*.

"Microbe" by Joan Slonczewski. Copyright © 1995 by Joan Slonczewski. First appeared in *Analog*, August 1995.

"A Career in Sexual Chemistry" by Brian M. Stableford. Copyright © 1987 by Brian M. Stableford. First appeared in *Interzone*, Summer 1987.

"Taklamakan" by Bruce Sterling. Copyright © 1998 by Bruce Sterling. First published in *Asimov's Science Fiction*, October/November 1998.

П 34 **Научная** фантастика. Возрождение: Антология / Пер. с англ. Адама Асвадова, Т. Белкиной, В. Двининой и др. — СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2008. — 832 с.

ISBN 978-5-91181-816-6

Впервые под одной обложкой блистательная коллекция лучших научно-фантастических повестей и рассказов последних лет!

Самые характерные и яркие произведения таких мастеров, как Пол Андерсон, Джо Холдеман, Хол Клемент, Стивен Бакстер и многих других, представлены на страницах новой антологии серии «Лучшее»! Путешествия во времени и пространстве, освоение *далеких миров, торжество научно-технического прогресса и коварство* неожиданных открытий — возрождение всех этих традиционных для научной фантастики тем порадует истинных поклонников жанра. Современное воплощение классических идей и сюжетов не оставит равнодушными ценителей достойной прозы.

Многие произведения впервые публикуются на русском языке!

Литературно-художественное издание

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА ВОЗРОЖДЕНИЕ

Руководитель проекта Денис Лобанов
Ответственный редактор Марина Смелкова
Редактор Татьяна Бурмыкина
Художественный редактор Александр Золотухин
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Корректоры Ирина Киселева, Наталья Хуторная, Татьяна Никонова, Людмила Ни
Верстка Алексея Соколова

Директор издательства Максим Крютченко

Подписано в печать 28.02.2008
Формат издания 84 × 108 $^{1}/_{32}$. Печать офсетная.
Гарнитура «Петербург». Тираж 10 000 экз.
Усл. печ. л. 43,68. Изд. № 816. Заказ № 8179.

Издательский Дом «Азбука-классика».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192. www.azbooka.ru

Отпечатано по технологии CtP
в ОАО «Печатный двор» им. А. М. Горького
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

ПО ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ КНИГ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЗБУКА» ОБРАЩАЙТЕСЬ:

Торговый Дом «Азбука»

Санкт-Петербург:

ул. Решетникова, 15

Почта: 196105, Россия, Санкт-Петербург, а/я 192

Тел.: (812) 327-04-56, факс: (812) 321-66-60

E-mail: **office@azbooka.spb.ru**

Москва:

Старопетровский проезд, д. 7а, стр. 19

Почта: 125130, Россия, Москва, а/я 91,

тел./факс (495) 627-57-28

info@azbooka-m.ru

Информация о новинках и планах, а также условия сотрудничества на сайте

www.azbooka.ru

В

первые под одной обложкой лучшие научно-фантастические повести и рассказы последних лет!

Самые характерные и яркие произведения таких мастеров, как Пол Андерсон, Джо Холдеман, Хол Клемент, Стивен Бакстер и многих других, представлены на страницах новой антологии серии «Лучшее»!
Путешествия во времени и пространстве, освоение далеких миров, торжество научно-технического прогресса и коварство неожиданных открытий — возрождение всех этих традиционных для научной фантастики тем порадует истинных поклонников жанра. Современное воплощение классических идей и сюжетов не оставит равнодушными ценителей достойной прозы.
Многие произведения впервые публикуются на русском языке!

ISBN 978-5-91181-816-6
9 785911 818166
www.azbooka.ru